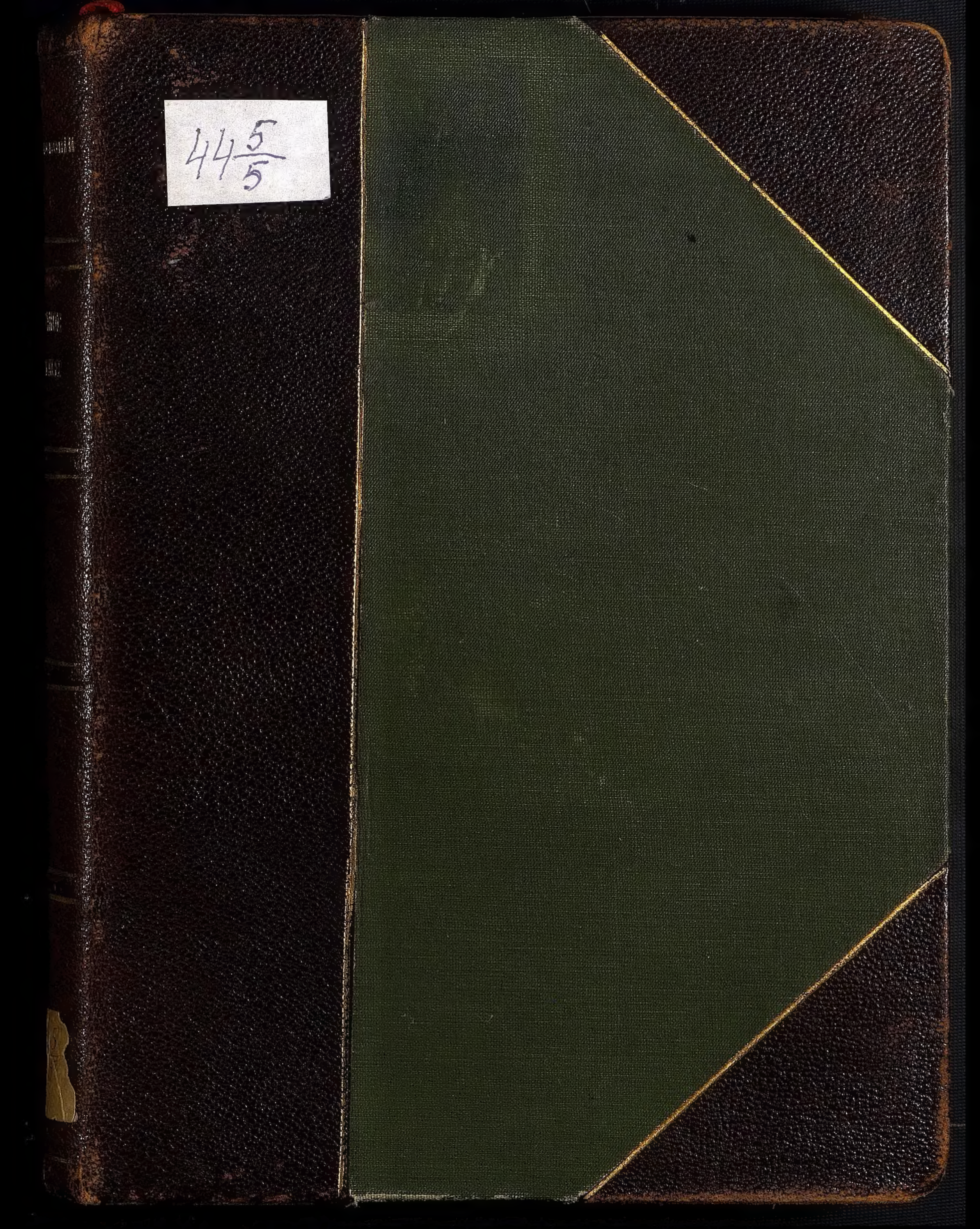
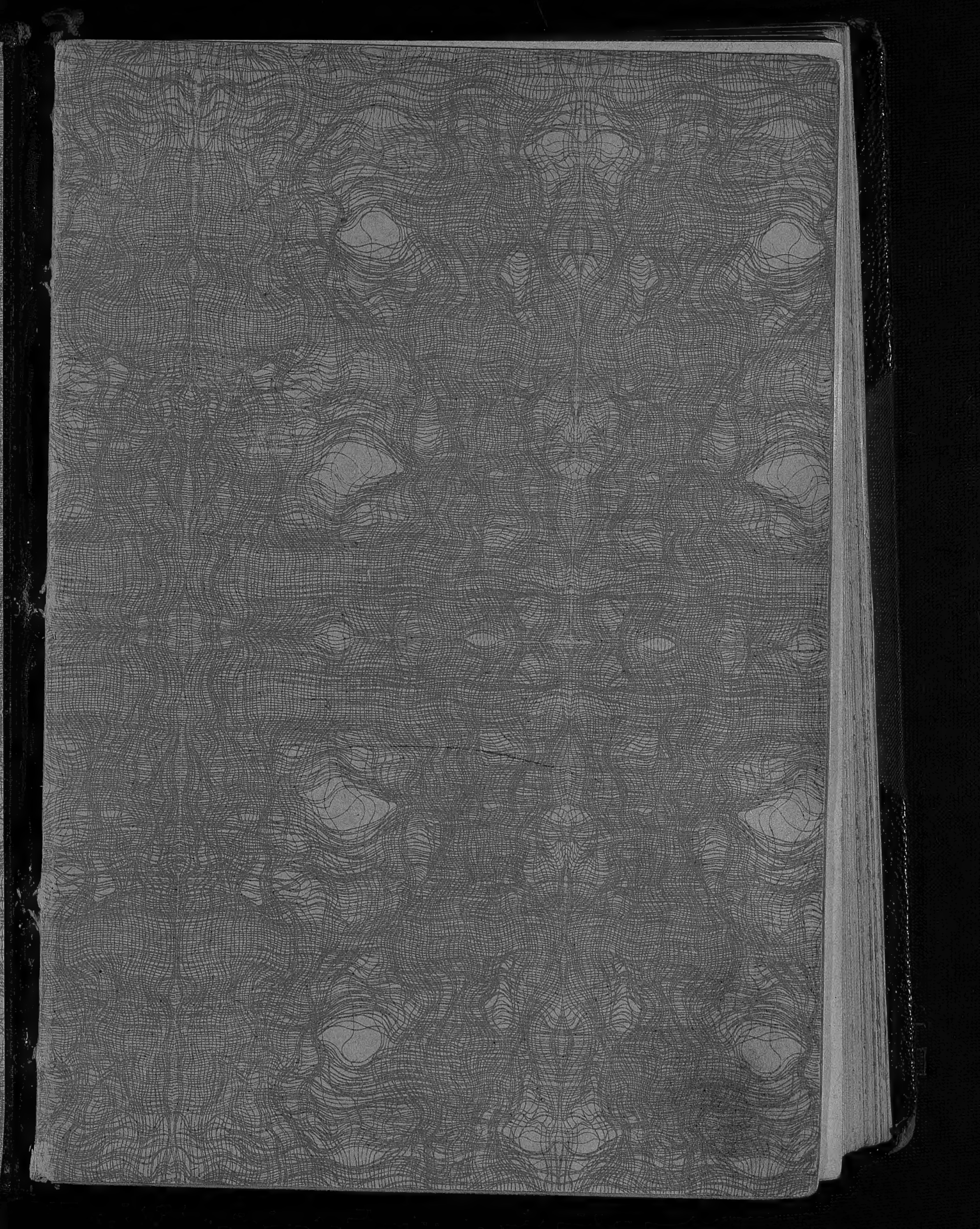

44 5/5

Ex Libris П. Семеновскаго
Книга-Ярь людского вѣка.
Нищихъ солнце. Все, что есть—
И въ просторъ земная вѣсть!
Гордость Богу человѣка,
А предвѣчной Теми-месть.

К. ВАЛИШЕВСКІЙ

СМУТНОЕ ВРЕМЯ

Переводъ съ французскаго

подъ редакціей

Е. Н. Щепкиной

ИЗДАНІЕ ОБЩЕСТВА ВСПОМОЖЕНІЯ
ОКОНЧИВШИМЪ КУРСЪ НАУКЪ НА СПБ. ВЫСШИХЪ ЖЕНСКИХЪ КУРСАХЪ
1911

К. ВАЛИШЕВСКІЙ

СМУТНОЕ ВРЕМЯ

Переводъ съ французскаго

подъ редакціей

Е. Н. Щепкиной

ИЗДАНІЕ ОБЩЕСТВА ВСПОМОЖЕНІЯ
ОКОНЧИВШИМЪ КУРСЪ НАУКЪ НА СПБ. ВЫСШИХЪ ЖЕНСКИХЪ КУРСАХЪ
1911

„Русская Скоропечатня", Спб., Екатерин. кан., 94

Предлагаемую русскимъ читателямъ книгу самъ ея авторъ считаетъ 2-ою частью задуманнаго имъ обширнаго труда—„Происхожденіе современной Россіи". Начинаясь характеристикой царя Ѳеодора Іоанновича, она, дѣйствительно, какъ бы служитъ продолженіемъ „Іоанна Грознаго" (Ivan le Terrible) того же автора; но вмѣстѣ съ тѣмъ она даетъ вполнѣ законченную, сжатую и красивую картину самой бурной эпохи въ исторіи Россіи. Вихрь событій, въ началѣ XVII-го вѣка охватившій громадное пространство восточной Европы, пестрый калейдоскопъ оригинальнѣйшихъ, часто загадочныхъ личностей, вращавшихся въ его волнахъ, давно приковывалъ къ себѣ вниманіе историковъ и писателей. Смутное время имѣетъ своихъ спеціалистовъ-изслѣдователей, какъ проф. С. Ф. Платоновъ, и меценатовъ, организаторовъ изысканій, какъ гр. Шереметевъ. Отдѣльныя стороны грознаго кризиса, расшатавшаго государственную жизнь Россіи, разработаны въ трудахъ В. О. Ключевскаго („Боярская Дума"), М. А. Дьяконова („Власть московскихъ государей"), П. Милюкова и мн. другихъ. Смутное время породило богатую литературу, и книга К. Валишевскаго займетъ въ ней свое собственное и видное мѣсто; она очень любопытна и поучительна для русскаго читателя, какъ живой, яркій разсказъ иностранца-поляка,

горячо, кровно заинтересованнаго событіями бурной поры, рѣзко отразившимися на судьбѣ его отечества. Авторъ проводитъ интересныя параллели между политическою жизнью Руси и Польши; въ своихъ заключеніяхъ онъ касается той и другой страны, отмѣчая, какъ различно повліяла смута на ихъ послѣдующую исторію. Польскіе источники и польская историческая литература занимаютъ большое мѣсто среди матеріаловъ, на которыхъ построена книга К. Валишевскаго, и уже это одно придаетъ своеобразный характеръ его изложенію и дѣлаетъ его трудъ важнымъ, даже необходимымъ пособіемъ для занимающихся русской исторіей.

Какъ всѣ работы К. Валишевскаго, его исторія „Смутнаго времени" написана съ сильнымъ литературнымъ темпераментомъ, живо и популярно. Его характеристики выпуклы и ярки. Отдѣльными остроумными замѣчаніями, попутными соображеніями онъ умѣетъ оригинально освѣтить туманный эпизодъ, твердымъ штрихомъ запечатлѣть въ памяти читателя мѣтко схваченную особенность историческаго лица. Страницы, посвященныя драматической судьбѣ Лжедимитрія и Марины Мнишекъ, читаются съ захватывающимъ интересомъ, какъ современный политическій романъ.

Е. Н. Щепкина.

Оглавленіе.

Предисловіе III

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Угасающая династія.

Стр.

Глава первая. **Наслѣдство Грознаго.**

I. Блаженный на тронѣ 1
II. Борисъ Годуновъ 10
III. Война и дипломатія 14
IV. Сношенія съ Западомъ 19
V. Расширеніе владѣній на востокѣ 21
VI. Внутреннее управленіе 24

Глава вторая. **Драма въ Угличѣ.**

I. Династическій вопросъ 32
II. Сонъ Димитрія 36
III. Слѣдствіе 39
IV. Легенда и исторія 47

Глава третья. **Новая династія.**

I. Кончина Өеодора 56
II. Избраніе 59
III. Царствованіе 66
IV. Послѣдствія Угличской драмы 76
V. Эпоха бѣдствій 82

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Политическій кризисъ.

Глава четвертая. **Выходецъ съ того свѣта.**

I. Появленіе претендента 91
II. Загадка 97
III. Романъ Димитрія.—Марина Мнишекъ 121
IV. Претендентъ въ Краковѣ 128
V. Обращеніе въ католичество 134

Глава пятая. **Побѣда претендента.**

Стр.

I. Димитрій-женихъ 140
II. Военныя приготовленія 142
III. Московія.—Подготовленіе къ оборонѣ. 147
IV. Походъ къ Москвѣ 150
V. Побѣда 158
VI. Судьба побѣжденныхъ 165

Глава шестая. **На высотѣ.**

I. Восшествіе на престолъ 167
II. Цѣна побѣды 174
III. Бракъ съ Мариной 182
IV. Изъ Кракова въ Москву 188
V. Коронованіе 192

Глава седьмая. **Катастрофа.**

I. Императорская чета 201
II. Характеръ царствованія 206
III. Смерть выходца съ того свѣта 212

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Соціальный кризисъ.

Глава восьмая. **Народное возстаніе.**

I. Боярскій царь 229
II. Царство лжи 222
III. Канонизація Димитрія 231
IV. Возобновленіе бури 232
V. Воскресеніе Димитрія 240
VI. Москвитяне и поляки 242
VII. Марина 255

Глава девятая. **Двѣ столицы.**

I. Москва и Тушино 259
II. Обращеніе за помощью къ Швеціи 263
III. Осада Троицкой лавры 267
IV. Лихолѣтье 278
V. Отпоръ смутѣ 280

Глава десятая. **Вмѣшательство Польши.**

I. Планъ Сигизмунда 288
II. Паденіе Тушина 294
III. Бѣгство Марины 298
IV. Покореніе Московіи 304
V. Избавитель 310
VI. Битва при Клушинѣ 314
VII. Низложеніе Шуйскаго 320

Глава одиннадцатая. **Поляки въ Москвѣ.**

Стр.
I. Опытъ олигархическаго правленія 324
II. Избраніе Владислава 327
III. Занятіе Москвы 334
IV. Правленіе поляковъ 338
V. Смерть Димитрія II 343

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Національная война.

Глава двѣнадцатая. **Національное движеніе.**

I. Московскій патріотизмъ 346
II. Возстаніе въ областяхъ 350
III. Мятежъ въ Москвѣ 354
IV. Послѣдніе тріумфы Польши 356

Глава тринадцатая. **Движеніе противъ смуты.**

I. Несостоятельность націонализма 364
II. Правленіе казаковъ 367
III. Побѣда реакціи 370
IV. Третье ополченіе 374
V. Мининъ и Пожарскій 377

Глава четырнадцатая. **Окончаніе кризиса.**

I. Временное правительство въ Ярославлѣ 381
II. Месть голытьбы 386
III. Послѣдніе дни поляковъ въ Кремлѣ 389
IV. Избирательный соборъ въ Москвѣ 394
V. Романовы 398
VI. Избраніе Михаила 403
VII. Вопросъ объ образѣ правленія 407
VIII. Конецъ Марины 410
IX. Общій обзоръ 415
Библіографія 419

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Угасающая династія.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Наслѣдство Грознаго.

I. Блаженный на тронѣ.

Богатырю слѣдовало бы принять тяжкое наслѣдіе Грознаго, а наслѣдникомъ оказался звонарь. Говорятъ, самъ Иванъ IV надѣлилъ этимъ прозвищемъ младшаго изъ своихъ сыновей, Θеодора, а судьба въ отместку предопредѣлила его наслѣдовать престолъ. Старшаго—Ивана, какъ извѣстно, отецъ убилъ собственноручно въ припадкѣ бѣшенаго гнѣва.

Наслѣдіе Грознаго! Внутри государства затѣяны огромныя преобразованія, — почти государственный переворотъ, пріостановленный въ самомъ зачаткѣ и возбудившій противодѣйствіе, которое было заглушено однимъ изъ самыхъ ужасныхъ проявленій деспотизма, какія извѣстны въ исторіи; заглушено, но не уничтожено.

Все шатко на глухо клокочущемъ вулканѣ! Извнѣ— Польша и Швеція готовы были продолжать свои побѣды и мстить за былыя пораженія. Да, нуженъ былъ богатырь. А между тѣмъ 18 марта 1584 г. вступилъ на престолъ 27-ми-лѣтній Θеодоръ... Вотъ какъ насмѣшливые иностранцы,—свои не посмѣли бы,—Флетчеръ, Пирсонъ и Маржеретъ описываютъ въ своихъ запискахъ его обычное времяпровожденіе.

Молодой государь обыкновенно вставалъ въ четыре часа утра́. Покончивъ съ одѣваньемъ, онъ посылалъ за духовникомъ; духовникъ являлся съ большимъ крестомъ и, коснувшись имъ лба и щекъ государя, подносилъ крестъ къ устамъ для цѣлованія. За нимъ слѣдовалъ дьяконъ съ иконой святого, память котораго въ тотъ день праздновалась по святцамъ. Ее ставили на самое почетное мѣсто среди безчисленныхъ иконъ, которыми была увѣшана съ верху до низу комната царя. Иконы были грубаго письма, но въ богатыхъ ризахъ съ жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями; передъ ними горѣли восковыя свѣчи и неугасимыя лампады. Θеодоръ сейчасъ же становился на молитву передъ принесенной иконой. Четверть часа царь усердно и истово клалъ земные поклоны. На это время духовникъ уходилъ и возвращался съ чашей святой воды и кропиломъ. Каждый день эта вода доставлялась поочереди многочисленными московскими монастырями, въ знакъ благоговѣйнаго почтенія къ особѣ государя.

Совершивъ эту первую утреннюю молитву, царь посылалъ справиться о здоровьи царицы, какъ почивала? Супругой Θеодора была Ирина Годунова, сестра знаменитаго Бориса, которому судьба готовила высокую, полную трагизма долю. Θеодоръ только наканунѣ многочисленныхъ въ православной церкви постныхъ дней раздѣлялъ ложе супруги и приглашалъ ее къ своему столу. Ихъ покои раздѣляла зала; получивъ отвѣтъ посланнаго, царь шелъ навстрѣчу государынѣ и проводилъ съ нею нѣкоторое время. Затѣмъ они отправлялись вдвоемъ въ свою домовую церковь къ заутрени, которая длилась около часа. По возвращеніи царь отправлялся одинъ въ пріемную палату и, сидя въ большомъ креслѣ, принималъ тѣхъ придворныхъ бояръ, кого считалъ достойнымъ этой милости. Около девяти часовъ онъ отпускалъ своихъ приближенныхъ. Пора звонить къ обѣднѣ. Царь самъ исполнялъ эту обязанность, а такъ какъ обѣдню служили въ одномъ изъ кремлевскихъ храмовъ со всѣмъ сложнымъ чиномъ по обрядамъ греческой церкви, то эта ежедневная служба занимала царя еще часа на два. На самомъ-то дѣлѣ, по крайней мѣрѣ у окружающихъ царя, время уходило не на одну молитву. Въ эти часы церковь служила палатой совѣта, подъ звуки безконечныхъ пѣснопѣній думные бояре заводили шумные мірскіе споры, замолкая по временамъ, когда справлялись о

мнѣніи своего государя. Но у государя своего мнѣнія никогда не было; онъ выслушивалъ, блаженно улыбался и, не говоря ни слова, продолжалъ перебирать четки. По окончаніи этого второго богослуженія, царь возвращался во дворецъ обѣдать. Обѣдъ подавался къ одиннадцати часамъ весьма торжественно. Послѣ обѣда государь почивалъ три часа, а затѣмъ опять шелъ въ церковь къ вечернѣ. Остальные часы до ужина посвящались вполнѣ заслуженному отдыху. Ирина проводила это время вмѣстѣ съ супругомъ, и оба они развлекались разными забавами, обыкновенно балагурствомъ шутовъ и кувырканьемъ карликовъ. Иногда, впрочемъ, государь удостоивалъ своимъ вниманіемъ работы своихъ золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ и иконописцевъ. Послѣ ужина онъ снова молился со своимъ духовникомъ и получалъ его благословеніе на сонъ грядущій.

Только по воскресеньямъ да по большимъ праздникамъ измѣнялось это распредѣленіе дня. Въ такіе дни государь посѣщалъ монастыри въ окрестностяхъ столицы. Иногда, чтобы не нарушать черезчуръ круто обычаевъ страны и порядковъ, заведенныхъ его предшественниками, онъ присутствовалъ на бояхъ съ медвѣдями или на кулачномъ бою, но ему они не доставляли никакого удовольствія.

Вотъ каковъ былъ новый царь всея Руси. Личность, словомъ сказать, довольно близкая по типу и къ „идіоту“, какъ его изобразилъ въ своемъ знаменитомъ романѣ Достоевскій, и къ юродивому, какихъ еще и теперь можно встрѣтить въ русскихъ деревняхъ, и къ блаженнымъ, которыхъ набожные люди среднихъ вѣковъ причисляли къ лику святыхъ. Разные писатели того времени, какъ свѣтскіе, такъ и духовные, дѣйствительно, изображаютъ Θеодора вполнѣ отрѣшившимся отъ мірскихъ дѣлъ и помышляющимъ только о вѣчной жизни. Правда, одинъ изъ этихъ писателей, патріархъ Іовъ, подъ вліяніемъ чувства, довольно близкаго тому, которымъ вдохновлялся великій русскій романистъ, готовъ былъ видѣть въ этомъ нищемъ духомъ еще и разумнаго правителя и образецъ государя. Но онъ одинъ былъ такого мнѣнія. Левъ Сапѣга, выдающійся государственный дѣятель Польско-Литовскаго государства, вернувшись изъ Москвы, куда онъ ѣздилъ въ качествѣ посла, говорилъ:

„Напрасно говорятъ, что у этого государя мало разсудка: я убѣдился, что онъ вовсе лишенъ его“.

Флетчеръ оставилъ намъ такое описаніе наружности государя: росту малаго, приземистъ и толстоватъ, тѣлосложенія слабаго и склоненъ къ водянкѣ; носъ у него ястребиный, на постоянно улыбающемся лицѣ, поступь нетвердая и неясная рѣчь. Съ этимъ описаніемъ довольно сходенъ портретъ царя съ сіяніемъ вокругъ головы, сохранившійся и до сихъ поръ въ Архангельскомъ соборѣ въ Москвѣ.

Да и на самомъ дѣлѣ, при вступленіи Өеодора на престолъ никому и въ голову не приходило, будто онъ способенъ управлять страной; да и самъ онъ кротко покорился вспомогательному правительству, которое было учреждено немедленно. Въ такомъ зачаточномъ и почти еще аморфномъ состояніи, въ какомъ пребывала тогда Московія, потребности создаютъ органы. У смертнаго одра Грознаго естественно изъ лицъ наиболѣе приближенныхъ къ покойному царю образовалась своего рода пентархія. Первое мѣсто по почету, но безъ наибольшей власти, занялъ ближній бояринъ, князь Иванъ Өеодоровичъ Мстиславскій, потомокъ древняго рода князей литовскихъ, породнившійся съ царствующимъ домомъ. Способности у него были посредственныя, и онъ сознавалъ это. Въ пользу одного изъ его товарищей, Ивана Петровича Шуйскаго, говорило то, что онъ былъ Рюриковичъ, изъ доблестной линіи Александра Невскаго. Недавняя защита Пскова противъ Баторія придала ему лично извѣстность. Но онъ былъ воитель и только. Другой товарищъ, Богданъ Бѣльскій, былъ смутьянъ. Да и по общему мнѣнію, Грозный больше всего возлагалъ свое довѣріе на своего шурина, родного дядю Өеодора, Никиту Романовича Захарьина-Юрьева (Романова), а услужливая легенда, о которой я упоминалъ въ другомъ мѣстѣ, надѣляла Никиту Романовича всевозможными добродѣтелями [1]).

Послѣднее мѣсто въ этомъ ареопагѣ выпало на долю шурина Өеодора, Бориса Годунова; его сравнительно невидное происхожденіе, повидимому, не позволяло ему заявлять притязанія на высшее положеніе. А между тѣмъ оказалось, что среди всѣхъ этихъ вельможъ это былъ единственный человѣкъ, способный исполнить важную роль; что его властолюбіе ожидало только благопріятныхъ условій, чтобы развернуться вширь, и событія скоро должны были выдвинуть его на первый планъ.

[1]) Waliszewski, K. Ivan le Terrible, стр. 490.

Впрочемъ, о составѣ этого своеобразнаго опекунскаго совѣта, принимавшаго на себя попеченіе о новомъ монархѣ и объ его государствѣ, неизвѣстно ничего вполнѣ достовѣрнаго. Источники противорѣчатъ другъ другу [1]). Изъ нихъ съ очевидностью вытекаетъ только одно: что это олигархическое правленіе, каковы бы ни были его участники, заключало въ себѣ элементы непримиримаго раздора и было безсильно по существу своему, такъ какъ это были тѣ же самые элементы разложенія, какими болѣла вся аристократія страны. Въ глазахъ Мстиславскаго и Шуйскаго, представители выдвинувшихся впередъ московскихъ бояръ новой или старой выслуги, какъ Годуновъ и Романовъ, одинаково были выскочками; но и сами Мстиславскій и Шуйскій, пришедшіе въ упадокъ представители старшей линіи или другихъ отраслей владѣтельныхъ князей, въ своей вѣковой борьбѣ съ младшей, восторжествовавшей надо всѣмъ домомъ Рюрика, потеряли даже обаяніе, которое въ былое время было связано съ ихъ первенствомъ въ родѣ; сами-то они еще вспоминали про него, но кругомъ нихъ позабывали объ этомъ. Къ тому же опричнина [2]) вмѣстѣ съ системой мѣстничества успѣли стереть всѣ привилегіи и преимущества, основанныя на историческихъ правахъ. Отнынѣ лишь разрядныя книги да милость государя опредѣляли мѣсто и чинъ каждаго изъ подданныхъ.

Этотъ порядокъ былъ навязанъ тяжелой рукой Ивана IV, которая сокрушала всякое сопротивленіе, но только она одна и могла поддерживать его. Не стало Грознаго царя—и тотчасъ же неизбѣжно наступило „смутное время“.

Въ первую же ночь по смерти Грознаго въ Москвѣ вспыхнулъ мятежъ. Его характеръ и размѣры еще недостаточно выяснены. Судя по его послѣдствіямъ, есть основаніе думать, что поводомъ къ нему служилъ тотъ младенецъ, которому предопредѣлено было въ близкомъ будущемъ исполнять роль главнаго героя великой національной драмы, которую я предполагаю возстановить въ памяти.

Ѳеодоръ былъ сынъ первой супруги Ивана, Анастасіи Романовны, но кромѣ него, отъ шестой или седьмой жены,—

---

1) Арцыбышевъ, Н. С. Повѣствованіе о Россіи. М. 1843, т. III, стр. 1—2, Historica Russiae Monum. т. II, № VIII; Лѣтопись о многихъ мятежахъ (Никоновская лѣт.), т. VIII, стр. 5—7.

2) Ivan le Terrible, стр. 56, 321 и сл.

числа ихъ никакъ нельзя было точно установить,—Грозный оставилъ еще сына, малолѣтняго Димитрія. Димитрій жилъ со своею матерью, Маріей Нагой, въ одной изъ обширныхъ пристроекъ дворца. И вотъ одинъ изъ опекуновъ Ѳеодора, Богданъ Бѣльскій, задумалъ выставить его соперникомъ новаго царя. Это была безумная затѣя. Не говоря уже о правахъ Ѳеодора какъ старшаго брата, Димитрій, повидимому, устранялся отъ престола даже вслѣдствіе своего рожденія въ бракѣ, запятнанномъ незаконностью: уставы православной церкви признаютъ только три брака, отвергая законность послѣдующихъ. Но пожалуй, что Бѣльскій былъ сумасбродомъ, насколько мы о немъ знаемъ; а съ другой стороны, наслѣдованіе престола въ этой странѣ не подчинялось еще строго установленнымъ или обычно соблюдаемымъ правиламъ. На дѣлѣ оно зависѣло отъ трехъ противорѣчащихъ другъ другу принциповъ; здѣсь смутно давали себя знать при своемъ столкновеніи неподходящія другъ къ другу понятія о наслѣдственномъ правѣ на престолъ, о семейной власти и о политической свободѣ: первородство, выборъ государя и избраніе. Монархъ указывалъ себѣ преемника, обыкновенно своего старшаго сына, а народное собраніе—земскій соборъ—утверждало этотъ выборъ [1]).

Итакъ Бѣльскій замышлялъ дворцовый переворотъ, первый изъ тѣхъ переворотовъ, которые затѣмъ въ теченіе двухъ слѣдующихъ столѣтій такъ часто измѣняли порядокъ управленія страною. Товарищи его по совѣту, однако, оказали ему сопротивленіе, обратившись съ воззваніемъ къ простонародью. Двое рязанскихъ дворянъ, братья Ляпуновы, будущіе герои революціоннаго движенія, особенно отличились своимъ рвеніемъ въ защитѣ правъ законнаго государя, и Ѳеодоръ одержалъ верхъ.

Такъ говоритъ большинство иностранныхъ лѣтописцевъ—Горсей, Флетчеръ и Пирсонъ. Но по другимъ свидѣтельствамъ можно думать, что это была только попытка возстановить опричнину противъ опять начавшихъ пробуждаться притязаній аристократическаго элемента, либо просто ссора за первенство. Но самое возмездіе, къ которому прибѣгли побѣдители, повидимому, противорѣчитъ такому толкованію. Такъ, Бѣльскаго отправили воеводой въ Нижній-Новгородъ,—

[1]) Сергѣевичъ. Лекціи и изслѣдованія по исторіи древн. рус. права, стр. 128.

почетная ссылка такого рода часто примѣнялась тогда,—а Димитрій, его мать и многочисленная родня ихъ покинули Москву; ихъ выслали въ Угличъ, небольшой городъ Ярославской области, назначенный молодому князю въ удѣлъ.

Если мы примемъ въ соображеніе время и мѣсто дѣйствія, такое обращеніе не покажется намъ слишкомъ суровымъ; но помимо того, что волки не имѣютъ обыкновенія пожирать другъ друга, защитники Θеодора должны были еще сообразоваться съ благочестивыми настроеніями государя. Самъ царь оставался въ прекрасныхъ отношеніяхъ съ высланными: Нагіе посылали ему пироги, а онъ отдаривалъ ихъ мѣхами.

Въ то время никто, конечно, и не предвидѣлъ, сколько бѣдствій произойдетъ отъ такого вступленія въ улаженіе родственныхъ счетовъ.

Чтобы безспорно укрѣпить права новаго царя, былъ созванъ Земскій Соборъ [1]). По свидѣтельству лѣтописцевъ, видные представители всѣхъ областей „слезно" умоляли Θеодора быть царемъ и вѣнчаться на царство. Слезы составляли неотъемлемую принадлежность исконнаго церемоніала, и, хотя серьезные историки допускаютъ, что этотъ парламентъ, какъ называетъ соборъ Горсей, занимался въ самомъ дѣлѣ избраніемъ Θеодора, все же позволительно думать, что все это дѣйствіе было просто соблюденіемъ обряда. Болѣе серьезно, повидимому, высокое собраніе посвятило себя рѣшенію нѣкоторыхъ вопросовъ административнаго порядка, какъ-то: подтвержденію предпринятыхъ ранѣе мѣропріятій для отобранія въ казну церковныхъ имуществъ и отмѣны тарханныхъ грамотъ, или освобожденій отъ налоговъ, черезчуръ щедро жалованныхъ предыдущими правителями разнаго рода владѣльцамъ, по большей части духовнымъ. Впрочемъ, благочестіе Θеодора должно было служить не малой помѣхой строгому исполненію обнародованныхъ въ этомъ духѣ законовъ [2]).

Коронованіе Θеодора было великолѣпно, изумляя свидѣтелей иностранцевъ своимъ блескомъ и внушая имъ, безспорно, преувеличенное представленіе о богатствахъ, которыя оно обнаруживало. Въ такихъ случаяхъ, исполняя обычай страны, выставляли всѣ, какія только имѣлись, драгоцѣнности, но эта показная пышность только прикрывала мрачную нищету.

---

[1]) Ключевскій. Составъ Земскихъ Соборовъ, „Русская Мысль" 1890 г.
[2]) Латкинъ. Земскіе Соборы, стр. 87 и слѣд.

Послѣ отъѣзда Бѣльскаго, въ Совѣтѣ осталось четыре члена. Первое время преобладающую власть сохранялъ за собой Никита Романовичъ; въ этомъ ему помогали преданность и способность двухъ его подчиненныхъ, дьяковъ Щелкаловыхъ, Василія и Андрея, имена которыхъ мы встрѣтимъ опять въ превратностяхъ предстоящей драмы. Однако, уже въ августѣ того же года здоровье Никиты Романовича оказалось тяжко разстроеннымъ, а годъ спустя онъ умеръ. Тогда взошла звѣзда Бориса Годунова.

По единогласному свидѣтельству современниковъ, царица Ирина была женщина съ яснымъ умомъ, разумная и рѣшительная, что при тогдашнемъ ея положеніи возвышало ее надъ обычнымъ уровнемъ вліянія московскихъ царицъ. Она нѣжно любила брата и всегда и во всемъ поддерживала его. Хотя она рѣдко раздѣляла ложе своего хвораго и цѣломудреннаго супруга, зато болѣе часто она являлась соучастницей его, или даже замѣняла его въ исполненіи верховной власти [1]), а на самомъ дѣлѣ это было правленіе Бориса, которое оттѣсняло, такимъ образомъ, правленіе Совѣта. Съ каждымъ днемъ захватъ власти проявлялся все сильнѣй, возбуждалъ явное противодѣйствіе себѣ, которое навлекло опалу на нѣсколько знатныхъ семействъ—Мстиславскихъ, Воротынскихъ, Головиныхъ и Колычевыхъ. Обстоятельства, вызвавшія эту опалу, остаются темными. Одинъ лѣтописецъ упоминаетъ о заговорѣ на жизнь Бориса: предполагали убить его на пиру у Ивана Ѳеодоровича Мстиславскаго. Такъ или иначе, но въ 1585 году старый вождь московскаго боярства исчезъ со сцены: онъ былъ заточенъ въ монастырь и, принужденный постричься въ иноки подъ именемъ Іосифа, вскорѣ тамъ и скончался. Одинъ изъ Головиныхъ — Михаилъ Ивановичъ—отправился въ Польшу увеличивать кучку политическихъ „отъѣздчиковъ“, послѣдователей знаменитаго Курбскаго.

Къ той же оппозиціонной партіи принадлежали, понятно, и Шуйскіе. Въ ту пору ихъ пощадили; ихъ чередъ наступилъ черезъ два года. Лѣтопись разсказываетъ о тѣхъ проискахъ, къ которымъ они прибѣгали, чтобы склонить Ѳеодора къ разводу съ Ириной, потому что она безплодна.

---

[1]) Акты историческіе, I, 219 и Добавленіе, I, 143; Акты археографической комиссіи, I, 341.

Усиліямъ Шуйскихъ помогало и ставшее силой благодаря политикѣ Грознаго сословіе московскихъ купцовъ, которые устраивали буйныя зрѣлища передъ Грановитой палатой. Но съ помощью братьевъ Щелкаловыхъ и митрополита Діонисія Борисъ укротилъ бурю. И Шуйскіе, проворно мѣнявшіе направленіе, стали сторониться отъ своихъ единомышленниковъ, пытаясь лицемѣрно примириться съ царскимъ любимцемъ.

„Вы примирились нашими головами!“ — крикнулъ имъ одинъ возмущенный купецъ. Этотъ несчастный исчезъ въ слѣдующую же ночь, но и Шуйскіе недолго пользовались плодами своей подлой трусости. Доносъ одного подкупленнаго слуги послужилъ предлогомъ къ новымъ и болѣе строгимъ гоненіямъ. Борисъ, которому теперь предоставлено было дѣйствовать по его усмотрѣнію, будучи болѣе увѣренъ въ послушаніи своего вѣнчаннаго питомца, не задумался нанести рѣшительный ударъ. Знаменитый воинъ Иванъ Петровичъ Шуйскій былъ сосланъ на Бѣлоозеро, а двоюродный братъ его Андрей Ивановичъ въ Каргополь, и оба они были задушены. Восемь купцовъ сложили свои головы на плахѣ, а сотни ихъ дѣйствительныхъ и подозрѣваемыхъ сообщниковъ или были заключены въ тюрьмахъ, или разосланы по разнымъ областямъ.

Вполнѣ ли точны эти подробности, — сомнительно, вѣдь Ирина не была безплодна. У нея было нѣсколько выкидышей, а въ 1592 году она разрѣшилась отъ бремени дочерью, царевной Өеодосіей. Во всякомъ случаѣ, суть этого событія, т. е. казнь Шуйскихъ Борисомъ Годуновымъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, хотя московскіе послы, находившіеся въ то время въ Польшѣ, и получили наказъ рѣшительно отрицать факты, гулъ отъ которыхъ пошелъ за границу. Послы должны были увѣрять, будто Шуйскіе вовсе не были въ опалѣ, а напротивъ, даже пользуются расположеніемъ и щедротами государя. Что же касается Головина, бѣгства котораго нельзя было оспаривать, то онъ будто бы провинился въ воровствѣ [1]).

Такая дипломатическая ложь составляла часть исконнаго обычая, который соблюдался непрерывно и впослѣдствіи. Но навѣрное митрополитъ Діонисій и архіепископъ Варлаамъ — глава важной Крутицкой епархіи — ходатайствовали въ это

[1]) Соловьевъ. Исторія Россіи, т. VII, стр. 270 (по изд. 1861 г.).

время отнюдь не за вора и понесли за это кару. Оба священнослужителя были заточены въ монастырь. Митрополичій престолъ занялъ вполнѣ преданный Годунову ростовскій архіепископъ Іовъ, и царскій любимецъ сталъ всемогущъ.

II. Борисъ Годуновъ.

Родъ Годуновыхъ происходилъ отъ татарскаго мурзы Чета. Этотъ мурза-перебѣжчикъ, покинувъ Золотую Орду, поступилъ на Московскую службу въ царствованіе Ивана Калиты (1328—1341). Здѣсь онъ вскорѣ крестился, основалъ знаменитый Ипатьевскій монастырь и сдѣлался родоначальникомъ нѣсколькихъ фамилій, которымъ суждено было оставить память по себѣ въ исторіи усыновившей его страны. Чета считали своимъ предкомъ и Сабуровы, породнившіеся черезъ первую жену Ивана Грознаго съ царствующимъ домомъ. Близость къ царю Бориса, несомнѣнно, была такого же происхожденія. Его женитьба на дочери знаменитаго опричника Малюты Скуратова давала ему болѣе прочное право разсчитывать на милость царя, а бракъ его сестры съ Θеодоромъ обезпечилъ его положеніе. Борису было за тридцать, когда на престолъ вступилъ его зять. Нѣтъ ни одного подлиннаго портрета, который могъ бы дать намъ представленіе объ его наружности: тѣ, что воспроизводятся въ гравюрахъ, только копіи внушеннаго фантазіей рисунка, исполненнаго въ XVIII вѣкѣ. Борисъ пользовался большой извѣстностью красавца, несмотря на свой небольшой ростъ, плотное сложеніе и нѣкоторую преждевременную хилость. Онъ обладалъ, повидимому, величавой осанкой, способностью повелѣвать и большимъ врожденнымъ даромъ слова, котораго совсѣмъ былъ лишенъ Θеодоръ. Образованія, однако, Борису не доставало еще въ большей степени, чѣмъ Θеодору. Должно быть, это былъ первый случай безграмотности царя на престолѣ. Но зато онъ обладалъ въ наивысшей степени тѣмъ даромъ усвоенія и той силою интуиціи, которые остаются одними изъ характерныхъ чертъ его соотечественниковъ, и онъ такъ же изумительно умѣлъ скрывать свои недостатки, какъ и извлекать выгоды изъ своихъ достоинствъ. Грозный своимъ врагамъ и способный питать непримиримую ненависть, онъ былъ великодушнѣйшимъ изъ друзей и умѣлъ при случаѣ выставить на показъ свое человѣколюбіе. Горсей

описываетъ, какъ Борисъ остановилъ казнь одного англійскаго подданнаго, Джона Горнеби, обвиненнаго въ шпіонствѣ и подвергнутаго пыткѣ.

Но больше всего въ теченіе всей его карьеры въ немъ обнаруживается великій честолюбецъ, всегда владѣющій собой и никогда не теряющій изъ виду намѣченной цѣли; онъ сумѣлъ быть воздержнымъ въ этой странѣ пьяницъ и не упускалъ ни единаго повода, ни единаго случая, ни единаго средства, чтобы выдвинуться впередъ. Послѣ опалы Шуйскихъ, на самомъ дѣлѣ облеченный властью регента нѣкотораго рода, онъ терпѣливо и искусно трудился надъ тѣмъ, какъ бы упрочить свое положеніе и придать этой должности правовую санкцію, потому что примѣровъ ея не имѣлось въ лѣтописяхъ страны. Первый изъ временщиковъ въ хронологическомъ порядкѣ, онъ сразу вознесъ преимущества этого сана на такую высоту, какой только они могли когда-либо достигнуть. Съ 1581 года Борисъ былъ бояриномъ, начиная съ 1584 онъ присваиваетъ себѣ одинъ за другимъ цѣлый рядъ титуловъ, которые уже тѣмъ, что они были исключительны и единственны, вели его, словно ступени лѣстницы, вверхъ отъ степени до степени до наивысшаго сана. Онъ былъ „конюшимъ", „слугою", „ближнимъ великимъ бояриномъ", „намѣстникомъ царствъ Казанскаго и Астраханскаго" до того дня, когда въ 1594 году ему былъ присвоенъ оффиціальной грамотой титулъ, дѣйствительно соотвѣтствующій его должности, и съ тѣхъ поръ онъ сталъ правителемъ, регентомъ.

Любопытная подробность: этой послѣдней ступени онъ достигъ лишь благодаря нѣкоторому, такъ сказать, обходному движенію, использовавши для этого старательно пріобрѣтенныя связи въ заграничныхъ земляхъ. Въ агентѣ Англійской Торговой Компаніи, Горсеѣ, Борисъ нашелъ въ высшей степени искуснаго и преданнаго ему дипломатическаго посредника. Благодаря именно посредничеству Горсея, уже въ 1586 году англійская королева шлетъ Годунову письмо, въ которомъ называетъ его „княземъ" и „любезнѣйшимъ другомъ". Три года спустя самъ Горсей въ своемъ отчетѣ о путешествіи, тогда-же изданномъ и получившемъ широкое распространеніе, надѣляетъ его титуломъ „лорда-протектора". Въ то же время посольства, отправляемыя въ европейскія и азіатскія государства, получали подобныя этому

негласныя предписанія, а послѣдствіемъ ихъ внушеній были посланія, въ которыхъ государи, заранѣе настроенные такимъ образомъ, расточали предполагаемому властелину Московскаго государства свидѣтельства своего уваженія и надѣляли его соотвѣтствующими титулами. Борисъ прикидывался смущеннымъ: слѣдуетъ ли ему отвѣчать? Вопросъ этотъ поднимался не разъ въ теченіе 1588—1589 годовъ и былъ рѣшенъ, какъ и слѣдовало ожидать, въ утвердительномъ смыслѣ.

Искусное сочетаніе мелочей этикета служило той же цѣли: на пріемахъ иностранныхъ пословъ Борисъ одинъ только изъ всѣхъ присутствующихъ бояръ стоялъ у трона; и дошло до того, что какъ-то разъ его протянутая рука, какъ будто ненарочно, овладѣла „государевымъ яблокомъ", державой—эмблемой власти, которую вѣчно улыбающійся Ѳеодоръ и не подумалъ у него оспаривать. За аудіенціей у царя слѣдовалъ пріемъ у царскаго любимца, гдѣ послы опять встрѣчали тотъ же торжественный церемоніалъ. Когда ихъ приглашали на придворные пиры, они слышали тамъ, какъ за здоровье Бориса пили одновременно съ тостами за здоровье Ѳеодора. Въ бумагахъ, которыя они получали изъ посольскаго приказа, неизмѣнно указывалось, что всѣ постановленія зависѣли и исходили отъ Годунова.

Въ 1594 году, какъ я уже указалъ, такое положеніе его было оффиціально признано. Но и этого было мало: годъ спустя оффиціальные документы присоединили къ имени „правителя" Бориса и имя его сына. Прежде чѣмъ умеръ Ѳеодоръ, прежде чѣмъ утвердилась увѣренность, что онъ не оставитъ наслѣдника (Ирина только-что подала надежду на потомство), его наслѣдіе казалось уже предопредѣленнымъ въ пользу новой династіи!

Борисъ полагался на свое счастье. Онъ вѣрилъ въ звѣзды. Будучи настолько же суевѣрнымъ, насколько онъ былъ необразованнымъ, Борисъ окружалъ себя звѣздочетами, гадателями и колдунами. Одинъ изъ нихъ, говорятъ, предсказалъ Борису, что онъ будетъ царствовать, но всего лишь семь лѣтъ.—„Хоть бы одинъ день!"—отвѣтилъ будто бы на это царскій любимецъ. Анекдотъ этотъ, вѣроятно, придуманный нарочно, хорошо воспроизводитъ свойство того пламеннаго и вмѣстѣ съ тѣмъ не находящаго себѣ покоя честолюбія, которое позволяло этому избраннику судьбы ясно сознавать всю необычайность своего быстраго возвышенія; оглядываясь

ежедневно на уже пройденный путь и измѣряя предстоящій, онъ видѣлъ въ нѣскольких часахъ царствованія вполнѣ достаточную награду за совершенныя усилія. Какъ ни высоко поднялся уже Борисъ, онъ все же продолжалъ быть смиреннымъ нѣкоторымъ образомъ. Онъ подвигался къ трону крадучись, неслышными шагами: въ совѣтѣ, который номинально еще существовалъ, онъ удержалъ за собой то мѣсто, которое занималъ и вначалѣ, т. е. послѣднее; онъ придумывалъ особые званые обѣды въ покояхъ царя, на которыхъ собирался избранный кружокъ, но самъ воздерживался отъ посѣщенія этихъ собраній. А по правдѣ сказать, онъ въ то же время давалъ обѣды у себя, и быть приглашеннымъ на нихъ считалось еще большею честью.

Борисъ быстро пріобрѣлъ значительныя богатства. Англійскій посолъ Флетчеръ приписывалъ ему доходъ въ 93.700 рублей, сумма для того времени громадная: рубль соотвѣтствовалъ тогда почти фунту стерлинговъ. Горсей считалъ для Бориса вполнѣ возможнымъ набрать и содержать армію до 100.000 человѣкъ! Это были, вѣроятно, преувеличенія, причастныя той извѣстности, которая создавалась вокругъ имени Бориса; а въ частности цифры, приводимыя Флетчеромъ, въ настоящее время признаются неточными [1]). Впрочемъ, Борисъ, хотя и получалъ такой хорошій доходъ, совсѣмъ не копилъ денегъ, черезчуръ усердно стараясь изливать свои щедроты и своими благодѣяніями стяжать себѣ народное расположеніе. Это былъ второй Сеянъ, только ему не приходилось бояться никакого Тиверія. Не менѣе расточительный и въ государственныхъ расходахъ, Борисъ много строилъ, увеличивая число каменныхъ зданій и церквей среди деревянныхъ построекъ, которыя обыкновенно преобладали не только въ главныхъ городахъ, но и въ самой столицѣ,—„украшая Москву, словно красивую женщину“, по свидѣтельству патріарха Іова.

Въ общемъ его регентство было счастливо и одинаково благопріятно интересамъ страны какъ внутри, такъ и во внѣшнихъ сношеніяхъ. Вначалѣ во внѣшней политикѣ ему угрожала страшная опасность; но въ войнѣ, какъ и въ дипломатіи, счастье ему не измѣнило.

---

[1]) Середонинъ. Сочиненія Джильса Флетчера, стр. 190.

III. Война и дипломатія.

Борисъ Годуновъ не зналъ ратнаго дѣла и, конечно, передъ такимъ противникомъ, какъ Баторій, его постигла бы жалкая участь. Побѣдитель Грознаго, между тѣмъ, рѣшилъ возобновить наступательныя дѣйствія; наперекоръ равнодушію и скупости своихъ подданныхъ, онъ нашелъ теперь къ кому обратиться: римскій престолъ занималъ Сикстъ V, и этотъ великій папа словно былъ созданъ, чтобы дѣйствовать заодно съ великимъ королемъ. О томъ, насколько они сговорились между собою, свидѣтельствуетъ то, что въ 1586 году въ Римѣ спорили лишь, какими способами удобнѣе всего переслать въ Краковъ по тайности субсидіи, которыхъ просили для завоеванія Москвы [1]).

„Если бы жизнь и геній Баторія не угасли до кончины Годунова, то слава Россіи могла бы навѣки померкнуть въ самомъ первомъ десятилѣтіи новаго вѣка“.

Слова эти принадлежатъ Карамзину [2]).

Но Баторія не стало. Неумолимая болѣзнь остановила его военныя приготовленія, и 2 декабря 1586 года онъ скончался. Положеніе дѣлъ сейчасъ же измѣнилось: Θеодоръ, казалось, могъ теперь разсчитывать на наслѣдіе Ягеллоновъ и надѣяться, что путемъ избранія на польскій престолъ онъ пріобрѣтетъ Краковъ. Польская шляхта не прочь была поладить съ государемъ, извѣстнымъ своей кротостью. Борисъ, однако, или не сумѣлъ, или не захотѣлъ воспользоваться такимъ благопріятнымъ случаемъ. Съ одной стороны, здѣсь, въ Польшѣ, корона вручалась уже тому, кто больше давалъ; а посланники царя пріѣхали на сеймъ съ пустыми руками; а съ другой стороны, они сами выказали себя черезчуръ требовательными. Вотъ что они предлагали: столицей соединенныхъ государствъ должна быть Москва; въ общемъ гербѣ корона Польши будетъ помѣщена подъ шапкою Мономаха, и, last but not least, будущій царь-король не будетъ мѣнять своей православной вѣры. Эти требованія вызвали единодушный протестъ.

„Москвитяне хотятъ пришить Польшу къ своей странѣ, какъ рукавъ къ кафтану!“ — воскликнулъ одинъ изъ наиболѣе

---

[1]) Wierzbowski. Materiały do Dziejów Piśmennictwa polskiego, t. I, p. 264—308.

[2]) Исторія Гос. Рос., т. X, гл. II, стр. 49.

вліятельныхъ избирателей—Христофоръ Зборовскій. Извѣстно, каковы были результаты: избранными оказались одновременно Сигизмундъ Шведскій и Максиміліанъ Австрійскій, братъ императора Рудольфа II [1]). Сигизмундъ скоро одержалъ верхъ, и такая развязка пріобрѣтала для Москвы особенно угрожающій характеръ: сынъ Іоанна III, съ такимъ ожесточеніемъ воевавшаго мечомъ и перомъ съ Иваномъ Грознымъ, и Екатерины Ягеллонки, новый король унаслѣдовалъ отъ обоихъ и принесъ съ собой на тронъ неутолимую злобу и ненасытное честолюбіе. Москва, однако, отдѣлалась только тревогой. Въ Польшѣ Сигизмунду много было хлопотъ, чтобы окончательно вытѣснить Максиміліана и покорить его приверженцевъ; помимо этого, будучи ярымъ католикомъ, онъ, подобно большинству современныхъ ему западныхъ государей, ревностнѣе всего занимался религіозными дѣлами. Занимаясь въ свободное время живописью,—картины его были довольно неудачны,—онъ на одной картинѣ изобразилъ себя укрощающимъ ересь. Картина эта находится въ Аугсбургской галлерeѣ,—недавно еще ее приписывали Рубенсу! Онъ дѣйствовалъ такъ хорошо, или, вѣрнѣе, такъ плохо, что въ Москвѣ, понявъ свою безопасность, скоро успокоились и рѣшили даже, что настала благопріятная пора посчитаться со своимъ шведскимъ сосѣдомъ. Послѣ бурныхъ препирательствъ Борисъ въ 1590 году уговорилъ самого Ѳеодора стать во главѣ громаднаго войска и двумя послѣдовательными походами добился отъ Швеціи уступки двухъ городовъ, Копорья и Иванъ-города, которые давно уже служили предметомъ спора между обѣими сторонами. Потомъ, когда велись переговоры съ Польшей о заключеніи перемирія на двѣнадцать лѣтъ, Борисъ сталъ замышлять достигнуть еще большаго, послѣ того какъ Іоаннъ III умеръ, унося съ собой въ могилу проекты отмщенія, не перестававшіе тревожить Москву.

Это событіе стоило нѣсколькихъ побѣдъ. Наслѣдіе покойнаго возбудило вражду между Сигизмундомъ и его дядею—Карломъ, который былъ облеченъ властью регента; пользуясь этимъ, Москва въ 1595 году вынудила у Швеціи окончательныя условія мира. Въ Тявзинѣ, при посредничествѣ

---

[1]) Caro. Das Interregnum Polens, стр. 59 и слѣд.; Hist. Russiae Monumenta, т. II, № XVI.

императора, былъ подписанъ весьма выгодный, хотя и вызывавшій довольно жестокія нападки, мирный договоръ. Ко всему уже пріобрѣтенному ранѣе царь присоединилъ и781Ксгольмъ. Одна статья договора, сохранявшая за шведами исключительное право торговли въ Нарвѣ, правда, казалась не очень благопріятной; во всякомъ случаѣ, она наносила чувствительный ударъ, но лишь выгодамъ Ганзейскаго союза, а жертвовать его интересами былъ уже заведенный обычай[1]).

Императоръ потребовалъ уплаты за свои услуги, и вотъ, начатые въ 1588 году переговоры привели, съ его стороны, къ одной изъ самыхъ странныхъ дипломатическихъ неразберихъ, о какихъ когда либо свидѣтельствовали архивы. Со времени появленія въ 1588 году на берегахъ Дуная тайнаго агента Ѳеодора, Луки Паули,—авантюриста темнаго происхожденія,—и послѣ трехъ послѣдовательныхъ миссій императорскаго посла Николая Варкоча, за которыми послѣдовала въ 1597 году миссія бургграфа Доны,—Вѣнскій дворъ совсѣмъ запутался въ интригѣ, готовившей ему одни разочарованія. Послѣ неудачи въ Польшѣ, онъ разсчитывалъ одно время великолѣпно вознаградить себя въ Московіи. Вѣнскій дворъ льстилъ себя надеждой достигнуть двойной цѣли: пополнить московскими рублями вѣчно пустую императорскую казну и обезпечить за принцемъ австрійскаго дома наслѣдованіе Ѳеодору!

Паули прибылъ въ 1588 году съ предложеніемъ субсидіи, чтобы поддержать въ Польшѣ кандидатуру Максимиліана, — споръ о ней былъ уже покончень, — а затѣмъ отъ своего имени сообщилъ новость, будто существуетъ тайное завѣщаніе Ивана IV, предназначавшее Московскій тронъ австрійскому принцу (мудрено понять: какъ такъ и почему, вѣдь Ѳеодоръ былъ живъ!). Варкочу, — понятно почему, — не удалось увидѣть этого таинственнаго завѣщанія, и онъ удовольствовался сообщеніемъ, будто подлинникъ погибъ во время пожара. Не довелось ему увидать и московскаго серебра, хотя въ одномъ, вѣроятно, подложномъ, разсказѣ о своемъ первомъ путешествіи онъ, будто, говоритъ о трехъ милліонахъ флориновъ, вывезенныхъ имъ изъ Москвы и, для

[1]) См. объ этомъ въ рус. лѣтоп.: Никоновск. VIII, 12—13; 16—17 и 29—30; Первая Псков. лѣт. (Полн. собр. лѣт. V—320); Kelch, Lievl. Hist. 447—449; Hiaern (Mon. Liv. Ant. I, 369—371); Соловьевъ, Ист. Рос., VII, 329 и слѣд.; Форстенъ, Балт. вопр., II, 52.

пущей предосторожности, скрытыхъ въ бочкахъ съ воскомъ [1]). Зато сначала отъ Бориса, а затѣмъ и отъ самого Ѳеодора Варкочъ получилъ обѣщанія и поощренія, по его мнѣнію, крайне заманчивыя. Посредникомъ для сношеній съ Ѳеодоромъ служилъ начальникъ Посольскаго приказа, весьма могущественный и очень влiятельный дьякъ Андрей Щелкаловъ, вскорѣ впавшій въ немилость, надо думать, за свое дерзкое вмѣшательство въ эту интригу [2]). Борисъ заявлялъ, что царь не покинетъ императора, „хотя бы ему пришлось ѣсть изъ деревянныхъ чашекъ", а когда его заставили высказаться начистоту, договорился до того, будто его государь смогъ бы накопить пять милліоновъ для помощи Рудольфу противъ общихъ враговъ. А что касается вопроса о завѣщаніи, то тутъ Годуновъ обнаружилъ больше сдержанности и даже нѣсколько мистифицировалъ Варкоча, а тотъ, повидимому, и не догадывался объ этомъ: документъ-де существовалъ, и если Максимиліану удастся водвориться въ Варшавѣ, то „могутъ произойти большія дѣла", — вѣдь Ѳеодору, очевидно, не суждено имѣть наслѣдника. А между тѣмъ, когда при Бычинѣ (24 января 1588 года) эрцгерцогъ былъ разбитъ и даже взятъ въ плѣнъ, Рудольфъ завелъ переговоры объ его освобожденія, какъ разъ цѣной полнаго отреченія его отъ притязаній на корону Польши! Правда, во время второго пребыванія въ 1593 году Варкочъ не посмѣлъ уже заговорить съ Борисомъ объ этомъ щекотливомъ предметѣ. Онъ наверсталъ свое въ бесѣдѣ со Щелкаловымъ, а этотъ въ свою очередь самымъ страннымъ способомъ тѣшился надъ его легковѣріемъ, говоря отъ имени Ѳеодора: если-молъ Вѣнскій дворъ немедленно пришлетъ въ Россію принца лѣтъ четырнадцати или пятнадцати, то этого юношу могутъ усыновить и воспитать какъ будущаго наслѣдника царскаго!

Какъ бы это ни казалось неправдоподобнымъ, Вѣнскій дворъ попался на удочку; онъ снова отправилъ одураченнаго дипломата, хотя теперь вопросъ о гадательномъ наслѣдствѣ уступаетъ мѣсто другому, болѣе неотложному. Турки совершили нашествіе на Венгрію, а императорская казна была пуста. Поэтому, не пренебрегая предложеніемъ Щелкалова, посланникъ долженъ былъ прежде всего стараться привезти

---

[1]) Adelung. Uebersicht der Reisenden, I, 401.

[2]) Щепкинъ, Archiv für Slavische Philologie, XXII, 401; Платоновъ, Журн. Мин. Нар. Просв., іюнь 1898; ср. у Лихачева, Разрядные дьяки, стр. 191 и слѣд.

денегъ. И онъ ихъ привезъ: по крайней мѣрѣ, думалъ, что привезъ. О сокровенныхъ намѣреніяхъ, которыя будто бы были у Θеодора, Varkочъ не смогъ ничего развѣдать, такъ какъ глава Посольскаго приказа, дьякъ Щелкаловъ, былъ уже не у дѣлъ; къ тому же царь самъ сталъ теперь отцомъ. Безъ сомнѣнія, ему не лучше удалось бы извѣдать сокровенныя тайны московской казны, если бы многократныя посольства его не показались сами по себѣ разорительными для финансовъ царя. Въ свой послѣдній пріѣздъ Варкочъ со своею свитой въ тридцать три человѣка въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ съѣли: 48 быковъ, 336 барановъ, 1.680 куръ, 112 гусей, 224 утки, 11.200 яицъ и 336 фунтовъ масла! Выгоднѣе было ужъ прямо поступиться кое-какими деньжонками! Надоѣдливаго просителя отправили съ цѣлымъ обозомъ тяжело нагруженныхъ телѣгъ, а когда ихъ распаковали въ Вѣнѣ, совѣтники императора Рудольфа увидѣли цѣлый наборъ мѣховъ!

Извѣстно, что тогда шкурки куницъ и сибирской бѣлки часто замѣняли въ Москвѣ золото и серебро. Это была послѣдняя и самая жестокая мистификація.

Хотя и тщетно пытался Рудольфъ обратить въ деньги громоздкій товаръ, однако не палъ духомъ. Но и замѣнившій въ 1597 году Варкоча Авраамъ Дона имѣлъ не болѣе успѣха. Дипломатія Годунова на этотъ разъ пустила въ ходъ средство, столь часто и столь успѣшно примѣнявшееся Грознымъ: казна царя въ распоряженіи императора; но вѣдь рѣчь идетъ о войнѣ съ турками? Значитъ, сперва необходимо создать общій союзъ всѣхъ христіанскихъ государей, а такъ какъ посолъ римскаго первосвященника находится какъ разъ тутъ, то къ дѣлу можно приступить немедленно. Агентъ Климента VIII, Александръ Комуловичъ, дѣйствительно, только что пріѣхалъ въ Москву, гдѣ онъ побывалъ уже два года тому назадъ. Но цѣлью его миссіи былъ исключительно вопросъ о соединеніи обѣихъ церквей, а Дона, со своей стороны, не имѣлъ достаточныхъ инструкцій для устроенія новаго крестоваго похода, и переговоры такимъ образомъ прервались [1]).

---

1) Смотри для этого эпизода: Fiedler, Beziehungen Oesterreichs zu Russland, Almanach der K. Akad. der Wiss. 1866, стр. 257 и слѣд.; Форстенъ, Балтійскій вопросъ т. II, стр. 56 и слѣд.; Бантышъ-Каменскій, Обзоръ внѣшнихъ сношеній, I. 13—14; Соловьевъ, Исторія Россіи, VII, 346; Pierling, Papes et Tsars, стр. 443 и слѣд.—Документы: Памятники дипломатическихъ отнош., I, 1049 и слѣд.; II,

Возобновить ихъ уже не привелось за неимѣніемъ времени. Гроза приближалась. Много было сдѣлано и съ той и съ другой стороны попытокъ къ сближенію, и всѣ онѣ остались тщетными. Пока все еще дѣйствовали ощупью, натыкаясь на многочисленныя препятствія, раздѣлявшія обѣ страны: разстояніе, глубокое различіе цивилизацій, интересовъ и психики; эту черту можно считать самой характерной вообще для зарождающихся сношеній Россіи съ Западомъ во времена Θеодора и Бориса.

IV. Сношенія съ Западомъ.

Борисъ пытался даже и съ отдаленной Франціей завязать сношенія. Посланный въ Парижъ переводчикъ Петръ Рагонъ вернулся въ Москву въ 1586 году съ оффиціознымъ агентомъ Францискомъ де-Карле, по всей вѣроятности, племянникомъ извѣстнаго Ланселота де-Карле, сотрапезника Лопиталя, Ронсара и дю-Беллэ. Дядя былъ блестящимъ представителемъ короля Генриха II въ Римѣ, а племянника уполномочили извѣстить объ отправленіи посольства, которое такъ и осталось въ проектѣ [1]).

Съ Англіей дѣла шли значительно успѣшнѣй, такъ какъ Боусъ, посланникъ Елизаветы, находился въ Москвѣ при восшествіи Θеодора на престолъ. Но, послѣ крупныхъ разногласій съ Грознымъ, этотъ вспыльчивый дипломатъ собрался уѣхать и, садясь на корабль въ Архангельскѣ, въ запальчивости даже бросилъ полученные имъ обычные подарки и письмо новаго царя съ существенными условіями новаго торговаго договора. Однако, ливонецъ Бекманъ, отправленный курьеромъ вслѣдъ за Боусомъ, въ свою очередь остался недоволенъ тѣмъ, что будто бы Елизавета приняла его „въ огородѣ", хотя королева увѣряла, что „ни чесноку, ни луку тамъ не росло". Болѣе успѣшно постарался возстановить хорошія отношенія между обоими дворами агентъ англійской Компаніи Іеронимъ Горсей; въ 1587 году ему удалось даже получить очень выгодную для своихъ соотечественниковъ грамоту. Эта, пятая по счету, грамота значительно сокращала и такъ уже относительно очень низкія пошлины, которыми

№ 32 и слѣд. Hist. Russiae Mon., II, XXV; донесенія и замѣткиВаркоча въ Вѣнскихъ Архивахъ.

[1]) См. Paris, La Chronique de Nestor, I, 381.

еще обременяли въ Московскомъ государствѣ англійскихъ купцовъ. Къ несчастью, могущественная Компанія не прочь была злоупотреблять своими привилегіями, подвергаясь, именно за эти привилегіи, ярымъ нападкамъ со стороны своихъ соперниковъ изъ Германіи, Франціи, Нидерландовъ и даже самой Англіи. Подъ покровительствомъ Компаніи нѣкоторые изъ ея агентовъ предпринимали личныя спекуляціи, и близкій совѣтникъ Елизаветы, сэръ Францискъ Вельшингемъ (Walshingham), не гнушался принимать въ нихъ участіе; между тѣмъ Московія не могла ихъ считать выгодными, тѣмъ болѣе, что зачастую онѣ оказывались разорительными для ея подданныхъ. Даже самъ Годуновъ пострадалъ отъ одного банкротства. Но, съ другой стороны, и Іерониму Горсею, этому полу-купцу и дипломатическому посреднику, не всегда везло. Такъ, въ 1586 году Борисъ тайно поручилъ ему привезти изъ Англіи для Ирины ученую лѣкарку, которая помогла бы царицѣ имѣть дѣтей, а Горсей вернулся съ повивальной бабкой!

Годуновъ усиленно заботился, чтобы забыли это происшествіе, а той порой злосчастное впечатлѣніе уменьшалось и тогда же привезенными Горсеемъ подарками; особенно способствовалъ этому органъ, собиравшій передъ Кремлемъ цѣлую толпу слушателей. Хотя Ѳеодоръ не унаслѣдовалъ отъ отца личныхъ причинъ, побуждавшихъ Грознаго оказывать вниманіе Елизаветѣ, зато царскій любимецъ, какъ свидѣтельствуетъ Горсей, наоборотъ, видимо, былъ проникнутъ подобными заботами. Онъ хотѣлъ обезпечить себѣ убѣжище въ Англіи, и, когда Горсей уѣзжалъ туда, Борисъ, въ свою очередь, отправилъ королевѣ подарки; они были такъ великолѣпны, что Елизавета, разсматривая ихъ съ увлеченіемъ, даже „вспотѣла“; хотя дѣло было въ октябрѣ!

Но Годуновъ былъ не Грозный. Англійская Компанія возбудила противъ себя недовольство, отказавъ перевести главный пунктъ своей торговли изъ Нарвы, оставшейся въ рукахъ шведовъ, въ гавань Святого Николая на Бѣломъ морѣ, какъ этого хотѣли москвитяне. Борисъ принужденъ былъ считаться съ этимъ недовольствомъ, и преемнику Боуса отъ 1588 до 1589 года, Джильсу Флетчеру, стоило немало труда снова все уладить. Побѣда, одержанная Елизаветой надъ испанскимъ королемъ, сильно способствовала его стараніямъ, и шестая грамота прибавила къ прежнимъ

привилегіямъ англійскихъ купцовъ право свободнаго проѣзда черезъ все Московское государство. Однако, эта шестая грамота не вернула имъ полной свободы отъ пошлинъ, полученной въ 1576 году, когда Грозный мечталъ жениться въ Англіи. И Флетчеръ даже лично не могъ похвалиться вниманіемъ, которое ему оказывали.

Онъ отомстилъ тѣмъ, что, вернувшись въ Англію, обнародовалъ книгу, которая, несмотря на многочисленныя ошибки и слишкомъ явное, преднамѣренное зложелательство, остается самымъ цѣннымъ источникомъ для политической, соціальной и экономической исторіи Россіи въ эту эпоху [1]). Компанія, встревоженная тѣмъ, что сочиненіе пріобрѣло громкую извѣстность, и опасаясь, какъ бы это не отразилось на дѣлахъ ея, потребовала его конфискаціи, и Елизавета охотно согласилась на это. Своей ѣдкой критикой абсолютной власти книга внушала опасенія даже въ Англіи. Появившійся въ 1845 году русскій переводъ былъ немедленно конфискованъ, а издатель его былъ лишенъ каѳедры, которую занималъ въ Московскомъ университетѣ.

Между тѣмъ англо-русскія отношенія продолжали оставаться на хорошемъ пути, и правительство Ѳеодора или Годунова вышло безъ большихъ потерь изъ этого дипломатическаго поединка.—Послѣдствія расширенія владѣній, одновременно предпринятаго на востокѣ и югѣ государства, въ теченіе 1590 года готовили Россіи болѣе тяжелое испытаніе.

V. Расширеніе владѣній на востокъ.

Медленно оттѣсняя азіатскій элементъ за свои постоянно расширяемыя границы, Москва до конца XVI вѣка была ограждена отъ возвратнаго наступательнаго движенія мусульманскихъ народовъ, съ одной стороны, безпрестанными смутами, волновавшими Крымскій полуостровъ, а съ другой—набѣгами запорожскихъ казаковъ, которые, безпокоя татаръ и турокъ, всѣ замыслы ихъ о возмездіи обращали на Польшу,

---

[1]) The Russian Common Wealth, 1591. (О Государствѣ Русскомъ. Сочиненіе Флетчера. СПБ. Изд. А. С. Суворина).—См. для этого событія: Russia at the close of the XVI. C. Введеніе, ст. LXXXIX и слѣд. и Приложеніе I, ст. 281; Толстой, Россія и Англія, №№ 61—64, 67—74, 76—80; Бантышъ-Каменскій, Обзоръ внѣшн. снош., I, 94 и слѣд. Сборникъ Имп. Рус. Ист. Общества, XXXVIII, 186—246; Середонинъ, Сочиненія Джильса Флетчера, стр. 140.

потому что казаки эти были ея подвластными. Миролюбивое расположеніе Крымскаго хана поддерживалось кое-какими подачками, посылаемыми въ Бахчисарай. Но въ 1590 году Швеція догадалась дать больше, и послѣдствія этого испыталъ на себѣ посланникъ Θеодора, Бибиковъ. Подражая Баторію, Казы-Гирей, выслушивая царское посланіе, отказался встать, а весной слѣдующаго года Орда выступила въ походъ. Татары говорили, будто они идутъ на Польшу, но въ Москвѣ скоро узнали истину. Въ подобныхъ случаяхъ тревогу подымала умно устроенная сторожевая служба. Черезъ всю степь, возлѣ каждаго высокаго дерева, стояли по два казака: одинъ отъ времени до времени взлѣзалъ на верхушку, чтобы осмотрѣть горизонтъ, другой держалъ коня своего товарища. И какъ только туча пыли показывалась вдали, сторожевые скакали до ближайшаго дерева по направленію къ границѣ, а этотъ постъ, получивъ тревогу, въ свою очередь извѣщалъ слѣдующій [1]). Это былъ телеграфъ того времени. И вотъ благодаря ему 3 іюля въ Кремлѣ узнали, что татары перешли Оку. На слѣдующій день они были у воротъ столицы. На спѣхъ собранная и немногочисленная рать, казалось, не въ состояніи будетъ защитить Москву. Что произошло тогда, такъ и осталось невыясненнымъ въ точности. Одна изъ тѣхъ паникъ, которой порою подвергались въ тѣ времена даже болѣе дисциплинированныя войска султана, внезапно обратила Казы-Гирея въ столь стремительное бѣгство, что посланные въ догоню за нимъ нѣсколько московскихъ отрядовъ настигли арріергардъ хана только уже около Тулы.

Наибольшую выгоду изъ этой побѣды извлекъ опять-таки Годуновъ. Кажется, онъ никоимъ образомъ не содѣйствовалъ успѣху. Онъ не былъ предводителемъ войска. А между тѣмъ главнокомандующій, Θ. И. Мстиславскій, подвергся опалѣ за то, что въ своемъ донесеніи не приписалъ всей заслуги въ этомъ событіи временщику, какъ подобало. Въ концѣ концовъ всѣмъ воеводамъ были розданы великолѣпныя награды—шубы „съ царскаго плеча“ и помѣстья,—но Годуновъ получилъ изъ нихъ лучшую долю.

Впрочемъ, съ Казы-Гиреемъ не все еще было кончено. Вернувшись сильно изуродованнымъ въ Бахчисарай, онъ обласкалъ Бибикова, сдѣлалъ видъ, будто ничуть не опеча-

---

[1]) Карамзинъ. Исторія Гос. Рос. т. X, гл. III, стр. 138.

ленъ этой неудачей, и позволилъ себѣ даже шутить по этому поводу.

— Меня плохо приняли у васъ,—говорилъ онъ послу.

— Ты слишкомъ скоро ушелъ,—отвѣтилъ Бибиковъ,— если придешь другой разъ, тебя лучше поподчуютъ.

Хитрый татаринъ ухмылялся и подумывалъ объ отместкѣ. Москва была рада, когда, два года спустя (въ ноябрѣ 1593 года), въ Ливнахъ на Соснѣ ей удалось заключить окончательный миръ, при чемъ она обѣщала разсѣять донскихъ казаковъ и заставить терскихъ не безпокоить турокъ. Ханъ въ то время служилъ, дѣйствительно, обычнымъ посредникомъ между царемъ и султаномъ. Долгое время въ Константинополѣ даже упорно отказывались вступить въ непосредственныя сношенія съ Москвой. „Его Величество, говорилось тамъ, отправляетъ посланниковъ только къ великимъ государямъ Франціи, Англіи и Испаніи, которые платятъ ему дань“. Благовъ, отправленный въ Константинополь въ 1584 году, чтобы извѣстить о восшествіи Θеодора на престолъ, достигъ того, что въ Москву было снаряжено отвѣтное посольство. Но и послѣ мира въ Ливнахъ разбойничьи набѣги казаковъ и захваты русской колонизаціи по прежнему мѣшали установить сколько-нибудь прочное соглашеніе [1]).

Москва, дѣйствительно, безпрестанно подвигалась все далѣе и далѣе. Въ 1586 году она проникла въ Закавказье, но, по правдѣ сказать, тутъ ея первые шаги были несчастливы. Одинъ грузинскій князь усиленно просилъ помощи противъ турокъ и персовъ, а ему послали монаховъ и иконописцевъ! Такъ какъ князь настаивалъ на своей просьбѣ, рѣшили двинуть въ походъ отрядъ войска, но предводитель этого отряда князь Хворостининъ былъ разбитъ и потерялъ 3.000 человѣкъ [2]).

Попытки возобновить сношенія съ Персіей, сдѣланныя одновременно съ этимъ, были прерваны трудностями сообщенія. Изъ всего многолюднаго посольства, отправленнаго къ шаху Аббасу въ 1598 году, прибыли по назначенію только одни сокольники, сопровождавшіе драгоцѣнныхъ птицъ [3]).

---

[1]) Соловьевъ. Исторія Россіи, VII, 370 и слѣд.

[2]) Тамъ же, VII, 387.

[3]) Веселовскій. Памятники дипломатическихъ сношеній съ Персіей, I, 334 и слѣд.

Болѣе успѣшно шли дѣла на сѣверо-востокѣ: замиреніе возмутившихся черемисовъ и постройка цѣлаго ряда новыхъ городовъ—Цывильска, Уржума, Санчурска обезпечивали прочное владѣніе. Въ низовьяхъ Волги возникли новые города Саратовъ, Царицынъ. Въ Сибири, послѣ смерти Ермака [1]) и отступленія его товарищей подъ предводительствомъ атамана Матвѣя Мещеряка, на нѣкоторое время торжествовалъ дикій Кучумъ. Но скоро по слѣдамъ богатыря, искателя приключеній, пошли одинъ за другимъ московскіе отряды. Въ 1585 году воевода Мансуровъ построилъ при сліяніи Иртыша и Оби укрѣпленный городъ и пушечнымъ ядромъ сокрушилъ знаменитаго идола, котораго остяки противопоставили его артиллеріи. Въ теченіе слѣдующихъ лѣтъ были основаны Тюмень и Тобольскъ, а въ 1590 году вслѣдъ за Лугуемъ, владѣвшимъ двумя городами и четырьмя крѣпостями на Оби, самъ Кучумъ изъявилъ покорность.

Мирному завоеванію этого края способствовали и заселенія Строгановыхъ. Ихъ промышленные успѣхи и созданіе Пелыма, Березова, Сургута, Тары, Нарыма и Кетскаго Острога, которые служили центрами привлеченія русскихъ земледѣльцевъ и ремесленниковъ, позволили Ѳеодору съ 1592 года говорить о Сибири какъ объ окончательно присоединенной къ его владѣніямъ области. Кажется, теперь въ Россіи объ этомъ забываютъ.

Во всякомъ случаѣ, какъ внутри, такъ и извнѣ, правленіе преемника Иванова было вполнѣ мирно, и страна, послѣ жестокихъ испытаній въ царствованіе Грознаго, обязана Ѳеодору какъ бы перемиріемъ между потрясеніями недавняго прошлаго и бурей недалекаго будущаго.

VI. Внутреннее управленіе.

Изо всѣхъ имѣвшихъ значеніе въ русской исторіи временщиковъ Годуновъ былъ, безъ сомнѣнія, наиболѣе достойнымъ своей высокой доли. Онъ былъ неграмотенъ; но ему никакъ нельзя отказать въ довольно правильномъ пониманіи пользъ и нуждъ своей родины въ ту пору, когда онъ былъ призванъ ею править. Бывши сотрудникомъ Ивана Грознаго въ его разрушительной работѣ, онъ сумѣлъ понять, что послѣ перекройки слѣдовало снова сшивать: положить конецъ

[1]) Waliszewski. Ivan le Terrible, стр. 478.

экономическому разстройству, бывшему послѣдствіемъ революціонной политики предшественника; возстановить обрабатываніе земли въ обезлюдненныхъ центральныхъ областяхъ; оказать помощь классу „служилыхъ людей", помѣстья котораго обратились въ пустыню; облегчить тягость налоговъ, которые обременяли сократившееся въ числѣ тяглое населеніе; наконецъ, ослабить до крайности обострившіяся столкновенія между различными элементами населенія. Годуновъ хвалился, что онъ всюду установилъ въ такой мѣрѣ „порядокъ и правосудіе, что подъ его управленіемъ никто, какъ бы великъ и силенъ онъ ни былъ", не рѣшится обидѣть „даже сироту". Это были только красныя слова; но, послѣ свирѣпыхъ неистовствъ опричнины, уже одно то, что правительство хвалилось честностью и правосудіемъ, имѣло нѣкоторую цѣну.

Борисъ Годуновъ былъ кичливъ непомѣрно. Въ 1591 году московскіе послы утверждали въ Варшавѣ, будто онъ освободилъ по всей странѣ землю отъ всякихъ налоговъ. Ни одной десятины, платящей хотя бы копейку! Опять одни красныя слова, подобныя обычному жесту Бориса, съ какимъ онъ, теребя богато вышитый воротъ своей рубахи, объявлялъ, что онъ готовъ подѣлиться всѣмъ, до этой одежды включительно, съ первымъ попавшимся нищимъ. А въ это самое время печальные угличскіе изгнанники и завѣдывавшій земскимъ хозяйствомъ дьякъ Битяговскій, у котораго впослѣдствіи произошли съ ними и другія болѣе серьезныя ссоры, спорили изъ-за размѣровъ подати, причитавшейся съ каждой обработанной десятины! Частичныя льготы, отмѣненныя въ виду истощенія казны между 1580 и 1584 годами, были только-что снова возстановлены, и Борисъ, по своему обыкновенію, воспользовался этой щедростью и пустилъ пыли въ глаза своимъ сосѣдямъ, полякамъ.

Однако, страна весьма замѣтно оправлялась отъ только-что перенесенныхъ ужасныхъ испытаній. Населеніе успокаивалось и увеличивалось, благодаря возвращенію большого количества бѣглецовъ. Несмотря на упадокъ внѣшней торговли, который отмѣченъ Флетчеромъ и, безъ сомнѣнія, объясняется потерею Нарвы, торговые обороты вообще замѣтно увеличились [1]). Но зло было глубоко, и тѣ средства, къ которымъ прибѣгали, могли оказать свое дѣйствіе лишь со временемъ.

[1]) Платоновъ. Очерки по исторіи смуты, стр. 593.

Политика Ивана Грознаго стремилась расчленить нѣкоторымъ образомъ и перестроить общество, положивъ въ основаніе сословіе „служилыхъ людей“, которое отбывало только воинскую службу и никоимъ образомъ не должно было пріобрѣтать значеніе органическаго элемента въ общественномъ строѣ. Лицомъ къ лицу съ этимъ непроизводительнымъ и неспособнымъ къ почину сословіемъ стояли разъединенные, полные разлада, вооруженные другъ противъ друга—крупный землевладѣлецъ, освобожденный отъ всякихъ повинностей; монахъ, ненасытно алчный къ захвату земель; одинаково разоренные мелкій и средній собственникъ и превращенный въ бродягу, ушедшій въ степь „казаковать“ крестьянинъ,—всѣ они выжидали только случая порѣшить съ этой непрестанно ожесточавшейся враждой.

Впрочемъ, Годуновъ продолжалъ нѣкоторымъ образомъ слѣдовать программѣ Грознаго, не проявляя лишь его жестокости. И русскіе и иностранные лѣтописцы, какъ Тимофеевъ или Флетчеръ, вполнѣ согласуются въ указаніи на то, что Борисъ покровительствовалъ людямъ низкаго званія въ ущербъ родовитой знати. И возвышеніе такихъ людей, какъ Клешнинъ, и значеніе, которое придавали въ Думѣ дьякамъ въ родѣ Щелкалова, повидимому, оправдываютъ эту оцѣнку. Но Годуновъ вмѣстѣ съ тѣмъ дѣятельно выступалъ въ качествѣ примирителя въ ожесточенной свалкѣ тѣхъ обломковъ былого общественнаго строя, которые, покоряясь присущему имъ закону развитія, стремились со своей стороны органически преобразоваться, но сталкивались между собою въ страстной борьбѣ. Борьба шла за обладаніе землей, и въ еще болѣе жестокомъ видѣ—за обладаніе рабочими руками. Монахи и крупные помѣщики захватывали лучшія доли того и другого; а мелкимъ собственникамъ приходилось оспаривать другъ у друга немногія оставшіяся въ ихъ распоряженіи пригодныя къ обработкѣ десятины, охотиться на человѣка, на землероба; его преслѣдовали въ плохо охранявшихся помѣстьяхъ, разыскивали по кабакамъ, гдѣ такъ удобно коварно переманить его, завлекали въ дебри двусмысленнаго законодательства и продажнаго правосудія.

Годуновъ, въ бытность своею правителемъ, а впослѣдствіи царемъ, сильно заботился о томъ, какое придумать средство противъ этой хозяйственной и общественной язвы; и вотъ, подъ вліяніемъ этой заботы или, вѣрнѣе, съ цѣлью

положить конецъ безпрестанному шатанью населенія, обезпечить воздѣлываніе земли и искоренить разбойничество, онъ въ 1592 году отмѣнилъ, какъ полагаютъ, право перехода, которое до той поры было предоставлено большинству крестьянъ.

Это было прикрѣпленіе къ землѣ, безжалостный законъ, однимъ росчеркомъ пера закрѣпостившій тысячи человѣческихъ существъ!

Я уже высказалъ свое мнѣніе по этому предмету [1]), и теперь, послѣ новаго изслѣдованія этого вопроса, я все еще отказываюсь допустить, что Годуновъ долженъ нести передъ исторіей такую страшную отвѣтственность. За неимѣніемъ ни единаго прямого свидѣтельства, его обвинителямъ остается ограничиваться умозаключеніями, добытыми при помощи законодательныхъ текстовъ позднѣйшаго времени, изъ которыхъ одни подозрительны или явно подложны, другимъ же можно давать самыя различныя толкованія. Какъ ни много проницательности употреблено было на то, чтобы истолковать ихъ въ желательномъ смыслѣ, мнѣ все еще кажется неправдоподобнымъ, чтобы починъ одного человѣка могъ, даже въ этой странѣ произвола и насилія, ввести въ одинъ часъ то, что во всѣхъ другихъ мѣстахъ было созданіемъ нѣсколькихъ вѣковъ и слѣдствіемъ совокупности экономическихъ и соціальныхъ причинъ. Тѣ же самыя причины издавна оказывали свое вліяніе и здѣсь, и послѣдствіемъ ихъ вѣковой работы, завершившейся въ XVI вѣкѣ, было порабощеніе земледѣльца либо землею, либо землевладѣльцемъ (и этотъ вопросъ тоже остается спорнымъ).

Законодательный актъ 1592 года, если онъ въ самомъ дѣлѣ причастенъ къ вопросу, какъ и всѣ послѣдующіе акты XVII и XVIII вѣковъ, относящіеся къ этой области, изданъ былъ, вѣроятно, лишь съ цѣлью упорядочить на время истинное положеніе вещей, освященное житейскимъ обиходомъ. Въ 1601 году, когда Борисъ уже царствовалъ, другое временное распоряженіе должно было отчасти возстановить для нѣкоторыхъ разрядовъ крестьянъ право перехода, и вотъ изъ этого-то именно распоряженія изслѣдователи и извлекли доводъ въ пользу своего предположенія объ отмѣнѣ права перехода въ 1592 году. Но, лишая одновременно и притомъ

---

[1]) Ivan le Terrible, стр. 29.

самымъ точнымъ образомъ этой привилегіи нѣкоторые другіе разряды крестьянъ, распоряженіе это, подлинный текстъ коего дошелъ до насъ, исключаетъ, повидимому, всякую мысль объ общемъ законодательствѣ, касающемся этого вопроса. И будучи правителемъ, и сдѣлавшись царемъ, Борисъ преимущественно прибѣгалъ къ временнымъ мѣрамъ, лишь бы выйти изъ затрудненія, и этимъ онъ положилъ начало той „показной" политикѣ, которой суждено было оказывать такое большое вліяніе на дальнѣйшую судьбу его родины.

Другой разительный примѣръ этой политики можно видѣть въ самомъ важномъ событіи его времени, имѣвшемъ значеніе какъ съ политической, такъ и съ религіозной точки зрѣнія,—я имѣю въ виду учрежденіе патріаршества.

По своимъ непосредственнымъ причинамъ это событіе, несомнѣнно, находится въ прямой связи съ великимъ дѣломъ соединенія обѣихъ церквей; но въ этомъ вопросѣ, какъ видно по отрицательному результату двухъ уже упомянутыхъ выше миссій Комуловича, Годуновъ сумѣлъ занять лишь пассивное положеніе [1]). А вопросъ этотъ былъ не таковъ, чтобы можно было выжидать, воздерживаясь отъ рѣшенія. Откладывать его нельзя было никакъ. Флорентійская унія обращалась въ ничто подъ воздѣйствіемъ трехъ факторовъ: московской пропаганды, византійскаго вліянія и безучастнаго отношенія къ ней католическаго духовенства. Но оказалось, что подготовлялось иное сближеніе, въ силу двухъ весьма различныхъ и, тѣмъ не менѣе, дѣйствовавшихъ согласно между собою причинъ: новаго подъема религіозной энергіи, возбужденнаго въ католичествѣ натискомъ реформаціи, и происходившаго въ то же самое время разстройства,—я сказалъ бы, почти полнаго разложенія—православной церкви въ Московскомъ государствѣ.

Русскіе историки прежде обвиняли по этому поводу польское правительство въ маккіавеллизмѣ, а теперь и они [2]) признаютъ, что вторичное возникновеніе этой досадной задачи было, главнымъ образомъ, послѣдствіемъ внутренняго перелома въ лонѣ національной церкви. Конечно, Польша не

---

[1]) См. для исторіи этихъ миссій: Памятники дипломатическихъ сношеній, X, 393—502; Hist. Russiae Monumenta, II, №№ 26—29; Pierling, Papes et Tsars, стр. 443 и слѣд.; его же, La Russie et le Saint-Siège, II, 330 и сл

[2]) См. у Ореста Левитскаго, въ его предисловіи къ шестому тому Архива юго-западной Россіи, стр. 9.

могла оставаться безучастной къ этому вопросу. Въ однихъ только польскихъ владѣніяхъ князя Константина Острожскаго (а они заключали въ себѣ, со своими 35 городами и мѣстечками и семью сотнями деревень, значительную часть нынѣшней Волынской и часть губерній Кіевской и Подольской), въ однихъ этихъ владѣніяхъ насчитывали 600 православныхъ церквей, большое количество православныхъ монастырей и ни единой уніатской церкви! Спустя тридцать лѣтъ послѣ смерти этого властелина, его внучкѣ Аннѣ-Алоизѣ Ходкевичъ пришлось предсѣдательствовать при закладкѣ іезуитской коллегіи въ Острогѣ; тогда какъ наслѣдникъ другой части владѣній, князь Владиславъ Доминикъ Заславскій, издалъ въ 1630 году распоряженіе, коимъ предписывалось, чтобы всѣ православные священники присоединились къ уніи [1]). А вѣдь это было дѣломъ ополячиванія, которое совершалось такимъ образомъ. Но поляки лишь воспользовались движеніемъ, исходившимъ изъ нѣдръ самой православной церкви. Послѣ Флорентійской уніи Брестская унія (заключенная 23 декабря 1595 года при единодушномъ содѣйствіи всѣхъ русскихъ епископовъ, имѣвшихъ епархіи въ Польшѣ) была лишь своего рода расколомъ, происшедшимъ, какъ и расколъ XVII вѣка, вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія церковнаго организма [2]).

Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ этого истиннаго раскола былъ воспитанникъ іезуитовъ Михаилъ Рагоза, рукоположенный въ 1589 году константинопольскимъ патріархомъ Іеремій въ кіевскіе митрополиты. Самъ Іеремія, изгнанный въ то время турками, искалъ убѣжища и... опредѣленія на должность. Удержавши его въ Польшѣ, можно было бы извлечь еще больше выгоды изъ его расположенія. Но Сигизмундъ упустилъ этотъ благопріятный случай, и странствующій патріархъ направился въ Москву, гдѣ его приняли съ распростертыми объятіями.

Съ одной стороны, здѣсь чувствовали необходимость противодѣйствовать тому, что подготовлялось въ Польшѣ, а съ другой—преобразованіе національной церкви уже давно стояло на очереди. Осуществленная уже на дѣлѣ автономія русской церкви требовала еще освященія, а въ то же самое

---

[1]) Кулишъ. Исторія возсоединенія Руси, I, стр. 251 и слѣд.

[2]) Архивъ юго-западной Россіи, VI, № 246.

время неизбѣжный упадокъ восточныхъ патріарховъ дѣлалъ безотлагательнымъ разрывъ номинальной зависимости, которой ничто уже не соотвѣтствовало въ дѣйствительности. Во время своихъ частыхъ посѣщеній Москвы патріархи появлялись въ ней почти только для собиранія милостыни. Антіохійскій патріархъ Іоакимъ только-что прожилъ тамъ довольно долго; согласившись занимать второе мѣсто послѣ московскаго митрополита, своего подчиненнаго по каноническому ученію, онъ этимъ и внушилъ Годунову мысль обратить дѣйствительное положеніе дѣла въ законоустановленное. Начали разрабатывать вопросъ объ учрежденіи независимаго московскаго патріаршества. Пріѣздъ Іереміи содѣйствовалъ осуществленію этого замысла. Обольщенный надеждой, что онъ самъ займетъ новый патріаршій престолъ, онъ охотно согласился взять задуманное учрежденіе подъ защиту своего авторитета. Но ему предложили каѳедру во Владимірѣ, такъ какъ митрополитъ Іовъ не могъ уступить ему своего мѣста въ Москвѣ, и вотъ 26 января 1589 года Іеремія покорился судьбѣ и рукоположилъ этого своего соперника [1]).

Указъ, обнародованный по этому поводу, напоминаетъ, что послѣ Рима и Константинополя Москва сдѣлалась средоточіемъ христіанской церкви, третьимъ Римомъ; онъ и опредѣлилъ быть новому патріарху на третьемъ мѣстѣ послѣ константинопольскаго и александрійскаго. Это послѣднее постановленіе не было утверждено Константинопольскимъ соборомъ, который въ 1590 году далъ согласіе на самый актъ, который Іеремія взялъ на свою отвѣтственность. Новый московскій патріархъ оказался отодвинутымъ на пятое мѣсто. Но въ Москвѣ объ этомъ и знать ничего не хотѣли [2]).

---

[1]) Собраніе государств. грамотъ и договоровъ, II, стр. 95. Сличите у Терновскаго, Изученіе Византійской исторіи, т. II, стр. 72—73.

[2]) См. по этому вопросу: Николаевскій, Учрежденіе патріаршества; Зернинъ, то же заглавіе (Архивъ истор. и юрид. наукъ, изд. Калачевымъ, т. II, 1-ая часть, стр. 1—34); Каптеревъ, Характеръ отношеній Россіи къ православному Востоку; Макарій, Исторія русской Церкви, X; Haigold (Schlözer), Beilagen zum neuveränderten Russland, I, стр. 1; Adelung, Uebersicht der Reisenden, I, 381. Источники: Древняя россійская вивліоѳика, т.т. XII и XVI; Русская истор. библіотека, II; Акты истор. Дополненія № 76.—Греческія повѣствованія: Іероѳея, именуемаго также Дороѳеемъ; въ русскомъ переводѣ у Терновскаго, указанное соч., Арсенія Элассонскаго, напечатанное въ Codices manuscripti Bibl. Taurinensis, Turin, 1749, т. I, по рукописи, которая теперь находится въ Парижской Національной Библіотекѣ.

Ясно, что это было прекрасное добавленіе къ зарождающемуся великолѣпію государства. Но все это было лишь украшеніе „на показъ“. Какъ признаетъ одинъ изъ крупныхъ русскихъ историковъ, учрежденіе патріаршества не принесло національной церкви никакого приращенія внутреннихъ силъ, не внесло въ нее никакого оздоровляющаго и животворнаго начала. Будучи и безъ того уже автокефальной, даже болѣе чѣмъ независимой въ своихъ отношеніяхъ съ нуждающимися восточными іерархами, русская церковь не пріобрѣла того, что ей было гораздо болѣе необходимо: никакого новаго обезпеченія отъ произвола свѣтскихъ властей, а только однѣ онѣ и угрожали ея независимости [1]). Какъ покажетъ потомъ близкое будущее, патріаршество сдѣлалось скорѣй преградой для преобразованій внутри церкви, и опять-таки лишь они одни могли бы поднять національное духовенство на высоту его призванія.

Но, предваряя подвиги, которыми блистали и многіе другіе изъ будущихъ властителей Россіи, Годуновъ имѣлъ склонность къ прикрасамъ и пусканью пыли въ глаза, и къ этимъ пріемамъ введенія въ обманъ онъ прибѣгъ вскорѣ при такомъ событіи, которое имѣло болѣе рѣшающее значеніе, когда его судьба, хотя все еще восходящая, наткнулась на зародышъ роковового паденія и заразилась имъ.

На порогѣ тревожной эпохи, изученіе которой составляетъ истинный предметъ настоящаго труда, и о которой я сейчасъ начну разсказывать, царствованіе Θеодора походитъ на тотъ промежутокъ обманчиваго безвѣтрія и лучезарнаго затишья, который предшествуетъ бурнымъ переворотамъ въ природѣ. Излагая по возможности сжато его исторію, я, къ сожалѣнію, чувствую, что мнѣ все-таки не удалось избавить своихъ читателей отъ нѣкоторой скуки въ этомъ немного тускломъ прологѣ. Въ слѣдующей главѣ читатель будетъ введенъ въ самую суть драмы.

---

[1]) Костомаровъ. Русская исторія въ жизнеописаніяхъ, т. I, стр. 599.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Драма въ Угличѣ.

I. Династическій вопросъ.

Безъ сомнѣнія, въ наше время громадная Сибирь, предназначенная для болѣе славной участи, скоро перестанетъ быть мѣстомъ ссылки. Однако, повидимому, тамъ останется, по крайней мѣрѣ, одинъ ссыльный, и—любопытная подробность—онъ находится въ ссылкѣ съ 1591 года! Да, онъ началъ въ ту пору одну изъ самыхъ печальныхъ главъ въ исторіи человѣчества. Онъ былъ въ первой партіи ссыльныхъ, отправленныхъ изъ Углича въ Тобольскъ и Пелымъ.

Вплоть до восемнадцатаго вѣка сохранился обычай увѣчить осужденныхъ въ ссылку преступниковъ, такимъ образомъ отправляемыхъ въ далекій край,—это былъ способъ отмѣтить ихъ и лишить надежды на успѣхъ побѣга. Имъ рвали ноздри, а иногда отрѣзывали и уши. Это служило вмѣстѣ съ тѣмъ какъ добавочное наказаніе и знакъ позора. Ссыльный 1591 года не избѣгъ этого варварскаго обращенія. Болѣе счастливый, чѣмъ нѣкоторые изъ его товарищей по несчастью, онъ пережилъ свою рану, и въ 1837 году въ Тобольскѣ около дома протопопа построили маленькій сарай, гдѣ этотъ печальный свидѣтель скорбнаго прошлаго былъ показанъ наслѣднику престола во время его путешествія по области. Въ 1849 году жители Углича ходатайствовали объ его помилованіи, и просьба, представленная императору, была принята благосклонно. Но вмѣшательство Святѣйшаго Синода заставило отказаться отъ задуманнаго дѣла милосердія, и возобновленная въ 1888 году попытка имѣла не больше успѣха.

Читатель уже догадался, что этотъ ссыльный былъ изъ

матеріала болѣе способнаго, чѣмъ человѣческое тѣло, сопротивляться времени и страданіямъ. Это — колоколъ, а отбитыя ушки его—отрѣзанное ухо. За какое неискупимое преступленіе этотъ колоколъ понесъ наказаніе, до сихъ поръ не обезоруживъ неумолимаго преслѣдованія гражданскихъ или церковныхъ властей? 15-го мая 1591 года онъ возвѣстилъ жителямъ города Углича о смерти царевича Димитрія [1]).

Генеалогическое древо Рюрикова дома представляетъ рѣдкую особенность. Изъ всѣхъ царственныхъ родовъ онъ лучше другихъ исполнялъ заповѣдь: плодитеся и размножайтеся. Съ девятаго по шестнадцатое столѣтіе мощный стволъ, посаженный основателемъ русской имперіи въ славяно-финскую почву, покрылъ огромное пространство своими постоянно расширявшимися вѣтвями. А между тѣмъ младшая линія въ потомствѣ Александра Невскаго, утвердившаяся въ Москвѣ, имѣла въ то же время противоположную судьбу. По мѣрѣ того, какъ ея политическое первенство укрѣплялось на развалинахъ соперничающихъ домовъ, число ея представителей все умалялось, такъ что ихъ насчитывали очень немного. Впрочемъ, это явленіе можно легко объяснить: общее правило всѣхъ русскихъ наслѣдственныхъ владѣній требовало болѣе или менѣе равнаго раздѣла вотчинъ, вслѣдствіе чего все болѣе и болѣе увеличивалась цѣнность наслѣдства, и въ свою очередь обнаруживалось вліяніе закона борьбы за существованіе. Такъ, молва говоритъ, что Василій Темный (1425—1462) то ядомъ, то желѣзомъ устранилъ обоихъ своихъ двоюродныхъ братьевъ, Василія Косого и Димитрія Шемяку, а также и внучатнаго племянника, Василія Боровскаго, и его трехъ сыновей. Иванъ III, великій „собиратель русской земли“ (1462—1505), счелъ умѣстнымъ предупредить раздробленіе своего значительно увеличившагося государства, погубивъ своего внука Димитрія Ивановича и сидѣвшаго въ Угличѣ брата его Андрея съ двумя его сыновьями. Отецъ Грознаго Василій Ивановичъ (1503—1533) принялъ тѣ же мѣры предосторожности по отношенію къ внучатному двоюродному брату, Василію Шемякѣ-Рыльскому, и даже правительница Елена (1533—1538), передъ тѣмъ какъ

[1]) „Историческій Вѣстникъ“ 1890 г., окт., стр. 198. Очеркъ Пыляева съ приложеніемъ изображенія этого колокола.

сама умерла отъ отравы, позаботилась отправить на тотъ свѣтъ двухъ своихъ шурьевъ, Юрія и Андрея.

Сверхъ того, Московскіе великіе князья только въ видѣ исключенія давали своимъ братьямъ разрѣшеніе жениться, и при восшествіи Ѳеодора на престолъ поле соперничества оказалось, такимъ образомъ, весьма суженнымъ. Правда, въ княжескихъ фамиліяхъ Долгорукихъ, Лобановыхъ, Гагариныхъ оставалось еще безчисленное потомство Рюрика, но торжествующій родъ Калиты отодвинулъ на второй планъ эти пришедшіе въ упадокъ дома и устранилъ ихъ изъ числа соперниковъ. Новая политика Москвы даже противопоставила имъ въ лицѣ такихъ фамилій, какъ Квашнины, Бутурлины, Воронцовы и Шереметевы, новую аристократію. Изъ родственниковъ, имѣвщихъ право наслѣдованія, у Ѳеодора оставались только его младшій братъ Димитрій и дочь Владиміра Андреевича (это былъ двоюродный братъ Ивана IV, въ свое время также умерщвленный), Марія Владиміровна, вдова Магнуса, носившая титулъ королевы Ливоніи [1]).

Королева эта жила въ Ригѣ, и польское правительство, съ одной стороны, тяготившееся обязанностью содержать ее, а съ другой—удовлетворенное обладаніемъ такой заложницы, оказывало вдовѣ Магнуса непривѣтливое гостепріимство. Она имѣла малолѣтнюю дочь Евдокію. Въ 1586 году Годуновъ рѣшилъ возвратить въ Россію обѣихъ принцессъ и начатые по этому поводу переговоры поручилъ Горсею. Возможно, что онъ хотѣлъ принести новыя жертвы предусмотрительной политикѣ, которая обезпечила величіе Москвы. Но Горсей сочинилъ цѣлый романъ, разсказывая, будто бы различными уловками и съ разными приключеніями, въ родѣ ухаживанія, ночного похищенія и т. д., ему удалось отнять эту добычу у бдительныхъ ея сторожей. А истинный ходъ дѣла былъ таковъ: получивъ согласіе Маріи Владиміровны, московское правительство самыми безупречными дипломатическими пріемами обезпечило выдачу обѣихъ царственныхъ женщинъ [2]). Впрочемъ, Горсей, пожалуй, помогъ уговорить вдову Магнуса и если не тѣмъ, что расточалъ ей любезности, то, по крайней мѣрѣ, надеждой на лучшее обращеніе сравнительно съ тѣмъ,

---

[1]) Ivan le Terrible, p. 285, 291.

[2]) Horsey, Travels, въ Russia at the close of the XVI. C., стр. 210 и слѣд. Ср. статью Цвѣтаева въ Ж. М. Н. Пр. 1878 г., мартъ, стр. 83; также смотри оффиціальную переписку въ „Трудахъ Общ. Ист. и Древн.“ 1837, VIII, 392—393.

какое она испытала въ Польшѣ. А вѣдь она могла предвидѣть, что ее ожидало въ самомъ благопріятномъ случаѣ. Въ Московскомъ государствѣ, по заведенному обычаю, признавалось, что вдовы пристраиваются только въ монастырь. Итакъ, вернувшись на родину, Марія Владиміровна должна была принять иноческій чинъ въ монастырѣ, сосѣднемъ съ знаменитой Троицкой лаврой. Но здѣсь, по крайней мѣрѣ, она была въ безопасности съ тѣхъ поръ, какъ перестала быть опасной, и въ теченіе слѣдующихъ лѣтъ мы встрѣтимъ этотъ печальный обломокъ мечущимся среди самыхъ реальныхъ и весьма трагическихъ приключеній. Дочь ея, напротивъ, такъ какъ ее еще нельзя было постричь въ монахини, вскорѣ погибла, и на Бориса пало подозрѣніе, что она погибла насильственной смертью [1]).

Устранивъ такимъ образомъ эти препятствія, Годуновъ очутился передъ другимъ возможнымъ соперникомъ, который уже былъ царемъ, и это тѣмъ болѣе указывало на него, хотя было лишь подобіемъ царствованія. Мои читатели, должно быть, не забыли этого бывшаго царя, татарина Симеона, котораго Грозный вздумалъ однажды сдѣлать своимъ двойникомъ. Но этотъ соперникъ, удаленный въ Кучалино и случайно или инымъ образомъ лишившійся зрѣнія, не шелъ взаправду въ счетъ. Въ 1589 году — предполагаемый годъ смерти малолѣтней Евдокіи—кромѣ надежды на потомство, которое царица Ирина могла сохранить, династическій вопросъ былъ упрощенъ какъ нельзя болѣе. Остался одинъ только Димитрій, который запутывалъ его, мѣшая вѣроятнымъ честолюбивымъ замысламъ Годунова.

Для того времени Угличъ былъ довольно значительнымъ городомъ—три собора, полтораста церквей, двѣнадцать монастырей, двѣ тысячи монаховъ и тридцать тысячъ жителей. Полу-законный царевичъ могъ довольствоваться такимъ удѣломъ, а деревянный дворецъ,—вѣдь и въ восемнадцатомъ вѣкѣ палаты Елизаветы и Екатерины были еще деревянныя,—отвѣчалъ требованіямъ княжескаго жилища, если не великолѣпіемъ архитектуры, по крайней мѣрѣ, своими размѣрами; а между тѣмъ брату Ѳеодора и семьѣ его было нелюбо въ немъ, они тосковали по Москвѣ, имъ хотѣлось

---

[1]) Могилы обѣихъ принцессъ находятся въ Троицкой лаврѣ, гдѣ онѣ послѣднее время пребывали. См. „Москвитянинъ“ 1841 г., II, 557.

быть поближе къ Кремлю, а здѣсь они обречены были терпѣть враждебное отношеніе къ себѣ людей, приставленныхъ для надзора за ними, и уже упомянутый Михайло Битяговскій выдѣлялся среди нихъ своимъ сварливымъ нравомъ и вымогательствами.

Если вѣрить нѣкоторымъ лѣтописцамъ, Димитрій, хотя онъ былъ еще ребенокъ, обнаруживалъ особенную чуткость къ этому дурному обращенію, проявляя буйный нравъ, мстительный характеръ и даже предрасположеніе къ жестокости. Онъ былъ дѣйствительно сынъ Грознаго. Разсказывали, что Димитрій охотно смотрѣлъ, какъ рѣзали быковъ или барановъ, а иногда онъ пробирался въ кухни, чтобы собственноручно свернуть шею нѣсколькимъ цыплятамъ. Однажды зимой, играя со своими сверстниками, царевичъ велѣлъ сдѣлать изъ снѣга двадцать человѣческихъ изображеній и, давъ имъ имена приближенныхъ своего старшаго брата, съ крикомъ: „Вотъ что вамъ будетъ, когда я буду царствовать“,—рубилъ ихъ изо всей силы саблей. И Борисъ не былъ забытъ въ этой игрѣ въ возмездіе. Но можетъ быть также, что иностранные повѣствователи служили только эхомъ лживыхъ розсказней, умышленно распускаемыхъ самимъ же Борисомъ. Одинъ изъ нихъ—Флетчеръ—сообщаетъ въ 1589 году болѣе правдоподобное извѣстіе, которое необходимо сохранить въ памяти,—извѣстіе, что въ то время неоднократно дѣлались попытки отравить малютку [1]).

Спустя два года, 15 мая 1591 г., Угличъ всполошился. Колоколъ церкви Спаса ударилъ въ набатъ, десятка два другихъ подхватили его. Въ толпѣ, быстро сбѣжавшейся въ ограду дворца, послышались крики о мести, затѣмъ произошла кровопролитная свалка, и распространился слухъ, что царевичъ только-что убитъ.

Димитрій родился 19 октября 1583 года, ему было семь лѣтъ и семь мѣсяцевъ безъ четырехъ дней, когда случилось это несчастье. Обстоятельства, при которыхъ оно произошло, требуютъ внимательнаго изслѣдованія.

II. Смерть Димитрія.

Въ большинствѣ лѣтописей повторяется съ небольшой разницей въ изложеніи одинъ разсказъ объ этомъ событіи,

---

1) Russia at the close, стр. 22.

и разсказъ этотъ сохранилъ вплоть до нашихъ дней совсѣмъ особый характеръ достовѣрности; въ самомъ дѣлѣ, повѣствованіе это получило сугубое подтвержденіе—и оффиціальными документами и церковными канонами. Это повѣствованіе о совершенномъ въ Угличѣ 15 мая 1591 года убійствѣ было въ 1606 году внесено въ манифестъ одного изъ преемниковъ Ѳеодора, Василія Шуйскаго, и оно же послужило основаніемъ для причтенія мученика-младенца къ лику святыхъ, которое провозглашено было въ томъ же году. Вотъ его краткое изложеніе.

Годуновъ, самъ добиваясь трона, нѣсколько разъ пытался избавиться отъ малолѣтняго Димитрія. Послѣ безуспѣшныхъ попытокъ отравить его, Борисъ сговорился со своими родными и друзьями совершить иное покушеніе на его жизнь, и окольничій Андрей Петровичъ Клешнинъ, выдвинувшійся по милости временщика, взялся его исполнить. Его заботами въ Угличъ въ качествѣ городскихъ приставовъ были отправлены Михаилъ Битяговскій съ сыномъ Даніиломъ и племянникомъ Никитой Качаловымъ и сынъ мамки Димитрія, Осипъ Волоховъ. Они навлекли на себя подозрѣнія царицы Маріи Нагой, и она усугубила бдительность. Но 15 мая 1591 года, около полудня, царица оставила своего сына на попеченіе мамки Василисы Волоховой; мамка, будучи участницей въ заговорѣ, не обращая вниманія на возраженія кормилицы, Ирины Ждановой, повела царевича во дворъ. Убійцы выжидали этой минуты. Осипъ Волоховъ взялъ царевича за руку и спросилъ его объ ожерельѣ, которое онъ носилъ; ребенокъ поднялъ голову, чтобы ему отвѣтить объ этомъ ожерельѣ, и въ этотъ мигъ Волоховъ ударилъ его ножомъ по горлу. Но рана оказалась легкая, хотя жертва упала безъ чувствъ. Кормилица бросилась на тѣло царевича, чтобы прикрыть его собою, и пронзительно закричала. Между тѣмъ убійца обратился въ бѣгство. Тогда Данила Битяговскій и Качаловъ, избивши до полусмерти Жданову, вырвали изъ ея рукъ младенца и прикончили его. Прибѣжала мать и, въ свою очередь, подняла крикъ, но никто не услыхалъ ея. Было время послѣобѣденнаго сна, и родственники царицы почивали въ покояхъ, занимаемыхъ во дворцѣ или же въ сосѣднихъ домахъ. Тревогу поднялъ сторожъ церкви Спаса; онъ находился случайно на колокольнѣ, откуда видѣлъ все происшедшее, и ударилъ въ набатъ. Сбѣжался народъ. Толпа, узнавъ, что слу-

чилось, бросилась на убійцъ; во время этихъ безпорядковъ были убиты Битяговскій и одиннадцать предполагаемыхъ его соучастниковъ. Той порой тѣло царевича перенесли въ соборъ Преображенія Господня, а въ Москву, чтобы увѣдомить Θеодора, отправили гонца. Какъ и слѣдовало ожидать, вѣсть прошла сначала черезъ руки Годунова, который позаботился измѣнить ея смыслъ. Было признано, что Димитрій, играя ножомъ, самъ лишилъ себя жизни, и слѣдственная комиссія, составленная изъ преданныхъ временщику людей, подтвердила этотъ разсказъ [1].

Хотя причтеніе Димитрія къ лику московскихъ мучениковъ продолжаетъ поддерживать довѣріе къ этому разсказу объ убіеніи, все-таки онъ возбуждаетъ многочисленныя возраженія. Прежде всего, въ то время, когда произошло это прискорбное событіе, смерть царевича какъ разъ не могла настолько послужить на пользу честолюбію Годунова, чтобы внушить ему мысль о преступленіи. Если онъ и въ самомъ дѣлѣ питалъ вожделѣнія на наслѣдство Θеодора, то въ ту пору его отстраняло пока отъ наслѣдства еще иное препятствіе: Ирина, будучи отнынѣ совсѣмъ здоровой, черезъ годъ (14 іюля 1592 г.) должна была стать матерью. Во-вторыхъ, Битяговскій и его сообщники были отправлены въ Угличъ не въ 1591 году; они вступили въ исполненіе своихъ обязанностей вслѣдъ за водвореніемъ въ этомъ городѣ Димитрія,—значитъ, еще въ то время, когда Годуновъ не могъ и думать сдѣлать ихъ орудіемъ преступнаго замысла. Наконецъ, хотя этотъ разсказъ и признается оффиціальнымъ, но вѣдь существуютъ и другіе, тоже имѣющіе притязанія считаться оффиціальными. Архивы сохранили нѣсколько такихъ сообщеній, которыя, опять-таки оффиціально, были признаны при сличеніи ихъ между собою непримиримо противорѣчащими

---

[1]) Русскія лѣтописи: Лѣтопись о многихъ мятежахъ; Повѣсть 1606 года (Иное сказаніе); Повѣсть о убіеніи царевича Димитрія (издана въ 1864 г. Бычковымъ въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн.); Сказаніе о Гришкѣ Отрепьевѣ (Русск. Истор. Библ., XIII, 707) и др. источники, указанные Платоновымъ въ его книгѣ „Древнерусскія сказанія и повѣсти о Смутномъ времени", стр. 330. Сличите житія: первое житіе Святого Димитрія было написано въ 1607 г.; это лишь краткое изложеніе Повѣсти 1606 года; второе было составлено княземъ Шаховскимъ и имѣется въ полномъ собраніи его сочиненій; третье жизнеописаніе появилось около середины XVII вѣка въ Минеяхъ Милютина (Рус. Истор. Библ; XIII, 901) и въ минеяхъ Тулупова (тамъ же, XIII, 880).

другъ другу. Въ хронологическомъ порядкѣ разсказъ о „несчастномъ случаѣ“, источникомъ котораго были правительственные слѣдователи 1591 года, занимаетъ даже первое мѣсто. Несчастный ли случай или убійство, но сила обоихъ этихъ утвержденій одинакова, тѣмъ болѣе, что ихъ отвѣтственнымъ виновникомъ оказывается одно и то же лицо. Предсѣдателемъ слѣдственной комиссіи 1591 года и вдохновителемъ манифеста и канонизаціи 1606 года, дѣйствительно, былъ все тотъ же Василій Ивановичъ Шуйскій, невозмутимо противорѣчившій себѣ въ обоихъ случаяхъ.

III. Слѣдствіе.

Уже одинъ выборъ Шуйскаго предсѣдателемъ слѣдственной комиссіи, кажется, представляетъ достаточно краснорѣчивое свидѣтельство въ пользу невиновности Годунова. Вѣдь Василій Ивановичъ принадлежалъ къ семьѣ, среди членовъ которой правитель менѣе всего могъ искать себѣ соучастниковъ. Чтобы устранить этотъ доводъ, указывали на недавнюю женитьбу Димитрія Шуйскаго—брата Василія—на свояченицѣ Годунова—Малютѣ-Скуратовой. А съ другой стороны, товарищи Шуйскаго, Клешнинъ, дьякъ Елизаръ Вылузгинъ и митрополитъ Геласій, представляли-де всѣ поруки своего полнаго послушанія. Пусть будетъ такъ.

Всѣ протоколы слѣдствія сохранились въ Московскихъ архивахъ, не хватаетъ лишь немногаго (но оффиціальное изданіе преувеличило значеніе этихъ пропусковъ) [1]). Эти пропуски, если ихъ и въ самомъ дѣлѣ такъ много, во всякомъ случаѣ, касаются лишь подробностей, сравнительно несущественныхъ. Документъ этотъ несчетное число разъ былъ анализированъ, подвергаемъ самой кропотливой и порой черезчуръ суровой критикѣ. Конечно, слѣдствіе Шуйскаго и его товарищей нельзя назвать образцовымъ. Да и странно было-бы искать такихъ образцовъ въ юридическихъ памятникахъ шестнадцатаго вѣка. Въ ихъ произведеніи легко можно замѣтить кое-какія упущенія по небрежности и много странностей. Такъ, не достаетъ показаній главнаго свидѣтеля — царицы Маріи; ее, оказывается, не допрашивали. Показанія большинства другихъ свидѣтелей черезчуръ согласны между собой и

---

[1]) Собраніе Государственныхъ грамотъ, II, 103—123.

производятъ впечатлѣніе хорошо заученнаго урока. Очныхъ ставокъ не дѣлали, когда это было явно необходимо сдѣлать, а въ другихъ случаяхъ не допрашивали порознь, когда это послужило-бы на пользу дѣла. Горожане, селяне, чиновники всѣхъ степеней, попы, архимандриты, игумены, простые священники — изъ которыхъ одинъ, прозываемый „Огурецъ“, лишившись жены, недавно передъ этимъ былъ разжалованъ въ пономари,—дворцовые слуги, повара, поварята, булочники, истопники, холопы,—всѣ были призваны сразу и хоромъ повторяли за Василисой Волоховой разсказъ, явно бывшій отголоскомъ чужихъ словъ. Всѣ они признаны свидѣтелями-очевидцами, а между тѣмъ многіе изъ нихъ, явное дѣло, не могли ничего видѣть.

Это подозрительное однообразіе, однако, не всеобще. Въ форменномъ противорѣчіи со всѣми остальными находится показаніе Михаила Нагого. И, въ частности, оно свидѣтельствуетъ объ относительной искренности при допросѣ обѣихъ сторонъ.

Кажется, этотъ документъ былъ составленъ не на мѣстѣ допроса; въ немъ есть указанія на такія дѣйствія слѣдователей, которыя они могли исполнить только впослѣдствіи, только прибывши уже въ Москву. И этого обстоятельства вполнѣ достаточно, чтобы объяснить отмѣченные выше недостатки въ соблюденіи формальностей.

Наконецъ, слѣдователи упустили начать дѣло съ начала, а именно, они не осмотрѣли внимательно тѣло жертвы; они не видали его! Наоборотъ, еще прежде чѣмъ приступить къ дѣлу, они допустили какъ уже добытое слѣдствіемъ самое существенное, что именно слѣдователи и должны были вывести на свѣтъ Божій,—смерть царевича и родъ этой смерти. Они признали достовѣрнымъ, что малолѣтній Димитрій въ припадкѣ черной немочи нанесъ себѣ смертельный ударъ, и все свое стараніе употребили лишь на то, чтобы выяснить, кто подлежитъ отвѣтственности за этотъ несчастный случай или за послѣдствія его. Итакъ, главнымъ образомъ, они затѣяли дѣло противъ Нагихъ, обвиняя ихъ въ томъ, что тѣ безъ всякаго уважительнаго повода подстрекнули перебить Битяговскаго и его товарищей по несчастью.

Однако, источникъ этотъ и въ теперешнемъ его видѣ не можетъ быть совсѣмъ окончательно отвергнутъ. Вся исторія человѣчества перестала-бы существовать болѣе чѣмъ наполо-

вину, если-бы мы безъ дальнихъ разсужденій отвергали всѣ подобныя и еще болѣе сомнительныя свидѣтельства. Даже время, когда такъ изложено было событіе 1591 года, даетъ ему превосходство передъ вторымъ оффиціальнымъ повѣствованіемъ, которое спустя пятнадцать лѣтъ—и на этотъ разъ явно—было внушено посторонними дѣлу соображеніями или легендами. Въ 1591 году обстоятельства событія были еще въ полной силѣ и потому не дозволяли полнаго искаженія. Толкуя ихъ произвольно, слѣдствіе не могло, вѣроятно, измѣнить самой сути дѣла. Вотъ эти факты, какъ они выясняются на основаніи оффиціальнаго дознанія.

Съ нѣкоторыхъ поръ царевичъ Димитрій прихварывалъ. У него обнаружилась наклонность къ падучей болѣзни. Въ одинъ изъ недавнихъ припадковъ онъ поранилъ свою мать свайкою и укусилъ палецъ одной изъ приставленныхъ къ нему женщинъ. Чтобы исцѣлить ребенка, обратились къ знахарю, а когда бѣда случилась, его обвинили въ порчѣ царевича. Эти свѣдѣнія, собранныя слѣдствіемъ, не могутъ быть всѣ до одного явной выдумкой. Наканунѣ несчастія больному стало лучше, мать повела его къ обѣднѣ, а вернувшись домой, позволила ему играть во дворѣ. На слѣдующій день царица поступила такъ-же; ребенокъ остался съ мамкой Василисой Волоховой, кормилицей Ириной Тучковой (по мужу Ждановой, называемой въ нѣкоторыхъ документахъ Дарьей) и постельницей Маріей Колобовой (по мужу Самойловой). На заднемъ дворѣ къ ребенку присоединилось четверо товарищей, мальчики изъ сословія „жильцовъ“: Петръ Колобовъ, Баженъ Тучковъ, Иванъ Красенскій и Григорій Козловскій. Стали играть въ „тычку“, попадая ножами въ цѣль. Вдругъ у царевича начался припадокъ эпилепсіи; падая, ребенокъ поранилъ себѣ горло ножомъ, который собирался метать. Димитрій скончался не тотчасъ-же; братъ царицы Григорій засталъ своего племянника еще живымъ, а онъ прибылъ на мѣсто происшествія немало времени спустя, когда тревога разнеслась уже по всему городу. Кормилица съ крикомъ подхватила ребенка на руки. На крикъ ея прибѣжала мать. Ребенокъ былъ раненъ, но, очевидно, съ перваго взгляда нельзя было сообразить, насколько рана была опасна. Что же дѣлаетъ мать? Надо было-бы ожидать, что она кинется на помощь своему ребенку и вырветъ его изъ рукъ провинившейся кормилицы, виновной въ непростительной оплошности; вѣдь, ко-

нечно, было безуміемъ позволить ребенку, страдавшему падучей, играть съ ножомъ. Но нѣтъ! Какъ я уже указывалъ выше, разсказъ Василисы Волоховой послужилъ основаніемъ и, такъ сказать, лейтъ-мотивомъ для большинства показаній, собранныхъ слѣдствіемъ. А вѣдь, если вѣрить мамкѣ, царица въ этотъ трагическій моментъ не занялась ни раненымъ, ни кормилицей. Она все свое вниманіе обратила только на нее, мамку, и вотъ эта мамка становится главнымъ лицомъ и почти, можно сказать, главной жертвой драмы.

Замѣтимъ кстати, — эта женщина вышла въ люди по милости царицы. Будучи низкаго происхожденія, она проникла во дворецъ и получила званіе большей боярыни только потому, что снискала благорасположеніе послѣдней супруги Грознаго. И вотъ покровительница и любимица вступаютъ въ драку. Раненый ребенокъ тутъ же, но одно чувство воодушевляетъ и побуждаетъ дѣйствовать мать, это — гнѣвъ. Она схватила полѣно и съ размаху ударила Волохову. Въ то же время она указываетъ на сына мамки Осипа, какъ на убійцу царевича. Осипа не было на мѣстѣ происшествія; по крайней мѣрѣ, онъ не присутствовалъ тутъ, когда произошло несчастіе съ царевичемъ. Какимъ образомъ и почему на него взваливаютъ вину? Но вотъ ударили въ набатъ; гдѣ именно,—на колокольнѣ ли церкви Спаса или царя Константина, — этотъ вопросъ остается нерѣшеннымъ. Кто первый зазвонилъ, или кто отдалъ приказаніе звонить, это—тайна. Собралась толпа, и вмѣстѣ съ ней прибѣжали братья царицы, Михаилъ и Григорій. Михаилъ былъ „мертвецки пьянъ"; къ тому же у него были личные счеты съ дьякомъ Битяговскимъ. По крайней мѣрѣ, одинъ изъ свидѣтелей во время слѣдствія — Суббота, на очной ставкѣ съ Ѳедотомъ Аѳанасьевичемъ по прозванью „Огурцомъ"—показываетъ, что Михаилъ Нагой требовалъ отъ Битяговскаго больше денегъ, чѣмъ тотъ хотѣлъ дать. Съ другой стороны, уже издавна началась вражда между Нагими и Борисомъ Годуновымъ. По свидѣтельству одного лѣтописца [1]), послѣ женитьбы Грознаго на Маріи Нагой одинъ изъ братьевъ новой царицы, Аѳанасій, сталъ обвинять этого временщика передъ царемъ. И вотъ теперь другой братъ, Михаилъ, при-

---

[1]) Хронографъ Латухинскій (Степенная книга), смотр. Карамзинъ, т. IX, примѣч. 618.

соединяется къ голосу сестры и указываетъ толпѣ на Михаила Битяговскаго и его сына Даніила какъ на сообщниковъ Осипа Волохова въ умерщвленіи царевича: они-де совершили злодѣяніе по приказанію Годунова. Толпа взламываетъ дверь избы, въ которой заперся Михаилъ Битяговскій съ Даніиломъ Третьяковымъ, и убиваетъ обоихъ. Данилу Битяговскаго, въ свою очередь, нашли въ дьячьей избѣ; его убили вмѣстѣ съ Никитой Качаловымъ и другими несчастными, вступившимися за Битяговскихъ и Волохову. Погоня за Осипомъ Волоховымъ ворвалась даже въ церковь, и здѣсь его убили въ присутствіи царицы.

Кто видѣлъ всѣ эти ужасы? Кто свидѣтельствуетъ о нихъ? — все Волохова. Между тѣмъ ее самое ударили первую и, если повѣрить ей, чуть живую бросили на мѣстѣ событія. Изливъ на мамку весь свой гнѣвъ, царица передала полѣно Григорію Нагому, и тотъ съ ожесточеніемъ билъ мамку этимъ полѣномъ. Другіе палачи присоединились къ нему. Все равно! Жертва все видѣла, слѣдила за всѣми перемѣнами драмы.

А между тѣмъ—и это еще болѣе удивительно—ни четверо дѣтей, участвовавшихъ въ игрѣ съ Димитріемъ, и никто изъ свидѣтелей-очевидцевъ не указываютъ мамки среди присутствовавшихъ во время несчастія женщинъ. Какимъ образомъ и за что пріобщили ее къ дѣлу и такъ жестоко съ ней расправились?

Возникаетъ еще другой вопросъ: что же сталось съ царевичемъ среди этой сумятицы и рѣзни? Въ этомъ пунктѣ единодушны всѣ свидѣтели: на рукахъ кормилицы онъ долго мучился въ судорогахъ. „Его долго било“, повторяли одинъ за другимъ всѣ свидѣтели. Въ какую минуту онъ умеръ?—Неизвѣстно. Кто же убѣдился въ его смерти?—Никто. Тѣло поспѣшно было перенесено въ церковь, съ той же торопливостью похоронено, и равнодушіе, проявленное при долгой агоніи, сопровождало несчастнаго ребенка до самой могилы. Три дня спустя, 18 мая, Михаилъ Нагой, протрезвившись, постарался только оградить себя лично отъ отвѣтственности. По его распоряженію приказчикъ Русинъ Раковъ набралъ разнаго оружія — пищалей, кинжаловъ, палицъ — и, вымазавъ ихъ кровью нарочно зарѣзанной для этого курицы, разложилъ около труповъ Битяговскихъ и другихъ убитыхъ,—вотъ, молъ, улики ихъ причастности къ убійству царевича. Дѣйстви-

тельно, братъ царицы крѣпко ухватился за эту мысль и съ величайшей энергіей отстаивалъ ее противъ всѣхъ противоположныхъ свидѣтельствъ, включая сюда и свидѣтельства другихъ Нагихъ, Григорія и Андрея. Только одинъ Аѳанасій не присутствовалъ при дознаніи,—онъ бѣжалъ.

Новая странность. Этому дядѣ царевича, совсѣмъ непричастному къ несчастному событію, казалось, нечего было опасаться послѣдствій его. Почему же онъ бѣжалъ? Быстро добравшись до Ярославля, нѣсколько дней спустя, когда слѣдствіе уже началось, онъ постучался въ полночь у воротъ Іеронима Горсея, который случайно проживалъ въ этомъ городѣ. Нагой сообщилъ англійскому агенту о смерти царевича, убитаго ставленниками Годунова, и просилъ лѣкарства для царицы; она, говорилъ онъ, тоже стала жертвой отравленія, ей грозитъ смерть, у нея выпадаютъ волосы и ногти, и сходитъ кусками кожа [1]).

Что это значитъ? Мать Димитрія не сопровождала Аѳанасія въ этомъ необъяснимомъ бѣгствѣ, и нѣтъ другого свидѣтельства, гдѣ бы упоминалось о покушеніи на ея жизнь въ это время. Да если бы ей и дѣйствительно нужна была такая помощь, то какія средства оставались у находившагося въ бѣгахъ брата, чтобы доставить ей эти лѣкарства?

Но и поведеніе самого Михаила Нагого не менѣе необъяснимо. Говорили, что царевича зарѣзали ножомъ; какимъ же образомъ дядѣ его пришло въ голову указывать на пищали и палицы какъ на орудія убійства?

Обстоятельства дѣла, представленныя такимъ образомъ въ протоколахъ слѣдствія или въ добавочныхъ показаніяхъ, кажутся несовмѣстимыми, такъ какъ сами свидѣтели подозрительны. Григорій и Андрей Нагіе, признанные въ качествѣ свидѣтелей-очевидцевъ, прибыли на мѣсто происшествія, только уже услыхавъ набатъ. Пономарь „Огурецъ“, который ударилъ первый въ набатъ, и котораго легенда потомъ сдѣлала зрителемъ происшествія съ высоты колокольни, въ дѣйствительности находился дома, когда произошло смятеніе; даже нога его не была на дворѣ дворца, и онъ не видалъ царицы. Звонить онъ сталъ, повинуясь какому-то приказанію, но слѣдователямъ не удалось выяснить, отъ кого исходило это приказаніе. Иныя изъ собранныхъ ими показаній обличаютъ

---

[1]) Russia at the close of the XVI. C., стр. 254.

явную ложь. Таковъ разсказъ нѣкоторыхъ горожанъ: переправляясь черезъ Волгу на призывъ набата, они будто бы видѣли, какъ убивали Битяговскихъ; спросивъ затѣмъ убійцъ, изъ-за чего идетъ эта рѣзня, они получили такой отвѣтъ: царевичъ зарѣзался, играя ножомъ. Очевидно, убійцы не могли такъ оправдывать свои жертвы въ то самое время, когда избивали ихъ.

Однако,—иначе мы должны будемъ отказаться отъ всякой исторической критики,— нѣкоторый свѣтъ проникаетъ и въ это темное, запутанное событіе. Существуетъ два возможныхъ предположенія, и второе изъ нихъ почти-что достовѣрно: вопервыхъ, царевичъ былъ подверженъ эпилептическимъ припадкамъ, и во-вторыхъ—15 мая 1591 года онъ сталъ жертвой или несчастнаго случая, или преступленія. Въ остальномъ мы остаемся въ области догадокъ; между ними, однако, я замѣчаю одну, повидимому, логически вытекающую изъ всѣхъ извѣстныхъ обстоятельствъ, отчасти достовѣрныхъ, отчасти вѣроятныхъ; она невольно приходитъ на умъ; вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней нѣтъ тѣхъ поразительныхъ несообразностей, которыя лишаютъ силы всѣ остальныя гипотезы, какія можно было бы противопоставить ей. Я не колеблюсь ее высказать,— 15 мая 1591 года царевичъ Димитрій не умеръ. Онъ не погибъ отъ поразившаго его удара, и его жизнь даже на мигъ не была въ опасности.

Допустите противоположную, преобладавшую до этого времени гипотезу и попытайтесь возстановить событіе, какъ оно описано свидѣтелями при слѣдствіи. Можете ли вы представить себѣ царицу Марію въ томъ положеніи и съ тѣми движеніями, которыя они ей придавали на слѣдствіи? Представите ли вы себѣ ее отдавшеюся только чувству гнѣва и ненависти, только стремленію ударить въ свою очередь или донести на предполагаемыхъ виновниковъ покушенія? Неужели врожденное чувство не побудило ее помочь ребенку—своему дѣтищу,—вѣдь онъ пока живъ еще и требуетъ ея заботъ!

Я взываю ко всѣмъ матерямъ!

Но вотъ еще: въ то время, какъ несчастное, покинутое всѣми существо долго бьется на рукахъ служанки въ предсмертныхъ схваткахъ и судорогахъ, рядомъ съ матерью, какихъ не бываетъ, какихъ никогда не бывало ни въ Московіи, ни вообще на свѣтѣ, можете ли вы представить себѣ всѣхъ

тѣхъ, кого несчастный случай или покушеніе на жизнь собрало къ мѣсту дѣйствія: слугъ, родственниковъ, горожанъ, крестьянъ, безучастно не обращающими вниманія на продолжительныя предсмертныя муки царевича, подражающими его матери-извергу и занятыми только местью?

Это невозможно! Ни въ какое время, ни въ какой странѣ это не могло такъ происходить!

Впрочемъ, вотъ еще другія указанія, поддерживающія то же доказательство. Слѣдователи виновниками смерти Битяговскаго и другихъ людей, убитыхъ рядомъ съ нимъ, считали Нагихъ и взбунтованныхъ ими гражданъ Углича, вслѣдствіе чего семья царицы и весь городъ Угличъ подверглись ужасному и безпощадному возмездію. Царицу принудили принять монашество въ глухомъ Никольскомъ монастырѣ около Череповца на Виксѣ. Отправленные въ Москву, Нагіе покинули темницы и застѣнки, гдѣ ихъ пытали, лишь для того, чтобы быть сосланными въ разныя отдаленныя мѣста. Двѣсти обывателей города Углича погибли въ пыткахъ, другимъ отрѣзали языки, и наконецъ большинство, почти все населеніе, было приговорено къ ссылкѣ. Пока въ далекомъ Пелымѣ собирались осужденные, самый колоколъ церкви Спаса, включенный въ огульную опалу, былъ отправленъ въ Тобольскъ.

За что такая суровость? Чѣмъ виноватъ этотъ колоколъ, ударившій въ набатъ по волѣ неизвѣстной руки? Торжественный ли звонъ, или тревожный—обязанность колокола, и онъ исполнилъ ее; вѣдь ребенокъ, царевичъ, былъ смертельно раненъ,—кругомъ его раздавались крики и зловѣщій ропотъ! А сами убійцы Битяговскаго и соучастниковъ его? Неужели не нашлось, по меньшей мѣрѣ, обстоятельствъ, смягчающихъ виновность, и при томъ такихъ, что судьи, каковы бы они ни были, въ такой странѣ, какъ тогдашняя Русь, должны были, казалось, принять ихъ во вниманіе. Сбѣжавшись на звуки набата, эти люди увидѣли зарѣзаннаго, плавающаго въ своей крови ребенка, и какого ребенка! родного брата своего царя; они услыхали мать—вдову наиболѣе чтимаго въ народѣ изъ государей—она призывала ко мщенію! И въ самомъ дѣлѣ, развѣ нельзя ихъ было извинить? вѣдь, нанося удары, они желали со своей стороны проявить вѣрность и преданность подданныхъ. Неужели въ странѣ самодержавія, въ странѣ твердо установившейся искони преданности единодержавію и непомѣрнаго подобострастія къ своему государю и его окру-

жающимъ, такой поступокъ могъ быть такъ жестоко наказанъ? Не напрашивается ли убѣжденіе, что это возмездіе было возбуждено другими причинами, которыя надо отгадать?

Еще указаніе. Въ 1606 году, полагая, что царевичъ скончался и былъ погребенъ въ Угличѣ въ церкви Преображенія Господня, вырыли его тѣло. Два свидѣтеля—русскій Тимофеевъ, авторъ упомянутой лѣтописи, и голландецъ Исаакъ Масса, мемуары котораго оказываются однимъ изъ наиболѣе цѣнныхъ памятниковъ для исторіи той эпохи, — говорятъ, что ребенокъ въ одной рукѣ держалъ вышитый платокъ, а въ другой горсть орѣшковъ. Явное дѣло, присутствіе такихъ предметовъ въ гробу можетъ быть объяснено только заботами хоронившихъ: предать тѣло вѣчному покою въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ его застигла смерть. Но тогда этотъ ребенокъ, обѣ руки котораго были заняты, не игралъ въ тычку! Онъ не поразилъ себя ножомъ и, вѣроятно, даже не былъ убитъ такимъ способомъ; вѣдь, конечно, къ другимъ памяткамъ присоединили бы тогда и орудіе его смерти. Присутствіе въ рукѣ ребенка самихъ орѣшковъ исключаетъ, кажется, возможность и покушенія на жизнь и несчастнаго случая въ такое время и при предполагаемыхъ обстоятельствахъ. Царевичъ возвращался отъ обѣдни; гдѣ, на какомъ чудесномъ деревѣ онъ могъ сорвать въ маѣ мѣсяцѣ эти предательскіе орѣшки? Если предположить несчастный случай, я становлюсь втупикъ передъ той невѣроятностью, будто бы въ рукахъ ребенка, страдавшаго падучей, оставили ножъ,—острое орудіе, достаточное для причиненія смертельной раны; если предположить покушеніе на его жизнь, невѣроятно время дня, избранное убійцами.

Какой же изъ всего этого выводъ и заключеніе?

Я считаю допустимымъ лишь одинъ исходъ: трупъ, отрытый въ іюнѣ 1606 года, не былъ тѣломъ Димитрія.

Оффиціальныя сообщенія о событіи натыкаются, такимъ образомъ, на цѣлый рядъ невѣроятностей и невозможностей, и лишь это кажется возможнымъ при логически доказанной несогласимости легенды съ исторіей.

IV. Легенда и исторія.

Участіе Годунова въ преступномъ покушеніи на жизнь царевича и даже самое предположеніе о преступленіи въ событіи 15 мая 1591 года должны быть рѣшительно отверг-

нуты. Ничто не подтверждаетъ, а все, напротивъ, согласно опровергаетъ тѣ обвиненія, какія возводились на Бориса по этому поводу. Обвиненія эти основаны лишь на разсказахъ, созданныхъ воображеніемъ, и главный изъ нихъ („Иное сказаніе") явно былъ внушенъ или переработанъ политическими противниками шурина царя Ѳеодора; Борисъ жаждалъ любви народной, и потому онъ не посмѣлъ бы такъ сурово наказать людей, которые провинились лишь тѣмъ, что самовольно расправились съ убійцами, даже—тѣмъ болѣе!—если эти убійцы были наняты имъ самимъ.

Мамка не досмотрѣла за ребенкомъ, и царевичъ, подверженный припадкамъ эпилепсіи, играя съ дѣтьми, поранилъ себя. Рана оказалась неопасной, ножъ былъ просто игрушкой, и ребенокъ не могъ имъ пронзить себѣ горло, тѣмъ болѣе, что онъ, по тогдашнему обычаю, носилъ на шеѣ широкое ожерелье, вышитое жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Только припадокъ эпилепсіи — причина происшествія—представлялъ нѣкоторую опасность, но, слѣдуя за другими недавними припадками, онъ не возбуждалъ особенной тревоги. Прибѣжавъ на крикъ кормилицы, мать излила тѣмъ не менѣе всю свою злобу на нерадивую мамку и, не владѣя собой, бросилась ее бить; между тѣмъ опытная кормилица занималась раненымъ больнымъ, понимая, конечно, какого ухода онъ требовалъ. Волохова заголосила подъ ударами полѣна, наносимыми сильной рукой, и сынъ ея Осипъ вступился за мать. Происходитъ ссора и жестокая перебранка. Этотъ юноша принадлежалъ къ шайкѣ Битяговскихъ, съ которыми у царицы были постоянные нелады, и въ своемъ гнѣвѣ она могла указать на него и Битяговскихъ какъ на виновниковъ происшествія. Причиной роковой и сугубой ошибки могло послужить и созвучіе словъ „бить" и „убить", ихъ легко можно спутать, а тѣмъ болѣе перепуганнымъ людямъ. Случается, что и въ наше время „побитый" слыветъ за „убитаго". Набатъ привелъ въ смятеніе весь городъ, во дворъ дворца сбѣжались спросонокъ люди, появился и пьяный Михаилъ Нагой—заклятый врагъ Битяговскихъ; легко себѣ представить, каковы будутъ послѣдствія: смятеніе, рѣзня, смерть царскихъ приставовъ.

Эта рѣзня, явно вызванная царицей и однимъ изъ ея братьевъ, рѣзня, нисколько не оправдываемая обстоятельствами, не могла не повлечь за собой суроваго возмездія. Вы-

жидая каждаго удобнаго случая выместить за прежнія обиды, Годуновъ не могъ, конечно, упустить столь благопріятный поводъ. Придя въ себя послѣ катастрофы, Нагіе, несомнѣнно, ясно представили себѣ, какую отвѣтственность они навлекли на себя, и начали выискивать способы избавиться отъ нея. Они искали оправданій,—нашлось лишь одно: царевичъ, дѣйствительно, былъ жертвой преступнаго покушенія на жизнь его. Извѣстно, что Михаилъ Нагой упорно настаивалъ на этомъ утвержденіи. Вполнѣ естественно предполагать, что оно было согласно съ общимъ уговоромъ, которому остальные члены семьи не сумѣли остаться вѣрными.

Если мы примемъ во вниманіе свидѣтельство Флетчера о прежнихъ покушеніяхъ на жизнь царевича,—а мы не имѣемъ никакого основанія отвергнуть его, такъ какъ оно напечатано за нѣсколько лѣтъ до событія 1591 года,—мы поймемъ, какъ такое средство спасенія само собой пришло имъ на умъ въ минуту отчаянія. Впрочемъ, царицѣ Маріи, заранѣе настроенной ждать бѣды, могло показаться, что и въ этомъ несчастномъ случаѣ было не безъ злого умысла, тогда какъ для меня лично обстоятельства этого несчастія все еще остаются весьма загадочными.

Съ другой стороны—и мы можемъ это предположить—мысль спасти это дорогое существо отъ все новыхъ и новыхъ опасностей, укрыть его въ вѣрное и потаенное убѣжище, уже приходила на умъ тѣмъ, кто охранялъ его. Происшествія 15 мая 1591 года окончательно побудили и ускорили исполненіе этого замысла; такимъ образомъ, естественно объясняется и бѣгство Аѳанасія Нагого и таинственное появленіе его въ Ярославлѣ, вѣроятно, вмѣстѣ съ лицомъ, которому нужна была медицинская помощь.

Раненый, но оставшійся въ живыхъ ребенокъ былъ увезенъ изъ Углича и довѣренъ своему дядѣ, который, будучи въ Ярославлѣ, старался найти ему врачебную помощь и убѣжище. А той порой въ Угличѣ остальные Нагіе разгласили о смерти царевича, но согласились дать уговорить себя, что онъ палъ жертвой несчастнаго случая. Только Михаилъ, вѣрный прежнему уговору, одинъ противъ всѣхъ и всего отстаивалъ разсказъ объ убіеніи царевича.

Такое предположеніе—это, конечно, не болѣе какъ гипотеза—объясняетъ съ одинаковымъ удобствомъ непостижимую иначе судьбу злополучнаго города Углича и его несчастныхъ

обывателей. Показанія Михаила Нагого и придуманная имъ печальная обстановка не могли доказать, что царевичъ былъ убитъ, —значитъ, убійцъ Битяговскаго съ товарищами слѣдовало наказать, а что важнѣе всего, надо было это происшествіе покрыть непроницаемой завѣсой и для этого устранить возможно большее число свидѣтелей. Эта послѣдняя предосторожность оказывалась прямо необходимой, потому именно, что, вѣдь, считаемый за мертваго царевичъ остался въ живыхъ. Разъ онъ исчезъ изъ Углича, онъ и долженъ былъ считаться мертвымъ! Пока онъ былъ на глазахъ и подъ надзоромъ, онъ ни въ комъ не возбуждалъ тревоги; но, когда его нѣтъ, когда онъ ускользаетъ отъ всякаго надзора, онъ становится опаснымъ, если его будутъ считать живымъ. Для своей безопасности и для безопасности царевича Нагіе пожелали, чтобы Димитрія считали мертвымъ, —ихъ поймали на словѣ. Доказать убійства они не могли и этимъ навлекли на себя отвѣтственность за рѣзню, которую несчастный случай оправдать не могъ. Въ то же время, чтобы обезпечить выдумку Нагихъ противъ всякихъ разоблаченій, политика Бориса прибѣгла къ соотвѣтствующимъ понятіямъ того времени мѣрамъ: она привлекла къ отвѣтственности даже бѣдный колоколъ, который зазвонилъ некстати.

Мнѣ не надо, конечно, настаивать, насколько важно рѣшеніе этой задачи. Если, какъ это вѣроятно, царевичъ Димитрій не умеръ въ 1591 году, то есть также немало вѣроятности предполагать, что человѣкъ, который тринадцать лѣтъ спустя носилъ то же самое имя и предъявлялъ притязанія на московскій престолъ, не былъ обманщикомъ. Вопроса о подлинности этого знаменитаго искателя престола я пока не стану рѣшать. Изслѣдованіе его я отлагаю до другой главы этого сочиненія, а здѣсь я намѣчаю этимъ только дальнѣйшій путь. Смерть маленькаго Димитрія въ Угличѣ научно не доказана. Достовѣрность этого событія не опирается ни на одно имѣющее силу доказательство, и признаніе его истиннымъ наталкивается на весьма многія и весьма важныя затрудненія. Я позволю себѣ еще прибавить, что, хотя историческая критика въ Россіи, по соображеніямъ не строго-научнаго характера, все еще далека отъ признанія этого предварительнаго свѣдѣнія, а все же въ послѣднее время замѣтно приблизилась къ нему. И, можетъ быть, рѣшительный шагъ былъ бы уже сдѣланъ,

если бы книга графа Шереметева—трудъ долгихъ лѣтъ—вышла въ свѣтъ. Но врядъ ли можно надѣяться, что она будетъ издана въ близкомъ будущемъ, и что мы познакомимся доподлинно съ тѣми документами и новыми обстоятельствами, на которыхъ основано убѣжденіе автора, находившагося въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ для того, чтобы черпать прямо изъ источниковъ, даже такихъ, которые недоступны большинству ученыхъ. Тѣмъ не менѣе убѣжденіе его не подлежитъ сомнѣнію, потому что оно выяснилось намъ въ перепискѣ графа съ извѣстнымъ историкомъ Бестужевымъ-Рюминымъ, которую миновали строгости цензуры [1]). Хотя нельзя еще въ Россіи утверждать, что царевичъ Димитрій пережилъ день 15 мая 1591 года, но читателямъ, умѣющимъ читать между строкъ, уже позволяется дать понять это. Правда, нѣкоторыя изъ предположеній, намѣчаемыхъ этой перепиской, оказываются черезчуръ смѣлыми: такова, напримѣръ, роль, которую будто бы играли въ Угличской драмѣ Романовы, или предполагаемый уговоръ между царицей Маріей и Волоховой, съ которой царица столь сурово обошлась. Другія же построены на вещественныхъ ошибкахъ, какъ свидѣтельство, приписываемое Льву Сапѣгѣ, а въ дѣйствительности принадлежащее его двоюродному брату Андрею—свидѣтелю безъ всякаго авторитета [2]). Въ общемъ, однако, обмѣнъ мнѣній между двумя учеными весьма поучителенъ: онъ выдвигаетъ хотя не убѣдительныя доказательства, но все-таки рядъ возможностей.

Но почему не дозволено говорить о томъ, на что можно такимъ образомъ намекать?

Въ 1823 году Карамзинъ сообщилъ по тайности своему товарищу по исторіи М. П. Погодину только-что сдѣланное имъ открытіе, которымъ онъ надѣялся вскорѣ, въ десятомъ томѣ печатавшейся тогда Исторіи Государства Россійскаго, порадовать своихъ читателей. Открытіе это должно было разрушить установившіяся понятія объ убіеніи царевича Димитрія по приказанію Годунова. Дѣло заключалось не въ томъ только, чтобы возстановить доброе имя этого правителя. Надъ этой задачей Карамзинъ поработалъ уже въ

---

[1]) Бестужевъ-Рюминъ. Переписка о Смутномъ времени. С.-Петербургъ, 1898.

[2]) Заблужденіе это слѣдуетъ приписать опечаткѣ въ сборникѣ, откуда взята справка (Archivum Domus Sapiehanae, I, 177).

одномъ изъ своихъ прежнихъ трудовъ [1]. На этотъ разъ знаменитый историкъ нашелъ кое-что получше. Каково же было изумленіе Погодина, когда, открывъ этотъ томъ, содержаніе котораго ему такъ было сообщено, онъ прочелъ тамъ... разсказъ объ убіеніи царевича по приказанію Годунова! Между рукописью, уже приготовленной къ печати, и печатнымъ станкомъ вступилось оффиціальное вмѣшательство и, хотя оно и не измѣнило личныхъ убѣжденій историка, по крайней мѣрѣ заставило переиначить изложеніе дѣла [2].

Въ 1830 году выступилъ въ свою очередь и Арцыбышевъ; въ „Вѣстникѣ Европы“ [3] онъ напечаталъ статью, въ которой, хотя и не утверждалъ, что Димитрій пережилъ 15 мая 1591 года, по крайней мѣрѣ защищалъ Годунова противъ обвиненія въ убійствѣ. Статья эта прошла. Но историкъ задумалъ передать смыслъ ея и въ своемъ „Повѣствованіи о Россіи“; трудъ остался неизданнымъ до смерти автора, и, когда въ 1841 году Общество Исторіи и Древностей занялось его изданіемъ, глава, касающаяся углицкаго событія, была передѣлана подъ редакціей одного историка, правда, пользующагося извѣстностью. Это былъ Устряловъ, а между тѣмъ раньше онъ и самъ пришелъ къ убѣжденію если не въ непричастности Годунова, то, во всякомъ случаѣ, въ отсутствіи доказательствъ, устанавливающихъ его виновность [4].

Но почему и въ наше время съ оффиціальной точки зрѣнія считается необходимымъ, чтобы царевичъ Димитрій былъ убитъ въ 1591 году? Потому что въ 1606 году сочли необходимымъ, чтобы юный царевичъ, въ качествѣ мученика, былъ причтенъ къ лику святыхъ. Я вполнѣ искренно вѣрю, что каноны всѣхъ церквей принуждены сводить съ исторіей свои счеты, которые бываетъ еще гораздо труднѣе уладить. Причтеніе къ лику святыхъ всегда подвергалось пересмотру; примѣры отмѣны чествованія святыхъ, столь частые въ лѣтописяхъ римско-католической церкви со времени знаменитаго „упразднителя святыхъ“ Жана де-Ло-

---

[1]) Сочиненія. Москва, 1825. IX, 235 (Воспоминанія о поѣздкѣ въ Троице-Сергіеву Лавру).

[2]) Смотр. Павловъ, Правда о Лжедимитріи, „Русскій Архивъ“ 1886, № 8.

[3]) Перепечатана вновь въ „Русскомъ Архивѣ“ 1886 г., № 3.

[4]) Устряловъ. Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ, II, 280. См. статью Иконникова въ „Русскомъ Архивѣ“ 1886, XII, 523.

нуа, встрѣчаются и въ исторіи православной церкви, и даже по отношенію къ святымъ, принадлежащимъ къ царствующимъ домамъ. Такъ, въ 1745 году было упразднено почитаніе князя Владиміра Ржевскаго и супруги его княгини Агриппины, установленное церковью въ концѣ семнадцатаго вѣка [1]).

Въ изслѣдуемомъ случаѣ нѣтъ даже и надобности прибѣгать къ такой крайности. Кто былъ причисленъ къ лику святыхъ въ іюнѣ 1606 года? Этой почести удостоили младенца, тѣло котораго было найдено въ церковномъ склепѣ въ Угличѣ съ вышитымъ платкомъ въ одной рукѣ и съ горстью орѣшковъ въ другой; останки его, перенесенные въ одну изъ московскихъ церквей, творили чудеса. Именно на эти чудеса, когда подлинность ихъ подтвердилась, указывали какъ на основную и существенную причину причисленія къ лику святыхъ. Исторія, не признавая такихъ уклоненій отъ законовъ природы, все же можетъ считать ихъ удостовѣренными въ такой области, которая не подлежитъ ея вѣдѣнію, и такимъ образомъ устраняются всѣ трудности. Какъ звали причтеннаго къ святымъ младенца, къ какому роду онъ принадлежалъ, это не особенно важно. Его мощи исцѣляли больныхъ, и вотъ это надлежащимъ образомъ удостовѣренное дѣяніе послужило основаніемъ для каноническаго постановленія компетентныхъ церковныхъ властей; вотъ почему день празднованія святого можетъ остаться въ святцахъ, и нѣтъ никакой необходимости, чтобы этотъ причтенный къ лику святыхъ чудотворецъ отожествлялся съ тѣмъ царственнымъ младенцемъ, который 15 мая 1591 года, играя въ тычку, поранилъ себя въ припадкѣ эпилепсіи.

Скажутъ, что это отожествленіе было провозглашено самимъ актомъ канонизаціи. Церковныя власти въ этомъ отношеніи дѣйствовали только по внушенію манифеста, который былъ въ то самое время обнародованъ царемъ Василіемъ Ивановичемъ Шуйскимъ и приписывалъ смерть царевича Димитрія убійству, совершенному по приказанію Годунова. А вѣдь пятнадцать лѣтъ передъ этимъ тотъ же самый Шуйскій, въ качествѣ комиссара—слѣдователя—предоставилъ все обаяніе своего имени и своего полномочія въ защиту иного разсказа,

[1]) Голубинскій. Исторія канонизацій святыхъ въ русской церкви, стр. 198

въ которомъ смерть эта приписывалась „несчастному случаю“, такъ что не только устранялась мысль о „мученичествѣ“, но и исключалось всякое предположеніе о возможности причтенія жертвы къ лику святыхъ. И въ самомъ дѣлѣ, по воззрѣніямъ того времени, страдавшій „черной немочью“ считался бѣсноватымъ, а по всѣмъ предположеніямъ, припадки падучей у сына Ивана IV и Маріи Нагой оказываются почти достовѣрными; а изъ этого вытекаетъ, что церкви прямо-таки полезно склониться къ тому рѣшенію, какое я предлагаю; вѣдь вслѣдствіе него устраняется соблазнительное противорѣчіе, несовмѣстимое съ установленнымъ чествованіемъ. Во всѣхъ церковныхъ уставахъ числятся тысячи безымянныхъ святыхъ. Признали бы еще одного, и историки спокойно могли бы бесѣдовать промежъ собой объ исторіи.

До житія лица, причтеннаго къ лику святыхъ въ іюнѣ 1606 года, исторіи нѣтъ дѣла; но царевичъ Димитрій принадлежитъ ей, и его мнимое „мученичество“ безспорно вымышлено и создано легендами. По самой природѣ своей, легенды въ своихъ очертаніяхъ лишены опредѣленности и точности. Будучи отраженіемъ пережитой дѣйствительности въ народномъ воображеніи, онѣ всегда передаютъ и колебанія этого зыбкаго зеркала. Онѣ измѣняются и разлагаются до безконечности. Джонъ Мерикъ, соотечественникъ Горсея, какъ и тотъ бывшій агентомъ торговой англійской компаніи, проживая въ то время въ Московіи, записалъ разсказъ, по которому Димитрій былъ убитъ наемниками Бориса темной ночью, и убійцы въ то же время подожгли городъ со всѣхъ четырехъ концовъ [1]). П. В. Шейнъ въ народныхъ пѣсняхъ саратовской губерніи въ 1872 году встрѣтилъ и другую легенду; она намъ разсказываетъ, будто бы Димитрій былъ убитъ однимъ изъ своихъ сотоварищей по игрѣ, и убійца былъ не кто иной, какъ тотъ самый Гришка Отрепьевъ, съ которымъ послѣ отожествляли несчастнаго царевича [2]).

Сами оффиціальные документы, современные правленію Годунова и царствованію Василія Шуйскаго, въ значительной мѣрѣ лишь переиначивали на свой ладъ разные виды одного непрестаннаго заблужденія. И это общее заблужденіе

---

[1]) Histoire des revolutions de Moscovie, франц. изданіе, стр. 176.
[2]) „Русская Старина“, 1874, I, 200.

прошло через столѣтія. Въ 1726 году одинъ монахъ въ Тобольской области былъ наказанъ кнутомъ за то, что напрасно попрекнулъ одного изъ своихъ собратьевъ, прозываемаго Качановымъ, будто бы тотъ былъ Качаловъ и происходилъ отъ потомства одного изъ убійцъ царевича Димитрія [1]).

А между тѣмъ въ Угличѣ, въ домѣ, гдѣ жили нѣкогда Марія Нагая и ея сынъ, недавно устроили музей [2]). Надо надѣяться, что въ стѣнахъ этого блюстителя исторіи, несмотря на существованіе раки въ соборѣ Михаила Архангела, истина получитъ наконецъ то мѣсто, котораго она достойна [3]). И отнынѣ стало уже возможно выдѣлить нѣкоторыя изъ ея основныхъ положеній, какъ достовѣрныя. Годуновъ не былъ причастенъ смерти царевича, но басню, которая выдавала царевича за мертваго, распространилъ онъ; и вотъ, содѣйствуя распространенію этой лжи, которая помогала его политическимъ замысламъ, онъ возбудилъ новыя измышленія, которыя обратятся уже противъ нея самой.

Прослѣдимъ же развитіе этого злого рока.

---

[1]) „Русская Старина", 1883, XXXIX, 430 (статья Н. И. Барсова).

[2]) „Художествен. Новости", 1889, № 16; „Сынъ Отечества", 1889; „Кіевлянинъ", 1889, № 149.

[3]) Кромѣ указанныхъ источниковъ, смотрите для этой I главы: М. Погодинъ, Историческіе и критическіе отрывки, издан. 1846 г., I, 364; Бѣловъ, статья въ Журн. Мин. Нар. Пр. іюль—августъ 1873; Карамзинъ, Исторія Гос. Россійск. X, гл. II и XII, стр. 1, прим. 2; стр. 32, прим. 97; Голубовскій, Вопросъ о смерти царевича Димитрія, „Историч. Вѣстн." 1896, декабрь; Соловьевъ, Исторія Россіи, VII, 444 и слѣд.; Краевскій, статья въ энцикл. словарѣ, Петербургъ, 1836, т. VI; критика этой статьи въ XIV т. того же словаря; Костомаровъ, Монографіи и изслѣдованія, XIII, 330; его же полемика съ Павловымъ въ „Русскомъ Архивѣ" 1886, VIII, 593 и слѣд., и съ Бѣловымъ, „Вѣстн. Европы" 1873, IX, 174; С. Аксаковъ, статья о VII томѣ Исторіи Россіи Соловьева, „Русская Бесѣда", 1858, II, 24; Б—скій, статья въ „Истор. Вѣстникѣ" 1891, XLIV.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Новая династія.

I. Кончина Өеодора.

Семь лѣтъ спустя наивный либо лукавый лѣтописецъ [1]) изображаетъ намъ, какъ умираетъ сынъ Грознаго, и какое представленіе даетъ онъ на смертномъ одрѣ своимъ приближеннымъ. Кромѣ кровавой тѣни, возставшей на его горизонтѣ вслѣдствіе мрачнаго происшествія, которое я только что описалъ, царствованіе Өеодора Ивановича продолжало быть мирнымъ и благополучнымъ — не было ни войнъ, ни новыхъ несчастій. А между тѣмъ, все возрастающее безпокойство овладѣвало страной. Слабое съ дѣтства здоровье государя все ухудшалось. Всегда улыбаясь, но все болѣе и болѣе чуждаясь заботъ и обязанностей своего сана и положенія, онъ былъ, казалось, уже одной ногой въ другомъ мірѣ, гдѣ, должно быть, надѣялся вѣчно благовѣстить. А въ то же время стало ясно, что онъ не оставитъ природнаго наслѣдника. Въ 1592 году у него родилась дочь, но этотъ столь долго жданный ребенокъ спустя нѣсколько мѣсяцевъ умеръ. Ирина не дала ему другого, и теперь все было кончено — государь умиралъ въ свою очередь. Онъ медленно угасалъ, и вмѣстѣ съ нимъ прекращался дивный и могучій родъ, который въ теченіе почти восьми столѣтій давалъ Россіи государей. Кто получитъ его наслѣдство? Кто возьметъ на себя бремя продолжать его дѣло?

На своемъ смертномъ одрѣ Өеодоръ не безпокоилъ себя столь тяжелой заботой. Забавляясь скипетромъ, онъ только спрашивалъ себя, въ чьи руки передастъ онъ этотъ жезлъ,

---

[1]) Bussow (Behr). Rerum rossicarum scriptores exteri, I.

который въ его рукахъ былъ не болѣе, какъ игрушка. Склонившись къ его изголовью, Ирина шептала ему на ухо имя Бориса. Но благочестивый монархъ качалъ головой и оставался въ нерѣшимости. Какъ ни близокъ былъ къ престолу теперь Борисъ, но въ виду многочисленной материнской родни, которая за неимѣніемъ болѣе близкихъ единокровныхъ родственниковъ составляла семью государя, онъ былъ не болѣе, какъ временщикъ и чужакъ. Онъ самъ въ этотъ часъ скромно прятался за племянниками царицы Анастасіи, окружавшими ложе умирающаго.

Не имѣя болѣе силы превозмочь нерѣшительность и сомнѣніе и чувствуя приближеніе конца, царь вручилъ скипетръ старшему изъ своихъ двоюродныхъ братьевъ, Өеодору Никитичу Романову. Өеодоръ Никитичъ выразилъ глубокую благодарность, но въ свою очередь скромно отклонилъ высокую честь и передалъ скипетръ своему младшему брату Александру. Минуту спустя въ томъ же положеніи оказался третій братъ, Иванъ, и онъ слагалъ съ себя бремя, обращаясь къ четвертому, Михаилу, который также отказывался.

Видя это, царь первый разъ въ жизни потерялъ терпѣніе и въ то мгновеніе, когда онъ готовился предстать у вратъ рая, совершилъ грѣхъ,—единственный грѣхъ, который извѣстенъ.

„Пусть возьметъ его, кто хочетъ“, крикнулъ онъ гнѣвно.

Тогда, разрывая семейный кругъ, приблизился одинъ человѣкъ и мощной рукой схватилъ пренебрегаемую эмблему.

Это былъ Борисъ Годуновъ.

Сказка красива, но, на бѣду, это—только сказка. Өеодоръ скончался 7-го января 1598 года [1]), и, повидимому, и передъ самой смертью онъ думалъ не болѣе, чѣмъ при жизни, что станется съ его скипетромъ. По свидѣтельству другого лѣтописца, государь на этотъ вопросъ, заданный патріархомъ Іовомъ, отвѣтилъ: „Во всемъ царствѣ воленъ Богъ: какъ ему угодно, такъ и будетъ“ [2]). Въ жизнеописаніи Өеодора, составленномъ тѣмъ же Іовомъ, патріархъ толкуетъ по своему эти слова, утверждая, что государь передалъ скипетръ своей супругѣ Иринѣ. Но оффиціальные документы — грамоты объ избраніи Бориса Годунова и Михаила Романова—не сохранили слѣда

---

[1]) Число это согласно поправкѣ Мюллера, Sammlung Russ. Gesch. V, 65.

[2]) Никоновская лѣтопись, VIII, 3—4.

такого облеченія властью. Въ нихъ говорится только, что царь Ѳеодоръ „оставилъ на престолѣ царицу Ирину“; простое признаніе положенія дѣлъ de facto и de jure. Будучи дѣйствительно на престолѣ послѣ смерти своего супруга, Ирина сохраняла это право вплоть до той поры, пока вопросъ со свободнымъ престоломъ не будетъ рѣшенъ какъ-нибудь иначе. Царица была назначена занимать его временно, и, надѣясь такимъ путемъ отдалить грозный срокъ—торопились принести ей присягу. Ирина была еще молода, она могла царствовать долго, а тамъ будетъ видно.

Но Ирина,—потому ли, что она была связана обязательствами со своимъ братомъ, или ее побудили личныя соображенія—отказалась подчиниться этому рѣшенію, которое страдало тѣмъ недостаткомъ, что ничего не разрѣшало. Такимъ образомъ созданное временное положеніе не могло замѣнить династію. Вдовствующая царица умерла для міра. На девятый день послѣ смерти своего супруга она удалилась въ Новодѣвичій монастырь и приняла иночество подъ именемъ Александры.

И вотъ страна, гдѣ воля властелина была все, осталась безъ хозяина. Однако, тутъ все же было правительство. Инстинктъ самосохраненія заставилъ, должно быть, членовъ Думы послѣдовать примѣру Польши, гдѣ на время столь частыхъ, къ несчастью, междуцарствій обязанности верховной власти исполнялъ архіепископъ — примасъ королевства. И здѣсь патріархъ былъ призванъ къ исполненію той же обязанности. Но мысль, что власть непремѣнно должна исходить отъ трона, такъ крѣпко укоренилась въ умахъ, что Іовъ не считалъ возможнымъ исполнять свои полномочія иначе, какъ отъ имени добровольно постригшейся царицы Ирины. Уже будучи монахиней, она все еще сохраняла обаяніе, потому что служила еще источникомъ и необходимымъ органомъ всей власти.

Если вѣрить грамотѣ объ избраніи Бориса, Дума попыталась было вмѣшаться своей собственной властью. Дьякъ Василій Щелкаловъ, выйдя изъ дворца, чтобы говорить съ собравшимся передъ Кремлемъ народомъ, добивался присяги „Совѣту изъ князей и бояръ“. Но его тотчасъ же прервалъ негодующій крикъ:

— Мы не знаемъ ни князей, ни бояръ, знаемъ только царицу. Да здравствуетъ Ирина Ѳеодоровна!

— Но царица постриглась...

— Да здравствуетъ Борисъ Θеодоровичъ!

Эта манифестація подготовила будто бы избраніе Бориса. Патріархъ съ духовенствомъ, боярами и множествомъ народа отправился въ Новодѣвичій монастырь просить Ирину благословить своего брата на царство. Ирина не желала лучшаго, но Борисъ наотрѣзъ отказалъ. Онъ даже не хотѣлъ и думать объ этомъ. Такое важное дѣло должно было рѣшить народное собраніе изъ всѣхъ сословій государства. Борисъ требовалъ созванія Земскаго Собора [1].

Пришлось покориться этому требованію, а въ ожиданіи собора Ирина покорно согласилась, хотя бы лишь по видимости, носить царскій вѣнецъ на своемъ клобукѣ.

По взглядамъ того времени, для вступленія на престолъ избраніе „всею землею“ не было необходимымъ, и Борисъ, провозглашенный царемъ только московскимъ народомъ, могъ бы вѣнчаться на царство. Чтобы объяснить его поведеніе, предполагали, что бояре хотѣли вручить ему власть только на нѣкоторыхъ условіяхъ. Въ неизданныхъ бумагахъ Татищева сохранилось одно свидѣтельство въ этомъ духѣ [2]). И вотъ Борисъ нашелъ умѣстнымъ обратиться къ великому народному собранію противъ замысловъ Боярской Думы [3]). Но, безъ сомнѣнія, и само это собраніе не внушало ему полнаго довѣрія: вѣдь въ то время, пока собирали „представителей всѣхъ городовъ“, Ирина тайно призывала къ себѣ начальниковъ стрѣльцовъ и расточала имъ обѣщанія и деньги. Борисъ, со своей стороны, обращаясь къ монахамъ и нищимъ, къ своимъ многочисленнымъ искателямъ милостей, обычно пользовавшимся его щедротами, работалъ надъ созданіемъ для себя вполнѣ независимаго положенія [4]).

II. Избраніе.

Соборъ открылся 17 февраля 1598 года. Плохо освѣдомленные критики оспаривали законность его рѣшеній. Безспорно, это собраніе не соотвѣтствовало тому понятію о народномъ представительствѣ, какое мы имѣемъ теперь. Въ

---

[1]) Акты Археографич. ком., II, № 7; Wichmann, Sammlung, стр. 451.

[2]) Соловьевъ. Исторія Россіи, т. VIII, стр. 464, примѣч. 12.

[3]) Чичеринъ. О народномъ представительствѣ, стр. 541.

[4]) Хронографъ Румянцевскаго музея, № 457, и другіе источники.

сохранившихся документахъ, которые, несомнѣнно, даютъ свѣдѣнія, относящіяся къ разнымъ временамъ, число участниковъ колеблется между 457 и 502; причемъ, вслѣдствіе необычайно затянувшейся сессіи, число наличныхъ членовъ собора безпрестанно измѣнялось. Подсчетъ по спискамъ далъ такой сводъ: 83 представителя отъ духовенства, изъ которыхъ 23 принадлежали къ черному духовенству; 338 принадлежатъ къ сословію служилыхъ людей; 21—къ разряду торговыхъ людей и, наконецъ, нѣсколько представителей отъ городовыхъ управленій—старосты и сотники [1]).

Словомъ, этотъ соборъ, какъ и соборы 1550 и 1566 года, былъ, въ сущности, собраніемъ лицъ, состоявшихъ на государственной службѣ [2]). И съ другой стороны, хотя нѣкоторые историки и усиливались возстановить выборный механизмъ, примѣненный на этотъ разъ, матеріалъ для этого возсозданія они заимствовали цѣликомъ изъ своей фантазіи. На самомъ дѣлѣ мы ровно ничего не знаемъ о томъ, были ли депутаты, призывавшіеся къ участію въ московскихъ соборахъ шестнадцатаго и семнадцатаго вѣка, выборными въ точномъ смыслѣ этого слова. Было бы крайне трудно сказать, кѣмъ они были выбраны; наиболѣе вѣроятнымъ представляется, что они получали свои полномочія отъ центральной власти или отъ ея мѣстныхъ представителей. Впрочемъ, приверженцамъ русскаго парламентаризма нечего краснѣть за эти прежніе примѣры и падать духомъ. Даже въ Англіи народное представительство прошло черезъ рядъ подобныхъ воплощеній, пока принципъ современной его организаціи выяснился съ идейной и формальной стороны путемъ медленнаго изнашиванія первичныхъ зачатковъ.

Соборъ 1598 года—не болѣе какъ зачатокъ, который нашему предубѣжденному взору кажется подобіемъ каррикатуры. Предсѣдатель-патріархъ странно исполнялъ свои обязанности: предложивъ собранію вопросъ объ избраніи новаго царя и не выждавъ отвѣта, патріархъ тотчасъ же объявилъ, что самъ онъ и согласно съ нимъ митрополиты, архіепископы, все духовенство, бояре, дворяне, служилые

---

[1]) Ключевскій, Составъ Земскихъ соборовъ, „Русская Мысль“ 1890; Соловьевъ, Исторія Россіи, VIII, 5; Павловъ, статья въ „Отеч. Запискахъ“ 1859, I; Бѣляевъ, Московскія Унив. Извѣстія 1867, стр. 21; Загоскинъ, Исторія русскаго обществ. права, I, 228; Латкинъ, Земскіе Соборы, стр. 93.

[2]) См. Waliszewski, K. Ivan le Terrible, стр. 182.

люди, купцы и, наконецъ, всѣ православные христіане желаютъ Бориса Ѳеодоровича [1]).

Что же могло подѣлать собраніе, когда его такимъ образомъ спрашивали? Оно провозгласило царемъ Бориса, и этимъ голосованіе было закончено.

Но бывшій правитель не торопился имъ воспользоваться. Вступить на опроставшійся московскій престолъ было легко. Послѣдующія событія болѣе чѣмъ достаточно доказали это. Удержаться на немъ было трудно. Мы уже видѣли, было подозрѣніе на счетъ замысла ограничить власть избраннаго государя; мысль эта вскорѣ сама собой придетъ на умъ нѣкоторымъ изъ избирателей; можетъ быть, она уже пробивалась наружу. И какое чувство должны были возбуждать народныя привѣтствія въ душахъ тѣхъ изъ нихъ, которые, по родовитости своей, скорѣй могли считать себя назначенными принять наслѣдство Ѳеодора и Рюрика! Андрей Сапѣга, занимавшій на польско-московской границѣ въ Оршѣ сторожевой постъ, заранѣе намѣтилъ трехъ кандидатовъ, которые могли бы нанести пораженіе Борису: князя Ѳ. И. Мстиславскаго, Ѳ. Н. Романова и Б. Бѣльскаго [2]). Это свѣдѣніе подтверждается и другими источниками, которые присоединяютъ еще и нѣсколькихъ Шуйскихъ къ этимъ соперникамъ. Среди нихъ одно имя должно было особенно привлекать вниманіе Годунова и внушать ему безпокойство. Романовы были болѣе любимы народомъ, чѣмъ онъ. Племянники Анастасіи всѣ занимали высокое положеніе, и уже слагалась легенда, будто покойный царь завѣщалъ свой престолъ одному изъ нихъ—Ѳеодору Никитичу. Андрей Сапѣга былъ заранѣе предувѣдомленъ объ этомъ; въ то же время онъ уловилъ еще и другой слухъ: разсказывали, будто бы Борисъ, предусматривая возможность пораженія, воспиталъ одного юношу, поразительно похожаго на Угличскаго царевича Димитрія, и собирался выставить его кандидатуру въ томъ случаѣ, если его собственная не найдетъ поддержки.

Дѣйствительно, въ то время существованіе этого двойника было, кажется, очень распространенной вѣрой. Да самъ ли Борисъ хранилъ его въ запасѣ? Въ очень неясномъ повѣствованіи Андрей Сапѣга сообщаетъ намъ про ссору,

---

[1]) Акты Археографич. Ком., II, № 7, стр. 16.

[2]) Archivum Domus Sapiehanae, I, 176, 180.

которая возникла по этому поводу между Годуновымъ и Өеодоромъ Романовымъ, при чемъ послѣдній разгорячился до того, что даже ударилъ бывшаго правителя. И вотъ, передъ тѣмъ какъ явиться во всемъ своемъ блескѣ, будущій искатель престола, который вскорѣ станетъ Лжедимитріемъ, нѣкоторое время будто бы укрывался среди челяди Романовыхъ,—и можетъ быть, и они также помышляли припасти себѣ такую помощь противъ соперника, который легко могъ стать врагомъ.

Но во всѣхъ гаданіяхъ изъ этихъ указаній вполнѣ достовѣрно вытекаетъ, что въ угличской драмѣ занавѣсъ еще не опустился окончательно, что угрожающій призракъ жертвы подымался уже на горизонтѣ.

Годуновъ, повидимому, весьма удачно дѣйствовалъ среди этихъ трудныхъ обстоятельствъ; правда, онъ употреблялъ довольно грубые пріемы, но, безъ сомнѣнія, они вполнѣ согласовались съ духомъ и нравами его будущихъ подданныхъ. Романовы были еще молодой народъ; отецъ ихъ, будучи при смерти, вручилъ ихъ будущее всемогущему любимцу царя; они пользовались милостями подъ его покровительствомъ и по своему происхожденію и служебному поприщу вмѣстѣ со всѣми своими родными и друзьями принадлежали, понятно, къ группѣ, представителемъ которой служилъ бывшій правитель. Борисъ продолжалъ имъ льстить и, надо думать, съ успѣхомъ противопоставлялъ ихъ возникающее властолюбіе властолюбію другихъ кандидатовъ. Съ другой стороны, онъ продолжалъ свою тактику, лишь бы выгадать время. Патріархъ еще разъ сопровождалъ въ Новодѣвичій монастырь, куда удалился со своей сестрой шуринъ Өеодора, новую, болѣе многолюдную депутацію, которая „слезно“ умоляла Бориса принять бразды правленія,—но Борисъ остался непреклоненъ. Прежде всего исконныя приличія требовали, чтобы онъ велъ себя именно такъ. Въ тѣ времена на званыхъ пиршествахъ благовоспитанные гости сначала всегда отказывались отъ самыхъ отмѣнныхъ блюдъ, коими ихъ потчивали, и степень чванливости во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, по заведенному обычаю, должна была соотвѣтствовать значительности предлагаемаго. Даже кошевые атаманы запорожскихъ казаковъ и тѣ болѣе или менѣе продолжительное время заставляли просить себя принять эту должность. Вмѣстѣ съ тѣмъ Борисъ выигрывалъ этимъ драгоцѣнное

время, пользуясь которымъ, онъ сообща съ Ириной продолжалъ свою пропаганду.

Разсчетъ его оказался вѣренъ. Попытку убѣдить Бориса патріархъ сдѣлалъ 20-го февраля 1598 года; на слѣдующій день, по окончаніи богослуженія, совершеннаго во всѣхъ церквахъ столицы по случаю праздника Божіей Матери, отъ Успенскаго собора съ патріархомъ Іовомъ во главѣ двинулось необычайное шествіе и направилось къ мѣстопребыванію упорствующаго Бориса. За духовенствомъ и иконами, молясь въ пѣснопѣніяхъ, плача, тяжко вздыхая, тѣснилась густая толпа, среди которой особенно выдѣлялись заплаканныя женщины съ грудными младенцами. Патріархъ передъ тѣмъ объявилъ, что въ случаѣ новаго отказа Бориса онъ отлучитъ его отъ церкви, прекратитъ богослуженіе во всѣхъ церквахъ государства, и въ то же время онъ самъ и всѣ епископы сложатъ съ себя санъ и облекутся въ рясы простыхъ монаховъ. Подобное бѣдствіе никогда еще не постигало древнюю Московію, и надо было употребить всѣ мѣры, чтобы предотвратить его. Поэтому среди другихъ чтимыхъ иконъ въ этомъ крестномъ ходѣ несли и высокочтимую икону Владимірской Божьей Матери; по преданію, она была написана евангелистомъ Лукой и, привезенная изъ Константинополя въ Кіевъ, въ 1154 году была перенесена изъ этого города во Владиміръ и затѣмъ въ Москву.

Но Борисъ и тутъ сперва не смутился. Онъ вышелъ встрѣтить шествіе со столь же почитаемой иконой Смоленской Божьей Матери и съ такими дерзновенными словами обратился къ принесенному образу Владимірской Божьей Матери:

„О милосердная владычица, зачѣмъ такой подвигъ сотворила, чудотворный свой образъ воздвигла?“

Борисъ палъ ницъ передъ этою иконою и, орошая землю своими слезами, продолжалъ свои возгласы... Потомъ обратился къ патріарху: зачѣмъ онъ преслѣдуетъ его?

„Не я,—отвѣтилъ патріархъ Іовъ,—пришелъ указать тебѣ твой долгъ, а Пречистая Богородица со своимъ Предвѣчнымъ Младенцемъ. Покорись!“

Борисъ все еще оставался непоколебимымъ. Крестный ходъ вступилъ уже въ церковь, а Борисъ еще не уступилъ; послѣ богослуженія рѣшили обратиться къ Иринѣ. Когда патріархъ, бояре и члены Думы, проникнувъ въ келью бывшей царицы, возобновили свою неотступную просьбу, толпа

передъ окнами столь же убѣдительно выражала свою просьбу. Если вѣрить иностраннымъ лѣтописцамъ,—почти всѣ они недоброжелатели Бориса,—манифестанты дѣйствовали, подчиняясь разнымъ побужденіямъ, но въ нихъ не было ничего добровольнаго. Одни изъ нихъ пришли сюда потому, что имъ дали денегъ; другіе потому, что имъ угрожали плетьми; сообразно съ этимъ они и вели себя. Одинъ русскій лѣтописецъ указываетъ намъ пособниковъ Бориса, которые изъ кельи управляли этимъ хорошо дисциплинированнымъ хоромъ и условными знаками поддерживали манифестацію [1]). Но этотъ разсказъ сомнителенъ: вѣдь тотъ же самый повѣствователь указываетъ среди присутствующихъ соперниковъ бывшаго правителя, которые, конечно, обличили бы всѣ эти хитрости. Между тѣмъ даже и Тимофеевъ, весьма враждебный къ Годунову, не упоминаетъ объ этомъ [2]). Правда, въ полномъ согласіи съ иностранцами, онъ указываетъ на присутствіе нѣсколькихъ дѣтей, выставленныхъ какъ бы на показъ и подстрекаемыхъ къ пронзительнымъ крикамъ, — по свидѣтельству Пеера Пирсона, ихъ были тысячи. Другіе свидѣтели насчитывали ихъ меньше, а Тимофеевъ доподлинно слышалъ всего одного, но онъ кричалъ такъ пронзительно, что покрывалъ своимъ крикомъ голосъ всего народа. Наконецъ, одинъ отрывокъ лѣтописи, также русскаго происхожденія, говоритъ, что манифестанты, мужчины и женщины, повинуясь грознымъ внушеніямъ, мочили себѣ глаза слюной и, бросаясь на землю, изступленно вопили: „Да здравствуетъ царь Борисъ!“ [3]).

Желаемая цѣль была достигнута: Ирина въ концѣ концовъ объявила, что „она уступаетъ своего брата народу, который требуетъ его“. Борисъ вздыхалъ, плакалъ, еще противился, но и онъ позволилъ себя упросить [4]).

Изъ всѣхъ многочисленныхъ причинъ, побуждавшихъ новаго царя прибѣгнуть къ такой длинной комедіи, одна

---

[1]) Иное сказаніе, Рус. Истор. Библ., XIII, 15.

[2]) Тамъ же, XIII, 325 и слѣд.

[3]) Новгородская лѣтопись, стр. 454.

[4]) Кромѣ указанныхъ уже источниковъ, смотр. для истор. этого избранія: Загоскинъ, Исторія рус. обществ. права, I, 227 и слѣд.; Павловъ, Объ историческомъ значеніи царств. Бориса Год., стр. 3—36; его же, О нѣкоторыхъ Земскихъ Соборахъ, „Отечеств. Записки“, 1859 г., I, 166; Бѣляевъ, Земскіе Соборы въ Россіи, 1867 г., стр. 21.

оставила свой слѣдъ даже въ покрестной записи, въ той присягѣ, которую должны были давать при его восшествіи на престолъ: въ обѣщаніи не покушаться ни зельемъ, ни заговоромъ на жизнь царя, на жизнь его жены и его дѣтей; не желать въ цари Симеона Бекбулатовича, или кого другого, и доносить о тѣхъ, кто лелѣетъ подобные замыслы. Ни одинъ изъ предшествующихъ документовъ этого рода не содержитъ такое количество совсѣмъ необычныхъ статей. Но Борисъ и съ такими клятвами не торопился вступать на престолъ. Великій постъ и Святую онъ провелъ со своей сестрой въ монастырѣ и только 30 апрѣля торжественно въѣхалъ въ Кремль.

А потомъ неожиданная тревога заставила его отложить вѣнчаніе на царство: опять давалъ о себѣ знать Казы-Гирей со своими татарами. Въ іюнѣ мѣсяцѣ была поспѣшно собрана огромная армія,—нѣсколько преувеличенно въ ней насчитываютъ до 500.000 человѣкъ; и преемникъ Ѳеодора двинулся вмѣстѣ съ нею въ Серпуховъ. Однако, можно было думать, что Борисъ не столько готовился къ энергичному отпору, сколько старался привлечь къ себѣ новыхъ приверженцевъ, потому что весь царскій дворъ сопутствовалъ ему; въ станѣ Борисъ устраивалъ богатыя пиршества, на которыхъ присутствовало до 70.000 гостей. Быть можетъ, онъ имѣлъ болѣе вѣрное мнѣніе о томъ, откуда опасность грозила его отечеству. И дѣйствительно, вопреки всѣмъ слухамъ, ханъ не трогался съ мѣста; онъ отправилъ только своихъ пословъ; и, какъ говорятъ намъ оффиціальныя донесенія, Борисъ сумѣлъ придать грозный видъ своимъ огромнымъ военнымъ силамъ и такъ этимъ поразилъ пословъ ханскихъ, что, представъ предъ нимъ, отъ страха они смутились и не могли даже произнести ни слова. Съ богатыми подарками и ласковыми словами Борисъ отправилъ ихъ обратно и побѣдителемъ вернулся въ Москву.

Однако, онъ не былъ спокоенъ; ему думалось, что не всѣ еще предосторожности онъ принялъ передъ тѣмъ грознымъ порогомъ, который онъ только-что перешагнулъ. 1 августа, созвавъ бояръ, приказныхъ, служилыхъ людей и купцовъ, патріархъ Іовъ заставилъ ихъ подписать новую грамоту и еще разъ подтвердить свою преданность новому царю и его семьѣ. Въ то же время было обнародовано соборное опредѣленіе объ избраніи новаго царя; насъ поражаетъ въ немъ

одно утвержденіе: исполняя волю Ивана IV и въ знакъ благодарности за всѣ оказанныя шуриномъ услуги, Θеодоръ оставилъ престолъ Борису. Впрочемъ, патріархъ нашелъ умѣстнымъ оправдать такое избраніе царя примѣрами изъ Священнаго Писанія и исторіи,—онъ ссылался на царя Давида и Θеодосія Великаго. Еще лучшимъ примѣромъ ему могъ бы послужить Атаульфъ, зять Алариха, но, можетъ быть, патріархъ никогда не слыхалъ объ этомъ королѣ вестготовъ.

Вѣнчаніе на царство совершено было 1 сентября 1598 года; въ рѣчи, произнесенной при этомъ, Борисъ объявилъ, что Θеодоръ велѣлъ своему народу избрать царемъ, кого онъ пожелаетъ. Борисъ одинаково противорѣчилъ и собору и патріарху, но Іовъ не смутился и, отвѣчая царю, привелъ новое подтвержденіе, которое, въ свою очередь, ослабляло два другія; онъ утверждалъ, что Θеодоръ оставилъ тронъ Иринѣ. Всѣ эти три противорѣчивыя повѣствованія были внесены рядышкомъ въ оффиціальные акты [1]); и любопытный фактъ, бросающій свѣтъ на душевный складъ того времени: такое соединеніе, повидимому, не поражало современниковъ. Вѣроятно, этимъ разнообразіемъ пытались удовлетворить различныя чувства, и, переходя отъ одного впечатлѣнія къ другому, медленно работающій умъ не могъ тотчасъ же замѣтить сопоставленія, которое побудило бы его къ критикѣ. Критика предъявитъ свои права впослѣдствіи. Во время вѣнчанія на царство Борисъ особенно привлекъ всеобщее вниманіе утвержденіемъ, что въ его царствованіе во всемъ государствѣ не останется ни одного бѣдняка,—и своимъ обычнымъ жестомъ онъ подчеркнулъ это обѣщаніе.

Бывшему правителю было тогда сорокъ семь лѣтъ; и едва ему перевалило за пятьдесятъ, всѣ сокровища, которыми онъ обладалъ, оказались недостаточными не только для того, чтобы перестали встрѣчаться бѣдняки, съ которыми онъ такъ великодушно обѣщался дѣлить все, „вплоть до ворота своей рубахи“, но даже для того, чтобы иные изъ нихъ тысячами не умирали на его глазахъ отъ голода.

III. Царствованіе.

Первое время Борисъ считалъ своимъ долгомъ исполнять данное обѣщаніе. Новое правленіе открывалось необы-

[1]) Акты Археолог. ком. II, № 6 и 8; Акты Истор., Дополненіе I, № 145; ср. Соловьевъ, Исторія Россіи, VIII, 16—17.

чайными щедротами: служилымъ людямъ было выдано двойное жалованье; купцамъ на двухлѣтній срокъ даровано право безпошлинной торговли; землевладѣльцы освобождены на годъ отъ податей; вдовамъ и сиротамъ, русскимъ и чужеземнымъ, розданы деньги и съѣстные припасы; даже противникамъ жаловали должности, чины и званія. Поистинѣ новый царь дѣлилъ! Впрочемъ, при всемъ своемъ варварствѣ, онъ и въ самомъ дѣлѣ не былъ чуждъ великодушныхъ побужденій,—такъ же, какъ, будучи самъ безграмотенъ, онъ понималъ значеніе образованія. Вступивъ на престолъ, Борисъ отворилъ двери темницъ и освободилъ даже и одного изъ Нагихъ, Ивана Григорьевича. Лучше Грознаго, не такъ часто допуская нарушенія, онъ всегда отстаивалъ въ пользу иностранцевъ вѣротерпимость и относительную свободу. Въ его глазахъ, эти люди—съ которыми еще недавно обращались какъ съ отверженными—представляли элементъ высшей культуры, и вполнѣ искренно онъ желалъ, чтобы его родина усвоила себѣ этотъ элементъ. У него зародилась мысль, если даже не планъ, создать здѣсь цѣлую научную организацію, учредить школы и университеты. И въ то время, когда поселившіеся въ Москвѣ нѣмцы получили разрѣшеніе свободно совершать свое богослуженіе, двое изъ нихъ отправились приглашать ученыхъ—Іоганнъ Крамеръ въ Гамбургъ, а Рейнгольдъ Бекманъ въ Любекъ. Еще будучи правителемъ, Борисъ пытался привлечь въ Россію стараго математика и астролога англичанина Джона Ди, предлагая ему 2.000 фунтовъ стерлинговъ ежегоднаго содержанія [1]).

Ди отказался; когда же Борисъ сталъ царемъ, его проекты натолкнулись на непреодолимое противодѣйствіе духовенства. И онъ долженъ былъ удовольствоваться тѣмъ, что къ своему сыну Ѳеодору и дочери Ксеніи пригласилъ иностранныхъ учителей и въ то же время отправилъ нѣсколькихъ русскихъ юношей въ западныя школы. Къ несчастью, и съ этой стороны его ожидала неудача. По окончаніи своего образованія эти русскіе юноши должны были вернуться въ свое отечество и принести ему пріобрѣтенныя сокровища науки. Но въ разсчетѣ ошиблись! Шесть человѣкъ отправились во Францію; удержала ли ихъ тамъ

[1]) Карамзинъ, Исторія Гос. Россійск., XI, прим. 125; Hakluyt, Collection of early voyages, I, 573; Акты Историч. II, № 34; Собраніе госуд. грамотъ и договоровъ II, 71—73.

несокрушимыми узами Сорбонна, или они нашли на берегахъ Сены другія непреодолимыя приманки, но отъ нихъ не было получено никакихъ извѣстій. Изъ пяти студентовъ, посланныхъ въ Любекъ, двое убѣжали отъ своихъ учителей и безслѣдно исчезли; что же касается ихъ товарищей, то члены магистрата этого Ганзейскаго города, жалуясь на ихъ непослушаніе и лѣность, настоятельно просили водворить ихъ опять на родинѣ. Въ 1602 году четырехъ учениковъ довѣрили англійскому торговому агенту Джону Мерику, который привезъ уже въ Москву француза Жана Паркэ, юношу восемнадцати лѣтъ, и британскаго подданнаго пятнадцатилѣтняго Вильяма Коллера. Эти послѣдніе, дѣйствительно, совершили чудо: они изучили русскій языкъ и, вернувшись въ свое отечество, оказывали важныя услуги. А попытка, сдѣланная въ Англіи съ русскими подданными, дала, къ сожалѣнію, совсѣмъ другіе результаты. Сначала, до 1613 года, среди разразившейся на ихъ родинѣ сумятицы про нихъ позабыли; когда же собрались ихъ вызвать, одинъ изъ нихъ, Никифоръ Григорьевъ, имѣлъ неотразимый поводъ не возвращаться: онъ принялъ протестантство и исполнялъ обязанности пастора! Что сталось съ остальными, такъ и не удалось узнать. Этихъ „стипендіатовъ“, на которыхъ возлагалось столько надеждъ, было восемнадцать человѣкъ. Въ Москву вернулся, кажется, только одинъ. Но и этого нельзя сказать съ увѣренностью [1].

Однако, въ этомъ злосчастномъ опытѣ не все пропало даромъ для Бориса. И какъ бы безуспѣшны ни были его попытки на этомъ пути, онѣ подготовляли Европу къ тому впечатлѣнію, которое черезъ сто лѣтъ произвели дѣянія Петра Великаго. Товій Лонцій, профессоръ права, писалъ изъ Гамбурга новому царю, величая его „отцомъ отечества“. Другой ученый въ Кенигсбергѣ сравнивалъ его съ Нумой Помпиліемъ [2]. И въ нѣкоторомъ отношеніи Борисъ заслуживалъ этихъ похвалъ: онъ былъ предтечею. Однажды знаме-

---

[1]) Арсеньевъ, Первые русскіе студенты за границей, „Историч. Вѣстникъ“ 1881 г., V, 544 и слѣд.; Александренко, статья въ Журналѣ Министер. Народ. Просв. 1889 г., декабрь, стр. 274. Сравн. Карамзинъ, Исторія Гос. Россійск., XI, прим. 126; Пекарскій, статьи въ Запискахъ Академіи Наукъ XI. Документы: Сборникъ Импер. рус. Историч. общ., XXXVIII, 424—430.

[2]) Панегирикъ, изданный въ 1602 г.; рус. перев. Воронова, 1773 г.

нитый келарь Троице-Сергіевской лавры Авраамій Палицынъ упрекалъ царя за то, что онъ убѣждаетъ своихъ приближенныхъ бояръ остричь себѣ бороды. Вѣдь это начиналась уже великая реформа. Обученный иностранцами, сынъ государя начертилъ первую карту Россіи; и вплоть до Петра Великаго это была единственная напечатанная карта, исполненная по русскому почину. Но молодому Ѳеодору Борисовичу не суждено было слѣдовать своимъ склонностямъ и развить уже пріобрѣтенныя способности,—вскорѣ его унесла буря. И то же несчастье постигло все дѣло его отца. Борисъ свободно разрѣшилъ проживавшимъ въ Москвѣ иностранцамъ протестантскаго вѣроисповѣданія построить храмъ, но онъ не могъ даровать ту же милость католикамъ—этого не допустило бы православное духовенство; и такое различное обращеніе еще долгое время было въ обычаѣ въ Россіи, обнаруживая неодинаковыя чувства къ инославнымъ вѣроисповѣданіямъ. Къ протестантскому вѣроисповѣданію москвитянинъ шестнадцатаго и семнадцатаго столѣтія относился съ презрѣніемъ, а католичество для него было врагомъ. Итакъ, единовѣрцы Іоганна Крамера имѣли церковь, но она вскорѣ исчезла,—ее сожгли ратники Лжедимитрія II [1]).

Съ другой стороны, Борисъ, будучи наслѣдникомъ Грознаго, оказался разумнымъ эпигономъ. Считая, что въ дѣлѣ истребленія аристократическаго класса, къ чему стремился Иванъ IV, достаточно достигнуто, и пора покончить съ нимъ, Борисъ старался извлечь возможно больше пользы изъ получившагося такимъ образомъ равенства, и, укрѣпляя новыя основы соціальнаго зданія, онъ пытался управлять созданіемъ новаго общества на развалинахъ разрушеннаго прошлаго. Сообразно съ этимъ планомъ онъ старался поднять города, разоренные политическими и экономическими послѣдствіями опричнины—Курскъ и Воронежъ, и заселить безлюдныя пространства, размножившіяся вслѣдствіе этого образа правленія по всему государству. Безъ сомнѣнія, въ этомъ же смыслѣ слѣдуетъ толковать упомянутую выше грамоту 1601 года о возстановленіи или сохраненіи права свободнаго перехода для крестьянъ мелкихъ землевладѣльцевъ. Но эта мѣра не достигла

---

[1]) Цвѣтаевъ. Изъ исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи. Ср. Пыпинъ. Иностранцы въ Московской Россіи, „Вѣстникъ Европы“ 1888, январь, стр. 266 и слѣд.

своей цѣли: слишкомъ трудно было примирить противоположность интересовъ въ этомъ дѣлѣ. Лица, для коихъ она была явно выгодна, извлекали незначительную пользу. Мелкіе землевладѣльцы были въ общемъ болѣе плохими господами, чѣмъ крупные, и возможность бросить ихъ составляла драгоцѣнное преимущество; но еще болѣе выгодна была бы свобода соперничества между крупными землевладѣльцами, потому что она повліяла бы на цѣнность рабочихъ рукъ и повысила бы ихъ заработную плату. Борисъ, склонный покровительствовать среднему классу, и не подумалъ вступить на этотъ путь, и обиженный его законодательствомъ высшій классъ отомстилъ ему впослѣдствіи, обвинивъ его въ установленіи крѣпостного права; а крестьяне, не находя достаточной защиты, въ свою очередь, въ своемъ осужденіи смѣшивали царя со всѣмъ классомъ землевладѣльцевъ [1]).

Преемникъ Θеодора былъ притомъ и дѣльный колонизаторъ. Кромѣ случая съ Пелымомъ, онъ не подражалъ Грозному и его предшественникамъ въ ихъ дикихъ предпріятіяхъ, когда они произвольно и насильственно переселяли съ одного мѣста на другое все населеніе цѣликомъ. Между тѣмъ какъ онъ укрѣплялъ сначала Астрахань, потомъ Смоленскъ и опоясывалъ Москву новой каменной стѣной, щедро дарованная свобода отъ податей или денежныя пособія привлекали въ юго-восточныя степи тысячи поселенцевъ, которые находили себѣ болѣе надежную защиту въ превосходно устроенной сторожевой службѣ на рубежѣ.

Борисъ изъ-за окраинъ не упускалъ, все-таки, заботиться о населеніи центральныхъ частей государства; исполняя свое обѣщаніе, онъ успѣвалъ бороться съ бѣдностью и нищетой. Какъ только онъ получалъ извѣстіе о несчастіи, пожарѣ, наводненіи, неурожаѣ, онъ торопился отправить деньги, съѣстные припасы, одежду и лѣкарства. Будучи весьма дѣятельнымъ, онъ часто доставлялъ ихъ самъ, охотно переѣзжая съ мѣста на мѣсто и непрестанно объѣзжая области, гдѣ онъ неустанно кормилъ, поилъ, говорилъ рѣчи и ласкалъ простой народъ.

Наконецъ, эта вполнѣ согласная съ его характеромъ политика, дѣйствительно, сдѣлала изъ него наиболѣе миролюбиваго по своимъ стремленіямъ и дѣяніямъ государя, какого

---

[1]) Бѣловъ. О значеніи русскаго боярства. Журналъ Мин. Нар. Пр. 1886 г., мартъ, стр. 35 и слѣд.

знала когда либо Русь. Въ этомъ отношеніи его задача облегчалась войной между Польшей и Швеціей; начиная съ 1601 года эта война продолжалась болѣе полувѣка и въ концѣ концовъ должна была упрочить на сѣверѣ Европы преобладающее значеніе Россіи. Непріятельскія дѣйствія, открытыя шведами взятіемъ Гельсингфорса и Выборга и обострившіяся еще болѣе вслѣдствіе провозглашенія въ 1604 году на сеймѣ въ Норчепингѣ герцога Зюдерманландскаго Карла королемъ, завершились въ слѣдующемъ году большимъ сраженіемъ подъ Киркгольмомъ въ окрестностяхъ Риги, гдѣ польскій гетманъ Ходкевичъ съ незначительнымъ войскомъ, всего въ 3.800 человѣкъ, разбилъ на голову 14.000 шведовъ, предводительствуемыхъ самимъ королемъ. Это чудо совершила своимъ грознымъ натискомъ несравнимая польская кавалерія, которой въ недалекомъ будущемъ предстояло разлить ужасъ въ самомъ сердцѣ Россіи.

А той порой отправленный въ Москву Левъ Сапѣга, наиболѣе опытный изъ польскихъ дипломатовъ, представилъ проектъ вѣчнаго мира, содержавшій въ себѣ двадцать три статьи. Въ сущности, дѣло шло о соединеніи обоихъ государствъ, такъ что предвидѣлось даже созданіе общаго флота на Балтійскомъ морѣ! На этомъ поприщѣ Борисъ проявилъ себя менѣе способнымъ. Думая больше о томъ, какъ бы извлечь выгоду изъ распри двухъ націй, онъ прибѣгалъ къ слишкомъ явному вымогательству; такъ, полякамъ онъ говорилъ, будто Карлъ Зюдерманландскій „покоряется царю и уступаетъ ему Эстляндію“, а шведамъ—будто Сигизмундъ ради союза съ царемъ передаетъ ему Ливонію. И въ то же время Сапѣга и Татищевъ обмѣнивались записанными въ протоколахъ разговорами въ такомъ родѣ:

Татищевъ.—Ты лжешь!

Сапѣга.—Ты самъ лжешь, холопъ! Тебѣ бы говорить съ конюхами, которые убираютъ навозъ, да и тамъ найдутся болѣе воспитанные, чѣмъ ты!

Результаты переговоровъ были незначительны: несмотря на всѣ усилія, шведы не уступили Нарву, а Сапѣга, подписавъ двадцатилѣтнее перемиріе, но отказавшись признать титулъ царя, „незаконно похищенный Борисомъ“, уѣхалъ озлобленный и хвастался тѣмъ, что порвалъ связь Москвы съ Волошскимъ воеводой. Но нѣкоторыя указанія заставляютъ думать, что во время своего долгаго пребыванія на Москвѣ-

рѣкѣ (1600—1601), кромѣ своихъ посольскихъ обязанностей, Сапѣга занимался такими дѣлами, которыя открывали для будущности новаго царствованія болѣе грозныя опасности. Въ одномъ изъ его донесеній, представленныхъ польскому королю, находится обстоятельно обоснованный проектъ войны противъ Московіи [1]. Сапѣга имѣлъ достаточно свободнаго времени, чтобы изучить страну и распознать непрочность созданія новой династіи, которая управляла ея судьбой. Вѣроятно, онъ не упустилъ также случая пріобрѣсти личныя связи и припасти своему правительству людей, сообщавшихъ ему полезныя свѣдѣнія. Впослѣдствіи предполагали, что въ его свитѣ подъ чужимъ именемъ находился будущій Лжедимитрій [2]. Мнѣніе, что послѣдній былъ польской креатурой, не имѣетъ теперь сторонниковъ; но тѣмъ не менѣе въ разговорахъ этого посла съ нѣкоторыми московскими боярами личность претендента могла упоминаться. И возможно даже, что въ это время Сапѣга имѣлъ случай увидѣть предназначеннаго къ этому ребенка [3].

Такъ подготовлялось его роковое появленіе.

Борису не болѣе посчастливилось съ Австріей и императоромъ Рудольфомъ. Тщетно старался онъ убѣдить этого государя, что польскій король ведетъ переговоры съ турками, чтобы пропустить черезъ свои земли крымскаго хана, замышлявшаго походъ противъ Вѣны. Эти пустыя уловки тѣмъ болѣе не имѣли успѣха, что посланники царя сопровождали ихъ разными выходками противъ общепринятыхъ приличій. Въ 1600 году въ Лондонъ былъ отправленъ Григорій Ивановичъ Микулинъ; находясь здѣсь во время возстанія графа Эссекса, онъ выражалъ свою готовность защищать мечомъ королеву—о чемъ его не просили,—но отказался принять приглашеніе лорда-мэра, потому что не считалъ себя

---

[1]) Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей, 1861, IV, по рукописи, хранящейся въ Швейцаріи.

[2]) Bussow (Behr), Rerum ross. script. ext., I, 30; Massa, I, 77, II, 84; сравн. Hirschberg, Dymitr Samozwaniec, стр. 43, и Оболенскій, предисловіе къ книгѣ Russell, La légende de la vie de... Démétrius.

[3]) Мы имѣемъ дневникъ посольства, составленный секретаремъ Ильею Пельгржимовскимъ и изданный въ Гроднѣ въ 1846 г. Трембицкимъ. Смотр. также Древняя Россійск. Вивліоѳика, изд. Новиковымъ, т. V, часть 10, стр. 36 и слѣд.; Hist. Russiae Mon., II, № XXXI; Kognowicki, Życia Sapiehów, I, 63 и слѣд.; Соловьевъ, Исторія Россіи, VIII, 25 и газеты того времени („Neue Zeitung“, въ Вольфенбюттельской библіотекѣ, и Erklärung, въ Вѣнскихъ секретныхъ архивахъ).

въ правѣ уступить высшее мѣсто представителю государыни [1]).

Крупнымъ дипломатическимъ событіемъ царствованія было посольство Ганзейскаго союза, однако и оно сначала какъ будто принимало видъ коллективнаго представительства отъ всѣхъ городовъ, которые входили еще въ эту умирающую конфедерацію, а свелось къ посылкѣ представителей одного только города Любека. Борисъ придавалъ большое значеніе развитію торговыхъ сношеній. Не позволяя себя загипнотизировать, подобно Ивану IV, англійскимъ миражемъ, онъ поспѣшилъ удовлетворить просьбу Тосканскаго герцога, разрѣшивъ флорентійскимъ купцамъ посѣщать Москву и русскія гавани; нѣкій Сіонъ Луччіо не замедлилъ воспользоваться этимъ, открывая путь своимъ соотечественникамъ, пріѣзжавшимъ изъ Феррары и даже изъ Папской Области [2]). Однако, не желая ради этого упускать изъ вида отдаленный Востокъ, царь въ то же время возобновилъ попытку относительно Персіи [3]). Но для Москвы Ганзейскій союзъ все еще сохранялъ преобладающее значеніе.

Представители города Любека, вмѣстѣ съ протестомъ противъ условій русско-шведскаго договора 1595 года, принесли жалобу на обычную недобросовѣстность русскихъ купцовъ, умѣло вкладывавшихъ въ бочки съ саломъ разные посторонніе предметы, чтобы увеличить ихъ вѣсъ. Подобные пріемы долго еще оставались однимъ изъ главныхъ препятствій для развитія внѣшней торговли этой страны. Пріемъ, оказанный посламъ, сулилъ впереди много хорошаго. Послѣ представленія царю въ Кремлѣ ихъ угостили „сто девятью" различными яствами, принесенными на золотыхъ блюдахъ. Узнавъ объ этомъ, Бременъ, Гамбургъ, Ростокъ, всего двѣнадцать еще остававшихся въ Ганзейскомъ союзѣ городовъ, потребовали своей доли въ ожидаемыхъ привилегіяхъ. Любекъ выказалъ себя великодушнымъ и сдѣлалъ видъ, будто желаетъ объединить свое дѣло съ дѣломъ этихъ городовъ, — которые, однако, отказались внести свою долю на расходы по посольству; но Москва, разрѣшивъ Любеку, на ряду съ голландцами и англичанами, завести торговые ряды въ Новгородѣ и Псковѣ и совершать богослуженіе протестантамъ,

[1]) Сборникъ Импер. Общества Русской Исторіи, XXXVIII, 278 и слѣд.
[2]) Форстенъ. Балтійскій вопросъ, II, 57.
[3]) Сугорскій, статья въ „Русскомъ Вѣстникѣ", 1890 г., X.

не пожелала распространить эту льготу и уступку на остальные заинтересованные города, и Любекъ примирился съ этимъ привилегированнымъ положенiемъ [1]).

Въ 1604 году въ Архангельскъ прибыли изъ Лондона, Амстердама и Дiеппа двадцать девять англiйскихъ, голландскихъ и французскихъ кораблей съ самымъ разнообразнымъ грузомъ: тутъ были жемчугъ, драгоцѣнные камни, сукна, шелковыя ткани, сафьянъ, полотна, вина, сахаръ, изюмъ, лимоны, винныя ягоды, пряности, мѣдь, олово, свинецъ, порохъ, бумага, сельди, соль, сѣра, стеклянная посуда, золотая и серебряная канитель, мыло [2]). Итакъ, начатая Борисомъ либеральная политика одержала въ этой области блестящую побѣду. Къ несчастью, въ то время уже его управленiе, подрываемое внутренними причинами, связанными съ его происхожденiемъ, начинало рушиться; а съ другой стороны, даже и во внѣшнихъ сношенiяхъ его дипломатiя потерпѣла такой ударъ, который долженъ былъ быть особенно чувствителенъ честолюбивому выскочкѣ.

Въ 1601 году, желая произвести впечатлѣнiе на Льва Сапѣгу, царь показалъ ему шведскаго принца, котораго онъ предполагалъ выставить третьимъ кандидатомъ на шведскiй престолъ—этотъ предметъ раздора между Карломъ и Сигизмундомъ. Это былъ несчастный Густавъ, незаконный сынъ Эрика XIV и Екатерины Мансдоттеръ; этотъ странствующiй принцъ уже въ теченiе многихъ лѣтъ возбуждалъ своими похожденiями и необычайными познанiями любопытство сѣверныхъ странъ: получивъ воспитанiе у iезуитовъ въ Браунсбергѣ, въ Торнѣ и въ Вильнѣ, гдѣ онъ добывалъ себѣ пропитанiе, исполняя обязанности конюха; соперникъ Рудольфа II въ наукахъ и алхимiи; не то полоумный, не то генiй, онъ гордился болѣе своимъ прозвищемъ „Новаго Парацельса“, чѣмъ титуломъ королевскаго принца. Борисъ вступилъ въ сношенiя съ этой личностью еще при жизни Θеодора, по до-

---

[1]) Форстенъ, ук. соч., II, 60 и слѣд.; Blümcke, Berichte und Akten der Hansischen G.; Brehmer, Die H. Gesandtschaft, Hansische Geschichtsblätter, 1889, стр. 29—51; Schleker, Reisebericht der H. G., ibid., 1888, стр. 32—65; Winckler, Die deutsche H. in R., главы VII—XII; Болдаковъ, Сборникъ матерiаловъ. Смотр. также Adelung, Uebersicht, II, 136, главу, посвященную Брамбаху, автору донесенiя объ этомъ посольствѣ, изд. нѣсколько разъ, именно: въ Hansische Chronick, I, P. Willebrandt'a, Hamb. 1748, III, 140 и въ Hist. R. Mon., дополненiе, стр. 253—7.

[2]) Соловьевъ. Исторiя Россiи, VIII, 53.

несенію Варкоча. Онъ приглашалъ Густава пріѣхать въ Москву, гдѣ ему помогутъ опять завоевать себѣ королевство, а въ ожиданіи этого дадутъ великолѣпный удѣлъ. Въ то время принцъ-конюхъ умиралъ въ Италіи съ голода: получивъ подкрѣпленіе въ видѣ подарка, сопровождавшаго письмо правителя, онъ поспѣшилъ отвѣтить на столь заманчивое приглашеніе. Онъ не нашелъ возможности стать шведскимъ королемъ, но, на худой конецъ, онъ получилъ „въ кормленіе“ Калугу и три другихъ города. А Борисъ, вступивши на царство, продолжалъ оказывать ему свое благорасположеніе, задумалъ даже женить его на своей дочери Ксеніи, которая такимъ образомъ могла стать королевой.

Но тщетно! Бѣдной царевнѣ судьба готовила иную, весьма горькую долю. Густавъ привезъ съ собой изъ Данцига, гдѣ онъ останавливался по дорогѣ, жену хозяина нѣмецкой гостиницы Христофора Катера и открыто жилъ съ этой любовницей; вскорѣ она подарила его дѣтьми, и Густавъ каталъ ихъ въ каретѣ, запряженной четверней. Тщетно пытался Борисъ прекратить этотъ скандалъ, а принцъ еще умножалъ свои сумасбродства и болѣе дурныя выходки; пришлось Борису признать, что онъ сдѣлалъ плохой выборъ. Ксенія лишилась жениха и утратила свои надежды, а неблагодарный авантюристъ былъ отправленъ въ Угличъ, затѣмъ въ Ярославль и наконецъ въ Кашинъ, гдѣ онъ и умеръ въ 1607 г. [1]).

Царь рѣшилъ найти для своей дочери лучшаго жениха и воспользовался благосклонностью датскаго двора, желавшаго обезпечить себѣ союзника въ своихъ спорахъ со Швеціей. И въ самомъ дѣлѣ, онъ дѣйствовалъ настолько успѣшно, что въ сентябрѣ 1602 года изъ Копенгагена, съ цѣлью жениться на русской княжнѣ, выѣхалъ принцъ Іоаннъ, родной братъ короля Христіана IV. Но увы! Ксенію не покидало горе-злосчастье. Борисъ, по своей привычкѣ все дѣлать съ пышностью и широко, принимая своего будущаго зятя въ Москвѣ, устраивалъ такъ часто и столь обильныя пиршества, что черезъ нѣсколько недѣль этотъ двадцатилѣтній юноша скончался отъ несваренія въ желудкѣ [2]).

---

[1]) Цвѣтаевъ. Изъ исторіи брачныхъ дѣлъ, стр. 28—31.

[2]) Смотр.: брачный договоръ въ Русской Историч. Библіот. XVI, 333; Датское донесеніе о путешествіи молодого принца Büschings Mag. VII, 255—298; другое донесеніе, издан. въ Копенгагенѣ въ 1606 г. (Hertog Hansis... Reise til Rydsland); другое еще въ секретныхъ архивахъ въ Копенгагенѣ; русское донесеніе у Müller, Samm-

Спустя немного лѣтъ могила этого злосчастнаго принца была разграблена и уничтожена поляками. И въ довершеніе несчастья возникло подозрѣніе, будто бы смерть его умышленно ускорилъ Борисъ. Послѣ Угличской драмы воображеніе его подданныхъ неотступно преслѣдовали ужасныя представленія. А между тѣмъ отецъ Ксеніи такъ страстно желалъ найти ей супруга королевскаго происхожденія! Въ слѣдующемъ году онъ возобновилъ брачные переговоры съ Даніей, но они затянулись: въ Копенгагенѣ не думали повторить опытъ [1]). Борисъ пытался найти жениха въ Австріи, Англіи и даже Грузіи, но вездѣ тщетно. Ксенія осталась въ дѣвицахъ, и вѣнчанному выскочкѣ не удалось дать своему шатающемуся трону ту поддержку, которая все болѣе и болѣе казалась необходимой. Вѣдь это ужасное и нелѣпое подозрѣніе, столь жестоко отягчая достойную жалости утрату надеждъ, не могло не указать бывшему правителю на ту бездну, которая безпрестанно увеличивалась подъ головокружительнымъ зданіемъ его чудесной судьбы. Разверзалась мрачная пропасть, полная ужасныхъ кошмаровъ и угрожающихъ призраковъ. И Борисъ долженъ былъ по совѣсти сознаться, что пропасть эту создалъ онъ самъ, и своими собственными руками онъ безсознательно увеличивалъ ее.

IV. Послѣдствія Угличской драмы.

Вступая на престолъ, Борисъ, казалось, самъ былъ уже во власти мрачной галлюцинаціи. Окружая себя съ такимъ подозрительнымъ избыткомъ необычайными предосторожностями, онъ внушалъ окружающимъ мысль о преступленіи; и при своемъ чрезмѣрномъ недовѣріи обнаруживая безпокойство и тревогу по всякому поводу, онъ продолжалъ распространять эту мысль. Онъ не сумѣлъ принять видъ князя, увѣреннаго въ своихъ правахъ и убѣжденнаго въ вѣрности и преданности своихъ подданныхъ. Борисъ боялся ихъ, и эта боязнь только помогала имъ оправдать его мнѣнія о нихъ; и столь же неизбѣжно онъ будилъ въ нихъ воспоминаніе о прежнихъ государяхъ,—какъ мало онъ былъ похожъ на нихъ!—и приводилъ на память образъ молодого князя, который, должно быть,

---

lung R. G., V, 140—157; статья на рус. языкѣ въ „Сѣверномъ Архивѣ“ 1882, № 8 и на нѣмец. языкѣ St. Petersburg. Monatsschrift, 1882, № 34.

[1]) Щербачевъ, Русская Историч. Библіот. XVI, 395.

либо погибъ въ Угличѣ, либо считался мертвымъ, чтобы царскій любимецъ могъ стать царемъ. Но въ самомъ ли дѣлѣ умеръ царевичъ?

Борисъ сумѣлъ снискать себѣ нѣкоторую преданность своей щедростью и краснорѣчіемъ; но, кромѣ черни, которую легко привлечь мелкой лестью и обычными подачками, ему вскорѣ нечего стало ни обѣщать, ни давать. А какъ разъ въ это время глубокая трещина открылась въ этомъ формирующемся обществѣ, гдѣ при отсутствіи всякой нравственной связи отсутствіе всякаго внутренняго объединенія оказывалось еще болѣе чувствительнымъ. Въ моральномъ отношеніи русскій человѣкъ семнадцатаго столѣтія оставался столь же изолированнымъ, сколь въ девятомъ вѣкѣ онъ былъ изолированъ физически. Въ безпрестанно обостряющейся борьбѣ экономическихъ и соціальныхъ интересовъ не приходилъ на помощь никакой примиряющій принципъ, никакой общій идеалъ не смягчалъ матеріальные антагонизмы. Только одна религія могла бы сблизить такихъ враговъ по самой природѣ, какъ ожесточенно эксплоатирующаго землевладѣльца и безземельнаго крестьянина, столь же ожесточенно разоряющаго своего противника; но для безграмотныхъ, грубыхъ и алчныхъ священниковъ сама религія служила только болѣе лицемѣрнымъ и столь же жестокимъ орудіемъ вымогательства и притѣсненія.

Сравнительно мирное состояніе, достигнутое Борисомъ при помощи временныхъ мѣръ, было только перемиріемъ. Борьба должна была возобновиться; и еще свѣжее воспоминаніе о пережитыхъ въ царствованіе Грознаго ужасахъ позволяло предвидѣть, какова она будетъ. Какъ изъ своего сердца, Иванъ успѣлъ вырвать и изъ сердца своихъ подданныхъ всякое чувство жалости. Бояре и крестьяне, то жертвы, то палачи, то зрители, то исполнители его кровавыхъ оргій, стали похожи на дикихъ звѣрей, которые не могли уже, увидѣвъ другъ друга, не оскалить зубы. Всякое довѣріе, даже въ самыхъ обычныхъ отношеніяхъ, казалось, было потеряно. Пріятель, одолжая своего друга, требовалъ залогъ, въ три раза превышавшій стоимость ссуды, и взималъ четыре процента въ недѣлю! Грабили безъ стыда, выжидая поры, когда будутъ истреблять другъ друга безъ пощады.

Такимъ образомъ и общество уже разрушалось, ряды его разстраивались, разсыпаясь прахомъ; тревожнымъ показателемъ въ этомъ отношеніи служило грозное и непрерывное

умноженіе „гулящаго люда"—казачества. Въ этомъ явленіи, которое объясняли разными причинами, при ближайшемъ изслѣдованіи, невозможно не распознать прямого послѣдствія династическаго перелома, приготовленнаго въ Угличѣ. Испытаніе застигло еще не окрѣпшій организмъ въ процессѣ наслоенія и внутренняго сліянія. Вплоть до смерти Ѳеодора, совершалась ли эволюція или шла революція, работа эта охранялась желѣзной оправой, которою князья изъ дома Калиты сумѣли окружить то огромное горнило, гдѣ они нагромождали и перетирали составныя части сплава. Этой защитой была автократія, воля царя самодержавная, безусловная и замѣняющая собой все то, что въ созрѣвшихъ обществахъ сплачиваетъ людей, мѣшаетъ имъ броситься и истребить другъ друга. Но вотъ эта желѣзная оправа рушилась. Правда, царь еще былъ, но какого рода? Вчера еще бояринъ, какихъ были сотни, который переругивался съ равными себѣ и дрался съ ними на кулакахъ. Борисъ вводилъ въ заблужденіе, будучи правителемъ: тѣнь наличнаго государя, хотя бы и блаженнаго, покрывала его, и оттого онъ казался великимъ и мощнымъ. Но послѣ смерти Ѳеодора иллюзія исчезла скоро: быстро подмѣтили, что за этимъ призракомъ деспота нѣтъ ничего. И также скоро увидѣли, что и въ странѣ нѣтъ уже ничего, что представляло бы какую-либо соціальную силу: ни закона, ни порядка, ни чести, ни вѣры, ни совѣсти, ни здраваго разсудка,—ничего! Среди общей разнузданности всѣхъ враждебныхъ общественному строю инстинктовъ осталось только смутное чувство народности; но, чтобы это чувство опредѣлилось и окрѣпло, ему надо было пройти черезъ испытаніе нашествія чужеземцевъ, которые оскверняли и разоряли родную страну.

По всей странѣ въ то же время возникало казачество: когда украинскіе и донскіе казаки пришли изъ своихъ степей вслѣдъ за первымъ искателемъ престола, внезапно ихъ наличный составъ удвоился, даже утроился огромнымъ наплывомъ казаковъ внутреннихъ — бродягъ, разбойниковъ, людей, лишенныхъ покровительства закона, всякаго происхожденія и общественнаго положенія, разорившихся землевладѣльцевъ, бѣглыхъ или промышляющихъ воровствомъ крестьянъ, — всѣхъ тѣхъ, кто давно уже объявилъ войну господствующему порядку да и вообще всякаго рода порядку.

Полагали, что происхожденіе смутнаго времени возможно

связать съ установленіемъ крѣпостного права. Но здѣсь заблужденіе очевидно. Вѣдь если даже и допустить, что крѣпостное право было установлено въ эту пору, Борисъ явно старался улучшить до нѣкоторой степени положеніе крестьянъ; а съ другой стороны, никогда, ни въ одинъ моментъ въ теченіе всего этого бурнаго періода крестьяне, какъ таковые, ни разу не поднимали знамени возстанія на защиту своихъ особливыхъ интересовъ. Смута не была революціоннымъ движеніемъ какого-нибудь класса: въ ней участвовали всѣ классы; и тотъ, которому Борисъ покровительствовалъ наиболѣе, какъ я уже указывалъ, не составлялъ исключенія. Въ этомъ среднемъ элементѣ онъ видѣлъ прочную опору для соціальнаго зданія, которому его мирная и миротворческая политика старалась придать твердую устойчивость и постоянство на долгія времена, и онъ думалъ, что нашелъ окончательную формулу для этого. Какъ это свойственно всѣмъ выскочкамъ, Борисъ воображалъ, что его возвышеніе до верховной власти должно было положить предѣлъ тому восходящему движенію всѣхъ соціальныхъ элементовъ, которое его самого вознесло такъ высоко. Но стремленіе вверхъ продолжалось, и еще неоплотнѣвшій пластическій матеріалъ отказывался принять то устойчивое положеніе равновѣсія, которое Борисъ затѣвалъ ему придать только въ силу одного лишь принципа самодержавія, хотя, воплощаясь въ лицѣ его, принципъ этотъ утрачивалъ все, что составляло его обаяніе и силу.

Этому результату способствовало сосѣдство Польши. Обѣ страны въ своей эволюціи шли въ то время въ противоположномъ направленіи: между тѣмъ какъ въ Москвѣ, разрушивъ всѣ исконныя преданія о свободѣ, Годуновъ ухищрялся сохранить и укрѣпить свой личный деспотизмъ, въ Польшѣ шляхта съ неменьшимъ усердіемъ старалась стереть послѣдніе слѣды власти нѣкогда могущественныхъ князей изъ династіи Пястовъ или Ягеллоновъ. И подданные Бориса, несмотря на строго охраняемыя границы и различіе интеллектуальной среды, не могли избѣжать заразы, а особенно въ ту пору, когда пресѣченіе древней династіи въ самой основѣ потрясало политическое зданіе, искусными и могущественными строителями котораго были послѣдніе Рюриковичи.

И такъ же напрасно отвѣтственность за грядущія событія возлагали на то либо иное отдѣльное лицо или на отдѣльную группу: древнюю аристократію, которая стремилась под-

няться изъ своего упадка; новую аристократію, которая намѣревалась увеличить свои недавно пріобрѣтенныя преимущества; безгласныхъ соратниковъ Бориса, происшедшихъ изъ демократическаго движенія опричнины и заявлявшихъ притязанія на раздѣленіе власти; монаховъ, которые во время опричнины обогатились благодаря переходу въ ихъ руки поземельной собственности и были озлоблены тѣмъ, что охранительныя мѣры Бориса и его колонизаторскія предпріятія прекратили этотъ ихъ захватъ земли. Смута произошла не отъ одного какого либо изъ этихъ элементовъ порознь; всѣ они внесли въ эту сумятицу свою долю властолюбія и алчности, злобы и гнѣва; но ни одинъ изъ нихъ не вызвалъ непосредственно начала смуты. Она была общимъ явленіемъ политическаго сдвига и соціальнаго разложенія.

И въ ту пору, когда это явленіе происходило, отъ сознанія самихъ русскихъ людей ускользнули и причины его и его сущность. Объясненіе, которое обыкновенно приходило на умъ въ этой странѣ наивной вѣры, было: это — божеское наказаніе. И виновный былъ указанъ: Борисъ обладалъ всею властью, и на него падала вся отвѣтственность. Такова точка зрѣнія лѣтописца — „Повѣсти 1606 года". Служа выразителемъ цѣлой историко-политической литературы, онъ видитъ во внезапной смерти царскаго любимца и въ истребленіи его семьи законное искупленіе, которое предвѣщаетъ конецъ народныхъ бѣдствій. Но бѣдствія продолжаются; Богъ не перестаетъ поражать. Тогда пробуждается мысль о коллективной отвѣтственности, и мысль эта связывается съ представленіемъ необходимости борьбы на защиту истинной вѣры и русскаго отечества противъ ереси и нашествія чужеземцевъ. Исповѣдуются, раскаиваются въ своихъ грѣхахъ; сражаются съ поляками и всенародно оглашаютъ тѣ грѣхи, за которые развращенное и испорченное общество, дѣйствительно, заслужило столь жестокую кару. Вотъ существенное убѣжденіе, истолкователемъ котораго послѣ многихъ другихъ выступаетъ Авраамій Палицынъ. Однако при окончательной отдѣлкѣ его произведенія тѣ мѣста, гдѣ онъ его развиваетъ, были вычеркнуты, — подобно тому, какъ въ болѣе близкую намъ пору, въ царствованіе Александра II, былъ выпущенъ въ общественныхъ молитвахъ стихъ, приписывающій нашествіе 1812 года подобной же причинѣ [1].

[1] Смотр. Кедровъ. А. Палицынъ, какъ писатель, „Русскій Архивъ" 1885, XIII, 450; ср. въ томъ же журналѣ 1872 г. стр. 2435.

Это пробужденіе народной совѣсти послужитъ залогомъ побѣдоноснаго возрожденія. Но прежде будутъ пролиты потоки крови; и въ глазахъ историка ни общественное неустройство, бывшее прямой причиной этой революціонной вспышки, ни послѣдовавшее за нею исправленіе, подготовившее затиханіе смуты, нельзя считать опредѣляющими причинами ни той, ни другой фазы національной драмы. Это были еще только послѣдствія. Сами по себѣ ни смерть Ѳеодора, не оставившаго потомства, ни восшествіе на престолъ выскочки въ лицѣ Бориса еще недостаточны, чтобы объяснить проникновеніе кризиса и его продолжительность. Вѣдь въ концѣ концовъ Русь Рюриковичей, на самомъ дѣлѣ, сумѣла обойтись и безъ своей древней династіи и приспособиться къ другой, потому что эта династія даровала ей то же самое, съ той лишь разницей, что Руси показалось невыносимымъ терпѣть на престолѣ родъ бывшаго временщика. Годуновъ или Романовъ—разница была еле замѣтна. Но въ промежутокъ между восшествіемъ на престолъ того и другого положеніе должно было совсѣмъ измѣниться. По всей видимости, упорныя надежды и отчаянныя попытки возстановить династію, взбудораживъ всю страну, и возбудили въ ней смятеніе утратившихъ связь между собою элементовъ. Угличская драма своей кровавой загадкой, своими возмутительными послѣдствіями, тѣмъ, что предполагаемый убійца получилъ наслѣдство своей жертвы,—вотъ что возмутило народное сознаніе и долго поддерживало смятеніе, доставляя въ то же время предлогъ и бранное поле для столкновенія другихъ менѣе законныхъ интересовъ. Итакъ, чтобы стало возможнымъ возстановить порядокъ и миръ, прежде всего необходимо было явно убѣдиться въ невозможности вернуться вполнѣ къ прошлому; затѣмъ, чтобы въ своихъ тщетныхъ усиліяхъ создать новый порядокъ управленія, революціонные элементы исчерпали свои силы до полнаго истощенія и изнуренія; и наконецъ, чтобы жгучая боль иноземнаго нашествія побудила консервативные элементы сплотиться на какой угодно боевой кличъ, лишь бы онъ ручался за нерушимость національнаго достоянія съ его наиболѣе драгоцѣнными интересами, или хотя бы съ тѣми, которымъ они сами придавали наибольшую цѣнность. И тогда оказалось, что подъ властью новой династіи былъ возстановленъ въ точности старый порядокъ. Таковъ удѣлъ многихъ революцій.

А между тѣмъ именно противъ этого результата, осуществленнаго въ первый разъ, и поднялась эта революція! Въ совокупности своей она была дѣломъ двухъ партій, враждебныхъ другъ другу, преслѣдующихъ противоположныя цѣли, и тѣмъ не менѣе онѣ оказались случайно въ союзѣ между собой ради общей работы. Каково бы ни было происхожденіе перваго претендента, безъ сомнѣнія, онъ пользовался въ Россіи могущественнымъ и аристократическимъ покровительствомъ. И путь въ столицу открылъ ему переходъ на его сторону родовитыхъ предводителей московскаго войска. Но мы увидимъ, что въ его собственной арміи преобладалъ демократическій элементъ—казаки. И тѣ и другіе были единодушны въ своей одинаковой ненависти къ Борису. Казнимая, разоряемая и уничижаемая опричниной аристократія не прощала выскочкѣ, что онъ продолжалъ этотъ ненавистный образъ правленія; и, чтобы получить наслѣдство Грознаго, она мечтала о царѣ изъ своей собственной среды, который положилъ бы начало образу правленія, возстановляющему ея прежнія права. И наоборотъ, Борисъ, продолжая политику Грознаго, не вполнѣ удовлетворялъ желаніямъ простого народа; и вотъ, не имѣя законнаго наслѣдника популярнаго царя, народъ пришелъ къ убѣжденію, что только онъ одинъ способенъ хорошо устроить свои собственныя дѣла.

Возмущенная Россія должна была, такимъ образомъ, пройти черезъ сугубое испытаніе олигархіи и анархіи, черезъ ужасающія бѣдствія, прежде чѣмъ она достигла тихаго убѣжища.

V. Эпоха бѣдствій.

Уже на третій годъ своего царствованія Борисъ, казалось, истощилъ всѣ свои средства. Онъ слишкомъ много насулилъ, онъ оказался не въ силахъ удовлетворить всѣхъ и сдержать свое слово. Ливонцамъ, бѣжавшимъ изъ своей родины, которую оспаривали другъ у друга поляки и шведы, онъ обѣщалъ московскій рай: „Приходите! Дворянъ мы сдѣлаемъ князьями, горожанъ боярами, крѣпостнымъ дадимъ свободу. Всѣхъ я надѣлю землею и крестьянами. Я одѣну ихъ въ шелкъ и бархатъ и наполню ихъ карманы золотомъ!...“ Что же оставалось ему предложить своимъ собственнымъ подданнымъ? Въ 1600 году Богданъ Бѣльскій былъ посланъ въ Борисовъ, чтобы тамъ, гдѣ можно перейти Донецъ въ бродъ,

построить для защиты противъ татаръ крѣпость; въ этой почетной ссылкѣ Бѣльскому надо бы жить тихо и мирно, а Бѣльскій вздумалъ стать царемъ! И почему бы ему не стать царемъ въ Борисовѣ, какъ Годуновъ былъ царемъ въ Москвѣ? Быть можетъ, Бѣльскій не удовольствовался тѣмъ, что изображалъ собою независимаго государя, а къ этой дерзости присовокупилъ еще болѣе тревожные происки. Приходитъ на память, что при восшествіи на престолъ Өеодора на Бѣльскаго пало подозрѣніе, будто бы онъ желалъ противопоставить ему царевича Димитрія. Онъ былъ весьма близокъ съ Нагими. Безъ сомнѣнія, онъ въ точности былъ освѣдомленъ о томъ, что произошло въ Угличѣ, и, если юный князь былъ живъ, онъ зналъ его убѣжище и его замыслы. Результаты слѣдствія 1591 года были встрѣчены всеобщимъ недовѣріемъ, а Богданъ Бѣльскій могъ имѣть особыя причины для такого недовѣрія. Не обнаружилъ ли онъ чего-нибудь такого въ Борисовѣ? Суровость наказанія, постигшаго его вскорѣ послѣ назначенія туда, и та новая таинственность, которая окружала это проявленіе строгости, наводятъ на такое предположеніе. Но Борисъ не умѣлъ наносить удары, хотя онъ и прошелъ хорошую школу; злопамятный и мстительный, въ своихъ возмездіяхъ онъ обнаруживалъ нерѣшительность и былъ черезчуръ склоненъ къ полумѣрамъ. „Царь Борисовскій" былъ лишенъ званія, имущества и наказанъ кнутомъ. Кромѣ того, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, Борисъ велѣлъ одному изъ своихъ медиковъ иностранцевъ выщипать по волоску всю бороду у несчастнаго [1]). Это было либо черезчуръ, либо недостаточно. Борисъ забылъ, что изъ противниковъ, отъ которыхъ желаютъ избавиться, не возвращаются только мертвые. И судьбѣ угодно было, чтобы та рука, которая прежде всегда готова была давать, теперь была всегда поднята, чтобы поражать.

Я упоминалъ выше про опалу Андрея Щелкалова. Она постигла человѣка, который принадлежалъ къ тѣсному кругу бывшаго царскаго любимца и, подобно ему, былъ креатурой Ивана IV и опричнины; и можетъ быть, столь же таинственныя причины этой опалы нельзя связывать только съ тѣми переговорами, которые этотъ черезчуръ предпріимчивый дьякъ смѣло началъ съ посланникомъ императора. Угличскій вы-

---

[1]) Никоновск. лѣтопись VIII, 46—47; Тимофѣевъ, Русская Ист. Библ., XIII, 275—276; ср. Платоновъ, Очерки, 243—244.

ходецъ съ того свѣта, при появленіи своемъ на сценѣ, вскорѣ укажетъ на него, какъ на одного изъ своихъ спасителей. За Щелкаловымъ пришла очередь Богдана Бѣльскаго, а за нимъ та же участь постигла и другихъ. Точное время этого происшествія неизвѣстно; его можно отнести приблизительно къ 1601 году; а между тѣмъ въ это же время слуга Александра Никитича Романова,—второго изъ пяти сыновей знаменитаго брата Анастасіи,—донесъ, что его господинъ хранитъ у себя мѣшокъ съ ядовитыми кореньями, очевидно, злоумышленно. Начались повальные аресты; они захватили въ сѣти сразу всю семью обвиняемаго, всѣхъ его друзей и привели ихъ въ застѣнокъ. Въ іюнѣ 1601 года состоялся приговоръ: старшій изъ братьевъ, Θеодоръ Романовъ, принужденъ былъ принять монашество подъ именемъ Филарета и былъ заточенъ въ отдаленный Антоніевъ монастырь въ Сійскѣ; жена его—Шестова, женщина бѣдная и низкаго происхожденія, на которой его заставили жениться, чтобы унизить его родъ, подъ именемъ Мареы была пострижена въ одномъ изъ заонежскихъ монастырей.

Это были отецъ и мать будущаго основателя династіи, которая дала Россіи Петра Великаго.

Другіе члены семьи были разсѣяны по городамъ и селеніямъ Сибири [1]). Въ маленькой церкви въ Ныробѣ Пермской губерніи благоговѣйно хранятся громадныя цѣпи, въ которыя былъ закованъ сынъ Никиты—Михаилъ; преданіе говоритъ объ его богатырскомъ сложеніи, и эти печальныя реликвіи, кажется, готовы это подтвердить. Одна цѣпь, которую узникъ носилъ на шеѣ, вѣситъ двѣнадцать фунтовъ! Изъ пяти братьевъ остались живы только двое—Филаретъ и Иванъ; въ гибели остальныхъ обвиняли Бориса. Въ дѣйствительности, и въ этотъ разъ онъ не сумѣлъ согласовать свою политику со своими природными влеченіями. Приставамъ, которые были назначены для надзора, строго было приказано слѣдить, чтобы ссыльные не сообщались ни съ одной живой душой; но въ то же время они должны были заботиться о безопасности жертвъ и даже объ нѣкоторомъ ихъ благосостояніи.

Если принять во вниманіе обстоятельства и время, Борисъ просто повредилъ успѣху той мѣры строгости, въ которой онъ проявилъ, быть можетъ, полезную энергію, этой

---

[1]) Акты историческіе, II, 34 и слѣд.; Никоновск. Лѣтопись, VIII, 42—43.

мѣрой послабленія, явно обнаруживавшей его слабость. Въ борьбѣ, которая уже начиналась, всякое снисхожденіе отнюдь не могло принести ему пользы, а только вредъ. Оно было понято какъ знакъ безсилія, его нельзя было даже примѣнить! У него не было для этого орудій. Подчиненные Бориса, будучи воспитанниками Грознаго, какимъ былъ и самъ Годуновъ, лучше его запомнили полученные вмѣстѣ уроки и невольно нарушали слишкомъ снисходительные приказы. Приставъ, слѣдившій за Александромъ Романовымъ, получилъ за это выговоръ, но ссыльнаго уже не было въ живыхъ! Впрочемъ, весьма вѣроятно, что преданіе преувеличило ту суровость, которую терпѣла въ ссылкѣ семья, всегда любимая народомъ. Обыватели Ныроба разсказывали впослѣдствіи, что Михаилъ Романовъ жилъ въ землянкѣ, его держали на хлѣбѣ и водѣ, а простой народъ приносилъ ему тайкомъ пищу и лакомства. А между тѣмъ, согласно приказу, приставъ долженъ былъ давать ссыльному бѣлый хлѣбъ и два или три блюда изъ мяса и рыбы; ему отпускалась на это достаточная сумма [1]). Быть можетъ, онъ откладывалъ извѣстную долю въ свой карманъ?

Но гдѣ причина этой опалы, постигшей всю семью и цѣлую группу людей, которые до тѣхъ поръ если и не очень искренно, то, повидимому, добросовѣстно связывали свою судьбу съ судьбой Годунова? Очевидно, мнимая находка подозрительныхъ кореньевъ у одного изъ нихъ была только предлогомъ. Впослѣдствіи стало извѣстно, что въ то время, когда съ такой строгостью велось слѣдствіе по этому поводу, черезъ границу бѣжалъ какой-то юноша темнаго происхожденія и неопредѣленнаго общественнаго положенія, чтобы на время безслѣдно затеряться въ безпредѣльной дали польской или казацкой украйны и затѣмъ появиться подъ именемъ царевича Димитрія [2]). Оффиціально этого бѣглаго отожествляли съ Гришкой Отрепьевымъ; однако, другіе столь же оффиціальные документы считали его особой личностью, давая понять, что онъ былъ только товарищемъ похожденій монаха-разстриги, носившаго это имя, который, несомнѣнно, проживалъ нѣкоторое

---

[1]) Карамзинъ: Исторія Гос. Россійск., XI, 62 и примѣч. 155. Оффиціальные документы, относящіеся къ исторіи этой опалы, были сокращены при изданіи (Истор. Акты, указ. мѣсто); смотр. Павловъ (Бицинъ), Правда о Лжедимитріи, „Русскій Архивъ“, 1886, VIII, 530.

[2]) Лѣтопись занятій Археогр. Комиссіи, X, 46—47.

время среди челяди Романовыхъ и Черкасскихъ, заодно съ ними пострадавшихъ въ 1601 году. Пребываніе Льва Сапѣги въ Москвѣ точно такъ же совпало по времени съ тѣми мѣрами опалы, которыя были приняты противъ недавнихъ друзей, и, можетъ быть, загадочныя сношенія этого посланника съ разными приближенными къ Борису лицами не были чужды этого событія. Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить, что Марія Нагая, по свидѣтельству Маржерета (будущаго товарища по оружію Димитрія), въ это же время была удалена изъ подмосковнаго монастыря, гдѣ ей дозволено было поселиться, въ монастырь значительно болѣе отдаленный.

Это сцѣпленіе происшествій очень знаменательно, и его слѣдуетъ запомнить. Оно намъ поможетъ, если не разрѣшить безспорно загадку, которой мы займемся въ слѣдующей главѣ, по крайней мѣрѣ, изслѣдовать ея предлагаемыя рѣшенія съ полнымъ знаніемъ дѣла.

Оффиціально Романовы были наказаны за стремленіе „достать царство", и, быть можетъ, въ эту пору они вели двойную игру: сынъ Маріи Нагой, воспитанный съ ихъ участіемъ въ укромномъ мѣстѣ и тайно постриженный въ монахи, могъ послужить орудіемъ для низверженія Бориса, и въ то же время онъ пролагалъ бы путь другому кандидату. Въ самомъ дѣлѣ, всегда была бы возможность въ удобный моментъ объявить монашескій чинъ искателя престола и тѣмъ преградить ему доступъ къ высшей власти. Вѣдь, какъ ни честолюбивъ былъ самъ Филаретъ, и онъ почувствовалъ всю тяжесть клобука, словно гвоздемъ прибитаго къ его головѣ предусмотрительной рукой—и уступилъ мѣсто своему сыну [1]).

Борисъ, должно быть, почуялъ, что ему грозитъ серьезная опасность, если онъ такъ жестоко преслѣдовалъ своихъ приближенныхъ. Вѣдь ему удалось оттѣснить боковыя вѣтви Рюрикова рода съ помощью Романовыхъ и ихъ приверженцевъ, подобно ему бывшихъ представителями той новой аристократіи, которую приблизили къ трону браки Ивана IV

[1]) Смотр.: Платоновъ, Очерки, стр. 247; Акты Археогр. Ком., II, № 28, стр. 78; Собраніе Государ. грамотъ и договоровъ, II, № 152, стр. 322; Бантышъ-Каменскій, статья въ „Чтеніяхъ въ обществѣ Исторіи и Древностей", 1861, I, 44; Болдаковъ, Сборникъ матеріаловъ, стр. 63; Русск. Истор. Библіот., XIII, 716; Костомаровъ, Кто былъ Лжедимитрій I? стр. 41 и 48; Иконниковъ, Новыя изысканія по исторіи См. Вр., стр. 72.

и Θеодора. Но вотъ эти помощники какъ будто собираются оспаривать завоеванное имъ мѣсто. Борисъ былъ еще достаточно силенъ, чтобы отразить ударъ, но онъ остался одинокимъ; одинъ онъ встрѣтилъ и новыя напасти: сама природа обратилась противъ него и отняла у него послѣднія средства для защиты.

Всѣмъ своимъ подданнымъ онъ обѣщалъ благосостояніе, а многимъ даже богатство; но именно съ этого 1601 года у большинства не стало хватать хлѣба. Вслѣдствіе непрерывныхъ дождей и сильнаго заморозка на Успеніе погибъ весь урожай. Начался ужасный голодъ: родители покидали своихъ дѣтей, мужья своихъ женъ; по дорогамъ голодные, подобно скоту, питались травой; во рту у мертвыхъ находили человѣческій калъ; озвѣрѣвшія матери ѣли своихъ дѣтей, а дѣти убивали и ѣли своихъ родителей! Путешественники избѣгали останавливаться: на постоялыхъ дворахъ, вѣдь, легче было быть съѣденнымъ другимъ гостемъ, чѣмъ самому найти пищу. На рынкахъ продавалось человѣческое мясо! Лѣтописецъ утверждаетъ, что онъ былъ свидѣтелемъ ужаснаго зрѣлища на одной площади столицы: мать разрывала на части своего еще живого ребенка! Ногтями она отрывала куски мяса и спокойно ихъ ѣла [1])!

Чтобы прекратить бѣдствіе, Борисъ сдѣлалъ огромное усиліе. По сообщеніямъ Маржерета и Буссова, онъ раздавалъ ежедневно до 500.000 денегъ (деньга—первоначальное названіе копейки). Но этимъ онъ достигъ только одного: уже изголодавшееся населеніе Москвы быстро умножилось, со всѣхъ сторонъ сюда сбѣгались нищіе. И въ то же время, пренебрегая строгими наказаніями, которыя грозили скупщикамъ, богатые люди, и не только какіе нибудь темные спекулянты, но и лица высокаго общественнаго положенія и чина—игумены, архимандриты, управители епископскихъ вотчинъ, даже Строгановы, старались извлечь пользу изъ народнаго бѣдствія. Захватывая въ свои руки весь наличный хлѣбъ, они пользовались щедрою раздачею денежной милостыни по царскому указу, чтобы еще поднять и безъ того непомѣрно высокую цѣну. Борисъ понялъ свою ошибку и замѣнилъ денежную милостыню раздачей пищи; но хлѣбъ все-таки да-

---

[1]) Peer Persson. Rer. Ross. script. ext., I, 165.

валъ утечку въ рукахъ посредниковъ, и голодъ все увеличивался [1]).

Онъ продолжался болѣе двухъ лѣтъ; не считая тѣхъ, которые получили болѣе почетное погребеніе въ четырехстахъ церквахъ столицы, на кладбищахъ было похоронено 127.000 труповъ,—такъ насчитываетъ Палицынъ. Другіе насчитываютъ число жертвъ до 500.000 [2]). Поздно, слишкомъ поздно Борисъ догадался изъ тѣхъ областей, гдѣ былъ избытокъ вслѣдствіе обильной жатвы, именно изъ Курской, доставить хлѣбъ въ центральныя области, наиболѣе пострадавшія. И только урожай 1603 года прекратилъ это бѣдствіе. Но тогда появились его обычные и зловѣщіе спутники: моровая язва и разбой. Многіе господа отпускали своихъ крѣпостныхъ, не желая или не имѣя возможности ихъ кормить; въ большинствѣ случаевъ они не давали имъ отпускныхъ грамотъ, сохраняя, такимъ образомъ, право впослѣдствіи потребовать ихъ обратно и заставить тѣхъ, кто далъ имъ пристанище, заплатить себѣ вознагражденіе. Такое положеніе отрѣзало всѣ пути: холопы толпами бродили по полямъ, составляли вооруженныя шайки, грабили и убивали. Число бродягъ увеличивала многочисленная челядь недавно сосланныхъ бояръ: обычай требовалъ, чтобы вмѣстѣ съ господами были наказаны и слуги—они теряли право поступать на службу къ другимъ. Многіе изъ такихъ слугъ обучались военному дѣлу; они собирались въ степи, пограничной съ Сѣверской областью, уже ставшей средоточіемъ тревожнаго мятежнаго возбужденія.

Уже давно въ эту украйну [3]), болѣе близкую, чѣмъ украйна казацкая, толпами стекались бѣглецы всѣхъ сословій—крестьяне и дворяне, которымъ не удалось ужиться съ московскимъ образомъ правленія: однихъ изгнало государство, другіе сами почувствовали необходимость удалиться отъ непосредственной близости всегда мечущаго громы Олимпа, гдѣ царь собиралъ вѣрныхъ себѣ людей. Иванъ IV ссылалъ сюда тѣхъ изъ приговоренныхъ къ смерти, которыхъ ему случалось помиловать. Но, по мѣрѣ своего заселенія, эта

---

[1]) „Русская Старина", 1891, XI, 499—504; Платоновъ, Очерки, стр. 256.

[2]) Русск. Истор. Библ. XIII, 479; Никоновск. Лѣтопись, VIII, 47—48; Карамзинъ, Исторія Гос. Россійск., XI, примѣч. 170.

[3]) Это названіе обозначало всѣ пограничныя области.

страна, гдѣ всѣ находили прiютъ, теряла свою свободу. Москва постепенно распространяла свою политическую и административную систему, содѣйствовала переселенiямъ и, такимъ образомъ, проникла сюда и наложила свою тяжелую руку на здѣшнихъ выходцевъ. Стараясь щадить центральныя части своего государства, Борисъ именно для этой окраинной области намѣтилъ цѣлый рядъ менѣе либеральныхъ мѣръ; онѣ сводились къ тому, чтобы насильно вернуть извѣстное число добровольныхъ изгнанниковъ на родныя мѣста, а другихъ заставить войти въ рамки общей организацiи и обложить ихъ болѣе, чѣмъ приходилось на ихъ долю по раскладкѣ общенародныхъ тяготъ и повинностей [1]).

Осенью 1603 года эти мѣры вызвали первое мятежное волненiе. Атаманъ Хлопко Косолапъ собралъ цѣлое войско и двинулся къ Москвѣ; царь долженъ былъ выслать противъ него значительный отрядъ подъ предводительствомъ воеводы Ивана Өеодоровича Басманова. Битва произошла почти подъ стѣнами Москвы, побѣда осталась за царскимъ войскомъ, но воевода былъ убитъ. Тяжело раненаго Хлопко взяли въ плѣнъ и повѣсили вмѣстѣ съ нѣсколькими товарищами. Однако, многимъ изъ нихъ удалось вернуться на свою украйну, и вскорѣ эта уже заряженная электричествомъ среда получила и съ другой стороны страшный толчокъ.

Буря приближалась. Скончалась инокиня Александра; говорили, что бывшая царица Ирина не вынесла тѣхъ несчастiй, которыя угнетали ея родину и ея семью, что она предвидѣла еще худшiя. Еще въ 1596 году около Нижняго Новгорода на берегу Волги сползла гора, на которой былъ построенъ Печерскiй монастырь. Въ этомъ событiи народъ увидѣлъ зловѣщее предзнаменованiе: разрушенiе почитаемаго храма было связано съ пресѣченiемъ нацiональной династiи и со вступленiемъ на престолъ потомка безбожника Четы. Въ 1601 году ночная смѣна стрѣльцовъ, идя въ Кремль, видѣла, какъ надъ царскими палатами промчалась колесница, запряженная шестерней; одѣтый по-польски ямщикъ хлесталъ своимъ бичомъ ограду дворца и такъ ужасно крикнулъ, что всѣ эти стрѣльцы разбѣжались. [2]).

Угрожающiя предостереженiя все учащались. Народъ

---

[1]) Платоновъ. Очерки, 254, 255.

[2]) Костомаровъ. Смутное Время, I, 69.

видѣлъ то, чего никогда еще не случалось видѣть: волки пожирали другъ друга! Въ 1604 году новое невиданное зрѣлище поразило жителей Москвы — по улицамъ бѣгало множество лисицъ; одну изъ нихъ убили около дворца; мѣхъ ея былъ настолько темнѣе всѣхъ мѣстныхъ видовъ лисицъ, что какой-то купецъ далъ за него пятьдесятъ рублей, словно за черно-бурую сибирскую. Страшные ураганы опустошали разныя мѣста. Гдѣ перевелась вся рыба, въ другомъ мѣстѣ не видно было больше птицъ. А кромѣ того, гдѣ-то женщина разрѣшилась отъ бремени какимъ-то уродомъ. Появилась комета такой величины, что лѣтомъ, средь бѣла дня, ее можно было ясно видѣть на небѣ.

Ни одинъ астрономъ не отмѣтилъ прохожденія этой кометы и ея яркаго сіянія; и, безъ сомнѣнія, всѣ разсказы лѣтописцевъ о тѣхъ чудесахъ, которыя сопровождали ея появленіе, надо тоже приписать народному воображенію. Но въ мятежной украйнѣ, гдѣ снова уже собирались остатки войска атамана Хлопко, замѣчалось явленіе болѣе реальное и болѣе грозное: распространялось извѣстіе, что Угличскій царевичъ Димитрій живъ, что онъ открылся нѣкоторымъ магнатамъ сосѣдней Польши.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Политическій кризисъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Выходецъ съ того свѣта.

I. Появленіе претендента.

По замѣчанію одного нѣмецкаго писателя [1]), претендентъ это—историческая разновидность человѣческаго рода, существованіе которой обусловлено стеченіемъ благопріятныхъ моральныхъ обстоятельствъ, подобно тому, какъ благопріятная совокупность физическихъ элементовъ создаетъ разновидности въ животномъ мірѣ. Они не приспособляются безразлично ко всѣмъ странамъ и ко всѣмъ эпохамъ. Въ иные періоды и въ иныхъ мѣстностяхъ они выходятъ словно изъ земли и размножаются, какъ грибы послѣ дождя. Въ другіе періоды и въ другихъ мѣстностяхъ они появляются единично и развиваются съ трудомъ. Папа Климентъ VIII на поляхъ донесенія отъ 1 ноября 1603 года, извѣщавшаго его о появленіи Димитрія, написалъ: Sara uno altro re di Portogallo resuscitato [2]). Вполнѣ достовѣрно извѣстно, что знаменитый португальскій король донъ Себастіанъ былъ убитъ въ Африкѣ; но, начиная съ 1578 года, многочисленные самозванцы, самовольно принимавшіе его имя, были обычнымъ явленіемъ того времени. Королевство династіи Браганцевъ переживало

---

[1]) Brückner. Beiträge zur Kulturgeschichte Russlands, стр. 6.

[2]) Pierling. La Russie et le Saint-Siège, III, 41.

тогда рядъ политическихъ кризисовъ, поэтому оно сдѣлалось излюбленнымъ поприщемъ для этихъ авантюристовъ. Около того же времени, когда въ Молдавіи прекратилась династія Богданиковъ, это государство стало столь же чудеснымъ поприщемъ для предпріятій такого же рода; и, ожидая болѣе крупныхъ подвиговъ на болѣе широкомъ поприщѣ, въ нихъ принимали участіе запорожскіе казаки.

Какое же другое поприще могли они найти, болѣе благопріятное, чѣмъ эта обширная Московія, такъ глубоко замутившаяся въ то время! Все, и таинственное исчезновеніе послѣдняго представителя дома Рюрика, и слабость новой династіи, и несчастія, угнетавшія страну, и начавшееся уже въ пограничныхъ областяхъ броженіе, — все подготовляло именно здѣсь на зарѣ семнадцатаго вѣка идеальное мѣстопребываніе для всевозможныхъ искателей приключеній.

„Не вызывай волка изъ колка", говоритъ русская пословица. Одинъ, правда, подозрительный свидѣтель сообщаетъ, будто Борисъ совершилъ эту неосторожность. Въ 1598 году, когда исходъ борьбы за наслѣдіе Ѳеодора казался ему еще сомнительнымъ, онъ надумалъ приготовить на всякій случай воззваніе къ народу; въ немъ объявлялось о вступленіи на престолъ, подъ именемъ Димитрія, такъ похожаго на сына Маріи Нагой юноши, котораго Борисъ хранилъ про запасъ. Одинъ экземпляръ этого документа былъ посланъ въ Смоленскъ [1]. Можно сомнѣваться въ этомъ свидѣтельствѣ, но все же оно даетъ намъ назидательное указаніе для оцѣнки той моральной среды, гдѣ собирались подобныя новости и гдѣ имъ вѣрили. По всей Смоленской землѣ, по сосѣдней Сѣверской и еще далѣе по берегамъ Дона и нижней Волги, на западъ и на югъ по окраинѣ громаднаго государства волновались безпокойныя головы и ретивыя сердца; въ погонѣ за неизвѣстнымъ они чуяли волка и призывали его въ своихъ горячихъ мольбахъ [2].

И волкъ явился!

Уже въ 1601 году обнаруживаются его слѣды, сначала въ Кіевѣ, затѣмъ у воеводы этой области князя Констан-

---

[1]) Письмо Андрея Сапѣги, Орша, 15 февраля 1598 г. Archivum Domus Sapiehanae, I, 177—179.

[2]) Письма Остерскаго старосты на польской границѣ, Михаила Ратомскаго, въ Архивахъ ватиканскихъ, отдѣлъ Боргезе, III, 90 B, fol. 165; Русскіе документы въ Копенгагенскихъ Архивахъ, Русская Истор. Библіот. XVI, 401.

тина Острожскаго, образъ котораго я воспроизвелъ выше. Въ то время никто еще не зналъ ни имени, ни происхожденія этого искателя престола. Онъ явился въ видѣ молодого монаха, затерявшагося въ толпѣ набожныхъ богомольцевъ, которые стекались къ чтимымъ святынямъ древняго города, или посѣщали сосѣдніе монастыри. Онъ выбралъ удачно мѣсто для своего появленія. Несмотря на Брестскую унію и тотъ раздоръ, какой вызвало это событіе въ православномъ мірѣ, князь Острожскій остается непреклоннымъ защитникомъ православія; въ его обширныхъ владѣніяхъ собираются и находятъ убѣжище всѣ жертвы этой великой религіозной войны. Князь Острожскій—могущественный покровитель. Его ежегодный доходъ опредѣляютъ въ 1,200.000 флориновъ. Онъ держитъ у себя до 2.000 человѣкъ челяди и шляхтичей; этимъ дворомъ управляетъ маршалокъ, который получаетъ 70.000 флориновъ жалованья. Хозяинъ—большой хлѣбосолъ, кормитъ наотвалъ: говорятъ, одинъ изъ слугъ князя, нѣкій Богданъ, съѣдалъ за завтракомъ жаренаго молочнаго поросенка, гуся, двухъ каплуновъ, кусокъ говядины, три большихъ хлѣба, громадный сыръ и, кромѣ того, запивалъ все это восемью литрами меду! И послѣ онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ обѣденнаго часа [1]).

Этотъ дворъ служилъ пристанищемъ для всѣхъ противниковъ Рима: православныхъ, реформатовъ, кальвинистовъ, тринитаріевъ, аріанъ. Всякій, кто ненавидѣлъ „латинскую ересь“, находилъ здѣсь радушный пріемъ. И, можетъ быть, будущій претендентъ сдѣлалъ именно тутъ первую попытку открыть себя и просилъ поддержки у могущественнаго магната? Слухъ объ этомъ дошелъ до Кракова вмѣстѣ съ извѣстіемъ, что воевода поспѣшилъ вышвырнуть изъ своего замка дерзкаго авантюриста. Старому патріарху православія пришлось пережить достаточно приключеній, порой небезопасныхъ, въ которыя бросала его, на склонѣ лѣтъ, та роль, которую онъ долженъ былъ выдержать до конца. И дѣйствительно, въ своемъ письмѣ къ польскому королю отъ 3 марта 1604 года онъ отрицаетъ, будто имѣлъ личныя сношенія съ этимъ бродягой - монахомъ. Послѣдній могъ найти убѣжище въ какомъ-либо изъ монастырей, находящихся подъ покровительствомъ князя, но князю объ этомъ не сообщили. Однако,

---

[1]) Niesiecki. Herbarz, въ изд. 1841 г., VII, 183.

сынъ воеводы Янушъ, краковскій кастелянъ, былъ въ то время болѣе освѣдомленъ. Онъ указалъ слѣды странствованій и послѣдовательныхъ превращеній того, кто выдавалъ теперь себя за Димитрія. Онъ точно зналъ, что этотъ искатель приключеній довольно долгое время прожилъ во владѣніяхъ князя Острожскаго, и именно въ Дерманскомъ монастырѣ [1]. Съ другой стороны, болѣе извѣстное продолженіе этой одиссеи не позволяетъ предполагать, что она началась въ Острогѣ такой унизительной неудачей. Въ самомъ дѣлѣ, немного времени спустя авантюристъ снова обнаруживается въ Гощѣ, этомъ центрѣ аріанской пропаганды и мѣстопребываніи кіевскаго кастеляна Гавріила Гойскаго. А вѣдь этотъ Гойскій не кто иной, какъ столь щедро вознаграждаемый маршалокъ двора князя Острожскаго! Нельзя допустить, чтобы претендентъ обратился къ слугѣ, послѣ того какъ его такъ плохо принялъ хозяинъ. Вѣроятнѣе всего, что въ Гощѣ, какъ и въ Острогѣ, онъ проживалъ неизвѣстнымъ и незамѣченнымъ. По одному свидѣтельству, онъ служилъ въ Гощѣ на кухнѣ [2]. Это не очень-то вѣроятно. Принимая во вниманіе тѣ навыки и познанія, которые онъ обнаруживалъ впослѣдствіи, мы склонны предположить, что этотъ искатель престола болѣе разумно распорядился своимъ временемъ. На взглядъ людей, умѣвшихъ цѣнить, на его православіи всегда замѣчался оттѣнокъ аріанской и социніанской ересей; очевидно, онъ учился въ той школѣ, которая была въ Гощѣ [3]. И весьма вѣроятно также, что онъ искалъ еще своего пути.

Въ 1603 году мы находимъ его въ Брагинѣ, у князя Адама Вишневецкаго. Здѣсь открываются передъ нимъ болѣе широкіе горизонты. Князь Адамъ, этотъ крупный магнатъ,—племянникъ знаменитаго Димитрія Вишневецкаго, злосчастнаго кандидата на молдавскій престолъ,—полу-русскій, полу-полякъ, питомецъ виленскихъ іезуитовъ и, однако, ревнитель православія—принадлежалъ къ знаменитому роду кондотьеровъ, который утвердился по обоимъ берегамъ Днѣпра на окраинахъ двухъ государствъ и стремился на счетъ обѣихъ странъ выкроить себѣ независимое княжество. Именно въ это время Вишневецкіе обнаруживали лихорадочную колонизаторскую дѣятельность, заселяя

---

[1]) Pierling. La Russie et le Saint-Siège, III, 44—45.

[2]) Barezzo-Barezzi (Possevino), стр. 6. Ср. „Русская Истор. Библ.“, XIII, 21.

[3]) Левицкій. Социніанство въ Польшѣ, „Кіевская Старина“, апрѣль—май 1882 г.

оба берега Сулы, одного изъ притоковъ великой рѣки, по направленію къ Снятину и Прилукамъ [1]). Но и москвитяне, въ свою очередь, не дремали: они только-что отобрали внезапнымъ набѣгомъ оба эти мѣстечка—предметъ давняго спора, и враждебныя отношенія съ той и съ другой стороны не прекращались; ихъ смягчала лишь необходимость щадить какъ русское, такъ и польское правительства.

Уже въ Гощѣ, должно быть, незнакомецъ скинулъ свою рясу и здѣсь открылся. Но какъ онъ это сдѣлалъ? На этотъ счетъ ходили самые разнообразные разсказы: про сцену въ банѣ, когда Вишневецкій вспылилъ на небрежность прислуживавшаго ему слуги, а тотъ остановилъ его словами: „Вы не знаете, кого бьете"; про дѣйствительную или притворную болѣзнь юноши съ его „предсмертной" исповѣдью одному монаху. Я не стану ихъ пересказывать. Чтобы доказать истинность вырвавшагося у него признанія, онъ показалъ крестъ—подарокъ своего крестнаго отца, князя Мстиславскаго, и особыя примѣты, подтверждавшія его знатное происхожденіе: бородавку на щекѣ, красное пятно повыше правой кисти и то, что одна рука короче другой. Немного спустя среди челяди Льва Сапѣги оказался московскій перебѣжчикъ, нѣкій Петрушка, извѣстный въ Польшѣ подъ именемъ Петровскаго, который въ былое время будто бы служилъ въ Угличѣ при особѣ царевича. Его доставили въ Брагинъ и хотѣли устроить претенденту ловушку, представивъ ему этого человѣка подъ другимъ именемъ. Но онъ не задумываясь призналъ Петрушку, и въ то же время былъ признанъ имъ [2]).

И другіе источники указываютъ участіе Сапѣги въ этомъ сенсаціонномъ выступленіи [3]); правда, литовскій канцлеръ послѣ отрицалъ это, но все позволяетъ думать, что въ ту пору онъ, дѣйствительно, былъ склоненъ если не считать претендента истиннымъ царевичемъ, то, по крайней мѣрѣ, служить его дѣлу [4]). Вскорѣ, когда извѣстіе о немъ стало распространяться, въ Брагинъ нахлынуло множество москвитянъ, которые, въ свою очередь, убѣжденно завѣряли, что передъ ними былъ сынъ Ивана IV и Маріи Нагой. Это обстоятельство, за-

---

[1]) „Кіевская Старина", 1897, III.
[2]) Pierling. La Russie et le Saint-Siège, III, 49.
[3]) Pierling. Rome et Démétrius, стр. 178.
[4]) Archivum Domus Sapiehanae, I, 405—406.

свидѣтельствованное Вишневецкимъ, не можетъ не изумлять: трудно представить себѣ, чтобы эти люди черезъ двѣнадцать, тринадцать лѣтъ были въ состояніи узнать князя, котораго они видѣли еще ребенкомъ, если только они его когда-либо видѣли. Но, какъ это свидѣтельствуетъ со своего наблюдательнаго поста остерскій староста, вся окрестная земля была переполнена людьми, которые, не побывавъ даже въ Брагинѣ, все равно, готовы были провозгласить претендента истиннымъ царевичемъ.

Самъ Вишневецкій былъ въ этомъ увѣренъ, или не прочь былъ повѣрить. 7 октября 1603 года онъ пишетъ коронному гетману и великому канцлеру польскаго государства Яну Замойскому, извѣщая его о событіи, и проситъ его взять подъ свою защиту интересы Димитрія [1]). Впрочемъ, эта просьба могла быть вызвана тѣми тревожными для Вишневецкаго послѣдствіями, причиной которыхъ уже послужило появленіе претендента. Скоро извѣщенный обо всемъ, Годуновъ попытался положить сразу конецъ этому предпріятію: онъ обѣщалъ на выгодныхъ условіяхъ разрѣшить извѣстные намъ поземельные споры, но требовалъ, чтобы брагинскій кастелянъ выдалъ покровительствуемаго имъ юношу. Вишневецкій медлилъ съ отвѣтомъ, вслѣдствіе чего въ видѣ предостереженія о грозящихъ ему мѣрахъ возмездія москвитяне разорили нѣкоторыя пограничныя владѣнія. Это была уже война, и польскій королекъ для ея успѣшности долженъ былъ обезпечить себѣ средства. Но, въ свою очередь, и Замойскій не торопился принять то или другое рѣшеніе. Онъ хотѣлъ, путемъ правильнаго разслѣдованія, предварительно выяснить тайну и съ этой цѣлью требовалъ присылки претендента въ Краковъ [2]).

Вишневецкій не рѣшался принять такую мѣру. Польша только-что подписала двадцатилѣтнее перемиріе съ Москвой и продолжала вести войну со Швеціей; трудно было предположить, что она предприметъ еще и другую войну. И съ какой цѣлью? Съ цѣлью даровать Москвѣ законнаго царя, который, безъ сомнѣнія, болѣе Бориса постарается идти по слѣдамъ Грознаго и станетъ опаснымъ сосѣдомъ! Надо было, по крайней мѣрѣ, изслѣдовать почву и подго-

---

[1]) Sobieski. Szkice historyczne, стр. 81.

[2]) Одно изъ писемъ Замойскаго было напечатано въ Listy Żółkiewskiego, стр. 129; другое находится въ Архивѣ Замойскаго въ Варшавѣ.

товить благопріятное настроеніе. Не желая выпустить изъ своихъ рукъ разъ взятое подъ покровительство лицо, брагинскій кастелянъ отправилъ въ Краковъ донесеніе съ краткимъ изложеніемъ автобіографіи этого искателя престола, составленной, очевидно, подъ его диктовку; затѣмъ онъ сталъ выжидать событій.

Но Димитрій уже нашелъ себѣ другихъ покровителей. Адамъ Вишневецкій поспѣшилъ завязать сношенія между претендентомъ и своими двоюродными братьями: Михаиломъ Вишневецкимъ, овручскимъ старостой, проживавшимъ за Днѣпромъ въ Лубнахъ, куда вскорѣ набралось много приверженцевъ царевича, и Константиномъ—ревностнымъ католикомъ, который черезъ свою жену, Урсулу Мнишекъ, породнился съ фамиліей, имѣвшей большое значеніе при краковскомъ дворѣ. Дѣйствительно, это была находка! Такимъ путемъ претендентъ проникалъ въ новую среду, гдѣ онъ могъ надѣяться найти для своего дѣла поддержку, могущественную въ иномъ смыслѣ. Въ Заложицѣ у Константина Вишневецкаго онъ нашелъ Марину.

Но прежде, чѣмъ излагать романъ, который завязался при этой встрѣчѣ, я долженъ остановить вниманіе читателя на загадкѣ, которую Замойскій хотѣлъ разрѣшить путемъ разслѣдованія.

II. Загадка.

И въ Россіи и за границей личность „Лжедимитрія“ была предметомъ самыхъ разнообразныхъ предположеній какъ во время его появленія, такъ и впослѣдствіи. Такъ, изъ иностранцевъ—Буссовъ, наслушавшись поляковъ, сообщаетъ, что „Лжедимитрій“ былъ сыномъ Баторія; и недавно еще одинъ польскій историкъ снова разработалъ это предположеніе въ своей обильной документами работѣ, при чемъ онъ опирается на нѣкоторыя черты физическаго сходства. Бородавка претендента сыграла значительную роль даже и въ его посмертной судьбѣ [1]). Шведъ Видекиндъ слышалъ, съ одной стороны, что родиной этого юноши была Валахія, а съ другой — что онъ былъ итальянецъ по происхожденію [2]).

---

[1]) Hirschberg. Dymitr Samozwaniec, стр. 279—280. Вержбовскій. Матеріалы къ исторіи Моск. гос., III, стр. VII.

[2]) Hist. belli sueco-moscovitici, стр. 21.

Многіе изъ русскихъ людей склонны были видѣть въ немъ поляка, но для столь же многихъ поляковъ его русская національность не представляла никакого сомнѣнія. Даже среди тѣхъ, кто разсматриваетъ его какъ лжецаревича, иные допускаютъ, что онъ могъ быть вполнѣ искрененъ, а среди тѣхъ, кто признаетъ его сыномъ Грознаго, существуетъ неувѣренность во мнѣніяхъ относительно имени, которое онъ носилъ, прежде чѣмъ открылся.

Въ общемъ, однако, намъ приходится разобраться въ двухъ положеніяхъ, ставшихъ какъ бы классическими въ своемъ вѣковомъ противорѣчіи: подлинность претендента и, согласно съ грамотами Бориса, тожество его съ монахомъ Григоріемъ, или Гришкой Отрепьевымъ, принадлежавшимъ къ семьѣ ярославскихъ бояръ. Я не позволю себѣ сказать, подобно одному историку, что, если претендентъ не былъ Отрепьевымъ, онъ могъ быть только истиннымъ Димитріемъ [1]),—но безусловно загадка заключается въ этихъ двухъ предположеніяхъ. Въ своей медленной эволюціи историческая критика становилась то на сторону одного, то на сторону другого предположенія, но въ наше время она, какъ будто, склоняется скорѣе ко второй гипотезѣ.

Въ мутныхъ и смущающихъ глубинахъ этого спора происходитъ, словно встрѣчное теченіе, странное возвращеніе къ отвергнутому уже мнѣнію. Лѣтъ двадцать тому назадъ одинъ историкъ заявлялъ, что утвержденіе, отожествлявшее „Лжедимитрія“ съ Отрепьевымъ, окончательно осуждено и отвергнуто наукой. Онъ писалъ: „Костомаровъ осудилъ это мнѣніе; онъ доказалъ, что оно зиждется на слишкомъ шаткихъ основаніяхъ, чтобы отнынѣ его можно было признавать въ исторіи“ [2]). Прошло двадцать лѣтъ, и тотъ же самый ученый, наперекоръ тѣмъ, кого онъ привлекъ къ своему мнѣнію,—т. е. наперекоръ большинству—сталъ рѣшительнымъ поборникомъ противоположнаго положенія [3]). Между тѣмъ, не обнаружилось ни одного новаго обстоятельства, по крайней мѣрѣ, изъ тѣхъ, которыя исторія должна принимать къ свѣдѣнію. Единственный новый документъ, внесенный за это время въ пренія, это—найденный о. Пирлингомъ поль-

---

[1]) Бестужевъ-Рюминъ. Письма о См. Вр., стр. 48.
[2]) Pierling. Rome et Démétrius, 1878, стр. XV.
[3]) Pierling. La Russie et le Saint-Siège, 1901, III, 397.

скій подлинникъ письма Димитрія къ папѣ Клименту VIII, которое до этого времени было извѣстно только въ латинскомъ переводѣ. Въ этомъ собственноручномъ письмѣ спеціалисты [1]) единогласно признали почеркъ и стиль москвитянина или русскаго изъ Бѣлоруссіи. Какъ бы учены ни были эти выводы, мнѣ они кажутся довольно сомнительными; когда идетъ рѣчь о письмѣ, плохо написанномъ на польскомъ языкѣ, ничего не можетъ быть, по моему, болѣе сходнаго, какъ пріемы письма русскаго, который воспитывался въ Польшѣ, съ письменами поляка, воспитаннаго въ Россіи. Во всякомъ случаѣ, предполагая, что авторъ посланія былъ русскій, надо еще доказать, что это былъ именно Отрепьевъ. Пытались ли, по крайней мѣрѣ, заново истолковать въ этомъ смыслѣ издавна извѣстные документы? Нисколько! И какъ на войнѣ убитыми всегда остаются одни и тѣ же храбрецы, такъ и въ этомъ спорѣ всегда служатъ все одни и тѣ же доводы; ихъ выворачиваютъ наизнанку и этимъ довольствуются. Мы не обладаемъ ни однимъ непосредственно исходящимъ отъ претендента документомъ, гдѣ бы онъ указалъ, какимъ образомъ избѣгъ онъ смерти. А между тѣмъ намъ извѣстно, что онъ высказывался по этому поводу. Вопреки обычаю, даже въ самый день своего коронованія онъ говорилъ народу рѣчь, продолжительно разсказывая свои приключенія [2]). Эти цѣнныя признанія, должно быть, были собраны; и, если всякій слѣдъ ихъ исчезъ изъ московскихъ архивовъ, или нѣтъ возможности его обнаружить, тогда очевидно, что правительства, послѣдовавшія за правленіемъ Димитрія, сочли умѣстнымъ уничтожить неудобное имъ свидѣтельство [3]). Такъ разсуждали двадцать лѣтъ тому назадъ. А потомъ все измѣнилось. Молчаніе, которое оффиціально присвоили Димитрію его преемники, считалось доказательствомъ того, что онъ разсказалъ нѣчто такое, что оправдывало его и осуждало ихъ; теперь оно служитъ свидѣтельствомъ его самозванства!

Но, какъ я имѣлъ уже поводъ указать, этотъ споръ,

---

[1]) Птащицкій. Письмо перваго Самозванца въ „Изв. Ак. Наукъ". Спб. 1899. Baudouin de Courtenay. Strona językowa oryginału polskiego listu Dymitra S. etc. Краковъ 1899.

[2]) Pierling. La Russie et le Saint-Siège, III, 189.

[3]) Утвержденіе, будто бы въ царствованіе Димитрія не вели никакихъ списковъ оффиціальныхъ бумагъ, кажется весьма невѣроятнымъ.

по крайней мѣрѣ въ Россіи, стоитъ не на чисто научной почвѣ. Знаменитый историкъ восемнадцатаго вѣка — Миллеръ считался сторонникомъ отожествленія Димитрія съ Отрепьевымъ. А между тѣмъ англичанинъ Коксъ [1]) утверждаетъ, что въ своихъ бесѣдахъ съ этимъ ученымъ онъ добился его признанія въ противоположномъ убѣжденіи: Миллеръ считалъ „Лжедимитрія“ — истиннымъ Димитріемъ. „Я не могу высказать мое убѣжденіе въ Россіи, говорилъ онъ; но, если вы прочитаете то, что я написалъ объ этомъ вопросѣ, вы поразитесь слабостью тѣхъ доводовъ, которые я выдвигаю. Если вамъ придется, въ свою очередь, высказаться по этому вопросу, не колеблясь противорѣчьте мнѣ, но не выдавайте меня, пока я живъ“. И Миллеръ сообщилъ поводы, почему онъ покорно мирился съ научнымъ обманомъ, утверждая, что Димитрій былъ обманщикъ. Въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ Москву императрица Екатерина спросила его:

— Я знаю, вы не вѣрите, что Димитрій былъ самозванецъ. Скажите мнѣ откровенно правду.

Миллеръ молчалъ; но на новые настойчивые вопросы государыни онъ, наконецъ, отвѣтилъ:

— Вы, Ваше Величество, знаете также, что мощи истиннаго Димитрія почиваютъ въ соборѣ Архангела Михаила и творятъ тамъ чудеса.

Императрица не настаивала далѣе [2]).

Полагаю, что я уже устранилъ это затрудненіе и, слѣдовательно, могу свободно приступить къ изложенію вопроса, который не будетъ болѣе имъ затемняться. На этомъ поприщѣ я имѣлъ уже предшественниковъ даже и въ Россіи. Хотя графъ С. Д. Шереметевъ еще хранитъ въ тайнѣ результатъ своихъ продолжительныхъ и терпѣливыхъ изслѣдованій, и хотя его ученый другъ, благодаря большей свободѣ печатанія, которой стали пользоваться его труды, только намѣтилъ этотъ результатъ въ упомянутой выше перепискѣ, — зато періодическая печать пошла нѣсколько далѣе впередъ. Издатель „Новаго Времени“ А. С. Суворинъ въ цѣломъ рядѣ статей, которыя обратили на себя вниманіе, дерзнулъ пополнить пробѣлы между строками [3]).

---

[1]) Travels, Лондонъ, 1802, 5-ое изд., IV, 19.

[2]) „Русская Старина“, 1877, XVIII, 320.

[3]) „Новое Время“ 1894 г., №№ 6537 и слѣд.

Я спѣшу оговориться, что въ подробностяхъ высказанныя такимъ образомъ предположенія—а они не болѣе, какъ предположенія—не кажутся очень твердо обоснованными. Нагіе допустили зарѣзать вмѣсто царевича мальчика, по фамиліи Истомина; Димитрій, скрытый ими въ безопасномъ мѣстѣ и принявшій потомъ подъ именемъ Леонида монашество, въ 1603 году ушелъ изъ монастыря, чтобы потребовать обратно свое наслѣдіе. Блестящій полемистъ „Новаго Времени“ воспользовался при этомъ работами французскихъ невро-патологовъ и нашелъ возможнымъ даже распознать въ нравственномъ складѣ и тѣлосложеніи претендента всѣ характерные признаки прирожденной эпилепсіи: сочетаніе великодушія и жестокости, грусти и веселости, недовѣрія и чрезмѣрной довѣрчивости, отсутствіе истиннаго чутья къ добру и злу, упорство въ преслѣдованіи фантастическихъ плановъ; затѣмъ неодинаковая длина рукъ, болѣзненная нервность и т. д.

Эпилептическіе припадки, которыми дѣйствительно, повидимому, страдалъ сынъ Маріи Нагой, служа какъ бы наслѣдственной чертой, установляютъ, такимъ образомъ, связь между претендентомъ и его предполагаемымъ отцомъ и даютъ поводъ къ остроумнымъ комбинаціямъ. Но, по всей видимости, имена Истоминъ и Леонидъ — просто незаконный плодъ басни и ошибки переписчика, смѣшавшаго вмѣстѣ помѣщенный въ одной изъ газетъ той поры (Narratio succincta, сохранилась въ Австріи—въ Вѣнской библіотекѣ) разсказъ о сынѣ нѣкоего благороднаго эстонца со свидѣтельствомъ синодика Макарьевскаго монастыря, гдѣ среди вписанныхъ членовъ царствовавшаго дома яко-бы находили и имя монаха Леонида. На самомъ-то дѣлѣ запись эта относится къ монахинѣ, инокѣ Леонидѣ; возможное дѣло, что это была третья жена царевича Іоанна Іоанновича [1]).

Историческая истина, если ее вообще возможно на этомъ пути найти, требуетъ менѣе хрупкихъ основаній. Поскольку дѣло касается документовъ, утвержденіе подлинности Димитрія зиждется все еще только на упомянутомъ уже донесеніи, гдѣ Вишневецкій выступилъ въ качествѣ переводчика словъ претендента. Это, конечно, опять-таки довольно слабая точка опоры. Въ томъ видѣ, въ какомъ признаніе Димитрія

---

¹) Щепкинъ, Archiv für slavische Philologie, 1900, XXII, 357; Чтенія въ обществѣ Исторіи и Древн., 1875, III.

представлено въ этомъ разсказѣ, оно кишитъ неправдоподобностями, неточностями и необъяснимыми умалчиваніями. Его спасъ пѣстунъ; предусматривая покушеніе на жизнь царевича, онъ укладывалъ другого ребенка въ его кровать, и такимъ образомъ разъ въ полночь убійцы поразили эту жертву. Но слѣдствіе 1591 года утверждаетъ, что несчастіе произошло средь бѣла дня. Впрочемъ, было ли дѣло ночью или днемъ, но вѣдь трупъ-то должны же были узнать! И какъ звали этого предусмотрительнаго воспитателя? И гдѣ послѣ этого событія нашелъ онъ надежное убѣжище для своего питомца? Димитрій ничего объ этомъ не говоритъ.

Но, быть можетъ, это не то, что разсказывалъ претендентъ, будучи въ Брагинѣ? Въ общемъ, донесеніе, отправленное Вишневецкимъ въ Краковъ, сводится къ своего рода интервью, а прерѣканія между интервьюируемымъ и интервьюирующимъ—повседневное явленіе. Къ тому же мы не обладаемъ даже подлинникомъ этого документа. Его первый издатель—Новаковскій [1]) пользовался латинскимъ переводомъ, заимствованнымъ изъ архивовъ Ватикана, куда доставилъ его Рангони, нунцій въ Польшѣ. Но были и другіе значительно разнящіеся отъ него переводы этого разсказа, а потому возникаютъ вопросы: обладалъ ли самъ Рангони подлинникомъ, воспользовался ли онъ услугами точнаго переводчика [2]). Тѣ выраженія, которыя употребляетъ Димитрій, когда говоритъ о своемъ отцѣ въ текстѣ Рангони, дѣлаютъ точность этого документа весьма подозрительной.

Но допустимъ, что переводъ этотъ несомнѣнно точенъ. Въ совокупности, какъ это доказываетъ переписка, возникшая по поводу Димитрія между Сигизмундомъ и польскими сенаторами, Рангони доставилъ почти-что точный переводъ. Предположимъ еще, что какимъ-то чудомъ Вишневецкій не менѣе точно передалъ слова протежируемаго имъ юноши. Угличское слѣдствіе даетъ возможность угадать, при какихъ обстоятельствахъ Димитрій былъ спасенъ, но онъ не могъ сказать всей правды! Онъ не могъ признаться, что поранилъ себя въ припадкѣ падучей болѣзни! Да впрочемъ,

---

[1]) Źródła do dziejów Polski, Берлинъ, 1841, II, 65.

[2]) Лѣтопись занятій Арх. Ком., X, 39; Hirschberg, статья въ „Kwartalniku Historycznem“, 1899, XIII, 287; Peregrinus, Въ поискахъ Дим. Сам., „Новое Время“ 14 (26) апр. 1899 г. Ср. Canaye, Lettres et ambassades, II, 483 и La Blanque, Націон. Библ., франц. отдѣлъ, 4,117; 15,929; 15,967.

онъ, можетъ быть, и не зналъ правды! Воспоминаніе о такомъ припадкѣ и о томъ, что непосредственно за нимъ послѣдовало, легко могло изгладиться изъ памяти у семилѣтняго ребенка и замѣниться какой-нибудь болѣе или менѣе хитроумной басней.

Но обратимся къ обсужденію противоположнаго положенія. Оно имѣетъ своимъ исходнымъ пунктомъ рядъ грамотъ, обнародованныхъ при появленіи претендента правительствомъ Бориса или внушенныхъ имъ. Въ томъ числѣ находится и знаменитая окружная грамота патріарха Іова, съ которой 14 января 1605 года онъ обратился къ духовенству всей земли [1]). Въ этой грамотѣ онъ устанавливаетъ тожество претендента съ Отрепьевымъ такимъ образомъ. Монахъ, носившій это имя, бѣжалъ изъ Москвы; и многіе свидѣтели, въ томъ числѣ нѣкій Венедиктъ и нѣкій Степанъ, доложили патріарху, что они признали этого монаха на пути изъ Москвы въ Кіевъ, что это именно онъ объявился затѣмъ у князя Вишневецкаго въ Брагинѣ и выдалъ себя тамъ за царевича Димитрія.

Таково оффиціальное изложеніе дѣла. Нельзя сказать, чтобы оно было очень убѣдительно. Указанные свидѣтели не были въ Брагинѣ; они не видали бѣжавшаго монаха съ тѣхъ поръ, какъ онъ принялъ имя Димитрія; а какъ же узнали они все то, за достовѣрность чего они ручаются? Да впрочемъ, чего и стоятъ ихъ показанія? Вѣдь это—„бродяги и воры“, и патріархъ самъ сознается въ этомъ. А съ другой стороны, кто такой Гришка Отрепьевъ? Сынъ боярскій, какъ я уже сказалъ, членъ рода Нелидовыхъ, одинъ изъ представителей котораго, Данила Борисовичъ, получилъ въ 1497 году прозвище Отрепьева. Гришка, или Григорій, бурно провелъ свою молодость. Онъ составлялъ часть челяди въ домѣ Михаила Романова, но его прогнали за дурное поведеніе. Его взялъ къ себѣ отецъ, но онъ нѣсколько разъ пытался убѣжать отъ отца. И когда ему грозило суровое наказаніе за какое-то болѣе тяжкое преступленіе, онъ рѣшилъ принять монашество въ одномъ изъ монастырей Ярославской области—въ Желѣзномъ Борку. Затѣмъ ему удалось пристроиться въ Чудовомъ монастырѣ въ Москвѣ; здѣсь, послѣ двухлѣтняго пребыванія, его стали цѣнить какъ искуснаго переписчика, и самъ патріархъ Іовъ, посвятивъ его въ дьяконы,

[1]) Акты Археогр. Ком. II, 28.

взялъ его къ себѣ для услугъ по письменной работѣ. Но этотъ искусный писецъ оказался распутникомъ, пьяницей и воромъ и принужденъ былъ опять бѣжать. Въ 1593 году— этотъ годъ указывается въ первыхъ грамотахъ Бориса—онъ скрылся въ Польшу, гдѣ у него возникла мысль выдать себя за царевича Димитрія.

Сличая біографическія свѣдѣнія, которыя сообщаютъ оффиціальные документы и разныя повѣствованія лѣтописцевъ, находившихся подъ ихъ вліяніемъ, мы найдемъ нѣкоторое различіе въ подробностяхъ; въ совокупности своей, однако, тѣ черты, на которыя я указалъ, воспроизведены почти одинаково во всѣхъ памятникахъ, и онѣ внушаютъ представленіе о человѣкѣ, личность котораго въ Москвѣ не могла быть предметомъ какого либо сомнѣнія. Гришка былъ знакомымъ человѣкомъ и какъ слуга Романовыхъ и какъ слуга патріарха; онъ пользовался даже нѣкоторой извѣстностью, правда, не совсѣмъ достославной, но довольно широкой. Мало того, въ 1593 году его первая молодость уже прошла. Если даже отвергнуть эту впослѣдствіи исправленную дату, представляется все еще труднымъ установить хронологію на основаніи вышеизложеннаго жизнеописанія, а еще того менѣе возможно согласовать его съ числовыми данными біографіи претендента. Послѣ 1601 года Гришка не могъ служить у Михаила Романова, потому что въ это время племянникъ царицы Анастасіи раздѣлялъ опалу со своей семьей. Будущій монахъ, должно быть, проживалъ въ этомъ домѣ даже гораздо ранѣе: вѣдь, прежде чѣмъ бѣжать въ Польшу, ему надо было найти время продѣлать все извѣстное намъ изъ его біографіи, а это бѣгство можно отнести отнюдь не позже какъ къ 1602 году—такова послѣдняя оффиціально установленная дата. Нѣсколькими годами, пусть даже нѣсколькими мѣсяцами ранѣе этого послѣдняго года онъ былъ посвященъ въ санъ дьякона, слѣдовательно, ему было не менѣе двадцати пяти лѣтъ. Ссылаются на то, что церковные уставы, требующіе этого предѣльнаго возраста, не всегда соблюдались во всей строгости. Допустимъ это; но нѣсколько лѣтъ монашеской жизни,—а передъ тѣмъ онъ успѣлъ еще натворить немало проказъ,—несомнѣнно установлены біографіей этого бездѣльника ко времени его выступленія на сцену, которая, по предположенію, была въ предѣлахъ Польши; эти данныя не позволяютъ думать, что онъ былъ тогда еще совсѣмъ юноша. А претендентъ—и это ни для кого не представляло никогда

никакого сомнѣнія—при своемъ появленіи въ Польшѣ едва только вышелъ изъ юношескаго возраста [1]).

Къ этой несовмѣстимости по возрасту прибавимъ еще несходства физическія и моральныя. Въ двадцать пять или тридцать лѣтъ Гришка былъ завѣдомо неотесанный, грубый человѣкъ, какимъ его воспитала среда монастырей и разныхъ трущобъ. А вотъ описаніе наружности претендента, какъ ее рисуетъ намъ въ 1604 году Рангони: „Хорошо сложенный молодой человѣкъ, со смуглымъ цвѣтомъ лица, съ большой бородавкой на носу въ уровень съ правымъ глазомъ; его бѣлыя длинныя кисти рукъ обнаруживаютъ благородство его происхожденія. Говоритъ онъ очень смѣло; его походка и манеры, дѣйствительно, носятъ какой-то величественный характеръ“. И немного спустя, послѣ своей второй встрѣчи, Рангони писалъ: „Димитрію на видъ около двадцати четырехъ лѣтъ, онъ безъ бороды, одаренъ живымъ умомъ, весьма краснорѣчивъ, безупречно соблюдаетъ внѣшнія приличія, склоненъ къ изученію словесныхъ наукъ, чрезвычайно скроменъ и сдержанъ“ [2]). Буссовъ, настроенный къ претенденту враждебно, подтверждаетъ эту отличительную черту, когда говоритъ о рукахъ и ногахъ „Лжедимитрія“, что онѣ обнаруживаютъ его аристократическое происхожденіе [3]).

Хотя Нелидовы и вели свой родъ отъ бояръ, но, обѣднѣвши и зарывшись въ деревнѣ, они въ то время не принадлежали уже ни къ какой аристократіи. А вѣдь прежде, чѣмъ внушить Рангони такой лестный отзывъ о себѣ, претендентъ показалъ уже, какъ непринужденно можетъ онъ ухаживать за надменной дочерью воеводы и безъ всякаго смущенія предстать передъ изящнымъ и церемоннымъ дворомъ могущественнаго монарха. Вскорѣ ему предстояло также доказать свое умѣнье владѣть саблей и укрощать самыхъ горячихъ лошадей. Наконецъ, онъ свободно говорилъ по-польски и зналъ немного латынь. Онъ былъ ловкій наѣздникъ, воинъ широкаго размаха и почти по-европейски образованный человѣкъ. Развѣ Гришка обладалъ всѣми этими преимуществами, отправляясь въ Польшу? Вѣдь, единствен-

[1]) Смотр. Акты, относящіеся къ Исторіи Запад. Рос. IV,—заявленіе по этому поводу польскихъ посланниковъ въ 1606 г. въ Москвѣ. Ср. Niemcewicz, Dzieje panowania Zygmunta III, т. II, стр. 295.

[2]) Pierling. La Russie et le Saint-Siège, III, 68.

[3]) Rerum ross. script. ext., I, 39.

ной школой для него въ Московіи было пребываніе въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ Чудовомъ монастырѣ да очень непродолжительная служба у патріарха и гостепріимный пріютъ въ украинскихъ монастыряхъ. Когда самъ Димитрій отправилъ къ тому же краковскому двору въ качествѣ своего представителя наиболѣе извѣстнаго и опытнаго изъ своихъ дипломатовъ, какимъ неотесаннымъ мужикомъ показался тамъ даже такой человѣкъ, какъ Аѳанасій Власьевъ!

По всей видимости, плохо освѣдомленное о личности претендента правительство Бориса, относя сначала бѣгство въ Польшу Гришки къ 1593 году, не знало, что имѣетъ дѣло съ двадцатичетырехлѣтнимъ молодымъ человѣкомъ. И вотъ поэтому, хотя оно долго упорствовало и, наперекоръ всякой правдоподобности, поддерживало неудачно придуманное повѣствованіе, отправляемые имъ въ Польшу агенты были постепенно вынуждены болѣе или менѣе открыто покинуть это недоказуемое положеніе. Въ 1604 году родной дядя Гришки, Смирной-Отрепьевъ, былъ отправленъ въ Краковъ съ оффиціальнымъ порученіемъ уладить какое-то столкновеніе на границѣ, но съ тайной миссіей уличить своего племянника. Онъ добивался очной ставки; но, получивъ нѣкоторыя свѣдѣнія, онъ, казалось, отнюдь не былъ увѣренъ въ ея результатѣ. Говорятъ, будто бы онъ дѣйствительно утверждалъ, что, если бы ему доказали истинность мнимаго царевича, онъ поспѣшилъ бы изъявить покорность сыну Ивана IV [1]).

Очная ставка не состоялась, потому что Димитрій былъ уже далеко; послѣ столь торжественнаго пребыванія въ Краковѣ онъ готовился къ побѣдоносному походу на Москву. Конечно, ему и не слѣдовало возвращаться обратно, чтобы подвергнуть себя испытанію, которое легко могло оказаться только ловушкой: вѣдь ничто не обезпечивало искренности Смирного. Въ самомъ дѣлѣ, поведеніе этого посланника казалось настолько двусмысленнымъ, что въ нѣкоторыхъ кругахъ его считали... агентомъ претендента!

Въ январѣ 1605 года Борисъ сдѣлалъ новую попытку: онъ отправилъ съ Постникомъ-Огаревымъ письмо къ польскому королю, которое все еще утверждало тожество претен-

---

[1]) Pierling. La Russie et le Saint-Siège, III, 94. Ср. того же автора Rome et Démétrius, стр. 49.

дента съ Отрепьевымъ [1]); конечно, оно было доставлено Сигизмунду; но передъ Сенатомъ Огаревъ, кажется, заговорилъ другимъ языкомъ. Мы знаемъ его рѣчи только изъ сбивчивыхъ и неясныхъ донесеній [2]). Однако, въ нихъ легко распознать умышленную двусмысленность; посланникъ, смущенный очевидностью иныхъ данныхъ, а также, можетъ быть, повинуясь новымъ инструкціямъ, искалъ выхода изъ своего затруднительнаго положенія, повернувъ въ другую сторону. Онъ заговорилъ о простомъ крестьянинѣ, сынѣ или слугѣ архимандритова писца, или еще о сынѣ какого-то сапожника, попавшаго въ писцы, который, прежде чѣмъ самовольно принять имя царевича Димитрія, назывался Demetrius Rheorovitch; очевидно, что эти новыя указанія не имѣютъ ничего общаго съ Гришкой Отрепьевымъ, даже и въ томъ случаѣ, если, какъ это полагали, Реоровичъ значитъ Григоровичъ, и если возможно въ одномъ изъ вышеупомянутыхъ донесеній объяснить выраженіе сынъ сапожника смѣшеніемъ двухъ словъ — cancelarius и calceolarius. Къ тому же, среди всѣхъ этихъ сбивчивыхъ объясненій, Постникъ-Огаревъ вставилъ и такое замѣчаніе, что, если бы претендентъ и дѣйствительно былъ сыномъ Ивана IV, его незаконное рожденіе все-равно лишало бы его права вступить на престолъ. А это возраженіе, одновременно повторенное въ посланіяхъ Бориса къ императору Рудольфу [3]), имѣло значеніе почти-что признанія.

Послѣ смерти Бориса московское правительство принуждено было пойти въ этомъ направленіи еще далѣе. Покрестная запись сыну вѣнчаннаго выскочки не упоминаетъ уже о Гришкѣ Отрепьевѣ [4]). Она просто обозначаетъ претендента „тѣмъ, кто называетъ себя Димитріемъ Ивановичемъ“, и, по свидѣтельству самого претендента [5]), это двусмысленное изложеніе дѣла и побудило московское войско признать его сыномъ Грознаго.

---

[1]) Оболенскій, Сборникъ, 1838, № 7.

[2]) Письмо Рангони въ Архивахъ Ватикана; различныя письма въ Архивахъ Копенгагена. Pierling, La Russie et le Saint-Siège, III, 110; его же, Rome et Démétrius, стр. 194; Щепкинъ, Archiv für sl. Ph., XX, 264; Болдаковъ, Сборникъ матер., стр. 29 и слѣд.

[3]) Болдаковъ. Сборникъ мат., стр. 61.

[4]) Собраніе госуд. грамотъ и договор. II, 196.

[5]) Карамзинъ, XI, прим. 316.

Наконецъ, Огареву въ Польшу были посланы новые наказы, въ которыхъ предписывалось говорить не то, что прежде; мы найдемъ подтвержденіе этого въ одномъ изъ тогдашнихъ слѣдствій по уголовному дѣлу, въ которое замѣшанъ былъ и архимандритъ Чудова монастыря, обвиняемый, надо думать, въ томъ, что онъ помогъ слугѣ одного изъ своихъ переписчиковъ бѣжать въ Польшу и выдать себя тамъ за царевича Димитрія. Въ неясныхъ выраженіяхъ и Огаревъ, кажется, упомянулъ объ этомъ происшествіи. А вѣдь архимандритъ этотъ носилъ имя Пафнутія, и, по другимъ повѣствованіямъ, онъ-то именно и постригъ будущаго претендента въ монахи [1]). По крайней мѣрѣ, такое совпаденіе любопытно.

Отвергаемое или пренебрегаемое въ ту пору тожество „Лжедимитрія“ съ Отрепьевымъ снова было оффиціально принято уже только послѣ смерти этого искателя престола, послѣдовавшей вскорѣ послѣ его торжества. Въ это же время избранный царемъ Василій Шуйскій повелѣлъ причислить къ лику святыхъ младенца, убитаго по приказанію Годунова, а слѣдовательно, мученика, смерть котораго пятнадцать лѣтъ тому назадъ онъ самъ же приписывалъ несчастному случаю, приключившемуся во время припадка черной немочи. Тотъ же Шуйскій внушилъ новое жизнеописаніе Гришки, изложенное болѣе тщательно и болѣе обработаннымъ слогомъ. Очевидно, не удалось подыскать другого бездѣльника, болѣе подходящаго къ роли, которую такъ трудно выдержать; не нашлось и другой семьи, которая тоже согласилась бы приспособиться къ столь неискусному обману. Составленное такимъ образомъ повѣствованіе въ своей первоначальной редакціи извѣстно подъ именемъ Извѣта или Челобитья Варлаама [2]). Воспроизведенное съ многочисленными варіантами во множествѣ болѣе позднихъ произведеній [3]), это повѣствованіе носитъ общій признакъ всѣхъ тогдашнихъ документовъ оффиціальнаго и оффиціознаго характера: грубая наивность выдумки и наглое утвержденіе явно вымышленныхъ или легче всего приходившихъ въ голову обстоятельствъ. Вотъ краткое изложеніе „Извѣта“.

---

[1]) Голубовскій, „Истор. Вѣстникъ“, 1902, V, 512 и слѣд.

[2]) Извѣтъ или Челобитье Варлаама, Акты Археогр. Эксп., II, 64.

[3]) Никоновская лѣтопись, VIII, 54 и друг. лѣтоп. Русск. Ист. Библ. XIII.

Въ февралѣ 1602 года Гришка Отрепьевъ бѣжалъ изъ Москвы; за годъ передъ этимъ, будучи 14 лѣтъ отъ роду, онъ принялъ монашество. Той порой, я хочу именно сказать, между этими двумя датами, онъ жилъ въ одномъ изъ монастырей Ярославской области, затѣмъ въ теченіе двухъ лѣтъ (sic!) проживалъ въ Москвѣ въ Чудовомъ монастырѣ и, кромѣ того, болѣе года состоялъ при патріархѣ. Оффиціозную литературу не смущали подобныя хронологическія невозможности. Съ другой стороны, цѣлый рядъ точныхъ и согласныхъ между собою свидѣтельствъ [1]) даетъ намъ увѣренность, что въ февралѣ 1602 года уже прошло около двухъ лѣтъ, какъ претендентъ проживалъ въ Польшѣ. Но продолженіе этого повѣствованія вызываетъ въ насъ еще большее изумленіе и недовѣріе. Почему этотъ монахъ покинулъ Москву? Потому, говорятъ намъ, что на него донесли патріарху, а затѣмъ и самому царю, что онъ выдаетъ себя за царевича Димитрія. Два года передъ этимъ эта подробность не была извѣстна патріарху: вѣдь, безъ сомнѣнія, онъ не преминулъ бы упомянуть о ней въ извѣстной намъ грамотѣ. Но мы можемъ сдѣлать другое болѣе вѣское возраженіе: какъ это не забрали Отрепьева, виновнаго въ столь тяжкомъ преступленіи? Намъ отвѣчаютъ: по небрежности одного дьяка приказъ привлечь его къ отвѣту не былъ приведенъ въ исполненіе. Упущеніе во всякомъ случаѣ изумительное. Но вернемся къ повѣствованію. Итакъ, въ февралѣ 1602 года, въ понедѣльникъ на второй недѣлѣ великаго поста—и оффиціальные лѣтописцы заботятся также о точности!—въ Москвѣ, на Варварскомъ крестцѣ, монахъ Пафнутьева Боровского монастыря, — авторъ первоначальнаго повѣствованія — Варлаамъ Яцкій, встрѣтилъ другого монаха. Это былъ не кто иной, какъ Гришка Отрепьевъ; въ то время, когда его могли схватить по обвиненію въ государственномъ преступленіи, онъ пригласилъ Варлаама сопровождать его въ Кіевъ, откуда они вмѣстѣ могли бы предпринять паломничество въ Іерусалимъ. Варлаамъ согласился, и монахи рѣшили сойтись завтра же, но въ другомъ мѣстѣ; здѣсь они встрѣтили третьяго спутника, Михаила Повадина, въ монашествѣ Мисаила, котораго Варлаамъ знавалъ еще у князя И. И. Шуйскаго. Втроемъ они

---

[1]) Hist. Russ. Mon. Suppl. стр. 410; Собр. государств. гр. и догов., II, №№ 76, 79, 152; Lubienski, Opera posthuma, стр. 155.

отправились въ путь. Въ Кіевѣ ихъ гостепріимно приняли въ Печерскомъ монастырѣ, и они прожили здѣсь три недѣли; затѣмъ странники пошли въ Острогъ, откуда князь послалъ ихъ въ Троицкій Дерманскій монастырь. Но въ ту пору Отрепьевъ покинулъ своихъ друзей и бѣжалъ въ Гощу; здѣсь онъ скоро снялъ свое монашеское облаченіе, а въ слѣдующую весну исчезъ оттуда безслѣдно. Варлаамъ поспѣшилъ въ Острогъ, чтобы принести на убѣжавшаго жалобу; но ему отвѣтили, что Польша страна свободы, что здѣсь нельзя мѣшать странникамъ идти куда имъ угодно. Впослѣдствіи неукротимый челобитчикъ не побоялся послѣдовать за своимъ прежнимъ спутникомъ до самаго Самбора къ Мнишкамъ. За такое непомѣрное рвеніе онъ чуть было не поплатился жизнью; но, какимъ-то чудомъ избѣжавъ смерти, онъ все-таки не утерпѣлъ и подалъ свое сообщеніе самому польскому королю. Его выпроводили, и вплоть до того дня, пока восшествіе на престолъ Шуйскаго не развязало ему языкъ, онъ принужденъ былъ молча присутствовать при торжествѣ самозванца.

О. Пирлингъ, присоединяясь неожиданно къ утвержденію тожества претендента съ Гришкой Отрепьевымъ, былъ пораженъ совпаденіемъ, что и въ этомъ повѣствованіи и въ разсказѣ самого „Лжедимитрія“ были указаны одни и тѣ же три мѣста остановки, которыя прерывали странствованіе бродягъ-монаховъ — Острогъ, Гоща, Брагинъ. Но, чтобы извлечь какой-нибудь доводъ изъ этого совпаденія, надо послѣдовать примѣру этого выдающагося историка и предположить, что Варлаамъ, писавшій въ 1606 году, уже послѣ своего пребыванія въ Самборѣ и въ Краковѣ, гдѣ всѣ, конечно, наизусть знали разсказъ претендента, — ровно ничего не зналъ о немъ. Мало того, если въ Острогѣ у претендента, дѣйствительно, былъ товарищъ монахъ по имени Варлаамъ, который впослѣдствіи чуть было не погибъ въ Самборѣ, ничто еще не доказываетъ, что именно онъ былъ сочинителемъ пресловутаго Извѣта. Это даже совсѣмъ невѣроятно. Какъ это доказалъ Платоновъ, сочиненіе это было составлено значительно раньше, чѣмъ обыкновенно предполагали, не въ концѣ 1606 года, а самое позднее лѣтомъ. Димитрій былъ убитъ въ маѣ мѣсяцѣ того же года. Во время его смерти бывшій его товарищъ, должно быть, былъ далеко отъ Москвы, даже очень далеко: вѣдь, нѣтъ никакихъ

слѣдовъ, чтобы послѣ своихъ распрей съ претендентомъ, который восторжествовалъ, этотъ обличитель отважился приблизиться къ столицѣ. Какимъ же образомъ могъ онъ очутиться тутъ такъ кстати и вручить Василію Шуйскому этотъ новый извѣтъ? Оффиціально считается, что Извѣтъ его былъ поданъ новому царю въ маѣ, черезъ нѣсколько дней послѣ его восшествія на престолъ.

Легко можно согласиться съ Платоновымъ, что Извѣтъ носитъ всѣ признаки басни. И случайная встрѣча на Варварскомъ крестцѣ, и внезапное согласіе Варлаама на странствованіе, о которомъ онъ и не помышлялъ, и присоединеніе третьяго монаха,—все это явно писательскій вымыселъ. И вымыселъ этотъ оказывается не всегда удачнымъ. Въ Самборѣ Варлаама обвинили въ томъ, что вмѣстѣ съ боярскимъ сыномъ Яковомъ Пыхачевымъ онъ былъ подосланъ Борисомъ Годуновымъ, чтобы убить претендента. „Лжедимитрій" велѣлъ казнить Пыхачева, но пощадилъ его предполагаемаго соучастника, котораго впослѣдствіи выпустила на свободу невѣста претендента.

Этотъ романъ, отличающійся скудостью воображенія, сложенъ изъ отдѣльныхъ кусковъ и отрывковъ, изъ позаимствованій у разныхъ сказаній и изъ грамотъ самого Димитрія [1]). И отрывки эти плохо согласованы между собою: такъ, изъ Москвы отправилось въ путь трое монаховъ, а въ Кіевѣ архимандритъ Печерскаго монастыря Елисей насчитываетъ ихъ уже четверо! Не спѣвшись между собою, сочинители не сговорились къ тому же и съ патріархомъ Іовомъ. По свидѣтельству Іова, послѣ цѣлаго ряда приключеній Гришка Отрепьевъ поступилъ въ холопы въ домъ одного изъ Романовыхъ, а эти лѣтописцы утверждаютъ, что, покинувъ четырнадцати лѣтъ родительскій домъ, онъ немедленно принялъ монашество. Впрочемъ, нетрудно объяснить эти противорѣчія: въ 1605 году Іовъ еще не зналъ, что претендентъ былъ совсѣмъ юноша, а въ 1606 году, стараясь исправить этотъ недосмотръ, оффиціозные повѣствователи ударились въ другую крайность — вѣдь, по ихъ разсчету выходитъ, что „Лжедимитрію" во время появленія его у Вишневецкихъ было всего только семнадцать лѣтъ! Іовъ упоминаетъ еще о пребываніи Гришки Отрепьева въ Запорожьѣ, откуда

---

[1]) См. Бередниковъ, Журналъ М. Нар. Пр. 1835, VII, 119.

пытался его вернуть архимандритъ Елисей. Авторъ Извѣта отрицаетъ это путешествіе и обвиняетъ Елисея въ покровительствѣ претенденту.

Мы находимся въ какомъ-то лабиринтѣ противорѣчивыхъ и недопустимыхъ утвержденій, и намъ не поможетъ выбраться изъ нихъ находка, сдѣланная на Волыни, въ Загоровской монастырской библіотекѣ. Найдена книга со слѣдующей надписью: „Пожалована княземъ Константиномъ Острожскимъ въ августѣ 1602 года монахамъ Григорію, Варлааму и Мисаилу“, и тутъ же добавлена замѣтка, что Григорій — не кто иной, какъ царевичъ Димитрій [1]). Надпись и замѣтка писаны не рукой претендента, и сочинитель ихъ пока неизвѣстенъ.

За неимѣніемъ другихъ средствъ, чтобы хоть сколько нибудь приблизиться къ исторической вѣроятности, мы вынуждены пользоваться указаніями, которыя намъ даютъ— грамота Іова, Извѣтъ, приписываемый Варлааму, совокупность легендарныхъ сказаній, примыкающихъ къ этимъ двумъ первымъ свидѣтельствамъ, и, наконецъ, изданные правительствами Бориса и Шуйскаго оффиціальные документы; вотъ крайне сомнительныя данныя, изъ которыхъ приходится дѣлать приблизительно вѣроятные, правдоподобные выводы.

Въ Галичскомъ уѣздѣ Ярославской области существовала древняя фамилія Нелидовыхъ-Отрепьевыхъ, захудалыхъ и обѣднѣвшихъ мелкопомѣстныхъ дворянъ. Одинъ изъ нихъ, Богданъ, имѣлъ сына Георгія, по-русски Юрія (уменьшительное имя—Юшка). Отецъ отправилъ его въ Москву для обученія грамотѣ и письму; юноша оказался очень способнымъ, но быстро развратился. Когда его прогналъ изъ своего дома одинъ изъ братьевъ Романовыхъ, а затѣмъ и князь Черкасскій, онъ принялъ монашество подъ именемъ Григорія (уменьшительное—Гришка),—обычай требовалъ, чтобы имя монаха начиналось съ той же буквы, какъ и имя, которое онъ носилъ въ міру. Григорій быстро подвигается въ чинахъ, его посвящаютъ въ дьяконы; какъ отличный переписчикъ, онъ поступаетъ сначала къ архимандриту Пафнутію, а затѣмъ и къ самому патріарху Іову, — но онъ по прежнему остается негодяемъ. Впрочемъ, не мѣшаетъ усомниться въ тѣхъ не-

---

[1]) Записки С.-Петербургскаго Археологич. Общества, VIII, 12.

благопріятныхъ свѣдѣніяхъ, которыя у насъ имѣются о немъ, потому что по большей части они исходятъ изъ памятниковъ памфлетическаго характера и, къ тому же, заинтересованныхъ въ томъ, чтобы очернить этого козла отпущенія. Можетъ быть, кое-что слѣдуетъ урѣзать въ нихъ?

Таковъ одинъ изъ героевъ драмы, а вотъ и другой.

Историки, наиболѣе упорно отстаивающіе тождество претендента съ Отрепьевымъ, не могли устоять противъ очевидности весьма явнаго раздвоенія этой личности; тщетно они усиливались сочетать въ одномъ лицѣ безусловно непримиримыя черты наружности и данныя біографіи. Они придумывали самыя необычайныя комбинаціи, чтобы привести къ единству эту неустранимую двойственность, но постоянно видѣли двухъ Отрепьевыхъ. Эта двойственность принуждаетъ насъ допустить, что въ этомъ дѣлѣ участвовало двое монаховъ, совсѣмъ разныхъ монаховъ, подобно тому, какъ у Петрарки было двое учениковъ—Іоаннъ Конверсанъ и Іоаннъ Мальпагино, которыхъ долгое время смѣшивали подъ именемъ Джованни де Равенна.

Въ какомъ-то мѣстѣ, котораго нельзя въ точности опредѣлить, можетъ быть, въ томъ же самомъ Галичскомъ уѣздѣ, около того же времени оказался мальчикъ неизвѣстнаго происхожденія. Его отвезли въ Москву или, что еще вѣроятнѣе, въ какую-нибудь изъ мѣстностей на сѣверѣ; здѣсь онъ встрѣтилъ основателя Вятскаго монастыря, святого Трифона, который вопреки всѣмъ уставамъ церкви постригъ его, четырнадцатилѣтняго, въ монахи. Такая поспѣшность какъ будто указываетъ, что этого требовали настоятельныя побужденія. Молодой монахъ переходитъ изъ одного монастыря въ другой, но нигдѣ не остается очень долго; это даетъ поводъ опять думать, что онъ спасается отъ какой-то опасности или старается замести свой слѣдъ, и что у него есть могущественные покровители, которые помогаютъ ему въ столь юномъ возрастѣ такъ легко переходить съ мѣста на мѣсто и встрѣчать вездѣ радушный пріемъ. Нѣкоторое время онъ проживаетъ въ Чудовомъ монастырѣ въ Москвѣ; затѣмъ скрывается и снова начинаетъ вести свою бродячую жизнь. Въ Чудовомъ монастырѣ онъ былъ келейникомъ дьякона Григорія; съ прибытіемъ этого странствующаго монаха среди братіи тотчасъ началось волненіе. Согласно одному изъ первыхъ повѣствованій, предметомъ котораго былъ претендентъ, Гри-

горій въ это время былъ занятъ собираніемъ свѣдѣній о смерти царевича Димитрія. Что бы тамъ ни думалъ объ этомъ лѣтописецъ, дьяконъ, принимаясь за этотъ трудъ, не могъ не имѣть въ виду своего келейника, возрастъ котораго соотвѣтствовалъ возрасту сына Маріи Нагой. Немного времени спустя скрывается, въ свою очередь, и Григорій; онъ достигаетъ польской границы и въ Кіевѣ встрѣчаетъ своего товарища по кельѣ.

Правительство Бориса было уже встревожено тѣмъ, что происходило въ Чудовомъ монастырѣ. Теперь оно почувствовало еще большее безпокойство и, не имѣя возможности наложить свою руку на двухъ главныхъ виновниковъ, выместило свою досаду на архимандритѣ Пафнутіи и сослало его на Бѣлоозеро. Но бѣглецы уже начали дѣйствовать: Григорій, или Гришка, посѣтилъ Запорожье,—слѣды его посѣщенія сохранились въ шайкѣ атамана Герасима Евангелика; потомъ онъ появляется у донскихъ казаковъ; а товарищъ его отправляется сначала въ Острогъ, затѣмъ въ Гощу, чтобы поучиться, и, наконецъ, въ Брагинъ, гдѣ онъ начинаетъ свое поприще искателя престола.

Во время ихъ совмѣстнаго пребыванія въ Кіевѣ обнаруживается имя келейника. Одинъ лѣтописецъ упоминаетъ о монахѣ Леонидѣ, спутникѣ Гришки; а съ другой стороны, Шуйскій утверждаетъ, что, начиная выдавать себя за царевича Димитрія, Гришка уступилъ свое имя монаху Леониду, и тотъ согласился на такую замѣну.

Остается выяснить, кто такой былъ этотъ Леонидъ: быть можетъ, самозванецъ, подготовленный въ Московіи къ той роли, которую онъ столь блестяще долженъ былъ исполнить? Это совсѣмъ невѣроятно. Чтобы такая подготовка шла успѣшно, надо было обладать такимъ знаніемъ людей и обстоятельствъ, какого не было во всемъ государствѣ Бориса. Къ тому же, этотъ самозванецъ могъ быть только сознательнымъ; вѣдь почти восьмилѣтній ребенокъ, которому Димитрій, умирая въ этомъ возрастѣ, завѣщалъ свою роль, уже сознаетъ свою личность, хотя и не можетъ сохранить точнаго воспоминанія обо всемъ, что съ нимъ происходило. А вся исторія претендента противорѣчитъ такому предположенію. Съ начала до конца онъ проявлялъ слишкомъ большую вѣру въ свое предназначеніе и въ свои права, слишкомъ полную свободу въ своихъ дѣйствіяхъ. Въ немъ не было ничего лицедѣйскаго.

Предполагали даже, что Леонидъ былъ, пожалуй, или одинъ изъ незаконныхъ сыновей Грознаго, или ребенокъ одной изъ супругъ этого государя. Насильно постриженныя въ монахини шесть или семь женъ Ивана IV вели, конечно, въ монастыряхъ жизнь не строже той, образецъ которой, спустя цѣлое столѣтіе, оставила намъ тоже постриженная первая супруга Петра Великаго, Евдокія Лопухина. Въ смутное время появилось много истинныхъ или мнимыхъ царевичей, которые ссылались на такое происхожденіе. Въ одной изъ своихъ грамотъ второй Лжедимитрій насчиталъ ихъ одиннадцать! По свидѣтельству одного изъ самыхъ ученыхъ иконографовъ— Ровинскаго, претендентъ былъ похожъ на Ивана IV въ старости. Но имѣютъ ли какое-нибудь значеніе портреты того и другого, которыми мы обладаемъ? Одинъ историкъ, разсматривая портретъ „Лжедимитрія"—произведеніе Луки Киліана,—вынесъ такое впечатлѣніе, что „никому не пришло бы въ голову дать взаймы человѣку съ такимъ сквернымъ лицомъ" [1]). Какъ же такъ? Развѣ Московія не повергла къ стопамъ его всѣ свои сокровища и не отдала свою судьбу въ руки этого разбойника! А Киліанъ и не видалъ никогда своей модели.

Говорили, будто отцомъ претендента былъ князь Мстиславскій; поводомъ для такого обвиненія наобумъ послужилъ предъявленный „Лжедимитріемъ" крестъ и преданіе, согласно которому этотъ потомокъ Гедимина, сосланный Иваномъ IV, далъ ему у себя пріютъ въ Польшѣ. Но никто изъ Мстиславскихъ не былъ никогда въ Польшѣ, а князь Иванъ Ѳеодоровичъ, сосланный въ 1585 году, умеръ спустя годъ въ Кириллово-Бѣлозерскомъ монастырѣ [2]).

Претендентъ былъ не Гришка Отрепьевъ; теперь, какъ и двадцать лѣтъ тому назадъ, исторія придерживается этого взгляда; и въ глазахъ всѣхъ тѣхъ, кто видѣлъ истиннаго дьякона-разстригу въ самомъ станѣ Димитрія, онъ не могъ возбудить никакого сомнѣнія. Вѣдь претендентъ не отказался отъ этой другой очной ставки. На пути въ Москву онъ призвалъ неисправимаго бродягу въ Путивль, водилъ его съ собой и всѣмъ показывалъ. Предполагали, будто для этой роли онъ подыскалъ другого монаха, и что уже въ Кіевѣ Гришка

[1]) Костомаровъ, „Русская Старина", 1876, XV, 5.
[2]) Карамзинъ. Исторія Гос. Россійск., XI, 178.

велѣлъ одному изъ своихъ спутниковъ принять имя Отрепьева [1]). Какъ будто онъ могъ давать приказанія въ то время! Но отъ самаго Путивля Гришка слѣдовалъ за побѣдоноснымъ претендентомъ въ Москву. Развѣ тамъ возможно было не разглядѣть подмѣны, если она дѣйствительно была? Попрежнему негодяй, этотъ бывшій слуга Романовыхъ скоро даетъ поводъ для его удаленія изъ столицы; но куда же отправляетъ его претендентъ, который сталъ теперь царемъ? Въ Ярославль,—значитъ, въ ту мѣстность, гдѣ опять-таки всѣ могли распознать истиннаго Отрепьева отъ ложнаго.

Что касается остального, то тамъ нѣтъ ничего достовѣрнаго. Намъ остается дѣлать только предположенія; нѣкоторыя я указалъ уже, а другія еще болѣе выдѣлятся изъ продолженія моего повѣствованія. Изслѣдуя вопросъ о личности претендента и также объ его таинственныхъ покровителяхъ, которыхъ онъ находилъ до своего появленія въ Польшѣ, мы должны довольствоваться одними предположеніями. Поляки и іезуиты, столь долго обвиняемые въ этомъ покровительствѣ, въ общемъ стоятъ теперь внѣ подозрѣнія даже и въ Россіи; и, какъ мы увидимъ, на это есть основаніе. Самъ претендентъ указалъ, между другими, дьяковъ Щелкаловыхъ, которые спасли его отъ смерти; а Лжедимитрій второй назвалъ Василія Щелкалова, Бѣльскаго и Клешнина. Тѣ же самыя имена находятся въ разсказѣ англійскаго посланника Томаса Смита. Въ 1591 году всезнающій и могущественный дьякъ Андрей Щелкаловъ еще пользовался благоволеніемъ Бориса Годунова. И можно допустить, что они заодно сговорились либо удалить и въ надежномъ мѣстѣ хранить стоящаго поперекъ дороги царевича, либо подмѣнить его и держать въ запасѣ другого претендента. Но можно предположить также, что, безпокоясь уже за свое будущее и питая вражду къ Борису, столь ясно обнаруженную въ его тайныхъ сношеніяхъ съ посланникомъ вѣнскаго двора,— дьякъ дѣйствовалъ самостоятельно. Послѣ своей опалы, послѣдовавшей въ 1594 году, не обладая уже достаточной силой, онъ рѣшилъ постричь покровительствуемаго юношу въ монахи, чтобы легче было укрывать его, несмотря даже

[1]) Карамзинъ, XI, II, 75. Платоновъ. Древнер. пов. и сказ., стр. 36. Карамзинъ былъ введенъ въ заблужденіе ошибочной вставкой въ текстѣ, которую онъ не принялъ къ свѣдѣнію.

на опасность, что кандидатомъ на тронъ придется уже выставить только разстригу.

Но, можетъ быть, все это только химерическія предположенія, подобно измышленному нѣкоторыми историками соглашенію, будто бы заключенному въ самомъ Угличѣ между Нагими и Шуйскимъ—въ качествѣ представителя удѣльныхъ князей изъ дома Рюрика. Странное соглашеніе, которое для родственниковъ царевича кончилось тюрьмой, застѣнкомъ и ссылкой!

Въ концѣ концовъ возможно, что Шуйскіе, которые съ досадой переносили торжество Годунова и крушеніе своихъ честолюбивыхъ стремленій, вошли въ соглашеніе съ Романовыми—и на такой жгучей почвѣ тогда удобнѣе строить болѣе основательныя предположенія. Монастырь Желѣзный Боркъ, который сыгралъ такую большую роль въ исторіи истиннаго или мнимаго Димитрія, находился недалеко отъ Домнина, вотчины Шестовыхъ. Мы знаемъ, что Ѳеодора Романова, будущаго патріарха Филарета, принудили взять себѣ жену изъ этой семьи. Гришка—этотъ вѣроятный спутникъ Димитрія, если самъ онъ не былъ Димитріемъ — служилъ у одного изъ Романовыхъ, и бѣгство претендента въ Польшу хронологически совпадаетъ съ опалой Романовыхъ и Бѣльскаго, одного изъ предполагаемыхъ покровителей Димитрія. Съ другой стороны, Мисаилъ Повадинъ и Варлаамъ—эти два спутника Гришки въ его паломничествѣ въ Кіевъ—были вхожи въ домъ Шуйскихъ. Кто-то изъ членовъ, должно быть, венеціанской колоніи, основанной въ концѣ шестнадцатаго вѣка вблизи Архангельскаго порта, сообщалъ оттуда 4 іюля 1605 года въ письмѣ, сохранившемся въ архивахъ Флоренціи [1]), что, предугадывая намѣренія Годунова, „вельможи страны“ нашли возможность укрыть въ надежное мѣсто младшаго сына Грознаго [2]).

Ѳедоръ Романовъ, заключенный въ 1602 году въ темницу, желалъ для своей жены и дѣтей только скорой смерти; онъ говорилъ, что не желаетъ заботиться ни о чемъ другомъ, кромѣ спасенія своей души. Но въ 1605 году, когда претен-

---

¹) Русск. Истор. Библ. VIII, 63. Раньше оно было напечатано въ Viaggi di Moskovia, Viterbo, 1658.

²) Смотр. Успенскій, Журналъ Мин. Нар. Пр., октябрь, 1884, стр. 325. Adelung. Uebersicht, II, 163.

дентъ вступилъ въ Московское государство во главѣ своего побѣдоноснаго войска, невольный монахъ внезапно измѣняетъ свои рѣчи и свое поведеніе. Онъ выгоняетъ своего собрата по кельѣ—Иринарха, приставленнаго къ нему для надзора, угрожая избить его посохомъ; онъ не желаетъ соблюдать „монастырскаго чина“; постоянно смѣется, но никто не знаетъ причины его смѣха; онъ говоритъ, что вернется къ прежней жизни; онъ собирается скоро отыскать своихъ соколовъ и гончихъ собакъ. Монахи пытаются увѣщевать его, а онъ возмущается, ругаетъ ихъ и кричитъ: „Вы увидите, каковъ я впередъ буду“ [1])!

Въ этомъ заключаются важныя указанія, которымъ не хватаетъ, можетъ быть, только подтвержденія нѣкоторыхъ уничтоженныхъ или слишкомъ хорошо спрятанныхъ документовъ. И, если они не подверглись уничтоженію, безъ сомнѣнія, уже недалекъ тотъ день, когда не побоятся ихъ обнародовать. Нечего опасаться, будто отъ этого потерпятъ ущербъ достойные уваженія интересы. Допуская даже, что Романовы были причастны къ этой интригѣ, которая создала претендента, ихъ соучастниками было все или почти что все Московское государство. И можно сказать, что болѣе или менѣе дѣятельно въ ней принимали участіе всѣ сословія общества. Демократическіе элементы, духовенство и дьяки, соединялись тутъ съ низшими дворянскими слоями черезъ Отрепьевыхъ и Повадиныхъ, съ высшими—черезъ Романовыхъ и Бѣльскихъ и, наконецъ, съ древнѣйшими аристократическими родами—черезъ Шуйскихъ; въ этомъ обширномъ заговорѣ, внушенномъ отвращеніемъ и ненавистью, они объединяли всѣхъ недовольныхъ, всю безыменную толпу ссыльныхъ и бѣглыхъ, которыхъ Палицынъ насчитываетъ въ Польшѣ и Украйнѣ до двадцати тысячъ; наконецъ, они возмущали массы простого народа, среди котораго уже волновалось казачество. И въ то же время цѣлая сѣть монастырей, которой уже была покрыта страна, давая пріютъ и тѣмъ и другимъ, давая убѣжище опальнымъ, находившимся въ бѣгахъ, осужденнымъ на изгнаніе и просто бродягамъ, благопріятствовала заговору и поддерживала возбужденіе въ безмолвномъ сумракѣ той подпольной Россіи, которая и теперь еще укрываетъ столько тайнъ.

---

[1]) Акты Историч. II, 38, 51, 54, 64.

И было бы безумной смѣлостью пытаться точно опредѣлить дѣйствительную долю участія каждаго изъ этихъ элементовъ въ подготовленіи мятежнаго возстанія, разросшагося въ революцію, для котораго претендентъ—кто бы онъ ни былъ—послужилъ только предлогомъ. Находясь въ ссылкѣ въ 1601 году, Θеодоръ и Василій Романовы открыто обвиняли бояръ, что они были причиной ихъ погибели [1]). Вотъ почему на нихъ можно было смотрѣть только какъ на невольныхъ соучастниковъ возстанія, отчасти вызваннаго ихъ опалой [2]). Цѣль, которую преслѣдовали и съ той и съ другой стороны, въ равной мѣрѣ остается неясной. Для Романовыхъ и ихъ друзей претендентъ, быть можетъ, былъ только орудіемъ, чтобы свергнуть Годунова. Если бы это совершилось, у нихъ оставалась возможность устранить это орудіе: для этого стоило только разгласить, что онъ разстрига; и дѣйствительно, они не преминули это сдѣлать. Но, если Димитрій былъ самозванецъ, развѣ вдохновители этого самозванства не имѣли возможности разгласить объ этомъ въ подходящее время и подтвердить это неопровержимо вопреки всевозможнымъ возраженіямъ? А между тѣмъ они даже не попытались сдѣлать это, какъ мы увидимъ! И это служитъ однимъ изъ самыхъ рѣшительныхъ доводовъ въ пользу подлинности „Лжедимитрія“; но у меня будетъ поводъ указать и другія основанія.

Что касается доводовъ въ пользу противнаго мнѣнія, по правдѣ сказать, они сводятся къ очень немногому. Послѣ свидѣтельства Варлаама не болѣе убѣдительно и свидѣтельство князя Катырева-Ростовскаго, составителя тоже весьма запутаннаго повѣствованія [3]). Одинъ изъ подписавшихъ избирательную грамоту Годунова и шуринъ царя Михаила Романова, этотъ лѣтописецъ не могъ уклониться и не признать тождества претендента съ Отрепьевымъ. Вотъ примѣръ его доказательства: достигнувъ трона, Димитрій заточилъ въ монастырь патріарха Іова, у котораго служилъ Гришка; значитъ, онъ боялся, что патріархъ узнаетъ его. Но развѣ у Димитрія, обличеннаго и преданнаго анаѳемѣ этимъ перво-

---

[1]) Акты Историческіе, II, 38, 41, 51.

[2]) Бѣловъ, Журналъ Мин. Нар. Просв., августъ 1873 г.

[3]) Находится въ одномъ изъ хронографовъ, издан. Поповымъ, Изборникъ, Москва, 1869 г.

святителемъ, не было другихъ превосходныхъ поводовъ покарать его?

По свидѣтельству архіепископа Арсенія [1]), два архимандрита Чудова монастыря раздѣлили участь главы русской церкви. Не потому ли, какъ это полагали, что Димитрій и съ ихъ стороны боялся разоблаченій? Но ни одинъ изъ этихъ архимандритовъ не былъ Пафнутіемъ, а бывшій гость знаменитаго Чудова монастыря долженъ былъ бы избѣгать встрѣчи именно съ этимъ послѣднимъ.

Послѣ гибели Димитрія польскій король нѣсколько разъ свидѣтельствовалъ противъ подлинности его личности. Но прежде, принимая его въ Краковѣ и соглашаясь на его бракъ съ дочерью одного изъ своихъ фаворитовъ, онъ подавалъ поводъ предполагать другое мнѣніе, и свидѣтельство его, во второмъ случаѣ, подлежитъ сомнѣнію. Убитый во второй разъ и теперь уже какъ слѣдуетъ, Димитрій въ то время подъ видомъ новаго претендента снова появился на сценѣ, а его прежній гостепріимный хозяинъ въ Краковѣ, въ свою очередь, становится кандидатомъ на московскій престолъ. Послѣдуя своему государю, и канцлеръ его, Левъ Сапѣга, бывшій прежде рьянымъ сторонникомъ Димитрія, становится его обличителемъ, обнаруживая въ то же время и по тѣмъ же соображеніямъ такое непостоянство убѣжденій, болѣе изумительный примѣръ котораго и теперь еще являютъ намъ историки.

Какъ на молчаніе Димитрія, которое онъ будто бы хранилъ о своихъ приключеніяхъ до появленія въ Польшѣ, ссылались также и на молчаніе его тестя. Ни передъ московскими боярами на другой день послѣ катастрофы, положившей конецъ карьерѣ претендента, ни впослѣдствіи, передъ польскимъ сеймомъ, Мнишекъ не могъ представить никакого доказательства въ пользу того происхожденія, на которое заявлялъ притязанія его зять. Но что мы знаемъ о первомъ случаѣ? Показанія воеводы, собранныя въ Москвѣ, во всякомъ случаѣ, не внушающими довѣрія слушателями, сохранились записанными въ документахъ, — но эти документы исходятъ отъ правительства Василія Шуйскаго, а потому не менѣе подозрительны [2]). Съ другой стороны, Мни-

---

[1]) Тотъ же Изборникъ, стр. 212, и Рус. Истор. Библ., XIII, 652.

[2]) Собраніе госуд. грамотъ и догов., II, № 140.

шекъ принужденъ былъ молчать въ Варшавѣ, можетъ быть, по инымъ причинамъ, по чисто личнымъ соображеніямъ. Онъ только-что заключилъ договоръ со вторымъ Димитріемъ — на этотъ разъ несомнѣннымъ самозванцемъ — и былъ намѣренъ предъявить добытое такимъ образомъ долговое обязательство новому московскому правительству. Итакъ, ему было выгодно въ одномъ и томъ же признаніи своего сугубаго легковѣрія, перешедшаго всякую мѣру, слить воедино два предпріятія, которыя онъ послѣдовательно эксплоатировалъ.

Еще одинъ послѣдній доводъ: въ 1671 году Отрепьевы просили разрѣшенія перемѣнить старую фамилію, потому что она тяготила ихъ. Это указывало лишь то, что счастливымъ преемникамъ Димитрія удалось внушить народу ту вѣру, которая служила имъ въ пользу.

И вотъ выводъ, къ которому я пришелъ: въ настоящее время научнымъ путемъ невозможно доказать подлинность перваго „Лжедимитрія“. Она основывается всего только на вѣроятностяхъ; но я надѣюсь, что тѣ предположенія, которыя я привелъ въ подтвержденіе, на дальнѣйшихъ страницахъ покажутся болѣе обоснованными. Противоположное положеніе теперь, какъ и двадцать лѣтъ тому назадъ, основывается лишь на свѣдѣніяхъ явно неточныхъ, недостаточныхъ или нелѣпыхъ.

Перейдемъ теперь къ похожему на романъ началу необыкновенной судьбы Димитрія.

III. Романъ Димитрія.—Марина Мнишекъ.

Уже окруживъ взятаго подъ свое покровительство юношу такой внѣшней обстановкой, чтобы она соотвѣтствовала сану, на который онъ изъявлялъ притязанія, въ блестящемъ экипажѣ и въ сопровожденіи многочисленной свиты, вѣроятно, въ концѣ 1603 года (болѣе точнаго времени не удалось опредѣлить), Константинъ Вишневецкій отвезъ его въ Самборъ къ своему тестю Юрію Мнишку. Здѣсь, въ завязавшихся такимъ образомъ сношеніяхъ съ этой семьей, претендентъ могъ многое выиграть, но также кое-что и потерять. Довольно вліятельные при дворѣ Мнишки соединяли съ этимъ привилегированнымъ положеніемъ равную ему и вполнѣ заслуженную непріязнь въ народѣ. Чехи по происхожденію,

они были недавними пришельцами въ Польшѣ; отецъ Юрія Николай Мнишекъ переселился сюда около 1540 года изъ Моравіи. Родовое имя Мнишковъ стяжало сомнительную славу въ лѣтописяхъ Священной имперіи, но носитель его принесъ съ собой надежное состояніе, нажитое имъ на службѣ у чешскаго короля Фердинанда. Выгодная женитьба на дочери санокскаго кастеляна Каменецкаго породнила его съ одной изъ аристократическихъ фамилій Польши и открыла ему доступъ къ самымъ высшимъ должностямъ въ государствѣ. Скоро онъ получилъ званіе великаго короннаго подкормія. Подобно своимъ предкамъ, его потомки никогда не блистали военными доблестями. Оба сына чешскаго выходца, Николай и Юрій, вели бездѣятельную жизнь при дворѣ Сигизмунда II до тѣхъ поръ, пока смерть нѣжно любимой супруги этого государя, Варвары Радзивиллъ, не вызвала глубокой перемѣны въ его характерѣ. Стараясь размыкать свою скорбь о ней, король предался разврату и суевѣрію,—и Мнишки обнаружили тогда свои таланты. Проворные маклеры и искусные сводники, они доставляли своему безутѣшному государю колдуновъ, вызывателей духовъ, любовницъ и разныя зелья и средства для возбужденія похоти. Въ одномъ монастырѣ бернардинокъ воспитывалась юная красавица, носившая имя Варвары и удивительно похожая на покойную королеву; Юрій Мнишекъ пробрался туда, переодѣвшись въ женскій костюмъ; она согласилась еще болѣе реальнымъ образомъ напомнить государю о прелестяхъ столь горячо оплакиваемой подруги. Она была дочь простого мѣщанина Гижи; ее поселили во дворцѣ, и два раза въ день виновникъ ея счастья являлся къ ней, чтобы проводить ее къ королю [1]).

Такое ремесло доставило ему должность короннаго кравчаго и управляющаго королевскимъ дворцомъ; здѣсь къ его обязаностямъ относилось также и наблюденіе за другими любовницами государя, помѣщенными во дворцѣ. Въ то же время, дѣйствуя заодно со своимъ братомъ, онъ успѣлъ пріобрѣсти большое вліяніе на большинство государственныхъ дѣлъ, а въ особенности забрать въ свои руки распоряженіе королевской казной. Но оба брата больше всего обогатились въ день смерти государя. Сигизмундъ, изнуренный всякими излишествами и совсѣмъ уже больной, только съ нѣсколь-

---

[1]) Orzelski. Interregni Poloniae libri VIII, I, 66 и сл.; II, 234.

кими приближенными отправился въ Книшинскій замокъ въ Литву. Разумѣется, Мнишки и покровительствуемая ими красавица сопровождали короля въ его путешествіи. Въ ночь, которая послѣдовала за кончиной государя, они отправили изъ замка нѣсколько плотно набитыхъ сундуковъ. Расхищеніе, произведенное ими, оказалось до того полнымъ, что не нашлось даже одежды, въ которую можно было бы благопристойно облечь тѣло державнаго покойника.

Такъ, по крайней мѣрѣ, разсказывали по всей Польшѣ спустя нѣсколько недѣль послѣ событія, и скандалъ надѣлалъ такого шума, что на ближайшемъ сеймѣ возбуждены были публичныя пренія по этому поводу. Повидимому, обвиняемымъ не удалось здѣсь оправдаться; однако, съ помощью могущественныхъ покровителей они избѣгли судебнаго преслѣдованія, котораго требовали на сеймѣ, и обязательства вернуть наворованное. Краковскій воевода Янъ Фирлей, великій коронный маршалъ и зять обоихъ негодяевъ, съ полнымъ успѣхомъ постарался замять это дѣло. Мнишки остались попрежнему богаты, важны и столь же презираемы. При строгомъ и честномъ Баторіи Юрія держали въ сторонѣ, и онъ долженъ былъ удовольствоваться незначительнымъ радомскимъ кастелянствомъ. Но вступленіе на престолъ Сигизмунда III вернуло Мнишкамъ нѣкоторую долю ихъ прежнихъ преимуществъ.

Юрію было теперь около пятидесяти лѣтъ; на тучномъ туловищѣ и короткой толстой шеѣ склоннаго къ апоплексіи человѣка сидѣла продолговатая голова съ выпячивающимся подбородкомъ и съ лукавымъ взглядомъ голубыхъ глазъ. Юрій въ превосходной степени обладалъ качествами царедворца. Его почтительныя манеры и большой даръ слова сослужили ему хорошую службу. Король охотно молчалъ, и Юрій говорилъ за него. Еще лучше онъ сумѣлъ придать себѣ цѣны, искусно выставляя напоказъ глубокую набожность. Получивъ сначала самборскую королевскую экономію, затѣмъ сандомірское воеводство и львовское староство, онъ построилъ два монастыря—доминиканскій въ Самборѣ и бернардинскій во Львовѣ, и въ то же время пожертвовалъ десять тысячъ флориновъ для построенія въ этомъ же городѣ іезуитскаго коллегіума. Онъ умѣло дѣлилъ свои дары между этими тремя вліятельными орденами и не упускалъ изъ-за этого возможности укрѣпить свое положеніе брачными союзами

преимущественно съ протестантскими семьями. Католическій міръ избѣгалъ ихъ какъ зачумленныхъ, вслѣдствіе чего онѣ были доступнѣе и представляли болѣе выгодныя партіи. Мужъ одной изъ сестеръ воеводы — Фирлей — былъ кальвинистъ. Другая сестра его вышла замужъ за аріанина Стадницкаго. Самъ воевода женился на Ядвигѣ Тарло, отецъ и братья которой были тоже упорные аріане.

Его должности приносили ему большой доходъ, и доходъ этотъ былъ тѣмъ значительнѣй, что управитель самборской экономіи не прочь былъ позабыть представлять свои отчеты. Но, несмотря на это и на его прежнія хищенія, онъ сталъ нуждаться и быстро запутался въ долгахъ. Самборскій замокъ, со своей грудой безобразныхъ, но обширныхъ построекъ, расположенный въ красивой мѣстности на лѣвомъ берегу Днѣстра, былъ роскошнымъ мѣстопребываніемъ на польскій ладъ. Теперь это—простое мѣстечко съ бѣднымъ еврейскимъ населеніемъ, но въ то время это былъ цѣлый городъ, имѣвшій военное значеніе; мѣстами укрѣпленный, защищенный рвами и опоясанный толстыми крѣпостными стѣнами, онъ служилъ передовымъ постомъ противъ татаръ. Замокъ состоялъ изъ четырехъ отдѣльныхъ строеній: дворецъ короля, дворецъ королевы, палацъ для гостей, въ которомъ помѣщалась одна только обширная столовая, и въ отдѣльномъ зданіи пріемная зала. Такое расположеніе встрѣчается еще и теперь въ нѣкоторыхъ резиденціяхъ польской аристократіи. Ихъ королевскія величества никогда не посѣщали Самборъ, и потому управитель экономіи свободно располагалъ всѣми этими помѣщеніями, а также и многочисленными службами, окруженными громадными садами [1],—жилыми домами, кухнями, сараями, конюшнями и погребами. Мнишекъ велъ здѣсь роскошную жизнь, но во время появленія претендента ее непріятно нарушали назойливость кредиторовъ и все болѣе и болѣе частыя посѣщенія судебныхъ приставовъ со своими помощниками.

Мнишекъ не могъ дѣлать новыхъ заимствованій изъ королевской шкатулки; Сигизмундъ былъ благорасположенъ къ нему, но какъ хозяинъ онъ былъ сравнительно бережливъ, и его казна недурно охранялась. Чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія, самборскій управляющій нашелъ, наконецъ,

---

[1]) Turkawski. Przegląd Lwówski XXIII, 16. Hirschberg. Dymitr Samozwaniec, стр. 57.

одно лишь средство: выгодно пристроить своихъ дочерей. Онъ не давалъ имъ приданаго, но умудрялся находить богатыхъ и угодливыхъ мужей. Такимъ образомъ его старшая дочь Урсула стала женой Константина Вишневецкаго, вполнѣ способнаго поддержать своего бѣдствующаго тестя. Младшая Марія, или Марина, поджидала еще жениха; въ это время ей было лѣтъ восемнадцать или девятнадцать [1]).

Такова была та среда, куда чреватая опасностями судьба привела предполагаемаго сына Грознаго.

Легко можно себѣ представить, какіе плѣнительные горизонты открыло это появленіе взору стѣсненнаго магната. Нѣтъ сомнѣнія, что кремлевскія богатства, столь преувеличенныя, по обычаю, воображеніемъ людей того времени, но безусловно превосходившія сокровища книшинскаго замка, заманчивой картиной тотчасъ же предстали его жадному и тревожному взгляду. Димитрій, вернувши себѣ вѣнецъ своихъ предковъ, былъ бы вѣрнымъ источникомъ богатства для того, кто сумѣлъ бы запасти себѣ хорошее мѣстечко на берегахъ этого далекаго Пактола.

Къ сожалѣнію, въ тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыми мы обладаемъ, мы встрѣтимъ досадный пропускъ. Мы совсѣмъ не знаемъ, какъ возникъ этотъ чудесный романъ, который лучше всякой иной комбинаціи долженъ былъ осуществить на дѣлѣ мечту самборскаго кастеляна и дать его надеждамъ наиболѣе прочную гарантію. Претендентъ ли залюбовался первый на свояченицу князя Вишневецкаго, или его поощрялъ къ этому отецъ, или даже сама дочь? Мы все еще ограничиваемся только догадками. Марина слыла красавицей; но и тутъ, въ этомъ вопросѣ, мы опять-таки можемъ сослаться только на преданіе,—вѣдь сохранившіеся портреты не говорятъ намъ ничего такого. Марина была похожа на воеводу: тотъ же высокій лобъ, ястребиный носъ и острый подбородокъ; но тонкій ротъ и плотно сжатыя губы, которыя были какъ будто созданы не для приманки поцѣлуевъ, непріятно дополняли сходныя черты. И только довольно красивые, продолговатые, словно миндалины, глаза и граціозно выгнутыя брови нѣсколько смягчали это сухое, черствое

---

[1]) Костомаровъ и другіе историки невѣрно считали Марину старшей изъ двухъ дочерей Мнишка. Въ дѣйствительности ихъ было у него пять и столько же сыновей. Смотр. Niesiecki, VI, 436, примѣчаніе.

лицо. Но эти портреты,—я говорю о тѣхъ, которые дѣйствительно или повидимому достовѣрны,—изображаютъ всегда Московскую царицу съ порфирой на плечахъ и съ вѣнцомъ на головѣ; и можно допустить, что, стараясь придать величественный видъ своей модели, художники не позаботились сохранить ея природную привлекательность. Димитрій былъ безспорно некрасивъ; объ этомъ согласно свидѣтельствуютъ всѣ портреты и всѣ описанія. Но, кромѣ обаянія, связаннаго съ его таинственнымъ прошлымъ и съ тѣмъ будущимъ, которое, казалось, открывается передъ нимъ, онъ обладалъ достоинствами, передъ которыми не устояла бы бо́льшая часть женщинъ: отвагой, внушаемой здоровымъ и мощнымъ юношескимъ жаромъ, мужествомъ и ловкостью. Къ этимъ достоинствамъ онъ присоединилъ послѣдній и высшій соблазнъ: любовь! Въ соединеніи этихъ двухъ молодыхъ существъ, обреченныхъ на самую величавую и самую прискорбную участь, Юрій Мнишекъ руководился, навѣрное, только разсчетомъ, а его дочь, по всей видимости, только непомѣрнымъ честолюбіемъ. Но претендентъ вложилъ сюда всю свою душу. И, въ самомъ дѣлѣ, если въ Самборѣ этотъ союзъ могъ ему показаться выгоднымъ и способнымъ послужить ему на пользу, въ Москвѣ онъ обратился не только въ обременительныя, но и въ безконечно опасныя оковы. Безспорно, союзъ этотъ въ весьма большой мѣрѣ повредилъ его успѣху и подготовилъ его гибель. Въ его власти было порвать эту связь, а между тѣмъ онъ не задумался объ этомъ ни на мигъ! Его постигла участь большинства великихъ честолюбцевъ; подобно имъ познalъ онъ очарованіе и тяжесть рокового увлеченія. И у него была своя Марина, какъ у Антонія—Клеопатра и, ближе къ нашимъ днямъ, у Наполеона III—Евгенія.

Религіозныя вліянія, надо думать, принимали косвенное участіе въ этомъ сближеніи. Дочь набожнаго отца, Марина была благочестива, и, если Димитрій положилъ къ ея ногамъ надежду на царскій вѣнецъ, такой бракъ казался вѣрнымъ залогомъ еще болѣе достославныхъ обѣщаній для католической церкви. Вотъ почему въ завязку этой злополучной связи не преминули впутать вмѣшательство іезуитовъ. Но іезуитовъ не было въ Самборѣ [1])! Съ полной

[1]) Смотр. у Пирлинга (Rome et Démétrius, стр. 8 и слѣд.); онъ исправилъ ошибку Чилли (Istoria delle solevazioni, Pistoia 1627), распространенную Карамзинымъ и Соловьевымъ.

увѣренностью можно утверждать, что до пріѣзда въ Краковъ претендентъ не встрѣчалъ ни одного изъ членовъ этого уже прославившагося и могущественнаго общества. Димитрій былъ воспитанникомъ іезуитовъ? Разумѣется, нѣтъ! У него не было ни одной черты схоластическаго обученія и религіознаго фанатизма! Развѣ пребываніе въ коллегіумѣ отцовъ іезуитовъ могло бы не оставить слѣда? Развѣ ученикъ іезуитовъ могъ бы подписаться In Perator? Напротивъ, для человѣка, который провелъ свое дѣтство въ польскихъ или итальянскихъ школахъ, виновный въ такой ошибкѣ черезчуръ хорошо говорилъ по-русски. Съ другой стороны, въ религіозныхъ вопросахъ онъ проявлялъ всегда вѣротерпимость, граничившую со скептицизмомъ: задушевными совѣтчиками и секретарями православнаго царя, тайкомъ обратившагося въ католичество, были два протестанта!

Возможно, что въ одномъ изъ бернардинскихъ монастырей, который Марина часто и на долгое время посѣщала, она позволила внушить себѣ мысль своимъ самопожертвованіемъ подготовить католическому міру наиболѣе славную изъ его побѣдъ. Но личныя сношенія Димитрія съ этими монахами, повидимому, ограничивались одними религіозными собесѣдованіями, которыя только подготовляли почву для болѣе искусныхъ распространителей вѣры, и дружескими бесѣдами, предметомъ коихъ была зарождающаяся любовь претендента къ дочери сандомірскаго воеводы. И въ томъ и въ другомъ случаѣ самборскій ксендзъ, о. Помаскій, придворный священникъ, каноникъ и королевскій секретарь, своими елейными рѣчами оказывалъ поддержку о. Анзерину, котораго тогдашніе духовные писатели изображаютъ превосходнымъ богословомъ, но его фамилія или прозвище (Anserinus — попольски Gąsior или Gąsiorek значитъ гусакъ или большая оплетеная бутыль) неотвязно вызываетъ въ насъ сохранившійся по преданію образъ польскаго бернардинца, отчаяннаго питуха и безподобнаго юбочника.

Помолвку не отпраздновали сейчасъ же въ Самборѣ, и даже, кажется, не пришли къ окончательному соглашенію относительно предполагаемаго брака. Но одно возникновеніе этого проекта, подчиненнаго еще политическимъ соображеніямъ, для выясненія которыхъ надо было совершить путешествіе въ Краковъ, дало предпріятію претендента другой оборотъ. Стали догадываться, что за сандомірскимъ воеводой скры-

вается участіе самого короля, и уже было недалеко отъ того, что предполагаемый зять вліятельнаго царедворца будетъ располагать войскомъ. Мы имѣемъ извѣстія, что для поддержки дѣла претендента съ января мѣсяца 1604 года въ Лубнахъ — резиденціи князя Михаила Вишневецкаго — составлялись отряды. Въ то же время съ Дона, куда, быть можетъ, проникъ Гришка Отрепьевъ, приходили казацкіе выборные, уполномоченные сговориться съ царевичемъ. Дѣло пошло черезчуръ уже быстро. И дѣйствительно, вслѣдствіе донесенія, посланнаго въ Краковъ, быстро послѣдовалъ королевскій приказъ, предписывавшій украинскимъ старостамъ не допускать этихъ сборищъ,—и комиссаръ Его Величества, Яковъ Мецельскій, велѣлъ забрать казацкихъ развѣдчиковъ [1]).

Юрій Мнишекъ, въ виду своего положенія, менѣе, чѣмъ кто-либо другой изъ польскихъ пановъ, могъ затѣвать подобное предпріятіе. Мысль ввѣрить будущее своей дочери съ ея зарождающимся честолюбіемъ кучкѣ казаковъ и татаръ и идея болѣе чѣмъ смѣлаго наѣзда на Москву, даже принимая въ соображеніе ненадежную поддержку народнаго возстанія и отваживаясь встрѣтить несомнѣнное сопротивленіе такого воинскаго строя, который съ немалымъ трудомъ побѣдилъ Баторій, — могли обольстить воображеніе человѣка съ такимъ воображеніемъ и характеромъ, какъ Вишневецкій, но холодному и разсчетливому взору отца Марины съ перваго же взгляда онѣ должны были казаться прямо безуміемъ. Онъ надѣялся найти другой путь и болѣе надежные элементы успѣха. Вслѣдъ за Замойскимъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1603 года, король выразилъ желаніе видѣть Димитрія въ Краковѣ [2]). И Юрій Мнишекъ, стараясь привлечь на свою сторону Сигизмунда и Польшу, рѣшился на попытку, передъ которой отступилъ Вишневецкій.

IV. Претендентъ въ Краковѣ.

Двое изъ наиболѣе вліятельныхъ государственныхъ людей въ странѣ, самъ Янъ Замойскій, первый изъ всѣхъ, и будущій побѣдитель шведовъ Янъ-Карлъ Ходкевичъ, убѣждали короля не вмѣшиваться въ это дѣло. Я уже указывалъ, что такое отношеніе было самымъ разумнымъ. До сихъ поръ еще не вполнѣ поняли, что подлинность Димитрія менѣе

[1]) Hirschberg. Dymitr Samozwaniec, стр. 26.
[2]) Pierling. Rome et Démétrius, стр. 175.

всего заботъ могла внушать тѣмъ изъ поляковъ, которые въ этомъ предпріятіи принимали во вниманіе только выгоды своего отечества. Вѣдь ясно, что возстановлять славную древнюю московскую династію значило работать въ пользу Московскаго государства, а не Польши. Но, хотя согласно конституціи король долженъ былъ принять мнѣніе Замойскаго и Ходкевича, у него были и другіе, менѣе оффиціальные, но болѣе желанные для него совѣтчики. Его приближенные принадлежали, главнымъ образомъ, къ второстепеннымъ личностямъ въ странѣ; это были царедворцы, которые шли по слѣдамъ Николая и Юрія Мнишковъ, такіе обжившіеся въ Польшѣ выходцы, какъ Андрей Бобола, Бернардъ Мацѣйовскій и Сигизмундъ Мышковскій, или наемные иностранцы, какъ нѣмецъ Врадеръ и итальянецъ де-ла-Кола, и, наконецъ, главная придворная дама королевы Урсула Гингеръ, называемая обыкновенно по-нѣмецки Meierin. Этотъ маленькій мірокъ, легко доступный всякимъ интригамъ, находился заодно съ самимъ королемъ подъ сильнымъ вліяніемъ іезуитовъ и въ частности подъ вліяніемъ духовника Его Величества, отца Барча. А между тѣмъ вниманіе отцовъ-іезуитовъ уже было настороженно на тѣ извѣстія, которыя приходили изъ Самбора, и въ ихъ глазахъ вопросъ, возбуждаемый ими, принималъ совсѣмъ иной характеръ.

Истинный или мнимый, но обращенный въ католичество царевичъ могъ стать неоцѣнимымъ средствомъ: лишь бы только ему удалось вступить въ Москву, слѣдомъ за нимъ могли бы проникнуть туда и члены Общества Іезуитовъ. Вдобавокъ чисто личныя соображенія побуждали къ тому же и Сигизмунда. Будучи ревностнымъ католикомъ, онъ способенъ былъ, кажется, пожертвовать Польшей, чтобы ввести въ нѣдра католической церкви Московское государство. Недавно онъ сугубо потерялъ свое наслѣдіе въ Швеціи, и эта страна въ равной мѣрѣ волновала его какъ своими политическими, такъ и близкими его сердцу религіозными интересами. Отчего бы ему послѣ неудачныхъ переговоровъ съ Годуновымъ не возобновить попытки вернуть это наслѣдіе при помощи соперника вѣнчаннаго выскочки? Мѣшало одно препятствіе: съ Москвой недавно подписали двадцатилѣтнее перемиріе. Но, если претендентъ былъ истинный сынъ Ивана IV, или если въ это можно было повѣрить, тогда договоръ, заключенный съ похитителемъ престола, не становился ли недѣйствительнымъ?

Правда, хотя нунцій Рангони,—какъ утверждаетъ это онъ самъ,—и отказался въ концѣ концовъ для обсужденія этого щекотливаго вопроса созвать совѣтъ іезуитовъ, но вполнѣ вѣроятно, что съ этой стороны нерѣшительный монархъ встрѣчалъ по меньшей мѣрѣ поощренія [1]). Иначе Сигизмундъ, конечно, не рѣшился бы передать вопросъ на обсужденіе въ другое собраніе, авторитетъ коего при отсутствіи сейма имѣлъ такой же вѣсъ и могъ даже перевѣсить авторитетъ самого короля въ этой своеобразной странѣ, которая хотя имѣла короля, но принимала все болѣе и болѣе удивительныя формы республиканскаго образа правленія. Требуя присылки Димитрія въ Краковъ, Замойскій, безъ сомнѣнія, хотѣлъ только захватить царевича въ свои руки и этимъ живо положить конецъ предпріятію. А король замышлялъ совсѣмъ иное, когда въ февралѣ 1604 года онъ вступилъ въ оффиціальную переписку со своими сенаторами, прося ихъ высказаться всенародно о выгодахъ и невыгодахъ (de commodo et incommodo) той поддержки, какую можно оказать этому искателю приключеній [2]).

Напрасно утверждали, будто мнѣнія сенаторовъ Рѣчи Посполитой раздѣлились [3]). По двумъ существеннымъ вопросамъ—о подлинности Димитрія и о предполагаемомъ участіи Польши въ его предпріятіи—король почти единодушно, за исключеніемъ двухъ голосовъ, получилъ отрицательный отзывъ. Кромѣ того, о томъ, что противнаго взгляда былъ краковскій воевода Николай Зебжидовскій, извѣстно намъ только изъ письма нунція Рангони, написаннаго позднѣе, въ то время, когда этотъ вельможа, извѣстный смутьянъ и будущій виновникъ междоусобной войны, могъ присоединиться къ дѣлу, открыто защищаемому тогда іезуитами [4]). Судя по сохра-

---

[1]) Pierling. Rome et Démétrius, стр. 185. Ср. Pierling. La Russie et le Saint-Siège, III, 63. Проектъ совѣщанія съ іезуитами, какъ это указываетъ письмо Рангони, помѣченное 24 апр. 1604 г., предшествовалъ обращенію короля къ сенаторамъ, а не слѣдовалъ за нимъ, какъ утверждаетъ это въ своей второй работѣ о. Пирлингъ.

[2]) Одинъ экземпляръ королевскаго посланія, помѣченнаго 18 февраля 1604 г., находится въ СПБ. Импер. Публ. Библ., Рукописи, 63, т. II, л. 22; онъ былъ нѣсколько разъ изданъ: на польскомъ языкѣ въ „Listy Stanisława Żółkiewskiego", стр. 127; по-русски въ „Русской Старинѣ", XXI, 1878, статья Пташицкаго.

[3]) Pierling. La Russie et le Saint-Siège, III, 63.

[4]) Письмо Рангони отъ 13-го марта 1604 г., Pierling, Rome et Démétrius, стр. 178.

нившимся отвѣтамъ сенаторовъ, только одинъ изъ нихъ склоненъ признать подлинность претендента,—это Гнѣзненскій архіепископъ, прелатъ Янъ Тарновскій. Да и то въ его отвѣтѣ заключается положеніе, которое въ лицѣ Плоцкаго епископа Альберта Барановскаго находитъ себѣ краснорѣчиваго защитника: если бы, говоритъ онъ, царское происхожденіе претендента было признано, для сохраненія мира надо отказаться отъ всякаго участія въ его дѣлѣ, строго наблюдать за этимъ иностранцемъ и препятствовать его сношеніямъ съ казаками. Хотя не всѣ сенаторы высказываются за полное воздержаніе, во всякомъ случаѣ, такое мнѣніе преобладаетъ; къ нему присоединяется и самъ Гнѣзненскій архіепископъ; наиболѣе отважные предлагаютъ только воспользоваться „Лжедимитріемъ", чтобы тревожить Годунова, и при особомъ мнѣніи остается Янъ Остророгъ,—онъ совѣтуетъ отправить претендента въ Римъ, опредѣливъ ему извѣстную сумму на содержаніе. И всѣ, наконецъ, окончательное рѣшеніе этого вопроса предоставляютъ сейму или собранію сената въ полномъ составѣ [1]).

Таковъ былъ голосъ разумной Польши, голосъ мудро понятаго національнаго блага!—Нельзя, однако, не замѣтить, что тѣ обстоятельства, при которыхъ появился претендентъ, его положеніе протежируемаго и будущаго зятя Мнишка—что, безъ сомнѣнія, было извѣстно—оказали, конечно, нѣкоторое вліяніе въ такомъ почти полномъ и столь исключительномъ согласіи мыслей и чувствъ.

Въ первыхъ числахъ марта, вскорѣ послѣ полученія всѣхъ этихъ отвѣтовъ, не предвѣщавшихъ ничего хорошаго, сандомірскій воевода и протежируемый имъ юноша прибыли въ Краковъ.

Юрій Мнишекъ былъ человѣкъ ловкій, и онъ доказалъ это, принимая какъ будто безучастно столь тяжелыя для него вѣсти. Ни въ одной странѣ польская пословица: czapką chlebem i solą ludzie ludzi niewolą (низкопоклонствомъ да хлѣбосольствомъ люди заставляютъ служить себѣ другихъ) не нашла себѣ лучшаго примѣненія. Отецъ Марины началъ съ того, что устроилъ пиръ для тѣхъ изъ своихъ сотоварищей по сенату, которые были тогда въ Краковѣ. Манеры и представительная осанка Димитрія произвели обаятельное впечатлѣніе; какъ намъ извѣстно, даже на Рангони, присутство-

---

[1]) Hirschberg. Dymitr Samozwaniec, стр. 34.

вавшаго на этомъ пиршествѣ, хотя и избѣгавшаго явныхъ сношеній съ претендентомъ, онѣ произвели поразительное впечатлѣніе. Потчуя своихъ гостей лучшими венгерскими винами, гостепріимный хозяинъ не упускалъ случая замолвить словечко о томъ, что доводы въ пользу претендента все умножаются. Въ свитѣ царевича теперь было много знатныхъ московскихъ людей, и ихъ раболѣпное отношеніе къ нему служило яркимъ свидѣтельствомъ его происхожденія. Къ новымъ выборнымъ, отправленнымъ донскими казаками для предложенія своихъ услугъ, со всѣхъ сторонъ стекались добровольцы. Даже изъ Москвы, отъ весьма высокопоставленныхъ лицъ, претендентъ получалъ, какъ утверждали, письма, полныя ободреній [1]).

Однако, какъ ни убѣдительны были эти доводы,—а они, кажется, произвели нѣкоторое впечатлѣніе,—они не достигли главной намѣченной Мнишкомъ цѣли. Болѣе или менѣе подготовленные къ той мысли, что передъ ними находится истинный царевичъ, гости воеводы не обнаружили особаго расположенія присоединиться къ его дѣлу; и можно было предугадать, что сеймъ проявитъ такое же нерасположеніе. Оставался король; понятно, что съ этой стороны и покровитель и покровительствуемый могли ждать самаго благопріятнаго отношенія. Димитрій выказывалъ рѣшимость принять католичество. Ксендзъ Помаскій и отецъ Анзеринусъ ручались въ этомъ изъ Самбора, и нунцій Рангони отправлялъ изъ Кракова въ Римъ все болѣе и болѣе радостныя и увѣренныя посланія. Подготовляя свое открытое выступленіе, іезуиты поощряли, безъ сомнѣнія, своего духовнаго сына сейчасъ же воспользоваться этой неожиданной удачей, и Сигизмундъ, убѣжденный или нѣтъ, склонялся къ такимъ поступкамъ, которые ясно указывали на его еле скрытое желаніе приложить палецъ, а то и всю руку къ одобренному предпріятію. Онъ принималъ и выслушивалъ московскихъ бѣглецовъ, въ числѣ которыхъ были и пять братьевъ Хрипуновыхъ; впрочемъ, роль этихъ братьевъ крайне загадочна: въ ту пору они поручились за подлинность царевича, а впослѣдствіи, когда Димитрій уже царствовалъ, они принуждены были обратиться къ покровительству короля, чтобы получить разрѣшеніе вернуться въ Московію, и при его великодушной поддержкѣ

---

[1]) Niemcewicz. Dzieje panowania Zygmunta III-go, т. II, стр. 295.

получили тамъ земельный надѣлъ [1]). Спустя нѣсколько дней послѣ пира, гдѣ всѣ старанія Мнишка оказались тщетными, Сигизмундъ сдѣлалъ болѣе рѣшительный шагъ: 15 марта 1604 года претенденту была назначена аудіенція.

Это была побѣда, насколько можно было еще разсчитывать на побѣду въ Польшѣ. Рѣчь Димитрія, составленная въ духѣ того времени кѣмъ-нибудь изъ поляковъ его свиты, наполнена многочисленными латинскими цитатами, риторическими фигурами и уподобленіями, въ которыхъ болѣе или менѣе удачно приводились сходные случаи изъ исторіи и преданій. Отвѣтъ короля, выраженный устами вице-канцлера Тылицкаго, въ свою очередь, соображался съ обстоятельствами. Связанный почти единодушнымъ мнѣніемъ сенаторовъ, Сигизмундъ давалъ понять, что онъ не признаетъ Димитрія, не дастъ ему ни одного солдата и не нарушитъ перемирія, заключеннаго съ Годуновымъ,—но онъ все позволитъ Мнишку и тайно будетъ даже поддерживать предпріятіе. И дѣйствія, къ тому же болѣе краснорѣчивыя, чѣмъ затасканныя и запутанныя фразы Тылицкаго, не замедлили ясно обнаружить намѣренія его государя.

Для начала, сейчасъ послѣ аудіенціи царевича осыпали подарками, назначили ему ежегодное содержаніе въ 4000 флориновъ, правда, изъ доходовъ Самборской экономіи,—это едва ли особенно понравилось самому эконому. Кромѣ того, Сигизмундъ даже принялъ на себя нѣкоторую долю расходовъ для дальнѣйшаго пребыванія претендента въ Краковѣ. Молва прибавляла, будто король заказалъ для будущаго царя великолѣпный столовый сервизъ съ русскими гербами, и что онъ ежедневно видится съ претендентомъ.

А въ дѣйствительности всѣ подарки государя были значительно скромнѣй, и само собой разумѣется, что онъ подносилъ ихъ не даромъ. Чтобы проникнуть въ резиденцію Его Величества—Вавель, и чтобы встрѣтить тамъ добрый пріемъ, Димитрій долженъ былъ заплатить форменными и весьма обременительными обязательствами. Онъ предлагалъ или соглашался отдать Польшѣ половину земли Смоленской и часть Сѣверской; заключить вѣчный союзъ между обоими государствами; разрѣшить свободный въѣздъ іезуитовъ въ Московію;

---

[1]) Русская Ист. Библ. XIII, 23; Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи, IV, 246.

дозволить строить католическія церкви, и, наконецъ, обѣщалъ помочь королю вернуть шведскій престолъ [1]).

Приходится сознаться, что, отдавая больше, чѣмъ онъ получалъ, Димитрій заключалъ невыгодную сдѣлку. Вѣдь, въ этой странѣ Рѣчи Посполитой попустительство, на которое далъ свое согласіе Сигизмундъ, столь же мало значило, какъ и королевская власть. Онъ избавлялъ Мнишка отъ личныхъ тревогъ, онъ могъ подстрекнуть и еще нѣсколькихъ искателей приключеній, но, въ сущности, вопреки желанію и первоначальному чаянію воеводы, дѣло не пошло дальше авантюры. Большое политическое и военное предпріятіе, для котораго онъ искалъ поддержки Рѣчи Посполитой или государя — одно время онъ льстилъ себя такой надеждой — окончательно рушилось.

Да, Димитрій давалъ слишкомъ много. Но обѣщанія ничего не стоятъ тому, кто не намѣренъ ихъ сдержать; и, здраво разсуждая, невозможно приписать такой невѣроятной наивности Сигизмунду и его совѣтчикамъ, увѣренности, что онъ сдержитъ свое обѣщаніе, когда у него явится желаніе и онъ получитъ власть исполнить то, что теперь обѣщалъ. Для московскаго царя это равнялось бы самоуничтоженію! Весьма вѣроятно, что этотъ необычайный договоръ, тотчасъ же спрятанный королемъ въ шкатулку, ключъ отъ которой хранился у него, былъ въ глазахъ Сигизмунда только залогомъ, бумажкой, которую можно будетъ использовать впослѣдствіи, при болѣе серьезныхъ сношеніяхъ, какъ средство прижать.

Заодно съ королемъ и Рангони іезуиты, со своей стороны, старались получить отъ царевича болѣе реальную и болѣе непосредственную заручку. Димитрій былъ уже, по тайности, соучастникомъ Польши въ проектѣ расчленить его отечество; онъ согласился еще измѣнить своей національной вѣрѣ и тайно принять католичество.

V. Обращеніе въ католичество.

Объ этомъ обращеніи намъ повѣствуютъ писатели, лучше меня освѣдомленные для подобнаго труда; и, безъ сомнѣнія, съ моей стороны было бы неразумно дѣлать какія либо по-

[1]) Pierling. Rome et Démétrius, стр. 178—186. Hirschberg. Dymitr Samozwaniec, стр. 42.

правки [1]), хотя въ нѣкоторыхъ подробностяхъ проницательность этихъ историковъ пострадала, думается мнѣ, отъ воображенія нѣкоторыхъ набожныхъ лѣтописцевъ. Я не рѣшился бы сказать, что въ ту минуту, когда Димитрій произносилъ передъ отцомъ Гаспаромъ Савицкимъ свое отреченіе, онъ дѣйствительно обнаружилъ ту жестокую борьбу, которая происходила въ его душѣ, suspensus animo aliquantum mansit (порой онъ впадалъ въ забытье); или, что впослѣдствіи, за невозможностью поцѣловать папскую туфлю, онъ палъ ницъ и сдѣлалъ видъ, что воздаетъ ту же почесть башмаку Рангони. Во всякомъ случаѣ, я склоненъ предполагать, что все произошло гораздо проще, и что, принимая активное участіе въ этой комедіи, ни о. Савицкій—человѣкъ весьма догадливый, ни самъ нунцій, а тѣмъ менѣе Зебжидовскій ни на одну минуту не дали обмануть себя. Вѣдь, конечно, это была комедія, и что бы ни думали и ни говорили впослѣдствіи, но само іезуитское общество въ ту пору не могло явно не признаться въ этомъ [2]). Чтобы убѣдить насъ въ противномъ, указывали даже на нѣжное чувство Димитрія къ Маринѣ, которое яко-бы побуждало его принять вѣру любимой женщины. Дѣйствительно, такое желаніе можно было бы предполагать въ немъ во время его перваго пребыванія въ Самборѣ, въ горячемъ порывѣ его зарождающейся страсти. Но въ Краковѣ, въ переговорахъ объ этомъ рѣшительномъ актѣ, онъ обнаружилъ слишкомъ много хладнокровія и искусства; онъ слишкомъ умно изворачивался среди всѣхъ двусмысленныхъ возраженій и лукавыхъ умалчиваній, чтобы можно было допустить, что имъ въ этомъ случаѣ руководитъ амуръ съ завязанными глазами и пламенѣющими стрѣлами.

Тѣмъ не менѣе, 24 апрѣля 1604 года онъ, дѣйствительно, написалъ папѣ Клименту VIII пресловутое письмо, которому суждено было спокойно лежать въ архивѣ Римскаго Инквизиціоннаго Суда, подобно тому, какъ Вавельскій договоръ лежалъ въ королевской шкатулкѣ. Онъ называлъ себя „самой жалкой овечкой“, „покорнымъ слугою“ Его Святѣйшества; онъ отрекался отъ „заблужденія грековъ“, признавалъ непорочность догматовъ вѣры „истинной Церкви“ и,

---

[1]) Pierling. La Russie et le Saint-Siège, III, 72 и сл. Н. Левицкій. „Христіанскія Чтенія“, сентябрь, октябрь 1883, стр. 383 и слѣд.

[2]) Смотр. Rostowski. Lithuanicarum Soc. Jes. Hist. libri X, стр. 207.

наконецъ, цѣловалъ ноги Его Святѣйшества, какъ „ноги самого Христа", и исповѣдывалъ полную покорность и подчиненіе „верховному пастырю и отцу всего христіанства". Въ то же время, хотя онъ и радъ былъ, что нашелъ вѣчное царство, болѣе прекрасное, чѣмъ то, которое у него такъ несправедливо похитили, и выражалъ готовность,—если такова будетъ воля Провидѣнія, — отказаться отъ престола своихъ предковъ, онъ допускалъ также, что Всевышній могъ избрать его проповѣдникомъ истинной вѣры, дабы обратить заблудшія души и возвратить въ лоно католической церкви великую и набожную націю.

Польскій текстъ подлинника этого письма составляетъ часть той загадки, которую мы обсуждали выше. Среди всѣхъ высказываемыхъ по этому поводу предположеній наиболѣе вѣроятнымъ представляется мнѣ то, которое допускаетъ, что, употребляя этотъ языкъ, Димитрій особенно старался подтвердить искренность своего обращенія. И теперь еще полякъ и католикъ нераздѣльны въ Русской землѣ. А претендентъ, дѣйствительно, имѣлъ основаніе использовать передъ Святѣйшимъ Отцомъ всѣ средства убѣдить его. За одну только нравственную поддержку онъ уступалъ Сигизмунду часть наслѣдія своихъ предковъ и обѣщалъ свое содѣйствіе противъ Швеціи; отъ Рима онъ ждалъ болѣе дѣйствительной помощи. Папа не задумываясь давалъ субсидіи Баторію для столь сомнительнаго завоеванія Москвы; неужели онъ будетъ менѣе великодушенъ къ законному наслѣднику Ивана IV, когда будущій царь, добиваясь возврата своего государства, кладетъ его къ ногамъ папы?

Увы! Климентъ VIII сдѣлалъ то же, что сдѣлалъ Сигизмундъ. Подтверждаемое столь убѣдительнымъ посланіемъ обращеніе претендента было принято въ Римѣ съ радостью, и папа написалъ на поляхъ письма: Ne ringratiamo Dio grandamente... (Возблагодаримъ премного Бога за это...) И іезуиты получили всякія полномочія использовать въ религіозномъ отношеніи такимъ образомъ достигнутый успѣхъ; что же касается политической стороны этого дѣла, папа оказался, наоборотъ, крайне осторожнымъ. Онъ соглашался не видѣть болѣе въ Димитріи другого португальскаго короля-самозванца, онъ не задумался отвѣтить на его посланіе, называя его „дорогимъ сыномъ" и „благороднымъ господиномъ",—но вотъ и все. А при отсутствіи малѣйшаго указа-

нія, которое позволяло бы претенденту надѣяться на болѣе существенное доброжелательство, выраженіе „благородный господинъ“ должно было показаться ему почти оскорбительнымъ.

Такое поведеніе папы объяснить нетрудно. Въ дѣйствительности, тайное обращеніе Димитрія въ католичество не представляло сколько-нибудь надежной поруки: оно такъ же мало значило, какъ и поддержка, тайкомъ обѣщанная королемъ новообращенному. Давая новый залогъ, Димитрій только налагалъ на себя обязательства; но онъ тщательно скрывалъ свое отреченіе отъ находившихся въ его свитѣ москвитянъ и заранѣе требовалъ разрѣшенія въ день своего вѣнчанія на царство пріобщиться святыхъ тайнъ по православному обряду. Это было точное подобіе той равно подозрительной игры, которой предавался Сигизмундъ, скрывая отъ своихъ сенаторовъ свои безмолвныя обязательства по отношенію къ претенденту. И съ той и съ другой стороны эта игра затянулась. Въ указахъ, обращенныхъ къ малымъ сеймикамъ, король отклонялъ отъ себя всякую отвѣтственность по этому вопросу. Въ январѣ 1605 года собрался сеймъ; депутаты превзошли даже сенаторовъ, явно выражая свое враждебное отношеніе къ дѣлу претендента; Замойскій, насмѣхаясь надъ „этой комедіей Плавта либо Теренція“, осуждалъ предпріятіе съ точки зрѣнія морали и разсудка; самъ Левъ Сапѣга измѣнилъ своимъ сторонникамъ и присоединился къ общему мнѣнію; король совсѣмъ отошелъ къ сторонкѣ [1]). Онъ едва осмѣлился воспользоваться своей властью, чтобы противопоставить свое veto тому постановленію сейма, которое слишкомъ прямо мѣтило въ Мнишка и имъ навербованныхъ сторонниковъ дѣла претендента. Принятый громаднымъ большинствомъ, проектъ резолюціи обвинялъ ихъ въ государственной измѣнѣ, какъ нарушителей мирнаго договора, заключеннаго съ дружественною державою, и требовалъ самыхъ строгихъ мѣръ возмездія. Король, оправдываясь уже сдѣланными разъясненіями и ранѣе обнародованными указами, отказался его санкціонировать,—но принужденъ былъ ограничиться только этимъ. А если польское правительство стало въ такое положеніе, какъ могло папское правительство осмѣлиться проявить больше увѣренности или больше смѣлости? „Благородный господинъ“ соби-

---

[1]) Дневникъ сейма въ Копенгагенскомъ архивѣ, см. Е. Н. Щепкинъ. Archiv für Slavische Philologie, 1898, XX, 228 и слѣд.

рался выступить на завоеваніе Москвы съ отрядами, набранными сандомірскимъ воеводой, и съ горстью казаковъ: далеко ему было до Баторія!

Однако, при всемъ своемъ враждебномъ отношеніи, голосованія сейма 1605 г. представляютъ одну многозначительную и довольно выгодную для претендента особенность: участники сейма неизмѣнно называли его господарчикомъ. И напрасно приписывали этому термину презрительный смыслъ. Это только общеупотребительный польскій переводъ слова царевичъ, или, точнѣе, составленное на польскій ладъ уменьшительное термина государь, которымъ еще и теперь величаютъ въ Россіи монарха. Московскій господарчикъ означало, просто, сынъ московскаго государя. Въ польскомъ общественномъ мнѣніи произошелъ поворотъ. И хотя Замойскій, по другимъ причинамъ поссорившійся со своимъ государемъ, ненавидѣвшій Мнишковъ и къ тому же совсѣмъ больной и чувствующій приближеніе конца, все еще упорствовалъ въ своемъ презрительномъ скептицизмѣ, большинство уступало очевидности: человѣкъ, котораго король принимаетъ у себя въ Вавелѣ, и передъ которымъ падаетъ ницъ все большее и большее число москвитянъ, не могъ быть зауряднымъ самозванцемъ. Но его дѣло по прежнему не находило сочувствія въ Польшѣ. Напротивъ! Левъ Сапѣга такъ заканчиваетъ свою рѣчь, которая вѣрно передавала общее настроеніе:

„Если Димитрій погибнетъ, его неуспѣхъ падаетъ на насъ; если же онъ восторжествуетъ, мы не можемъ льстить себя надеждой, что по отношенію къ намъ онъ будетъ болѣе вѣренъ, чѣмъ мы были по отношенію къ Годунову“.

Еще до того на сеймѣ кое-кто высказывалъ такое мнѣніе, что участіе въ походѣ претендента нѣсколькихъ добровольцевъ, видимо, принадлежавшихъ къ числу самыхъ неугомонныхъ польскихъ гражданъ, будетъ для республики истиннымъ облегченіемъ. Такимъ образомъ выяснялись отношенія Димитрія съ Польшей и то участіе, которое приметъ эта страна въ его предпріятіи. Передъ королевскимъ veto резолюціи сейма теряли законную силу, и Мнишекъ сохранялъ полную свободу дѣйствій; но, встрѣчая всеобщее осужденіе, политика Сигизмунда свелась къ какому-то подобію неопредѣленнаго и ненадежнаго покровительства, безпрестанно отрицаемаго. Литовскій канцлеръ форменно увѣрялъ допущеннаго на сеймъ Постника-Огарева, что претендентъ не получитъ никакой по-

мощи. Если — какъ это позволяли думать полученныя въ Краковѣ извѣстія—„Лжедимитрій" проникъ уже въ Московское государство, то, не опасаясь вмѣшательства Рѣчи Посполитой, царь властенъ поступить съ нимъ, какъ ему будетъ угодно; если же господарчикъ снова появится въ Польшѣ, онъ будетъ схваченъ [1]).

Дѣйствительно, новообращенный выступилъ уже въ свой изумительный походъ, и мы послѣдуемъ за нимъ.

---

[1]) Pierling. La Russie et le Saint-Siège, III, 108. Иконниковъ. Лжедимитрій и Сигизмундъ III, Чтенія въ Общ. Нестора лѣтописца, 1890, т. IV. Костомаровъ. Смутное Время, т. I, 111.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Побѣда претендента.

I. Димитрій-женихъ.

Извѣстивъ письмомъ папу о своемъ обращеніи въ католичество, Димитрій въ тотъ же день покинулъ Краковъ. Очевидно, прежде чѣмъ рѣшиться на этотъ шагъ, онъ размышлялъ и боролся до самой послѣдней минуты. Онъ послѣдовалъ за Мнишкомъ въ Самборъ, чтобы опять повидаться тамъ съ Мариной и приготовиться къ войнѣ за ту корону, которую онъ обѣщалъ возложить на чело прекрасной польки. Теперь свадьба была рѣшена. Но какое печальное положеніе этого жениха! Въ награду за все, что онъ уже сдѣлалъ, и за то, что ему придется еще сдѣлать, женихъ, отдавая себя всецѣло, получалъ любимую женщину только по исполненіи нѣкоторыхъ условій. Да, она будетъ его женой, но сначала пусть станетъ онъ царемъ. Сандомірскій воевода сохранялъ за собой право отказать и тогда въ рукѣ своей дочери. Но, безъ сомнѣнія, этого у него и въ мысли не было! Мнишки великодушно соглашались раздѣлить съ претендентомъ всѣ тѣ блага, которыя могло доставить затѣянное имъ опасное предпріятіе, но они не намѣрены были брать на себя всю свою долю опасности. Марина была обѣщана только sub spe victoriae. Димитрій, напротивъ, былъ связанъ ненарушимымъ обязательствомъ и, кромѣ того, долженъ былъ заплатить наличными за то немногое, что ему давали, какъ онъ платилъ и за не менѣе сомнительныя милости Сигизмунда. Ожидая лучшаго, онъ платилъ одной и той же монетой.

Уже въ февралѣ или въ началѣ марта они свели счеты: особой грамотой Димитрій уступалъ своему будущему тестю княжества Смоленское и Сѣверское. Но той порой вмѣшался

секретный договоръ, по которому польскій король заявилъ притязаніе на львиную долю въ тѣхъ же самыхъ областяхъ; не такой человѣкъ былъ Юрій Мнишекъ, чтобы удовольствоваться остаткомъ, и грамоту пришлось передѣлать на новыхъ основаніяхъ. Будучи влюбленъ и не имѣя никакихъ средствъ, кромѣ тѣхъ, которыя онъ находилъ въ самомъ Самборѣ, Димитрій не могъ ни въ чемъ отказать. Новой записью, скрѣпленной 24 мая 1604 года торжественной клятвой подъ страхомъ анаѳемы, онъ обѣщалъ:

I. Выдать на руки сандомірскому воеводѣ тотчасъ же по вступленіи на престолъ милліонъ злотыхъ на приданое Маринѣ и на уплату старыхъ и предстоящихъ впереди долговыхъ обязательствъ ея отца.

II. Поднести невѣстѣ приличествующую ей часть драгоцѣнностей и столоваго серебра изъ тѣхъ сокровищъ, которыя хранятся въ Кремлѣ.

III. Отправить, въ то же время, къ польскому королю посольство съ цѣлью испросить согласіе Его Величества на предполагаемый бракъ.

IV. Отдать будущей царицѣ въ полное владѣніе Великій Новгородъ и Псковъ. Марина получала въ нихъ всѣ права верховной власти и право строить католическіе храмы, монастыри и школы; она сохраняла этотъ удѣлъ и въ томъ случаѣ, если бы осталась бездѣтной.

Въ Москвѣ дочь сандомірскаго воеводы могла свободно исповѣдывать свою вѣру; къ тому же Димитрій обѣщалъ, какъ онъ обѣщалъ уже это и въ Краковѣ, потрудиться въ пользу обращенія своихъ подданныхъ въ католичество. Въ томъ случаѣ, если претендентъ не достигнетъ престола, за Мариной сохранялось право отвергнуть брачный союзъ или отложить его осуществленіе на другое время [1]).

Такъ отецъ выговорилъ долю своей дочери. Три недѣли спустя и, надо думать, послѣ трудныхъ переговоровъ онъ опредѣлилъ и свою. Сохраняя за собою въ Смоленскомъ и Сѣверскомъ княжествахъ ту часть, которая не была предоставлена королю, онъ обязалъ, на тѣхъ же потомственныхъ правахъ, отдать ему взамѣнъ сосѣднія области, равныя по величинѣ и по доходамъ тѣмъ, которыя онъ потерялъ ради Сигизмунда [2]).

---

[1]) Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, II, 159.

[2]) Собраніе гос. гр. и дог. II, 166; Акты Археограф. Ком., II, 48.

Да, безсовѣстно и безпощадно обирали „господарчика“, расточавшаго клятвенныя обѣщанія! И онъ не сопротивлялся. За эту цѣну нашлось войско, которое ему было необходимо, чтобы дерзнуть помѣряться съ Годуновымъ. Изъ Брагина и Лубенъ центральный сборный пунктъ перешелъ теперь въ Самборъ, а затѣмъ во Львовъ (Лембергъ). Предполагали, что по этому поводу между Вишневецкими и Мнишками возникла зависть. Первый покровитель Димитрія, Адамъ Вишневецкій, могъ почувствовать нѣкоторое неудовольствіе, видя, что его протеже какъ-то ускользнулъ изъ его рукъ. Можетъ быть также, онъ не совсѣмъ одобрялъ поведеніе, избранное Мнишкомъ, чтобы склонить къ дѣлу и Краковъ. И въ самомъ дѣлѣ, только его двоюродный братъ Константинъ сопровождалъ туда Димитрія. Впослѣдствіи, однако, оба кастеляна, брагинскій и лубенскій, повидимому, участвовали въ военныхъ приготовленіяхъ претендента, а послѣ его побѣды возлѣ него собралась опять вся семья.

II. Военныя приготовленія.

Географическое положеніе новой главной квартиры, выбранной для организаціи предполагаемаго похода, столько же и даже болѣе, чѣмъ активное содѣйствіе сандомірскаго воеводы, дѣйствительно, могло измѣнить какъ характеръ, такъ и составъ тѣхъ силъ, съ которыми собирались предпринять его. Этотъ пунктъ былъ въ самомъ сердцѣ Польши, и, слѣдовательно, можно уже было выступить въ походъ съ войскомъ, не похожимъ на тотъ сбродъ казаковъ и татаръ, которыми располагали обыкновенно Вишневецкіе для своихъ мелкихъ пограничныхъ войнъ. Только съ точки зрѣнія численности донское и приднѣпровское казачество должно было все еще составлять главный контингентъ собраннаго претендентомъ войска. Казаки всѣхъ украинъ, этотъ продуктъ тройного смѣшенія русской эмиграціи, польскихъ идей свободы и западныхъ идей рыцарства, были историческимъ явленіемъ, тѣсно связаннымъ съ самимъ появленіемъ истиннаго Димитрія либо Лжедимитрія. Какъ я уже указывалъ, въ началѣ своего поприща предполагаемый сынъ Грознаго шелъ только по слѣдамъ цѣлаго ряда молдаво-валахскихъ претендентовъ. Время отъ времени они появлялись въ сосѣднихъ степяхъ и звали себѣ на помощь то буйное воинство, которое здѣсь всегда

было готово для смѣлыхъ набѣговъ. Такъ, съ помощью войска, набраннаго въ этомъ краѣ польскимъ дворяниномъ Альбертомъ Ласкимъ, въ 1561 году, послѣ долгихъ скитаній по разнымъ странамъ Европы, сыну какого-то рыбака, выдававшему себя за племянника самосскаго деспота Гераклія, удалось изгнать молдавскаго господаря Александра и на короткое время захватить его престолъ. Тринадцать лѣтъ спустя казацкій гетманъ Свирговскій также помогалъ другому претенденту—Ивонѣ, назвавшемуся сыномъ господаря Молдавіи Стефана VII.

Покровительствуемый Ласкимъ авантюристъ послѣ своихъ успѣховъ погубилъ себя желаніемъ жениться на дочери другого польскаго магната. Итакъ, болѣе честолюбивое и болѣе смѣлое предпріятіе Димитрія, до романтическаго элемента включительно, очевидно, было только повтореніемъ этихъ безпрерывныхъ попытокъ. Къ этой же порѣ относятся первыя казацкія возстанія противъ польскаго правительства и польской шляхты; различными средствами — либо военной организаціей, либо прикрѣпленіемъ къ землѣ — правительство и шляхта преслѣдовали одну цѣль: приспособить эту недисциплинированную и буйную силу къ нормальнымъ условіямъ современной жизни въ гражданскомъ обществѣ. Начиная съ 1592 года, принимая то политическій, то соціальный, то религіозный характеръ, эти возстанія все учащались подъ предводительствомъ такихъ случайныхъ главарей, какъ польскій шляхтичъ Христофоръ Косинскій, или малорусскихъ крестьянъ, какъ Григорій Лобода и Северинъ Наливайко; возстанія эти требовали для своего подавленія все большаго и большаго напряженія; сначала достаточно было кавалеріи польскихъ шляхтичей, собранной Константиномъ Острожскимъ, затѣмъ уже польское войско, подъ предводительствомъ двухъ наиболѣе знаменитыхъ полководцевъ, Замойскаго и Жолкѣвскаго, встрѣтило въ нихъ трудную задачу, и наконецъ на сторону бунтовщиковъ перешелъ и самъ князь Острожскій, раздраженный Брестской уніей.

Въ то же время происходитъ новое явленіе: казачество расширяетъ свои силы; въ самой Польшѣ оно пытается привлечь въ свои ряды ту часть героической и пылкой шляхты, которую опьянило и развратило злоупотребленіе свободой, которую сознаніе собственной силы дѣлало непокорной какой-либо дисциплинѣ, а страсть къ приключеніямъ толкала къ

самымъ отчаяннымъ и безразсуднымъ предпріятіямъ; мы увидимъ нѣкоторыхъ изъ нихъ подъ знаменами Димитрія; это были люди дикой энергіи, неукротимой отваги, отмѣнные воины, порочные и развращающіеся отъ сношеній съ казацкими ватагами, но сохранявшіе лучшія военныя доблести. Иные изъ нихъ, какъ Янъ Сапѣга, князь Рожинскій или Заруцкій, вступивъ вмѣстѣ съ претендентомъ въ Московію, попытаются пріобрѣсти тутъ болѣе, чѣмъ только нѣкоторую часть добычи. Подобно героямъ азіатскихъ эпопей, воспроизведенныхъ однимъ англійскимъ романистомъ, они тоже захотятъ быть царями. Сражаясь за этотъ призракъ, одни найдутъ славную смерть, а другіе, отброшенные въ Польшу, цѣной междоусобной войны еще и здѣсь будутъ преслѣдовать свою упорную мечту и кончатъ свою жизнь во Львовѣ на колу, какъ господинъ Карвачъ-Карвацкій, удивительную и печальную судьбу котораго недавно описалъ одинъ польскій историкъ съ французской фамиліей [1]).

Въ оправданіе Польши надлежитъ принимать въ соображеніе то обстоятельство, что Московія семнадцатаго вѣка считалась здѣсь страной дикой и, слѣдовательно, открытой для такихъ предпріятій насильственнаго поселенія противъ воли туземцевъ; этотъ исконный обычай сохранился еще въ европейскихъ нравахъ, и частный починъ, если и не получалъ болѣе или менѣе оффиціальной поддержки заинтересованныхъ правительствъ, всегда пользовался широкой снисходительностью.

И вотъ, собиравшееся на польской землѣ войско Димитрія, помимо казаковъ въ полномъ смыслѣ слова, этимъ другимъ контингентомъ мѣстныхъ искателей приключеній могло пополнить свои кадры; и дѣйствительно, эти чисто польскіе отряды образовали его самое надежное ядро. При тысячѣ или двухъ легкой кавалеріи, они составляли нѣсколько эскадроновъ тѣхъ безподобныхъ гусаръ,— подобныхъ „французскимъ копейщикамъ“ того же времени,—тѣхъ вооруженныхъ съ головы до ногъ шляхтичей, каждый съ нѣсколькими оруженосцами, тѣхъ исполиновъ, окованныхъ желѣзомъ и мчавшихся на огромныхъ коняхъ, которые своимъ натискомъ прорывали самые плотные отряды и которые обратили въ безпорядочное бѣгство шведовъ при Киркгольмѣ.

[1]) Beaudouin de Courtenay. Kartki z dziejów anarchizmu i skozaczenia naszego, „Kraj“, 1903, №№ 50—52.

Какъ я уже сказалъ, преимущество въ численности осталось на сторонѣ казаковъ. Они стекались со всѣхъ сторонъ. Львовъ и его окрестности вскорѣ были переполнены ими до того, что не одно московское правительство обращалось въ Краковъ съ протестами противъ такого угрожающаго сборища народа, а само населеніе этой польской области, встревоженное и стѣсненное назойливыми гостями, также посылало протесты. Черезъ нѣсколько недѣль общій ропотъ поднялся въ странѣ. Польша рѣшительно оставалась враждебной предпріятію. Замойскій, оставляя безъ отвѣта рабски-почтительныя письма Димитрія, отправилъ Мнишку высокомѣрное и полное упрековъ посланіе, предупреждая его о той опасности, которую онъ навлекалъ на республику; въ то же время, все болѣе и болѣе соглашаясь съ мнѣніемъ своего товарища, Левъ Сапѣга писалъ виленскому воеводѣ Христофору Радзивиллу: „Сандомірскій воевода поссоритъ насъ съ царемъ прежде времени; достигнетъ ли онъ удачи или нѣтъ, послѣдствія будутъ одинаково пагубны для отечества и для насъ“ [1]).

Передъ такимъ единодушіемъ взглядовъ Сигизмундъ долженъ былъ покориться или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать видъ, будто онъ уступилъ. Были приготовлены строгіе указы: немедленный роспускъ собранныхъ Мнишкомъ войскъ; суровыя наказанія ослушникамъ, съ которыми будутъ поступать, какъ съ врагами отечества; ничто не было забыто,—кромѣ королевской подписи: по необъяснимымъ причинамъ она появилась на этихъ документахъ только 7 сентября. Въ это время королевскіе громы не угрожали уже никому: въ концѣ августа претендентъ выступилъ въ походъ [2]).

Побывавъ еще въ Самборѣ и простившись съ Мариной, въ первыхъ числахъ сентября, подъ Глинянами, онъ произвелъ смотръ своему войску. Мы имѣемъ противорѣчивыя свѣдѣнія объ его дѣйствительномъ составѣ. Левъ Сапѣга сообщилъ Радзивиллу полученное имъ донесеніе, очевидно преувеличенно насчитывавшее въ войскѣ до 20.000 человѣкъ, и что эта цыфра постоянно увеличивалась непрерывнымъ притокомъ добровольцевъ. Одинъ изъ участниковъ похода насчитываетъ подъ Глинянами въ польскомъ ядрѣ только три

---

[1]) Scriptores rer. pol., VIII, 232.

[2]) Hirschberg, A. Dymitr Samozwaniec, 67—69.

эскадрона гусаръ и двѣсти человѣкъ пѣхоты [1]). Другой насчитываетъ 2.600 человѣкъ, помимо легкой кавалеріи [2]). Что же касается казаковъ, то мы не имѣемъ никакихъ точныхъ указаній; во всякомъ случаѣ, надо думать, что главная часть пристала къ Димитрію только послѣ его вступленія въ Московію. Эти шайки стекались крайне медленно, и нѣкоторая часть ихъ составляла вдали независимые отряды, которые долгое время продолжали дѣйствовать отдѣльно. Со своей стороны, русскіе историки умаляютъ до 3.500 или 4.000 совокупность силъ, съ которыми въ серединѣ октября Димитрій перешелъ Днѣпръ. Но на исчисленіе ихъ, пожалуй, повліяло намѣреніе уменьшить численность польскаго элемента въ борьбѣ, которая не прославила московское оружіе [3]). Однако, вполнѣ достовѣрно то обстоятельство, что, по крайней мѣрѣ, въ первый періодъ похода казаки и московскіе перебѣжчики не отличились ничѣмъ; они составляли какъ бы мертвый грузъ этой маленькой арміи, вся военная сила которой и готовность къ бою заключалась, конечно, въ томъ другомъ элементѣ.

Съ помощью своего сына Станислава, окруженный нѣсколькими родственниками и друзьями, сандомірскій воевода исполнялъ обязанности главнокомандующаго. Мнишекъ никогда не служилъ въ войскахъ, и, будучи уже старикомъ, полукалѣкой, онъ былъ жалкимъ полководцемъ. Начальники полковъ не особенно восполняли его бездарность, и, въ сущности, при такомъ неважномъ и неладномъ снаряженіи предпріятіе Димитрія приняло бы характеръ чистаго безумія, если бы въ другомъ мѣстѣ у него не имѣлось иного залога успѣха. И дѣйствительно, этотъ залогъ былъ на другомъ берегу Днѣпра; онъ вытекалъ изъ политическаго и соціальнаго состоянія, создавшагося въ то время въ пограничныхъ юго-западныхъ областяхъ, черезъ которыя хорошо освѣдомленный претендентъ собирался подступить къ своему грозному противнику. Какъ я уже старался это показать, здѣсь, въ этомъ волнующемся обществѣ было какое-то лихорадочное ожиданіе, и московскіе перебѣжчики манили царевича не на-

---

1) Borsza. Русская Истор. Библіот., I, 364.

2) Жабчицъ, у Вержбовскаго, Матеріалы къ Исторіи Моск. Гос., III, 21.

3) Смотр.: Платоновъ. Очерки, стр. 252—3. Костомаровъ. Смутное время, I, стр. 144. Карамзинъ. Исторія Гос. Рос., XI, прим. 225. Ср. Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи, IV, 308; Акты историческіе, Добавл., I, № 151.

прасной надеждой, когда говорили ему, что по ту сторону рѣки его встрѣтятъ съ хлѣбомъ и солью. Вотъ по этой-то причинѣ, оставляя обычный путь польскихъ нашествій на Москву по прямой линіи черезъ Оршу, Смоленскъ и Вязьму, претендентъ выбралъ первой базой своихъ дѣйствій укрѣпленные города Сѣверской земли.

Черезъ Фастовъ и Васильковъ онъ медленно двигался къ Днѣпру, предполагая перейти его выше города Кіева. Войско шло безпрепятственно, но не безъ опасеній. Здѣсь оно соприкасалось съ владѣніями князя Острожскаго, который еще болѣе, чѣмъ Замойскій, долженъ былъ быть враждебенъ этому походу съ такой подозрительной внѣшностью, гдѣ мнимо-православный царевичъ шелъ въ сопровожденіи двухъ іезуитовъ. Вѣдь польскіе отряды не могли обойтись безъ духовника, и орденъ добился, чтобы двое изъ его членовъ, патеры Николай Чижовскій и Андрей Лавицкій, сопровождали выступившее въ походъ войско. Но все обошлось только однимъ страхомъ. Князь Янушъ Острожскій, въ своихъ посланіяхъ къ польскому канцлеру, тоже ревностно указывалъ на ту опасность, которая грозитъ Рѣчи Посполитой; съ нѣсколькими отрядами слѣдуя за войскомъ претендента, онъ держалъ его день и ночь въ тревогѣ. Онъ не помѣшалъ ему войти въ Кіевъ и встрѣтить тамъ очень хорошій пріемъ. На Днѣпрѣ войско встрѣтило другую тревогу: краковскій кастелянъ придумалъ угнать всѣ имѣющіеся паромы. Пустая предосторожность, явно обнаружившая безсвязную политику польскаго правительства! Переправа черезъ рѣку замедлилась только на нѣсколько дней, и 13 октября 1605 года Димитрій раскинулъ свои палатки на другомъ берегу. Какое сопротивленіе предстояло ему встрѣтить передъ собой? Надо полагать, московское правительство не ограничилось однимъ воззваніемъ къ сомнительному благородству Сигизмунда.

III. Московія.—Подготовленіе къ оборонѣ.

Борисъ Годуновъ началъ съ попытокъ воздѣйствовать на общественное мнѣніе. Первая и самая дѣйствительная подсказывалась сама собой: заявленіе матери царевича Димитрія, что сынъ, котораго она 13 лѣтъ оплакивала, умеръ на ея глазахъ въ Угличѣ; оно, несомнѣнно, пріостановило бы успѣхи претендента. И вдову Ивана IV начали съ марта 1604 года

убѣждать оказать такое вліяніе. Привезенная въ Москву изъ дальняго монастыря, она могла, наконецъ, порадоваться на ниспосылаемое судьбой возмездіе. Сперва Борисъ посѣтилъ ее вмѣстѣ съ патріархомъ, потомъ приказалъ привезти во дворецъ и допрашивалъ въ присутствіи жены. Подробности этихъ свиданій дошли до насъ, вѣроятно, во внушенныхъ воображеніемъ пересказахъ. Угнетенная настойчивыми допросами, она отозвалась невѣдѣніемъ, живъ ли ея сынъ или нѣтъ, но затѣмъ будто бы воскликнула: „Онъ живъ! Люди, теперь давно умершіе, безъ моего вѣдома увезли его изъ Углича“.—Тогда царица, достойная дочь свирѣпаго Малюты Скуратова, пришла въ ярость и огнемъ свѣчи едва не выжгла глаза своей бывшей повелительницѣ [1]). Сцена слишкомъ драматична, чтобы быть достовѣрной; хотя пребываніе инокини Мароы въ Москвѣ въ мартѣ 1604 г. и допросы ея подтверждаются двумя другими источниками [2]). По всей вѣроятности, Борисъ допытывался свидѣтельства вдовы Грознаго, но несомнѣнно, что она промолчала, а ея молчаніе въ данномъ случаѣ равнялось признанію.

Эту неудачу можно привести въ связь съ покушеніемъ на жизнь претендента во время его вторичнаго посѣщенія Самбора; на покушеніе указываетъ сомнительное свидѣтельство монаха Варлаама, одного изъ заговорщиковъ, и болѣе достовѣрное Рангони, со словъ самого Мнишка [3]).

Послѣ этихъ неудачъ Борисъ распространилъ множество грамотъ, съ доводами въ пользу несомнѣннаго самозванства лже-царевича. Не считаясь съ элементарными политическими приличіями, патріархъ Іовъ особымъ окружнымъ посланіемъ въ мартѣ 1605 г. предписалъ всѣмъ областнымъ церковнымъ властямъ объявить народу, что польскій король нарушилъ мирный договоръ, признавъ Димитріемъ Углицкимъ бродягу, вора, разстригу Гришку Отрепьева съ тѣмъ, чтобы онъ шелъ въ московское государство истреблять вѣру православную и строить въ немъ католическіе костелы и лютеранскія капища. Но весь этотъ рядъ многорѣчивыхъ указовъ не

---

[1]) Масса, I, 105; II, 114—115.

[2]) Письмо остерскаго старосты Ратомскаго и докладъ агента Борисова, Хрущова. См. Hirschberg. Dymitr Samozwaniec, p. 54 et 63.

[3]) Извѣтъ, Русск. Истор. Библіот. XIII, 24; Pierling, La Russie et le Saint-Siège, III, 120. Вопреки предположенію этого автора, оба свидѣтельства вполнѣ согласны между собою.

произвелъ ожидаемаго эффекта. Читатели легко замѣтили въ нихъ грубыя погрѣшности. Появленіе претендента въ Польшѣ грамоты относили къ 1593 г., что не соотвѣтствовало его возрасту и противорѣчило общеизвѣстнымъ фактамъ послѣднихъ лѣтъ его жизни. Въ одномъ указѣ говорилось, что царевичъ умеръ въ 1588 г. и погребенъ въ Углицкомъ соборѣ Богоматери. Но всѣ знали, что кровавое событіе произошло въ 1591 г., и многимъ было извѣстно, что въ Угличѣ нѣтъ собора Богоматери! Между тѣмъ, несмотря на строгость пограничныхъ сторожей, въ привозимыхъ изъ Польши по случаю голода мѣшкахъ съ зерномъ доставлялось множество иныхъ грамотъ, писемъ и указовъ отъ имени претендента, встрѣчавшихъ сочувствіе и одобреніе.

Не посчастливилось Борису и на дипломатической почвѣ: посольства Смирнова-Отрепьева и Постника-Огарева въ Варшавѣ, обращенія къ европейскимъ дворамъ съ рискованными и двусмысленными обличеніями „Лже-Димитрія" или съ жалобами на польскаго короля—не вызывали никакого отклика. Послѣ долгаго молчанія Рудольфъ II отвѣтилъ (16-го іюня 1605 г.), что сожалѣетъ о случившемся, обѣщаетъ не оказывать поддержки врагамъ царя и даже постарается посильно ему помочь. Но эта помощь заключалась только въ дружескомъ письмѣ королю Польши съ указаніями на жалобы сосѣда [1]).

Тщетно патріархъ обращался къ самому князю Острожскому: письмо, отправленное съ особымъ гонцомъ, Аѳанасіемъ Пальчиковымъ, осталось безъ отвѣта. Посолъ Іова къ польскому духовенству, Андрей Бунаковъ, былъ задержанъ на границѣ. Отъ татаръ ничего не добились. Симеона Годунова на пути въ Крымъ остановили у Астрахани казаки. А у казаковъ вышло еще хуже: тамъ схватили самого представителя царя, Петра Хрущова, и въ оковахъ привезли къ Димитрію въ лагерь подъ Сокольники. Тамъ Хрущовъ, стараясь выпутаться изъ бѣды, оговаривалъ Бориса, увѣрялъ даже, что царь собственноручно убилъ свою сестру Ирину, разгнѣванный ея словами, что Димитрій живъ [2]).

Послѣ такихъ неудачъ миролюбивый Борисъ рѣшился наконецъ со своей стороны прибѣгнуть къ военной силѣ. Но бро-

---

[1]) Болдаковъ. Сборникъ, ст. 61 и слѣд.

[2]) Собраніе Гос. грамотъ, II, № 81.

женіе умовъ было таково, что цѣль похода хранили въ тайнѣ. Открыто объявить ее въ Москвѣ было опасно,—на пирахъ уже пили за здоровье Димитрія. Движенія войскъ объясняли ожиданіемъ татарскаго набѣга. Отправляясь къ войскамъ подъ Ливны, воеводы, Петръ Шереметевъ и Михаилъ Салтыковъ, вели себя очень странно. По свидѣтельству Хрущова, можетъ быть, льстившаго Димитрію этимъ лживымъ сообщеніемъ, они заявляли, что „мудрено воевать съ истиннымъ государемъ“ [1]).

Итакъ, претендентъ имѣлъ основаніе разсчитывать, что на пути въ Москву встрѣтитъ только нерѣшительныхъ, полуобезоруженныхъ противниковъ.

IV. Походъ къ Москвѣ.

Подъ Вышгородомъ войска Димитрія переправились черезъ Днѣпръ и оказались на правой сторонѣ Десны, избавившись отъ переправы черезъ нее въ виду непріятеля. Но передъ ними еще стояли московскія крѣпости Моравскъ, Черниговъ, Новгородъ-Сѣверскъ, охранявшія главные пути къ столицѣ по приокскимъ землямъ. Пріобрѣтеніе этихъ городовъ открывало дороги на Карачевъ и Болховъ, большую „посольскую“ на Кромы, Орелъ и Мценскъ къ Тулѣ и Калугѣ, что, конечно, входило въ соображенія главнаго штаба Димитрія.

Походъ начался преблагополучно. Въ деревнѣ Жукинѣ, близъ послѣдней литовской крѣпости Остера, получили извѣстіе, что Моравскъ открываетъ ворота. Черезъ недѣлю его примѣру послѣдовалъ Черниговъ. Мятежное населеніе обоихъ городовъ обезоруживало защитниковъ. Казаки и стрѣльцы захватывали воеводъ и начальниковъ и скованныхъ приводили ихъ въ станъ Димитрія.

Не такъ распорядились въ Новгородѣ-Сѣверскомъ. Его гарнизонъ получилъ подкрѣпленія. Воеводы Н. П. Трубецкой и П. Ѳ. Басмановъ опоздали на выручку Чернигова и вернулись сюда съ войскомъ, набраннымъ частью въ Москвѣ, частью здѣсь-же, въ окрестностяхъ. Подъ его стѣнами нашествіе пріостановилось; нѣсколько недѣль подрядъ нападающіе истощали свои силы на безплодные приступы. Польскіе гусары не могли справиться съ защищенными артиллеріей фортами,

---

[1]) Соловьевъ. Ист. Россіи, VIII, 100.

а досада Димитрія еще болѣе раздражала ихъ. Осада затягивалась; отдѣльные отряды подъ командой отважныхъ партизановъ продвигались впередъ, до самаго Путивля, а мятежное настроеніе быстро разливалось по всей области. Сдавались другіе города; по „Крымской дорогѣ“ въ Московію проникали запоздавшіе казаки и дѣйствовали со своей стороны довольно успѣшно. Въ большинствѣ городовъ по дорогѣ они находили очень жалкіе гарнизоны изъ казаковъ другихъ службъ, которые безъ сопротивленія братались съ товарищами. Въ двѣ недѣли Путивль, Рыльскъ, Сѣвскъ съ уѣздомъ, Курскъ, Кромы, за ними Бѣлгородъ и Царево-Борисовъ, огромныя территоріи по бассейнамъ Десны, Сейма, Сѣверскаго Донца, до верховья Оки признали „истиннымъ царемъ“ того, кто осаждалъ Новгородъ-Сѣверскъ [1]).

Подъ стѣнами неприступной крѣпости его силы непрерывно росли; не только прибывали польскіе волонтеры и казаки—такіе представители польской аристократіи, какъ Яковъ Струсь съ 1.000 всадниковъ, князь Рожинскій съ нѣсколькими сотнями, девять тысячъ донскихъ казаковъ и три тысячи запорожцевъ [2]),—но являлись и дворяне московскіе, и даже, важный показатель успѣха,—дьяки съ казной, которой снабдилъ ихъ Борисъ для содержанія своихъ войскъ. Изъ Путивля и другихъ сдавшихся городовъ привезли пушки. Судя по одному письму изъ Чернигова отъ 11-го ноября 1604 г., Димитрій располагалъ уже 38.000 людей [3]).

Между тѣмъ главныя силы Бориса еще только сосредоточивались въ Брянскѣ, на полупути между Смоленскомъ и Сѣверщиной. Въ Москвѣ потеряли много дорогого времени въ колебаніяхъ, не рѣшаясь остановиться на опредѣленномъ планѣ обороны въ виду неизвѣстности, въ которой находились относительно характера и направленія наступленій, съ которыми приходилось бороться. Долгое время не допускали мысли, чтобы претендентъ осмѣлился одинъ пуститься въ такой походъ, и боялись вмѣшательства Польши. Думали-

---

[1]) Ник. лѣт. VIII, 60—61 и Русск. Ист. Библ. XIII, 26; Акты, отн. къ исторіи зап. Россіи, IV, 280—281; Акты Юшкова въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древ. Росс. 1898, III; Собр. Гос. грам. II, № 80; Сборн. лѣт. къ ист. южн. и зап. Рос., 78; Борша, Русск. Ист. Библ. I; Записки Паерле, Маржерета и т. д. Ср. Платоновъ, Очерки, 261—263.

[2]) Darowsky, Kraj 1898, № 47.

[3]) Рукописи Библіотеки Замойскихъ въ Варшавѣ, т. VIII, № 31.

было сосредоточить войска у р. Сосны близъ Ливенъ, чтобы остановить у степей казаковъ, шедшихъ на соединеніе съ Димитріемъ. Когда-же этотъ планъ нашли неудачнымъ, и пришлось подумать о защитѣ Кромъ, главнаго узла дорогъ, этотъ городъ оказался уже занятымъ.

У Брянска войска собирались крайне медленно, и, когда въ концѣ декабря первый отрядъ подъ командой кн. Ѳ. И. Мстиславскаго подошелъ къ Новгороду, силы Димитрія могли дать серьезный отпоръ. Польская кавалерія на этотъ разъ проявила чудеса храбрости; тяжело раненый воевода Бориса послѣ большихъ потерь ударилъ отбой и поспѣшно отступилъ. Легко понять, что эта блестящая побѣда произвела сильное впечатлѣніе; однако, послѣдствія ея тяжело отозвались на претендентѣ. Главные виновники торжества, поляки, опьяненные успѣхомъ, проявили свой непокорный и задорный нравъ: они потребовали немедленной уплаты всего жалованья, заявили и другія несуразныя претензіи. Ихъ обычная бурливость, вѣроятно, еще усиливалась отъ непріятнаго сознанія, что число ихъ начинаетъ тонуть среди массы казаковъ и московскихъ людей, постоянный приливъ которыхъ ослаблялъ ихъ вліяніе въ станѣ Димитрія. Да и самъ новообращенный католикъ, благодаря такой поддержкѣ, снималъ личину, становившуюся все болѣе и болѣе неумѣстной. Большая часть государства готовилась признать его царемъ, и онъ понемногу освобождался отъ польскаго вліянія. Продолжалъ ли онъ потихоньку исповѣдываться, какъ свидѣтельствуетъ дневникъ патера Лавицкаго? Это возможно. Римъ еще не сказалъ своего послѣдняго слова. Публично претендентъ выказывалъ гораздо больше почтенія Курской иконѣ Божіей Матери. Наконецъ, какъ ни были храбры земляки Мнишка, но зимніе походы не входили въ ихъ привычки. Они объявили, что желаютъ вернуться домой. Претендентъ тщетно расточалъ свою плохо пополнявшуюся казну и унизительныя мольбы, „билъ челомъ“, „падалъ крыжемъ“ передъ дезертирами, чтобы побудить ихъ отказаться отъ своего намѣренія. Ему отвѣчали оскорбленіями. — „Ты самозванецъ и умрешь на колу“ [1],—выкрикнулъ одинъ шляхтичъ. На это Димитрій отвѣтилъ пощечиной. Рука у него была тяжелая и ловкая; послышались одобренія казаковъ, и размашистый

---

[1]) Борша. Дневникъ, Русск. Ист. Библ., I, 382.

отвѣтъ немного поправилъ его пошатнувшійся престижъ. Но ухода поляковъ не удалось остановить.

Еще подъ Черниговомъ самъ Мнишекъ заговорилъ о возвращеніи. Подъ Новгородомъ онъ написалъ почти отчаянное письмо кіевскому епископу, жалуясь, что ожидаемыя изъ Польши подкрѣпленія не приходятъ [1]). Теперь онъ присоединился къ бѣглецамъ, ссылаясь на приказаніе короля и на необходимость присутствовать на сеймѣ, чтобы отстаивать интересы своего будущаго зятя. Когда не хватило казны, поляки пытались увезти соболью шубу „господарчика", и русскимъ пришлось выкупать это одѣяніе! Осталось нѣсколько плохо вооруженныхъ эскадроновъ подъ начальствомъ новаго командира, Адама Дворжицкаго; иные покорно вернулись или были замѣнены новобранцами; польскій отрядъ такъ растаялъ, что по прибытіи въ Москву его цѣликомъ могли размѣстить по пристройкамъ посольскаго двора. Силы Димитрія ослабѣли; съ приближеніемъ главной арміи Бориса ему пришлось снять осаду Новгорода. Проходя черезъ Сѣвскъ по мѣстности, гдѣ всѣ крѣпости уже принадлежали ему, онъ пытался пробраться въ Кромы. Тамъ онъ могъ бы обойти непріятеля слѣва и продолжать путь на Тулу и Калугу. Но царскіе воеводы пошли за нимъ по пятамъ и, вѣроятно, заставили его принять битву на р. Сѣвѣ между Добрыничами и Чемлигомъ. Войска встрѣтились 20 янв. (31 н. с.) 1905 г.; отсутствіе великолѣпныхъ гусаръ очень жестоко отозвалось на Димитріи. Отважный до дерзости, всегда готовый жертвовать собой, Димитрій зналъ, что ставитъ на карту свою судьбу; онъ не щадилъ себя, сражаясь какъ простой воинъ; но онъ не могъ спасти отъ полнаго пораженія своей арміи, охваченной паническимъ страхомъ при первомъ натискѣ врага. Отброшенный на югъ, къ Сейму, онъ не могъ удержаться у Рыльска и бѣжалъ до Путивля. По свидѣтельству Маржерета, служившаго въ войскѣ Бориса, виновниками разгрома оказались поляки, оставшіеся вѣрными претенденту. Испуганные „залпами 10-ти или 12-ти тысячъ пищалей", они первые смѣшались. Но болѣе правдивый свидѣтель, самъ Димитрій, въ письмѣ отъ 18 апрѣля 1605 г. винитъ во всемъ запорожскихъ казаковъ, и Борша, его лейтенантъ, въ самомъ дѣлѣ упоминаетъ о казакахъ, которыхъ

---

[1]) 3 дек. 1604, списокъ съ него имѣется въ библіотекѣ Замойскихъ въ Варшавѣ.

царевичъ пытался вернуть къ битвѣ ударами своей сабли [1]).

Какъ бы то ни было, пораженіе было полное до того, что не оставалось, повидимому, надежды на успѣхъ. По одному источнику, претендентъ уже пытался-было вернуться въ Польшу. Его остановили московскіе люди, которымъ былъ невыгоденъ такой оборотъ дѣла; они желали довести до конца рискованное предпріятіе. Исходъ былъ бы несомнѣннымъ, если бы воеводы Бориса вполнѣ воспользовались побѣдой и поспѣшили преслѣдовать его до Путивля, чѣмъ бы и заставили отступить за рубежъ. Щедро награжденные царемъ, осыпанные почестями и подарками, они впослѣдствіи подверглись обвиненіямъ въ неблагодарности, даже въ уговорѣ съ измѣнниками, которые способствовали первымъ успѣхамъ претендента. И все-таки подъ Добрыничами они проявили преданную вѣрность своему правительству: побѣдивъ, энергично преслѣдовали врага до Рыльска, который осадили. Но зимняя пора, обиліе лѣсовъ и враждебное отношеніе населенія, которое еще обострялось карательными мѣрами, очень затрудняли военныя дѣйствія. Подобно польскимъ ополченцамъ, московскія войска, хотя болѣе ихъ послушныя, даже и лѣтомъ не выдерживали продолжительнаго пребыванія въ строю. Оставались ли они побѣдителями или побѣжденными, они одинаково стремились на покой. Подъ Рыльскомъ ряды ихъ такъ быстро таяли, что Мстиславскій думалъ совсѣмъ распустить ихъ, отложивъ борьбу до новаго похода. Его остановилъ рѣшительный приказъ Бориса. Мстиславскій долженъ былъ замѣстить Ѳ. И. Шереметева, чтобы продолжать осаду Кромъ. Но ему пришлось имѣть дѣло съ деморализованной арміей, въ которую скоро проникъ духъ измѣны.

Возстаніе въ областяхъ юго-западнаго рубежа, котораго въ Москвѣ не предвидѣли, подняло большое стратегическое значеніе Кромъ, и послѣ битвы при Добрыничахъ именно здѣсь, вопреки ожиданіямъ, должна была рѣшиться судьба династіи Годуновыхъ. Всю весну 1605 г. боролись изъ-за этого пункта, откуда казаки легко могли угрожать тылу московской арміи; для Димитрія же потеря его закрывала пути къ Калугѣ. Вынужденный идти правымъ берегомъ р. Оки, онъ встрѣтилъ бы на переправахъ рядъ сильныхъ укрѣпленій, защищавшихъ доступъ къ столицѣ.

---

[1]) Маржеретъ, стр. 78; Русск. Ист. Библ., I, 387; Pierling, La Russie et le Saint-Siège, III, 139.

Сооруженный въ 1595 г., этотъ маленькій городокъ сыгралъ роль Плевны. Господствуя надъ лѣвымъ берегомъ р. Кромы, онъ былъ окруженъ болотами, черезъ которыя проходила всего одна дорога. Самый городъ съ посадомъ были укрѣплены по образцу московскихъ крѣпостей: снаружи высокій и широкій земляной валъ и такая же бревенчатая стѣна внутри съ башнями и бойницами. Весь гарнизонъ состоялъ изъ 200 стрѣльцовъ и немногихъ казаковъ. Начавъ осаду въ концѣ 1604 г., Шереметевъ велъ ее безъ успѣха до марта, когда къ нему присоединились главныя силы Бориса и скоро завладѣли землянымъ городомъ; самый кремль частью сожгли, частью разрушили. Но осажденные казаки оказывали стойкое сопротивленіе, скрываясь, какъ кроты, въ подземныхъ траншеяхъ. Ими командовалъ извѣстный атаманъ Корела, слывшій колдуномъ, вѣроятно, уроженецъ Курляндіи [1]), маленькій человѣкъ, весь въ рубцахъ отъ заживших ранъ. Борисъ прислалъ подкрѣпленія, состоявшія изъ посохи, крестьянскаго ополченія безъ военной подготовки. Казаки Корелы гораздо лучше его выносили всѣ лишенія и тягости зимняго времени. Они привезли съ собой много саней, служившихъ передвижной защитой, куда заботливо прятали запасы, сухари и водку. Забившись въ норы, они пили и пѣли пѣсни, а по временамъ выбирались изъ логовищъ, чтобы смутить осаждающихъ мѣткостью своихъ долгоствольныхъ мушкетовъ или просто побахвалиться. Съ ними были женщины; разгулявшись послѣ выпивки, осажденные заставляли несчастныхъ взбираться на полуразрушенныя стѣны и, поднявъ платья, показывать врагамъ мягкія части тѣла, въ знакъ особаго презрѣнія и обиднаго издѣвательства.

Пока тянулась осада, между сторонами завелись и менѣе враждебныя отношенія. Начали обмѣниваться вѣстями, прикрѣпляя записки къ стрѣламъ. Когда у осажденныхъ не хватило пороху, они нашли его въ мѣшкахъ, подброшенныхъ въ траншеи поближе къ смѣлымъ стрѣлкамъ [2]). Вслѣдъ за битвой при Добрыничахъ, когда, повидимому, все повернулось противъ Димитрія, подготовилась иная, неожиданная для всѣхъ развязка.

Подъ защитой Кромъ Димитрій не терялъ времени въъ

[1]) Изъ討Кексгольма, по-русски Корела.

[2]) Костомаровъ. Смутное Время, I, 179.

Путивлѣ. Его развѣдчики проникали всюду отъ равнинъ Днѣпра до Уральскихъ горъ и Крымскихъ степей, бродили вдоль Дона, Волги, Терека и Яика, всюду возбуждая населеніе и набирая изъ воинственныхъ племенъ мѣстныя ополченія. Заявляя Рангони, что въ апрѣлѣ и маѣ 1605 г. онъ добился содѣйствія большинства татарскихъ [1]) ордъ, претендентъ, несомнѣнно, прихвастнулъ: мусульмане все время мало способствовали его успѣхамъ. Широковѣщательность и похвальба были ему свойственны. Еще потеря Кромъ грозила разрушить его расчеты, а онъ не стѣснялся говорить и дѣйствовать какъ побѣдитель. Онъ письменно обратился къ Борису съ перечисленіемъ его преступленій, какъ похитителя престола, и великодушно обѣщалъ прощеніе въ награду за немедленную покорность. Въ посольствѣ къ Сигизмунду онъ выражалъ сожалѣніе, что часть подданныхъ короля покинули „своего царя", и просилъ его дальнѣйшаго содѣйствія [2]). Тутъ много ребяческой кичливости. Татары не двигались. Только приливъ казаковъ не прекращался. Присутствіе въ Путивлѣ подлиннаго Гришки Отрепьева вполнѣ установлено источниками; оно очень привлекало военныя силы; а Димитрій уже думалъ о реформахъ въ своемъ будущемъ государствѣ.

Въ тайныхъ бесѣдахъ, которыми онъ жаловалъ своихъ польскихъ духовниковъ, его любимой темой, по ихъ словамъ, былъ планъ полнаго преобразованія старой Московіи со стороны вѣроисповѣданія и культуры. Онъ мечталъ о немедленномъ учрежденіи начальныхъ и среднихъ школъ, даже академій. Сынъ Грознаго раздѣлялъ мнѣнія и чувства своего отца, не считалъ монаховъ полезными сотрудниками, и поэтому находилъ необходимымъ выписать учителей изъ-за границы. Но учениковъ тоже могли не найти. Ну, тогда и ихъ на первый случай тоже можно выписать изъ Германіи и Англіи!—Увы, въ этихъ бесѣдахъ будущій преобразователь, углубляясь въ себя, замѣчалъ свою собственную слабость; его научный и литературный багажъ очень скуденъ, составленъ изъ спутанныхъ обрывковъ элементарныхъ знаній: плохо затверженные тексты изъ св. писанія, смутныя понятія изъ исторіи и географіи: его неясныя ссылки на Филиппа и Александра, Константина и Максенція, рискованныя обра-

---

[1]) Pierling. La Russie et le Saint-Siège, III, 139.

[2]) Костомаровъ. Смутное Время, I, 143.

щенія къ Геродоту и Өукидиду напоминаютъ смятеніе мыслей Ивана IV-го. У Димитрія была охота къ знанію и пріемы любознательнаго человѣка. Даже на короткихъ остановкахъ на его столѣ появлялась географическая карта, и онъ умѣлъ ею пользоваться. Согнувшись надъ картой, онъ высматривалъ караванный путь въ Индію по землямъ, принадлежавшимъ Москвѣ или подпавшимъ ея вліянію, сравнивалъ сухопутный маршрутъ съ морскимъ путемъ вокругъ мыса Доброй Надежды и находилъ его болѣе удобнымъ. Но достаточно ли этихъ знаній для той роли просвѣтителя, на которую онъ претендовалъ, не нужны ли прежде всего ему самому тѣ учителя, которыхъ онъ готовилъ для будущихъ подданныхъ? Да, несомнѣнно! А гдѣ ихъ найти? А два духовника, не пригодятся ли они? Эти іезуиты должны быть учеными людьми. Димитрій тотчасъ привлекаетъ ихъ къ дѣлу. Онъ видитъ книгу подъ рукой патера Андрея. Это томъ Квинтилліана. Да здравствуетъ реторика! Онъ требуетъ, чтобы обладатель драгоцѣннаго сборника перевелъ ему нѣсколько страницъ, и сейчасъ, не медля ни минуты.

Приблизительно такъ же будетъ поступать и Петръ Великій. Увлеченный новизной, нетерпѣливый ученикъ требовалъ правильныхъ занятій: утромъ посвящали часъ уроку философіи, вечеромъ часъ грамматикѣ и словесности. Рѣшили преподавать на польскомъ языкѣ; чтобы облегчить ученику работу, секретарь записывалъ уроки и давалъ ему въ переводѣ. Эти подробности очень цѣнны въ виду тѣхъ легендъ, которымъ долго вѣрили. Обманщикъ, воспитанный въ Польшѣ подъ ферулой сыновъ Лойолы, очевидно, не нуждался бы въ такихъ занятіяхъ. Димитрій же проходилъ одни только эти импровизированные курсы въ Путивлѣ. Онъ себя прекрасно держалъ передъ учителями,—отвѣчалъ уроки очень серьезно, стоя и съ непокрытой головой [1]).

Этотъ опытъ продолжался очень недолго. Готовясь къ предстоящимъ обязанностямъ, Димитрій погрузился на время въ пріятныя мечты, пока окружавшіе его московиты жестоко не разбудили его. Еще время не настало пробивать окно въ стѣнѣ, отдѣлявшей его родину отъ образованной Европы. Черезъ сто лѣтъ за это дѣло возьмется другой, болѣе способный работникъ. Теперь же претендентъ еще не настолько

---

[1]) Pierling. La Russie et le Saint-Siège, III, по дневнику патера Лавицкаго.

господинъ положенія, чтобы безнаказанно разыгрывать школьника; казаки отнеслись подозрительно къ его занятіямъ мірскими науками, и очень враждебно къ сближенію царя съ сообщниками сатаны, чье присутствіе въ станѣ православныхъ было уже соблазномъ. Да и немало другихъ заботъ скопилось у послѣдователя Квинтилліана. Черезъ нѣсколько дней уроки прекратились. Но представьте себѣ психологію простяка, бѣглеца изъ Чудова монастыря, увлекшагося хотя бы случайно диковинками знанія, въ бурное время съ такой живостью ума проявившаго интересъ къ благороднымъ занятіямъ, такое глубокое и вѣрное пониманіе отвѣтственной роли, которую бралъ на себя.

Утвердившись побѣдителемъ въ Москвѣ, Гришка Отрепьевъ поискалъ бы иныхъ развлеченій. Въ Путивлѣ Димитрій еще не могъ свободно развернуться. Какъ онъ ни разыгрывалъ государя, сколько ни снаряжалъ посольствъ, какъ ни развѣнчивалъ Бориса, переименовавъ Борисъ-городъ въ Царьгородъ, новая царская резиденція все оставалась мѣстечкомъ, и Путивль ничѣмъ не напоминалъ столицу. Если бы Борисъ поспѣшно прислалъ новое подкрѣпленіе подъ Кромы и далъ возможность воеводамъ захватить это логовище кротовъ, претенденту ничего бы другого не оставалось, какъ направиться въ Римъ, какъ того желалъ Остророгъ, и потребовать тамъ награды за свое обращеніе.

Но женихъ Марины еще не исчерпалъ всѣхъ счастливыхъ случайностей. Въ первые дни мая подъ Кромы принеслось извѣстіе о непредвидѣнномъ трагическомъ событіи; для претендента оно равнялось значенію выиграннаго сраженія, и въ такое время, когда онъ не могъ бы отважиться на открытый бой.

V. Побѣда.

Борисъ какъ будто не уяснилъ себѣ, какая гроза разражалась надъ его головой. Онъ отказывался понимать, какъ это горсть казаковъ и поляковъ-авантюристовъ, искателей приключеній, могла взаправду угрожать его государству. Подъ Добрыничами его воеводы безъ труда разгромили шайку бунтовщиковъ; отчего же они не довели дѣла до конца? Онъ строжайше наказывалъ немедленно схватить лже-царевича, а въ отвѣтъ получилъ непріятныя донесенія о постыдной осадѣ, которую выдерживала горсть разбойниковъ противъ цѣлой арміи

царя. Всегда подозрительный, онъ предчувствовалъ измѣну и потерялъ сонъ и здоровье. 13 (23) апрѣля 1605 г.[1]) по выходѣ изъ-за стола у него открылось сильное кровотеченіе, и черезъ нѣсколько часовъ онъ скончался. Простой случай, убійство или самоубійство? Во время этого неожиданнаго происшествія обсуждались всевозможныя предположенія, и до сихъ поръ еще ни на одномъ изъ нихъ нельзя остановиться. Случаи кровотеченія, когда кровь лила изо рта, носа, ушей и даже глазъ, довольно часто встрѣчались тогда въ Россіи; ихъ обыкновенно приписывали отравѣ. Предположеніе о самоубійствѣ Бориса преобладало во мнѣніи современниковъ, но они сообщаютъ такую драматическую окраску послѣднимъ минутамъ государя, что ихъ разсказы подозрительны[2]).

Такое же разнорѣчіе, сохранившееся до нашихъ дней, проявлялось и въ сужденіяхъ о личности высокаго покойника.—Intravit ut vulpes, regnavit ut leo, mortuus est ut canis *), сказалъ нѣмецъ Буссовъ вмѣсто надгробнаго слова. Не щадили Бориса Годунова ни современные ему лѣтописцы, ни народная поэзія:—онъ коршунъ, хищная птица, онъ глупецъ, воображавшій, что можетъ править Русью, обманывая бояръ[3]). Историки того времени тоже неблагосклонны нему, но они все-таки пытались разобраться въ чертахъ физіономіи необыкновеннаго человѣка и темныхъ сторонахъ его жизни и отыскать болѣе вѣрный путь и въ превратностяхъ свѣта и тѣни; ихъ преемники продолжаютъ эти попытки, колеблясь между менѣе рѣзкими, но все еще очень затруднительными противорѣчіями. Надѣюсь, что читатели этой книги получили нѣкоторую возможность составить себѣ объ этомъ предметѣ болѣе ясное и опредѣленное представленіе. Всегда связанный, наконецъ задушенный цѣпью злоключеній, узелъ которыхъ онъ самъ затянулъ въ Угличѣ, ни во время борьбы за власть, ни тѣмъ болѣе въ немногіе смутные годы царствованія самъ вѣнчанный временщикъ такъ и не сумѣлъ вполнѣ раскрыть свои несомнѣнныя сильныя дарованія.

---

[1]) Число это указано оффиціальными документами, Собр. Гос. гр., II, № 83 и Поповъ, Изборникъ, 327, и подтверждается Маржеретомъ. Но надпись въ Троице-Серг. Лаврѣ указываетъ на 1 мая.

[2]) Ник. Лѣт., VIII, 64; др. лѣт. извѣстія Русск. Ист. Библ., XIII, 39, 159, 492, 533, 574, 727, 806. Rer. Ross. Script. ext., I, 31, 172; Новг. Лѣт., 471; Карамзинъ, Ист. Гос. Росс. XI, прим. 105. См. др. источники Hirschberg, Dymitr Samozwaniec, стр. 109 и слѣд.

[3]) Кирѣевскій. Сб. нар. пѣсенъ, II, 2.

*) „Вошелъ какъ лисица, царствовалъ какъ левъ, умеръ какъ собака“.

Умирая онъ оставилъ двоихъ дѣтей, сына и дочь, въ очень опасномъ положеніи. Сынъ, 18-ти лѣтній Ѳеодоръ, считался одареннымъ умомъ и способностями. Борисъ постарался дать ему далеко не то образованіе, какое получали по обычаю дѣти московскихъ государей. Онъ выписалъ для сына иностранныхъ учителей, рано пріучалъ юношу къ пониманію правительственныхъ дѣлъ; судя по сохранившимся оффиціальнымъ документамъ, отецъ ничѣмъ не пренебрегалъ, чтобы укрѣпить за нимъ престолъ, и еще при жизни приблизилъ его къ обязанностямъ и почестямъ власти. Дочь его Ксенія славилась красотой, и даже съ избыткомъ, къ своему несчастью, какъ увидимъ далѣе. Оба, братъ съ сестрой, могли привлечь къ себѣ общее сочувствіе; но Борисъ такъ энергично устранялъ своихъ соперниковъ и всѣхъ, кто казался ему опаснымъ, что вокругъ него и его семьи образовалась какая-то пустота. Изъ пяти братьевъ Романовыхъ трое умерли въ ссылкѣ; Филаретъ жилъ въ монастырѣ въ заключеніи; пятый, Иванъ, вернулся изъ Сибири совершенно разбитымъ. Богданъ Бѣльскій и Симеонъ Бекбулатовичъ были тоже въ ссылкѣ, послѣдній къ тому же лишенъ зрѣнія. Умеръ Андрей Щелкаловъ, послѣдній видный членъ семьи, уже вслѣдствіе опалы своей главы отодвинутой на задній планъ. Изъ потомковъ Рюрика и Гедимина Шуйскіе, Голицыны и Мстиславскіе считались не опасными. Борисъ не стѣснялся назначать ихъ въ походы противъ претендента. Не опасаясь ихъ, онъ не могъ, однако, разсчитывать на особое усердіе съ ихъ стороны; и маленькій кругъ лицъ, въ чьей преданности онъ могъ быть увѣренъ, состоялъ изъ нѣсколькихъ приближенныхъ, незначительныхъ личностей, какъ Сабуровы и Вельяминовы, даже ничтожныхъ, требовавшихъ поддержки, какъ Плещеевы или новѣйшій фаворитъ, молодой честолюбецъ Петръ Ѳеодоровичъ Басмановъ, изъ древняго, но незнатнаго боярскаго рода. Въ кружкѣ не было ни одного сильнаго человѣка.

Ѳеодоръ спокойно занялъ отцовскій престолъ, когда мать его, царица Марья Григорьевна, подобно Иринѣ, уступила слезнымъ мольбамъ всего народа и согласилась на воцареніе сына. Эта театральная церемонія записывалась въ грамоту и по заведенному обычаю входила въ содержаніе государственнаго акта. Новый царь тотчасъ рѣшился на мѣру, передъ которой отступалъ Борисъ. Бездѣятельность Шуйскаго

и Мстиславскаго подъ Кромами показалась подозрительной; онъ поспѣшилъ отозвать ихъ, а взамѣнъ намѣтилъ Басманова. Но при арміи состояли двое Голицыныхъ, Василій и Иванъ Васильевичи; могли возникнуть мѣстническіе счеты, и потому къ новому воеводѣ-главнокомандующему назначили для почета кн. М. П. Катырева-Ростовскаго.

Отправляясь на службу, Басмановъ, повидимому, стремился оправдать оказанное ему довѣріе. Укрѣпить вѣрность войскъ—его первая задача; онъ привелъ ихъ къ присягѣ новому государю. Но я уже указалъ [1]), что формула присяги показалась сомнительной. Она только усилила шаткость мыслей, давно проявлявшуюся среди воиновъ; и Басмановъ не могъ пренебречь такимъ предупрежденіемъ. Иные подозрѣвали, что войско — flos et robur totius Moscoviae [2]), какъ его называлъ патеръ Лавицкій,—уже вело сношенія съ Димитріемъ. Это неправдоподобно. Войско было просто деморализовано и склонно къ измѣнѣ, вслѣдствіе соприкосновенія съ мятежнымъ волнующимся населеніемъ области, среди которой велась борьба. Оно подчинялось вліянію мятежной среды, давленію людскихъ массъ, увлеченныхъ таинственной легендой, движимыхъ отвращеніемъ къ бѣдственнымъ государственнымъ порядкамъ и надеждой на лучшее будущее, наконецъ, заманчивой мечтой — пріобрѣсти что-нибудь при раздѣлѣ наслѣдія побѣжденныхъ; — смѣсь законныхъ порывовъ и темныхъ страстей, обычные двигатели великихъ народныхъ волненій.

Выдвинутыя противъ претендента военныя силы растворялись въ этомъ броженіи; смерть Бориса и смѣна командующихъ ускорили ходъ событій, и поворотъ въ обратную сторону проявился вдругъ среди темныхъ трудно объяснимыхъ условій.

По словамъ лѣтописи, Басмановъ, братья Голицыны и М. Г. Салтыковъ провозгласили низложеніе Ѳеодора и воцареніе Димитрія 17-го мая 1605 г. (ст. ст.) на собраніи созванныхъ ими представителей четырехъ городовъ—Рязани, Тулы, Каширы и Алексина. Разрядная книга, подтверждая это свидѣтельство, называетъ еще одно дѣйствующее лицо, намъ уже извѣстное — Прокопія Ляпунова. Современникъ Грознаго Петръ Ляпуновъ, его пятеро сыновей—Григорій,

[1]) Стр. 116.

[2]) „Цвѣтъ и ядро всей Московіи“.

Прокопій, Захаръ, Александръ и Степанъ, и два племянника, Семенъ и Василій, принадлежали къ очень вліятельной семьѣ служилыхъ людей рязанской области, чрезвычайно подвижной и дѣятельной, хотя не возбуждающей симпатій. Мы видѣли нѣкоторыхъ ея членовъ во главѣ мятежа, вспыхнувшаго вслѣдъ за смертью Ивана IV; позже всѣ они выдвинутся въ самые бурные моменты „Смутнаго времени", наступающаго теперь при ихъ вѣроятномъ содѣйствіи. Въ правленіе Бориса Захаръ дважды, въ 1595 и 1603 гг., подвергался строгой карѣ за разные проступки: мѣстническія ссоры и преступныя сношенія съ непокорными казаками. Слѣдуетъ думать, что онъ вмѣстѣ съ братьями возбуждалъ и направлялъ мѣстное мятежное движеніе, передъ которымъ отступили Басмановъ и другіе воеводы.

Главная масса войскъ играла пассивную роль въ этихъ происшествіяхъ; нѣмецкая конница желала сохранить вѣрность своимъ обязательствамъ, а князь Телятевскій даже упорно защищалъ ввѣренную ему артиллерію и затѣмъ спасся въ Москву. По одному разсказу, повторяющемуся въ другихъ сказаніяхъ иностранцевъ, Димитрій ускорилъ переворотъ очень грубой выдумкой. Осаждающимъ дали возможность перехватить письмо, адресованное имъ въ Кромы; изъ него узнали, что польскій король присылаетъ Жолкѣвскаго, который приближается съ 40.000 поляковъ. Одинъ изъ офицеровъ претендента, Янъ Запорскій, отправленный въ то же время въ Кромы съ отрядомъ въ 1.000 человѣкъ, не знаетъ этой подробности, но увѣряетъ, что разстроилъ московское войско, захватилъ сто пушекъ, чѣмъ и побудилъ его сдаться [1]). Это, очевидно, басни; въ этомъ случаѣ Ляпуновы лучше послужили на пользу пострадавшаго при Добрыничахъ. Василій Голицынъ съ Басмановымъ, по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, оказывали только притворное сопротивленіе народной массѣ, велѣли себя даже связать на всякій случай, чтобы лучше прикрыть измѣну [2]). Наоборотъ, Маржеретъ обвиняетъ Василія Ивановича Голицына и Басманова въ томъ, что они сами велѣли связать другихъ воеводъ. А Василій Ивановичъ Голицынъ отсутствовалъ! Какъ всегда, извѣстія сбивчивы и противорѣчивы.

---

[1]) См. это свидѣтельство и несогласное съ нимъ извѣстіе другого поляка—сторонника Димитрія—Вислуха у Hirschberg, Dymitr Samozwaniec, p. 113.

[2]) Ник. Лѣт., VIII, 66.

Димитрій былъ извѣщенъ о смерти Бориса 5-го мая молодымъ сыномъ боярскимъ Авраамомъ Бахметьевымъ, служившимъ въ царскомъ войскѣ подъ Кромами, что и подало знакъ къ отложенію. 22-го мая многолюдное посольство съ кн. Иваномъ Голицынымъ во главѣ привезло въ Путивль изъявленія покорности и вѣрноподданническихъ чувствъ всей арміи. Одинъ путешественникъ записалъ слухи о нѣкоторыхъ условіяхъ, предварительно предложенныхъ претенденту и принятыхъ имъ. То былъ Петръ Аркудіусъ, родомъ изъ Корфу, присланный Римскимъ дворомъ въ Польшу съ миссіей, частью политической, частью научной, не имѣвшей непосредственнаго отношенія къ Московіи. Проекты конституціонныхъ договоровъ со слабыми преемниками Грознаго носились въ воздухѣ, какъ мы знаемъ. Они вспыхивали во время избранія Бориса; они станутъ на очередь во всѣ критическіе моменты, какіе предстоитъ переживать московской системѣ централизаціи и принципу самодержавія до самаго воцаренія Романовыхъ. Но войско, сдающееся безъ битвы, не можетъ предписывать условій; ни одинъ источникъ не подтверждаетъ подобнаго факта, къ тому-же не оставившаго слѣда въ позднѣйшихъ событіяхъ [1]).

Побѣдитель, не выигравшій, со своей стороны, сраженій, не проявившій до сихъ поръ талантовъ полководца, Димитрій показалъ себя съ лучшей стороны какъ политикъ. Чтобы воспользоваться своимъ торжествомъ, онъ не нуждался въ войскахъ, такъ плохо служившихъ дѣлу Бориса. Онъ поспѣшилъ ихъ распустить, кромѣ небольшого отряда, который направилъ въ Орелъ. Исполненіе этихъ распоряженій было возложено на кн. Бориса Михайловича Лыкова, стариннаго друга Романовыхъ и будущаго мужа дочери Никиты Романовича; выборъ знаменательный. Затѣмъ, не теряя времени, 26-го мая претендентъ двинулся впередъ со своими казаками и поляками. По словамъ очевидца, не довѣряя донцамъ и запорожцамъ, онъ заботливо отдалялъ ихъ отъ своихъ шатровъ и окружалъ себя исключительно польской стражей. Но очевидецъ былъ самъ полякъ [2])!

На дорогѣ изъ Путивля въ Москву черезъ Орелъ и Тулу только гарнизоны Калуги и Серпухова оказали нѣкоторое сопротивленіе побѣдителю. Подъ стѣнами Серпухова

[1]) Pierling. La Russie et le Saint-Siège II, 375, III, 169.

[2]) Борша. Рос. Ист. Библ., I, 396—7.

онъ стоялъ въ тѣхъ же шатрахъ, въ которыхъ семь лѣтъ назадъ Борисъ изумлялъ великолѣпіемъ татарское посольство. Вокругъ Димитрія образовался уже дворъ; онъ начиналъ править. Въ Москвѣ же еще существовали царь и правительство; тамъ захватывали и казнили пословъ Димитрія. Простонародье столицы, чернь, послѣ смерти Бориса постоянно волновалась. Пытавшихся ее успокоить бояръ она смущала нескромными вопросами о царевичѣ Димитріи и Гришкѣ Отрепьевѣ и требовала подробныхъ свѣдѣній о катастрофѣ въ Угличѣ. Но до измѣны войскъ подъ Кромами съ этими безпорядками кое-какъ справлялись. Угличскій слѣдователь, кн. Василій Ивановичъ Шуйскій, выходя на Лобное мѣсто, клятвенно увѣрялъ, что сына Маріи Нагой нѣтъ въ живыхъ. Послѣ событій въ Кромахъ положеніе быстро ухудшалось. Грозный мятежъ осложнялся паникой. Прошелъ слухъ, что атаманъ-чародѣй Корела уже стоитъ подъ стѣнами столицы. Богатые люди прятали свои сокровища; они одинаково боялись и казаковъ и черни. Начальство все-таки пыталось организовать оборону, вооружая стрѣльцовъ, устанавливая батареи по стѣнамъ. Но приказанія плохо исполнялись, а толпа смѣялась надъ ними.

10-го іюня 1605 г. два гонца Димитрія, Наумъ Плещеевъ и Гаврила Пушкинъ, появились въ Красномъ Селѣ, предмѣстьи столицы, населенномъ давнишними врагами Годуновыхъ, купцами и ремесленниками. Гонцамъ тотчасъ же предложили провести ихъ въ городъ. Отрядъ стрѣльцовъ явился-было загородить имъ путь, но быстро разсѣялся, и оба безпрепятственно прибыли на Лобное мѣсто. Народъ тотчасъ собрался и выслушалъ содержаніе письма претендента къ боярамъ [1]). Этимъ все кончилось; судьба Годуновыхъ была рѣшена. Патріархъ умолялъ бояръ вступиться и помочь; но тутъ, говоритъ иностранецъ Пееръ Персонъ, который, впрочемъ, одинъ только и сообщаетъ этотъ фактъ, Василій Ивановичъ Шуйскій отрекся отъ своихъ словъ и объявилъ, что царевичъ Димитрій спасся отъ смерти. Позднѣйшія событія указываютъ только на быстро установившееся соглашеніе между мятежниками и тѣми, кому поручали ихъ успокоить. Толпа хлынула въ Кремль; захваченные народными волнами бояре явились туда же и даже руководили арестомъ Θеодора. Вмѣстѣ съ матерью и сестрой его заключили въ домъ Бо-

[1]) Акты Археогр. Ком., II, 80.

риса, гдѣ они жили до его воцаренія. Тогда же арестовали всѣхъ ихъ родственниковъ и друзей.

Но чернь не могла этимъ удовлетвориться. Ея страсть къ насиліямъ разгорѣлась; мужики разграбили и разнесли дома заключенныхъ. И этого было мало. По тайному приказу, нашептанному неугомоннымъ Богданомъ Бѣльскимъ, который вернулся изъ ссылки по смерти Бориса, разсвирѣпѣвшіе мстители набросились на иностранцевъ, особенно яростно на нѣмецкихъ врачей царя. Эти продавцы разныхъ снадобій имѣли богатые погреба. Толпа бросилась въ нихъ и подогрѣлась на новыя безчинства.

Бояре смогли проявить свою власть только тѣмъ, что отправили посольство въ Серпуховъ. Въ его составъ вошли представители высшей московской знати, кн. Ѳ. И. Мстиславскій, кн. И. М. Воротынскій, самъ Василій Ивановичъ Шуйскій съ братьями, Димитріемъ и Иваномъ. Высокіе господа встрѣтились въ станѣ претендента съ депутаціей донскихъ казаковъ, и Димитрій дерзнулъ оказать почетъ донцамъ, допустивъ ихъ первыми къ рукѣ. Уже послѣ нихъ ввели бояръ, которыхъ онъ встрѣтилъ строгой рѣчью. Болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы Гришка Отрепьевъ осмѣлился при подобныхъ обстоятельствахъ вести себя въ такомъ духѣ.

Узнавъ еще въ Тулѣ о покорности столицы, царевичъ, теперь признанный царемъ, выслалъ часть своей арміи подъ начальствомъ Басманова, чтобы занять ее; завѣдываніе дѣлами онъ поручилъ кн. В. В. Голицыну съ двумя товарищами, кн. Василіемъ Рубцемъ-Масальскимъ и дьякомъ Сутуповымъ, которые раньше выслужились тѣмъ, что сдали ему Путивль. Отправляясь въ Москву ранѣе своего повелителя, они, несомнѣнно, получили приказанія, какъ поступить съ Годуновыми; смыслъ ихъ неизвѣстенъ, но не хочется вѣрить, чтобы они предрѣшали ужасную участь, постигшую несчастную семью.

VI. Судьба побѣжденныхъ.

Голицынъ съ товарищами прежде всего устранили патріарха Іова; его схватили во время службы въ Успенскомъ соборѣ и простымъ монахомъ отправили въ монастырь г. Старицы. Родственниковъ Ѳеодора тогда же развезли въ ссылку по разнымъ мѣстамъ, а самаго предпріимчиваго изъ нихъ, Семена Годунова, задушили въ Переяславлѣ. Что произошло въ домѣ, гдѣ жилъ съ близкими низложенный царь — дѣло

очень темное; истина тонетъ въ новомъ наплывѣ противорѣчивыхъ сообщеній. По преданію, этотъ домъ принадлежалъ мрачной памяти Малютѣ Скуратову [1]); онъ полонъ страшныхъ воспоминаній; народное воображеніе населило его кровавыми привидѣніями. 6-го іюня 1605 г. его стѣны сдѣлались свидѣтелями новой отвратительной трагедіи. Здѣсь былъ убитъ Ѳеодоръ, задушенъ подушками или размозженъ дубиной послѣ долгой борьбы. Смѣлый и сильный, онъ упорно боролся съ нападавшими, приставами Масальскаго, среди которыхъ отличился бывшій дьякъ двора Грознаго Андрей Шерефединовъ, пользовавшійся дурной славой [2]). Борисъ отстранялъ его отъ дѣлъ. Димитрій, наоборотъ, надѣлилъ его на ту пору особыми полномочіями, характеръ которыхъ, однако, намъ неизвѣстенъ.

Вдова Бориса не пережила сына; ее убили вмѣстѣ съ нимъ, если она сама не покончила съ собой. Ксенія, отравленная или отравившаяся, едва не умерла. Во-время данное противоядіе спасло ее для болѣе тяжкой доли. До Димитрія давно дошелъ слухъ объ ея прелестяхъ, прославляемыхъ всѣми современниками. Это былъ типъ заурядной русской красавицы, съ очень бѣлой кожей, яркимъ румянцемъ, алыми губами и длинными волосами, пышными косами падавшими по плечамъ; она, подобно брату, получила тщательное образованіе. Она правильно писала, пріятно пѣла, обладая прекраснымъ голосомъ. — „Ея тѣло было словно изъ сливокъ“, говоритъ восторженный лѣтописецъ, „а брови ея сходились“. Новый повелитель Россіи не могъ не оцѣнить такой красоты. Уже цѣлый годъ, какъ изъ-за любви онъ только подписывалъ дарственныя грамоты; Марина же была далеко. Когда тѣло Ѳеодора и его матери отвезли въ Варсонофьевскій монастырь, что на Срѣтенкѣ, чтобы предать землѣ, какъ бѣдняковъ, кн. Масальскій приберегалъ Ксенію у себя или у вѣрнаго пособника, — „для потѣхи повелителя“.—Димитрій царствовалъ.

---

[1]) Впослѣдствіи, по приказу Димитрія, всѣ постройки были снесены; дворовое мѣсто въ 1869 г. перешло въ собственность Им. Об-ва люб. древ. письменности. См. Иконниковъ. Опытъ рус. исторіографіи, I, 2 ч., 1017.

[2]) Ник. Лѣт. VIII, 69—70. Различныя свидѣтельства передаютъ ужасныя и отвратительныя подробности неудобопередаваемыя. Сравн. Hirschberg, Dymitr Samozwaniec, 122. Авторъ считаетъ Димитрія непричастнымъ къ этой расправѣ, ссылаясь на Буссова, который даетъ болѣе позднюю дату посылки Масальскаго съ товарищами. Но болѣе допустимо, что Буссовъ ошибался, въ виду другихъ очень точныхъ указаній на это время.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

На высотѣ.

I. Восшествіе на престолъ.

20 іюня 1605 г. солнце ярко горѣло на лучезарномъ небѣ, и сердца людей радостно играли. Все населеніе столицы высыпало изъ жилищъ. Самыя крыши домовъ расцвѣтились принаряженными горожанами; люди, какъ грозди, висѣли на деревьяхъ. Медленно тянулись часы ожиданія; тысячи глазъ впивались въ далекій горизонтъ на востокѣ, и въ глубинѣ внимательной, напряженно-сосредоточенной, какъ въ храмѣ, народной массы разгоралась лихорадка радостнаго нетерпѣнія. Наконецъ на Коломенской дорогѣ показалось облако, сквозь которое посверкивали огненныя полоски. Загрохотали пушки, и тотчасъ словно колоссальная волна пронеслась по людямъ, пригибая къ землѣ, какъ бы стирая взволнованный народъ, обращая въ коверъ трепещущаго мяса быстро склонившіяся тѣла; когда всѣ лежали распростертыми, прижимая лбы къ землѣ, отъ этого пыльнаго слоя рабовъ колоссальный вопль вознесся къ небу: „Челомъ бьемъ нашему красному солнышку!“

Затмевая великолѣпіемъ свѣтило небесное, „красное солнышко“ появилось на лѣвомъ берегу р. Москвы среди пышнаго поѣзда: стрѣльцы въ раззолоченныхъ красныхъ кафтанахъ, русскіе всадники, сіяя золотомъ и каменьями, польскіе гусары въ блестящемъ вооруженіи окружали роскошной рамкой величественный строй русскаго духовенства. „Солнышко“ приближалось въ сіяніи величія и могущества.

— „Дай тебѣ Богъ здоровья!“—кричала толпа, вся трепещущая въ приливѣ страстной преданности, съ плачемъ и

рыданіями изливая въ вопляхъ свое счастье, свою любовь. Приподнимаясь на стременахъ, Димитрій отвѣчалъ: — „Дай Богъ вамъ тоже здоровья и благополучія. Встаньте и молитесь за меня!“ — Онъ прибылъ! Переѣхавъ мостъ, онъ вступилъ на Красную площадь и приближался ко дворцу, изъ котораго его такъ позорно изгнали 20 лѣтъ тому назадъ. Но вдругъ небо помрачилось; порывъ вихря, поднявъ густую тучу песку, точно накинулъ траурный покровъ на ликующее великолѣпіе празднества.

— „Господи, помилуй насъ!“ — шептали мужики, крестясь и пересуживая между собой мрачное знаменіе.

Предвѣстникъ бѣдствія, котораго никто еще тогда не могъ предвидѣть, вмѣшательство атмосферическаго явленія могло быть и выдумано впослѣдствіи догадливымъ лѣтописцемъ. Куда ужаснѣе была бы буря, какъ бы нарушила она торжественное вступленіе новообрѣтеннаго царя въ отвоеванную столицу, если бы изъ этой самой распростертой при его проходѣ толпы десять, сто голосовъ выкрикнули:

— „Прочь! Ты не тотъ, кого мы ожидали, кому посылали привѣты и благословенія! Мы тебя узнаемъ! Мы слушали твой голосъ за аналоемъ, пили съ тобою по кабакамъ! Ты — не Димитрій: тотъ, безъ сомнѣнія, умеръ и не вернется. Ты — Гришка Отрепьевъ!“

Но ни одна лѣтопись не помнитъ такихъ нестройныхъ криковъ; да и мудрено имъ было раздаться! — Вѣдь бывшій дьяконъ Чудова монастыря былъ тутъ же, слѣдуя за всѣми признаннымъ обожаемымъ господиномъ, и обмѣнивался знаками съ былыми собутыльниками и случайными товарищами! Не раздалось ни единаго обличительнаго враждебнаго крика, когда, по обычаю, царь остановился у Лобнаго мѣста, московской трибуны, съ которой нѣсколько дней назадъ Василій Шуйскій объявлялъ народу о несомнѣнной смерти Димитрія и самозванствѣ того, кто воспользовался его именемъ. Духовный сынъ іезуитовъ явился въ Кремлевскіе храмы исповѣдывать преданность вѣрѣ отцовъ, а пока Благовѣщенскій протопопъ Терентій, очень рѣчистый ораторъ, привѣтствовалъ монарха и испрашивалъ у него прощенія народу, жертвѣ долголѣтняго обмана и лжесвидѣтельствъ; одни только польскіе спутники побѣдителя по своему простодушію нечаянно нарушили праздничное настроеніе. Выстроенные для парада на паперти храма, они, стараясь угодить, усердно заиграли

на трубахъ. Набожность и ревность москвичей встревожились. А Терентій, какъ нарочно, намекалъ въ своей рѣчи на опасность иностранныхъ вліяній; отдаваясь тѣломъ и душой сыну Грознаго, народъ разсчитывалъ безраздѣльно обладать имъ. Затѣмъ торжественное шествіе мирно закончилось,— Димитрій вступилъ въ жилище предковъ. По дорогѣ онъ не пошелъ мимо дома Бориса, распорядившись немедленно разрушить его; праху похитителя власти предстояло покинуть Архангельскій соборъ и занять мѣсто на болѣе скромномъ кладбищѣ. Законный наслѣдникъ Грознаго очищалъ отъ постороннихъ свое жилище.

Однако, на Красной площади по удаленіи царя произошло какое-то замѣшательство; чѣмъ-то проявилось присутствіе сторонниковъ павшей династіи; вѣдь посланный царемъ Богданъ Бѣльскій вынужденъ былъ цѣловать крестъ въ томъ, что сейчасъ привѣтствовали сына Ивана IV и Маріи Нагой. Его клятвы не встрѣтили возраженій. Лѣтопись называетъ только одного протестовавшаго. Онъ прибылъ издалека и выступилъ на другой день послѣ торжества. Епископъ астраханскій Θеодосій уже обратилъ на себя вниманіе энергичными протестами противъ претендента. Привезенный въ Москву, онъ, будто бы, въ присутствіи Димитрія отстаивалъ свои взгляды:—„Богъ знаетъ, кто ты, ибо истинный царевичъ убитъ въ Угличѣ“ [1]).

Исторія не сообщаетъ, какой отвѣтственности подвергся отважный іерархъ,—и это уже указываетъ на неправдоподобность самаго происшествія. Судя по той же легендѣ, Θеодосій и не думалъ отождествлять царя съ Гришкой Отрепьевымъ, а Димитрій вовсе не боялся встрѣчъ съ лицами, знавшими бывшаго дьякона, и поспѣшилъ вернуть изъ ссылки архимандрита Пафнутія и поселить его въ самой Москвѣ въ санѣ митрополита. Вообще духовенство легко и безъ оговорокъ признало новый порядокъ [2]). Можетъ быть, Θеодосій стремился наслѣдовать Іову. Но первымъ изъ русскихъ іерарховъ, признавшимъ права претендента, когда онъ еще стоялъ въ Тулѣ, былъ рязанскій архіепископъ, грекъ Игнатій, до того архіепископъ острова Кипра, что возвышало его права по службѣ.

---

[1]) Чтенія Общ. И. и Др. Рос. 1847, IX, 2 ч., ст. 17 и 1848, IV, 65—66.

[2]) См. проникнутыя этимъ духомъ Записки Арсенія, арх. Элассонскаго, въ Трудахъ Кіев. Дух. Ак. янв.—мартъ 1898 г., изд. Дмитревскаго, стр. 100—116. Ср. Карамзинъ. Ист. Гос. Росс. XI, прим. 377.

Впослѣдствіи духовные и свѣтскіе историки нашли другую причину его избранія, объявивъ его тайнымъ приверженцемъ Рима. Когда Димитрій погибъ, Игнатій, дѣйствительно, удалился въ Польшу, получилъ пенсію отъ Сигизмунда и вступилъ въ унію. Но нельзя утверждать, что онъ и раньше готовился къ ней; посланіе новаго патріарха при вступленіи его на престолъ, обращающее къ Творцу мольбы—„воздвигнуть десницу царскую надъ невѣрными и католиками", повидимому, не допускаетъ такихъ подозрѣній [1]). Этотъ выборъ объясняется проявленіемъ самодержавной власти, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ совершился и путемъ законнаго избранія [2]).

Съ этой стороны Димитрію вначалѣ нечего было бояться оппозиціи, которой онъ не смогъ бы сразу подавить. Подобно своимъ товарищамъ, Василій Ивановичъ Шуйскій не могъ похвалиться пріемомъ въ Серпуховѣ. Къ нему самому могли отнестись особенно нелюбезно. Можно думать, хотя у насъ и нѣтъ вполнѣ ясныхъ указаній, что онъ подготовлялъ заговоръ еще ранѣе въѣзда Димитрія и привлекъ къ нему представителей высшаго московскаго купечества, сторонниковъ своего рода. Неудачная попытка была открыта, виновникъ ея арестованъ и преданъ суду трибунала, который нѣкоторые историки называютъ „соборомъ". Многіе выдающіеся умы въ Россіи, тоскуя по представительному строю, злоупотребляютъ этимъ терминомъ, пріятнымъ сердцу. Вѣроятно, Шуйскаго судило назначенное на этотъ случай собраніе высшихъ духовныхъ и свѣтскихъ чиновъ. Въ характерѣ приговора не могло быть сомнѣній,—слѣдователь по Углицкому дѣлу пошелъ сложить голову на плахѣ.

Но тутъ Димитрій внезапно и рѣзко отклонился отъ своей первоначальной политики. Съ пріемныхъ дней въ Серпуховѣ онъ какъ бы рѣшился идти по стопамъ отца, опираясь на народную массу, на ея несомнѣнную преданность, которая противопоставлялась честолюбивымъ проискамъ бояръ. Эта политика при тогдашнихъ условіяхъ была бы, пожалуй, лучшей, если бы выдерживалась съ необходимой послѣдовательностью; но ея-то Димитрію недоставало. Очень способный, онъ не былъ ни геніемъ, ни даже выдающимся человѣкомъ. Изъ

---

[1]) Левицкій. Патріархъ Игнатій. „Странникъ", окт. 1881 г., стр. 195. Макарій. Ист. Церкви, X, 108.

[2]) Записки Арсенія въ вышеук. сборникѣ.

этого можно вывести лишній доводъ въ пользу его подлинности: чтобы сыграть опытнымъ актеромъ ту роль, которая привела его въ Кремль, геніальность пришлась бы весьма кстати. Шуйскій уже положилъ голову на плаху, объявивъ, по однимъ свидѣтельствамъ, Димитрія лжецомъ и самозванцемъ, по другимъ, наоборотъ, взывалъ къ милости монарха, когда ему объявили помилованіе. Толпа роптала, лишившись зрѣлища, которое напоминало ей обычныя картины временъ Грознаго, и обвиняла поляковъ, будто бы причинившихъ ей это разочарованіе. Письмо Димитрію отъ его польскаго секретаря, Яна Бучинскаго, показываетъ, что ни онъ, ни его земляки непричастны къ этому дѣлу [1]). Сынъ Ивана IV просто поддался своему слабому и великодушному нраву, отчасти и вліянію окружившихъ его могущественныхъ бояръ, родныхъ и друзей Шуйскаго, близости которыхъ онъ теперь не могъ избѣжать. Какъ увидимъ далѣе, онъ все болѣе и болѣе склонялся къ сближенію съ этимъ элементомъ, чтобы сдѣлать его опорой своего правительства. Отправленный въ ссылку съ обоими братьями, Василій Ивановичъ уже на дорогѣ былъ настигнутъ гонцомъ съ царской милостью; его вернули въ Москву и возвратили ему честь и имущество. Димитрій, очевидно, отвертывался отъ отцовскихъ преданій. Онъ разсчитывалъ ласками привлечь къ себѣ тѣхъ, кого такъ жестоко тѣснилъ Грозный. Онъ мирволилъ даже заговорщикамъ.

Торжество опьяняло его; оно слишкомъ легко досталось. Вѣдь онъ вступилъ въ Москву, не проливъ капли крови! Восторжествовавъ надъ попытками обличеній, одно его имя открыло ему всѣ двери и всѣ сердца. У него было въ рукахъ средство еще болѣе блестяще укрѣпить свои права. Ожидался пріѣздъ его матери. Онъ выбралъ одного изъ Шуйскихъ, Михаила Васильевича изъ линіи Скопиныхъ, чтобы извлечь заключенную изъ ея отдаленнаго монастыря. Въ концѣ іюля Марѳа приближалась къ стѣнамъ столицы; Димитрій выѣхалъ ей навстрѣчу въ Тайнинское среди громаднаго стеченія зрителей. Свидѣтельства опять расходятся относительно подробностей этого свиданія, напоминающаго сцену изъ „Пророка“ на обратныхъ роляхъ; повидимому, въ нѣжныхъ изліяніяхъ чувствъ не было недостатка.

---

[1]) Собраніе Гос. гр., II, № 121. Въ томъ же смыслѣ: Борша, Рус. Ист. Биб., I, 399. Въ противоположномъ: Niemojewski, Pamiętnik, стр. 117.

До сихъ поръ молчаніе бывшей царицы было довольно краснорѣчиво; если она проявила этимъ нѣкоторое сочувствіе успѣхамъ авантюриста, на нее падала доля отвѣтственности въ его опасномъ предпріятіи; Борисъ-же, несомнѣнно, щедро наградилъ-бы ее за отреченіе отъ претендента. Теперь ея свидѣтельство имѣло меньше значенія; однако Димитрій вызвалъ слезы умиленія у подданныхъ, когда шелъ пѣшкомъ, безъ шапки у кареты возвращенной ему матери, и когда потомъ ежедневно навѣщалъ ее въ Вознесенскомъ монастырѣ, гдѣ ее помѣстили; проливъ слезы, народъ укрѣпился въ своей увѣренности.

За этимъ радостнымъ событіемъ скоро послѣдовало коронованіе, превзошедшее въ пышности всѣ предыдущія. По свидѣтельству патера Андрея Лавицкаго, Димитрій пожелалъ у него исповѣдаться передъ совершеніемъ этого обряда. Это возможно. Современникъ Генриха IV, краковскій новообращенный всегда восхищался личностью Беарнца, и Кремль въ его глазахъ, безъ сомнѣнія, стоилъ двухъ обѣденъ. Уваженіе къ католической вѣрѣ, оказанное въ уголкѣ дворца, нисколько не мѣшало ему, даже если оно и въ самомъ дѣлѣ было исполнено, тотчасъ за нимъ послѣ коронаціи принять причастіе по православному обряду изъ рукъ новаго патріарха. На это новый царь испрашивалъ особое разрѣшеніе папы. Разрѣшеніе не торопились дать; онъ обошелся безъ него, а патеръ Андрей соглашался закрыть на этотъ случай глаза. Могъ ли онъ не согласиться, когда монархъ всенародно выслушивалъ привѣтствія патера Николая Чижовскаго на польскомъ языкѣ, а по тайности выражалъ удовольствіе, что день коронаціи совпадаетъ съ праздникомъ св. Игнатія Лойолы [1]? Затѣмъ, какъ бы для того, чтобы уравновѣсить значеніе вѣроисповѣданій, онъ ходилъ на богомолье въ Троице-Сергіеву лавру и вполнѣ православно интересовался изданіемъ священныхъ книгъ, которымъ подъ его покровительствомъ занимался Иванъ Невѣжинъ. За исключеніемъ митрополита ростовскаго Кирилла Завидова, вынужденнаго уступить свою каѳедру Филарету Романову, который, можетъ быть, и заслуживалъ предпочтенія, духовный сынъ патера Андрея оставилъ на мѣстахъ всѣхъ епископовъ, какъ бы они ни были враждебны Риму, не только

---

[1]) Pierling. La Russie et le Saint-Siège, III, 191. Ср. его-же „Rome et Démétrius", 88.

расточалъ передъ ними милости и знаки своего уваженія, но въ самой Польшѣ давалъ пособія воинственному православному братству г. Львова, несмотря на протесты и негодованіе Сигизмунда.

Въ Путивлѣ, совѣтуясь съ духовниками, онъ обдумывалъ, подобно Ивану IV, коренное преобразованіе русскихъ монастырей, „убѣжищъ тунеядцевъ". Въ Москвѣ, вопреки сообщенію Буссова, онъ не коснулся даже вопроса о секуляризаціи монастырскихъ имѣній, видной части политическаго наслѣдія, полученнаго отъ предшественниковъ; временный заемъ 30 тысячъ рублей изъ казны Троице-Сергіевой лавры, какъ на это ни негодовалъ знаменитый келарь Авраамій Палицынъ, былъ щедро оплаченъ многими льготами, избавленіемъ отъ поборовъ и повинностей передъ администраціей, что очень щедро жаловалось всѣмъ общинамъ въ это царствованіе [1]).

Возвышеніе Филарета было одной изъ мѣръ, принятыхъ для вознагражденія пострадавшихъ. Если даже Романовы и не помогали Димитрію, то все-же они были его родственниками. Братъ новаго ростовскаго митрополита, дряхлый Иванъ, былъ произведенъ въ бояре. Дядя царя, пьяница Михайло Нагой, сдѣлался конюшимъ. Отстраненный Борисомъ отъ дѣлъ Василій Щелкаловъ, вмѣстѣ съ другимъ дьякомъ, Аѳанасіемъ Власьевымъ, произведены въ окольничіе. Это пожалованье оскорбляло обычаи; но Димитрій, должно быть, этимъ выплачивалъ имъ долгъ за услугу, да ему не была чужда и дерзость новатора. Московскіе обычаи дѣлали изъ монарха родъ идола, который съ пышностью укрывали въ святилищѣ Кремля. Сынъ Маріи Нагой удивлялъ бояръ, ежедневно являясь въ Думу, и возмущалъ ихъ неутомимымъ вмѣшательствомъ въ ихъ пренія. Онъ захотѣлъ лично принимать челобитныя, и проявилъ еще большую дерзость, вѣрнѣе—необычайную наивность, потребовавъ, чтобы отнынѣ дѣла рѣшались безъ подношеній.

Въ другомъ отношеніи, изъявивъ желаніе держаться принципа реставраціи, онъ, однако, отклонялся отъ традицій предковъ, собирателей русской земли, бережливыхъ правителей и осмотрительныхъ хозяевъ. Димитрій съ первыхъ шаговъ превзошелъ въ расточительности даже Бориса, стараясь, чтобы отъ него не уходили съ пустыми руками; онъ удвоилъ пен-

[1]) Акты Ист., II, 71—79; Мухановъ, Сборникъ, ст. 203—205.

сіи служилыхъ людей и во всѣхъ областяхъ установилъ новое, болѣе щедрое надѣленіе помѣстными землями [1]. Въ противоположность Годунову, онъ съ перваго-же шага проявляетъ удивительную довѣрчивость, которая, возрастая, обращается въ какое-то ослѣпленіе, пренебрегающее элементарными предосторожностями. Пользуясь примѣрами прошлаго, Борисъ запретилъ вступать въ бракъ князьямъ Василію Шуйскому и Мстиславскому; Димитрій самъ предлагаетъ имъ жениться и выбрать подругъ изъ его близкой родни. Онъ не страшился соперниковъ, не боялся соревнованія; эта черта не обличаетъ въ немъ авантюриста! Въ то-же время средства расточаются безъ счета. Въ январѣ 1606 г., шесть мѣсяцевъ спустя по воцареніи, Янъ Бучинскій, его секретарь, подвелъ огромный итогъ въ семь милліоновъ съ половиной, затраченныхъ изъ бюджета, не превышавшаго по размѣру четверти этой суммы! На получаемыя замѣчанія царь возражалъ, что онъ въ долгу у многихъ своихъ подданныхъ, а другихъ предпочитаетъ привлечь къ себѣ щедростью, а не тираннiей [2].

Но въ то-же время у него оставались долги, съ расплатой которыхъ онъ не торопился.

II. Цѣна побѣды.

Какъ извѣстно, въ Польшѣ Димитрій принялъ на себя три рода обязательствъ, различныхъ по содержанію и по происхожденію, но тѣсно связанныхъ между собой. Сигизмундъ соглашался на воцареніе въ Москвѣ царя, присоединившагося къ католичеству и женатаго на полькѣ, но съ условіемъ, чтобы король Польши и развѣнчанный повелитель Швеціи извлекъ изъ этого кое-какія выгоды. Римъ тоже не могъ согласиться на бракъ католички съ православнымъ, хотя въ тайнѣ обращеннымъ, и оказывать покровительство крайне загадочному претенденту, если его побѣды не доставятъ церкви ощутительной пользы. Наконецъ, осуществленіе честолюбивыхъ замысловъ Мнишка и его дочери вполнѣ зависѣло отъ варшавскаго двора и папскаго престола.

Въ дѣйствительности Димитрій, конечно, и не думалъ передавать польскому сосѣду или будущему тестю двѣ изъ лучшихъ областей своего государства; еще менѣе думалъ

[1]) Собраніе Гос. гр., II, 261; Акты Моск. Гос., изд. Попова, I, 77—78.
[2]) Собраніе Гос. грам. II, 258.

онъ о невыполнимой задачѣ—осуществленіи церковной уніи. Тутъ онъ навѣрное разсчитывалъ остаться неоплатнымъ должникомъ. Даже вѣнчаннымъ побѣдителемъ онъ настаивалъ на бракѣ съ дѣвицей Мнишекъ и очень торопилъ ея отъѣздъ въ Москву. Онъ былъ очень влюбленъ, хотя и обманывалъ свое нетерпѣніе сближеніемъ съ красавицей Ксеніей. Самая искренняя, безкорыстная любовь можетъ, однако, подвергаться весьма страннымъ осложненіямъ; такъ и тутъ, къ страстнымъ мечтаніямъ жениха Марины примѣшались другія, очень далекія отъ нѣжной страсти.

Во время краткаго царствованія Димитрія въ Польшѣ разразился мятежъ, уже подготовлявшійся въ дни его пребыванія въ Краковѣ, а вождь его, Зебржидовскій, былъ однимъ изъ покровителей претендента. Вполнѣ допустимо, какъ прежде предполагали и впослѣдствіи даже публично утверждали, что король Польши думалъ воспользоваться ложнымъ или подлиннымъ царевичемъ, чтобы раздѣлить Московію, а политическіе противники Сигизмунда, со своей стороны, въ этой личности противопоставили ему соперника, который присоединеніемъ къ католичеству и бракомъ съ полькой устранялъ препятствія, мѣшавшія до тѣхъ поръ соединенію воедино обоихъ государствъ. Наконецъ, Димитрій могъ и самъ обольщаться такой надеждой. Дорога отъ Кремля до Вавеля казалась ему короче той, которую онъ такъ быстро и легко пробѣжалъ отъ передней Брагина и кухонь Гощи.

Не будучи великимъ человѣкомъ, преемникъ Бориса Годунова былъ человѣкомъ величавыхъ замысловъ. Его подчиненіе Риму было только уловкой, на время надѣтой личиной. Достигнувъ престола, онъ разсчитывалъ, однако, взаправду, на этотъ разъ, съ помощью Рима сдѣлаться въ близкомъ будущемъ предводителемъ союза католическихъ державъ Европы для борьбы съ Портой. Рядомъ съ этимъ честолюбивымъ притязаніемъ молодого монарха существовало другое, вполнѣ съ нимъ согласимое, — требовать возврата наслѣдія Ягеллоновъ, земель старыхъ **русскихъ** повелителей Литвы. И одно время оба эти предпріятія уживались бокъ о бокъ въ честолюбивыхъ помышленіяхъ молодого государя. По мѣрѣ того, какъ онъ знакомился съ европейской политикой, съ истиннымъ положеніемъ дѣлъ, перечившимъ его мечтамъ, первый замыселъ становился все химеричнѣе въ его собственныхъ глазахъ, и онъ, судя, по многимъ даннымъ, сосредо-

точивался мыслью на второмъ. Объ этомъ можно судить по дальнѣйшему повѣствованію.

Узнавъ о событіяхъ въ Москвѣ, король Польши и папа позаботились одновременно о взысканіи долговъ по обязательствамъ побѣдоноснаго претендента. Сигизмундъ поспѣшилъ отправить въ Москву велижскаго старосту Александра Гонсѣвскаго. Наказъ этого посла помѣченъ 23 августа 1605 года. Въ Римѣ же съ 5-го августа заготовляли инструкціи для графа Александра Рангони, племянника польскаго нунція. Оффиціально миссія Гонсѣвскаго представлялась актомъ простой вѣжливости. Сигизмундъ привѣтствовалъ Димитрія по случаю его воцаренія и приглашалъ его на свою свадьбу съ эрцгерцогиней Констанціей. Но, явное дѣло, для такого зауряднаго порученія король не избралъ бы одного изъ своихъ лучшихъ воиновъ. На дѣлѣ среди разныхъ другихъ вопросовъ Гонсѣвскій привезъ проектъ совмѣстныхъ военныхъ дѣйствій противъ Карла Шведскаго. Подготовили самое широкое распространеніе въ публикѣ того письма, которое Димитрій собирался будто бы тогда послать „шведскому узурпатору“. Составленное въ тонѣ посланій Грознаго къ королю Іоанну, властное и высокомѣрное, оно равнялось бы объявленію войны. Гонсѣвскому не привелось узнать, добился ли бы онъ такого скораго согласія на желанія его государя. Но упорный должникъ, женихъ Марины, при первой же встрѣчѣ съ кредиторомъ очень ловко справился съ затрудненіями. Издавна установившіяся дипломатическія сношенія Польши съ Московіей давали ему въ руки превосходный предлогъ для отговорокъ, которымъ онъ тотчасъ воспользовался. Краковскій дворъ упорно отказывалъ Московскому въ признаніи царскаго титула, принятаго Грознымъ. Онъ держался старой формулы съ титуломъ великаго князя. Димитрій пошелъ еще дальше по пути, пробитому его предшественниками: онъ приказалъ величать себя „императоромъ“ и даже „непобѣдимымъ“! Гонсѣвскій не былъ уполномоченъ соглашаться на такія притязанія, и этотъ первый вопросъ сразу закрылъ дорогу дальнѣйшимъ переговорамъ. Молодой царь подъ этимъ предлогомъ рѣшительно уклонился отъ нихъ; но затѣмъ осыпалъ посла любезностями и ласками. Дѣлу былъ данъ ловкій оборотъ. Но неудача одного кредитора должна была неизбѣжно отразиться на поведеніи другого. Всѣ соображенія и разсчеты папы изъ-за этого перемѣшались.

Съ 16 мая 1605 г. папой сталъ Павелъ V, Камиллъ Боргезе. Его предшественникъ, Климентъ VIII, предусмотрительно оставилъ безъ отвѣта второе письмо Димитрія, отъ отъ 30 іюля 1604 г., гдѣ претендентъ, по прежнему настаивая на своей преданности папскому престолу, точнѣе указываетъ на вознагражденіе, которое ожидаетъ получить. Читая депешу Рангони отъ 2 іюля 1605 г. о происшествіяхъ въ Москвѣ, Павелъ V вдругъ воспламенился духомъ. Съ 4 августа папскія грамоты летѣли въ Польшу къ польскому королю, къ кардиналу Мацѣйовскому, къ самому Мнишку, заклиная ихъ воспользоваться ниспосылаемымъ свыше случаемъ. Святому отцу казалось, что унія уже торжественно провозглашена въ Москвѣ, и онъ готовился къ отправленію своего легата. А пока, въ ожиданіи, онъ съ такимъ нетерпѣніемъ торопилъ отъѣздъ графа Рангони, что нунцій, не имѣя возможности такъ скоро снарядить племянника въ длинный путь, рѣшился послать впередъ одного изъ его секретарей, Луиджи Пратиссоли, который при случаѣ долженъ былъ просить посредничества Димитрія для доставленія польскому нунцію кардинальской шапки, давно ожидаемой имъ. Римъ не могъ бы отказать новообращенному, который велъ за собой въ лоно церкви милліоны вѣрныхъ!

Въ ноябрѣ Пратиссоли, оба іезуита — духовники царя, и Гонсѣвскій собирались близъ Кремля на очень интимные вечера, гдѣ, повидимому, царило полное согласіе; происходилъ обмѣнъ подарковъ и взаимныхъ любезностей. Но Пратиссоли и Гонсѣвскій должны были возвращаться въ Краковъ, и приходилось вести себя скромнѣй; Янъ Бучинскій ѣхалъ съ ними съ письмомъ Димитрія къ нунцію (15 ноября 1605 г.), въ которомъ царь просилъ представителя папы исходатайствовать для него въ Краковѣ и Римѣ: разрѣшеніе Маринѣ въ день ея коронованія причаститься по православному обряду и соблюдать воздержаніе по средамъ, и признаніе королемъ польскимъ императорскаго титула, принятаго царемъ. Объ уніи не говорилось ни слова, ни одного намека на готовность считаться съ болѣе ранними требованіями Сигизмунда.

Хорошо понимая всю дерзость, даже непристойность поступка, Димитрій рѣшилъ тогда же со своими просьбами обратиться непосредственно къ папѣ. Патера Андрея Лавицкаго, котораго это время держали въ сторонѣ, принимали

очень рѣдко, послѣ долгихъ настояній, и то ночью, въ большой тайнѣ, вдругъ призвали въ Кремль, обласкали, ошеломили любезностями и отправили въ Римъ съ инструкціей на латинскомъ языкѣ, подписанной—императоръ и переполненной разными политическими соображеніями. Планъ войны съ Турціей и союза съ Польшей ради этой цѣли; обращеніе къ св. отцу по поводу злостнаго отказа Сигизмунда признать за царемъ императорскій титулъ; кардинальская шляпа для Рангони; обѣщаніе скораго посольства къ императору съ предложеніемъ вступить въ союзъ противъ оттомановъ,—все это находилъ Павелъ V въ грамотѣ и многое другое, кромѣ того, что особенно желалъ найти — ни малѣйшаго намека на осуществленіе его разгорѣвшихся надеждъ.

Велико было разочарованіе Ватикана, и великимъ гнѣвомъ закипѣли на Вавелѣ. Тщетно Марина послала въ Римъ тогда же посланіе, насквозь пропитанное благочестіемъ и ревностью къ церкви: — „Только бы свѣтлые ангелы благоволили довести ее до Москвы, не будетъ у нея иной заботы, кромѣ торжества истинной вѣры“.—Не до того было!—Несмотря на всю его невозмутимую наивность, на его стремленіе вознаградить себя хоть съ этой стороны за тѣ заботы, которыми тогда удручала его Венеція со своимъ дожемъ Леонардо Донато, изгоняя іезуитовъ и возставая противъ церкви, Павелъ V не соблазнялся перспективой пути, который удалялъ его отъ выполненія прежнихъ плановъ и грозилъ поссорить съ королемъ Польши. Что это не соблазнило его, блестяще доказываетъ дѣйствительный исходъ двойной дипломатической кампаніи, которую Димитрій велъ въ Римѣ и Краковѣ съ такой странной развязностью. Получился чисто отрицательный результатъ. Рангони, въ погонѣ за кардинальской шляпой, и іезуиты, преслѣдовавшіе по своему политику рискованныхъ соглашеній, въ одиночествѣ продолжали идти впередъ.

Проѣзжая черезъ Краковъ, патеръ Андрей Лавицкій удивилъ своимъ необыкновеннымъ внѣшнимъ видомъ и странными понятіями, господствовавшими среди сыновъ Лойолы относительно религіозной уніи, которую они разсчитывали провести въ жизнь. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, посѣщая протестантскіе дворы сѣверной Европы, Поссевино наряжался свѣтскимъ кавалеромъ, со шпагой у бедра и со шляпой въ рукахъ; патеръ Андрей явился въ Краковскую коллегію св. Варвары въ одеждѣ русскаго попа, въ просторной рясѣ съ широкими

рукавами, съ бородой и длинными волосами. На Вавелѣ ему бы простили нарядъ, но что касается Димитрія, то онъ заходилъ слишкомъ далеко! Не только онъ осмѣливался затягивать расплату съ должниками, а еще вторгался въ ихъ собственныя права! Сигизмундъ разсердился, а гнѣвъ короля тотчасъ отразился на разочарованіи папы.

Инструкціи, присланныя Рангони, не оставляли сомнѣній въ переворотѣ, происшедшемъ въ Ватиканѣ. Приказано остановить выѣздъ графа Рангони. Бросая тѣнь на короля Польши, его миссія становилась теперь ненужной, даже съ точки зрѣнія папы. На ходатайство разрѣшить Маринѣ исполненіе нѣкоторыхъ православныхъ обрядовъ отвѣтили категорическимъ отказомъ. Ранѣе, будучи еще кардиналомъ въ конгрегаціи инквизиціоннаго суда, Павелъ V далъ благопріятный отвѣтъ на эту просьбу; теперь онъ его не помнилъ. О союзѣ противъ турокъ отозвались иронически-уклончиво. Еще чувствительнѣй поразило Димитрія то обстоятельство, что папа не только отклонилъ отъ себя обязательство по отношенію къ титулу, котораго добивался неблагодарный новообращенный, но даже въ письмѣ ему, „императору“, сохранилъ титулъ „vir nobilis“, съ какимъ его предшественники обращались къ претенденту до его побѣдоноснаго похода и коронованія! Наконецъ, страшный ударъ и Рангони — папская грамота обошла молчаніемъ вопросъ о кардинальской шляпѣ.

Тѣмъ временемъ смущенный племянникъ нунція отправился все-таки въ Москву. Курьеръ нагналъ его въ Смоленскѣ и остановилъ тамъ. Усиленными просьбами дядя добился въ концѣ концовъ отмѣны приказа; но, снисходя на нее, въ Римѣ не одобряли посольства, какъ показываетъ судьба его инціатора: Рангони отозвали изъ Кракова; ему такъ и не довелось получить кардинальской шапки. А съ другой стороны, прибывъ къ мѣсту назначенія въ февралѣ 1606 г., графъ Александръ былъ очень холодно принятъ обиженнымъ vir nobilis'омъ. Димитрій поручилъ секретарю ознакомиться съ грамотой папы и не почтилъ посла обычнымъ пиромъ. Но отчасти по свойственной ему непослѣдовательности, отчасти понимая, несмотря на уязвленную гордость, что необходимо соблюдать добрыя отношенія съ Римомъ, онъ вскорѣ, повидимому, измѣнилъ тактику, чѣмъ хвалился Рангони. Кромѣ Вавеля и Ватикана, у молодого госу-

даря тогда почти не было другихъ сношеній съ Европой. Болѣе или менѣе освѣдомленные объ удивительныхъ событіяхъ, происходившихъ въ Москвѣ, протестантскіе и католическіе дворы еще не составили себѣ опредѣленнаго мнѣнія насчетъ этого переворота и держались выжидательной политики. Въ результатѣ создавалось довольно тяжелое положеніе для „непобѣдимаго императора“. Отбросивъ даже несвоевременный теперь проектъ союза противъ турокъ, Москва не могла уже обходиться безъ прямыхъ сношеній съ западными землями. Послѣ Ивана IV Годуновъ искалъ среди нихъ не только политическихъ союзниковъ, но даже главнымъ образомъ необходимаго нравственнаго, просвѣщающаго содѣйствія, началъ цивилизаціи, людей науки, ремесленниковъ и рабочихъ. Послѣ угрюмаго пріема, оказаннаго Рангони, не догадался ли самъ Димитрій, что можно и съ этой стороны использовать дипломатическія сношенія, если иныхъ выгодъ отъ нихъ нельзя ожидать? Не угощалъ-ли онъ, ненасытная попрошайка, папскаго посла отстатками отъ своихъ пировъ, чтобы тотчасъ требовать отъ него услужливаго посредничества въ доставленіи цѣлыхъ запасовъ политическихъ, административныхъ и военныхъ средствъ? Въ этомъ случаѣ можно повѣрить графу Рангони, до такой степени описанный имъ пріемъ, съ какимъ Димитрій заявилъ свою новую просьбу, отвѣчаетъ его нраву и обычаю. Въ отплату онъ предлагалъ снарядить въ Римъ многочисленное посольство..... чтобы приступить, наконецъ, къ сложному дѣлу соединенія церквей?—отнюдь нѣтъ! Димитрій чистосердечно признавался, что это посредничество должно привлечь къ желаннымъ ему сношеніямъ съ Кремлемъ другіе иностранные дворы: вѣнскій, гдѣ Рудольфъ хранилъ нелюбезное молчаніе; французскій, гдѣ правилъ государь, которому „непобѣдимый императоръ“ горѣлъ желаніемъ подражать, и даже испанскій дворъ. Ни просьба, ни предложеніе не сулили куріи никакихъ выгодъ, и папскій престолъ не могъ уяснить себѣ, которое изъ нихъ могло бы послужить къ наибольшей пользѣ этого неугомоннаго просителя.

Эта новая комбинація воспламенила графа Рангони, но она, конечно, оставалась только проектомъ, тѣмъ болѣе, что, повидимому, вызывала рѣшительное противодѣйствіе англійской колоніи, уже довольно многолюдной въ Москвѣ. Въ частности англичане представляли вѣскія возраженія противъ предполагаемой вербовки папскихъ техниковъ. Поляки-протестанты,

секретари Димитрія, тоже высказывались за приглашеніе этого персонала изъ Англіи. Въ самомъ Римѣ справлялись по этому вопросу у Поссевино и получили неблагопріятный отзывъ: если церковь можетъ чего-нибудь ожидать отъ Московіи, то не посылкой ремесленниковъ и инженеровъ добьется она своего: здѣсь нужны іезуиты!

Въ результатѣ, по всей линіи дипломатическихъ сношеній переговоры оказались безплодными [1]).

Однако, Димитрій не остался съ пустыми руками. То смягчая въ Римѣ послѣдствія жестокихъ разочарованій, то создавая тамъ новыя иллюзіи, а въ Краковѣ оказывая давленіе на нетвердый отъ природы умъ Сигизмунда, іезуиты, наперекоръ бурямъ и морскимъ приливамъ, хорошо послужили тому, въ комъ патеръ Андрей упорно продолжалъ видѣть новаго Константина. Въ началѣ марта 1606 г. Ватиканъ освободился отъ послѣднихъ иллюзій и пошелъ на попятную. Кардиналъ Сципіонъ сообщилъ польскому нунцію, что всѣ просьбы Марины и ея жениха о разрѣшеніи имъ нѣкоторыхъ отступленій отъ обрядовъ отвергнуты безотмѣнно инквизиціоннымъ судилищемъ. Но къ тому времени представитель царя исполнилъ въ Краковѣ то, что считалось особенно цѣннымъ въ его дипломатическихъ порученіяхъ: торжественно совершилъ обрученіе съ дочерью воеводы сандомірскаго и именемъ царя принялъ новую царицу изъ рукъ короля польскаго. Марина съ отцомъ выѣхали въ Москву, и Димитрій поспѣшилъ увѣдомить Рангони, что онъ не настаиваетъ на разрѣшеніяхъ папы. Онъ, несомнѣнно, разсчитывалъ, что, очутившись въ Москвѣ, Марина обойдется безъ нихъ, какъ это сдѣлалъ онъ самъ; и не ошибся.

Я подошелъ къ великому событію, которымъ увѣнчались желанія влюбленнаго монарха.

---

[1]) См. для этого происшествія: Pierling, La Russie et le Saint-Siège, III, 214 и слѣд.; его-же, Rome et Démétrius, стр. 160 и слѣд. Сравн. Успенскій, Сношенія Рима съ Москвой, Ж. Мин. Н. Пр. окт. 1884, стр. 330 и слѣд.; Левицкій, Лжедимитрій какъ пропаганд. католичества въ Москвѣ, „Христ. Чт.“ 1886; Лиловъ, Дѣятельность іезуитовъ въ Россіи, 1856; Морошкинъ, Іезуиты въ Россіи, 1867—1870; Цвѣтаевъ, Иностр. вѣроисп. въ Россіи, 1886; Tolstoï, Le catholicisme romain en Russie, 1863—1864; Воробьевъ, Смутн. вр. и дѣятельность русск. духовенства, „Русск. Арх.“ 1892.

III. Бракъ съ Мариной.

11-го ноября 1605 г. въ Краковѣ прибыло посольство Димитрія, уполномоченное просить согласія Сигизмунда на его бракъ съ Мариной. Въ этотъ-же день глава посольства Аѳанасій Власьевъ передалъ сандомірскому воеводѣ великолѣпные подарки будущаго зятя—драгоцѣнное оружіе, предметы искусства, роскошныя ткани и полмилліона рублей чистыми деньгами, какъ было обѣщано въ Самборѣ. Что касается Мнишковъ, молодой царь не только всегда съ честью исполнялъ обѣщанія, но щедрой рукой переплачивалъ больше обѣщаннаго. Марина не была забыта, и ея доля, безъ сомнѣнія, превосходила ея самыя пылкія ожиданія. Алмазы, жемчугъ, чудныя бездѣлушки, среди которыхъ особенно выдѣлялись музыкальный инструментъ въ видѣ слона съ золотой башней на спинѣ и туалетная шкатулка въ золотомъ быкѣ; ткани огромной цѣны, рѣдкіе мѣха; она была осыпана драгоцѣнностями! Масса оцѣниваетъ въ 130 тысячъ слишкомъ рублей то, что она получила отъ самаго щедраго изъ жениховъ. Обрученіе справили 19-го ноября съ истинно царской пышностью. Рядъ смежныхъ дворцовъ на главной площади Кракова, — Мнишковъ, Фирлеевъ, флорентинцевъ Монтелуппи, недавно переселившихся въ Польшу, — были соединены переходами, и въ устроенной среди нихъ церкви служилъ самъ кардиналъ Мацѣйовскій передъ самымъ блестящимъ высшимъ обществомъ, какое только могла собрать Польша. Король, принцесса Анна Шведская, королевичъ Владиславъ, нунцій, представители Венеціи и Флоренціи, сенаторы и сановники короны смѣшивались съ родными и друзьями воеводы. Когда Марина, сіяя, какъ утренняя заря, появилась подъ руку съ отцомъ, убранная какъ королева, въ бѣлой парчѣ, покрытой жемчугомъ и сапфирами, со снопомъ алмазныхъ колосьевъ надъ горделивымъ лбомъ, съ загоравшимися властнымъ огнемъ черными глазами — гулъ восхищенья поднялся вокругъ. И въ эту минуту исчезли всѣ недавно раздававшіяся и упорно поддерживаемыя сомнѣнія и подозрѣнія; ихъ не разбудила ни одна фальшивая нота. Да и кто осмѣлился бы вспоминать ихъ, когда самъ король своимъ присутствіемъ приносилъ кичливому повелителю „всея Руси“ яркое свидѣтельство признанія, когда, откинувъ зыбкой совѣстью былыя колебанія, самъ Левъ Сапѣга, великій канц-

леръ литовскій, открыто признавалъ въ томъ, кого недавно чернилъ и обличалъ, мы знаемъ какъ, не только законнаго государя, но даже примѣрнаго монарха, даже орудіе Провидѣнія, ниспосланное для сближенія двухъ народовъ.

Все соединилось для полноты величія и радости торжественнаго событія, даже нотка комизма, внесенная посломъ Димитрія, немного, правда, въ ущербъ величественности церемоніала. Судя по современнымъ гравюрамъ, Аѳанасій Власьевъ въ своемъ нарядѣ изъ золотой парчи смотрѣлъ совершеннымъ дикаремъ, и въ этихъ условіяхъ его манеры соотвѣтствовали внѣшности. На неизбѣжный вопросъ, не давалъ-ли царь обѣщанія другой женщинѣ, онъ отозвался невѣдѣніемъ, а при обмѣнѣ обѣщаній рѣшительно отказался отъ посредничества служителя церкви: — „Я долженъ говорить съ невѣстой, а не съ вами!“ крикнулъ онъ кардиналу. То же произошло и на брачномъ пиру: онъ съ трудомъ согласился занять мѣсто рядомъ со своей государыней, а затѣмъ, видя, что она отъ радостнаго волненія не можетъ ѣсть, тоже не прикасался къ блюдамъ. Когда провозглашали здравицы, онъ вдругъ во весь ростъ палъ ницъ на землю: произнесли имя Димитрія; и каждый разъ при этомъ имени продѣлывалъ то же самое.

За этимъ показнымъ раболѣпіемъ, превосходившимъ чрезмѣрной униженностью всѣ требованія архаическаго московскаго обычая, скрывалась задняя мысль: Власьевъ по своему протестовалъ противъ нѣкоторыхъ мелочей этикета, недостаточно внимательныхъ къ достоинству его повелителя; отказъ прикасаться къ кушаньямъ объяснялся тѣмъ, что королю и его семьѣ подавали на золотой посудѣ, а Маринѣ и русскому послу на серебряной. Послѣдовавшій затѣмъ балъ готовилъ ему новыя обиды того же характера; гнѣвъ охватилъ его, когда Марина, протанцовавъ съ королемъ и откланиваясь его величеству, бросилась на колѣни къ его ногамъ.

Сигизмундъ не обращалъ вниманія на посла, не торопясь поднялъ свою недавнюю подданную и величественно обратился къ ней съ длинною рѣчью; его елейныя выраженія служили прозрачной оболочкой для политическихъ внушеній, въ которыхъ проскальзывала досада. Распространять славу Божію, хранить неприкосновенной любовь къ родной землѣ, поддерживать дружбу между обоими народами, сближенію которыхъ послужилъ ея бракъ — такова задача новой

царицы; она должна также заботиться, чтобы ея супругъ исполнялъ обѣщанія, данныя Польшѣ, и напоминать ему, чѣмъ онъ обязанъ королю. Іезуиты не могли вычеркнуть изъ памяти августѣйшаго оратора договора, подписаннаго беззаботнымъ и вѣтренымъ господарчикомъ въ апрѣлѣ 1604 г.[1]).

Блестящее брачное торжество имѣло свою обратную темную сторону. Среди пышной обстановки, за кулисами кипѣли важныя тревожныя заботы. Когда вслѣдъ за торжествомъ, заглушая краснорѣчіе здравицъ и привѣтствій, поэты Гроховскій, Юрковскій, Жабчицъ, изъ приближенныхъ Мнишка, настраивали лиры, чтобы воспѣвать все то, что сулитъ счастливый бракъ, ту зарю новаго будущаго, которая открывалась для двухъ великихъ націй,—гдѣ-то въ тѣни за ними, въ тайныхъ совѣщаніяхъ ковались козни, чреватыя грозными осложненіями. Докучливый кредиторъ для Димитрія, Сигизмундъ былъ также непріятенъ значительному большинству своихъ подданныхъ, какъ угрюмый, нелюбезный повелитель. Говорили, что главный виновникъ его избранія и торжества, Замойскій, теперь раскаивался въ своемъ поступкѣ. „Какого нѣмого чорта-нѣмца вы намъ привезли?“—спрашивалъ онъ польскихъ дворянъ, сопровождавшихъ короля при его въѣздѣ въ новое королевство. А вѣдь самые ярые враги нелюбимаго государя, Николай Зебржидовскій и Стадницкіе, находились въ дружескихъ отношеніяхъ съ Димитріемъ. Братъ главнаго бунтовщика, Станислава, прозываемаго Дьяволомъ, былъ назначенъ гофмейстеромъ двора новой царицы; весь кружокъ старался сблизиться съ диссидентами, пользуясь пріятнымъ впечатлѣніемъ проявляемой новымъ царемъ терпимости въ дѣлахъ вѣры. Вслѣдъ за Власьевымъ въ Краковъ прибылъ одинъ изъ польскихъ секретарей Димитрія, Станиславъ Слонскій, со словеснымъ порученіемъ къ сандомірскому воеводѣ и ко многимъ его товарищамъ по сенату, а немного позже въ различныхъ кружкахъ зародилась мысль, что въ это время состоялось соглашеніе между супругомъ Марины и коноводами партіи возстанія въ Польшѣ. Нѣкоторые мемуаристы отмѣтили эти подозрѣнія, а на сеймѣ

---

[1]) Подробности обрученія см. Русск. Ист. Библ. I, 51—70; Вержбовскій, Матеріалы къ исторіи Моск. Госуд. III, 41 и слѣд.; Niemcewicz, Dzieje panowania Zygmunta III-go, II, 270; Turkawski, Wesele Maryny M. Przegląd Lwowski, 1882, XXIV, 395 и сл., XXXV, 14 и сл.; Hirschberg, Dymitr Samozwaniec, 164 и сл.; Pierling, La Russie et le Saint-Siège, III, 255 et suiv.

1611 г. они сложились въ настоящее обвиненіе; замѣшанный въ это дѣло Мнишекъ ограничился тѣмъ, что отрицалъ со своей стороны всякую прикосновенность къ заговору [1]).

Въ январѣ 1606 г. Янъ Бучинскій пріѣхалъ въ Краковъ вмѣстѣ съ Михаиломъ Толочановымъ, довѣреннымъ лицомъ Димитрія; они привезли новый запасъ денегъ для сандомірскаго воеводы, новые подарки Маринѣ, а къ Сигизмунду новую любезную просьбу относительно тѣхъ державныхъ почестей, которыя царь желалъ бы обезпечить своей супругѣ на время ея пребыванія въ Польшѣ. Этимъ и ограничивалась миссія обоихъ пословъ; однако, необъяснимо какъ, она вызвала замѣтное волненіе на Вавелѣ, гдѣ Димитрія съ его польскими друзьями тогда же прямо обвиняли въ проискахъ, имѣвшихъ цѣлью низложить Сигизмунда и замѣнить его „непобѣдимымъ императоромъ“ [2]). Этотъ внезапный страхъ, повидимому, указываетъ на созрѣвшій уже заговоръ, слишкомъ быстрые и недостаточно замаскированные успѣхи котораго безпокоили самого Мнишка, и онъ довольно загадочнымъ письмомъ увѣщевалъ зятя (25 декабря 1605 г.) [3]) „не такъ спѣшить дѣломъ“.— Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ мартѣ 1606 г., когда сеймъ увлекался проектомъ союза съ царемъ противъ турокъ, Левъ Сапѣга, чтобы отдѣлаться отъ проекта, очень ясно указалъ на эти преступные замыслы. Враги короля, заявилъ онъ, поддерживали тайныя сношенія съ Димитріемъ и даже предлагали ему корону [4]).

Такія указанія, безспорно, недостаточны, чтобы установить достовѣрность событія, если вообще таковая существуетъ въ исторической наукѣ. Возможно, какъ это допускалъ недавно одинъ польскій историкъ [5]), что среди противниковъ Сигизмунда одинъ Станиславъ Стадницкій былъ достаточно „дьяволомъ“, чтобы задумать и привести въ дѣйствіе такой планъ; но по многимъ признакамъ все еще на Димитрія падаютъ сильныя подозрѣнія въ соучастіи.

---

[1]) Lubienski, Opera posthuma, p. 72; Massa, I, 156 и 171; II, стр. 168 и 184; Wielewicki, Hist. Diarii, Script. rer. Pol., X, 145; Rangoni, приведено по Hirschberg, Dymitr Samozwaniec, 174; Pierling, Rome et Démétrius, 142.

[2]) Собр. Гос. грам., II, № 121.

[3]) Собр. Гос. грам., II, № 112.

[4]) Hirschberg. Dymitr Samozwaniec, p. 177. Костомаровъ. Ист. монографіи, IV, 303.

[5]) Sokołowski. Ateneum, 1883, IV, 78—79.

Счастливый супругъ Марины имѣлъ, впрочемъ, самыя основательныя причины „не слишкомъ спѣшить“ по этому крайне опасному пути. Какъ я уже намекалъ, этой интригѣ шла навстрѣчу другая, не менѣе рискованная. Послы, число которыхъ по дорогѣ къ Кракову все умножалось по волѣ царя, не всѣ были ему одинаково вѣрны. Иванъ Безобразовъ, отправленный въ январѣ 1606 г., чтобы объявить о прибытіи большого московскаго посольства для обсужденія союзнаго договора, близъ Вавеля оказался носителемъ совершенно иного порученія. Въ тайной бесѣдѣ со Львомъ Сапѣгой или Гонсѣвскимъ,— тутъ свидѣтельства не сходятся,— онъ объявилъ себя тайнымъ агентомъ Василія Шуйскаго, который вмѣстѣ съ Голицыными и другими боярами добивался вмѣшательства Сигизмунда — противъ Димитрія! Недовольные жаловались, что король прислалъ имъ легкомысленнаго государя подлаго происхожденія; они не могутъ больше выносить его тираніи и распутства, горячо желаютъ перемѣнить государя и остановили свой выборъ на сынѣ Сигизмунда. Тотчасъ, по совпаденію далеко не случайному, изсякшіе на многіе мѣсяцы потоки враждебныхъ Димитрію извѣтовъ и сужденій возродились внезапно, словно хлынули изъ нѣдръ земныхъ. Борша, бывшій офицеръ польскаго легіона царя, позволялъ себѣ говорить, что въ Москвѣ супругъ Марины уже провозглашенъ обманщикомъ, и его собираются прогнать. Такія вѣсти сообщали сами братья Хрипуновы, такъ недавно и услужливо ручавшіеся въ подлинности его личности! Шведъ, выдававшій себя за лазутчика Мареы, распространялъ по Кракову извѣстіе, что бывшая царица не признала въ немъ своего сына. Такъ полякамъ, предлагавшимъ Димитрію корону Ягеллоновъ, москвитяне возражали предоставленіемъ польскому королевичу шапки Мономаха.

По отзыву Жолкѣвскаго, судя по его положенію, хорошо освѣдомленнаго очевидца, Сигизмундъ далъ уклончивый отвѣтъ на это предложеніе [1]). Онъ повѣрилъ подлинности Димитрія; если же правда, что онъ сталъ жертвой обмана, то не намѣревался „мѣшать боярамъ самимъ рѣшить свою судьбу“; самъ не честолюбивый, король желалъ, чтобы и сынъ слѣдовалъ его примѣру, „и во всемъ полагался на волю Божію“. Весьма вѣроятно, однако, что король не устоялъ

---

[1]) Żółkiewski. Pisma, ed. Bielowski, p. A. 11.

на этомъ рѣшеніи. Впослѣдствіи, въ бесѣдѣ съ преемникомъ Рангони, Франческо Симонеттою, онъ признался, что переговоры съ москвитянами по поводу его вступленія на московскій престолъ начались во время его свадьбы съ эрцгерцогиней Констанціей; а вѣдь, какъ извѣстно, ее праздновали вскорѣ вслѣдъ за обрученіемъ Димитрія и Марины. Вѣрный Бучинскій постигъ это хитросплетеніе политическихъ козней и оцѣнилъ его тревожныя послѣдствія не только среди окружавшихъ Сигизмунда, но и во всей странѣ. Внезапнымъ переворотомъ въ общественномъ мнѣніи поляки вернулись къ первымъ впечатлѣніямъ: Димитрій на престолѣ не стоитъ Годунова! Новому царю приписывали пропасть зловредныхъ замысловъ. Пышный титулъ, какой онъ присвоилъ себѣ, вызывалъ негодованіе: — „Это нестерпимая обида Богу и королю!“ заявлялъ вліятельный воевода познанскій, Іеронимъ Гостомскій.

Увѣдомленный въ свою очередь, Димитрій послѣдовалъ двусмысленной и обоюдоострой политикѣ, отвѣчавшей свойствамъ его ума и темперамента. Понимая необходимость обезоружить пробудившееся недовѣріе Сигизмунда, онъ довѣрилъ графу Рангони для короля самыя заманчивыя, успокоительныя рѣчи: въ польскомъ-де сосѣдѣ онъ чтилъ скорѣе отца, нежели брата, и рѣшительно предлагалъ ему свое содѣйствіе, чтобы расправиться съ узурпаторомъ Карломъ Шведскимъ. Но въ то же время, разсчитывая на поддержку своихъ сношеній съ польскими инсургентами, бывшій протеже Сигизмунда осмѣлился намеками, но во всеуслышаніе отпираться отъ интимныхъ обязательствъ, которыя онъ принялъ на себя передъ своимъ покровителемъ. Требуя признанія за собой новаго титула, онъ объяснялъ свою настойчивость—необходимостью противодѣйствовать категорическимъ опроверженіемъ недавно распущенныхъ слуховъ объ уступкѣ земель въ пользу Польши, на которую онъ будто бы согласился [1]). Подобно Сигизмунду, онъ не могъ остановиться на этихъ предварительныхъ мѣрахъ. Мы увидимъ, какъ вмѣсто войны съ Турціей, предпринимаемой сообща съ западными сосѣдями, онъ предпочтетъ обдумывать совсѣмъ другой походъ—по тому же пути, который привелъ его къ престолу, только въ обратномъ направленіи [2]).

---

[1]) Pierling. La Russie et le Saint-Siège, III, 271.

[2]) Иконниковъ. Димитрій и Сигизмундъ III, въ Чтеніяхъ въ об-вѣ Нестора лѣт., 1890, IV, 152 и слѣд.

Такъ подготовлялись событія, которыя вскорѣ вовлекли несчастную Московію въ новую бездну кровопролитныхъ бѣдствій и тяжкихъ междоусобій. Мнишекъ съ дочерью какъ бы предчувствовали ихъ еще на пути къ Москвѣ, такъ медленно подвигались они впередъ, жестоко испытывая нетерпѣніе Димитрія.

IV. Изъ Кракова въ Москву.

Марина покинула Краковъ черезъ 10 дней послѣ своей свадьбы, уклоняясь отъ празднествъ, сопровождавшихъ бракосочетаніе Сигизмунда и эрцгерцогини Констанціи. Среди нихъ щепетильность Власьева и новой царицы, въ которой она быстро развилась, могла бы подвергнуться новымъ уколамъ. Однако, стремленіе молодой женщины соединиться съ супругомъ не отвѣчало его ожиданіямъ. Цѣлыхъ два мѣсяца она провела въ Прадникѣ, имѣніи краковскихъ епископовъ, гдѣ задержалась по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, Мнишекъ никакъ не могъ управиться со своими приготовленіями подъ давленіемъ многихъ затрудненій, и прежде всего денежныхъ, несмотря на щедрость зятя. Онъ дѣлалъ долги и за свой кредитъ и за счетъ расточительнаго государя, постоянно просилъ новыхъ пособій, опустошилъ даже кошелекъ самого Аѳанасія Власьева, впрочемъ весьма не объемистый. Димитрій обращался къ Маринѣ съ пламенными посланіями, а въ отвѣтъ получалъ жалобы тестя и счета для оплаты [1]). Сама Марина не писала ни слова, хотя красавица-полька умѣла писать! Она только приберегала для иного случая обаяніе своего эпистолярнаго стиля, не питая нѣжныхъ чувствъ или безпечно не проявляя ихъ, охлаждаемая, можетъ быть, подобно отцу, который не рѣшался спѣшить пріѣздомъ, разными новостями, привозимыми изъ Москвы вмѣстѣ съ выпрошенными деньгами. Димитрій былъ щедръ, но, повидимому, недостаточно крѣпокъ на своемъ престолѣ. Была и другая причина сдержанности, даже холодности: молодой государь горѣлъ желаніемъ скорѣе видѣть избранницу-супругу, но тѣло Ксеніи, „вылитое изъ сливокъ", ея красивыя союзныя брови не потеряли для него своего очарованія. Ему приписывали и другихъ любовницъ, о чемъ Марина, слѣдуетъ думать, была освѣдомлена. Деньги были главнымъ предметомъ заботъ Мнишка; но вотъ трижды

---

[1]) Собр. Гос. грам. II, 133, 134, 135, 276 и Godebski, Archiwum Mniszków въ изд. Biblioteki Ossolińskich, I, 262. Письма Димитрія всѣ на польскомъ языкѣ.

во время дороги, въ Минскѣ, Смолевичахъ и Борисовѣ, довелось благодарить зятя за новыя присылки и наконецъ убѣдиться, что никакая немедленная опасность не угрожаетъ престолу, который должна раздѣлять Марина, и сандомірскій воевода рѣшился напомнить слишкомъ на многое посягавшему монарху объ уваженіи къ нравственности и приличіямъ. На этотъ разъ Димитрій немедленно уступилъ. Онъ не отвѣчалъ, не дѣлалъ признаній; но бѣдная Ксенія лишилась своихъ прекрасныхъ волосъ и исчезла въ застѣнкѣ монастыря, гдѣ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, родила сына [1]).

Приготовленія къ путешествію заняли три мѣсяца, въ теченіе которыхъ отецъ Марины удвоилъ сумму долговъ. Но онъ добился королевскаго приказа, избавлявшаго его отъ судебнаго преслѣдованія на все время отсутствія, и могъ свободно разорять своихъ кредиторовъ. Походный караванъ окончательно снарядился въ Самборѣ. Мнишекъ забралъ съ собою сына Станислава, брата Яна, племянника Павла, зятя Константина Вишневецкаго, двухъ Тарло, трехъ Стадницкихъ, Любомірскаго, Казановскаго, все представителей высшей польской аристократіи. Жены обоихъ Тарло служили статсъ-дамами при Маринѣ, а г-жа Казановская сопровождала ее какъ гофмейстерина. Въ качествѣ фрейлины должны были довольствоваться непредставительной, но очень преданной г-жей Хмелевской, дуэньей темнаго происхожденія. Преданность была необходима, такъ какъ путешествіе считалось опаснымъ. Духовенство занимало важное мѣсто въ свитѣ царицы. Самборскій священникъ, патеръ Помаскій не пожелалъ разстаться со своей духовной дочерью, а къ нему присоединились семеро бернардинцевъ, и въ числѣ ихъ былъ веселый патеръ Анзеринусъ. Мнишекъ предпочелъ бы своихъ любезныхъ іезуитовъ, но Марина не раздѣляла его склонности къ чадамъ Лойолы. Только въ послѣдній моментъ вмѣшательство нунція побудило принять въ число спутниковъ патера Савицкаго, которому, однако, не удалось попасть въ духовники, — бернардинцы косились на него [2]).

За этими лицами слѣдовали другіе священники, готовый персоналъ для будущихъ учрежденій, которыя Марина надѣялась воздвигнуть на земляхъ удѣльнаго княжества, объ-

[1]) Собр. Гос. грам. II, 243; Rapport de Delaville, Manuscrit de la Bibl. nat. franç., 15,966, fol. 283.

[2]) Wielewicki, Diarii, Script. rer. Pol. X, 119, 139.

щаннаго ей по брачному договору. Мірскіе элементы каравана пополнялись большимъ числомъ торговцевъ, суконщиковъ изъ Кракова и Львова, ювелировъ изъ Аугсбурга и Милана, искавшихъ случая и мѣстъ для выгоднаго сбыта. Аптекарскій помощникъ изъ Кракова везъ очень разнообразный грузъ. Въ то время польскіе аптекари соединяли эту профессію съ ремеслами кондитеровъ, пирожниковъ и водочныхъ мастеровъ. Станиславъ Колачковичъ везъ поэтому все необходимое для фабрикаціи превосходныхъ марципановъ артистической выдѣлки, которые своими остроумными фигурами должны были очаровать гостей на предстоящихъ въ Москвѣ пирахъ: Давидъ, играющій на арфѣ; Сусанна между двухъ старцевъ; нѣмецъ, обнимающій куртизанку. Предпріимчивый путешественникъ особенно разсчитывалъ на барыши отъ сбыта пера „феникса"; но его ожидало горькое разочарованіе: его купили всего за 20 польскихъ злотыхъ [1]).

Станиславъ Мнишекъ везъ съ собою 20 музыкантовъ и шута изъ Болоньи, Антоніо Ріати. Въ итогѣ болѣе двухъ тысячъ путниковъ, полныхъ надеждъ на удачу и наслажденія, хотя и не безъ опасеній за будущее, двигалось къ цѣли, сулившей много привлекательнаго и не мало невѣдомыхъ опасностей. Отъѣздъ состоялся 2-го марта 1606 г. Въ теченіе года сандомірскій воевода вторично выступалъ вождемъ экспедиціи, мирной на этотъ разъ, но ему не болѣе посчастливилось, несмотря на всѣ его усилія установить среди буйнаго и изрядно распущеннаго полчища строгую дисциплину и чистоту нравовъ. Всѣмъ полагалось ежедневно слушать обѣдню; за пьянство, ссоры, ночной разгулъ строго наказывали; не допускалось присутствіе женщинъ дурной жизни; купанье въ ближайшей рѣкѣ, даже смертная казнь за вторичный проступокъ угрожали тѣмъ, которыя проникали въ станъ. Эти правила, текстъ которыхъ сохранился [2]), совсѣмъ не исполнялись, вслѣдствіе слишкомъ частыхъ и продолжительныхъ остановокъ въ пути, къ тому же въ неудобныхъ, на-спѣхъ устроенныхъ помѣщеніяхъ. Только 18 апрѣля у Орши, поклонившись послѣдней католической колокольнѣ и перейдя Ивать, путешественники вступили на московскую территорію.

Два дня спустя въ Лубно Михаилъ Нагой и кн.

---

[1]) Kołaczkowicz. Dyariusz pobytu w Mockwie, въ Kwartalnik Historyczny, Lwow, 1894, p. 628. Massa, I, 146, 169, II, 153; 188.

[2]) Hirschberg, Dymitr Samozwaniec, 208.

В. М. Масальскій привѣтствовали Марину отъ имени царя, увѣряя ее, что ихъ повелитель ничего не пожалѣетъ для удобства и пріятности ея путешествія. И въ самомъ дѣлѣ, на пути къ Москвѣ построили 540 мостовъ. Въ Смоленскѣ царицѣ устроили великолѣпный въѣздъ въ обитыхъ драгоцѣнными соболями саняхъ въ 12 лошадей. Немного далѣе на Днѣпрѣ понадобились паромы; одинъ изъ нихъ, слишкомъ тяжело нагруженный, потонулъ съ 15-ю людьми. Перепуганныя спутницы Марины приписали свое спасеніе присутствію патера Анзеринуса, который отблагодарилъ за комплиментъ, заявивши, что онъ—benedictus inter mulieres [1]).

13-го апрѣля прибыли въ Вязьму; Власьевъ передалъ Маринѣ новые подарки; разумѣется, ими разсчитывали изгладить изъ ея памяти Ксенію; а воевода сандомірскій разстался здѣсь съ дочерью, чтобы раньше ея пріѣхать въ Москву, вѣроятно, желая лично убѣдиться въ томъ, что она не подвергается опасностямъ. Какъ бы ожидая отъ него предупрежденій, царица, въ самомъ дѣлѣ, останавливалась въ Можайскѣ, куда, по одному сомнительному извѣстію, инкогнито пріѣзжалъ Димитрій и провелъ двое сутокъ [2]); затѣмъ останавливалась въ д. Віяземѣ и, наконецъ, у воротъ столицы въ Мамоновѣ, куда нетерпѣливый государь являлся ночью,— но въ присутствіи нѣсколькихъ дамъ, какъ разсказываетъ одинъ изъ спутниковъ [3]); большаго московскій этикетъ не допускалъ.

Пріемъ, сдѣланный въ Москвѣ Мнишку, долженъ былъ ободрить его. Встрѣчая знаки почтенія, которые могли бы удовлетворить монарха, проѣзжая черезъ тріумфальныя арки и собирая натурою и деньгами доказательства щедрости и богатства своего зятя, онъ ощутилъ всю полноту удачи,— исполненія своихъ горделивыхъ мечтаній. И онъ выразилъ

---

[1]) Luc. cap. I, 42: Benedicta tu inter mulieres (Благословенна ты въ женахъ). Анзеринуса звали Бенедиктомъ. Примѣч. пер.

[2]) Голиковъ, Дѣянія Петра В., XII, 165; авторъ не указываетъ на источники.

[3]) Niemojewski, Pamiętnik, p. 15; этотъ дневникъ очень важенъ для подробностей путешествія; также записки Діаментовскаго, изд. тѣмъ же Гиршбергомъ; Стадницкаго въ рукописяхъ библіотеки Баворовскаго въ Львовѣ, далѣе Anserinus, Путешествіе Марины въ Москву, въ Przyjaciel Ludu, 1842, IX; 1848, XV. Raczyński, Maryna Mniszech, въ Lwowianin, 1841; Tatomir, Maryna Mnieszech въ Strzecha 1870; Lifftel, Gody moskiewskie у Вержбовскаго, Матеріалы къ исторіи Моск. Гос., III, 107; сравни Pierling, La Russie et le Saint-Siège, 289 и слѣд.; Hirschberg, Dymitr Samozwaniec, p. 215 и сл.

всю полноту своего удовлетворенія въ такихъ трогательныхъ выраженіяхъ, что Димитрій „плакалъ, какъ бобръ“, по словамъ одного очевидца. Тотчасъ назначили торжественный въѣздъ Марины на 2-ое мая (ст. стиля); его церемоніалъ былъ уже давно установленъ до малѣйшихъ подробностей [1]). Такъ, при видѣ царя Марина должна была первая поклониться ему, низко нагибаясь. Государь сдѣлаетъ видъ, будто цѣлуетъ ея руку; но ей надлежало остановить его. Наканунѣ этого великаго дня, если вѣрить патеру Лавицкому, пріятельница бернардинцевъ почувствовала какія-то угрызенія совѣсти. Іезуитъ покоился въ „бесѣдкѣ изъ зелени“, какъ старался изобразить благосклонный историкъ, на самомъ дѣлѣ, по указанію самого дѣйствующаго лица, въ гораздо болѣе прозаическомъ „шалашѣ, сплетенномъ изъ вѣтвей“, когда камердинеръ царицы пришелъ предупредить его, что она желаетъ его духовной помощи. Хитрая полька, вѣроятно, получила кое-какіе совѣты въ этомъ смыслѣ отъ самого Димитрія, намѣревавшагося продолжать свои заигрыванья со своими лучшими пособниками изъ представителей католическаго міра, и въ послѣднюю минуту она рѣшилась подать эту милостыню отвергнутому духовнику. Іезуитъ не преминулъ, въ чемъ можно быть увѣреннымъ, воспользоваться случаемъ, чтобы напомнить нечаянной исповѣдницѣ, чего ожидаетъ отъ нея церковь и ея самые ревностные служители. Безъ сомнѣнія, онъ получилъ множество самыхъ одобрительныхъ обѣщаній; подобно Димитрію, Марина не скупилась на нихъ [2]); но послѣ коронаціи, съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемой, такъ же мало заботилась по чести исполнять свои обѣщанія.

V. Коронованіе.

Своимъ появленіемъ передъ подданными на порогѣ великолѣпнаго шатра у воротъ столицы и шествіемъ въ Кремль среди блестящаго поѣзда прекрасная царица должна была ослѣпить москвитянъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и причинить имъ нѣкоторыя огорченія. На этотъ случай она надѣла костюмъ, который они признавали польскимъ; это былъ просто французскій костюмъ по модѣ того времени: длинная стянутая

---

[1]) Собр. Гос. грам., II, 230.

[2]) Wielewicki, Dyariusz, Rer. Pol. Script., X, 139; сравн. Pierling, La Russie et le Saint-Siège, III, 296.

талія, взбитые и поднятые вверхъ волосы, гофрированный воротникъ два фута въ діаметрѣ, который появляется на всѣхъ портретахъ этой государыни. Такъ одѣвались королевы Франціи, и Марина, разумѣется, полагала, что императрицѣ всея Руси слѣдуетъ подражать имъ въ такой день. Не могла же она не знать предразсудковъ страны, къ которымъ отнеслась такъ вызывающе, страны, гдѣ вопросъ о платьѣ и до сихъ поръ сохранилъ важное значеніе. Но, если москвитяне разсчитывали, что она спрячетъ свои красивые волосы и не покажетъ тонкой таліи, они требовали слишкомъ большой жертвы отъ молодой особы, которая, вѣроятно, получала изъ Парижа свои корсеты и фижмы.

Царица была полькой, и у воротъ древней столицы, до сихъ поръ еще близкой къ Азіи, два народа, чуждые другъ другу вопреки завязавшейся между ними новой связи, сопровождая повелительницу, мѣрили другъ друга взглядами довольно недружелюбными. Стоявшіе шпалерами на пути драбанты Димитрія произвели на одного изъ польскихъ спутниковъ Марины впечатлѣніе сброда гнусныхъ бездѣльниковъ [1]). Они сдерживали своими бердышами толпу, среди которой татары, грузины, турки, персы и лопари напоминали о сосѣдствѣ еще болѣе дикихъ странъ. Смѣшиваясь съ дикими криками инородцевъ, трескучіе раскаты московскихъ трубачей больно терзали польскія уши. Въ свою очередь, выходя изъ парадной кареты, запряженной 12-ю лошадьми тигровой масти,—изъ нихъ нѣкоторыя, говоритъ одинъ лукавый хроникеръ, были расписаны краской, въ виду трудности подобрать рѣдкостную запряжку,—и вступая подъ темные своды Воскресенскаго монастыря, своего мѣстопребыванія до коронаціи, царица предложила оркестру Стадницкаго сыграть подходящую къ случаю польскую мелодію. Ея соотечественники тотчасъ грянули народную пѣсню своей родины: „Всегда и всюду, въ горѣ и въ счастьи я буду тебѣ вѣренъ!“, что не особенно ласкало слухъ москвичей.

Рачительный блюститель всѣхъ мѣстныхъ обычаевъ, Димитрій не показывался среди провожатыхъ; переодѣтый, онъ скрывался въ толпѣ. Но, какъ мы знаемъ, въ Воскресенскомъ монастырѣ жила также Мароа, и потому онъ имѣлъ право явиться туда вслѣдъ за своей Мариной. Находясь въ

---

[1]) Niemojewski. Pamiętnik, 16.

стѣнахъ Кремля, монастырь исполнялъ различныя назначенія. Онъ служилъ мѣстопребываніемъ царскихъ невѣстъ, а во мнѣніи мѣстныхъ православныхъ соединенная съ супругомъ католическимъ священникомъ Марина еще не вышла изъ этого званія. Ея коронованіе должно было сопровождаться вторымъ бракосочетаніемъ, по обрядамъ греческой церкви. Часто случалось, кромѣ того, что монастыремъ пользовались какъ тюрьмой, заключая въ него женщинъ, подозрительныхъ или приговоренныхъ къ заточенію [1]). Спутницы Марины нашли помѣщеніе зловѣщимъ. Не стало патера Анзеринуса, чтобы развлекать и подбадривать ихъ: латинскому духовенству входъ въ монастырь строжайше воспрещался. Безъ священниковъ, безъ мессы даже на Троицынъ день! Обѣ Тарло впали въ отчаяніе, г-жа Хмелевская плакала, не осушая глазъ. Для полноты бѣдствій ихъ отвратительно кормили въ угрюмомъ монастырѣ и очень дурно обставили. Деликатный вкусъ польскихъ шляхтянокъ оскорблялся московскими приправами, а утонченная воспитанность страдала отъ сношеній съ грубыми монахинями. Маленькій людской мірокъ, привлеченный къ участію въ героической драмѣ, путался въ мелочахъ жизни. Димитрій немного успокоилъ его присылкой польскихъ поваровъ, а на другой день Мнишекъ усугубилъ удовольствія, передавъ дочери отъ имени государя сундучекъ съ дорогими бездѣлушками, которыя она раздѣлила между окружающими.

Испытаніе длилось всего недѣлю. 6 мая (ст. ст.), за день до коронованія и свадьбы, Марина могла занять приготовленное ей во дворцѣ помѣщеніе.

Свадебный обрядъ, закрѣплявшій ея союзъ съ Димитріемъ, не былъ простымъ повтореніемъ церемоніи, совершенной по полномочію въ Краковѣ; для мѣстныхъ казуистовъ эта послѣдняя не шла въ счетъ, тѣмъ болѣе, что само собой разумѣлось, что Марина, ставъ супругой царя, порывала съ католичествомъ. Непримиримые Гермогенъ, архіепископъ казанскій, и Іосифъ, епископъ коломенскій, требовали вторичнаго крещенія. Но этотъ вопросъ неясенъ въ православномъ ученіи, и Димитрій нашелъ возможнымъ избавить избранницу своего сердца отъ троекратнаго погруженія по восточному обряду, отправивъ въ заточеніе черезчуръ строгихъ архіереевъ. Прочіе довольствовались

[1]) Снегиревъ. Памятники Московской древности, II, 216.

мνропомазаніемъ, составлявшимъ необходимую принадлежность коронаціоннаго обряда; сохранившійся отрывокъ церемоніала сверхъ того свидѣтельствуетъ о причащеніи Марины, и это двукратное подчиненіе греческому обряду признали равносильнымъ отреченію.

Но причащалась ли въ самомъ дѣлѣ супруга Димитрія подъ обоими видами? Важный вопросъ, по поводу котораго проливались потоки чернилъ, не подвинувъ впередъ его разрѣшенія, по мнѣнію спеціалистовъ! Нѣтъ и намековъ, что утвержденный и обнародованный церемоніалъ не былъ съ точностью исполненъ во всѣхъ подробностяхъ; свидѣтели же согласно показываютъ, что коронованіе и мνропомазаніе совершались по греческому обряду, а при этомъ обязательно и причащеніе. Впослѣдствіи это событіе сдѣлалось предметомъ торжественныхъ преній, которыя уже не оставляютъ мѣста для сомнѣній. На соборѣ 1620 г. патріархъ Филаретъ, очевидецъ и вполнѣ свѣдущій человѣкъ, считалъ своего предшественника, патріарха Игнатія, повиннымъ въ томъ, что онъ причастилъ католичку [1]). Исчерпанный съ точки зрѣнія исторической, споръ объ этомъ возможенъ только въ области вѣроисповѣданій. Впрочемъ, онъ былъ поднятъ только въ силу связанныхъ съ нимъ политическихъ соображеній, а свойство политики — все спутывать. Поляки и москвитяне, сторонники и противники Марины, охотно отрицали доказанный фактъ, одни — съ цѣлью защитить свою соотечественницу отъ позорнаго вѣроотступничества, другіе желали объявить иноземку еретичкой и язычницей. Увѣряли также, что днемъ бракосочетанія выбрали четвергъ, вопреки каноническимъ правиламъ. Но эти правила возникли лишь въ царствованіе Екатерины II.

Бѣдная Марина! Въ этотъ день она все же принесла своимъ новымъ подданнымъ гораздо болѣе тяжелую для себя жертву, облачившись на этотъ случай въ русскій нарядъ, и казалась въ немъ „обремененной драгоцѣнными камнями, а не украшенной ими“ (magis onerata quam ornata, по выраженію

---

[1]) Макарій, Ист. русск. церкви, X, 122; Воробьевъ, „Русск. Арх.“, янв. 1892. Срав. Пирлингъ, Изъ смутн. времени, 1902, 263 и сл. Hirschberg, Dymitr Samozwaniec, 47; Щенкинъ, Политика папскаго престола въ смутн. вр., 26 и слѣд. Противоположное свидѣтельство архіеп. Элассонскаго, хотя и очевидца (Дмитріевскій, Труды Кіев. Дух. Ак., 1898, янв.—мартъ, стр. 111—112), я не считаю убѣдительнымъ.

польскаго лѣтописца). Повязка, которой она рѣшилась накрыть волосы, правда, стоила 70 тыс. рублей, по словамъ другого историографа! На этотъ разъ она также кротко подчинилась всѣмъ подробностямъ весьма сложнаго обряда. Вступивъ въ Успенскій соборъ, она обошла всѣ иконы, благоговѣйно прикладывалась къ каждой изъ нихъ; невысокая ростомъ, она приподнималась по временамъ на своихъ маленькихъ ножкахъ и даже прибѣгала къ помощи скамеечки. Польки ея свиты подчинились этой необходимости съ проклятіями въ душѣ, возбуждая нѣкоторый соблазнъ незнаніемъ обычаевъ, прикладывались кое-какъ, къ устамъ святыхъ, а не къ рукамъ, какъ полагается.

Въ свою очередь, непріятно поразилъ ихъ и Димитрій: въ теченіе безконечныхъ превратностей торжественнаго обряда онъ нѣсколько разъ прибѣгалъ къ услугамъ окружавшихъ его высшихъ сановниковъ, чтобы „поудобнѣе установить ему ноги“. Такъ свободно обращаясь съ Голицынымъ или Шуйскимъ, могъ ли онъ не быть подлиннымъ сыномъ Грознаго? Осмѣлился ли онъ, будь дѣло иначе, короновать свою Марину? Честь, оказанная Маринѣ, замѣтимъ, не имѣла примѣровъ въ прошломъ. Этой чести не удостоились ни Анастасія, первая любимая жена Грознаго, ни Ирина, ни Марія Годунова. Димитрій пожелалъ короновать Марину даже ранѣе брачнаго вѣнчанія, что дѣлало ее по званію независимой отъ этого союза; въ случаѣ развода она оставалась царицей: если бы Димитрій умеръ раньше, она могла царствовать послѣ него! Такъ и произошло,—прежде чѣмъ сдѣлаться въ глазахъ народа законной супругой царя, ненавистная чужестранка была мѵропомазана, возложила на свои украшенія золотыя бармы Мономаха и прошла черезъ врата, доступныя только государямъ.

Свадебный обрядъ происходилъ за священнымъ порогомъ, и только немногія изъ польскихъ спутницъ Марины получили разрѣшеніе слѣдовать за нею въ святилище. Остальная свита волновалась:—„Что тамъ дѣлаютъ съ нашей госпожей?“ — шептали подозрительные шляхтичи. Ихъ успокоили, а получившія привилегію шляхтянки впослѣдствіи забавляли земляковъ разсказами о странныхъ обрядахъ, которые онѣ видѣли, и которыхъ, очевидно, не желали показывать большому числу иностранцевъ. Онѣ острили надъ чашей, изъ которой брачущіеся пили по очереди, хотя она

служила красивымъ символомъ; самый проворный изъ нихъ долженъ былъ раздавить ее, когда ее бросили на полъ: знакъ его будущаго главенства [1]). Чтобы избѣжать предзнаменованія, способнаго встревожить зрителей, патріархъ поспѣшилъ самъ наступить на хрупкій хрусталь.

Были строго исполнены и другіе обычаи: при выходѣ изъ храма дьяки сыпали на припавшую къ землѣ толпу исконный „золотой дождь“ изъ большихъ португальскихъ дукатовъ и болѣе мелкихъ монетъ съ вычеканеннымъ къ этому случаю двуглавымъ орломъ. Высшіе московскіе чины не брезгали вступать въ борьбу изъ-за этихъ щедротъ. Наоборотъ, поляки намѣренно принимали безучастный видъ; когда золотая монета упала на шляпу польскаго дворянина, онъ пренебрежительно стряхнулъ ее; антагонизмъ двухъ племенъ ярко сказался и въ этомъ надменномъ движеніи.

Это чувствовалось и послѣ свадьбы. Димитрій долженъ былъ покинуть объятія Марины ради аудіенціи польскихъ пословъ, Гонсѣвскаго и Олесницкаго, прибывшихъ въ Москву одновременно съ Мнишкомъ. Обыкновенно преувеличиваютъ значеніе политическихъ инструкцій, оффиціально данныхъ Сигизмундомъ этимъ представителямъ. Вмѣстѣ съ проектомъ вѣчнаго союза, выработаннаго Львомъ Сапѣгой въ 1600 г., онѣ теоретически поддерживали программу, которой придерживались обѣ страны въ своихъ дипломатическихъ сношеніяхъ до 1634 г.; но ни въ Краковѣ, ни въ Москвѣ не создавали себѣ иллюзій относительно ихъ дѣйствительной цѣнности; ихъ единственною, истинною цѣлью было—скрывать суть вещей, то рѣзкое, непримиримое столкновеніе интересовъ, уже тогда раздѣлявшее на два лагеря обѣ половины славянскаго міра. Требуя въ это время возвращенія не только Смоленскаго и Сѣверскаго княжествъ, но даже Пскова и Новгорода, какъ неотъемлемой части литовскихъ владѣній, теперь пріобрѣтенныхъ Польшей, Сигизмундъ просто слѣдовалъ вѣковой традиціи. Эти требованія возврата земель служили характернымъ вступленіемъ къ началу всѣхъ переговоровъ между Польшей и Московіей; ихъ скоро оставляли въ сторонѣ и переходили къ серьезнымъ преніямъ по очереднымъ вопросамъ.

Гонсѣвскій и Олесницкій, безъ сомнѣнія, держали ихъ въ запасѣ. У насъ на это нѣтъ точныхъ указаній, такъ какъ

---

[1]) Waliszewski. Ivan le Terrible, p. 141.

они не имѣли времени приступить къ обсужденію дѣлъ. Ихъ задержали споры о титулѣ. Подъ впечатлѣніемъ, можетъ быть, тѣхъ внушеній, органомъ которыхъ служилъ въ Краковѣ Безобразовъ, польскій король рѣшился рѣзче подчеркнуть свое неблагосклонное отношеніе къ притязаніямъ, заявленнымъ Димитріемъ; онъ ему теперь отказывалъ даже въ титулѣ великаго князя! Понятенъ гнѣвъ „непобѣдимаго императора". Во время бурнаго свиданія, разсказываютъ мемуаристы, онъ то снималъ свою корону, обращаясь къ посланникамъ съ убѣдительными рѣчами, то въ пылу гнѣва едва не бросилъ въ нихъ скипетромъ [1]). Это тяжелое пререканіе произошло передъ самой коронаціей, и Димитрій смирился, наконецъ, смирился передъ самымъ тяжкимъ для себя уничиженіемъ, принявъ письмо Сигизмунда съ оскорбительнымъ обращеніемъ. Для него было слишкомъ важно исполнить церемоніалъ прежде, чѣмъ Марина и ея соотечественники узнаютъ о происшедшемъ. Послѣ событія можно было возобновить и даже обострить ссору. Приглашенные на пиръ послы не согласились довольствоваться отведенными имъ мѣстами. Въ Краковѣ представитель царя занималъ мѣсто за столомъ короля; они требовали одинаковой степени вѣжливости. Но Димитрій уже вернулся къ прежнему высокомѣрію. Власьевъ отъ его имени дерзко заявилъ обоимъ полякамъ, что ихъ доводы не имѣютъ значенія; допуская къ своему столу представителей папы или императора, король польскій долженъ былъ допустить къ нему посла царскаго; но самодержецъ всея Россіи совсѣмъ не то, что король римскій или епископъ римскій, — въ его глазахъ послѣдній попъ равенъ папѣ! Гонсѣвскій и Олесницкій могутъ оставаться дома, если они недовольны.

Такъ они и поступили; воевода сандомірскій принялъ ихъ сторону и остался съ ними. Димитрію это было крайне непріятно, но онъ не уступилъ. Споры затянулись и на слѣдующіе дни, и послы понемногу склонялись къ примиренію. Кремль веселился. Пиры, концерты, балы во дворцѣ смѣнялись безъ перерыва. Марина усердствовала во всю. Ради удовольствія польскихъ гостей и своего собственнаго, она возвратилась къ парижскимъ лифамъ и фижмамъ; прѣсноту или

---

[1]) Lubienski, Opera posthuma, p. 71; Niemojewski, Pamiętnik, 33; Dyamentowski, Dyariusz, p. 38. Рѣчи посланниковъ смотри у Тургенева, Monumenta, II, 101—103; болѣе точный текстъ въ рукописи музея Чарторыйскихъ, 101, № 7.

излишнюю остроту московскихъ блюдъ она исправляла средствами болѣе утонченной кухни: послѣ „лебяжьихъ ножекъ въ меду“ подавала глазированные фрукты и мороженое за „бараньимъ легкимъ въ шафранѣ“. Задаваясь цѣлью плѣнить своихъ угрюмыхъ гостей, Димитрій, со своей стороны, пускалъ въ оборотъ всѣ свои способности, свою обходительность. Послѣ стола онъ какъ бы искалъ ихъ общества и по-пріятельски бесѣдовалъ съ ними. Если польскіе солдаты подходили къ стѣнамъ дворца, онъ приказывалъ вводить ихъ въ сѣни, угощать лучшимъ виномъ и пилъ за ихъ здоровье. Онъ устраивалъ турниры, подобные краковскимъ, и проявлялъ полное удовольствіе, когда польскіе борцы давали москвичамъ почувствовать всю грубость ихъ кулачныхъ боевъ. Поощряя вдохновеніе Антоніо Ріати, шута Мнишка, онъ изрекалъ такія острыя словечки, что они могли бы очень непріятно дѣйствовать на вѣрноподданныхъ Сигизмунда, если бы ихъ слухъ не достаточно освоился съ такими впечатлѣніями. Черезъ нѣсколько дней, сидя въ пустынной части города, куда долетали только отголоски веселыхъ собраній, Гонсѣвскій и Олесницкій уже горѣли желаніемъ принять въ нихъ участіе. Можетъ быть, они предвидѣли возможность вознаградить себя на чемъ нибудь другомъ. Скоро установилось соглашеніе. Рѣшили, что одинъ изъ пословъ займетъ столъ, смежный съ царскимъ. Марина сдѣлалась еще очаровательнѣй. Самъ Димитрій ради пріема вновь прибывшихъ одѣлся по-польски. Однако, когда Гонсѣвскій отказался встать, чтобы принять кубокъ, который государь благоволилъ ему послать, ему объявили, что его выбросятъ въ окно за непослушаніе,—и онъ подчинился!

На другой день, хотя опять Московія одержала верхъ, во дворцѣ все еще дѣлалось по-польски и въ угоду Польши. На новый пиръ изъ москвитянъ пригласили только Власьева и кн. Масальскаго. Проведя три часа за ѣдой и питьемъ, всю ночь протанцовали. Къ зарѣ, перемѣнивъ множество кавалеровъ, восхитительно танцовавшая Марина завоевала всѣ сердца. Но Гонсѣвскій и Олесницкій, танцуя съ нею въ одной кадрили, не сняли шляпъ, — Димитрій приказалъ имъ сказать, чтобы берегли головы, иначе ихъ снимутъ вмѣстѣ со шляпами [1]).

---

[1]) Niemojewski, Pamiętnik, 67; срав. Hirschberg, Dymitr Samozwaniec, p. 243—245.

Царь опять заставилъ себѣ повиноваться; но этой новой побѣдой онъ, можетъ быть, подписалъ свой смертный приговоръ. Уступая требованіямъ и капризамъ молодого государя, послы Сигизмунда наводились ими на горькія размышленія. Такъ вотъ въ кого переродился скромный и робкій въ Краковѣ проситель! Онъ уже походилъ на самыхъ жестокихъ московскихъ деспотовъ, чью наглость доводилось переносить Польшѣ; онъ слишкомъ ясно показывалъ, чего она могла ожидать отъ его гордыни и притязательности. Подъ такими впечатлѣніями происки агентовъ молодого государя, затѣвавшіеся въ Краковѣ, принимали еще болѣе угрожающій характеръ. Но Гонсѣвскій и Олесницкій не могли не знать о происках съ противоположною цѣлью, орудіемъ которыхъ тамъ же служилъ Безобразовъ; и хотя мы не имѣемъ на это достаточно достовѣрныхъ указаній, но намъ кажется вполнѣ вѣроятнымъ въ эту пору сближеніе между польскими послами и недовольными москвитянами. При такихъ духовныхъ сближеніяхъ создаются иногда положенія, среди которыхъ происходитъ нѣчто подобное тому, какъ въ насыщенной электричествомъ атмосферѣ облака, встрѣчаясь, порождаютъ удары молніи. Димитрій и Марина праздновали и веселились, въ очарованіи своего союза, которымъ увѣнчались ихъ вожделѣнія, въ опьяненіи могущества, среди котораго могли безъ отказа исполняться ихъ желанія; все окружавшее ихъ составляло рамку блеска и радости прекраснѣйшему сну, который можетъ явиться людямъ. Они не прожили въ немъ и восьми дней!

Скоро, подобно метеорамъ, они погрузятся въ ночную тьму, которая разлучитъ и поглотитъ ихъ жизненную долю; пора схватить хотя-бы на лету ихъ быстро промелькнувшіе образы, особенно Димитрія, — съ Мариной мы еще встрѣтимся, — и попытаться воспроизвести ихъ очертанія.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Катастрофа.

I. Императорская чета.

Благодаря одному изъ тѣхъ совпаденій, которыми полны легенды всѣхъ странъ, которыми создаются самыя удивительныя смѣшенія, супруга Димитрія не была незнакомкой въ своей новой родинѣ. Въ мѣстной народной поэзіи давно заняла видное мѣсто героиня съ тѣмъ-же именемъ — Марина, Маринушка, Маринка, съ чертами, смутно напоминающими тотъ-же женскій образъ. Она относится къ фантастическому и величественному циклу Владиміра. Эта героиня появляется среди гостей эпическихъ пировъ въ Кіевѣ и среди соперниковъ грознаго Добрыни, который въ концѣ концовъ убиваетъ ее. Она — чародѣйка и вѣщунья, еретичка и безбожница, даже распутная дѣвка. Она соблазнила девятерыхъ князей или богатырей, своихъ жениховъ, которыхъ обратила въ животныхъ. Змѣя, обвивающая ея руку, — первый другъ ея [1]. Несомнѣнно, хотя варіанты пѣсенъ и не указываютъ на это, съ пріѣздомъ въ Москву прекрасной польки, и особенно послѣ катастрофы, разбившей счастье четы, въ народномъ воображеніи произошло сліяніе этихъ двухъ женскихъ образовъ. Черты ихъ, сближенныя и переплетенныя, создали новое лицо, на которое обратили чувства и негодованія, и гнѣва, и суевѣрнаго ужаса, навѣянныя легендарной героиней древности.

Вторая Марина не заслуживала такого крайне немилостиваго отношенія, можно утверждать теперь. Въ роли, какую ей довелось играть, она проявила главнымъ образомъ често-

---

[1]) Кирѣевскій. Пѣсни, собр. имъ, II, 42—49, 54 и 60 и прим. XI—XVI. Сравни Иловайскій, „Русск. Архивъ", май 1893, стр. 42.

любіе, и, нужно сказать, честолюбіе особенно пылкое и упорное, одну изъ тѣхъ страстей-силъ, которыя, овладѣвая всѣмъ существомъ человѣка, какъ-бы упраздняютъ всѣ остальныя чувства и побужденія,—привязанность къ родинѣ или семьѣ, честь и стыдливость, робость или сознаніе опасности. Сдѣлавшись царицей цѣною опасной ставки, эта шляхтянка пожелаетъ во что бы то ни стало удержать хотя бы тѣнь титула и положенія, разъ пріобрѣтенныхъ, соглашаясь на всѣ жертвы, пренебрегая всѣми опасностями, но въ сущности безъ серьезнаго размышленія и разсчета бросаясь отъ приключенія къ приключенію, изъ объятій одного авантюриста къ другому товарищу по легкомыслію или безумію, лишь-бы онъ доставилъ ей иллюзію призрачнаго возврата къ утраченному величію. Вообразите себѣ человѣка, разбуженнаго среди чуднаго сна, который и наяву упорствуетъ въ преслѣдованіи и попыткахъ поймать разсѣявшійся призракъ, пятится задомъ, чтобы не пугаться препятствій, на которыя наталкивается, закрываетъ глаза, чтобы не видѣть пропастей, куда катится, съ каждымъ шагомъ болѣе израненный, болѣе униженный, съ каждымъ паденіемъ болѣе безумѣющій, и разбивается, наконецъ, въ отвратительномъ закоулкѣ, — такова исторія второй Марины.

Димитрій — болѣе сложная личность. По точнымъ свидѣтельствамъ, на рѣдкость единодушнымъ почти во всѣхъ оттѣнкахъ, онъ былъ небольшого роста, но крѣпко сложенъ, съ широкой грудью, сильными плечами, мощными мышцами и такими руками, что безъ усилія ломалъ подковы. На туловищѣ коренастаго силача — широкое лицо, смуглое, лишенное растительности; толстый носъ съ бородавкой, или синимъ рубцомъ, говорятъ другіе; большой ротъ съ толстыми чувственными губами; внѣшность, въ совокупности своей не изящная, но, судя по нѣкоторымъ портретамъ, вовсе не непріятная, производила впечатлѣніе ума, смѣлости и энергіи. Я уже указывалъ на его искусство во всякихъ физическихъ упражненіяхъ. Прежніе московскіе цари вообще имъ не отличались; обычай заковывалъ ихъ въ гіератическія позы, чѣмъ и довелъ Ѳеодора до полной бездѣятельности ума и тѣла. Считалось неприличнымъ, чтобы московскій государь садился на лошадь, не поддерживаемый нѣсколькими придворными, и онъ взгромождался на сѣдло, какъ парадный манекенъ. Кротость и тихій ходъ верховыхъ

лошадей, подводимыхъ августѣйшему повелителю, тоже требовались искони заведеннымъ порядкомъ. Поэтому Димитрій поражалъ пренебреженіемъ къ своему достоинству, когда выбиралъ самыхъ горячихъ скакуновъ и вскакивалъ на нихъ безъ помощи стременъ. Когда же онъ осмѣлился съ рогатиной въ рукѣ побороть медвѣдя, всѣ кричали о соблазнѣ и безчинствѣ.

Внѣшности и силѣ отвѣчали и духовныя свойства отважнаго наѣздника: бурный, стремительный темпераментъ, не лишенный, однако, гибкости; много смѣлости, большая увѣренность въ себѣ; много живости и пыла; привлекательный по природѣ, великодушный, но склонный къ вспыльчивости, онъ такъ же быстро успокаивается, какъ легко раздражается; въ характерѣ его есть грубоватость, но безъ свирѣпыхъ инстинктовъ предполагаемаго отца; никакихъ излишествъ въ питьѣ и пищѣ. Соблюдая трезвость самъ, Димитрій ненавидѣлъ пьянство; но сластолюбіе крѣпко сидѣло въ немъ; много чувственности, даже нѣкоторая порочность: мужъ Марины, любовникъ Ксеніи обожалъ женщинъ; но, если вѣрить нѣкоторымъ отзывамъ, онъ проявлялъ вкусы восточнаго человѣка въ распутствѣ; Петръ Басмановъ и Михаилъ Молчановъ служили у него сводниками, потаенными ходами приводя во дворецъ цѣлый сераль, пользуясь даже населеніемъ сосѣднихъ женскихъ монастырей; составитель любопытнаго сказанія кн. Хворостининъ считался миньономъ молодого государя, что не помѣшало ему изобразить его разбойникомъ въ своемъ повѣствованіи [1]).

Димитрій, какъ мы знаемъ, былъ страстный поклонникъ роскоши во всемъ; онъ предается ей безъ удержу и не смущаясь требуетъ ее отъ всѣхъ окружающихъ. Его слава въ этомъ отношеніи такъ быстро установилась и широко распространилась, что торговцы и посредники въ сбытѣ дорогихъ вещей со всѣхъ сторонъ стекались въ Москву; даже принцесса Анна, сестра Сигизмунда, поручила одному изъ спутниковъ Марины очень цѣнный ларчикъ, чтобы тотъ предложилъ царю пріобрѣсти его. Ѳеодоръ и Годуновъ значительно расширили довольно скромное жилище, которымъ довольствовались ихъ предшественники. Къ полученнымъ въ наслѣдство „золотой“ и „грановитой“ палатамъ Борисъ при-

---

[1]) Русск. Ист. Библ., XIII, 534.—Сравн. тоже XIII, 55 и 818, и Massa, I, 139.

бавилъ еще двѣ, а къ собственному жилищу, простому деревянному „двору", пристроилъ высокое каменное зданіе и украсилъ его садомъ. Въ сосѣдствѣ съ ними на обширномъ пространствѣ внутри Кремля стояли другія зданія, служившія обыкновенно помѣщеніемъ для царицъ подъ общимъ именемъ „теремовъ". Димитрій нашелъ ихъ тѣсными для себя. Такъ и въ наши дни, какъ бы въ память былыхъ привычекъ предковъ къ кочевой жизни, русскіе государи все еще очень непостоянны въ жилищахъ: въ Петербургѣ, какъ и Москвѣ новыя резиденціи возводятся съ каждымъ царствованіемъ и считаются дюжинами. Димитрій не имѣлъ покоя, пока не поставилъ себѣ новаго жилья. Въ томъ же Кремлѣ, только ближе къ Москвѣ-рѣкѣ, онъ велѣлъ наскоро построить себѣ новый деревянный дворецъ изъ двухъ корпусовъ, одинъ для себя, другой для царицы. Онъ хотѣлъ ввести въ нихъ удобства и убранства, какія видѣлъ въ Краковѣ и Самборѣ: дорогія ткани на стѣнахъ, занавѣсы на дверяхъ и окнахъ, печи изъ зеленыхъ изразцовъ.

Эти нововведенія тоже не понравились; но москвичи были особенно непріятно поражены и даже испуганы страннымъ сооруженіемъ, постановка котораго передъ вышеописанными дворцами возбудила жгучее любопытство; свойства и назначеніе этого сооруженія до сихъ поръ не выяснены археологами. Если вѣрить одному благочестивому лѣтописцу, Димитрій думалъ изобразить въ немъ адъ, куда разсчитывалъ вскорѣ отправиться на жительство. А пока, поставивъ въ самомъ сердцѣ святого города огромный котелъ, выбрасывавшій пламя и тлетворныя испаренія, откуда выскакивали отвратительныя чудовища съ жадными пастями, онъ намѣревался бросать въ него православныхъ, обличавшихъ его проклятое еретичество [1]. Не приписывая его изобрѣтателю такихъ злостныхъ намѣреній, теперь полагаютъ, что это сооруженіе имѣло два назначенія: декораціи для предполагавшагося фейерверка и военной машины, которая должна была улучшить дѣйствіе прежнихъ подвижныхъ укрѣпленій (гуляй-городовъ), употребляемыхъ москвитянами того времени въ своихъ военныхъ походахъ [2].

---

[1]) Русск. Ист. Библ., XIII, 819. Сравн. тамъ же, XIII, 55.

[2]) Щербатовъ, Исторія Россіи, VII, 2-я ч., 76; Витбергъ, „Русск. Стар.", дек. 1892, 596—616; Платоновъ, Сказаніе о Самозванцѣ, Москва, 1895, брошюра.

Димитрій былъ государь воинственный и склонный къ пышности. Онъ началъ тѣмъ, что завелъ себѣ гвардію, безъ которой обходились его предшественники, состоявшую изъ трехъ ротъ иноземныхъ наемниковъ въ великолѣпныхъ мундирахъ, подъ командой француза Якова Маржерета, шотландца Альберта Лентона и датчанина Матвѣя Кнутсена. На-ряду съ этимъ парадным отрядомъ онъ вооружалъ и другіе, усердно занимался ихъ обученіемъ, наблюдалъ за маневрами, за упражненіемъ въ стрѣльбѣ, самъ наводилъ пушки, устраивалъ примѣрныя аттаки, принимая лично дѣятельное участіе въ подобныхъ бояхъ. Предполагаемый сынъ Грознаго болѣе походилъ на Петра Великаго. Какъ и будущій реформаторъ, онъ любилъ во все входить самъ. Онъ возмущалъ москвичей и тѣмъ, что не почивалъ послѣ обѣда, какъ требовалъ обычай. Часы отдыха, которыми такъ дорожили всѣ его подданные, онъ употреблялъ на посѣщеніе мастерскихъ, гдѣ бесѣдовалъ съ рабочими, собственноручно брался за ихъ работу. Глава арміи, подобно полтавскому побѣдителю, онъ исполнялъ обязанности простого солдата, охотно обмѣнивался кулачными ударами въ примѣрныхъ бояхъ, съ увлеченіемъ перекидывался снарядами въ видѣ снѣжныхъ комковъ. На охотѣ онъ съ большой силой и ловкостью владѣлъ лукомъ и рогатиной. Какъ Петръ Великій, онъ любилъ женить своихъ ближнихъ и непремѣнно присутствовалъ на свадьбахъ. Подобно ему, только въ меньшей степени, онъ дерзко презиралъ всѣ предразсудки и нѣкоторые обычаи. Въ знакъ неуваженія къ нимъ онъ ѣлъ телятину и испыталъ изъ-за нея столкновеніе со своимъ любимцемъ Татищевымъ, который до того разгорячился, что наговорилъ ему грубостей. Говорили даже о его возмутительной привычкѣ водить съ собой собакъ въ церкви, что крайне сомнительно. Враги укоряли Димитрія, что онъ послѣ свадьбы не посѣтилъ бани, какъ предписывалъ обычай. Однако Нѣмоевскій безхитростно записалъ въ дневникѣ, что пиръ на слѣдующій день начался позже именно изъ-за продолжительнаго пребыванія царя въ очистительной банѣ. Опять подобно Петру, Димитрій быстро раздражается и переходитъ къ ручной расправѣ, но онъ скорѣе успокаивается и забываетъ зло. Онъ гораздо мягче, но зато менѣе твердъ, что способствовало его гибели. Но главное, хотя онъ и не имѣлъ времени развернуть свои способности, его умственное и нравственное содержаніе далеко не то, какимъ обладалъ

Петръ; у него нѣтъ дарованій великаго человѣка, какъ я говорилъ.

Очень мало развитой, его умъ скорѣе быстрый и рѣшительный, нежели глубокій и основательный. Онъ царствовалъ всего одиннадцать мѣсяцевъ, и, несмотря на его безпечность и гордую довѣрчивость, хлопотливыя старанія утвердиться на тронѣ оставляли ему мало времени для болѣе производительнаго употребленія своихъ способностей, а было бы несправедливо оцѣнивать ихъ только по результатамъ. Результаты эти очень слабы, насколько мы можемъ судить по дошедшимъ до насъ свидѣтельствамъ; къ тому же, какъ я уже указывалъ, въ архивныхъ документахъ этого времени замѣчается большой пробѣлъ, оставляющій широкій просторъ для сомнѣній и догадокъ.

II. Характеръ царствованія.

Польское вліяніе сильно отразилось на внутренней политикѣ Димитрія. На это указываютъ превращеніе Думы въ Сенатъ и созданіе значительнаго числа заимствованныхъ у сосѣдей новыхъ должностей, — великаго конюшаго, великаго дворецкаго, мечника, подчашаго. Но отъ новаго собранія сохранилось одно названіе со спискомъ членовъ, составленнымъ усерднымъ Яномъ Бучинскимъ. Въ этомъ спискѣ любопытно отражается характеръ новаго порядка: Нагіе записаны здѣсь рядомъ съ воеводами, недавно выступавшими противъ претендента; имена жертвъ Бориса Годунова перемѣшаны съ именами креатуръ его преемника; списокъ не выясняетъ намъ ни политическаго характера реформы, ни роли выдвинутыхъ ею личностей. Подъ властью проведеннаго до крайней степени самодержавія, какъ его установилъ Иванъ IV и продолжалъ Годуновъ, старая дума — необходимый органъ центральной власти надо всѣми вѣдомствами — клонилась къ упадку. Въ Польшѣ, наоборотъ, значеніе сената усиливалось въ его двойственной роли государственнаго совѣта и верхней палаты. Заимствовалъ ли Димитрій у своихъ сосѣдей сущность или только форму учрежденія? Думалъ ли онъ подъ многообѣщающимъ названіемъ возстановить старое, или, наоборотъ, открыть будущее для политической свободы, о которой уже мечтали иные изъ его подданныхъ? Мы этого не знаемъ, какъ не знаемъ цѣли ослабленія законовъ о крѣпост-

номъ состояніи и податного бремени,—главныхъ дѣлъ царствованія.—Эти мѣры, запрещавшія массовыя закрѣпленія, лишавшія отцовъ права продавать вмѣстѣ со своей и свободу своихъ дѣтей, съ другой стороны устранявшія участіе корыстныхъ посредниковъ при сборѣ налоговъ, были ли зародышемъ болѣе широкой законодательной реформы въ гуманитарномъ духѣ или онѣ просто входили въ систему временныхъ мѣропріятій, которыми пользовались и даже злоупотребляли въ Россіи во всѣ времена и при всякихъ порядкахъ?—Это остается загадкой, вѣроятно, неразрѣшимой.

Димитрій унесъ въ могилу тайну своихъ мыслей и желаній, еще не успѣвшихъ окрылиться. И все-таки онъ чѣмъ-то далъ нѣкоторое удовлетвореніе народнымъ массамъ, мощный порывъ которыхъ вознесъ его къ власти; не даромъ тотчасъ за его воцареніемъ бури, бушевавшія по всему государству и вздымавшія въ одну огромную волну разнообразныя революціонныя теченія, вдругъ затихли. Этому способствовала, можетъ быть, общая перепись помѣстныхъ земель и жалованья, раздаваемыхъ служилымъ людямъ, задуманная въ смыслѣ уравненія раздачъ и подготовляемая созванными въ Москву выборными, обязанными наблюдать за ея выполненіемъ; возможно также, что перепись эта составляла часть цѣлаго сложнаго проекта, общій планъ и смыслъ котораго отъ насъ скрыть [1]). Одного появленія „истиннаго солнышка“ на застилаемомъ грозовыми тучами небѣ страны, полной глубокой религіозной вѣры, было достаточно, я думаю, чтобы вернуть ей спокойствіе.

Подъ конецъ царствованія въ дали степей обнаружился водоворотъ, слѣдствіе великаго революціоннаго прилива. Заволновались терскіе казаки, завидуя выдающемуся положенію донскихъ казаковъ близъ государя или просто изыскивая предлогъ къ разбойничьему набѣгу. Составивъ шайку вокругъ атамана Ѳомы Бодырина, они объявили, что въ 1592 г. царица Ирина родила сына Петра, котораго Годуновъ осмѣлился подмѣнить царевной Ѳеодосіей, жившей всего нѣсколько мѣсяцевъ. Незаконному сыну муромскаго мѣщанина Ильѣ, или Илейкѣ [2]), дали роль мнимаго царевича.

---

[1]) Акты ист., II, 76, 77; Акты Археограф. Эксп., II, 40; Поповъ, Изборникъ слав. и русск. соч., № 329.

[2]) Происхожденіе это сомнительно, хотя и указано самимъ авантюристомъ. См. Акты Археогр. Эксп., 81; сравн. Поповъ, Изборникъ, 195; Никонова Лѣт., VIII, 80; Русск. Ист. Библ., XIII, 97.

Онъ служилъ одно время приказчикомъ лавочки въ Москвѣ, въ силу этого имѣлъ видъ человѣка, знакомаго со столичными порядками. Быстро увеличиваясь, шайка попыталась захватить Астрахань; отброшенная, она двинулась вверхъ по Волгѣ, предаваясь грабежамъ и погромамъ. Димитрія это, повидимому, не безпокоило. Онъ смѣло приглашалъ къ себѣ названнаго царевича. Царскій посланный засталъ новаго самозванца въ Самарѣ и поѣхалъ съ нимъ къ Москвѣ. Можно строить лишь предположенія о пріемѣ, который дядя готовилъ племяннику, такъ какъ Димитрій не дожилъ до пріѣзда гостя.

Въ своихъ сношеніяхъ съ Западомъ преемникъ Бориса Годунова желалъ подобно ему и даже въ большей степени держаться политики открытыхъ дверей. По крайней мѣрѣ онъ старался стучаться во всѣ двери. Но, выражая желаніе ѣздить повсюду и приглашая всѣхъ къ себѣ, представлялъ ли онъ себѣ неизбѣжныя условія подобной политики? Это нѣсколько сомнительно. Онъ пустился наудачу и на авось. Пребываніе въ Москвѣ одного испанскаго монаха вдругъ показалось ему даромъ Провидѣнія, могущимъ открыть его странѣ, его дипломатамъ и купцамъ новые горизонты и рынки. Монахъ Николай де-Мелло былъ миссіонеромъ ордена затворниковъ св. Августина. Послѣ 20 лѣтъ проповѣднической дѣятельности въ Индіи, онъ возвращался въ Мадридъ, когда его проѣздъ черезъ Москву возбудилъ вниманіе и недовѣріе полиціи Годунова. Несчастный былъ схваченъ и заключенъ въ Соловецкій монастырь на Бѣломъ морѣ. Димитрій узналъ о событіи, освободилъ его и тотчасъ возмечталъ, что нашелъ посредника для сношеній съ Филиппомъ III. У него не нашлось времени для заготовленія инструкцій странному посреднику; но онъ и не подозрѣвалъ, что приготовилъ монаха для другой миссіи, и его любящее доброе сердце могло порадоваться и на томъ свѣтѣ: послѣ ужасныхъ испытаній и тяжкихъ мученій Николаю де-Мелло довелось быть послѣднимъ спутникомъ и предсмертнымъ утѣшителемъ Марины.

Франція Генриха IV особенно привлекала доблестнаго молодого государя. По свидѣтельству Маржерета, онъ мечталъ въ одинъ прекрасный день высадиться въ Дюнкирхенѣ и явиться въ Парижъ привѣтствовать христіаннѣйшаго короля. Такъ предвѣщалось уже путешествіе Петра Великаго! Беарнецъ, пожалуй, хорошо принялъ бы этого предтечу. Очень

благопріятныя для Димитрія донесенія, доходившія до короля черезъ его агентовъ, служившихъ въ сѣверныхъ странахъ [1]), должно быть, произвели на него впечатлѣніе. Благодаря этому, когда Маржеретъ послѣ катастрофы вернулся во Францію, король предложилъ ему записать его знаменитые разсказы, а также, безъ сомнѣнія, ѣхать обратно въ Россію, гдѣ мы встрѣтимъ его участникомъ въ другихъ трагическихъ событіяхъ. Для плаванія къ французскимъ берегамъ Димитрій собирался воспользоваться англійскимъ кораблемъ; уже одно это обличаетъ всю химеричность его затѣи.

При его воцареніи британскій посолъ Томасъ Смитъ находился въ Архангельскѣ и готовился къ отплытію; его мало удовлетворяли вырванныя у Годунова уступки, хотя торговцамъ другихъ странъ и самимъ москвитянамъ онѣ казались чрезмѣрными. Новый царь тотчасъ вознамѣрился превзойти въ щедрости своего предшественника. Еще въ Тулѣ онъ вызвалъ къ себѣ агента англійской компаніи Джона Мерика и надавалъ ему обѣщаній. Прибывъ въ Кремль, онъ поспѣшилъ объявить Смиту о скоромъ отправленіи посольства въ Лондонъ и дарованіи новой грамоты, которую онъ, дѣйствительно, подписалъ [2]). Мы знаемъ, что англичане платили уже только половинныя пошлины; теперь они совершенно освобождались отъ нихъ; въ дѣйствительности это была монополія—предметъ ихъ всегдашнихъ вожделѣній! Но эта открытая дверь какъ бы закрывала всѣ другія. Самъ Димитрій, очевидно, понималъ дѣло иначе. Въ это же время онъ намѣревался осыпать благодѣяніями и польскихъ и литовскихъ купцовъ: отмѣнить остановки на границѣ, неудобопереходимыя заставы на дорогѣ; отмѣнить убыточныя и досадныя формальности, упразднить таможни! Все это прекрасно; но при этомъ привилегія англичанъ теряла свое значеніе. Въ головѣ Димитрія теорія свободнаго обмѣна смѣшивалась съ протекціонизмомъ; вѣрнѣе, обѣ теоріи были ему одинаково чужды; онъ не заботился ни о примиреніи ихъ принциповъ, ни о согласованіи ихъ на дѣлѣ со своими мыслями и стремленіями.

Съ Польшей, какъ мы знаемъ, у него были болѣе важ-

---

[1]) La Blanque, Correspondence, Bibl. nat. de Paris, fonds franç., издана у Форстена, Акты и письма къ ист. Балт. вопроса, I, 218, и Архивы Ватикана. См. Пирлингъ. Изъ смутнаго времени. Спб. 1902, стр. 182.

[2]) Она хранится въ Queen's Colleg'ѣ въ Оксфордѣ. См. Pierling. La Russie et le St.-Siège, III, 286.

ные счеты. Споръ, едва начатый и рѣзко прерванный развязкой, отчасти зависѣвшей отъ условій, въ которыхъ онъ возникъ, привелъ, повидимому, къ обмѣну грамотъ; послы Сигизмунда сводили въ нихъ свои требованія къ четыремъ основнымъ пунктамъ: вѣчный миръ, уступка Сѣверщины, помощь въ пріобрѣтеніи шведской короны, разрѣшеніе іезуитамъ и прочему католическому духовенству ставить костелы въ Московіи [1]). Король соглашался на уступку изъ своихъ долговыхъ притязаній. Дѣлая видъ, будто колеблется между своими прежними обязательствами и новыми обязанностями, Димитрій предлагалъ иную сдѣлку. Вмѣсто Сѣверщины, которую онъ желалъ сохранить, и войны со Швеціей, на которую не желалъ давать своихъ войскъ, онъ предлагалъ денегъ, какъ будто его казна была неистощимой. Онъ соглашался на миръ, но не желалъ имѣть ни іезуитовъ, ни латинскихъ костеловъ. Мы имѣемъ основаніе думать, что самъ авторъ врядъ-ли считалъ серьезными эти встрѣчныя предложенія. Они, повидимому, были представлены въ половинѣ мая; а 15-го мая царь призывалъ патера Савицкаго и говорилъ ему нѣчто иное: онъ особенно желалъ бы видѣть учрежденіе коллегіи отцовъ въ своей столицѣ; ему нужны школы повсюду, и однихъ только іезуитовъ считаетъ онъ способными руководить созданіемъ такихъ учрежденій! Пріятно удивленный, патеръ Савицкій изливался въ благодарностяхъ; рѣзко мѣняя предметъ разговора, государь заговорилъ о своихъ военныхъ приготовленіяхъ. У него сто тысячъ вооруженныхъ людей, но онъ еще не знаетъ, противъ кого направить ихъ. Тотчасъ затѣмъ, какъ бы выдавая тайную мысль, онъ осыпалъ жестокими обвиненіями короля Польши [2]).

При сопоставленіи съ другими указаніями, выводъ, какой можно сдѣлать изъ этого загадочнаго разговора, оказывается довольно опредѣленнымъ. Мы знаемъ, что ходилъ слухъ о ста тысячахъ флориновъ, предназначенныхъ тогда Димитріемъ для польскихъ мятежниковъ; про наборъ мѣстами лошадей, которыя, по мнѣнію занятыхъ этимъ дѣломъ людей,

---

[1]) Бодянскій, Чтенія въ Общ. Ист. и Др. 1846, № 41; Raczyński, Poselstwo od Zygmunta III-go do cara Dymitra, стр. 76 и слѣд.

[2]) Wielewicki, Dyariusz, Rer. Pol. script. X, 145—147; Pierling, Rome et Démétrius, 142.

должны служить для похода въ Польшу [1]). Все это вмѣстѣ взятое даетъ намъ нѣкоторое общее впечатлѣніе, слѣдуетъ думать, вѣрное, относительно настроеній Димитрія въ этотъ моментъ его краткаго и драматическаго поприща. Такъ естественно могъ подсказаться ему подобный планъ. Онъ такъ хорошо подходилъ къ политическимъ преданіямъ страны, темпераменту молодого монарха, его прошлому и требованіямъ его положенія. Если бы только удалось его исполнить, онъ бы обезпечилъ Димитрію широкую популярность, сохранивъ для него всѣ выгоды отъ полезныхъ связей, заключенныхъ въ Польшѣ, и освободилъ бы его отъ тѣхъ изъ нихъ, которыя въ Москвѣ становились очень вредными для бывшаго протеже Сигизмунда и іезуитовъ.

Вѣроятно, онъ именно такъ желалъ и думалъ; но его мысль, воля, умъ съ трудомъ высвобождались изъ вихря стремленій и интересовъ, гдѣ прошлое и настоящее спорили изъ-за его призрачнаго счастья; изъ того смятенія, въ которое было всецѣло погружено его внутреннее существо. Скупая судьба предоставила ему такъ мало времени, чтобы сосредоточиться! Прибавимъ, что среди извѣстій, которыя мы имѣемъ объ его жизни и дѣлахъ, самыя полныя и точныя относятся ко времени его женитьбы, тѣхъ дней, когда его физіономія особенно отличалась отъ повседневной. Онъ появляется тогда въ полномъ расцвѣтѣ своей брызжущей избыткомъ силъ личности, въ состояніи физическаго и духовнаго кипѣнія, которое не могло быть обычнымъ. Онъ, несомнѣнно, отравленъ, опьяненъ радостью и гордостью. Онъ въ припадкѣ маніи величія. Онъ выставляетъ себя великимъ полководцемъ и мудрымъ политикомъ. Онъ Цезарь, и завтра будетъ Александромъ. Какъ та чертовщина изъ золоченой бронзы, которую онъ поставилъ передъ новыми дворцами, самохвальство вытекало изъ того же разлива показного великолѣпія, пышности, приподнятости. Время и раздумье привели бы, конечно, собесѣдника патера Савицкаго къ болѣе ясному сознанію дѣйствительности. Но времени, увы, ему не хватило! Черезъ два дня послѣ приведенной бесѣды Димитрія не стало.

---

[1]) „Русск. Арх.", мартъ 1886, 123—124; Акты для ист. Зап. Руси, IV, 251; сравн. Иконниковъ, Димитрій Сам. и Сигизм. III въ Чтеніяхъ Общ. Нестора Лѣт., 1890, IV.

III. Смерть выходца съ того свѣта.

Катастрофа давно подготовлялась въ темныхъ низахъ московской жизни, куда мало проникалъ черезчуръ разсѣянный и довѣрчивый взоръ молодого повелителя. Письмо Ла-Бланка отъ 8-го апрѣля 1606 г. сообщаетъ намъ, что въ Польшѣ въ это время ходили слухи о новомъ переворотѣ въ Москвѣ и даже о смерти Димитрія. Супругъ Марины сохранилъ расположеніе простонародья и средняго класса. Въ этихъ слояхъ не возбуждали мысли о мятежѣ ни нарушенія обычаевъ, какія онъ себѣ позволялъ, ни даже подозрѣнія въ потворствѣ католичеству, въ которомъ его обвиняли противники. Терпѣніе, равнодушіе къ неизбѣжному злу составляли основныя черты темперамента, выработанныя вѣками тиранніи, и того умственнаго склада, для котораго хорошій или дурной, даже ненавистный, но законный царь сталъ уже необходимостью. Но были другіе мятежники. Вызывая изъ ссылки Романовыхъ, возводя въ высшее званіе дьяка Щелкалова, Димитрій открыто старался возстановить значеніе той кучки выскочекъ, на которую съ половины XVI-го вѣка съ такой завистью смотрѣли князья-бояре. Съ другой стороны, съ Головиными, избавленными отъ опалы, которой наказалъ ихъ Годуновъ, съ Ѳ. И. Мстиславскимъ, обласканнымъ, ожененнымъ и водвореннымъ во дворцѣ въ Кремлѣ, входила въ милость привилегированная аристократія эпохи опричнины. Въ то же время высылались огуломъ опальные родные и друзья Годунова, уступая мѣста не родовитымъ боярамъ, а такимъ людямъ, какъ Басмановъ, Микулинъ, вчера бывшій стрѣлецкимъ сотникомъ, сегодня членъ Думы. Димитрій старался смягчить впечатлѣніе такой политики. Беречь козу и капусту лежало въ его характерѣ. Онъ помиловалъ Василія Шуйскаго; онъ пытался привлечь и даже привязать къ себѣ родственными связями тѣхъ изъ знатныхъ, „которые оставались нейтральными", по выраженію Массы. Не обезоруживая недовольныхъ, эти попытки, съ опасностью для него самого, обличали его слабость. Духовенство, на первое время побѣжденное его почтительнымъ вниманіемъ, по видимости подчинившееся до единогласнаго почти признанія брака съ „язычницей", не преминуло исподволь пристать къ партіи недовольныхъ, особенно подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ тяжелыхъ раздраженій: тайныхъ подозрительныхъ сношеній

государя съ іезуитами, мелочныхъ хищеній, необдуманно творившихся въ ущербъ казны и поземельныхъ имуществъ церкви.

Вождь недовольныхъ указывался положеніемъ. Мученикъ за правое дѣло, Василій Шуйскій естественно становился его поборникомъ. Мы уже знаемъ связи этой семьи съ купечествомъ столицы. Въ ея обширныхъ владѣніяхъ по берегамъ Клязьмы поселенія отличались напряженной торговой дѣятельностью и разнообразіемъ промысловъ; они вели постоянныя сношенія съ рынками Москвы. Благодаря очень развитому шубному производству въ этихъ мѣстахъ, Василій Ивановичъ носилъ въ народѣ прозваніе шубника. Нѣсколько Шуйскихъ служили воеводами въ Псковѣ и Новгородѣ, и ихъ потомки располагали множествомъ сторонниковъ среди мелкаго дворянства этихъ областей. Кромѣ того семья, повидимому, обладала въ самой столицѣ своего рода милиціей, вполнѣ преданной и даже привязанной къ ней, изъ уроженцевъ ея вотчинъ, поселенныхъ близъ Кремля. Къ тому же Димитрій намѣревался сосредоточить войска вокругъ Ельца; отдѣльные отряды ихъ при передвиженіи временно задержались у воротъ столицы и легко поддались соблазну развращающей среды.

Заговоръ сплотилъ только этотъ ограниченный кругъ участвующихъ, несмотря на попытки привлечь къ нему низы. Вокругъ Димитрія и Марины напрасно создавали цѣлыя легенды объ ихъ нечестіи и соблазнительномъ поведеніи. Съ такимъ же малымъ успѣхомъ распространялись болѣе правдивые, но весьма преувеличенные разсказы о предосудительномъ поведеніи соотечественниковъ прекрасной польки. Опричники Ивана IV подвергали терпѣливыхъ мужиковъ гораздо болѣе тяжелымъ испытаніямъ. А Димитрій гордился своими строгими расправами съ чрезмѣрной распущенностью. Развѣ не наказали кнутомъ Липскаго, дворянина изъ свиты Марины [1])? Чтобы предотвратить повтореніе такихъ тяжелыхъ случаевъ, государь добился того, что тесть отослалъ въ Польшу часть черезчуръ многолюднаго привезеннаго имъ оттуда персонала, и самъ распустилъ бóльшую часть своихъ польскихъ товарищей по оружію.

---

[1]) Соловьевъ, Ист. Рос. VIII, 122; Платоновъ, Древ. сказанія и пов. о смутн. врем., 311; Pierling, La Russie et le St.-Siège, III, 314; срав. Niemcewicz, Dzieje panowania Zygm. III-go, II, 266—277; Русск. Ист. Библ., XIII, 495, 742, 743.

На 18 мая (ст. ст.) Димитрій готовилъ большіе маневры, военную прогулку и различныя упражненія. Опять стали распространять слухи, что эти военныя игры должны служить предлогомъ для избіенія бояръ, разрушенія православныхъ церквей и водворенія латинства. Серьезные духовные и свѣтскіе писатели впослѣдствіи повторяли эти нелѣпыя выдумки [1]), но народъ изъ-за нихъ не взволновался. Его здравый смыслъ, несомнѣнно, отказывался понимать, чтобы протестанты-секретари царя внушали ему мысль католической Варѳоломеевской ночи, а умерщвленіе бояръ не претило бывшимъ поклонникамъ Грознаго.

Стрѣльцы тоже сохранили привязанность къ государю. Вначалѣ и среди нихъ появилось-было броженіе; но по знаку своего начальника, того самаго Микулина, который былъ потомъ вознагражденъ за это мѣстомъ въ Думѣ, милиціонеры бросились на зачинщиковъ и растерзали ихъ „своими руками“. Вся упорная работа возбужденія массъ дала лишь рѣдкія единичныя вспышки. Послѣ епископа астраханскаго, когда именно и при какихъ обстоятельствахъ, въ точности неизвѣстно, дворянинъ Петръ Тургеневъ, предокъ великаго писателя, дьякъ Тимоѳей Осиповъ и мѣщанинъ Федоръ Калачникъ, говорятъ, дерзко поносили царя, объявивъ его обманщикомъ. Сбивчивость, туманность подробностей придаетъ этимъ подвигамъ легендарный характеръ. Но даже и легенда не сообщаетъ, чтобы казнь Осипова вызвала вмѣшательство московской черни въ его пользу.

Эта пассивность большинства подданныхъ способствовала, конечно, Димитрію утвердиться въ увѣренности за себя, которую онъ видимо сохранилъ до послѣдняго часа. Пока онъ занимался своимъ военнымъ праздникомъ, Марина готовила къ тому же дню большой маскарадъ. Беззаботные корифеи веселаго карнавала, могли ли они въ это время думать объ организаціи убійствъ? А между тѣмъ у нихъ не было недостатка въ зловѣщихъ предостереженіяхъ. Народная масса проявляла нечувствительность къ подстрекательствамъ; но опасность надвигалась съ другой стороны. Димитрія объ этомъ предупреждали Басмановъ и поляки; послѣдніе сами держались насторожѣ; Гонсѣвскій и Олес-

---

[1]) Макарій. Ист. русск. церкви, X, 120. Щербатовъ. Ист. Росс., VII, 2 ч., 80.

ницкій обратили свой домъ въ крѣпость; Мнишки вооружали всю прислугу. Димитрій смѣялся надъ ихъ страхами и предосторожностями. Впослѣдствіи польскіе послы высказывали предположеніе, что онъ скрывалъ отъ иностранцевъ тайныя затрудненія и опасности, съ которыми ему приходилось бороться. Врядъ ли! Его спокойствіе было, повидимому, искренне. Весь вечеръ 16 мая (ст. ст.) вмѣстѣ съ Мариной и Нѣмоевскимъ онъ разсматривалъ драгоцѣнности принцессы Анны. Онъ внимательно, подолгу останавливался на рубинахъ, изумрудахъ и топазахъ, жемчужныхъ ожерельяхъ и алмазныхъ нитяхъ, тономъ опытнаго знатока обсуждалъ красоту и цѣнность вещей, для сравненія приказывалъ приносить образцы изъ собственной сокровищницы [1]). А въ это время заговорщики уже приступили къ исполненію переворота.

Въ эту самую ночь цѣлый корпусъ войскъ, говорятъ, 18 тысячъ человѣкъ, привлеченный на сторону заговорщиковъ, вошелъ въ городъ, занялъ всѣ его двѣнадцать воротъ и прекратилъ доступъ въ Кремль и выходъ изъ него. Внутри дворца обыкновенно стоялъ караулъ изъ ста человѣкъ тѣлохранителей. Приказъ бояръ заставилъ бо́льшую часть этихъ наемниковъ удалиться; всего человѣкъ 30 изъ нихъ остались у внутреннихъ покоевъ государя. Около четырехъ часовъ утра ударили въ набатъ на колокольнѣ церкви прор. Иліи, что на Ильинкѣ. По мѣстному обычаю, тотчасъ зазвонили на всѣхъ колокольняхъ столицы. Какъ всегда въ такихъ случаяхъ, Красная площадь передъ Кремлемъ стала быстро наполняться народомъ. Преступники, заботами Шуйскаго выпущенные изъ тюремъ, стали распространять слухи среди толпы едва проснувшихся людей, что поляки избиваютъ бояръ и хотятъ убить государя. Явившись на площадь во главѣ двухсотъ вооруженныхъ бояръ и дворянъ, Василій Ивановичъ подтвердилъ это извѣстіе; а такой пріемъ ясно показываетъ, что ему не удалось привлечь народъ къ движенію противъ Димитрія. При исполненіи переворота проявились лишь всѣ составные элементы, подготовившіе его; весь онъ вылился въ ту форму, которая послужила классическимъ образцомъ для дворцовыхъ революцій слѣдующаго вѣка.

Съ крестомъ въ лѣвой рукѣ и обнаженной саблей въ

---

[1]) Niemojewski. Dyariusz, 69, 280.

правой вождь заговорщиковъ проникъ въ Кремль черезъ Фроловскія ворота. Передъ Успенскимъ соборомъ онъ сошелъ съ коня, помолился передъ иконой Владимірской Божіей Матери и объявилъ окружающимъ: „Во имя Господне идите противъ злого еретика!“ — Они ринулись во дворецъ. Пробудившись въ объятіяхъ Марины, Димитрій кликнулъ Басманова:

— Что тамъ случилось?

Выбѣгая, царскій любимецъ встрѣтилъ кое-кого изъ нападающихъ и повторилъ имъ вопросъ. Чтобы выиграть время, они пытались обмануть его.

— Мы не знаемъ. Должно быть—пожаръ.

На минуту ободрившись, Димитрій скоро замѣтилъ, что гулъ все растетъ. Онъ снова послалъ Басманова на развѣдки. Но теперь собралось уже много заговорщиковъ; посланнаго встрѣтили бранью и криками:

— Выдай намъ обманщика!

Басмановъ бросился назадъ, приказалъ тѣлохранителямъ никого не пропускать и побѣжалъ предупредить Димитрія.

— Спасайтесь! я васъ предупреждалъ! Вся Москва противъ васъ!

Димитрій искалъ своей сабли. По словамъ лѣтописи, онъ не нашелъ ея. Чиновный хранитель оружія, мечникъ унесъ ее съ собою. Супругъ Марины, не обдумавши хорошенько, поручилъ эту должность польскаго происхожденія одному изъ своихъ враговъ, тому самому Скопину-Шуйскому, котораго выбралъ для сопровожденія въ Москву бывшей царицы Мареы. Схвативъ бердышъ одного изъ тѣлохранителей, Димитрій приготовился къ борьбѣ съ нападающими.

— „Я вамъ не Годуновъ!“ — Въ этихъ словахъ, записанныхъ однимъ лѣтописцемъ, сказалась вся его увѣренность въ своемъ достоинствѣ, гордость своимъ происхожденіемъ. Раздались выстрѣлы. Димитрій отступаетъ. Онъ взглядываетъ въ окно. Тамъ его народъ, вчера еще такой преданный ему; и сыну Грознаго не вѣрится, чтобы онъ уже отступился отъ него! Нѣтъ, противъ него не вся Москва. Димитрій узналъ своихъ враговъ: это—бояре, дворянство! Скрыться отъ нихъ, кликнуть кличъ къ мужикамъ, и онъ будетъ спасенъ. Надо бѣжать. Вернувшись къ Маринѣ, онъ кричитъ: „Измѣна, сердце мое!“ и идетъ искать потайного выхода. Исчезъ любовникъ, стушевался и герой;

остался только царь, сознающій первую настоятельную обязанность—обезопасить личность государя. Все зависитъ отъ нея одной, и, конечно, на нее одну направляются всѣ удары. Этотъ человѣкъ отваженъ; онъ съ избыткомъ много разъ доказалъ это; онъ любитъ женщину, которую сейчасъ оставилъ; въ этомъ нельзя сомнѣваться; однако, онъ покидаетъ ее и бѣжитъ: онъ царь! Неужели тотъ, кто выбираетъ такой исходъ, не сынъ Грознаго? Но его преслѣдуютъ. Пытаясь завести переговоры съ боярами, Басмановъ вдругъ видитъ передъ собой Татищева, человѣка, которому помогъ вернуться изъ ссылки. Неблагодарный бросаетъ ему въ лицо грязнѣйшую брань московскаго словаря и убиваетъ его ударомъ длиннаго кинжала. Теперь Димитрія преслѣдуютъ по пятамъ. Не находя лѣстницы, несчастный прыгаетъ въ окно; проворный ударъ сабли задѣлъ его по ногѣ. Упавъ съ высоты цѣлаго этажа, онъ лежитъ безъ чувствъ, тяжело расшибленный.

Но нанесшій ему рану не узналъ его. На минуту заговорщики потеряли его слѣдъ; ему открывается возможность спасенія. Караулъ стрѣльцовъ стоитъ поблизости. Услышавъ стоны, люди эти подходятъ; они не колеблясь признаютъ царя. Его поднимаютъ, опрыскиваютъ водой, ищутъ ему пріюта. Въ нѣсколькихъ шагахъ дворъ хоромъ Годунова, снесенныхъ по царскому приказу; тамъ еще цѣло нижнее строеніе. Оно послужило убѣжищемъ Димитрію въ послѣднія минуты жизни. Придя въ сознаніе, онъ видитъ вокругъ себя солдатъ, преданность которыхъ ему извѣстна; къ царю тотчасъ возвращается его отвага, обычная самоувѣренность, даже гордость. Онъ желаетъ вернуться домой. На рукахъ стрѣльцовъ онъ въ послѣдній разъ видитъ свое жилище, увы, неузнаваемымъ, разграбленнымъ, запятнаннымъ грязью и кровью. Всѣ его тѣлохранители обезоружены. Но ему кажется, что справятся и одни стрѣльцы, которыхъ онъ ободряетъ щедрыми обѣщаніями. Когда заговорщики приближаются, послушный и стойкій отрядъ беретъ ружья на прицѣлъ; Димитрій получилъ отсрочку, имѣетъ время оглядѣться и вызвать вмѣшательство народа въ свою пользу. Онъ спасенъ! О, нѣтъ! Бояре кричатъ его защитникамъ:

— Мы пойдемъ въ вашу слободу и перебьемъ вашихъ женъ и дѣтей!

Дивная выдумка! Эти миліціонеры, отъ которыхъ въ

тотъ моментъ зависѣла судьба и жизнь повелителя всея Руси, вчера еще всемогущаго самодержца, были, какъ извѣстно, московскими горожанами, въ большинствѣ женатыми, отцами семействъ, и угроза ихъ домашнему очагу не могла не произвести ожидаемаго впечатлѣнія. Она рѣшаетъ развязку драмы. Минутой ранѣе готовые положить жизнь на защиту царя, эти люди теперь колеблются; они начинаютъ переговоры, желаютъ, чтобы допросили Марѳу.

— Если она скажетъ, что это—ея сынъ, мы всѣ умремъ за него; если нѣтъ,—мы предоставимъ его на волю Божію!

Это былъ смертный приговоръ Димитрію.

Если солдаты или подданные начинаютъ разсуждать въ такихъ условіяхъ и на такую тему, очевидно, они потеряли всякую охоту сражаться. Бояре и не подумали объ удовлетвореніи противниковъ, на дѣлѣ уже уклонившихся отъ боя, и я не могу не видѣть въ этомъ новаго, весьма убѣдительнаго довода въ пользу положенія, которое склоненъ признать. Искренность Марѳы въ эту минуту представила бы цѣнныя ручательства. Но заговорщики не удовлетворились отклоненіемъ очной ставки, которую, видимо, находили опасной. Вѣдь сопротивленіе стрѣльцовъ было теперь обезоружено; есть указаніе, что они даже разсѣялись послѣ перваго предостереженія, и всѣ свидѣтельства согласуются въ томъ, что немного раньше, немного позже руководители переворота все равно завладѣли бы Димитріемъ. Если они были увѣрены въ тождествѣ его личности съ Гришкой Отрепьевымъ или просто въ его самозванствѣ и обладали, какъ сами хвалились, всѣми средствами, чтобы его установить, развѣ не послужило бы къ ихъ очевидной выгодѣ сохранить обманщика живымъ ради слѣдствія, которое устранило бы всякую возможность оспаривать фактъ первостепенной важности и дало необходимое оправданіе ихъ заговору? Но они предпочли немедленно убить человѣка, личность котораго и послѣ смерти осталась таинственной и угрожающей; они сочли лучшимъ низвергнуть стремглавъ во мракъ эту страшную загадку. Боярскій сынъ Григорій Валуевъ всадилъ цѣлый зарядъ мушкета въ „злого еретика“; прочіе покончили съ нимъ сабельными ударами. Искалѣченное, обезображенное, подвергшееся гнусному поруганію тѣло палачи поволокли на сосѣднюю площадь посредствомъ отвратительнымъ способомъ привязанной веревки. Передъ Вознесен-

скимъ монастыремъ они остановились и теперь только спросили Мареу:

— Признаешь ли его за своего сына?

— Вы должны были спросить меня раньше,—послѣдовалъ, будто бы, уклончивый отвѣтъ.—Теперь, каковъ онъ есть, онъ, конечно, не мой!

На Лобномъ мѣстѣ тѣло помѣстили на подмостки, рядомъ съ Басмановымъ, положивъ ноги бывшаго царя на грудь его любимца. Надъ убитымъ все время издѣвались. Одинъ заговорщикъ вставилъ ему въ ротъ дудку; другой закрылъ ему лицо уродливой маской, найденной во дворцѣ среди принадлежностей праздника, который готовила Марина. Не входило ли и это издѣвательство въ число предосторожностей? Не было ли болѣе подходящимъ, наоборотъ, оставить открытымъ знакомое лицо Гришки Отрепьева? Самый видъ тѣла, кажется, страшилъ бояръ. Черезъ три дня трупъ вывезли за городъ и бросили въ общую могилу въ убогомъ домѣ. Но тотчасъ распространился слухъ, что „мертвецъ вернулся". Онъ выходилъ изъ земли и пугалъ прохожихъ. Приказали зарыть его поглубже, а онъ опять вышелъ. Его увидали въ другомъ мѣстѣ. Вокругъ его подвижной могилы роились страшныя привидѣнія. Тогда рѣшили его сжечь. Пепломъ зарядили пушку и выстрѣлили на западъ, въ сторону Польши, откуда появился этотъ выходецъ съ того свѣта.

Эти отвратительныя посмертныя преслѣдованія можно объяснить суевѣріемъ и наклонностью къ звѣрскому мщенію. На Лобномъ мѣстѣ, говорятъ, даже женщины занимались непристойнымъ поруганіемъ несчастнаго трупа. Если предположить, что убійцы знали, что убили законнаго государя, и старались скрыть слѣды преступленія, то Шуйскій и его сторонники именно такъ и поступили бы. Слѣдуетъ прибавить, что личность, которую считали играющей при „Лжедимитріи" роль Гришки Отрепьева, послѣ катастрофы безслѣдно исчезла изъ Ярославля, и никто не узналъ, что съ нею сталось [1]). Воля бояръ была, можетъ быть, непричастна смерти Димитрія? Можетъ, они не смогли управлять движеніемъ, которое сами возбудили? Въ исторіи революцій такова обычная доля вождей. Но въ этомъ случаѣ участь Марины среди превратностей кровавой драмы, сдѣлавшей ее вдовой, какъ будто отстраняетъ эту гипотезу.

---

[1]) „Русск. Арх.", авг. 1886, стр. 572.

Покинутая своимъ супругомъ, Марина, по словамъ нѣкоторыхъ свидѣтелей, сначала искала спасенія въ погребѣ. Очутившись тамъ одна, она испугалась. Она вернулась наверхъ, пробралась незамѣченной сквозь толпу враговъ, которые сильно толкали ее, и успѣшно достигла своихъ покоевъ прежде, чѣмъ заговорщики успѣли проникнуть въ нихъ. Когда они явились, дворянинъ ея свиты Осмольскій на время пріостановилъ ихъ. Онъ погибъ, весь исполосованный ударами, и въ покои, входъ которыхъ онъ защищалъ, нахлынула толпа. Но ни одинъ изъ ворвавшихся не зналъ въ лицо царицы. При своемъ небольшомъ ростѣ, она оказалась незамѣтной среди стаи своихъ перепуганныхъ женщинъ. Одинъ лѣтописецъ думаетъ, что она нашла убѣжище подъ юбками своей толстой гофмейстерины. Всѣ эти женщины показали такую же героическую твердость, какъ и Осмольскій. Допрашиваемыя подъ угрозами, онѣ все время твердили, что не знаютъ, гдѣ ихъ госпожа. Насиліе совершилось, — за угрозами послѣдовали оскорбленія и побои. Полунагія польки возбуждали и злобу и похоть нападавшихъ. Скоро эти опьянѣвшіе звѣри забыли всякую мѣру, nudabant equina pudenda sua [1]), говоритъ Петрей Ерлезундъ. Старая Хмелевская такъ пострадала, что не пережила испытанія; если вѣрить Буссову, всѣ молоденькія дѣвушки изъ ея подругъ были изнасилованы, ut, inter actum anni tempus, ex virginibus matres fierent [2]). Разыгрывалась гнуснѣйшая оргія; послали сказать боярамъ; нѣкоторые изъ нихъ явились и безъ труда заставили прекратить ее. Значитъ, имъ повиновались!

Ихъ заботами Марина и весь женскій персоналъ тотчасъ же были спасены отъ опасности! За сандомірскимъ воеводой наблюдали въ его домѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и охраняли его, и онъ въ тотъ же день могъ видѣться съ дочерью. Въ городѣ убили нѣсколькихъ поляковъ. Ихъ, вѣдь, обвиняли въ покушеніи на жизнь бояръ и даже самого царя! По страннымъ, безсознательно - противорѣчивымъ порывамъ, свойственнымъ самой природѣ народныхъ движеній, обманутая, мятущаяся,

---

[1]) Языкъ подлинника непереводимъ.

[2]) Устряловъ, Сказанія иностр., изд. 3-е, ч. I-я, стр. 61—62; вольн. перев.: „Послѣ того бояре раздѣлили между собою всѣхъ дѣвицъ, благородныхъ полекъ, и отослали ихъ въ свои домы, гдѣ онѣ черезъ годъ стали матерями". Это свидѣтельство въ цѣломъ не поддерживается другими современниками.

обезумѣвшая толпа била естественныхъ защитниковъ того, кого хотѣла сама защитить или за кого мстила. Вопреки предостереженіямъ начальниковъ, нѣсколько дворянъ или лакеевъ удалились отъ своихъ квартиръ и засидѣлись по кабакамъ или на любовныхъ свиданіяхъ. Подвергаясь нападеніямъ въ одиночку, они дорого отдавали свою жизнь; легенда же преувеличила число этихъ жертвъ и убитыхъ изъ числа нападавшихъ въ неравной борьбѣ. Діаментовскій считаетъ 300 убитыхъ поляковъ; Масса — втрое больше, а Буссовъ доводитъ ихъ число до 2.135. Но всѣмъ указаніямъ этой цифры не достигало и общее число оставшихся въ Москвѣ соотечественниковъ Марины. Разсказъ, приведенный Карамзинымъ [1]), упоминаетъ среди жертвъ семь воеводъ. Налицо былъ одинъ воевода — Мнишекъ [2]), а онъ не получилъ и царапины. Другой лѣтописецъ говоритъ о 93 кардиналахъ, будто бы убитыхъ въ эти дни!

Это послѣднее свѣдѣніе касается, вѣроятно, бѣдственной судьбы, къ счастью единственной въ своемъ родѣ, аббата Помаскаго. Застигнутый въ то время, когда онъ кончалъ утреннюю обѣдню, и тяжело раненый, бѣдный ксендзъ Самбора скончался черезъ два дня.

Жившіе въ Китай-городѣ, внѣ Кремлевскихъ стѣнъ, Константинъ Вишневецкій и Сигизмундъ Тарло оказались въ болѣе опасномъ положеніи, нежели отецъ Марины. Они принуждены были выдержать тамъ настоящіе приступы. Въ своемъ въ концѣ концовъ захваченномъ и разграбленномъ домѣ г-жа Тарло защищала больного мужа, прикрывая его своимъ тѣломъ, и получила ударъ саблей. Раздѣвши ее донага вмѣстѣ со всѣми домашними, ее въ такомъ видѣ повели въ Кремль. Палаты польскаго посольства, куда скрылись іезуиты и бернардинцы, по приказу бояръ были окружены отрядомъ войскъ и спасены отъ нападеній; а черезъ нѣсколько часовъ мятежъ утихъ.

Мнишекъ отдѣлался тѣмъ, что вернулъ деньги и драгоцѣнности, все, что недавно получилъ отъ зятя; сама Марина, возвращенная въ первыхъ числахъ іюня къ отцу, сохранила отъ своихъ богатствъ только траурное платье, которое но-

---

[1]) Ист. Госуд. Росс., XI, прим. 562.

[2]) Русск. Ист. Библ., XIII, 752; сравни Акты для ист. Западн. Россіи, IV, 284.

сила.—„Я бы только желала, чтобы мнѣ возвратили моего маленькаго арапа“,—будто бы заявила она тогда. Вскорѣ оказалось, что она питала иныя, болѣе честолюбивыя мысли; впрочемъ, онѣ были неразрывно связаны съ легкомысліемъ, которое такъ курьезно выдаетъ приведенное выше желаніе. Говорятъ, Мнишекъ одно время носился съ мыслью избѣжать послѣдствій катастрофы посредствомъ брака своей дочери съ новымъ побѣдителемъ. Но Василій Шуйскій разсчитывалъ иначе вознаградить себя за побѣду [1]).

---

[1]) Для подробностей драмы см. Niemojewski, Pamiętnik, 69 и сл.; Wielewicki, Rer. Pol. script., X, 444; Борша, Русск. Ист. Библ., I, 423 и слѣд.; Bussow, Rer. Russ. script., I, 83; Сѣраковскій у Niemcewicz, Dzieje panowania Z. III, II, 285; Будзило, Русск. Ист. Библ. I, 90; Масса I, 162; Паерле, Сказанія соврем.—въ изд. Устрялова; Russel, La légende de la vie et de la mort de D., Amsterd. 1606, p. 20 et suiv.; de Thou въ Hist. Univ., La Haye, 1740, 158; Катыревъ-Ростовскій, Русск. Ист. Библ., XIII, 581; Иное сказаніе, тамъ же, XIII, 59; Wassenberg, Hist. gest. Vlad. IV, 1646, 44; Карамзинъ, Ист. Гос. Росс. XI, прим. 546, 562; Арцыбышевъ, Пов. о Россіи, III, 136; Żełanski, Warhaftiges Bericht...,1607.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Соціальный кризисъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Народное возстаніе.

I. Боярскій царь.

Шуйскій побѣдителемъ вступилъ въ Кремль—низенькій, толстый человѣчекъ, лысый, невзрачный, съ рѣдкой бородкой, съ близорукими, мигающими, вороватыми глазками, лѣтъ пятидесяти отъ роду, но совсѣмъ старикъ по виду, безъ пріятной обходительности, съ репутаціей скареда, вполнѣ оправдавшейся [1]. Какой порядокъ въ государствѣ установитъ онъ со своими единомышленниками? Въ то время никакого правительства не существовало. Помазанная и коронованная, обладая въ теоріи болѣе высокимъ званіемъ, чѣмъ Ирина, Марина потонула въ переворотѣ. Она лишилась всякаго значенія; и самъ патріархъ Игнатій, возведенный въ этотъ санъ самозванцемъ, раздѣлилъ ея паденіе. А вѣдь въ этомъ самодержавномъ государствѣ правительство заключалось прежде всего въ царѣ. Кто будетъ царемъ? Внѣ той двуличной роли, которую онъ сыгралъ, возбуждая народъ на защиту Димитрія и участвуя въ его убійствѣ, Василій Ивановичъ Шуйскій выдѣлялся только историческимъ обаяніемъ своего происхожденія. Но для народа оно имѣло мало значенія. Генеалогія его рода

---

[1] Катыревъ-Ростовскій, Русск. Ист. Библ., XIII, 622. Надгробная надпись въ Архангельскомъ соборѣ гласитъ: „Умеръ 12 сент. 1612 г. 60-ти лѣтъ". Однако Зерцало Росс. Гос. Мальгина считаетъ годомъ рожденія В. И. Шуйскаго 1547 г.

уже погружалась во мракъ забвенія и впослѣдствіи не вышла изъ него. Его родоначальникомъ былъ не братъ Александра Невскаго (1252—1263), какъ это обыкновенно думали, а старшій сынъ національнаго героя, Андрей Суздальскій, одинъ изъ потомковъ котораго оспаривалъ великое княжество Московское у потомковъ младшаго сына, Даніила. Въ XIII в. Москва была только посадомъ. Въ XVII в. самая память о величіи Суздальскаго соперника исчезала, но хорошо помнили ненавистныхъ олигарховъ недавняго прошлаго, близкихъ родственниковъ Василія Ивановича—Андрея Михайловича, казненнаго во время смутъ, окружавшихъ дѣтство Грознаго [1]), и его двоюродныхъ братьевъ.

Среди руководителей переворота, прекратившаго царствованіе Димитрія, выдѣлялся болѣе высокими личными качествами потомокъ менѣе знаменитаго рода, Василій Васильевичъ Голицынъ. Мы знаемъ, съ другой стороны, какого рода предложенія сдѣлали Сигизмунду Шуйскій и его сторонники-бояре. Легко понять ихъ затруднительное положеніе. Два дня прошли въ страстныхъ спорахъ, изъ которыхъ не намѣчалось соглашенія; 19 (29) мая бояре и высшіе духовные и свѣтскіе чины вышли на Красную площадь и предложили только созвать соборъ, чтобы избрать патріарха, который временно будетъ руководить дѣлами. Шуйскій, однако, умѣло использовалъ эти дни, и въ присутствіи смущеннаго, не то безучастнаго, не то враждебнаго народа предпріимчивые и бойкіе московскіе купцы высказались за шубника; изъ толпы раздались голоса: — „Царь нужнѣе патріарха! Да здравствуетъ Василій Ивановичъ!“ — Врасплохъ захваченнымъ боярамъ навязывалось немедленное рѣшеніе; князь Воротынскій высказался противъ Голицына, и шубника провозгласили царемъ [2]).

Опираясь на варіантъ въ текстѣ подлиннаго разсказа Катырева-Ростовскаго [3]), нѣкоторые историки склонны думать, что такое рѣшеніе принялъ соборъ [4]). Можемъ оставить ихъ

---

[1]) „Русск. Стар.“, іюль 1896, стр. 120; сравн. Соловьевъ, Архивъ ист.-юрид. свѣдѣній Калачева, I кн., 3 отд. Суздальскіе князья, стр. 20.

[2]) Катыревъ-Ростовскій, Русск. Ист. Библ., XIII, 582; Собр. Гос. грам., II, № 142, 144, 146; Акты Археограф. Эксп., II, 44.

[3]) Рукопись, приписываемая Филарету, см. Кондратьевъ, Журн. М. Нар. Просв. 1878, 40—43.

[4]) Латкинъ, Земскіе соборы, 100 и сл. Ср. Чичеринъ, О народномъ представительствѣ, 542.

въ пріятной иллюзіи, вѣдь въ московской жизни не было явленія болѣе пестраго и неопредѣленнаго, какъ составъ и организація этихъ собраній. Числа дней и смыслъ документовъ, относящихся къ тогдашнему собранію, указываютъ на отсутствіе представителей областей. Гораздо интереснѣе ограниченіе верховной власти,—фактъ спорный и основательно оспариваемый,— которое было при этомъ случаѣ проведено при самодержавномъ строѣ страны. Нѣкоторыя лѣтописи говорятъ о принятомъ новымъ государемъ обязательствѣ править при участіи собора. Къ несчастью, оффиціальные документы неясны и отчасти противорѣчивы. Въ первыхъ грамотахъ Шуйскаго нѣтъ и помина о такомъ обязательствѣ. Напротивъ, Василій Ивановичъ объявляетъ о своемъ намѣреніи царствовать по примѣру предковъ, на чемъ онъ и цѣловалъ крестъ. Мы имѣемъ текстъ присяги, тотъ самый документъ, который называютъ ограничительнымъ. Читая его, трудно согласиться съ такимъ опредѣленіемъ. Государь далъ клятвенное обѣщаніе, что никого не будетъ наказывать безъ боярскаго суда; не будетъ распространять на семьи приговоренныхъ къ смертной казни связаннаго съ нею лишенія имущества и проч.; не будетъ слушать доносчиковъ, ни налагать опалы безъ достаточныхъ основаній; во всемъ этомъ нѣтъ ничего противнаго, по крайней мѣрѣ, принципу самодержавія, какъ оно установилось въ Москвѣ. Обычный призывъ къ содѣйствію Думы, соотвѣтствующее обстоятельствамъ обращеніе къ содѣйствію собора входили въ принципъ самодержавія, какъ и отреченіе отъ злоупотребленій властью, независимой отъ конституціонныхъ ограниченій, но не отъ нравственнаго закона [1]). Вообще, въ этихъ обѣщаніяхъ ярко выражается критическое отношеніе къ злоупотребленіямъ властью, установленнымъ Грознымъ, и ясно намѣчается возвращеніе къ старому правительственному порядку.

Но все-таки присяга царя является своего рода новизной; и неправдоподобно, чтобы лѣтописи просто выдумали все это обязательство, торжественно принятое царемъ въ пользу собора, какъ и протесты бояръ противъ этого акта государя.

Правда, существуетъ сомнѣніе относительно толкованія текстовъ; слова—„править общимъ совѣтомъ“,—приведенные

---

[1]) См. Waliszewski, K. Ivan le Terrible, 51.

лѣтописью, были различно понимаемы и допускаютъ различныя толкованія, какъ относящіяся или къ земскому собору, или къ думѣ, или даже, въ болѣе узкомъ смыслѣ, къ привилегированному кругу высшихъ совѣтниковъ.

Существовало такое предположеніе: чтобы достичь власти, Шуйскій заключилъ договоръ съ боярами; потомъ, желая отдѣлаться отъ данныхъ имъ въ ихъ пользу обѣщаній, онъ надумалъ распространить дѣйствіе послѣднихъ на народное собраніе, что на дѣлѣ его ни къ чему не обязывало въ виду неясности характера и дѣятельности этого зачаточнаго органа. Но бояре запротестовали, и царь въ своихъ оффиціальныхъ документахъ вернулся если не къ смыслу, то къ буквѣ первоначальнаго договора [1].

Болѣе остроумное, чѣмъ прочно обоснованное, это объясненіе все-таки содержитъ долю истины. Отправленіе верховной власти сообща царемъ и боярами было издавна въ обычаѣ. Но отъ основателя новой династіи, отъ своего ставленника бояре могли потребовать поруки въ пользу всего сословія или только маленькой группы Шуйскихъ, В. Голицына, И. Куракина, которые возвели „шубника“ на престолъ. Съ другой стороны, стремленія къ ограниченію самодержавія проявлялись, какъ я указывалъ, и среди воскресавшихъ претендентовъ; они зарождались въ грозовомъ воздухѣ страны и развивались подъ вліяніемъ Польши.

Итакъ, весьма возможно, что на порогѣ XVII вѣка въ исторіи старой Московіи былъ составленъ конституціонный договоръ. Но обстоятельства не позволили этой первой національной хартіи достигнуть доли той, которую въ 1215 г. король Іоаннъ далъ англійскимъ баронамъ. Она была иного происхожденія. Въ Англіи бароны пожинали плоды нѣсколькихъ вѣковъ напряженной борьбы при поддержкѣ цѣлой націи ради завоеванія и сохраненія привилегій, возвращенныхъ или вновь пріобрѣтенныхъ. Въ Москвѣ масса населенія и въ то время еще относилась безучастно къ задачѣ, въ которой она ничего не понимала или въ которой не находила

[1]) Ключевскій, Боярск. Дума, 471—2; Иловайскій, Смутн. время въ Моск. Государствѣ, 78 и 288; Владимірскій-Будановъ, Хрестоматія, 102; его-же, Обзоръ ист. русск. права, 157—8; Маркевичъ, Журналъ Мин. Нар. Пр., окт. 1891, 393; сравн. Платоновъ, Очерки, 300—301; Рождественскій, „Историческое Обозрѣніе“ 1892, 30 и сл.; Никонова Лѣт., VIII, 76; Степенная книга Лопухина, IV, 597, I, 469; Собраніе Гос. грам., II, 140, 141, 142.

для себя никакой выгоды. Возстановленіе порядковъ, предшествовавшихъ „опричнинѣ“, не могло соблазнять „мужиковъ“, которые привѣтствовали кровавыя расправы Грознаго; государь, подобно ему, обходившійся безъ бояръ или избивавшій ихъ, болѣе подходилъ къ нуждамъ убогой бѣдноты. Политическій идеалъ невѣжественныхъ кроткихъ плебеевъ сливался съ принципомъ самодержавія вполнѣ личнаго и самовластнаго; если же уклонялся отъ него, то склонялся къ мечтамъ о чистой анархіи, въ родѣ тѣхъ, въ которыхъ 300 лѣтъ спустя находили загадочное наслажденіе гораздо болѣе свѣтлые умы, силою темнаго атавизма погружавшіеся въ эту бездну умственной нищеты и нравственной безсознательности. Въ этой жалкой средѣ бѣдняковъ, перенесшихъ много тяжелыхъ испытаній, но неспособныхъ уловить естественную связь между причиной и слѣдствіемъ, стремленіе къ лучшему будущему, или революціонные инстинкты, охотнѣй всего обращались къ задачамъ соціальнаго или экономическаго порядка; а въ этой области рѣзкій, непримиримый антагонизмъ отдѣлялъ массу отъ аристократіи съ ея встрѣчными притязаніями на возвратъ къ старинѣ.

Такъ, обособленные отъ прочаго населенія, бояре не могли сохранить того, чего добивались, и Василій Ивановичъ на дѣлѣ могъ царствовать почти такъ же неограниченно, какъ его непосредственные предшественники.

Думали найти указаніе на явленіе противоположнаго характера въ слѣдующемъ происшествіи: 7 марта 1607 г., дѣйствуя собственною властью, новый царь издалъ указъ, воспрещавшій закрѣпощеніе безъ кабалы по давности, допускаемое съ 1597 г. Черезъ два года, 12 сентября 1609 г., въ отсутствіе государя, постановленіе думы возстановило старый законъ. Я пытался объяснить въ другомъ мѣстѣ дѣятельность обѣихъ властей, между которыми желали видѣть столкновеніе по этому поводу, кончившееся торжествомъ „коллективнаго“ начала, и показалъ, что ни въ теоріи, ни въ практикѣ самодержавнаго правительства, ни при какихъ обстоятельствахъ нельзя представлять себѣ эти власти противоположными другъ другу. Онѣ являются всегда неразрывно связанными, слитыми; никакое раздѣленіе компетенціи или работъ, власти или вѣдомства не примѣшивается къ ихъ совмѣстному дѣйствію. Дѣйствуютъ ли онѣ вмѣстѣ или врозь, онѣ всегда почитаются дѣйствующими сообща, и въ

томъ, и въ другомъ случаѣ; это не государь и не дума, а „государь со своимъ совѣтомъ“, по освященной обычаемъ формулѣ, рѣшаетъ, приказываетъ и приводитъ въ исполненіе принятыя мѣры [1]).

То, что на этотъ разъ произошло, оказывается, повидимому, побѣдой бояръ и ихъ интересовъ на почвѣ не конституціоннаго права, а политическаго спора, который, повернувшись-было противъ нихъ, скоро позволилъ имъ взять верхъ въ свою очередь. А въ промежуткѣ если кто и пострадалъ, то не принципъ самодержавія, скоро вполнѣ возстановленный, а личность его представителя; плавая по бурному морю по волѣ вѣтра и теченій и нанося случайные удары по сторонамъ, боярскій ставленникъ рѣшился съ 21 мая 1609 г., дѣйствуя помимо совѣта, на частичную отмѣну мѣры, которою надѣялся два года тому назадъ пріобрѣсти расположеніе мужиковъ.

Характеръ Василія Ивановича оправдываетъ эту догадку. Онъ является поразительной противоположностью Димитрію. Въ нравственной физіономіи предполагаемаго сына Грознаго еще рѣзче проявлялись черты новаго времени, уже весьма замѣтныя у его отца. Его преемникъ, напротивъ,—чистый типъ москвитянина стараго закала: отсутствіе инціативы, но большая сила косности, явно выраженный мизонеизмъ (ненависть къ новшествамъ), полное отсутствіе культуры ума и слабо развитое нравственное сознаніе. Будучи частнымъ человѣкомъ, „шубникъ“ всегда униженно склонялся передъ волей сильнѣйшаго, но онъ всегда былъ готовъ выпрямиться, какъ только гнетъ ослабѣвалъ. Достигнувъ высшаго званія и, подобно Грозному, заявляя притязаніе на фантастическое родство съ римскими цезарями, онъ остался самимъ собою,— гибкимъ и вмѣстѣ стойкимъ, на все согласнымъ и лукавымъ. Въ несчастьи онъ могъ смѣло смотрѣть въ лицо опасности, но только исчерпавъ сперва всѣ средства избѣжать испытанія и не сумѣвъ во время ни предвидѣть, ни отвратить его. Хитрый и пронырливый, онъ въ то же время ограниченъ и неповоротливъ. Суевѣрный и набожный, онъ не менѣе того жестокъ и развратенъ. Поляки прозовутъ его царствованіе „непрерывными похоронами“, такъ онъ усердно пріумножалъ религіозныя церемоніи, чтобы удовлетворить личному вкусу

---

[1]) См. Waliszewski, K. Ivan le Terrible, 51.

и расположить къ себѣ духовенство; но онъ не побоится подчинить святое дѣло своимъ политическимъ разсчетамъ; онъ давно свыкся съ самой наглой ложью, съ самымъ циничнымъ клятвопреступленіемъ и сдѣлаетъ ихъ главными орудіями своего управленія.

II. Царство лжи.

Послѣ переворота у его виновниковъ прежде всего возникла неотложная забота — оправдать совершившійся фактъ передъ общественнымъ мнѣніемъ, очевидно сложившимся въ пользу обманщика, низверженнаго и умерщвленнаго. Тотчасъ по областямъ были разосланы грамоты [1]); очень подробно излагая причины событія, онѣ приводили показаніе Яна Бучинскаго, силой вырванное у секретаря Димитрія или просто выдуманное, а также согласныя съ нимъ показанія на допросѣ сандомірскаго воеводы и заявленіе польскихъ пословъ. Для обвинительнаго акта эти документы вовсе не имѣли значенія. Между прочими преступленіями, въ которыхъ обвинялся „разстрига", находимъ данное имъ будто бы обязательство выдать тестю десять милліоновъ. Мы знаемъ, что воевода слишкомъ хорошо зналъ счетъ деньгамъ, чтобы разсчитывать на такую нелѣпость. Остальное все было въ томъ же родѣ.

Въ другихъ грамотахъ заставили принять, въ свою очередь, участіе Мареу [2]), будто бы она заявила, что признала обманщика противъ воли, по принужденію, подъ угрозами лишенія жизни вмѣстѣ съ родными. Этому еще могли повѣрить, но она же, будто бы, говорила, что считала своимъ долгомъ „ранѣе 17 мая" открыть правду боярамъ, придворнымъ и „христіанамъ всѣхъ чиновъ", что явно опровергалось фактами. Она лгала или ее нагло заставляли лгать, и въ то же время выдумкой, противной дѣйствительности, извѣстной всѣмъ, ее дѣлали участницей въ управленіи новаго царя, хотя монастырь снова сталъ для нея тѣмъ же, какъ до воцаренія Димитрія, и она вскорѣ была вынуждена посылать жалобы польскому королю, что ее тамъ морятъ голодомъ.

Наконецъ, прибѣгли къ участію такъ называемаго Варлаама, чей разсказъ мы уже знаемъ, и съ его помощью, до-

---

1) Акты Археогр. Эксп., II, 48.

2) Собр. Гос. грам., II, 306, 316.

казывая тожество „Лжедимитрія“ съ Гришкой Отрепьевымъ, думали возстановить оффиціальный авторитетъ этого утвержденія, который временно сильно упалъ. Получила широкое примѣненіе русская поговорка: „бумага все стерпитъ“. Заставляя лгать, Василій Ивановичъ самъ лгалъ пуще всѣхъ. Въ торжественныхъ грамотахъ онъ въ это время объявилъ своему народу, что его провозгласили царемъ представители всѣхъ областей, а вѣнчалъ на царство патріархъ. Но области изъ этихъ грамотъ впервые узнали объ его воцареніи, а преемника Игнатію [1]), новаго патріарха, еще не назначали.

Марѳа не могла протестовать изъ монастырскаго заключенія, даже если бы захотѣла. Болѣе стѣснительными свидѣтелями были Мнишекъ и прочіе поляки. Иныя оффиціальныя сообщенія, немного болѣе правдивыя, сами придавали ихъ рѣчамъ [2]) очень неудобное значеніе. Можно ли было ставить имъ въ вину признаніе Димитрія, если вся Московія съ Василіемъ Шуйскимъ во главѣ подавала тому примѣръ? Послѣ продолжительныхъ колебаній и, можетъ быть, какъ полагали нѣкоторые лѣтописцы, переговоровъ съ отцомъ Марины, чтобы добиться отъ него ручательства въ скромности, новый царь рѣшилъ держать всѣхъ этихъ лицъ взаперти. Это обезпечивало ему необходимую молчаливость и доставляло заложниковъ въ виду сведенія счетовъ съ Польшей, которое предвидѣлось въ близкомъ будущемъ. Послы Сигизмунда были задержаны въ своихъ хоромахъ, обратившихся для нихъ въ тюрьму, а ихъ соотечественники были разосланы по областямъ. Подъ предлогомъ своей болѣзни сандомірскій воевода расточалъ всѣ свои дипломатическія способности, чтобы остаться въ Москвѣ, гдѣ онъ все еще ожидалъ счастливаго для себя поворота судьбы. Его со всей семьей и съ бывшей царицей отправили въ Ярославль. Патеръ Анзеринусъ поѣхалъ съ ними, и подъ охраной сильнаго отряда стрѣльцовъ опять двинулся въ путь новый, гораздо болѣе грустный караванъ изъ 375 паломниковъ обоего пола.

Древній городъ, широко раскинувшійся по обоимъ берегамъ Волги, но въ то время уже лишившійся своего былого

---

[1]) Кондратьевъ. Журн. Мин. Нар. Просв., 1878, сент., стр. 40—43.

[2]) Собраніе Гос. грам., II, 294. Сравн. допросъ Мнишка и заявленія польскихъ посланныхъ у Діаментовскаго, Dyariusz, 62 и слѣд.; Будзило, Русск. Ист. Библ., I, 82 и слѣд.; Stadnicki, Dyariusz, ркпс. въ библ. Баворовскихъ. Сравн. Darowski въ Biblioteka Warszawska, 1894, 433.

величія, со многими разрушенными зданіями, Ярославль съ XV вѣка часто служилъ довольно сноснымъ мѣстомъ ссылки. Въ немъ долгое время жилъ Густавъ Шведскій, бывшій женихъ Ксеніи. Жертвы катастрофы 17-го мая размѣстились съ грѣхомъ пополамъ, вѣрнѣе весьма дурно, въ полуразрушенныхъ домахъ; шляхтичи остались при своемъ оружіи, такъ какъ они объявили рѣшимость скорѣе умереть до послѣдняго, нежели сдать его, а сандомірскій воевода сохранилъ надъ ними своего рода военную власть. Въ Москвѣ его совсѣмъ обобрали, поэтому все содержаніе лично его и его товарищей ложилось на московскую казну; но у завѣдующихъ хозяйственной частью часто не хватало средствъ, и выдача провіанта часто сводилась на раздачу хлѣба и пива. Подъ строгимъ присмотромъ, рѣдко получая извѣстія изъ внѣшняго міра и съ большимъ трудомъ сносясь съ Польшей, Марина съ отцомъ должны были прожить здѣсь цѣлыхъ два года. Сандомірскій воевода демонстративно обходился съ дочерью какъ съ государыней и предписывалъ такой же этикетъ всѣмъ окружающимъ. Низложенная царица получила обратно своего арапченка вмѣстѣ со своими собственными вещами, кромѣ тѣхъ драгоцѣнностей, которыми она была обязана щедрости Димитрія. При ней остались и нѣкоторыя женщины. Какъ бы предназначенная судьбой сопровождать ее во всѣхъ позднѣйшихъ превратностяхъ ея измѣнчивой карьеры, которая только-что начиналась, эксъ-гофмейстерина, г-жа Казановская, безъ сомнѣнія, состояла при ней и въ эту пору [1].

Участь этихъ обломковъ послѣ крушенія вполнѣ зависѣла отъ переговоровъ, которые тогда велись съ Польшей и обязывали Василія Ивановича къ осторожности. Впрочемъ, такъ же бережно обошелся онъ съ оставшимися въ живыхъ русскими сторонниками Димитрія. Даже относительно самыхъ выдающихся изъ нихъ онъ воздержался отъ черезчуръ суровыхъ каръ, довольствуясь простымъ изгнаніемъ князя Масальскаго и Михаила Нагого; для Власьева, Салтыкова и Бѣльскаго онъ ограничился той степенью немилости, которую одинъ изъ нихъ уже испыталъ; она заключалась въ назначеніи на службу въ отдаленныя области людей, недостойныхъ, по оффиціальной терминологіи, „видѣть очи государевы". Однако, новаго царя, и вполнѣ основательно,

[1]) Пирлингъ. Марина Мнишекъ послѣ майскаго погрома, „Русск. Стар." 1893, 240 и слѣд.

обвиняли въ грубой ошибкѣ: онъ раздражалъ бояръ, которые почувствовали себя униженными вмѣстѣ съ Салтыковымъ и Бѣльскимъ какъ разъ въ области привилегій, признанныхъ теперь неприкосновенными въ ихъ сословіи; онъ послалъ въ Ивангородъ, Уфу, Казань представителей только-что отмѣненнаго порядка, несмотря на опасность, что они станутъ дѣйствовать тамъ вовсе не въ интересахъ лица, вводившаго иной порядокъ.

Среди аристократической группы враждебное настроеніе, повидимому, обнаружилось почти тотчасъ же. Возведя въ патріархи Филарета Романова, Василій Ивановичъ долженъ былъ черезъ нѣсколько дней низложить его, даже не выждавъ вѣнчанія на царство, которое, вопреки обычаю, послѣдовало очень скоро, не позже двухъ недѣль (19 мая—1 іюня ст. ст.), вслѣдъ за избраніемъ „шубника", очевидно очень торопившагося смѣнить свою шубу на царскую порфиру. Это внезапное рѣшеніе объясняется заговоромъ, въ которомъ оказались замѣшанными родные жертвы: П. Н. Шереметевъ и Ф. И. Мстиславскій, какъ и бывшій царь Симеонъ Бекбулатовичъ, уже носитель рясы подъ именемъ Стефана; теперь онъ былъ заточенъ въ отдаленный Соловецкій монастырь. Заговорщики намѣревались передать власть князю Мстиславскому. Филаретъ вернулся на свою ростовскую митрополію, а его мѣсто досталось тому самому Гермогену, архіепископу казанскому, который упорно требовалъ второго крещенія Марины. Существованіе заговора не установлено; но нельзя сомнѣваться, что съ первыхъ же дней царствованія царь оказался въ довольно дурныхъ отношеніяхъ съ большинствомъ бояръ, что онъ почувствовалъ необходимость и испыталъ желаніе поискать болѣе прочной точки опоры внѣ этой среды.

Мысль была вѣрная, но при выполненіи натолкнулась на непреоборимыя препятствія. Простонародье упрямилось; оно сожалѣло о потерѣ Димитрія и не вѣрило, что онъ умеръ. Явно лживыя въ подробностяхъ завѣренія грамотъ Василія Ивановича давали поводъ сомнѣваться въ вѣрности основного факта. Уже распространялся слухъ, что сынъ Маріи Нагой скрылся отъ убійцъ. Самыя заботы, съ которыми прятали его тѣло, способствовали возникновенію и распространенію легенды. Теперь разсказывали, что на изуродованномъ трупѣ были очень замѣтны слѣды густой бороды, которая не могла появиться на безволосомъ лицѣ молодого царя. Волосы че-

ловѣка въ маскѣ, лежавшаго на подмосткахъ среди Красной площади, были гораздо длиннѣе тѣхъ, которые наканунѣ виднѣлись изъ-подъ шапки государя. Полякъ Хвалибогъ, лакей Димитрія, увѣрялъ, что онъ не узналъ своего господина на Лобномъ мѣстѣ; выставленное здѣсь на позорище тѣло принадлежало низенькому, толстому человѣку съ начисто выбритой головой и волосатой грудью; царь же былъ худощавъ; онъ носилъ локоны около ушей по модѣ студентовъ, и на его груди не было волосъ. Другимъ казалось, что у тѣла были грязныя ноги съ длинными запущенными ногтями, тогда какъ Димитрій очень заботливо относился къ своей внѣшности. Масса, правда, утверждалъ, что, часто посѣщая баню, любовникъ Ксеніи занимался тамъ иными, особаго рода дѣлами; но легендѣ до этого не было дѣла.

Въ виду всего этого Василій Ивановичъ, цѣною новаго клятвопреступленія, покусился на необычайную уловку, которая еще болѣе исказила исторію этихъ драматическихъ событій.

III. Канонизація Димитрія.

Такъ какъ „Лжедимитрій“ упорно возвращался въ этотъ міръ, то слѣдовало противопоставить ему истиннаго Димитрія, а чтобы придать больше вѣсу этому сопоставленію, вызывая мертвеца, погибшаго въ Угличѣ, Шуйскій придумалъ сдѣлать изъ него святого. Увлеченный, зачарованный этимъ причтеніемъ къ лику святыхъ въ силу религіознаго чувства и авторитета церкви, народъ, очевидно, не найдетъ возможнымъ одновременно поклоняться мощамъ царевича и считать его живымъ! При канонизаціи русская церковь, подобно первоначальной греческой, не руководствовалась очень точными правилами. Причтеніе къ лику святыхъ зависѣло отъ различныхъ властей. Долгое время различали почитаніе мѣстное, ограниченное предѣлами епархіи, которое зависѣло отъ мѣстныхъ епископовъ, отъ всеобщаго признанія, предписываемаго всему обществу вѣрующихъ, которое требовало соизволенія центральной власти, митрополита, патріарха или св. Синода. Однако, всегда и всюду процедура отличалась большой простотой. Строго говоря, она не заключала въ себѣ особаго обряда причисленія къ лику святыхъ. Она не требовала изслѣдованій относительно жизни и смерти кандидата. Право на допущеніе въ сонмъ небесныхъ силъ опредѣлялось чудесами,

совершенными его посредничествомъ; разъ они подтверждались компетентными властями, торжественное служеніе въ честь новаго святого и служило канонизаціей. По очень распространенному убѣжденію, тѣло праведниковъ должно было оставаться нетлѣннымъ; но уставы не считали необходимымъ это условіе. Присутствіе костей съ частицею тѣла признавали достаточнымъ [1]).

Все это очень облегчало исполненіе замысла Василія Ивановича. Началось съ великолѣпнаго представленія, когда два дяди истиннаго Димитрія, присяжные свидѣтели случайной смерти племянника, ростовскій митрополитъ, получившій санъ отъ „Лжедимитрія", самъ Шуйскій, предсѣдатель слѣдственной комиссіи въ Угличѣ и отвѣтственный составитель документа, удостовѣрявшаго, что святой погибъ въ припадкѣ эпилепсіи, соперничали въ наглости другъ передъ другомъ, настаивая на его мученичествѣ. Филаретъ сталъ во главѣ депутаціи, которая въ первые дни іюня отправилась въ Угличъ и приступила къ открытію гроба. Всѣ присутствующіе единогласно заявили, что при вскрытіи могилы необычайное благовоніе распространилось по всей церкви, какъ это и подобало. Въ Москвѣ Василій Ивановичъ несъ на плечахъ драгоцѣнныя мощи, принадлежавшія, по его собственному свидѣтельству, чернонемочному ребенку. Когда ихъ торжественно поставили подъ сводами Архангельскаго собора; когда Маѳа снова согласилась признать ихъ, прося прощенія у государя и подданныхъ, что такъ запоздала обличеніемъ самозванца; когда люди сдѣлали все, чтобы ввести въ заблужденіе довѣрчивый народъ, — Провидѣніе попустило самое необходимое, чтобы плѣнить его религіозное чувство: въ самый день церемоніи было должнымъ образомъ установлено тринадцать чудесныхъ исцѣленій [2]).

Въ 1812 г. во время занятія Москвы французами драгоцѣнные останки были вынуты изъ дорогой раки; впослѣдствіи въ новомъ ковчегѣ ихъ установили на прежнее мѣсто, и они пребываютъ тамъ понынѣ; ихъ попрежнему почитаютъ; они совершаютъ чудеса; и еще недавно, во время надѣлавшей шуму полемики, одинъ мѣстный историкъ не постѣ-

---

[1]) Голубинскій, Ист. канонизаціи, стр. 21—29.

[2]) Акты Археогр. Эксп., II, 111; Мухановъ, Сборникъ, 268; Рус. Ист. Библ. XIII, 83, 584, 892, 912; Поповъ, Изборникъ, 419.

[3]) Павловъ (Бицынъ), Рус. Арх. 1886, VIII, 601.

снился заявить, что такъ будетъ всегда, пока имя русскихъ будетъ признаваться въ свѣтѣ; даже его противникъ не допускалъ мысли, чтобы канонизація произошла изъ политическихъ соображеній, ибо propter rationes politicas canonisare homines profanos—ставится въ вину только одной латинской церкви [1]).

Со своей стороны я не имѣю права вмѣшаться въ этотъ споръ; могу только замѣтить, какъ уже дѣлалъ, что онъ долженъ быть изъятъ изъ исторической науки. Я даже не осмѣлюсь спуститься въ неисповѣдимыя глубины народной совѣсти, чтобы вообразить себѣ съ религіозной точки зрѣнія истинное впечатлѣніе, которое могъ произвести на нее этотъ пріемъ. Что касается исторической точки зрѣнія, мнѣ позволительно, и это даже мой долгъ, подтвердить, что онъ не оказалъ никакого вліянія на политическое положеніе. Привлекаемыя колокольнымъ звономъ, который раздавался при каждомъ новомъ чудѣ, все болѣе и болѣе многочисленныя толпы прибѣгали къ подножію раки, взволнованныя, растроганныя, можетъ быть, облегченныя, въ самомъ дѣлѣ чудесно исцѣляемыя; несомнѣнно, въ то же время среди тѣхъ же богомольцевъ ходилъ слухъ, что вырытое въ Угличѣ тѣло не принадлежало Димитрію. Одинъ стрѣлецъ за крупную сумму денегъ, какъ разсказывали, согласился будто бы отдать своего сына, котораго зарѣзали и погребли въ могилѣ, приписываемой царевичу, въ ожиданіи, что ее откроютъ. Называли даже имена отца и ребенка! Не одно простонародье Москвы угрюмо смотрѣло на новаго повелителя, навязаннаго ему боярами; донесенія изъ областей, доставляемыя Василію Ивановичу, указывали на болѣе тревожные признаки—внезапный возвратъ общаго безпокойнаго настроенія, которое затихло-было въ царствованіе самозванца. По громадной имперіи зарябили теченія, предвѣщавшія близкую бурю. Народныя волны колебались и пѣнились подъ силой непреоборимыхъ дуновеній, среди которыхъ не одна только легенда о Димитріи, все оживающемъ, проявляла свое соблазнительное вліяніе.

IV. Возобновленіе бури.

Существуютъ различныя объясненія возникновенія этой легенды и способовъ ея распространенія. На самомъ дѣлѣ востаніе въ наиболѣе отдаленныхъ областяхъ предшество-

[1]) Костомаровъ. Ист. монографіи, XIII, 348.

вало ея темному зарожденію. При первомъ извѣстіи о катастрофѣ 17-го мая Сѣверщина и вся область „дикаго поля“ отъ Путивля до Кромъ оказались въ открытомъ возстаніи. Немного спустя этому примѣру послѣдовали города „за Окой“, въ Украйнѣ, въ Рязанской области. Движеніе очень быстро распространилось къ востоку, вдоль рѣкъ Цны, Мокши, Суры и Свіяги; перебралось черезъ Волгу къ Нижнему, черезъ Каму къ Перми, достигло отдаленной Астрахани. Въ то же время разразились волненія подъ Тверью, Псковомъ, Новгородомъ, даже въ самой Москвѣ. И дѣло было опять-таки вовсе не въ признаніи Димитрія, котораго считали умершимъ. Возставали противъ Василія Ивановича; отказывали въ повиновеніи „боярскому царю“,—здѣсь, въ Сѣверщинѣ, потому, что предполагали, что новый государь непремѣнно будетъ мстить тѣмъ, которые первыми перешли на сторону претендента; въ другихъ мѣстахъ потому, что выборы 19-го мая казались незаконными и направленными къ установленію ненавистныхъ олигархическихъ порядковъ; и всюду въ особенности потому, что пора казалась подходящей для возстанія. Всюду также подавленные и почти отстраненные во время перваго возстанія династическими счетами соціальные интересы, классовыя антипатія и ненависть, требованія экономическаго порядка теперь одерживали верхъ и крѣпли съ грозной энергіей.

Обширное пространство на юго-востокѣ и юго-западѣ, извѣстное подъ названіемъ Украйны, заселявшееся переселенцами, постоянно искавшими мѣстъ, не имѣло для нихъ свободной земли. Бояре непрестанно расширяли здѣсь свои непомѣрные земельные захваты, забирая себѣ все, чѣмъ можно было распорядиться. Здѣсь мятежъ поднимался противъ этихъ самыхъ порядковъ, связывая ихъ, однако, со всѣмъ соціальнымъ строемъ страны, который со вступленіемъ на престолъ Шуйскаго, казалось, укрѣплялся и дѣлался тягостнѣе. Бояре избрали подходящаго для себя царя; чернь желала разрушить ихъ дѣло и замѣнить избранника—кѣмъ?—На первое время она сама не знала. Казалось сквозь различныя стремленія и теченія, что движеніе въ своемъ начальномъ порывѣ должно привести къ уничтоженію всякаго правительства. Боевой кличъ первыхъ мятежниковъ 1606 г. уже приближался къ анархической формулѣ современныхъ революціонеровъ: земля и воля!—полная свобода своевольничать, очевидно.

Таковъ былъ, по преимуществу, характеръ революціоннаго очага, вскорѣ сложившагося въ Путивлѣ, гдѣ онъ нашелъ готовую организацію. Про воеводу области, князя Григорія Петровича Шаховского, говорили, будто бы онъ покинулъ Кремль въ моментъ смерти Димитрія, унося печать царя. На дѣлѣ онъ находился уже тамъ на своемъ посту сосланный, подобно тому, какъ Бѣльскій былъ сосланъ въ Казань. Онъ отомстилъ за опалу, ставъ во главѣ движенія. Сейчасъ же стало собираться войско подъ начальствомъ вождя, выдѣлявшагося только своимъ происхожденіемъ: то былъ бывшій крѣпостной или холопъ кн. Телятевскаго, Иванъ Исаевичъ Болотниковъ. Двусмысленная физіономія и исподтишка дѣятельная ловкая рука его бывшаго хозяина замѣчаются во всѣхъ темныхъ интригахъ того времени; будучи въ то время воеводою въ Черниговѣ, Телятевскій, несомнѣнно, самъ содѣйствовалъ возстанію. Что касается Болотникова, объ его личности уже сложилась легенда: былъ въ плѣну у татаръ, работалъ весломъ на галерахъ Турціи, какъ охотно вѣрили; затѣмъ жилъ въ Венеціи, откуда черезъ Польшу двинулся на родину. Такъ или иначе, но Болотниковъ былъ только крестьяниномъ. Но онъ сталъ главнокомандующимъ и готовился стать новымъ Варвикомъ.

Маленькая крѣпость Кромъ снова сыграла важную роль. Подъ ея стѣнами Болотниковъ сосредоточилъ первое ядро войскъ, встрѣтилъ армію Шуйскаго подъ начальствомъ кн. И. Н. Трубецкого, разбилъ ее и тѣмъ открылъ себѣ кратчайшую дорогу къ среднему теченію Оки и даже къ самой Москвѣ. Возобновлялся походъ Димитрія съ нѣкоторыми стратегическими измѣненіями и гораздо большей разницей въ составѣ мятежной арміи и въ характерѣ дѣйствій. Болотниковъ открыто призывалъ низшіе слои населенія къ борьбѣ противъ властвующихъ классовъ. Развращая боярскихъ слугъ, возбуждая крестьянъ, завлекая казаковъ, стрѣльцовъ и мелкихъ мѣщанъ, онъ бросалъ въ тюрьмы воеводъ, грабилъ дома большихъ баръ, похищалъ и насиловалъ ихъ женъ. Онъ объявилъ войну не одному Шуйскому.

Двинувшись отъ Кромъ къ сѣверу, онъ нашелъ и эту страну уже въ броженіи, но здѣсь оно имѣло нѣсколько иную физіономію: это былъ край „служилыхъ людей“ по преимуществу, мелкихъ собственниковъ, сидѣвшихъ на жалованныхъ или помѣстныхъ земляхъ, людей различнаго происхо-

жденія и типа; одни, родомъ изъ княжескихъ семей, какъ Засѣкины, Барятинскіе, Мещерскіе, стремившіеся опять подняться вверхъ по тому наклону, съ котораго они соскользнули, поджидали случая, чтобы сблизиться со столичной аристократіей и занять видное положеніе въ ея рядахъ; другіе, скромные помѣщики, очень близкіе къ простонародью, были склонны смѣшаться съ хлѣборобами. Въ этой средѣ паденіе Димитрія и воцареніе его преемника вызвало волненіе, причины и свойства котораго не трудно угадать. Это двойное событіе предвѣщало для однихъ возвратъ къ тираніи аристократовъ; другимъ—укрѣпленіе преградъ, поставленныхъ привилегированной кастой ихъ честолюбивымъ замысламъ; для всѣхъ—крушеніе проснувшихся надеждъ, отчасти осуществленныхъ въ прошлое царствованіе.

Въ Рязанской области Ляпуновы первые почувствовали себя задѣтыми, и Болотниковъ нашелъ здѣсь превосходно подготовленное средоточіе для набора недовольныхъ. Подобно войску перваго претендента, побѣдоносная армія постоянно усиливалась на пути къ Москвѣ, пополняясь уже мобилизированными элементами, и во всѣ стороны расширяла свое вліяніе, все далѣе и далѣе отъ первоначальнаго очага. Черезъ „Заоцкій край" она дѣйствовала на группу маленькихъ военныхъ городковъ — Малоярославецъ, Можайскъ, Волоколамскъ, Зубцовъ, Старицу, гдѣ тяглое населеніе, „служилые люди", слабые экономически и мало-развитые соціально, проявляли въ особенности покорность всякимъ вліяніямъ и лозунгамъ, откуда бы они ни исходили. Еще далѣе къ востоку отъ низовьевъ Оки, на татарскихъ земляхъ позднѣйшаго заселенія она вызывала возстаніе инородцевъ быстрымъ пробужденіемъ стремленій къ независимости и возмездію. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она поощряла вспышки личнаго озлобленія, какъ, напр., въ Астрахани, гдѣ во время бунта гарнизона подъ начальствомъ кн. И. Д. Хворостинина проявилась старая вражда между семьями этого воеводы и Шуйскаго [1]).

Движеніе втянуло въ себя другой очагъ волненія, еще при жизни Димитрія зародившійся въ области Терека. Товарищи Илейки, отступивъ при извѣстіи о смерти молодого царя, бросились къ Донцу, нашли здѣсь возстаніе въ полномъ разгарѣ и покорно пошли подъ его знаменами.

[1]) См. Платоновъ. Очерки, стр. 322 и слѣд.

Было замѣчено, что, разсчитывая установить порядокъ управленія, противный принципамъ опричнины, Шуйскій видѣлъ, что противъ него поднимались именно тѣ области, которыя Грозный оставилъ внѣ власти этой организаціи: очевидное доказательство, что опричнина, какъ начинаютъ думать, служила мощнымъ орудіемъ политической и соціальной дисциплины, хотя, разумѣется, произвольнымъ и грубымъ.

Какъ я указывалъ, возстаніе становилось общимъ на громадномъ внѣшнемъ поясѣ страны, когда легенда о воскресеніи Димитрія дала новую пищу революціоннымъ теченіямъ, измѣняя только ихъ направленіе. Въ странѣ, подчинившейся идеалу личной власти, революція не могла долго оставаться безыменной. Какъ бы ни было слабо и лишено обаянія правительство Шуйскаго, этой тѣни царя, народное чувство неудержимо стремилось противопоставить ему хотя бы призракъ другого носителя власти. Испытывая потребность вѣрить въ живого Димитрія, масса поддавалась вліянію самыхъ нелѣпыхъ басенъ о способахъ, какими онъ избѣжалъ смерти. Кн. Шаховской въ Путивлѣ невозмутимо ручался за новое чудо. Болотниковъ, принимая званіе великаго воеводы, какъ будто слушался чьихъ-то приказаній. Достигнувъ литовской границы, распространяя добрую вѣсть по пути, Михаилъ Молчановъ,—лицо близкое В. В. Голицыну, который, можетъ быть, и самъ не чуждъ этому путешествію,—добрался до Самбора и безъ труда убѣдилъ мать Марины. Скоро начали разсказывать, что Димитрій находится у тещи и готовится во всеоружіи вернуться въ свою имперію. Въ іюлѣ объ этомъ узнали въ Ярославлѣ, а въ ноябрѣ бѣжалъ Янъ Вильчинскій, одинъ изъ товарищей Мнишка по заточенію, и распространилъ эту вѣсть отъ имени самой Марины, сообщая точныя и обстоятельныя подробности. Онъ видѣлъ въ Путивлѣ лошадей, которыми въ ночь 17-го мая Димитрій воспользовался для бѣгства! Къ концу года два брата низверженной царицы прибыли въ Римъ и сообщили еще нѣсколько извѣстій. Сандомірскій воевода тоже увѣрялъ, что получилъ нѣсколько писемъ Димитрія, писанныхъ послѣ майской катастрофы, и узналъ почеркъ своего зятя [1]).

---

[1]) См. Пирлингъ, Марина Мнишекъ послѣ майскаго погрома, стр. 241; его-же статья въ Revue des questions historiques, Paris, oct. 1894, p. 546.

Оставалось создать тѣло привидѣнію. Сначала Шаховской находилъ Молчанова подходящимъ для этой роли. На спинѣ негодяя оставались слѣды наказанія кнутомъ, полученнаго въ царствованіе Бориса за различные проступки; что бы ни говорилъ Григорій Волконскій, посланный въ Варшаву Шуйскимъ, поздравлявшій себя съ тѣмъ, что такой выборъ скоро обличитъ козни, но въ то время эта татуировка не сообщала лицу особаго клейма: самъ царь Василій Ивановичъ носилъ такіе же знаки! Однако, Молчановъ отказался отъ этой роли; онъ не чувствовалъ себя способнымъ къ ней и къ тому же былъ слишкомъ извѣстенъ въ Москвѣ. Вожди движенія продолжали страдать недостаткомъ претендентовъ и особенно оказались въ большомъ затрудненіи, когда, послѣ блестящаго начала, Болотниковъ испыталъ крутую перемѣну счастья. Перейдя Оку, „большой воевода" уже взялъ Коломну; разбитый на берегу Пахры бывшимъ мечникомъ Димитрія, М. В. Скопинымъ-Шуйскимъ, положившимъ начало своей извѣстности способнаго военачальника, онъ блестяще вознаградилъ себя на счетъ главной арміи „шубника" подъ начальствомъ Мстиславскаго и другихъ первостепенныхъ бояръ; онъ нанесъ ей полное пораженіе у села Троицкаго и оказался подъ стѣнами столицы; съ половины октября и до начала декабря 1606 г. онъ осаждалъ Москву. Но въ это время характеръ возстанія обнаружился такъ рѣзко, что вызвалъ отпаденіе среди его сторонниковъ. Представители Рязанской области первые начали раскаиваться; въ этой средѣ возбужденныя Болотниковымъ надежды не шли дальше облегченія налоговъ или полученія придворныхъ мѣстъ отъ правительства болѣе щедраго, чѣмъ обѣщало быть руководимое Василіемъ Ивановичемъ. А „большой воевода" былъ очень далекъ отъ такихъ мирныхъ цѣлей. Онъ отворачивался отъ нихъ, идя впередъ по выбранному пути и ознаменовывая каждый шагъ ужасными жестокостями. Ляпуновы не хотѣли революціи. Одинъ изъ нихъ, Прокопій, увлекая за собой другого вождя, Григорія Сумбулова, перешелъ въ Москву и изъявилъ покорность и за себя и за товарищей по оружію. Его вознаградили мѣстомъ въ думѣ; затѣмъ реакція распространилась такъ же поспѣшно, какъ ранѣе развивалось противоположное теченіе. Въ декабрѣ, при новомъ столкновеніи съ мятежниками, кн. Скопинъ-Шуйскій одержалъ новую побѣду благодаря отложенію отъ нихъ рязанцевъ подъ началь-

ствомъ Истомы Пашкова, и вскорѣ, послѣ приступа къ его укрѣпленному стану подъ Коломенскимъ, Болотниковъ долженъ былъ бѣжать въ Серпуховъ, затѣмъ въ Калугу. Возстаніе отступало.

Но оно не было усмирено. Южныя области поддерживали его; „большой воевода" постоянно заявлялъ о скоромъ возвращеніи Димитрія; у Василія Ивановича не хватало силъ на новыя военныя мѣры, и возстаніе скоро опять стало грознымъ. Лишенный другихъ средствъ, боярскій ста́вленникъ снова ухватился за мѣры нравственнаго воздѣйствія. Онъ придумалъ возстановить память Годуновыхъ. Изъ жалкаго Варсонофьевскаго монастыря тѣла несчастной семьи были съ большой торжественностью перевезены къ Троицѣ; бѣдная Ксенія, слѣдуя за гробами, тронула толпу своимъ горемъ, несомнѣнно искреннимъ, но выражавшимся въ причитаніяхъ немного театрально. По соглашенію съ Гермогеномъ и высшимъ духовенствомъ, въ февралѣ 1607 г. царь возвратилъ изъ Старицы престарѣлаго Іова. Руководя искупительнымъ обрядомъ, бывшій патріархъ долженъ былъ внушить народу омерзѣніе къ преступнымъ дѣяніямъ невѣрныхъ подданныхъ Бориса и сторонниковъ нечестиваго Гришки Отрепьева. Разбитый, дряхлый и слѣпой, онъ покорно подчинился всенародному выступленію и обнародованію грамоты, гдѣ непомѣрное восхваленіе новаго царствованія сопровождалось столь же фантастическимъ перечисленіемъ проступковъ „самозванца" и болѣе правильнымъ изображеніемъ того, что продолжало дѣлаться его именемъ, и обращеніемъ къ новому покровителю Россіи, св. мученику Димитрію [1]).

Удивительнѣе всего въ этомъ документѣ—отсутствіе всякаго намека на соціальный характеръ новаго возстанія. Казалось, Шуйскій и его совѣтники боялись смотрѣть прямо въ глаза дѣйствительности, хотя она и находила откликъ въ ихъ совѣсти; съ марта 1607 г. они принялись за подготовленіе цѣлаго ряда мѣропріятій для улучшенія быта крѣпостныхъ и крестьянъ или, по крайней мѣрѣ, для измѣненія его условій. Я уже говорилъ объ одной изъ этихъ мѣръ, о реформѣ 7-го марта 1607 г., и указалъ на ея судьбу. Я долженъ прибавить, что она, повидимому, не удовлетворяла своей цѣли. При общемъ

---

[1]) Акты Археогр. Эксп., II, № 67; Карамзинъ, Ист. Гос. Росс. XII, 33, прим. 126; Макарій, Ист. русск. церкви, X, 134—135.

упадкѣ сельскаго хозяйства, который оказался ея непосредственнымъ слѣдствіемъ, верхъ одержала сила вещей. Не имѣя возможности закрѣпощать земледѣльцевъ въ силу давности, землевладѣльцы замѣнили порядныя или ссудныя записи на срокъ порядными на всю жизнь, что приводило къ тѣмъ же послѣдствіямъ. Потребовалось изданіе новаго указа, чтобы искоренить эту уловку для обхода закона, но и новый законъ, въ свою очередь, вызвалъ появленіе новыхъ остроумныхъ пріемовъ, какъ обойти его [1]).

Дѣлая видъ, будто онъ заботится о пользѣ рабочаго класса, законодатель видимо преслѣдовалъ совсѣмъ иную цѣль. Упраздняя холопство на срокъ, добровольное или „вольное", какъ иронически обозначалось прямо противоположное состояніе, онъ намѣревался устранить безспорно опасный элементъ неустойчивости, т. е. безпорядка. Та же цѣль сказывается и въ подготовлявшемся тогда же сводѣ законовъ о крѣпостномъ состояніи. Подлинникъ этого законодательнаго памятника погибъ во время большого пожара 1626 г., и мы имѣемъ только неполный и искаженный текстъ [2]), который вызвалъ много недоразумѣній. Но его общій смыслъ, однако, не порождаетъ сомнѣній. Посредствомъ новаго ограниченія или неполной отмѣны права ухода („отказа") правительство Василія Ивановича думало укрѣпить въ этой области управленія тѣ отношенія, которыя установили обычай или законъ.

Но, пока въ Москвѣ законодательствовали, Болотниковъ и Шаховской, соединившись подъ Тулой съ шайкой „царевича" Петра, собрали внушительныя силы и готовились перейти опять въ наступленіе. При всей своей невоинственности Шуйскій оказался вынужденнымъ прибѣгнуть къ силѣ оружія. Послѣ неудачной попытки отравить „большого воеводу", подославъ къ нему Фидлера, одного изъ своихъ нѣмецкихъ врачей, царь сталъ лично во главѣ своихъ войскъ, и скоро столица получила извѣстіе о большой побѣдѣ, одержанной 5 іюня 1607 г. близъ Каширы на берегахъ Восмы, кажется, благодаря новому отпаденію довольно многолюдной толпы мятежниковъ подъ начальствомъ кн. Андрея Телятевскаго, человѣка опытнаго въ измѣнахъ. Вопреки всякимъ ожиданіямъ,

---

[1]) Ключевскій, Происхожденіе крѣп. права, „Русск. Мысль", авг. 1885, 26 и слѣд.; Сергѣевичъ, Юрид. древности, I, 163; II, 466; Владимірскій-Будановъ, Обзоръ ист. русск. права, I, 139.

[2]) Изданъ Татищевымъ вмѣстѣ съ „Судебникомъ".

эта блестящая побѣда имѣла только одинъ результатъ — она ускорила событіе, которое, придавъ окончательную физіономію мятежу, оказалось погребальнымъ звономъ для новаго порядка. Запершись въ Тулѣ, Болотниковъ посылалъ гонца за гонцомъ по разнымъ направленіямъ, требуя, чтобы не медлили съ объявленіемъ „какого нибудь Димитрія", — и его мольбы были услышаны.

V. Воскресеніе Димитрія.

Происхожденіе этого претендента является новой загадкой, которой суждено, повидимому, остаться навсегда неразрѣшенной. Поповичъ изъ Сѣверской области или изъ Москвы,—Матюшка Веревкинъ въ первомъ случаѣ, Алешка Рукинъ—во второмъ; сынъ кн. Курбскаго, великаго политическаго противника Грознаго; дьякъ; учитель изъ маленькаго городка Сокола; чехъ изъ Праги, служившій среди драбантовъ перваго Димитрія; еврей; сынъ „служилаго человѣка" или „сынъ боярскій" изъ Стародуба, — всѣ эти догадки выставлялись, но ни одна изъ нихъ не была достаточно обоснована. Впослѣдствіи признанное довольно многими семитическое происхожденіе неизвѣстнаго получило оффиціальное подтвержденіе въ письмѣ перваго Романова, Михаила Θеодоровича, королю Франціи [1]). Послѣ бѣгства новаго претендента въ Тушинскомъ станѣ нашли будто бы талмудъ, разныя книги и рукописи на еврейскомъ языкѣ. Однако, патеръ Савицкій, который могъ знать [2]) многое, отождествляетъ эту личность съ нѣкіимъ Богданкомъ, секретаремъ перваго Димитрія для переписки на русскомъ языкѣ. Послѣ переворота 17 мая этотъ человѣкъ бѣжалъ въ Литву, гдѣ жилъ одно время въ домѣ могилевскаго протопопа. Битый кнутомъ и изгнанный за покушеніе на честь протопопицы, онъ придумалъ назваться именемъ своего бывшаго господина.

Совпадая въ основныхъ чертахъ съ изложеніемъ русскихъ лѣтописей, разсказъ поляка Мархоцкаго, бывшаго соратника перваго Димитрія [3]), очень правдоподобенъ и имѣетъ

[1]) Naruszewicz, Historya Jana Karola Chodkiewicza, I, кн. IV, прим. 70; сравн. Никонова лѣт., VII, I, 89; Русск. Ист. Библ., XIII, 501; Акты Арх. эксп. II, 210.

[2]) Wielewicki, Dyariusz, Script. Rer. Pol., X, 239.

[3]) Marchocki, Historya wojny Moskiewskiej, 6.

еще более важное значеніе. Уроженецъ Стародуба, изъ сословія „дѣтей боярскихъ", новый претендентъ появился, по разсказу Мархоцкаго, въ маленькомъ городкѣ Пропойскѣ, въ Бѣлоруссіи. Задержанный по обвиненію въ шпіонствѣ, онъ назвался сперва членомъ семьи Нагихъ, спасающимся отъ преслѣдованія Шуйскаго. При этомъ онъ намекалъ, что Димитрій живъ и можетъ оказать ему покровительство. Когда извѣстіе объ этомъ распространилось, его привели въ Стародубъ и, грозя пыткой, строго допрашивали, гдѣ находится царь, онъ вдругъ воскликнулъ:

— „Б... дѣти, не узнаете развѣ своего государя!"

Всѣ свидѣтельства отзываются единодушно о непріятной наружности, еще того болѣе непривлекательномъ характерѣ самозванца, неотесанности его въ обращеніи и грубости нрава; всѣ также утверждаютъ, что ни по тѣлеснымъ, ни по духовнымъ качествамъ новый претендентъ не походилъ на перваго. Польскіе источники въ этомъ отношеніи опредѣленнѣе другихъ. Поэтому невозможно согласиться съ мнѣніемъ историковъ, которые желали видѣть въ этомъ человѣкѣ ставленника Польши. Въ Краковѣ могли бы сдѣлать лучшій выборъ. Впослѣдствіи, когда казалось, что судьба готовитъ торжество темнаго авантюриста, на берегахъ Вислы могла родиться мысль воспользоваться имъ въ интересахъ Польши или католичества; она выразилась въ очень любопытномъ документѣ, который намъ сообщили какъ инструкцію, составленную въ Польшѣ для самозванца [1]). Замыселъ — поставить Московію подъ протекторатъ Польши и этимъ способомъ осуществить соединеніе обоихъ государствъ, осторожно проходя переходныя ступени, развивается здѣсь съ довольно яснымъ чутьемъ матеріальныхъ и моральныхъ условій этой задачи. Но подчиненіе религіознаго элемента свѣтскому и указаніе на возможность переноса императорскаго званія изъ Германіи въ Московію, какъ на одно изъ послѣдствій реформаціи, показываютъ, что документъ вышелъ не изъ рукъ іезуитовъ и не изъ польскаго оффиціальнаго источника. Здѣсь сказывается работа ума независимаго теоретика, плохо освѣдомленнаго насчетъ личности претендента и питавшаго от-

---

[1]) Открытъ Костомаровымъ послѣ кн. Оболенскаго въ Библ. Красинскаго въ Варшавѣ. См. Костомаровъ, Смутн. время, II, 144; Соловьевъ, Ист. Росс., VIII 211—218.

носительно него иллюзіи, какихъ не могли раздѣлять даже тѣ поляки, которые впослѣдствіи принимали его сторону. Ихъ тоже нельзя подозрѣвать въ изобрѣтеніи такого лица. Эта личность создалась самопроизвольнымъ зарожденіемъ среди подходящей среды, гдѣ такія явленія часто возобновлялись, какъ мы выше видѣли.

Среди лицъ, окружавшихъ темнаго авантюриста, поляки должны были все-таки занимать главное мѣсто и оказывать рѣшительное вліяніе не только на его судьбу, но и на все развитіе кризиса, въ который вмѣшались. Появленіе новаго претендента можно приблизительно отнести къ іюню 1607 г. Въ эту пору въ Польшѣ окончилась междоусобная война, и потому освободились цѣлые запасы силъ, оставшихся безъ употребленія, обманутыхъ честолюбій, неудовлетворенныхъ вожделѣній, героическихъ настроеній, рвущихся къ новымъ подвигамъ,—все это нетерпѣливо и жадно стремилось искать счастья внѣ родины. Воздухъ мирной страны, возвращенной къ состоянію относительнаго порядка съ подобіемъ дисциплины, былъ невыносимо тяжелъ для соратниковъ Зебржидовскаго. Они нахлынули на Московію, и второму Димитрію стоило только показаться, чтобы увидать вокругъ себя цвѣтъ того странствующаго рыцарства, изъ котораго Баторій съ трудомъ создалъ армію; оно оказалось неспособнымъ бороться съ регулярной арміей Сигизмунда, но давало драгоцѣнное подкрѣпленіе и блестящую рамку мятежной милиціи. Скоро у бывшаго каторжника оказалась армія и главнокомандующій,—не кто иной, какъ панъ Мѣховецкій, ветеранъ польскихъ конфедерацій; въ его станѣ появились и болѣе знаменитые новобранцы, и осажденный въ Тулѣ „большой воевода“ могъ ожидать скорой помощи.

Но ожиданіе его не оправдалось. У Мѣховецкаго пока оказалась только горсточка войска; а осаждавшіе, по совѣту муромскаго дворянина Ивана Сумина-Кравкова, затопили водою городъ, поставивъ плотины въ руслѣ сосѣдней р. Упы. Болотниковъ и царевичъ Петръ сдались, получивъ обѣщаніе, что имъ дарують жизнь, и испытали обычную судьбу побѣжденныхъ при такого рода договорахъ: въ Москвѣ ничуть не стѣснялись нарушать ихъ. „Большого воеводу“ утопили, а его товарища по несчастью повѣсили. Послѣднему легенда и народная поэзія припасли хоть посмертное вознагражденіе: какъ Марина изъ-за случайнаго совпаденія именъ слилась

съ другой личностью, такъ и „Илейка“ въ былинахъ пережилъ самого „Илью Муромца“. Съ этой поры эпическій герой XII в. [1]) силою народнаго воображенія превращается въ казака.

Въ качествѣ князя и боярина Шаховской выпутался изъ бѣды, отдѣлавшись только отправленіемъ въ ссылку. Но и Шуйскому день побѣды готовилъ разочарованія. Вступая тріумфаторомъ въ Москву, Василій Ивановичъ вообразилъ, что окончательно раздавилъ гидру революціи. Онъ забылъ, что она теперь имѣла голову, до которой не достигали его удары. Пока онъ упорно воздерживался воспользоваться пріобрѣтеннымъ преимуществомъ, голова поднималась все грознѣй и грознѣй, и скоро всѣ подвиги Болотникова стали казаться только незначительнымъ эпизодомъ борьбы, которая, развиваясь, достигла гораздо болѣе громадныхъ размѣровъ.

Предполагали, что ложе нѣги, на которомъ такъ заснулъ побѣдитель, не блистало лаврами. Онъ недавно вступилъ въ въ поздній бракъ, предложенный ему первымъ Димитріемъ; думали, что онъ, 50-лѣтній супругъ юной хорошенькой женщины, забывалъ въ ея объятіяхъ свои заботы и даже сознаніе стоявшихъ передъ нимъ обязанностей и грозившихъ ему опасностей. Болѣе вѣроятно, что онъ просто поддавался всесильной московской лѣни и гордынѣ. Передъ Тулой онъ въ третій разъ и очень высокомѣрно отказался принять услуги, съ которыми приставалъ къ нему Карлъ Шведскій. Московская армія вышла-де въ походъ противъ татаръ; внутри страны не было никакого безпорядка, и въ Стокгольмѣ не слѣдовало повторять неподобающихъ внушеній, которыя слишкомъ часто говорились по этому поводу [2]). Отвѣтъ царя — прекрасный образчикъ излюбленной въ Кремлѣ дипломатіи; но она не поразила воскресшаго Димитрія.

Напротивъ, онъ получилъ досугъ для организаціи своихъ силъ, которыя все росли. Второй претендентъ какъ будто собирался идти по слѣдамъ перваго, побѣдивъ войска царя при первой же встрѣчѣ при Козельскѣ; если же онъ немного спустя поспѣшно покинулъ станъ подъ Карачевымъ и отошелъ къ Орлу, а затѣмъ къ Путивлю, то это отступленіе нахлы-

---

[1]) Иловайскій, „Русск. Арх.“, май 1893, 42.

[2]) Форстенъ. Политика Швеціи въ Смутн. время, Журн. Мин. Нар. Просв., февр. 1889, стр. 330 и слѣд.

нувшихъ мятежниковъ оказалось только кратковременнымъ отливомъ. Не военная неудача была тому причиной, а исключительно недостатокъ умѣнья и выдержки, объяснявшійся составомъ арміи, которая больше владѣла своимъ командиромъ, чѣмъ позволяла ему руководить своими движеніями. Какъ и въ арміи перваго претендента, здѣсь встрѣчались два различныхъ элемента, отчасти враждебныхъ одинъ другому, но въ иныхъ размѣрахъ и съ совсѣмъ другимъ значеніемъ.

VI. Москвитяне и поляки.

Перваго Димитрія въ его походѣ на Москву тоже охраняли поляки; но онъ держалъ въ извѣстныхъ границахъ своихъ непокорныхъ защитниковъ, противупоставляя имъ въ десять разъ болѣе многочисленную массу туземныхъ воиновъ, казаковъ и москвитянъ. Второй Димитрій не имѣлъ такихъ средствъ. Сѣверщина и московская украйна при его появленіи сами лишились людей, способныхъ носить оружіе; Болотниковъ всѣхъ уже забралъ, а разгромъ „большого воеводы“ оставилъ его господину одни деморализованные и искалѣченные обломки ополченія. Среди приближенныхъ новаго претендента поляки имѣли преимущество не только числомъ, какъ въ первое время, но и по праву, которое имъ все время обезпечивали ихъ лучшее военное воспитаніе и доблесть ихъ вождей. Когда въ Путивлѣ къ претенденту присоединились паны — Будзило, авторъ любопытныхъ записокъ объ этомъ походѣ; Валавскій, Тышкевичъ, приведшіе каждый по отряду конницы въ тысячу лошадей; за ними Александръ Лисовскій, уже знаменитый партизанъ и герой предстоявшей Тридцатилѣтней войны; князь Адамъ Вишневецкій; наконецъ и другіе именитые [1]) вельможи,—онъ могъ себя чувствовать скорѣе на пути къ Кракову, нежели въ Москву.

Вновь прибывшіе прекрасно знали, что имѣютъ дѣло съ самозванцемъ. Весело принимая участіе въ комедіи, они отъ самого царя не скрывали, что вовсе не обманываются на его счетъ; однако, они вели за собой въ его станъ всю боевую, доблестную, но неисправимо неспособную къ дисциплинѣ Польшу. Сразу отмѣнено было всякое командованіе.

---

[1]) Hirschberg. Dla czego Polacy popierali drugiego Dymitra fałszywego, Спб. брошюрка, стр. 1-я.

Непрерывные раздоры, неизбѣжные между товарищами по оружію съ приблизительно одинаковыми званіями и притязаніями, мѣшали успѣхамъ наилучшимъ образомъ задуманныхъ военныхъ операцій. Предпринятая, по совѣту Лисовскаго, попытка завладѣть Брянскомъ не удалась и отодвинула претендента къ Орлу, гдѣ ему пришлось прозимовать. Здѣсь счастье улыбнулось ему, введя въ его разстроенную армію рѣшающій авторитетъ высшей власти и сообщивъ ей новый мощный толчокъ. Когда же армія получила благодаря этому настоящаго вождя, какого ей недоставало, оказалось, что надъ будущимъ государемъ великой имперіи выросъ тоже повелитель.

Въ Орлѣ ему представилась депутація, присланная княземъ Романомъ Рожинскимъ, знатнымъ польскимъ вельможей, имя котораго какъ-то разъ промелькнуло въ арміи перваго Димитрія; онъ извѣщалъ теперь второго о своемъ намѣреніи присоединиться къ нему съ внушительными силами. Происходя отъ Гедимина, великаго князя литовскаго, родъ Рожинскихъ прославился нѣсколькими поколѣніями знаменитыхъ воиновъ и принадлежалъ къ высшей знати Польши. Едва приближаясь къ тридцати годамъ, красавецъ, богатырскаго сложенія, отважный и величественный, князь Романъ съ виду представлялъ совершеннѣйшій типъ польскаго королька этой эпохи. Собравъ маленькую армію въ четыре тысячи человѣкъ, онъ предлагалъ ее претенденту, но на нѣкоторыхъ условіяхъ: онъ требовалъ возврата затраченныхъ на нее средствъ и правъ главнокомандующаго. Подъ вліяніемъ Мѣховецкаго новый Димитрій сначала очень нелюбезно принялъ посланныхъ столь требовательнаго вельможи.

— Я имѣю достаточно поляковъ, которые ничего не требуютъ,—сказалъ онъ,—къ тому же я знаю, что вы сомнѣваетесь во мнѣ.

— Теперь мы не сомнѣваемся,—возразили посланные.— Истинный Димитрій умѣлъ лучше обходиться съ военными людьми!

Смѣлый отвѣтъ заставилъ лжецаря призадуматься. Послѣ долгихъ переговоровъ онъ согласился на свиданіе съ княземъ. Въ послѣднюю минуту онъ хотѣлъ-было отъ него уклониться, какъ бы предчувствуя, что̀ его ожидаетъ; но Рожинскій самовольно проникъ въ пріемный залъ и заявилъ, что не выйдетъ, пока тотъ, кто ему нуженъ, не придетъ къ нему.

И „царь“ долженъ былъ послушаться и протолкаться къ трону сквозь свиту князя, не стѣснявшуюся такими пустяками. Удовлетворенный Рожинскій соблаговолилъ поцѣловать грубую лапу именующагося государемъ, но не отступилъ отъ своихъ требованій. Черезъ нѣсколько дней вопросъ о командованіи разрѣшился согласно его желанію. Сами поляки потребовали низложенія Мѣховецкаго. Явившись въ ихъ „коло“, претендентъ тщетно пытался пустить въ ходъ средства, которыя ему удавались среди москвитянъ:

— Молчать! б...... дѣти!

Крики тотчасъ же разразились еще громче; сабли выскочили изъ ноженъ; „царю“ пришлось обратиться вспять, а вернувшись къ себѣ, онъ оказался плѣнникомъ: Рожинскій приказалъ оцѣпить его домъ. Съ отчаянія самозванецъ, говорятъ, хотѣлъ покончить съ собой истинно-московскимъ способомъ—проглотивши огромное количество водки. Но его крѣпкое сложеніе выдержало это испытаніе, и онъ покорился своей участи [1].

Теперь были увѣрены въ побѣдоносномъ походѣ на Москву, потому что Рожинскій оказался на высотѣ принятой на себя задачи. Но въ то же время совершилась глубокая перемѣна въ самомъ движеніи, которое толкало впередъ претендента и даже вызвало его возникновеніе. Армія мятежниковъ противъ Шуйскаго, чисто московская по происхожденію и демократическая по характеру, превращалась въ военное предпріятіе польской аристократіи, которая стремилась замѣнить „боярскаго царя“ питомцемъ нѣсколькихъ чужеземныхъ дворянъ.

Новая окраска революціоннаго кризиса не замедлила, однако, подвергнуться новымъ видоизмѣненіямъ. Московскій океанъ былъ слишкомъ громаденъ, чтобы польская струя, растворившись въ немъ, сохранила надолго свою напряженность. Постоянный приливъ новыхъ силъ скоро подорвалъ военную диктатуру шляхтичей, а Рожинскій встрѣтилъ личнаго соперника въ лицѣ атамана запорожскихъ казаковъ. Уже достигшій извѣстности, этотъ воинъ—Иванъ Заруцкій—былъ тоже польскаго происхожденія. Родившись въ окрестностяхъ Тарнополя (въ нынѣшней Галиціи), онъ еще ребенкомъ былъ захваченъ татарами и послѣ разныхъ приключе-

---

[1]) Marchocki, p. 17.

ній сумѣлъ занять своеобразное положеніе среди казацкихъ начальниковъ. Храбрѣйшій изъ храбрыхъ, надѣленный рѣдкой энергіей и такой красотой, что она впослѣдствіи плѣнила Марину, онъ соединялъ очень развитое пониманіе военнаго дѣла съ величавостью и внушительностью обращенія, которыми ярко выдѣлялся изъ своей среды.

Удивительное смѣшеніе, возникавшее изъ взаимодѣйствія столь разнородныхъ элементовъ, еще на время усложнилось появленіемъ другого царевича въ станѣ мятежниковъ. Его привезли съ собой донскіе казаки, подобравъ неизвѣстно гдѣ и выдавая за племянника Димитрія, Ѳеодора Ѳеодоровича. Царевичи роились теперь повсюду: въ Астрахани нѣкій Иванъ называлъ себя сыномъ Грознаго, и нѣкій Августъ ссылался на происхожденіе отъ какой-то другой царственной особы; Лаврентій именовался сыномъ несчастнаго Ивана, убитаго Грознымъ; далѣе въ степи съ полдюжины Ерошекъ и Мартынокъ носили несуразныя имена, заимствованныя изъ казацкаго словаря. Второй Димитрій выказалъ себя не такъ сговорчивымъ, какъ былъ первый, и безъ всякаго разслѣдованія велѣлъ убить неудобнаго родственника. Безъ сомнѣнія, онъ такъ же охотно отдѣлался бы отъ нѣкоторыхъ польскихъ сообщниковъ, но не смѣлъ объ этомъ думать: Рожинскій съ талантомъ и энергіей исполнялъ роль главнокомандующаго, Лисовскій во главѣ казаковъ-москвитянъ и Заруцкій во главѣ польскихъ казаковъ пользовались свободой дѣйствій, часто близкой къ безначалію. Что касается царя, съ нимъ не считались. Онъ былъ здѣсь только для того, чтобы дать свое имя пьесѣ, которая разыграется въ пользу другихъ исполнителей, какъ надѣялись его польскіе приверженцы.

Наличный составъ арміи самозванца поддается только крайне приблизительному подсчету. Будзило въ своемъ подробномъ перечисленіи польскихъ полковъ [1]) доводитъ общій итогъ до 8.126 чел.; что касается гусаръ, то цифру въ 1.820 лошадей слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, удвоить, такъ какъ каждая пика въ этомъ родѣ оружія приходилась на двухъ или трехъ всадниковъ. Рядомъ съ мастодонтами польской кавалеріи казаки, несмотря на свой пестрый живописный костюмъ и вооруженіе, широкія красныя шаровары, длинныя черныя куртки (киреи) и высокія бараньи шапки, длинныя

[1]) Русск. Ист. Библ., I, 714.

копья, кривыя сабли и мушкеты или самострѣлы, метавшіе убійственныя стрѣлы, представляли довольно жалкій видъ; опредѣляя ихъ число въ тридцать тысячъ, русскіе историки, навѣрное, недалеки отъ истины [1]).

Во всякомъ случаѣ, Шуйскому приходилось считаться съ грозной силой; а между тѣмъ, когда эта армія, сосредоточившись между Орломъ и Кромами, готовилась къ наступленію, Василій Ивановичъ все еще упражнялся въ опытахъ моральнаго воздѣйствія, хотя ихъ первые результаты были далеко не утѣшительнаго свойства. Напротивъ, смущеніе и безпокойство усиливалось среди населенія столицы. Устрашающія видѣнія къ тому же волновали умы. Подъ сводами Успенскаго собора самъ Христосъ явился попу и объявилъ ему, что страшная кара падетъ на его отечество, ибо грѣхи его давно вопіютъ ко гнѣву небесному. Шуйскій принялъ угрозу на свой счетъ и широко распространилъ извѣстіе о событіи; духовныя власти со своей стороны установили пятидневный постъ и общее покаяніе; но это не помѣшало мятежникамъ закончить свои приготовленія.

Весной 1608 г. ихъ армія выступила въ походъ по направленію къ Болхову, крѣпости, прикрывавшей дороги изъ Польши къ Тулѣ. Войско Василія Ивановича подъ начальствомъ братьевъ царя, Димитрія и Ивана Шуйскихъ, и князя Василія Голицына, пыталось остановить нашествіе, встрѣтилось съ авангардомъ, состоявшимъ главнымъ образомъ изъ поляковъ, и послѣ двухдневной битвы, 30-го апрѣля и 1-го мая, подверглось полному разгрому. Пять тысячъ москвитянъ сложили оружіе, согласившись цѣловать крестъ Димитрію; по словамъ Буссова, разгромъ былъ бы еще значительнѣе, если бы Ламбсдорфъ, начальникъ нѣмецкихъ наемниковъ на службѣ Шуйскаго, обѣщавшій перейти на сторону претендента, не забылъ обѣщанія подъ вліяніемъ выпивки. Онъ и его товарищи, сражаясь какъ львы, прикрыли отступленіе. Претендентъ ускорилъ движеніе къ Можайску; онъ повсюду сыпалъ обѣщанія, чтобы задержать поляковъ или привлечь подъ свои знамена московскихъ крестьянъ: однимъ говорилось, что они будутъ вмѣстѣ съ нимъ царствовать въ Москвѣ; другимъ, что всѣ земли и всѣ дочери сторонниковъ Шуйскаго перейдутъ въ ихъ распоряженіе,—и армія не встрѣчала сопротивленія.

---

[1]) Костомаровъ, Смутное время, II, 151.

Относительно вѣрности поляковъ явилось сомнѣніе: у Звенигорода ихъ встрѣтилъ посланный Сигизмунда съ приказаніемъ немедленно возвратиться на родину. Это понятно: послы короля жили въ Москвѣ и готовились подписать договоръ. Болѣе искусный въ дипломатіи, чѣмъ на полѣ брани, Василій Ивановичъ сумѣлъ заключить съ ними удовлетворительную сдѣлку. Еще въ іюнѣ 1606 г., пока Гонсѣвскій и Олесницкій сидѣли въ заключеніи близъ Кремля, московское посольство съ кн. Григоріемъ Волконскимъ во главѣ и дьякомъ Андреемъ Ивановымъ отправилось въ Краковъ и тамъ послѣ перваго дурного пріема добилось-таки назначенія въ Москву двухъ новыхъ пословъ, Станислава Витовскаго и кн. Друцкого-Соколинскаго. Озабоченный новыми внутренними неурядицами, Сигизмундъ сталъ сговорчивѣе. По примѣру Зебржидовскаго, нѣкоторые подданные короля соблазнялись въ это время завязать сношенія съ новымъ претендентомъ, намѣреваясь предложить ему корону Польши. Вице-канцлеръ польскій Феликсъ Крыйскій и канцлеръ литовскій Левъ Сапѣга впослѣдствіи форменно ставили въ вину этотъ преступный планъ всѣмъ сторонникамъ второго Димитрія [1]). Хотя это обвиненіе изъ лагеря политическихъ противниковъ нуждается въ доказательствахъ, поведеніе Сигизмунда какъ бы оправдываетъ его. Нельзя не замѣтить, что въ началѣ новаго кризиса король весьма явно обнаруживаетъ склонность къ дѣйствію сообща съ „боярскимъ царемъ“.

25-го іюля 1608 г. оба государства заключили мирный договоръ на три года и одиннадцать мѣсяцевъ: въ границахъ территорій сохранялся status quo; Шуйскій обязался отослать въ Польшу сандомірскаго воеводу съ дочерью и со всѣми товарищами по изгнанію; Сигизмундъ обѣщалъ отозвать всѣхъ своихъ подданныхъ, принявшихъ сторону второго Димитрія. Но Рожинскій съ товарищами и теперь, какъ и прежде, отказывались считаться съ договоромъ; все краснорѣчіе представителя короля, Петра Борзиковскаго, пропало даромъ; и претендентъ могъ продолжать свой побѣдоносный походъ.

Къ югу отъ Оки самостоятельно дѣйствовалъ Лисовскій съ цѣлью возбудить движеніе среди населенія Рязанской области; въ то время, какъ онъ разбилъ кн. Хованскаго, за-

---

Гиршбергъ. Почему поляки поддерживали второго Димитрія, стр. 7.

владѣлъ на время Коломной и добрался до села Тушина, почти у воротъ столицы, второй Димитрій достигъ Калуги. Шуйскій вынужденъ былъ вернуть назадъ высланное ему навстрѣчу войско: среди него открылся заговоръ. Знатнѣйшіе бояре—кн. Иванъ Катыревъ, Юрій Трубецкой и Иванъ Троекуровъ—оказались замѣшанными въ немъ. Происшествія не могли скрыть, и оно произвело опасную тревогу въ настроеніи московскаго населенія. „Бояре, вѣдь, знали, что дѣлаютъ!“—шептали здѣсь другъ другу на ухо. Вокругъ имени претендента зарождалась новая легенда. Истинный или ложный Димитрій, но онъ провидецъ, говорили про него; смотря людямъ въ глаза, онъ узнавалъ, кто изъ нихъ дѣйствовалъ противъ него. Среди толпы, обсуждавшей эти розсказни и трепетавшей при одномъ воспоминаніи о кровавыхъ событіяхъ при переворотѣ 17-го мая, какой-то человѣкъ упалъ съ крикомъ на мостовую.

— Горе мнѣ! Вотъ этимъ ножомъ я зарѣзалъ пятерыхъ поляковъ!

1-го іюня 1608 г. (ст. ст.) армія мятежниковъ расположилась на берегу Москвы-рѣки почти въ виду столицы; послѣ различныхъ операцій, искусно отраженныхъ воеводами Шуйскаго, она остановилась у Тушина, между рѣками Москвой и Сходней, на выгодной позиціи, хорошо оцѣненной Лисовскимъ, при узлѣ большихъ дорогъ на Смоленскъ и Тверь.— Тушино! эта мѣстность обрекалась на печальную извѣстность. Имя скромной деревушки сообщилось одной изъ самыхъ мрачныхъ страницъ народной исторіи и самому претенденту: онъ обратился въ „Тушинскаго вора“, подобно тому, какъ его предшественникъ былъ „разстригой“ для сторонниковъ Шуйскаго, а впослѣдствіи и для всѣхъ.

Еще немного, и разбойникъ могъ бы возложить на себя въ Кремлѣ шапку Мономаха. Тотчасъ по прибытіи ночной атакой, умѣло подготовленной и яростно произведенной, Рожинскій разсчитывалъ ворваться въ столицу. Но, превосходные воины въ открытомъ полѣ, поляки еще разъ показали свою неспособность приступать къ крѣпостямъ, даже первобытнымъ и плохо защищеннымъ. Главнокомандующій долженъ былъ отвести ихъ обратно въ Тушино; мѣстечко укрѣпили, и

---

[1]) Договоръ этотъ былъ напечатанъ Щербатовымъ, Ист. Рос., VII, 3 ч., 99—113.

приливъ знатныхъ новобранцевъ, москвитянъ и поляковъ, продолжался здѣсь, какъ и ранѣе. Александръ Зборовскій, Андрей Млоцкій и Мартинъ Виламовскій привели въ іюлѣ 1608 г. каждый по эскадрону гусаръ. Въ августѣ прибытіе усвятскаго старосты Сапѣги произвело особенную сенсацію. Это былъ двоюродный племянникъ литовскаго канцлера, одинъ изъ самыхъ блестящихъ польскихъ аристократовъ того времени. Воспитанникъ итальянскихъ школъ и ученикъ лучшихъ полководцевъ своей страны, Янъ-Петръ Сапѣга сражался въ рядахъ королевской арміи при Гуцовѣ и, командуя двумя снаряженными на свой счетъ эскадронами, содѣйствовалъ рѣшительной побѣдѣ надъ мятежниками. Теперь онъ привелъ цѣлый корпусъ,—пѣхоту, кавалерію и артиллерію съ пушками! [1])

Появленіе Сапѣги въ станѣ претендента и манера вести себя представляютъ новую загадку въ исторіи смуты съ ея темной оборотной стороной. Все недавнее прошлое отважнаго начальника должно бы исключать всякое подозрѣніе въ соглашеніяхъ съ врагами Сигизмунда; впрочемъ, и мы имѣемъ основаніе думать, что онъ пустился въ это предпріятіе съ вѣдома и даже по совѣту своего знаменитаго родственника. Литовскій канцлеръ всегда оставался убѣжденнымъ роялистомъ, или, какъ говорили въ Польшѣ,—регалистомъ, хотя онъ и велъ свою вполнѣ личную независимую политику, какъ и всѣ главари высшихъ польскихъ фамилій. Сапѣги владѣли огромными землями въ Смоленской области и лишились ихъ, когда москвитяне завладѣли ею при Сигизмундѣ I-мъ. Отсюда у нихъ могло возникнуть желаніе вовлечь Польшу въ войну ради отмщенія. Однако, въ теченіе своей новой карьеры въ Московіи староста усвятскій проявилъ совсѣмъ иныя честолюбивыя мечты. Подобно Рожинскому, онъ вступилъ въ общество явнаго авантюриста ради приключеній, чтобы лихо обмѣниваться сабельными ударами, чтобы поискать счастья у волшебной, загадочной судьбы, а главнымъ образомъ — широкаго поприща для избытка энергіи, отваги, пылкаго воображенія, возможности все дѣлать, все испытать и на все дерзать, а это не всегда могла доставить людямъ такого закала даже сама распущенная анархическая Польша.

---

[1]) Sapiegowie, I, 199. Sapieha, Dziennik, изданный Гиршбергомъ въ „Polska a Moskwa", стр. 188; ср. Rywocki, Idea magni herois, 74. См. Гиршбергъ. Почему поляки подд. втор. Димитрія, 8 и слѣд.

По словамъ Мархоцкаго, въ Тушинѣ, не считая запорожцевъ, собралось до двадцати тысячъ поляковъ, въ томъ числѣ двѣ тысячи очень хорошей пѣхоты. Другіе источники даютъ меньшее число. Численность москвитянъ въ Тушинѣ не поддается точной оцѣнкѣ, но она гораздо значительнѣе. Но по качеству стоявшая у воротъ столицы армія претендента была лучше той, которую могъ выставить противъ него Шуйскій. Правда, большинство сторонниковъ самозванца ненавидѣло и презирало его; его держали въ опекѣ и часто унижали; но онъ все-таки среди пышной обстановки изображалъ особу Димитрія, царя и самодержца. Въ ожиданіи скораго вступленія въ Кремль для полноты его игры недоставало только присутствія Марины. Это необходимое дополненіе было скоро доставлено къ нему.

VII. Марина.

Претендентъ уже велъ дѣятельную переписку съ Ярославлемъ, гдѣ сандомірскій воевода съ дочерью признали его безъ колебаній. Подобно своему предшественнику, онъ обращался къ царицѣ съ очень нѣжными посланіями, а въ Самборъ, къ женѣ воеводы, со словами утѣшенія и ободренія. Когда польско-московскій договоръ предоставилъ свободу ярославскимъ изгнанникамъ, вѣроятно, съ обѣихъ сторонъ явилось желаніе соединиться. „Тушинскій воръ“ отдалъ, несомнѣнно, приказъ, чтобы Марина съ отцомъ были перехвачены на дорогѣ, по которой они возвращались въ Польшу, и привезены въ станъ. Но большинство тушинскихъ поляковъ не хотѣло пускать въ ходъ силы, понимая, что въ случаѣ неудачи на нихъ падетъ тяжелая отвѣтственность. Марина, можетъ быть, разсчитывала найти потеряннаго мужа; разочарованная, она могла сдѣлаться жертвой насилія, возможность котораго оскорбляла гордый духъ шляхтичей. Связавшись сами съ разбойникомъ, они вовсе не желали предоставлять знатную дѣвушку на его произволъ. Валавскій, назначенный на это дѣло, дѣйствовалъ очень вяло; а московскій конвой, сопровождавшій Мнишковъ, повелъ ихъ окольными путями, и путники подвергались опасности избѣжать плохо приготовленной засады, въ которую имъ, по всей видимости, очень хотѣлось попасть. Судьба рѣшила иначе.

Они уже приближались къ Волгѣ, когда имъ объявили, что ихъ преслѣдуютъ. По слѣдамъ Валавскаго Тушинскому

вору удалось направить другого поляка, Зборовскаго, который, недавно прибывъ въ лагерь, искалъ случая отличиться. Московскій конвой предложилъ измѣнить маршрутъ. Бывшій посолъ Гонсѣвскій, ѣхавшій съ караваномъ вмѣстѣ со своимъ коллегой Олесницкимъ, принялъ ихъ предложеніе; но Мнишки запротестовали: преслѣдовали поляки, а ихъ нечего бояться! Два дня ушли на пререканія; наконецъ, одинъ Гонсѣвскій уѣхалъ съ москвитянами по указанному ими пути и безъ всякихъ препятствій достигъ границы. Прочіе путники той порой были нагнаны Зборовскимъ и направлены имъ въ Тушино [1]).

Сандомірскій воевода увѣрялъ впослѣдствіи, что покорился только силѣ, и толковалъ про избіеніе всѣхъ своихъ слугъ; но письма претендента къ тестю, сохранившіяся въ московскихъ архивахъ, написанныя до и послѣ событія, показываютъ, что между ними существовало, по крайней мѣрѣ, начало обоюднаго уговора [2]). Сама Марина не принимала вида противъ воли похищенной. На дорогѣ въ Тушино плѣнники, весьма вѣроятно добровольные, встрѣтили Яна Сапѣгу, который велъ себя передъ молодой женщиной рыцаремъ-покровителемъ, но не пытался отклонить ее отъ рѣшенія, которое она свободно приняла.

Остались ли у нея какія-нибудь иллюзіи? Это неправдоподобно, да, по мнѣнію Зборовскаго, Сапѣга, несомнѣнно, разсѣялъ бы ихъ. Она знала почеркъ своего мужа, а „Тушинскій воръ“ и не пытался поддѣлывать свой. А вѣдь опять-таки они переписывались еще до встрѣчи. По совѣту царя, царица безъ колебаній отправилась на показное богомолье въ православный Звенигородскій монастырь. Въ своемъ дневникѣ Сапѣга косвенно изображаетъ, что она была очень хорошо освѣдомлена, но какъ бы не вполнѣ рѣшилась. Послушать его, такъ даже былъ моментъ, когда духъ ея возмутился; разъ какъ-то она вдругъ не захотѣла ѣхать въ Тушино. Остатокъ ли стыда, или, можетъ быть, инстинктивная осторожность еще смущали ее. Но отецъ старался преодолѣть ихъ. Дважды, 11-го и 15-го сентября, опережая дочь, воевода ѣздилъ въ Тушино и тамъ ни на что не жаловался. Онъ не

---

[1]) Marchocki, стр. 38; Акты Ист. II, 123.

[2]) Пирлингъ. Марина Мн. послѣ майскаго погрома, 244. Hirschberg, Kwartalnik Historyczny, 1903, XVII, 232.

могъ забыть обѣщаній, вырванныхъ у перваго Димитрія, и потому поглощенъ былъ одной заботой, какъ бы завести исподтишка переговоры со вторымъ, чтобы не утратить своихъ выгодъ отъ первой сдѣлки, съ потерею которыхъ не могъ помириться. Если дочь проявила колебанія прежде, чѣмъ выступить участницей торга, то отецъ, навѣрное, воспользовался ими только для того, чтобы придать важности своему вмѣшательству и повысить требованія. Мы знаемъ характеръ этого лица; кромѣ того достаточно убѣдительны сами краснорѣчивые факты и одинъ документъ, съ которымъ я сейчасъ познакомлю.

На другой день послѣ вторичной поѣздки воеводы устроилась встрѣча супруговъ. Сапѣга опять-таки увѣряетъ, что Маринѣ не малыхъ силъ стоило согласиться на нее; а другой очевидецъ, слуга Олесницкаго, въ подробномъ описаніи свиданія идетъ дальше: при видѣ вора несчастная женщина отвернулась съ брезгливостью и ужасомъ, воскликнувъ: „Лучше смерть!“ [1]). Несмотря на это, черезъ четыре дня она была водворена въ Тушинѣ; тамъ іезуитъ или бернардинецъ тайно обвѣнчалъ ее съ воромъ; такъ свидѣтельствуютъ Мнишекъ и анонимный дневникъ польской нунціатуры [2]); но эта подробность еще находится подъ сомнѣніемъ.

На сеймѣ 1611 г. сандомірскій воевода опять увѣрялъ, что подвергся вмѣстѣ съ дочерью отвратительному насилію, и въ то время даже открыто заявлялъ о самозванствѣ претендента; но въ это же время онъ умалчивалъ о пергаментѣ, подписанномъ самозванцемъ 14 октября 1608 г., который обезпечивалъ отцу Марины полученіе 300 тысячъ рублей, какъ только новый Димитрій вступитъ въ обладаніе своей столицей. Тогда документъ былъ тщательно спрятанъ, но впослѣдствіи онъ появился на свѣтъ Божій и въ 1736 г. зарегистрированъ въ Варшавскомъ архивѣ. Его владѣльцы, отдаленные наслѣдники воеводы 1608 г., но все еще столь же корыстные, настойчиво требовали погашенія долга; желая сохранить добрыя отношенія съ Польшей, Петръ Великій призналъ документъ, но предложилъ получить по нему всего шесть тысячъ дукатовъ; они ихъ приняли, оставивъ за собой

---

[1]) Sapieha, Dziennik, изд. Гиршберга, стр. 185; Пирлингъ, Марина М. послѣ майскаго погрома, изъ „Русск. Стар.“, 1903 г., 248.

[2]) Wojcicki, Pamiętniki do pan. Zygmunta, 3; Pierling, La Russie et le St.-Siège, III, 355.

право на полученіе полной суммы долга [1]). Въ 1608 г., впрочемъ, не одинъ сандомірскій воевода получилъ вознагражденіе за гнусный договоръ, которымъ онъ привязывалъ дочь къ ложу простолюдина и дѣлалъ ее сообщницей негодяя. Павелъ Тарло взялъ обязательство въ 20 тысячъ злотыхъ, а бывшій посолъ, высокородный, прегордый и пребогатый Олесницкій не пренебрегъ обѣщаніемъ обширныхъ земель на польской границѣ [2])! И тотъ и другой, должно быть, принимали участіе въ переговорахъ и помогли заключенію сдѣлки.

Претенденту еще нечѣмъ было платить, но обѣщаніями на счетъ будущихъ благъ онъ щедро раздавалъ чины, мѣста и почести. Въ двухъ миляхъ отъ старой столицы быстро выросла другая, съ многочисленнымъ и внушительнымъ правительственнымъ штатомъ. Въ теченіе длиннаго ряда мѣсяцевъ въ ней разыгрывался полутрагическій, полушутовской спектакль, на которомъ мы должны остановить вниманіе читателей.

---

[1]) Собраніе Гос. грам., II, № 164 и Bibl. Ossolińskich, 1862, I, 264; Карамзинъ, Ист. Гос. Росс., XII, прим. 322.

[2]) Карамзинъ, XII, прим. 218; Russell, польск. пер. 1858 г., Rzeź w Moskwie, въ приложеніи документы, стр. 44.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Двѣ столицы.

I. Москва и Тушино.

Осада одного города другимъ — явленіе довольно рѣдкое въ военной исторіи. Оно произошло тогда въ имперіи царей когда Тушино быстро обратилось въ городъ, въ укрѣпленную резиденцію огромныхъ размѣровъ. Близкое сосѣдство столицы государства съ главнымъ центромъ мятежниковъ при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находилась Московія, неизбѣжно вызывало передвиженіе населенія, цѣлую эмиграцію въ ущербъ метрополіи. Постоянно пополняя свой разнообразный составъ и развивая на-спѣхъ налаженную организацію, главный штабъ претендента проявлялъ неотразимую притягательную силу, то заманчивыми обѣщаніями, то очевидными выгодами. Въ старой метрополіи жилось очень скучно подъ управленіемъ непривѣтливаго Шуйскаго; а когда мятежники плотно окружили ее со всѣхъ сторонъ, въ ней стало даже душно, и съ начала іюня 1608 г. началось массовое переселеніе, въ волнахъ котораго представители знатныхъ семей смѣшивались съ перебѣжчиками всякихъ чиновъ.

Родня Романовыхъ показала дорогу, и Тушино гостепріимно приняло двухъ его знатнѣйшихъ представителей—князей А. И. Сицкаго и Д. М. Черкасскаго. За ними послѣдовалъ виднѣйшій герой заключительныхъ перипетій этой драмы, Д. Т. Трубецкой, увлекая за собой двоюроднаго брата Юрія Никитича, уже приговореннаго къ высылкѣ за участіе въ военномъ заговорѣ, указанномъ выше. Ему тотчасъ пожаловали боярство—не особенно лестное званіе въ Тушинѣ, такъ щедро расточалъ его претендентъ. Князьки, въ родѣ С. П. Засѣкина и Ф. П. Барятинскаго, дѣлили эту честь съ простыми

дворянами, какъ Салтыковъ-Морозовъ, съ казакомъ Заруцкимъ, даже съ крестьяниномъ Иваномъ Федоровичемъ Наумовымъ! Тушинскій воръ былъ неискусенъ въ генеалогіи; онъ спѣшилъ обставить себя, какъ подобало государю, достаточнымъ числомъ сановниковъ, собственной Думой и іерархіей чиновъ. Его оберъ-гофмейстеромъ былъ князь С. Г. Звенигородскій, изъ древняго дома Черниговскихъ владѣтельныхъ князей, совсѣмъ утратившихъ прежнее обаяніе; въ царскомъ совѣтѣ вмѣстѣ съ княземъ Д. И. Долгорукимъ засѣдали возведенный въ окольничіе Михаилъ Молчановъ и бывшій дьякъ Богданъ Сутуповъ.

Первое время здѣсь первенствовала выслужившаяся знать временъ опричнины. Старая аристократія съ олигархическими наклонностями тѣснила ее въ Москвѣ при Шуйскомъ, и она охотно измѣняла притѣснителямъ, а Тушино, разумѣется, имѣло основаніе особенно охотно принимать новобранцевъ изъ этой среды. Но, нравственно дряблый и незначительный числомъ, этотъ цементъ первоначальной группировки скоро разсыпался; въ него всосалось большое число сторонниковъ Наумова и дало перевѣсъ элементу, усилившему по естественному сродству значеніе казаковъ, которые съ каждымъ днемъ вели себя все вольнѣе благодаря своей многочисленности. Поповичъ Васька Юрьевъ сталъ всемогущимъ лицомъ въ приказахъ, а рядомъ съ нимъ кожевникъ Өедька Андроновъ положилъ начало прославившей его карьерѣ. Болѣе изворотливые и дѣятельные, эти представители московскаго простонародья захватили въ свои руки служебныя мѣста. Предоставляя боярамъ начальство надъ полками и управленіе въ областяхъ, они стали хозяевами стана, и сами поляки очищали имъ поле дѣйствій.

Устроенная ихъ заботами тушинская администрація способствовала быстрому распаденію правительственной машины въ Москвѣ; они развращали всѣхъ, до низшихъ служащихъ, какъ, напр., подъячаго посольскаго приказа Петра Третьякова, и канцеляріи Кремля быстро пустѣли. Когда въ концѣ сентября Сапѣга разбилъ подъ Рахмановымъ большой отрядъ, который осажденные двинули на его позиціи, чтобы освободить пути на Дмитровъ и Рязань и вздохнуть свободнѣе, сама военная организація законнаго правительства распаталась. Паника охватила областныя ополченія, сосредоточенныя въ Москвѣ, и началось повальное бѣгство. Въ старой

столицѣ остались немногіе военные люди изъ Замосковья и ополченья тѣхъ уѣздовъ, которые уже захватили отряды претендента; этимъ людямъ некуда было бѣжать. Буйные рязанцы, всегда красовавшіеся на первомъ планѣ во всѣхъ дѣйствіяхъ затянувшейся борьбы, раздѣлились между обоими станами, когда между ними установилось постоянное передвиженіе. Тушинцы держали въ Москвѣ постоянные кадры своихъ лазутчиковъ, очень дѣятельныхъ, и среди лицъ, сообщавшихъ свѣдѣнія, служили не одни бездѣльники низшаго сорта, въ родѣ попа Ивана Зубова. Мы имѣемъ письмо кн. Ф. И. Мстиславскаго къ его „другу и брату" Яну Сапѣгѣ; если можно оспаривать точность указанной издателями даты—8-е іюня 1609 г. (ст. ст.), все-таки, даже отнесенный и къ болѣе позднему времени, этотъ документъ сохраняетъ свою цѣнность, указывая на давно установившіяся дружескія отношенія.

Повидимому, и Рожинскій рано завелъ постоянныя сношенія съ московской знатью; ссылаясь на родственныя связи нѣкоторыхъ ея представителей, еще съ 14-го апрѣля онъ приглашалъ ихъ покинуть „узурпатора". Этотъ призывъ не остался безъ отклика, несмотря на безнадежность оффиціальнаго отвѣта. Скоро претендентъ увидѣлъ среди своихъ сообщниковъ даже Ивана Годунова, впрочемъ, еще недавно безъ смущенія принявшаго воеводство изъ рукъ перваго Димитрія [1]).

Замѣчалось раздѣленіе внутри семей: отецъ оставался въ Москвѣ, сынъ переходилъ въ Тушино. Имѣя такимъ образомъ опору въ обоихъ лагеряхъ, смѣлѣй смотрѣли въ будущее, разсчитывали на лучшій исходъ при всякой случайности. Пообѣдавъ вмѣстѣ, родные и друзья разставались: одни направлялись въ Кремль, другіе—въ сосѣднюю резиденцію „вора". Но даже одни и тѣ же лица переносились изъ одной столицы въ другую и обратно, чтобы пріобрѣсти двойное жалованіе изъ обѣихъ кассъ, а кстати сохранить поддержку и тутъ и тамъ въ виду темнаго будущаго. Въ такіе „перелеты", какъ ихъ называли, попадали и поляки,—Бальцеръ Хмелевскій, напримѣръ, назидательную одиссею котораго намъ недавно разсказали; среди войскъ второго Димитрія онъ принималъ участіе въ осадѣ Москвы; потомъ съ польскимъ гарнизономъ сидѣлъ въ Кремлѣ, осажденномъ москвитянами;

---

[1]) Русск. Ист. Библ., II, 218; Хилковъ, Сборникъ, 16.

затѣмъ, сражаясь въ рядахъ москвитянъ, бралъ приступомъ этотъ самый Кремль, а кончилъ тѣмъ, что былъ сосланъ въ Сибирь въ тотъ моментъ, когда собирался вернуться въ Польшу [1]). Въ этомъ отношеніи, однако, Рожинскій былъ очень остороженъ. Вынужденный ходить на костыляхъ вслѣдствіе тяжелыхъ ранъ, онъ обломалъ одинъ изъ нихъ о спину самого кн. Адама Вишневецкаго, когда послѣдній послѣ обильной выпивки неосторожно выдалъ тайну черезчуръ безпокойнаго честолюбія или буйнаго нрава [2]).

Почти два года Тушино было бойкимъ перекресткомъ, гдѣ встрѣчались всѣ безпокойные умы, всѣ искатели власти и удачи—и всѣ измѣнники. Приходилось принимать и кормить множество народа. Приближалась зима; временныя жилища оказались недостаточными. Подобно товарищамъ Корелы въ Кромахъ, казаки вырыли себѣ убѣжища подъ землею. Къ этому же способу сначала прибѣгли-было поляки и москвитяне, но скоро нашли его неудобнымъ. Мы знаемъ, что въ самой Москвѣ строили дворцы въ нѣсколько недѣль. Скоро въ Тушинѣ дома выростали тысячами. На окрестные городки и деревни наложили повинность—доставлять легко собирающіеся срубы для избъ; иной капитанъ получалъ сруба три и устраивался съ полнымъ удобствомъ. Подземныя логова превратились въ погреба, и ихъ изобильно наполняли благодаря системѣ реквизицій, посредствомъ которой нещадно эксплоатировали захваченныя области. Къ тому же рядомъ съ новой столицей выросъ богатый посадъ, гдѣ, если вѣрить Мархоцкому, жили и держали лавки со всевозможными товарами три тысячи поляковъ.

Искусно задуманный и частью блестяще исполненный планъ Рожинскаго, подготовившій побѣду подъ Рахмановымъ, имѣлъ цѣлью отрѣзать Москву и довести ее до голодовки. Однако, блокада осталась неполной: Коломны не удалось захватить, и старая столица сохранила сношенія съ богатой Рязанской областью, откуда получала почти все необходимое. Впрочемъ, скоро успѣхи претендента въ другихъ областяхъ страны и ростъ самого Тушина измѣнили планы главнаго штаба мятежниковъ и отодвинули на второй планъ вопросъ

---

[1]) „Русск. Арх.", 1863 г., X и XI; Darowski, Szkice historyczne, III, 87 и слѣд. См. также Азаринъ и Насѣдка, Житіе преп. Діонисія.

[2]) Hirschberg. Kwartalnik hist., Lwow, 1889, 289.

о захватѣ Москвы. Развивающееся вліяніе новой столицы грозило затмить значеніе старой, и Шуйскій въ своемъ Кремлѣ былъ, повидимому, наканунѣ низложенія.

Въ виду этого надвигавшагося бѣдствія онъ покорился, наконецъ, необходимости и принялъ помощь, отъ которой до той поры съ пренебреженіемъ отказывался.

II. Обращеніе за помощью къ Швеціи.

Карлъ IX не переставалъ предлагать свои услуги. А предлагалъ онъ ихъ, надо сказать, многимъ. Ведя переписку съ Димитріемъ I и величая его царемъ, онъ въ то же время вступалъ въ тайныя сношенія со всѣми недовольными московскими людьми, предлагая имъ свою защиту отъ всѣхъ искателей московскаго престола [1]. Послѣ переворота 17 мая онъ обратился къ Шуйскому съ предложеніемъ союза противъ Польши, но, такъ какъ новый царь медлилъ съ отвѣтомъ, Карлъ призвалъ свое войско изъ Финляндіи, предназначенное для войны съ Польшею, и двинулъ его въ Московскіе предѣлы, пытаясь захватить врасплохъ либо Орѣшекъ (Нотебургъ), либо Кексгольмъ. Одновременно съ этимъ онъ убѣждалъ новгородцевъ признать надъ собою покровительство Швеціи, рисуя имъ заманчивыя картины изъ ихъ прошлаго и обѣщая имъ ихъ былыя вольности. Со своей обычной готовностью онъ предложилъ также свои услуги Шуйскому при появленіи второго самозванца для борьбы съ нимъ [2].

Въ концѣ 1608 г. эта настойчивость и усердіе шведскаго короля были вознаграждены. Василій Ивановичъ пытался писать датскому и англійскому королю и императору, ходатайствуя о вмѣшательствѣ; потомъ, посылая своего племянника, молодого героя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго въ Новгородъ для организаціи тамъ обороны, поручилъ ему также начать переговоры со шведами и придти съ ними къ соглашенію. Послѣ долгихъ и трудныхъ пререканій былъ заключенъ и подписанъ, наконецъ, договоръ въ Выборгѣ 28 февраля 1609 г., какъ нельзя болѣе выгодный для Карла IX. За армію въ двѣ тысячи кавалеріи и три тысячи

[1]) Форстенъ, Ж. М. Н. П. іюнь 1887, стр. 68, и февр. 1889, стр. 337. Ср. Tegner, L'Alliance russo-suédoise sous Charles IX.

[2]) Форстенъ. Балтійскій вопросъ, II, 69 и сл.

пѣхоты, которыя царь бралъ къ себѣ на службу за жалованье, шведамъ былъ уступленъ Кексгольмъ и заключенъ союзъ съ Московскимъ государствомъ для завоеванія Ливоніи: отъ всѣхъ своихъ правъ на эту область Шуйскій отказался. Кромѣ того, договаривавшіяся стороны ставили условіемъ не заключать по отдѣльности договоровъ съ Польшей, а это значило прямо объявить Польшѣ войну, въ которую счастливый соперникъ Сигизмунда вовлекалъ своего союзника, а въ то же время самъ обнаруживалъ еще болѣе опасныя для него намѣренія. Въ самомъ дѣлѣ, царю собирались услужить такъ, какъ онъ не заслуживалъ, и о чемъ онъ не хлопоталъ. Въ 1609 г. 16 (26) марта на русской территоріи появился пятнадцатитысячный вспомогательный корпусъ, составленный изъ солдатъ всякаго рода оружія, подъ начальствомъ Якова Делагарди и другихъ лучшихъ генераловъ Карла: Эверта Горна, Христіерна Зоме и Андрея Бое. Появленіе такого войска въ предѣлахъ Московскаго государства походило больше на непріятельское нашествіе, чѣмъ на помощь, такъ какъ Скопинъ-Шуйскій со своимъ спѣшно собраннымъ двухтысячнымъ плохимъ войскомъ не могъ стать господиномъ положенія и сдерживать этихъ тоже подчиненныхъ ему людей, которые вовсе не считались съ его приказаніями. Они получали другія приказанія и руководились ими, держа ихъ отъ него въ тайнѣ. Даже во время самаго хода переговоровъ съ московскими полномочными Карлъ разослалъ своимъ губернаторамъ въ Финляндіи и Ливоніи тайныя инструкціи, чтобы они, не дожидаясь даже конца переговоровъ, попытались овладѣть Новгородомъ или даже Псковомъ, а затѣмъ проникли въ самую середину Московскаго государства подъ предлогомъ борьбы съ польскими приверженцами самозванца. А теперь король торопилъ Якова Делагарди занять Новгородъ, съ согласія или безъ согласія союзниковъ, и требовать сверхъ Кексгольма уступки и Орѣшка (Нотебурга). Кромѣ того, шведскому полководцу было приказано настаивать на немедленной уплатѣ жалованья, обѣщаннаго вспомогательному корпусу, а въ случаѣ промедленія, — а это можно было предвидѣть, — требовать уплаты этого жалованья территоріальными уступками [1]).

---

[1]) Акты Археогр. Ком., II, №№ 112 по 115; Акты Историч., I, № 160; Никоновская лѣт., VIII, 109. Ср. Форстенъ, Балтійскій вопросъ, II, 85 и Воробьевъ, „Русск. Арх.“, 1889, II, 491.

Итакъ, лѣкарство, принятое Шуйскимъ при послѣдней крайности (in extremis), чуть не оказалось опаснѣе самой болѣзни, и если этого не случилось, то только вслѣдствіе счастливаго стеченія побочныхъ обстоятельствъ, а именно благодаря двумъ молодымъ полководцамъ, благодаря благородству ихъ характеровъ, которое связало ихъ товарищество въ дружескій союзъ и восторжествовало надъ опасными замыслами ихъ государей.

Шведскому главнокомандующему не было тогда еще 27 лѣтъ. Онъ былъ сынъ побочной дочери Іоанна III, Софіи Гюльденгельмъ, и Понтуса Делагарди, французскаго протестанта, эмигрировавшаго въ Швецію и прославившагося въ правленіе предыдущихъ королей въ войнахъ съ Россіей и съ Польшей. Уже въ это время Яковъ Делагарди отличался необычайными для своихъ лѣтъ военными дарованіями и благороднымъ характеромъ. Его военный талантъ особенно развернулся впослѣдствіи на поляхъ битвъ въ Германіи при Густавѣ-Адольфѣ, который пожаловалъ его въ графы. Яковъ Делагарди былъ единственнымъ человѣкомъ, удостоившимся графскаго титула въ царствованіе этого короля. Русскій полководецъ, который былъ моложе на нѣсколько лѣтъ своего шведскаго товарища, казалось, принадлежалъ къ тому же героическому типу людей, какъ и Делагарди. При прекрасной наружности, онъ обладалъ мужественной и воинственной осанкой. Его портретъ, сохранившійся въ Архангельскомъ соборѣ, не даетъ представленія объ этомъ. Насмѣшливое прозвище („Скопа“), данное одному изъ его предковъ по этой линіи Шуйскихъ, означаетъ хищную птицу изъ породы орловъ. Отецъ Михаила Василій при царѣ Ѳеодорѣ вмѣстѣ со всѣми своими родственниками подвергся опалѣ. Его сынъ, можетъ быть, не совсѣмъ заслуживалъ того восторга, который онъ возбуждалъ въ теченіе своего кратковременнаго поприща въ своихъ современникахъ, и того восхищенія, которое вызываетъ еще и теперь воспоминаніе о немъ. Его характеръ, поскольку онъ обнаружился въ событіяхъ, съ которыми связана память о Михаилѣ Шуйскомъ, вовсе не изъ тѣхъ, которые неизмѣнно вызываютъ похвалу. Его нравственному облику не достаетъ законченности и рельефности, отличающихъ обыкновенно великія историческія личности. Нѣкоторыя черты, извѣстныя изъ его жизни, рисуютъ передъ нами только силуэтъ съ мягкими и неясными контурами,

въ поведеніи его можно уловить иногда что-то двуличное, даже отталкивающее. Незадолго еще передъ тѣмъ, пользуясь выгоднымъ положеніемъ, онъ принялъ отъ Димитрія I польскую должность мечника, и не забыта еще та подробность, какъ былъ ввѣренъ его чести мечъ, и какъ, въ критическій моментъ, онъ исчезъ вмѣстѣ съ меченосцемъ. Въ сущности, Михаилъ Васильевичъ былъ, по всей видимости, человѣкомъ своей эпохи и своей среды, можетъ быть, болѣе даровитымъ, чѣмъ большинство его ровни, но во многихъ отношеніяхъ раздѣлявшимъ ихъ страсти и слабости и ихъ пороки. Надо думать, что именно этому въ значительной мѣрѣ онъ обязанъ своей огромной славой въ народѣ. Великимъ человѣкомъ, конечно, онъ не былъ. Впрочемъ, если у него и имѣлись къ тому дарованія, „онъ не успѣлъ имъ стать“, по выраженію поэта.

Въ Новгородѣ, въ предпріятіи, правда, очень трудномъ, онъ имѣлъ посредственный успѣхъ. Городъ его принялъ хорошо, потому что искони былъ хорошо расположенъ къ его дому. Но въ Псковѣ, къ которому онъ потомъ тоже обратился за помощью, прося у него денегъ и людей, онъ довольно неблагоразумно взбудоражилъ осиное гнѣздо. Со времени покоренія Пскова Москвою господствующимъ элементомъ тутъ былъ элементъ демократическій. Онъ жилъ въ вѣчной враждѣ съ мѣстной знатью въ лицѣ богатыхъ купцовъ. При присоединеніи Пскова къ Москвѣ всего больше пострадали „лучшіе люди“: послѣдніе Рюриковичи примѣняли къ нимъ широко систему „огульнаго вывода“, стараясь покарать или устранить ихъ. Что же касается „меньшихъ людей“, то они, оставшись господами въ городѣ, въ ту пору, естественно, стали въ ряды мятежниковъ. Требованія Скопина лишь побудили ихъ къ открытому возмущенію, а когда до нихъ дошло извѣстіе о заключеніи договора со Швеціей, то, по выраженію лѣтописца, „народъ запатался, словно пьяный человѣкъ“.

Мы должны, однако, отмѣтить то обстоятельство, что этотъ республиканскій, вольный древній городъ, заключая въ темницу воеводу Шуйскаго, Петра Никитича Шереметева, и открывая свои ворота передъ воеводой самозванца, Ф. Плещеевымъ, и увлекая затѣмъ за собой въ возстаніе два сосѣдніе города, Ивангородъ и Орѣшекъ, не обнаружилъ никакихъ сепаратистическихъ стремленій: онъ просто мѣнялъ царя, и

на этомъ пути онъ оставался вѣренъ себѣ до конца. „Собиратели земли русской" достаточно-таки успѣшно поработали надъ этой областью, присоединенной сравнительно недавно.

Даже въ самомъ Новгородѣ Скопинъ не чувствовалъ себя въ безопасности и разъ былъ принужденъ даже покинуть поспѣшно городъ. Вернувшись потомъ въ него благодаря ловкости и стараніямъ митрополита Исидора, онъ все-таки долженъ былъ оставить надежду когда-либо набрать тутъ внушительныя военныя силы. Зато онъ держалъ въ рукахъ свою двухтысячную хорошо дисциплинированную армію. Нельзя сказать того же о Делагарди. Разнородное войско его, этотъ разноплеменный сбродъ, составленный изъ англичанъ, шотландцевъ, голландцевъ, брабантцевъ и, главнымъ образомъ, французовъ, подъ начальствомъ двухъ прославленныхъ вождей, Тисье и Дюфреня, причинялъ ему много затрудненій. Это были большею частью хорошіе солдаты, но очень взбалмошные люди. Самъ Карлъ постоянно называлъ ихъ „ährlose skälmer" („безчестные плуты"), но предпочиталъ ихъ въ своихъ войнахъ другимъ солдатамъ. Не разъ Делагарди принужденъ былъ прибѣгать къ содѣйствію русскаго полководца для усмиренія своего непокорнаго войска. Эти два полководца, почти однихъ лѣтъ и одинаковаго темперамента, въ силу этого еще болѣе сдружились между собою. И на самомъ дѣлѣ, они дѣйствовали дружно, потому что понимали другъ друга. А все-таки имъ трудно было выработать общій планъ дѣйствій и осуществлять его среди постоянныхъ слезныхъ прошеній царя, среди грозныхъ приказовъ Карла и буйныхъ выходокъ наемнаго войска. Вначалѣ они подвигались медленно и долго дѣйствовали, не зная хорошенько, куда имъ идти. Тушинцы тѣмъ временемъ шли быстрымъ шагомъ, и въ сентябрѣ 1608 г. Сапѣга и Лисовскій уже находились подъ стѣнами Троицкой лавры и приступили къ осадѣ ея.

III. Осада Троицкой лавры.

Всѣмъ моимъ читателямъ знакомъ хотя бы по имени этотъ знаменитый монастырь, святыня, наиболѣе чтимая нынѣ Россіей, а въ то время одинъ изъ ея оплотовъ при всѣхъ непріятельскихъ нашествіяхъ. Находясь въ шестидесяти четырехъ верстахъ отъ Москвы, по Ярославской дорогѣ, при

узловомъ соединеніи другихъ путей, ведущихъ въ Угличъ и во Владиміръ, этотъ укрѣпленный монастырь имѣлъ въ тѣ времена первостепенное стратегическое значеніе. Стоило только занять подходы къ нему, и сообщеніе столицы съ сѣверными и поморскими областями было бы прервано, потому тушинцамъ представлялось весьма выгоднымъ занятіе этого укрѣпленія. Кромѣ того, оно имѣло для нихъ еще и особое моральное значеніе, не говоря уже о богатой добычѣ, которую поляки разсчитывали найти въ стѣнахъ этого монастыря.

Монастырь былъ основанъ въ серединѣ XIV в. нѣкіимъ Варѳоломеемъ (въ монашествѣ Сергій), родомъ изъ Радонежа, маленькаго городка въ Ростовской области. Въ настоящее время ничего не сохранилось отъ этой первоначальной постройки. Зданія, которыя мы видимъ теперь, начали строиться съ 1422 г., съ того времени, когда надъ гробницей основателя, причисленнаго къ лику святыхъ, его преемникъ, преподобный Никонъ, выстроилъ каменный храмъ св. Троицы, откуда и происходитъ названіе „Свято-Троице-Сергіева лавра", принятое въ настоящее время. Другія постройки прибавлялись къ нему постепенно. Дерево, изъ котораго первоначально строились зданія, было замѣнено камнемъ либо кирпичомъ только въ XVI в. Хотя при жизни преп. Сергія этотъ монастырь имѣлъ во главѣ только простого игумена и былъ подчиненъ монастырямъ, имѣвшимъ архимандритовъ, тѣмъ не менѣе, въ умѣ русскаго народа онъ уже первенствовалъ надъ всѣми другими; этимъ уваженіемъ онъ пользуется еще и до нашихъ дней. Правленіе Іоанна IV окончательно закрѣпило за нимъ это значеніе. Іоаннъ Грозный все время проявлялъ необычайную щедрость къ монахамъ св. Сергія, расточая въ ихъ пользу дары, надѣляя ихъ привилегіями и освобождая ихъ отъ податей. Несмотря на то, что кое-что было отобрано обратно въ казну въ правленіе Ѳеодора, на ихъ земляхъ, неизмѣримо обширныхъ, жило въ началѣ XVIII в. до 100.000 крестьянъ, тогда какъ за Александро-Невской лаврой, которая по богатству считалась второй послѣ него, числилось только 25.000 [1]).

Одновременно съ этимъ, въ оградѣ, постоянно расширявшейся, воздвигались одна за другой церкви: преп. Никона въ 1548 г.; вторая церковь Троицы въ 1559; соборъ Успенія въ 1585 г.; храмъ архангела Михаила въ 1621; цар-

---

[1]) Рождественскій, Ж. М. Н. П., 1895, май, стр. 75.

скій дворецъ изъ плитъ, келіи для монаховъ, кладовыя и обширныя службы. Въ настоящее время насчитывается тринадцать церквей. Игуменъ, понятно, былъ возведенъ въ архимандриты, и монастырь сталъ называться лаврою, отъ греческаго *λαβρα*, что означаетъ переулокъ, перекрестокъ, обнесенное оградою мѣсто. У грековъ этимъ именемъ обозначали тѣ монастыри, въ которыхъ монахи жили въ отдѣльныхъ кельяхъ, а въ Московіи этому названію придавался особенный почетный смыслъ.

Богатства этого монастыря, съ давнихъ поръ вошедшія въ поговорку, разумѣется, были преувеличены. Опись, произведенная въ 1641 г., даетъ очень интересныя и точныя указанія: 13.861 рубль наличными въ кассахъ, помимо значительныхъ суммъ на рукахъ у разныхъ должниковъ; 19.044 четверти хлѣба въ житницахъ, помимо запасовъ, хранившихся въ пятнадцати монастырскихъ владѣніяхъ; 15.581 штука крупной копченой рыбы въ кладовыхъ, не считая мелкой рыбы; 51 боченокъ пива и меду; 3.358 пудовъ меду; 431 лошадь въ конюшняхъ, не считая лошадей, взятыхъ на пашню [1]). Эти цифры, безспорно, свидѣтельствуютъ объ огромномъ богатствѣ, а одно завѣщаніе того времени [2]) знакомитъ насъ, какимъ путемъ накоплялось такое богатство: завѣщательница Агафья Яковлевна Волынская опредѣляетъ архимандриту Діонисію и его монахамъ всѣ свои наличныя деньги, всѣ свободные запасы хлѣба, а также цѣлую деревню со всѣми ея угодьями. Тѣмъ не менѣе, несмѣтныя сокровища, которыя народное воображеніе представляло собранными въ этомъ мѣстѣ, были всегда только въ области басенъ.

Укрѣпленіе монастыря велось со времени самаго его основанія. Съ 1515 г. старинныя деревянныя ограды, неоднократно сожигаемыя татарами, постепенно замѣнялись каменными стѣнами, существующими и понынѣ. На протяженіи приблизительно 1.926 метровъ вышина ихъ колеблется между 11 и 21 метрами, примѣнительно къ неровностямъ почвы, а ихъ толщина, включая сюда и идущую вдоль всей стѣны внутреннюю крытую галлерею, доходитъ до девяти метровъ. По бокамъ ограды шли бастіоны, первоначальное число которыхъ нельзя опредѣлить. Въ 1641 г. ихъ было двѣнадцать; нынче сохра-

---

1) Голубинскій. Житіе пр. Сергія, стр. 124 и сл.

2) Лихачевъ. Сборникъ, стр. 72.

нилось ихъ девять. Въ одномъ изъ нихъ показываютъ посѣтителямъ знаменитый „каменный мѣшокъ", столбъ, пустой внутри, отъ трехъ до шести метровъ толщины, въ который, будто-бы, Грозный сбрасывалъ свои жертвы. Приговоренные падали въ яму, снабженную острыми ножами. Но бастіонъ, о которомъ сложилось это мрачное преданіе, былъ сооруженъ только при Михаилѣ Θеодоровичѣ, и ничѣмъ не доказано, что онъ служилъ когда-либо пожизненной темницей. Въ инвентарѣ 1641 г. упоминается о девяноста пушкахъ, изъ которыхъ одна выбрасывала снаряды въ пять пудовъ. Пушки малаго калибра преобладали; дополненіемъ къ нимъ служили мѣдные бочки или чаны, которые наполнялись горящей смолой или кипящей водой. Воротъ, какъ и въ настоящее время, было четырнадцать.

Въ цѣломъ наружный видъ монастыря сильно измѣнился со времени знаменитой осады. И самыя церкви украсились по новому. Въ храмѣ Св. Троицы въ двухъ иконахъ сохранились слѣды отъ польскихъ ядеръ; но дворецъ Іоанна Грознаго исчезъ; на его мѣстѣ возникло множество построекъ новаго стиля; тутъ помѣстилась также академія; на этихъ зданіяхъ блещутъ во всемъ своемъ ужасномъ безобразіи самые неуклюжіе образцы казенной архитектуры. Новѣйшими оказываются въ большинствѣ также и драгоцѣнные предметы въ ризницѣ храма, выставленные, впрочемъ, вовсе не для того, чтобы поражать или тѣмъ болѣе ласкать взоры богомольцевъ. Тамъ же благоговѣйно хранятся кое-какіе остатки былого великолѣпія; но наиболѣе цѣнимые изъ тѣхъ, которые могли бы попасть въ руки осаждавшихъ въ 1608 г., не могли соблазнить ихъ и возбудить ихъ алчности: это были принадлежности богослуженія—чаша, дискосъ, употреблявшіеся, какъ думаютъ, еще св. Сергіемъ и св. Никономъ. Они—деревянные, расписанные грубыми рисунками на красномъ фонѣ.

Защита монастыря отъ шаекъ Сапѣги и Лисовскаго, славная, по справедливости, представляетъ интересную особенность тѣмъ, что, несмотря на свой геройскій характеръ, она не выдвинула ни одного героя. Оба воеводы Шуйскаго, Григорій Борисовичъ Долгорукій и Алексѣй Ивановичъ Голохвастовъ, начальствовавшіе надъ маленькимъ гарнизономъ, оказались посредственными полководцами и отъявленными негодяями. По свѣдѣніямъ, собраннымъ осаждавшими, „они ни о чемъ не думали и пьянствовали цѣлыми днями". Что

касается архимандрита Іоасафа, то онъ прославился только своими видѣніями, во время которыхъ мѣстные святые угодники, дружески бесѣдуя съ нимъ, якобы ежедневно обѣщали ему чудеса, но дѣйствія ихъ напрасно ждали осажденные. Истиннымъ чудомъ, давшимъ имъ побѣду, было чудо безыменной толпы: монаховъ, крестьянъ, сосѣднихъ дворянъ, объединенныхъ однимъ чувствомъ, однимъ желаніемъ выдержать борьбу, казавшуюся долгое время безнадежной.

Тѣмъ не менѣе, преданію, которое мало считается съ дѣйствительностью, было угодно ввести въ этотъ славный эпизодъ героическую фигуру, и выборъ его палъ на келаря лавры. Его имя стало нераздѣльнымъ отъ событія, въ которомъ онъ, якобы, сыгралъ первенствующую роль. Для большинства русскихъ, хранящихъ память объ этой славной осадѣ, она даже олицетворяется, нѣкоторымъ образомъ, въ знаменитомъ монахѣ Авраамiи Палицынѣ—въ мiру онъ носилъ имя Аверкiй Ивановичъ. Но онъ и не находился въ Троицкой лаврѣ въ то время, когда осадили ее поляки; въ продолженіе всей осады нога его не побывала въ монастырѣ; повидимому, онъ былъ занятъ совсѣмъ иными дѣлами, а не защитой святыни отъ нападавшихъ. Такіе недосмотры обычное дѣло въ легендахъ.

Въ правленіе Годунова Палицынъ подвергся опалѣ и противъ воли былъ постриженъ въ монахи. Онъ оставилъ послѣ себя сказаніе объ осадѣ, въ которомъ не забылъ и себя [1]). Это именно немало способствовало тому неправильному представленію объ его личности, выступающей передъ нами въ болѣе выгодномъ свѣтѣ, чѣмъ она того заслуживала. Палицынъ былъ, безъ сомнѣнія, человѣкъ цѣнный. Дѣятельный, образованный, ловкій и краснорѣчивый въ духѣ того времени, онъ удивительно подходилъ къ той должности, которую ему поручили—должности казначея, являющагося представителемъ монастыря передъ свѣтскими властями. Онъ былъ отозванъ въ Москву по дѣламъ общины и остался тамъ. Что же дѣлалъ онъ тамъ въ то время, какъ его братія переживала такія грозныя испытанія? У насъ имѣется на этотъ счетъ только подозрѣніе, но оно, безъ сомнѣнія, покажется довольно тяжелымъ. Въ концѣ 1609 или въ началѣ 1610 г. черезъ посредство завѣдомаго шпіона,—того самаго попа Ивана Зубова, о которомъ я уже упомянулъ,—Янъ Сапѣга

[1]) См. Русск. Ист. Библ., т. XIII, 2-ое изд., стр. 102,2.

вступилъ въ переписку съ однимъ монахомъ, проживавшимъ временно въ Москвѣ и не принадлежавшимъ ни къ одному изъ монастырей столицы; этотъ монахъ съ готовностью предлагалъ свои услуги склонить защитниковъ Троицкой лавры къ сдачѣ. Когда Сапѣга пригласилъ его явиться въ свой станъ, онъ отвѣтилъ, что пока не можетъ еще этого сдѣлать, но не замедлитъ это сдѣлать, конечно, вскорѣ, такъ какъ паденіе Шуйскаго уже недалеко. Въ ожиданіи этого онъ давалъ польскому полководцу цѣнныя указанія относительно движенія войскъ, посланныхъ на помощь монастырю. Онъ подписывался: „Архимандритъ Авраамій“. Санъ какъ будто не соотвѣтствуетъ чину келаря Троицкой лавры, но въ оффиціальныхъ спискахъ того времени не значится ни одного архимандрита съ такимъ именемъ, котораго можно было бы заподозрить въ такомъ дѣлѣ. Проѣзжая черезъ Тушино, гдѣ всякіе титулы щедро раздавались безъ разбору, Палицынъ могъ получить и санъ архимандрита [1]).

Разумѣется, догадка не есть доказательство; но, если ее и отбросить, все-таки у этого мнимаго героя останется налицо лишь талантъ писателя, къ которому нельзя отнестись пренебрежительно, если принять во вниманіе время и мѣсто дѣйствія; но талантъ его тоже превознесенъ болѣе, чѣмъ онъ того заслуживаетъ. Палицынъ не лишенъ вдохновенія; слогъ его очень субъективный, выразительный и красочный, но часто неясный, а иногда даже весьма грубый. Его сказаніе объ осадѣ Троицкой лавры пользуется огромной извѣстностью и помѣщается въ антологіяхъ. Самъ Соловьевъ заимствовалъ изъ него цѣлыя страницы; но это повѣствованіе походитъ скорѣе на поэму или религіозную эпопею, чѣмъ на главу изъ исторіи [2]). Необходимо въ немъ отдѣлять историческую правду отъ вымысла, а это оказывается очень трудной задачей.

Повѣствователь не потрудился указать числа монаховъ, бывшихъ налицо въ монастырѣ при появленіи поляковъ. По нашему разсчету, ихъ должно было быть около тысячи и около четырехъ тысячъ мѣстныхъ жителей, укрывшихся за крѣпкими монастырскими стѣнами, за неимѣніемъ другого убѣжища. Несчастная Ксенія, въ иночествѣ Ольга, и бывшая королева Ливоніи Марія Владиміровна, въ иночествѣ Марѳа, находились также среди гостей, вмѣстѣ съ другими

[1]) Хилковъ. Сборникъ, стр. 49. Ср. Платоновъ. Очерки, стр. 433.

[2]) Кедровъ. „Русскій Архивъ“, 1886, VIII.

женщинами и дѣтьми и многочисленными старцами. Дворянскія помѣстья и сосѣднія хижины доставили тоже людей способныхъ носить оружіе; бывшіе ратные люди, постриженные противъ воли, подобно Палицыну, и сожалѣвшіе о своемъ прежнемъ занятіи, были рады теперь опять взяться за оружіе ради общаго блага и во славу преп. Сергія и преп. Никона.

Сапѣга плохо учелъ всѣ эти элементы сопротивленія. Поляки съ презрѣніемъ отзывались о „курятникѣ", осмѣлившемся помѣряться силами съ ихъ доблестью, а староста Усвятскій, въ надеждѣ на скорую побѣду, уже приписывалъ себѣ одному успѣхъ и радовался случаю отомстить за пренебреженіе Рожинскому, съ которымъ былъ въ плохихъ отношеніяхъ. Можетъ быть, его воображенію уже рисовалась новая, независимая, богатая жизнь, которую ему дастъ эта побѣда. Во главѣ отряда войскъ, который не признавалъ никого надъ собой начальникомъ, кромѣ него, Сапѣга уже придавалъ себѣ видъ диктатора, принимая челобитныя, въ которыхъ его величали „великимъ государемъ", самъ раздавалъ милости и награждалъ помѣстьями и титулами; то же самое, только нѣсколько позднѣе, будетъ дѣлать и Яковъ Делагарди [1]). Скоро на Руси хозяевъ оказалось нѣсколько дюжинъ.

Палицынъ утверждаетъ, что осаждающихъ было болѣе тридцати тысячъ, кромѣ крестьянъ, которыхъ они сгоняли силою для производства осадныхъ работъ. Но у насъ на этотъ счетъ имѣются другія сообщенія. Наличный составъ войска, съ которымъ Сапѣга выступилъ въ сентябрѣ изъ Тушина и разбилъ при Рахмановѣ часть московскаго гарнизона, заключалъ въ себѣ только его собственныя войска, приблизительно двѣ тысячи солдатъ, шесть тысячъ казаковъ подъ начальствомъ Лисовскаго и нѣсколько польскихъ эскадроновъ, набранныхъ, безъ сомнѣнія, изъ тѣхъ солдатъ Рожинскаго, отъ которыхъ тотъ былъ радъ избавиться [2]). Пѣхота въ этомъ составѣ была немногочисленная, артиллерія очень слабая, а кавалерія польская все еще не обладала искусствомъ Поліоркета брать укрѣпленные города. Все, въ общемъ, удивительно благопріятствовало оборонявшимся монахамъ Троицкаго-Сергіева монастыря: и природа и обстоя-

[1]) Русск. Ист. Библ. II, 694—698; Хилковъ, Сборникъ, стр. 14 и сл. Акты юрид. I, 497.

[2]) I. P. Sapieha, Dziennik, стр. 188.

тельства. Лавра находилась среди рѣчекъ и болотъ, тянувшихся на югѣ и западѣ, что дѣлало ее мало приступной. Снаряды польскихъ пушекъ обыкновенно не долетали даже до стѣнъ монастыря. Много разъ осаждавшіе принимались вести подкопы, но всякій разъ осажденные провѣдывали про нихъ, благодаря умѣнію монаховъ пріобрѣтать друзей во вражескомъ станѣ. Въ кладовыхъ всегда хранились огромные запасы провіанта, такъ что голода нечего было бояться. Осада затянулась до безконечности.

Были смертельные случаи отъ цынги и другихъ болѣзней, но, въ общемъ, осада не очень была смертоносной. Только разъ залетѣвшіе въ ограду снаряды убили двухъ стариковъ и повредили церковь. Болѣе многочисленныя жертвы были при болѣе или менѣе удачныхъ вылазкахъ и при смѣломъ отраженіи приступовъ. Разсказъ Палицына о 1.500 поляковъ, убитыхъ, будто-бы, въ одной только такой стычкѣ, грѣшитъ противъ истины; можно думать, что, разсказывая это, онъ вдохновлялся больше Раблэ,—котораго, конечно, не читалъ,—чѣмъ Гомеромъ. Если бы это было такъ, то Сапѣга скоро бы остался одинъ подъ стѣнами неприступной крѣпости, такъ какъ, согласно дневнику польскаго полководца, битвы происходили почти ежедневно. Въ одной такой битвѣ у Палицына изображается крестьянинъ великанъ—полуидіотъ, державшій въ нерѣшительности цѣлую польскую армію, ранившій Лисовскаго и убившій самаго страшнаго помощника Сапѣги, князя Юрія Горскаго. А между тѣмъ ни въ Польшѣ, ни въ Московскомъ государствѣ никогда не было князя съ этимъ именемъ; не было также въ теченіе этой войны никакого Горскаго подъ знаменами старосты Усвятскаго. Болѣе правдоподобнымъ намъ кажется подвигъ двухъ другихъ крестьянъ, которые, по словамъ историка-поэта, взлетѣли на воздухъ, взрывая контръ-мину. Неумѣлость поляковъ въ военныхъ предпріятіяхъ подобнаго рода гораздо больше послужила на пользу осажденныхъ и возмѣстила имъ то, чего у нихъ не хватало для защиты. Поборники преп. Сергія и преп. Никона были мужественные, терпѣливые и на диво спокойностойкіе люди, но нравственность у нихъ была плачевная, и полное отсутствіе всякой военной и нравственной дисциплины обнаруживалось въ такомъ омерзительномъ видѣ, что на это указываетъ даже такой благосклонный писатель, какъ Палицынъ. Они постоянно ссорились между собою, обвиняя другъ

друга въ измѣнѣ. По обвиненію такого рода воеводой Долгорукимъ былъ замученъ на пыткѣ казначей общины Іосифъ Дѣвочкинъ, которому покровительствовалъ другой воевода и самъ архимандритъ. Бывшая королева Ливоніи Марія Владиміровна относилась съ какимъ-то особеннымъ почтеніемъ къ этому скромному чиновнику, вставая съ постели даже среди ночи, чтобы истопить ему баню! Но она была заподозрѣна въ свою очередь и обвинена въ преступномъ сочувствіи самозванцу и въ тайной перепискѣ съ Сапѣгой. Письмо съ доносомъ въ этомъ смыслѣ было послано самому Шуйскому монахами, которые, пьянствуя и развратничая съ женами и дочерьми своихъ гостей, сами были не безупречны. Но, увы, таковы были нравы того времени во всѣхъ монастыряхъ на Руси; впрочемъ, они были такими во всѣхъ слояхъ общества, которое разлагалось, какъ я показалъ выше. Во время этого испытанія Троицкая лавра являла собою только образчикъ такого распада въ уменьшенномъ размѣрѣ. И хотя любопытно наблюдать, какъ ни религіозное, ни національное чувство, доведенныя до крайней степени своего напряженія, не были въ состояніи предотвратить этихъ безпорядковъ, все же гораздо интереснѣе подтвердить, что эти безпорядки не оказали никакого вліянія на исходъ дѣла. Пути и средства никогда не были въ Россіи предметомъ строгой критики. Защита Троицкой лавры была геройская, но она не оставила и слѣда героизма отдѣльныхъ личностей; побѣда осталась за осажденными, несмотря на всѣ ихъ человѣческія слабости, даже весьма скверныя.

До конца 1609 г., несмотря на безпрестанныя просьбы осажденныхъ прислать имъ подкрѣпленіе, Шуйскій послалъ имъ только отрядъ въ 60 человѣкъ. Хотя преп. Сергій, явившись въ видѣніи монастырскому звонарю Иринарху, и завѣрялъ его въ томъ, что болѣе дѣйственная помощь скоро прибудетъ, такъ какъ основателемъ лавры отправлено уже въ Москву три гонца, три монаха верхомъ на трехъ слѣпыхъ кобылицахъ съ посланіемъ, на которое царь долженъ дать немедленно отвѣтъ, царь оставался глухъ ко всѣмъ воззваніямъ осажденныхъ. Скопинъ и Делагарди, между тѣмъ, все приближались. Въ іюлѣ 1609 г. Сапѣга, вышедши къ нимъ навстрѣчу, былъ разбитъ при Калязинѣ; въ октябрѣ побѣдители подошли къ окрестностямъ монастыря и оставили тутъ осажденнымъ отрядъ въ тысячу человѣкъ; а въ январѣ

Сапѣга снялъ осаду, тѣснимый русско-шведскими войсками, покинутый Рожинскимъ, съ которымъ у него едва не дошло до поединка на сабляхъ, а также вслѣдствіе уговоровъ самого самозванца бросить это гибельное предпріятіе [1]).

Въ годовщину этого славнаго дня, которая торжественно празднуется еще и теперь, совершается крестный ходъ вокругъ знаменитыхъ стѣнъ. Гулъ отъ этого событія въ то время разнесся на огромное пространство и способствовалъ ускоренію уже намѣчавшейся тогда реакціи. Многіе уголки несчастной страны, ставшей обширнымъ полемъ битвы, были еще охвачены смутой, которая, казалось, все еще разросталась. Даже въ продолженіе осады передъ Сапѣгой и Лисовскимъ, поперемѣнно оставлявшими свой лагерь, открылись ворота Суздаля, Переяславля и Ростова. Митрополитъ ростовскій былъ тогда взятъ въ плѣнъ; въ мѣховой татарской шапкѣ, обутый въ казацкіе сапоги, Филаретъ на дровняхъ былъ отвезенъ въ Тушино, привязанный къ какой-то распутной женщинѣ [2]); но самозванецъ, лучше другихъ сообразившій, какую выгоду онъ можетъ извлечь изъ этого плѣнника, оказалъ ему почетный пріемъ. Въ ненарокомъ учрежденной іерархіи новой столицы не хватало только патріарха, и вотъ осыпанный милостями и почестями Филаретъ соглашается принять на себя этотъ санъ и въ качествѣ патріарха совершаетъ богослуженія и разсылаетъ окружныя грамоты по областямъ. Будучи искуснымъ политикомъ, отецъ будущаго основателя новой династіи не былъ героемъ. Архіепископъ тверской Ѳеоктистъ, не пожелавшій покориться тушинцамъ, былъ недавно убитъ ими; Филаретъ не стремился раздѣлить съ нимъ вѣнецъ мученичества. Этотъ тягостный эпизодъ въ жизни ростовскаго митрополита обойденъ молчаніемъ въ его оффиціальномъ жизнеописаніи, составленномъ въ 1619 г.

---

[1]) Для исторіи осады см. Палицынъ, Сказаніе о осадѣ; Голохвастовъ, Замѣтки, „Москвитянинъ“, 1842, №№ 6 и 7; А. В. Горскій, тамъ же, 1842, № 12; А. Ф. Бычковъ, Энц. словарь, I; С. И. Кедровъ, Чтенія въ Общ. Ист. и Древн., 1880, IV; его же статья въ „Русск. Арх.“, 1886, VIII; А. В. Горскій, Ист. описаніе Св. Троицкія Сергіевы Лавры; Голубинскій, Преподобный Сергій, основатель Лавры; Берейковъ, Троицкая Лавра въ смутное время; Платоновъ, Древнерусскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени, стр. 174 и сл. Dzieduszycki, M. Krótki rys dziejów i spraw Lisowczyków.—Документы: Акты Истор. II, №№ 181—242; Лѣтопись занятій Арх. Ком., IV, 95; Хилковъ, Сборникъ, №№ 14, 18; 32—42; Sapieha, Dziennik; Budziło, Historya Dmitra falszywego, и др.

[2]) Русск. Ист. Библ. XIII, 513.

Взятіе Ростова повлекло за собою сдачу сосѣднихъ городовъ: Ярославля, Вологды и Тотьмы; но въ самомъ Тушинѣ дѣла пошли хуже. Тутъ происходили такія же распри, какъ и въ Троице-Сергіевой лаврѣ. Бывшій главнокомандующій Мѣховицкій, пытавшійся вернуть себѣ командованіе, былъ зарубленъ по приказанію Рожинскаго, который дошелъ до того, что пригрозилъ той же участью и самому самозванцу. Эти самоуправства, повторяясь во всѣхъ мѣстахъ, занятыхъ мятежниками, и сопровождаясь вымогательствомъ, все болѣе и болѣе безчеловѣчнымъ, приводили жителей въ недоумѣніе. Къ страданіямъ, неизбѣжнымъ при междоусобной войнѣ, начало присоединяться еще глубокое разочарованіе. Вмѣсто ожидаемыхъ милостей, обѣщанныхъ въ первыхъ манифестахъ воскресшаго Димитрія, требовали отъ народа все новыхъ податей, которымъ, казалось, не будетъ конца, такъ какъ послѣ русскаго сборщика изъ Тушина являлся польскій сборщикъ, а за нимъ третій и четвертый, которые ссылались то на Сапѣгу, изображавшаго собою державнаго владыку, то на Лисовскаго, занимавшагося грабежомъ. Всѣ они одинаково были готовы брать силой то, чего имъ не давали по доброй волѣ, грабя дома, обирая лавки, истязуя и избивая ихъ владѣльцевъ. Что касается до надѣленія землей, возвѣщеннаго съ такимъ шумомъ, то имъ попользовались только нѣкоторые излюбленные царедворцы, ловкіе угодники мятежнаго правительства, подѣливъ между собою земли, отнятыя у сторонниковъ Шуйскаго, и заставивъ сожалѣть о прежнихъ господахъ.

Среди этихъ горестныхъ испытаній примѣръ, данный Троицкой лаврой, особенно убѣдительно доказывалъ, что полякамъ и казакамъ можно дать отпоръ и выгодно поступать такъ. Жители Устюжны Желѣзнопольской, сговорившись съ Бѣлозерцами, рѣшили запереть ворота передъ сборщиками податей и чиновниками всякаго рода. „Косимые какъ трава“, говорится въ лѣтописи [1], въ одной стычкѣ въ открытомъ полѣ съ войсками самозванца, они заперлись въ своемъ городѣ и безтрепетно смотрѣли, какъ „огромная рать—поляки, казаки, татары и москвитяне — ринулась, словно дождь въ ливень, на стѣны ихъ деревянныхъ укрѣпленій. Они отразили три приступа, и съ тѣхъ поръ доблестный городокъ также

[1]) Русск. Ист. Библ., II, № 187, стр. 798—814. *Перев.*

празднуетъ и по сей день ежегодно годовщину позорнаго отступленія нападавшихъ. „Огромная армія“, вѣроятно, была не что иное, какъ небольшой отрядъ малоизвѣстнаго польскаго наѣздника Козаковскаго, который разбойничалъ въ этихъ краяхъ. Тѣмъ не менѣе, это пораженіе произвело сильное впечатлѣніе. На подобный отпоръ тушинцы сумѣли отвѣчать только сугубой жестокостью себѣ же на бѣду. Отъ 1608—1610 г. вездѣ, гдѣ они появлялись, царилъ ужасъ.

IV. Лихолѣтье.

Въ устныхъ преданіяхъ жителей Вологодской губерніи сохранилась память о польскихъ панахъ, жестокихъ, безжалостныхъ и ненасытныхъ, и остались вещественные слѣды ихъ подвиговъ: тутъ курганъ прикрываетъ груду труповъ; тамъ кладъ хранитъ ихъ добычу, зарытую ими во время погони за ними, „несмѣтное сокровище“; его, однако, не удалось съ тѣхъ поръ извлечь на свѣтъ Божій [1]. Если судить по однимъ только мѣстнымъ источникамъ, то москвитяне превосходили въ дикости еще своихъ случайныхъ союзниковъ [2]. Разница въ уровнѣ цивилизацій при такомъ зловѣщемъ соревнованіи не можетъ, безъ сомнѣнія, служить достаточнымъ объясненіемъ этого явленія. Война обыкновенно стираетъ это различіе. Поляки, вымогая безпощадно казну у населенія въ мѣстностяхъ, занятыхъ ими, вовсе не обнаруживали по отношенію къ нему ненависти; они требовали отъ него только денегъ или удовольствій. Что же касается московскихъ приверженцевъ Димитрія, наоборотъ, всякій сторонникъ Шуйскаго для нихъ былъ врагомъ, котораго надо было уничтожить, иначе грозила опасность быть самому уничтоженнымъ имъ въ злосчастный день. Поляки шли сюда провести весело время и обогатиться, если имъ не удавалось достичь большаго; если дѣло принимало дурной оборотъ, они имѣли возможность вернуться домой, натѣшившись въ волю и набивъ себѣ туго кошелекъ. Московскіе приверженцы, переходя на сторону самозванца, отрѣзывали себѣ всякое отступленіе и ставили на карту свою жизнь; а казаки видѣли тутъ единственный случай выйти изъ своего тяжелаго положенія людей внѣ закона или отомстить за него. Наконецъ, и самое глав-

[1]) Мерцаловъ, „Русск. Старина“, 1883, XXXIX, 654—656.
[2]) Тимофеевъ, Русск. Ист. Библ. XIII, 415 и сл.

ное, преслѣдуя свои особыя цѣли повеселиться или потѣшить свое честолюбіе или алчность, или просто изъ влеченія къ жизни среди эпическихъ приключеній, Сапѣга и его соотечественники не страдали той революціонной горячкой, которая во всѣ времена и повсюду неизмѣнно приводила въ концѣ концовъ къ припадкамъ жажды разрушенія и кощунства. Такъ, въ то самое время, когда Троице-Сергіева лавра принуждала поляковъ и казаковъ съ благоговѣніемъ относиться къ ея неприкосновенной святынѣ, въ двадцати другихъ городахъ московскіе приверженцы „Тушинскаго вора“ не только смотрѣли равнодушно, какъ брали приступомъ, грабили, опустошали и оскверняли десятками храмы и монастыри, но и сами принимали участіе въ этихъ неистовствахъ, какъ, напримѣръ, было въ Ростовѣ.

При ихъ содѣйствіи и даже, можно сказать, главнымъ образомъ ихъ руками страна была доведена до ужаснаго состоянія. Города и деревни были опустошены; люди и звѣри обмѣнялись жилищами: на пустынныхъ улицахъ и площадяхъ находили пріютъ себѣ волки и лисицы, а люди забирались въ самую глухую чащу лѣсовъ, питаясь травой и корнями растеній и съ тоской выжидая спасительнаго мрака; тогда люди занимали покинутыя берлоги звѣрей. Но эти убѣжища были не всегда надежны: по уходѣ жителей изъ селъ и городовъ пылали жилища, и при заревѣ пожаровъ охотники съ гончими гонялись по лѣсамъ за человѣческой дичью!

Въ дѣлѣ разрушенія особенно отличались казаки. Если имъ не удавалось сжечь домъ, они непремѣнно старались выломать въ немъ, по крайней мѣрѣ, двери и окна, чтобы сдѣлать его негоднымъ для жилья. Они топили, бросали въ навозъ и утаптывали копытами своихъ лошадей съѣстные припасы, которые не могли съѣсть на мѣстѣ или увезти съ собой. Разгулъ и развратъ сопровождали рѣзню. Во Владимірской области какой-то Наливайко, тезка мятежнаго казацкаго атамана, пойманнаго и казненнаго поляками за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, отмѣтилъ свой путь ужасными оргіями, сажая на колъ мужчинъ, насилуя женщинъ; по свидѣтельству Сапѣги — который ему покровительствовалъ! — онъ зарѣзалъ собственноручно девяносто три жертвы обоего пола. Чтобы избавиться отъ позора, многія женщины убивали себя; но другія, — такихъ было еще больше, — легко мирились со своей участью: похищенныя казаками или поляками и выкуплен-

ныя родителями или мужьями, онѣ убѣгали и возвращались къ веселой жизни, въ которую успѣли втянуться. Забвеніе всѣхъ правилъ, пренебреженіе всѣми принципами чести и стыдливости сопровождало, какъ всегда бываетъ, разложеніе соціальнаго организма; при общемъ нравственномъ распадѣ не устояла и семья.

Въ этой странѣ, гдѣ всякая власть внушала благоговѣйный трепетъ, теперь, когда всѣ чины и званія опошлились до послѣдняго, не оставалось уже ни одной должности, къ которой народъ относился бы съ уваженіемъ. Вслѣдъ за Филаретомъ, этой пародіей на патріарха, вся церковь ринулась, очертя голову, въ тину: священники, архимандриты и епископы оспаривали другъ у друга милости Тушинскаго вора, перебивая другъ у друга должности, почести и доходы цѣною подкупа и клеветническихъ извѣтовъ. Вслѣдствіе этихъ публичныхъ торговъ епископы и священники смѣнялись чуть не каждый мѣсяцъ. Во всемъ царила анархія: въ политикѣ, въ обществѣ, въ религіи и въ семейной жизни. Смута была въ полномъ разгарѣ. Вопреки волѣ Сапѣги, самозванецъ, вѣрнѣе Рожинскій, положилъ конецъ удальству Наливайки, повѣсивъ его. Но Наливаекъ были тысячи, и только послѣ того, какъ они слишкомъ долго испытывали народное терпѣніе и перешли всѣ его предѣлы, неотложная нужда, наконецъ, побудила народъ съ отчаянной рѣшимостью приняться за расправу со своими мучителями.

V. Отпоръ смутѣ.

Реакціонное движеніе прежде всего началось въ сѣверныхъ областяхъ, когда тамъ твердою опорою законному правительству явились войска подъ начальствомъ Скопина и Делагарди. Съ Бѣлоозера и Устюжны, гдѣ противодѣйствіе это уже восторжествовало; изъ Устюга и Вычегды, жители которыхъ обмѣнивались грамотами, ободряя другъ друга къ сопротивленію; изъ Нижняго-Новгорода, гдѣ въ томъ же духѣ сталъ дѣятельно проповѣдывать игуменъ Іоиль, — движеніе быстро сообщилось сосѣднимъ большимъ городамъ. Велико было изумленіе и замѣшательство казацкихъ и польскихъ воровскихъ шаекъ, когда вездѣ имъ встрѣчались теперь другія толпы вооруженныхъ людей и оказывали сопротивленіе! Жители Юрьевца Поволжскаго, подъ предводительствомъ сотника Ѳео-

дора Краснаго, жители Рѣшмы, подъ начальствомъ крестьянина Григорія Лапши, осмѣливались уже вступать съ ними въ бой даже въ открытомъ полѣ. Возлѣ села Данилова внезапно создалась крѣпостца, задержавшая на время горячаго Лисовскаго; паденіе ея не охладило всенароднаго воодушевленія. Одинъ за другимъ города: Галичъ, Кострома, Вологда, Городецъ, Кашинъ отлагались отъ самозванца, посылая въ Москву увѣренія въ своей вѣрности и изобличая преступные замыслы „вора". Вологжане увѣряли даже москвичей, будто они перехватили бумаги изъ Тушина, содержавшія приказъ перебить всѣхъ способныхъ носить оружіе мужчинъ ихъ города, а женщинъ и дѣтей отправить въ Польшу. То же самое открытіе сдѣлали и жители Тотьмы, съ добавленіемъ, будто самозванецъ намѣревается освободить изъ темницъ всѣхъ злодѣевъ.

Въ Москвѣ, на бѣду, Шуйскій не сумѣлъ какъ слѣдовало воспользоваться этимъ внезапнымъ подъемомъ народнаго духа. Онъ приказывалъ своимъ „вѣрнымъ подданнымъ" сплотиться для избавленія столицы отъ врага, гдѣ, впрочемъ, какъ онъ увѣрялъ, „все обстоитъ благополучно". Онъ не скупился на патріотическія увѣщанія и дѣльные совѣты, но самъ былъ совершенно неспособенъ принять болѣе дѣятельное участіе въ этой зарождавшейся организаціи отпора. Скопинъ, правда, дѣйствовалъ удачнѣе. Его походъ изъ Новгорода въ Тверь вмѣстѣ со шведами, въ іюлѣ 1609 г., имѣлъ, кажется, цѣлью привести въ связь съ задуманными имъ планами нѣсколько безпорядочныя дѣйствія возмутившихся противъ смуты. Этотъ планъ его увѣнчался успѣхомъ. Жители Вычегды, съ помощью Строгановыхъ, набрали отрядъ и, хорошо вооруживъ его, отправили къ „истинному царю". Вологда, не устрашившись участи Костромы и Галича, которымъ Лисовскій мстилъ ужасными жестокостями, приготовилась къ упорному сопротивленію. Нижній-Новгородъ отразилъ одно изъ нападеній. Вятка соединилась съ Арзамасомъ, Муромомъ, Владиміромъ и Суздалемъ, пытаясь завлечь въ свой обширный союзъ даже отдаленную Пермь.

Способность общинъ въ московскомъ государствѣ приходить къ подобнаго рода соглашеніямъ, обнаруживавшаяся много разъ въ это бѣдственное время, составляетъ крайне любопытную черту русскаго народа. Она свидѣтельствуетъ о присутствіи въ самомъ строеніи этого разложившагося обще-

ства, въ его внутренней жизни, огромныхъ скрытыхъ средствъ, могучихъ пережитковъ былыхъ привычекъ къ самоуправленію [1]). Надо отмѣтить еще одно явленіе: въ этихъ вооруженныхъ возстаніяхъ противъ „вора“ и его приверженцевъ одни только крестьяне доказали свое усердіе, мужество и самоотверженіе. Въ Костромѣ и Галичѣ „дѣти боярскіе“ сперва соединились съ „тяглыми людьми“ и пошли вмѣстѣ на Ярославль, но, приблизившись къ городу, они обратились вдругъ противъ своихъ союзниковъ, отняли у крестьянъ пушки, привезенныя изъ Галича, и перешли на сторону Лисовскаго. Отсутствіе связи между членами шаткаго, еще неорганическаго сословія „служилыхъ людей“, этого зародыша теперешняго чиновничества, отсутствіе у нихъ общаго средоточія, какимъ служила крестьянамъ община, этотъ обломокъ исконныхъ учрежденій самоуправляющагося міра,—такого благотворнаго учрежденія не было въ другихъ общественныхъ группахъ,—вотъ, безъ сомнѣнія, причина этого явленія, требующаго глубокаго научнаго изслѣдованія [2]).

Итакъ, общины сѣверныхъ областей со всѣхъ концовъ пересылались грамотами и сговаривались. Послѣ Мурома, Владиміръ снесся съ Нижнимъ-Новгородомъ и, получивъ отъ него подкрѣпленіе, напалъ на М. Вельяминова, воеводу Лжедимитрія. Несчастный былъ отведенъ въ церковь для исповѣди, а затѣмъ побитъ каменьями, при крикахъ: „Вотъ врагъ московскаго государства!“ Этотъ примѣръ короткаго суда нашелъ себѣ скоро подражателей въ Костромѣ и другихъ мѣстахъ. Съ востока движеніе перебросилось на западъ, на область, по которой въ то время проходилъ Скопинъ со своими войсками. Передавшись „истинному царю“, ободренные побѣдой надъ Тышкевичемъ, однимъ изъ самыхъ блестящихъ польскихъ наѣздниковъ, Молога и Рыбинскъ приглашали Ярославль и Угличъ постоять за правое дѣло [3]).

---

[1]) П. Д. Голохвастовъ выяснилъ важное значеніе этого явленія въ своей прекрасной статьѣ въ „Руси“, 1883, № 6, стр. 34.

[2]) См. Платоновъ. Очерки, стр. 400.—Касательно возстанія крестьянъ нѣсколько интересныхъ документовъ въ „Сборникѣ Щукинскаго музея“, V, 77—81 и въ сборникѣ Хилкова, стр. 35 и сл.

[3]) Никоновск. лѣт. VIII, 114; Акты историч., II, №№ 98, 99, 100, 101, 106, 107, 108, 110, 116, 118, 130; Акты Арх. Ком., II, №№ 88, 89, 91, 93, 95, 98—104, 110; Русск. Ист. Библ. XIII, 511; Marchocki, стр. 44; Sapieha, Dziennik, стр. 189; Ср. Бестужевъ-Рюминъ; Ж. М. Н. П., авг. 1887, стр. 262 и сл.

Шуйскій, къ сожалѣнію, только хвастался, говоря, будто въ Москвѣ „у него все благополучно". Какъ и раньше, изъ одной столицы въ другую переѣзжали „перелеты". На улицахъ и площадяхъ громко обсуждался вопросъ о заслугахъ и достоинствахъ обоихъ царей, и нерѣдко при похвалахъ Димитрію въ толпѣ раздавались рукоплесканія. Шуйскій проявлялъ иногда жестокость, но, слабый и робкій, онъ рѣшался примѣнять мѣры строгости только къ мелкому люду, не трогая вельможъ, отчего они становились все болѣе дерзкими. 25 февраля 1609 г. была сдѣлана серьезная попытка свергнуть „царя боярскаго". Любопытнѣе всего то, что въ этомъ заговорѣ принимали участіе также и бояре. Подобравъ до 300 единомышленниковъ, князь Романъ Ивановичъ Гагаринъ, Григорій Ѳеодоровичъ Сумбуловъ и Тимоѳей Васильевичъ Грязной, все именитые люди, обратились къ своимъ естественнымъ союзникамъ съ просьбой передѣлать сообща устроенное дѣло, положить конецъ „пролитію христіанской крови", низложивъ царя „глупаго и безчестнаго, пьяницу и развратника", не оправдавшаго надеждъ избравшихъ его [1]). Призывъ не встрѣтилъ, однако, сочувствія. Вмѣсто того, чтобы явиться на Красную площадь, какъ это было условлено, бояре попрятались по своимъ домамъ. Явился только одинъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ, почуявшій удобный случай отомстить. Патріархъ Гермогенъ былъ схваченъ во время богослуженія въ Успенскомъ соборѣ и притащенъ на Лобное мѣсто. По дорогѣ его били, издѣвались надъ нимъ, осыпали бранью, но среди всѣхъ этихъ насилій, „твердый, какъ алмазъ", патріархъ Гермогенъ остался непоколебимымъ и не уступилъ заговорщикамъ. Они бросились въ Кремль, но чернь отказалась слѣдовать за ними; а Шуйскій, успѣвшій тѣмъ временемъ собрать кое-какія войска, отразилъ нападеніе.

Надо обратить вниманіе на развязку этого приключенія: она ясно, какъ Божій день, доказываетъ, въ какомъ критическомъ положеніи находилась тогда Москва. Побѣда царя не сопровождалась никакими карами. Побѣдитель оставался въ своемъ дворцѣ, а побѣжденные благополучно удалились въ Тушинскій лагерь, и никто не осмѣлился задержать ихъ. Голицынъ вернулся къ себѣ, продолжая спокойно жить, какъ будто ничего не произошло. Даже Гагаринъ, спустя

---

[1]) Поповъ, Изборникъ, стр. 198; Карамзинъ, Ист. Гос. Росс., XII, 118.

нѣкоторое время, вернулся изъ Тушина въ Москву, не потерпѣвъ тоже никакихъ непріятностей изъ-за своего неудачнаго приключенія [1]).

Заговоры противъ Шуйскаго повторились въ апрѣлѣ и маѣ 1609 г. Въ то время тушинцы попытались еще разъ прервать сообщеніе между Коломной и столицей. Въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль цѣна хлѣба была 7 руб. за четверть, т. е. въ двадцать четыре раза выше его нормальной стоимости! Голодъ долженъ былъ неминуемо вызвать бунтъ. Но осаждавшіе, ослабленные отсутствіемъ у нихъ дисциплины и обезпокоенные возстаніемъ, охватившимъ области, а также приближеніемъ Скопина, не могли оказать нужнаго напряженія силъ. Самъ Рожинскій, жестоко страдавшій отъ раны, уже не былъ въ состояніи справиться со своимъ дѣломъ. Въ большой битвѣ, происшедшей совсѣмъ неожиданно въ день св. Троицы изъ-за неосторожной стычки польскихъ аванпостовъ, ему пришлось пожертвовать всей своей пѣхотой, чтобы выручить своихъ попрежнему непослушныхъ поляковъ, зарвавшихся черезчуръ далеко. Это было послѣднее крупное сраженіе между Москвой и Тушиномъ. Скопинъ и шведы приближались.

Московскій главнокомандующій задержался на долгое время въ Новгородѣ и его окрестностяхъ. Причиной тому было броженіе въ этой области, а также затрудненія, представившіяся ему при осуществленіи широко задуманнаго имъ плана военнаго и административнаго переустройства. Выбравъ центромъ Вологду, онъ разсчитывалъ найти въ ней опору для общаго преобразованія расшатаннаго государственнаго организма. По его мнѣнію, Вологда подходила къ такому назначенію, будучи узловымъ соединеніемъ всѣхъ дорогъ, связывавшихъ сѣверныя области со столицей, и весьма важнымъ торговымъ городомъ. Но при выполненіи этого плана встрѣтилось много препятствій, а когда Скопинъ рѣшилъ выступить въ походъ, ему заградили путь еще новыя. Отрядъ запорожцевъ подъ предводительствомъ поляка Керножицкаго, занявъ уже Торжокъ и Тверь, грозилъ застигнуть врасплохъ молодого Шуйскаго среди разработки его плана и разрушить его замыслы въ самомъ зародышѣ. Навстрѣчу Керножицкому былъ высланъ отрядъ войска, но новгородцы

[1]) Никоновск. лѣт., VIII, 111—112; Русск. Ист. Библ. XIII, 119.

заподозрили его начальника въ измѣнѣ. Подозрѣваемый былъ тотъ самый окольничій Михаилъ Игнатьевичъ Татищевъ, который какъ-то въ спорѣ съ Димитріемъ I по поводу телятины наговорилъ ему дерзостей, а впослѣдствіи убилъ Басманова. Но этихъ подвиговъ, очевидно, оказалось еще недостаточно, чтобы служить порукою въ вѣрноподданности. Въ этомъ случаѣ Скопинъ велъ себя совсѣмъ не по-геройски. Предоставивъ своего подчиненнаго на волю новгородцамъ, онъ допустилъ его убійство, и сверхъ того, послѣ продажи имущества убитаго съ публичнаго торга, какъ это водилось у новгородцевъ, когда творилось народное правосудіе, онъ тоже потребовалъ своей доли [1]).

Пользуясь этими обстоятельствами, Керножицкій подошелъ къ самымъ воротамъ города и отступилъ только вслѣдствіе прихода заонежскихъ крестьянъ, явившихся неожиданнымъ подкрѣпленіемъ для новгородцевъ. Запорожцы кинулись къ Старой Руссѣ и продержались тамъ до самой весны 1609 года, до прихода шведовъ, преграждая путь Скопину. Появленіе шведовъ измѣнило распредѣленіе наличныхъ силъ въ этихъ краяхъ; въ нѣсколько недѣль они очистили всю мѣстность отъ непріятеля, за исключеніемъ Твери, гдѣ, впрочемъ, народное движеніе,—объ его характерѣ и успѣхахъ я уже говорилъ,—дало законному правительству сторонниковъ, предводительствуемыхъ крестьяниномъ Тимоѳеемъ Кудекуша Трепцомъ. Въ Орѣшкѣ одинъ изъ самыхъ блестящихъ воеводъ Лжедимитрія, впослѣдствіи одинъ изъ главарей мятежной партіи, Михаилъ Глѣбовичъ Салтыковъ, убѣдившись, что ему не справиться, бѣжалъ и, ища убѣжища въ Тушинскомъ лагерѣ, произвелъ тамъ переполохъ.

10 мая 1609 г. Скопинъ покинулъ, наконецъ, Новгородъ и, соединившись со шведами, собралъ въ Торжкѣ ополченцевъ, пришедшихъ изъ Смоленской области, а затѣмъ разогналъ заграждавшія ему путь шайки Керножицкаго, несмотря на то, что къ нимъ присоединился и Зборовскій. Подвигаясь все впередъ, Скопинъ соединился съ заволжскими крестьянами, собравшимися въ Ярославлѣ и угрожавшими Ростову, и, вмѣстѣ съ ними осиливъ Сапѣгу, снялъ осаду съ Троице-Сергіевой лавры. Однако, Скопину не удалось

---

[1]) Никоновск. лѣт., VIII, 107; Тимофеевъ, Русск. Ист. Библ., XIII, 420—428. Ср. В. С. Иконниковъ, Чтенія въ Общ. Нестора лѣт., 1879, I, 121; Форстенъ, Ж. М. Н. П., февр. 1889; Воробьевъ, „Русск. Арх.“ 1889, VIII, 484.

тотчасъ же воспользоваться всѣми плодами, которыхъ онъ ожидалъ отъ этой побѣды: въ это самое время покинули его шведы. Благородный Делагарди, не слѣдовавшій, насколько это было возможно, коварнымъ инструкціямъ Карла, всегда приходилъ на помощь Скопину со своими войсками и не замышлялъ злоупотреблять своею силою; но его солдатамъ не было уплачено за два мѣсяца жалованье, и не былъ еще переданъ шведамъ Кексгольмъ. По настоянію племянника Шуйскій рѣшился наконецъ пожертвовать Кексгольмомъ, но не могъ найти денегъ для уплаты жалованья; наемныя войска отказались идти въ походъ.

Только возставшіе противъ смуты не остановились на полъ-пути послѣ даннаго имъ толчка. Одинъ изъ очаговъ контръ-революціи, вспыхнувшій въ бассейнѣ рѣки Клязьмы, между Волгой и Окой, и потушенный въ самомъ началѣ энергичными усиліями воеводы суздальскаго Плещеева, быстро снова разгорѣлся, и пламя его, все разрастаясь, распространилось на югъ. Города этого бассейна: Суздаль, Владиміръ, Муромъ, Юрьевъ—мертвые и лишенные Москвою самоуправленія, разоренные военнымъ положеніемъ, которое введено было послѣ завоеванія, не имѣли необходимыхъ матеріальныхъ и духовныхъ силъ для продолжительной борьбы. Послѣ нѣсколькихъ судорожныхъ отчаянныхъ попытокъ отпора они снова впали въ бездѣйствіе. Но въ другихъ мѣстахъ этой области сохранились кое-какіе остатки ихъ полнаго мощи прошлаго. Была кое-какая промышленность и торговая жизнь въ прибрежныхъ большихъ поселеніяхъ по Тезѣ и Луху, въ сосѣднихъ волжскихъ пристаняхъ Балахнѣ, Городцѣ, Юрьевцѣ, Рѣшмѣ, Кинешмѣ. Въ соціальной жизни волостныхъ міровъ этихъ густо населенныхъ мѣстностей все еще наблюдалась напряженная дѣятельность. Впрочемъ, въ этой области Шуйскіе чувствовали себя дома; это обстоятельство способствовало въ прилежащихъ мѣстахъ развитію волненія и организаціи противодѣйствія смутѣ. Изъ Нижняго-Новгорода предпріимчивый воевода Ѳеодоръ Ивановичъ Шереметевъ подалъ Шуйскимъ вооруженную помощь. Оба ополченія соединились и въ концѣ 1609 г., взявъ Муромъ и Касимовъ, нагнали Скопина подъ стѣнами Александровской слободы, служившей нѣкогда мѣстопребываніемъ Грозному.

Такимъ образомъ, въ видѣ широкаго, сходящагося въ одно мѣсто движенія народныя ополченія съ сѣвера, вос-

тока и юга стягивались къ Москвѣ и Тушину, намѣреваясь окружить со всѣхъ сторонъ логовище „вора“, и вотъ „боярскій царь“, покидаемый либо слабо защищаемый давшими ему власть, теперь почти уже торжествовалъ побѣду, и это благодаря крестьянамъ. Въ своей борьбѣ съ Болотниковымъ въ качествѣ представителя законнаго порядка онъ опирался еще на второстепенную знать, на дворянъ, служилыхъ людей и дѣтей боярскихъ. Этотъ элементъ, развращенный въ теченіе смутнаго времени, подался въ свою очередь и уступилъ мѣсто новой силѣ, новому соціальному слою, поднятому со дна сильнымъ водоворотомъ.

Болѣе мощный по своей численности и нравственно болѣе устойчивый, этотъ новый слой, однако, могъ служить только орудіемъ другихъ, потому что, грубый и невѣжественный, онъ самъ нуждался въ кормчемъ. А той порой на сцену исторіи выступилъ новый могучій дѣятель, къ которому должно было перейти управленіе событіями изъ неумѣлыхъ и неопытныхъ рукъ Шуйскаго. Въ то самое время, когда польскіе искатели приключеній, потерявъ свое кратковременное обаяніе, дошли до того, что ихъ разбивали монахи и мужики, на часахъ загадочной судьбы пробилъ часъ для выступленія истинной Польши, наслѣдницы Баторія.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Вмѣшательство Польши.

I. Планъ Сигизмунда.

Добрый и полный героизма Янъ Собѣскій никогда не считался послѣдователемъ Маккіавелли, но и онъ какъ-то разъ, въ минуту откровенности, сказалъ, что въ войнѣ надо прежде всего имѣть въ виду послѣдствія, а не поводы. Я совѣтую это вспомнить тѣмъ русскимъ историкамъ, которые все еще оспариваютъ законность поводовъ, побудившихъ въ 1609 г. Сигизмунда взяться за оружіе противъ своихъ сосѣдей. Если бы онъ во-время не упредилъ ихъ, вступивъ въ московскіе предѣлы, москвитя ненапали бы на него въ Польшѣ вмѣстѣ со своими союзниками—шведами. Но не одинъ этотъ casus belli (поводъ къ войнѣ) оправдывалъ его рѣшенія. Не слѣдуетъ забывать предложеній, сдѣланныхъ королю Безобразовымъ еще въ концѣ 1605 г. Эта интрига не была оставлена, несмотря на воцареніе Шуйскаго, и, если вѣрить сообщеніямъ Симонетты, преемника Рангони, новый царскій посолъ, Волконскій, самъ усиленно поддерживалъ эту интригу. Бояре, увѣрялъ онъ, не потерпятъ долго у себя ровню себѣ, Шуйскаго: имъ нуженъ государь царскаго рода; стоитъ только Сигизмунду двинуть свои войска къ границѣ, и сынъ его будетъ единогласно провозглашенъ царемъ въ Москвѣ. Развѣдчикъ, отправленный въ Краковъ боярами, подтвердилъ королю эти увѣренія. Димитрія II придумали-де бояре только для того, чтобы погубить „шубника" и проторить дорогу для польскаго вмѣшательства. Наконецъ, въ томъ же смыслѣ подробно писалъ и плѣнный польскій посолъ, Олесницкій, въ своихъ посланіяхъ къ королю, дошедшихъ до него какимъ-то путемъ. Московское государство,

терзаемое междоусобной войной, обезлюдѣвшее и разоренное, представлялось такой легкой добычей. Противники Шуйскаго брали верхъ, а ихъ самымъ завѣтнымъ желаніемъ было имѣть польскаго царя.

Какъ могъ устоять до сихъ поръ Сигизмундъ передъ такими уговариваніями? Дѣло въ томъ, что со смерти Димитрія I онъ былъ всецѣло поглощенъ заботами о порядкахъ внутри своего государства. До іюля 1607 г. руки его были связаны мятежомъ (rokosz) Зебржидовскаго. Позднѣе къ этимъ заботамъ присоединились еще затрудненія въ вопросѣ о финансахъ и войскѣ, а Польша, только-что истощенная братоубійственной борьбой, была плохо подготовлена къ завоевательной войнѣ. Впрочемъ, король самъ имѣлъ мало охоты увлечь поляковъ за собою въ походъ. Съ него было довольно поляковъ въ Краковѣ! Онъ мечталъ достигнуть Москвы безъ поляковъ. Поэтому, несмотря на благопріятное голосованіе большинства сеймиковъ (повѣтовыхъ сеймовъ), онъ склонялся къ мысли сдѣлать изъ этого предпріятія дѣло личное и избѣгалъ предлагать участіе въ немъ на сеймѣ. Конечно, онъ не могъ выступить въ походъ одинъ безъ войска, но, благодаря несуразности польской конституціи, ему представлялся другой выходъ; въ числѣ многихъ другихъ странностей она допускала въ дѣйствительности раздвоеніе личности государя и даже самого государства: съ одной стороны была личность короля, съ другой—страна, судьбою которой онъ номинально управлялъ. Чудовище о двухъ головахъ, государство, представляемое сеймомъ, соединялось въ двоякой ипостаси съ государствомъ, представляемымъ королемъ; часто эти двѣ головы смотрѣли въ разныя стороны, вслѣдствіе чего было двѣ политики въ Польшѣ. Чтобы проводить свою политику, королю вовсе не нужно было непремѣнно прибѣгать къ сейму, такъ какъ армія была въ его распоряженіи; вопросъ о ней озабочивалъ народныхъ представителей лишь постольку, поскольку онъ касался бюджета. Если отъ плательщиковъ податей—т. е. отъ избирателей — не требовалось расходовъ на войско, депутатамъ было все равно, пошлютъ ли это войско въ Московское государство или въ другое мѣсто: вѣдь солдаты только и существуютъ для того, чтобы воевать. Итакъ, задача въ своемъ окончательномъ рѣшеніи сводилась къ денежному вопросу. Сигизмундъ надѣялся ее разрѣшить, обратившись въ Римъ.

Переговоры, завязавшіеся по этому поводу между Вавелемъ и Ватиканомъ, тотчасъ же послѣ переворота 17-го мая, крайне любопытны для изучающаго эволюцію въ римской политикѣ. Такъ какъ догматическая непогрѣшимость тутъ, безъ сомнѣнія, не затронута, то я совершенно свободно могу коснуться этой главы исторіи; но въ виду того, что подробное описаніе ея уже было дано весьма компетентнымъ лицомъ, я ограничусь только краткимъ сообщеніемъ перипетій и послѣдствій этого достаточно извѣстнаго дипломатическаго эпизода [1]). Съ точки зрѣнія практической, результатъ былъ безусловно отрицательный, несмотря то, что Римъ, вопреки своему традиціонному принципу, постепенно сдѣлалъ королю рядъ незначительныхъ и запоздалыхъ уступокъ. Въ теченіе вѣковой вражды между Москвою и Польшей, причемъ блестящимъ представителемъ послѣдней недавно былъ Поссевино, видно, что Риму искони было противно всякое вмѣшательство, не направленное къ примиренію враждующихъ сторонъ. Съ давнихъ поръ Польша считалась въ Римѣ въ дѣлѣ приведенія въ лоно католической церкви своихъ заблудшихъ славянскихъ братьевъ на сѣверо-востокѣ единственнымъ сулившимъ успѣхъ орудіемъ Провидѣнія. Но московскіе великіе князья и цари заблаговременно и весьма искусно сумѣли дать преобладаніе совсѣмъ иному плану въ папскихъ совѣтахъ, подавая надежды на прямое воздѣйствіе путемъ дипломатіи и пропаганды, исходившихъ прямо изъ Рима. Даже самому Баторію удалось отклонить отъ него папу Сикста V, только увѣривъ его въ томъ, что завоеваніе Москвы служитъ необходимымъ этапомъ на пути къ завоеванію Константинополя. Сигизмунду не по плечу было заявлять притязанія на такое наслѣдство, а потому на свои первыя просьбы онъ получилъ уклончивый отвѣтъ, отнимавшій у него всякую надежду.

— Да, мы давали, но на войну съ турками!

Сигизмундъ настаивалъ, прибѣгая къ протекціи, какая имѣлась у него въ Ватиканѣ, ко вліянію польскаго нунція, къ честолюбію Симонетты, который, въ свою очередь, поджидалъ кардинальской шапки, къ кокетству королевы Констанціи, достойной дочери пронырливой Маріи Баварской. Но

---

[1]) Pierling, La Russie et le Saint-Siège, III, 363 и сл.; его же, Изъ смутнаго времени, стр. 203 и сл.

если Сигизмундъ имѣлъ мало общаго съ Баторіемъ, то и Павелъ V не больше походилъ на Сикста V. Ни минуты не соблазняясь и не воодушевляясь идеей обширнаго политическаго и религіознаго плана, не пытаясь развить въ этомъ направленіи мысль своего назойливаго просителя, но въ то же время будучи не въ силахъ отказать ему сразу наотрѣзъ, папа прибѣгалъ къ волокитѣ, придумывалъ всякія отговорки и кончилъ тѣмъ, что уступилъ просьбѣ, но наполовину и слишкомъ поздно.

Въ 1610 г. Павелъ V, вовсе не одобрявшій войны съ Москвою, послалъ, тѣмъ не менѣе, Сигизмунду шпагу, освященную въ праздникъ Рождества Христова. Въ 1611 г., уже согласный съ замыслами короля, онъ ему предлагаетъ свои молитвы, а за неимѣніемъ денегъ—содѣйствіе своихъ дипломатовъ къ полученію ихъ въ Венеціи, во Флоренціи и въ Нанси. Въ 1613 г., все еще продолжая торговаться и сдаваться, онъ разрѣшаетъ послу государя, Павлу Волюцкому, пріостановить на время посылку аннатовъ и сдѣлать сборъ съ духовенства. Наконецъ, въ теченіе того же года онъ пожертвовалъ 40.000 талеровъ. Но тогда дѣло было уже проиграно.

Итакъ, въ 1609 г. Сигизмундъ принужденъ былъ довольствоваться своими личными средствами. Онъ воображалъ, что ихъ будетъ достаточно, полагаясь на вѣсти, шедшія къ нему изъ московскихъ областей; судя по нимъ, этотъ походъ не долженъ былъ ему стоить большого усилія. Было рѣшено не мобилизовать польскихъ ополченій, а ограничиться имѣвшимися въ распоряженіи немногими постоянными войсками, силы которыхъ усугублялись благодаря человѣку, который приметъ главное начальствованіе надъ ними.

Со времени осуществленія своихъ стремленій къ анархической свободѣ, то-есть съ середины XVI в., вся республиканская Рѣчь Посполитая въ Польшѣ, вопреки своимъ благороднымъ замысламъ и великодушнымъ порывамъ въ область идеальнаго, была въ практической жизни безумнымъ существомъ; продолжая упорно держаться выбраннаго ею пути, она неминуемо шла къ роковой трагической развязкѣ, печальный исходъ которой она вызвала. Путь ея лежалъ среди ужасовъ борьбы со смертью и возврата къ жизни, когда нѣсколько мощныхъ личностей успѣвали оказать сопротивленіе. Чаще всего это были не люди, а дьяволы, какъ Стадницкій, справедливо носившій эту кличку, уже знакомый

намъ. Но среди нихъ являлись и ангелы; не будь ихъ, развязка не затянулась бы на столь долгое время. На порогѣ той эпохи, когда Польша, скользя въ бездну, готовилась погрузиться во мракъ кровавыхъ, скорбныхъ дней, Станиславъ Жолкѣвскій, преемникъ Замойскаго, былъ изъ такихъ свѣтоносныхъ существъ, которыя своимъ лучезарнымъ сіяніемъ до сихъ поръ освѣщаютъ мракъ скорбнаго прошлаго, оставляя въ немъ залогъ лучшаго будущаго. Онъ сдѣлалъ много великаго какъ государственный дѣятель и какъ полководецъ, всякій разъ оставляя впечатлѣніе, что онъ былъ выше порученной ему роли. Славой своихъ подвиговъ онъ наполнилъ двѣ великія страны. Но для силъ его и такое обширное поприще казалось все еще недостаточно просторнымъ. Въ его слабомъ тѣлѣ жила душа, высѣченнная изъ самаго чистаго алмаза, почти безъ порока, безъ пятнышка. Иногда онъ кажется человѣкомъ другой страны, другого вѣка: въ немъ, преисполненномъ античнаго величія, могъ бы узнать себя Римъ героическихъ временъ. Послѣ того, какъ онъ властвовалъ надъ Москвою, управляя городомъ съ высотъ Кремля; послѣ того, какъ онъ привезъ въ Польшу царя, прикованнаго къ своей побѣдной колесницѣ,—ему суждено было погибнуть въ далекихъ равнинахъ Молдавіи. Но и будучи окруженъ турками, покинутый своими солдатами, въ отвѣтъ на уговоры нѣсколькихъ товарищей по оружію искать спасенія бѣгствомъ, онъ застрѣлилъ своего коня!

А все-таки онъ былъ полякомъ и человѣкомъ своего времени до мозга костей. Когда Сигизмундъ обратился къ нему, онъ не отказалъ ему въ помощи, хотя и возражалъ противъ предлагаемыхъ мѣропріятій, критикуя принятый планъ, и предалъ гласности свой отвѣтъ королю [1]). Таковы были нравы его родины.

Планъ короля состоялъ въ томъ, чтобы овладѣть прежде всего Смоленскомъ, крѣпостью, господствующею надъ бассейномъ Днѣпра, предметомъ давняго спора между Москвой и Польшей. Завоеваніе этого города казалось Сигизмунду, съ одной стороны, пробнымъ камнемъ благорасположенія къ нему москвитянъ, а съ другой—подготовкой благорасположенія Польши, на случай если къ нему придется прибѣгнуть.

---

[1]) Żółkiewski, Pisma, ed. Bielowski, p. 22; Grabowski i Przezdziecki, Źródła do dziejów Polskich, I, 83.

Съ одной стороны, взятіе Смоленска служило залогомъ, съ другой—приманкой, на которую не могли не попасться люди въ родѣ Сапѣги и ихъ многочисленныхъ послѣдователей. Къ тому же слухи ходили о плохомъ укрѣпленіи Смоленска, объ отсутствіи въ немъ войска, выведеннаго будто-бы Скопинымъ, о желаніи жителей передаться полякамъ. Жолкѣвскій ничему этому не вѣрилъ и высказывался, наоборотъ, за походъ въ сердце государства, если, разумѣется, будутъ къ тому нужныя средства. Исходъ дѣла доказалъ, что онъ былъ правъ. Но по смерти Замойскаго вліяніе литовскаго канцлера Льва Сапѣги всегда брало верхъ надъ его польскими коллегами. Хотя Жолкѣвскій на дѣлѣ командовалъ надъ арміей, иные изъ его соперниковъ оспаривали у него жезлъ главнокомандующаго. Мнѣніе Жолкѣвскаго не было принято, и въ сентябрѣ 1609 г. съ нѣсколькими отрядами, собранными наскоро, король осадилъ Смоленскъ.

Эта попытка не отличалась отъ всѣхъ другихъ подобныхъ ей, въ которыхъ сталкивались уже съ послѣдняго столѣтія польская горячность и московская стойкость. Построенный на возвышенностяхъ, раздѣленныхъ глубокими оврагами, Смоленскъ обладалъ цѣлой системой укрѣпленій, незадолго до того возстановленныхъ заново и расширенныхъ Годуновымъ; гарнизонъ его былъ еще достаточно силенъ и увеличился болѣе чѣмъ вдвое притокомъ изъ окрестностей всѣхъ способныхъ носить оружіе жителей, которые вовсе не собирались сдаваться полякамъ. Вмѣсто мощей преп. Сергія и преп. Никона у осажденныхъ были не менѣе чудотворныя иконы, которыя они вѣшали въ наказаніе внизъ головой, если счастіе покидало ихъ знамена, а о сдачѣ и рѣчи не заводили. У короля не было достаточно ни пѣхоты, ни артиллеріи, и подъ стѣнами Смоленска повторилось то же, что было съ Сапѣгой подъ стѣнами Троице-Сергіевой лавры [1]).

Но появленію Сигизмунда на московской территоріи самому по себѣ уже суждено было оказывать на ходъ событій

---

[1]) См. для исторіи осады: Żółkiewski, Pisma, ed. Bielowski, p. 28 и сл.; Дневникъ осады, Русск. Ист. Библ. I; Kobierzycki, Historia Vladislai, p. 94—126; Niemcewicz, Dzieje panowania Zyg. III, II, 373; Górski, Obleżenie Smolenska въ Przewodnik naukowy i literacki, 1895.—Нѣкоторыя подробности въ Relazione della acq. di Smol., стр. 5 и сл. Bielski, Dyariusz roku 1609 въ Чт. Общ. Ист. и Древн., 1848, № 6; Maśkiewicz, Pamiętniki, ed. Niemcewicz, II, 358 и сл. См. также портфель Нарушевича въ музеѣ Чарторыйскихъ, IV, № 188.

огромное вліяніе. Хотя польскія пушки не могли произвести пролома въ укрѣпленіяхъ Смоленска, зато отъ одного грохота ихъ залповъ должно было рухнуть Тушино.

II. Паденіе Тушина.

Извѣстіе объ осадѣ Смоленска неизбѣжно вызвало у поляковъ, дѣйствовавшихъ заодно съ тушинскимъ воромъ, сильное чувство досады. Какъ такъ, значитъ, король затѣваетъ вырвать у нихъ плоды ихъ кровавыхъ трудовъ! Рожинскій и его единомышленники составили немедленно противъ Сигизмунда конфедерацію. Нѣчто въ родѣ политическаго синдиката, конфедерація была другой несуразностью польской конституціи, позволяя первой попавшейся кучкѣ пановъ становиться выше закона. Третья ипостась самодержавнаго государства, конфедерація относилась, какъ равная къ равному, къ сейму и къ королю. Смоленскъ и Тушино обмѣнялись посольствами, и такимъ образомъ завязались переговоры, въ которыхъ болѣе сговорчивыми оказались не конфедераты. Они требовали отъ короля, чтобы онъ убирался вонъ, предоставивъ имъ однимъ продолжать дѣло, которое они одни начали и надѣялись довести его благополучно до конца. Королевскіе комиссары, наоборотъ, предлагали конфедератамъ въ помощь королевскую армію, въ случаѣ, если правда, что Димитрій живъ.

— Тотъ же ли это самый?—спрашивали они у Рожинскаго.

Главнокомандующій самозванца въ своемъ отвѣтѣ былъ откровененъ, но продолжалъ, тѣмъ не менѣе, упорно настаивать на своихъ притязаніяхъ. Вскорѣ обнаружилось, однако, что ему приходится подѣлиться властью. Янъ Сапѣга, все еще занятый въ то время осадою Троице-Сергіевой лавры, отправилъ своего представителя въ лагерь подъ стѣнами Смоленска, при чемъ обнаружилъ менѣе заносчивости. Въ планъ его личной игры, несомнѣнно, не входило дѣйствовать прямо наперекоръ королю. А его поведеніе повліяло на поведеніе его соратниковъ. Завязались переговоры. Сигизмундъ соглашался на то, чтобы въ предполагаемомъ договорѣ дѣло Марины было отдѣлено отъ дѣла второго Димитрія. Насколько это позволятъ обстоятельства, бывшая царица можетъ сохранить свою вдовью часть, назначенную ей первымъ ея

супругомъ. Но конфедераты не особенно заботились объ участи Марины. Въ видѣ возмѣщенія расходовъ они стали требовать отъ короля жалованья, будто бы заслуженнаго ими на службѣ у Его Величества со времени своего вступленія въ Московскія владѣнія; по ихъ разсчету, это составляло сумму въ двадцать милліоновъ злотыхъ! [1]) Сигизмундъ предпочелъ вступать въ соглашеніе съ отдѣльными начальниками, предлагая имъ должности или доходы. Самъ Рожинскій соблазнился этимъ.

Впрочемъ, королевскіе чиновники вели переговоры не съ одними только поляками. Въ инструкціяхъ, данныхъ имъ Сигизмундомъ, предусматривались всевозможные случаи. Въ нихъ повелѣвалось повидаться и съ московскими приверженцами самозванца и переговорить объ этомъ дѣлѣ съ самимъ Шуйскимъ. Сигизмундъ написалъ Шуйскому вкрадчивое письмо, въ которомъ оправдывалъ свое вступленіе на московскую территорію обязательствами, которыя царь принялъ на себя по договору со шведами, и выказывалъ готовность вновь заключить съ нимъ перемиріе. Въ случаѣ согласія царя, королевскіе уполномоченные должны были объяснить тушинцамъ, что король намѣренъ такимъ образомъ добиться и для нихъ выгоднаго улаженія дѣла. На случай отказа имъ были даны иныя грамоты, въ которыхъ король обращался съ воззваніемъ къ патріарху Гермогену, къ боярамъ и ко всѣмъ жителямъ древней столицы, заявляя, что онъ имѣетъ въ виду лишь замиреніе государства, торжественно обѣщаясь имъ чтить „истинную вѣру православную“, духовный чинъ и всѣ обычаи страны; сохранить прежнія льготы и даже дать новыя „вольности“; наконецъ, ничего не предпринимать такого, что могло бы послужить во вредъ царскимъ подданнымъ, если они согласятся „стать подъ высокую руку короля“. Не былъ забытъ даже и самозванецъ. Правда, Сигизмундъ не удостоилъ его своимъ пись-

---

[1]) Цѣнность тогдашняго злотаго можно вывести изъ пропорціи, установленной комиссарами при оцѣнкѣ залоговъ, выданныхъ сапѣжинцамъ во время ихъ московскаго сидѣнія, причемъ надо принять во вниманіе, что на тогдашній рубль можно было купить существеннаго въ десять разъ болѣе, чѣмъ теперь; смотри Русск. Ист. Библ., т. II, №№ 51, 102, 114 и др., №№ 95 и 96, причемъ упоминаются два царскіе вѣнца, одинъ оцѣненный въ 20.041 рубль, а польскими злотыми въ 66.803 злотыхъ. Нѣмоевскій 50.000 рублей оцѣниваетъ въ 170.000 злотыхъ (Pamiętnik, стр. 158). *Прим. перев.*

момъ, но позволилъ это сдѣлать нѣкоторымъ изъ сенаторовъ. Величая „вора“ Высочествомъ, они просили его не препятствовать королевскимъ чиновникамъ войти въ соглашеніе съ тѣми изъ его подданныхъ, которые находились въ Тушинѣ.

Эти замысловатые пріемы въ самой Москвѣ не оказали никакого дѣйствія, но москвитяне, бывшіе въ Тушинѣ, оказали комиссарамъ такой же благосклонный пріемъ, какъ и поляки; но ни тѣ, ни другіе не подумали испросить на то разрѣшенія у самозванца. Онъ очутился въ ужасномъ положеніи. Даже королевскіе послы дѣлали видъ, будто не замѣчаютъ его. Онъ сдѣлалъ попытку властно напомнить Рожинскому о своемъ значеніи.

— Я—царь!

Но главнокомандующій, со своей обычной грубостью, быстро вернулъ его къ чувству дѣйствительности.

— Чортъ тебя знаетъ, кто ты таковъ! Мы довольно долго служили тебѣ, а все еще ждемъ отъ тебя награды за свою службу. Если мы хотимъ получить ее въ другомъ мѣстѣ, тебѣ нѣтъ до этого никакого дѣла, да и королевскіе послы вовсе не къ тебѣ пришли!

Лжедимитрій увидѣлъ, что всѣ покидаютъ его. Одни только донскіе казаки были еще преданы ему по-прежнему. Собравъ нѣсколько „сотенъ“, онъ покинулъ лагерь, но былъ пойманъ и силой приведенъ обратно неумолимымъ Рожинскимъ, который пригрозилъ ему побоями въ случаѣ попытки къ новому бѣгству. Между тѣмъ, самозванцу только и оставалось искать спасенія бѣгствомъ. Тушинскій станъ распадался. На обширной Руси человѣку, носившему имя Димитрія, счастье могло опять улыбнуться и доставить ему еще разъ новыхъ болѣе вѣрныхъ сторонниковъ. 6 января 1610 г., переодѣвшись крестьяниномъ, зарывшись въ навозъ, которымъ были наполнены дровни, „царь“ искалъ спасенія бѣгствомъ въ Калугу, увозя съ собой только своего шута Кошелева. Этотъ значительный и хорошо укрѣпленный городъ, связанный непосредственно съ поселеніями южныхъ казаковъ, сулилъ ему стать надежнымъ убѣжищемъ [1]).

Бѣгство самозванца произвело сперва различное впечат-

[1]) Kobierzycki, Hist. Vladislai, стр. 94 и сл.; Niemcewicz, Dzieje panowania Zygmunta III-go, II, 338 и сл.; Budziło, Historya Dmitra fałszywego, Русск. Ист. Библ. I, 166 и сл.; Wyprawa Króla Z. III-go do Moskwy, тамъ же, I, 508; Woycicki, Pamiętniki do panowania Zygmunta III, стр. 14 и сл.

лѣніе въ Тушинѣ. Поляки, всегда готовые къ волненіямъ, накинулись на Рожинскаго съ упреками, что онъ укрываетъ царя—драгоцѣнный залогъ въ ихъ переговорахъ съ Сигизмундомъ. Рожинскій, съ присущимъ ему хладнокровіемъ и повелительнымъ тономъ, дѣлавшими его удивительнымъ военачальникомъ, успокоилъ ихъ волненіе. Но кучка конфедератовъ все-таки рѣшила отправить депутацію въ Калугу. Янушъ Тышкевичъ согласился исполнить это порученіе. Теперь Сигизмунду приходилось опасаться пагубнаго поворота въ эту сторону. Но тушинскіе москвитяне, повидимому, не были расположены поддержать этихъ конфедератовъ. Они процессіей отправились въ часть города, гдѣ находились королевскіе чиновники, и объявили имъ, что рады избавленію отъ „вора“. Такимъ образомъ, дѣло короля было больше чѣмъ наполовину выиграно.

Нѣсколько дней спустя „патріархъ“ Филаретъ съ духовенствомъ, Михаилъ Салтыковъ съ тушинской „Думой“, Заруцкій съ ратными людьми и ханъ касимовскій Уразъ-Махметъ съ татарами, состоявшими на службѣ у самозванца, отправились на сходку, по предложенію пословъ. Хотя на этомъ первомъ собраніи не было принято окончательнаго рѣшенія, тѣмъ не менѣе, стало ясно, что Сигизмундъ одержитъ верхъ, и что рѣшеніе московскихъ людей окажетъ вліяніе на рѣшеніе поляковъ.

Непредвидѣнное обстоятельство вскорѣ помѣшало такой развязкѣ. Покинутая своимъ супругомъ или любовникомъ, забытая всѣми, Марина до сихъ поръ держалась въ сторонѣ, питая, повидимому, надежду, что крушеніе предпріятія, въ которомъ она столь опрометчиво согласилась участвовать, можетъ быть, откроетъ просторъ ея личному счастью. Не было болѣе царя Димитрія, зато она оставалась царицей. Надежду эту, несомнѣнно, поддерживалъ въ ней въ Тушинѣ подборъ королевскихъ чиновниковъ, среди которыхъ у нея были родственники и друзья. Вѣроятно, Сигизмундъ именно такимъ образомъ приберегалъ себѣ на всякій случай добавочную возможность для улаженія дѣла. Марина ждала, что ей лично будетъ сдѣлано какое-либо предложеніе. Но ничего такого не случилось, она не получила ни слова, ни указанія. Тогда она задумала предотвратить грозившую ей бѣду, обратившись съ воззваніемъ къ своимъ „подданнымъ“. Блѣдная, въ слезахъ, съ распущенными волосами, она пробѣгала

по улицамъ, гдѣ жили московскіе люди, отстаивая дѣло человѣка, который довелъ ее до такого униженія. Это произвело нѣкоторое впечатлѣніе. Во время переговоровъ съ уполномоченными короля Филаретъ и его соучастники ясно поняли, что, вѣдь, въ сущности дѣло идетъ о томъ, чтобы отдать во власть короля и родину и свои особы. Голосъ прекрасной полячки заставилъ ихъ почувствовать тревогу и угрызенія совѣсти. Но поляки уже опомнились. Большинство конфедератовъ заявило, что пора этому положить конецъ. Нельзя уже начинать опять похожденія съ Мариной и калужскимъ бѣглецомъ. Тутъ же Рожинскій предложилъ постановить отправить депутацію подъ Смоленскъ для заключенія договора съ королемъ на возможно лучшихъ условіяхъ. Марина мигомъ оказалась почти одинокой въ своемъ дворцѣ. Она, въ свою очередь, приняла окончательное рѣшеніе, которое должно было навсегда разлучить ее съ ея близкими.

III. Бѣгство Марины.

Отецъ Марины покинулъ ее въ январѣ 1609 года и, неизвѣстно намъ, почему, разстался съ нею довольно дурно настроенный противъ нея. Можетъ быть, уже въ то время у воеводы не осталось никакихъ иллюзій; такъ, повидимому, можно заключить изъ его послѣдующихъ заявленій. Онъ распростился съ дочерью очень сухо, возвращаясь въ Польшу. Съ тѣхъ поръ, несмотря на блескъ окружающей обстановки, на показное выраженіе преданности и даже рабской покорности, и поляки, и даже москвитяне обращались съ „царицей“, въ сущности, не лучше, чѣмъ Рожинскій съ царемъ во время своихъ ссоръ. Янъ Сапѣга, всегда вѣжливый и любезный, охранялъ свою соотечественницу отъ частыхъ грубыхъ выходокъ однихъ и постояннаго презрѣнія другихъ, но любезность самого старосты Усвятскаго была довольно плохого свойства. Разъ какъ-то онъ явился къ государынѣ въ такомъ пьяномъ видѣ, что, возвращаясь отъ нея, упалъ съ лошади и довольно сильно расшибся [1]).

Марина жаловалась не только на окружающую ее тяжелую обстановку. Въ своихъ письмахъ къ отцу, прося у него „прощенія“ и благословенія, въ которомъ онъ ей „от-

[1]) Sapieha, J. P. Dziennik, стр. 188

казалъ“, уѣзжая, она умоляла его защитить ее отъ человѣка, съ которымъ она согласилась дѣлить ложе и обманъ. Она писала, что онъ не оказываетъ ей „ни уваженія, ни любви“. А вмѣстѣ съ тѣмъ слышались въ ея письмахъ и желанія другого рода. Въ головкѣ этой женщины, честолюбивой до безумія, къ самымъ тяжелымъ и важнымъ заботамъ постоянно примѣшивались пошлыя мысли и хлопоты о пустякахъ. Напримѣръ, жалуясь въ томъ же письмѣ къ отцу на нищету и подробно разсказывая о томъ, какую нужду приходится ей терпѣть, что, если послушать ее, у нея нѣтъ даже ящичка, чтобы спрятать туалетныя принадлежности, она тутъ же просила послать ей двадцать аршинъ чернаго бархата съ цвѣтами на платье. Въ другой разъ она съ грустью вспоминаетъ о добромъ старомъ времени, когда отецъ могъ у нея поѣсть великолѣпной семги и выпивалъ изрядное число бутылокъ стараго венгерскаго вина, какого не найти ужъ въ Тушинѣ!

Ея матеріальная нужда не могла быть такой большой, какъ она это хотѣла представить. При своихъ постоянныхъ жалобахъ на бѣдность она нашла возможность послать своимъ дорогимъ бернардинцамъ въ Самборъ серебряные подсвѣчники для главнаго алтаря ихъ церкви. Да и душевное угнетеніе ея ничуть не мѣшало ей по всякому поводу отстаивать свои неотъемлемыя права и давать отпоръ въ защиту ихъ. Она не умѣла сознательно отнестись къ дѣйствительному положенію дѣлъ, составить себѣ разумный планъ и сообразоваться съ нимъ—на это у нея не хватало ума. Загнанная въ трагическій тупикъ своимъ глупымъ ослѣпленіемъ, она сумѣла лишь яростно и неистово биться въ немъ, неспособная найти изъ него выходъ. Въ своихъ письмахъ къ отцу она ни разу не забыла прибавить къ подписи своей титулъ. Она писала безпрестанно и ко всѣмъ: къ папѣ и къ нунцію, къ королю и къ его сенаторамъ, представляя имъ разные доводы, одинъ другого глупѣе и смѣхотворнѣе. Не въ состояніи дать кому-либо что-нибудь, а также ожидать отъ другихъ чего-либо, она, тѣмъ не менѣе, хлопотала невозмутимо, обращаясь ко всѣмъ за содѣйствіемъ, дѣлая видъ, будто сама придаетъ значеніе этому. На одномъ ея письмѣ къ папѣ, сохранившемся въ Ватиканѣ, наполненномъ необычайными обѣщаніями заботиться о будущности католической религіи въ Московскомъ государствѣ, стоитъ на

поляхъ помѣтка римской куріи: „Не требуетъ отвѣта“. Обыкновенно ей не отвѣчали, но она не смущалась этимъ и не теряла надежды вплоть до времени полнаго крушенія ея дѣла [1]).

Послѣ бѣгства „вора“ двоюродный братъ Марины, Стадницкій, глава королевской миссіи, въ своемъ письмѣ предлагалъ ей, положимъ, выходъ изъ ея положенія. Но какъ было далеко то, что онъ предложилъ ей, отъ того, чего она чаяла! Онъ полагалъ, что ей всего лучше взять примѣръ со своихъ соотечественниковъ, положившись всецѣло на великодушіе короля. Вѣдь прошлое уже изжито, его нельзя воскресить. Письмо было адресовано „дочери сандомірскаго воеводы“, по польскому обычаю давать дѣтямъ титулъ отца, если не было другого. „Царица“, должно быть, привскочила отъ такого оскорбленія, однако у нея хватило ума настолько, что она подавила свой гнѣвъ и ничѣмъ не подала вида. Въ отвѣтѣ, дѣлающемъ честь ея таланту писать письма, но не обнаруживающемъ въ ней политическаго ума, она благодарила своего весьма услужливаго родственника за его дружескіе совѣты, но высказывала убѣжденіе, что ей слѣдуетъ предпринять что-нибудь получше того, что онъ совѣтуетъ. „Богъ, заступникъ невинныхъ, не допуститъ узурпатора воспользоваться плодами своей измѣны“. Итакъ она не понимала даже, что дѣло было уже не въ Шуйскомъ! Продиктовавъ этотъ отвѣтъ, она въ концѣ прибавила собственноручно слѣдующія строки: „Получившіе свой свѣтъ отъ блеска высокаго положенія, по волѣ Господа, не могутъ безъ его попущенія впасть опять во мракъ, подобно тому, какъ солнце не теряетъ своего свѣта отъ тучи, заслоняющей его на мгновеніе“. И опять она подписалась: „Московская царица“ [2]).

Въ то же время она обратилась къ самому Сигизмунду съ новымъ письмомъ, текстъ котораго передавался различно, но смыслъ его вѣренъ [3]). Далекая отъ мысли покориться и

[1]) Нѣкоторыя изъ ея писемъ были напечатаны въ Собр. Гос. грам. и дог., II, №№ 170, 171, 178, 187; о. Пирлингъ нашелъ другія въ Римѣ; см. его брошюру: „Марина Мнишекъ послѣ майскаго погрома“, стр. 251 и сл.

[2]) Письмо это было напечатано впослѣдствіи у Marchocki, Historya wojny moskiewskiej, въ изд. 1841 г., стр. 161, вмѣстѣ съ другимъ отъ 10 сент. 1609 г., несомнѣнно подложнымъ.

[3]) Kobierzycki, Hist. Vladislai, стр. 158; Pierling, La Russie et le Saint-Siège, III, 378.

отказаться отъ своихъ правъ, Марина желаетъ наилучшаго успѣха „своему доброму брату“, королю Польши, и взываетъ къ чувству справедливости государя; но, если у него нѣтъ этого чувства для нея, тогда она умоляетъ Божеское правосудіе заступиться за нее и защитить ея права, отъ которыхъ она не думаетъ отрекаться. Вѣрила ли она дѣйствительно въ возможность сохранить свои права? Сомнительно это; вѣдь въ письмѣ къ отцу, посланномъ съ тѣмъ же гонцомъ и того же числа, 13 января 1610 года, она говорила совсѣмъ другимъ языкомъ, близкимъ къ отчаянію. Письмо начиналось объясненіемъ недавнихъ событій въ Тушинѣ, какъ она сама понимала ихъ. Она оправдывала бѣгство царя: государь-де не имѣлъ права подвергать опасности свою священную особу. Вѣдь отказались сообщить ему, о чемъ велись переговоры съ королемъ. Послѣ его отъѣзда войско сначала высказалось за короля, но при извѣстіи о пребываніи царя въ Калугѣ, гдѣ многіе москвитяне примкнули къ нему, въ лагерѣ образовались двѣ партіи; одна изъ нихъ стояла за Димитрія. При такомъ положеніи дѣла Марина не знаетъ, на что ей рѣшиться, и не ожидаетъ ничего хорошаго для себя въ будущемъ. Никто не хочетъ вступиться за нее и указать ей достойный путь къ отступленію. Божій гнѣвъ видимо тяготѣетъ надъ нею, ей неоткуда получить ни добраго совѣта, ни спасительной помощи, и все-таки она предаетъ себя на волю небеснаго покровителя и ждетъ себѣ Его приговора. Но, безъ сомнѣнія, страданія сведутъ ее скоро въ могилу; она предпочитаетъ быть тамъ, чѣмъ видѣть торжество своихъ враговъ. Письмо кончалось просьбой къ воеводѣ начать энергичныя хлопоты въ ея пользу „для того, чтобы она не причинила семьѣ еще большаго горя“. По-прежнему въ концѣ письма стояла казенная подпись [1].

До 2-го марта (нов. стиля) она ждала отвѣтовъ на свои письма, а также, безъ сомнѣнія, результата отъ попытокъ самозванца въ Калугѣ вернуть свое положеніе. Городъ оказалъ ему благопріятный пріемъ, несмотря на жалкій экипажъ, въ которомъ онъ туда явился. У него уже образовался новый главный штабъ благодаря притоку казаковъ и неожиданному прибытію князя Шаховскаго, который радъ

---

[1]) Подлинникъ этого письма сохранился, текстъ его напечатанъ въ изд. Bibl. Ossolińskich, 1862, I, 266.

былъ опять выступить въ первыхъ рядахъ. Съ приходомъ Януша Тышкевича у „вора“ появилась надежда вернуть къ себѣ опять поляковъ. Между Калугой и Тушиномъ завязались сношенія по этому поводу; но Рожинскій положилъ имъ скоро конецъ, вызвавъ жестокую отместку самозванца. Въ городѣ опять царилъ ужасъ. Казалось, что этотъ терроръ снова вернулъ силу той партіи, которая съ давнихъ поръ главную силу свою видѣла въ жестокости и насиліяхъ. Тушинскіе казаки покинули лагерь и разбрелись, много ихъ пристало опять къ прежнему хозяину.

Марина рѣшила тогда сдѣлать то же, но и по другой еще причинѣ: въ Калугѣ ей предстояло разрѣшиться отъ бремени сыномъ [1]). Переодѣтая московскимъ солдатомъ, съ бараньей шапкой на головѣ, съ колчаномъ стрѣлъ за плечами, она покинула Тушино ночью въ сопровожденіи только своей старой горничной, Варвары Казановской, и пажа, который, быть можетъ, былъ подосланъ самозванцемъ, Ивана Плещеева-Глазуна, о которомъ упоминаетъ лѣтописецъ [2]). Передъ отъѣздомъ Марина оставила „своей арміи“ прощальное посланіе. Вслѣдствіе потери подлинника, а также разногласія имѣющихся налицо нѣсколькихъ польскихъ и латинскихъ переводовъ, нѣкоторую вѣроятность представляетъ лишь общій смыслъ [3]). Письмо это состоитъ изъ вопля отчаянія и упорныхъ притязаній. Уѣзжая изъ Тушина, Марина покончила съ долговременными мученіями. Съ ней дурно обращались, оскорбляли ея честь, унижали ея достоинство царицы, которое даровано ей Богомъ, и отрекаться отъ котораго она не намѣрена. Она знаетъ, что подлые клеветники, ставя ее наравнѣ съ развратными женщинами, забывали за стаканомъ вина, чѣмъ они ей были обязаны; она знаетъ, что, уходя послѣ ея пировъ, они замышляли противъ нея самую черную измѣну. Несмотря на гоненія и угрозы со всѣхъ сторонъ, она заявляетъ передъ лицомъ Всевышняго Судіи, что будетъ защищать до смерти свою честь, свою добродѣтель и свой высокій санъ; что, ставъ го-

---

[1]) Предполагали, что этотъ ребенокъ могъ быть сыномъ Лжедимитрія I (Бестужевъ-Рюминъ, Письма о См. вр., стр. 31). Сопоставленіе чиселъ опровергаетъ эту догадку.

[2]) Kobierzycki, Hist. Vladislai, стр. 203; Niemcewicz, Dzieje panowania Zygmunta III-go, II, 397—398.

[3]) На польскомъ языкѣ у Нѣмцевича въ указ. соч., II, 420; на латинскомъ у Кобержицкаго въ указ. соч., стр. 203.

сударыней надъ столькими народами, она, московская царица, никогда не согласится стать снова польской дворянкой и подданной.

Очевидно, въ этомъ заключалась суть ея мысли, здѣсь таилась причина ея упорства и отчаянія. Одна мысль, что ей придется вернуться въ свое отечество и снова зажить на положеніи простой шляхтянки, возмущала ее и заставила впослѣдствіи пренебречь всѣми опасностями и всѣми страхами передъ гораздо худшимъ исходомъ.

Итакъ, она возвращается къ царю и его казакамъ, а въ то же время поручаетъ защиту своей чести войску Рожинскаго и его польскимъ товарищамъ, заявляя имъ, что вполнѣ убѣждена въ ихъ вѣрности. Это войско не позабудетъ ни своей клятвы, данной при присягѣ, ни награды, которой оно можетъ ожидать отъ великой государыни! Это письмо, безъ сомнѣнія, предназначенное къ обнародованію и получившее весьма большую гласность, любопытно со всѣхъ точекъ зрѣнія. Психологи могутъ найти въ немъ характерный образчикъ женской логики: „Я знаю, что я могу разсчитывать на васъ, итакъ я покидаю васъ!“

Она избрала себѣ путь черезъ Дмитровъ, потому ли что еще держался здѣсь въ то время Сапѣга, или, можетъ быть, этой сумасбродной бѣглянкѣ пришло на умъ попытать здѣсь счастья. Несомнѣнно, что она заигрывала со старостой Усвятскимъ, не забывавшимъ, даже въ пьяномъ видѣ, величать государыней свою прекрасную подругу. Товарищи польскаго искателя приключеній, повидимому, оказали своей соотечественницѣ восторженный пріемъ. Она своимъ присутствіемъ воодушевляла сражающихся въ происходившихъ тогда битвахъ съ войсками Скопина. Появившись на укрѣпленіяхъ Дмитрова, Марина помогла отраженію приступа. Но Сапѣга не изъявилъ желанія идти за Мариной въ Калугу и искать въ ея обществѣ другихъ приключеній. При всемъ уваженіи и рыцарской вѣжливости, съ которыми онъ уговаривалъ „царицу“ не покидать его, Марина почуяла, что онъ предлагаетъ ей это лишь для того, чтобы предать ее королю, и она рѣшилась продолжать свой путь. Сапѣга пытался удержать ее, она ему пригрозила; вѣдь ей только стоитъ дать знакъ, и нѣсколько казацкихъ сотенъ, бывшихъ съ нимъ, бросятся на его же поляковъ. Онъ больше не настаивалъ, и Марина раз-

сталась съ нимъ, продолжая увѣрять его, что „на него одного она возлагаетъ надежду“ [1]).

Послѣ ея пріѣзда къ Димитрію тушинцы въ самомъ дѣлѣ какъ будто пріобрѣли новую столицу въ Калугѣ для своего эфемернаго царства. Поэтому недавно подумывали учредить музей въ томъ домѣ, который, по преданію, служилъ мѣстопребываніемъ Марины и ея жалкаго соучастника [2]). Но судьба этой опасной попытки вернуть себѣ престолъ въ то время рѣшалась уже подъ Смоленскомъ. По дорогѣ въ Калугу „царицу“ нагналъ ея братъ, кастелянъ саноцкій, привезшій съ собою всю ея женскую прислугу, оставленную ею въ Тушинѣ. Онъ, должно быть, пытался отклонить Марину отъ ея рокового рѣшенія. Говорятъ, будто въ ту пору она призналась ему, что отдалась обманщику [3]). Но увѣщанія Станислава Мнишка не поколебали ея рѣшимости, и, предоставивъ ее ея участи, онъ поспѣшилъ добраться до королевскаго стана, куда уже стекались всѣ обломки этого всеобщаго разгрома.

IV. Покореніе Московіи.

Весьма явное намѣреніе тушинскихъ москвитянъ сначала заключалось въ томъ, чтобы выгадать время. Они еще колебались перешагнуть грозный порогъ. Выражая всяческую благодарность королю за его великодушныя намѣренія, они заявляли, что не могутъ постановить рѣшенія, не посовѣтовавшись со всей землей. А это означало, что они выжидаютъ новостей изъ Калуги. Янушъ Тышкевичъ привезъ имъ отличныя вѣсти и великолѣпныя обѣщанія. Но польскіе приверженцы короля, управляемые суровой рукой Рожинскаго, не сплоховали: они забрали москвитянъ въ плѣнъ, и къ концу января 1610 г. весь тушинскій лагерь былъ ополяченъ. Москвитяне, со своей стороны, составили „федерацію“ и, разсуждая чисто на польскій ладъ, рѣшили, что ихъ маленькая кучка въ достаточной степени служитъ представительницей всей страны. Послѣ бурныхъ споровъ они рѣшили, однако, не избирать царемъ самого Сигизмунда, а просить у него отпустить на царство своего сына Владислава. Становясь царемъ, королевичъ, понятно, приметъ православіе, и его новые сторонники не сомнѣвались нисколько въ томъ, что изъ него вый-

[1]) Sapieha, Dziennik, стр. 250, Marchocki, стр. 70.
[2]) „Кіевлянинъ“, 1890, № 123 и „Новая Россія“, 1876, I, 88.
[3]) Budziło, Русск. Ист. Библ. I, 457.

детъ настоящій москвитянинъ. По выраженію лѣтописца, занявъ тронъ Рюрика, „онъ возродится къ новой жизни, подобно прозрѣвшему слѣпцу“, и постарается выгнать изъ московскаго государства, „какъ лютыхъ волковъ“, всѣхъ иноземцевъ—не исключая, конечно, и поляковъ!—и „отправитъ ихъ въ ихъ проклятую страну, къ ихъ проклятой вѣрѣ“ [1]).

Съ такими намѣреніями и въ такомъ настроеніи въ февралѣ явилось посольство тушинцевъ подъ Смоленскъ. Князь Василій Михайловичъ Рубецъ-Масальскій и бывшій кожевникъ Өедька Андроновъ были представителями прежняго двора и штаба самозванца. „Отъ имени патріарха и всего духовенства, „Думы“, двора и всѣхъ русскихъ людей“ эти послы, самовольно присваивая языкъ и полномочія законныхъ земскихъ соборовъ, подали королю 4 февраля проектъ договора, который приписывается перу Михаила Глѣбовича Салтыкова, бывшаго воеводы въ Ивангородѣ и новоиспеченнаго тушинскаго боярина. Содержаніе этого документа, къ сожалѣнію, намъ извѣстно только изъ королевскаго отвѣта, который, являясь какъ бы контръ-проектомъ, считался обыкновенно актомъ взаимнообязующаго и окончательнаго договора [2]). Впрочемъ, такъ какъ на основаніи этого королевскаго отвѣта состоялось окончательное соглашеніе, разногласія его съ подлинникомъ самого проекта тушинцевъ не имѣютъ большой важности. Напротивъ того, очень трудно по отвѣту короля установить съ увѣренностью исходное разногласіе между московскими предложеніями и королевскимъ рѣшеніемъ. Возможны лишь кое-какія догадки, вытекающія изъ самаго изложенія дѣла и подтвержденныя различными свидѣтельствами. Выставленное въ заголовкѣ сохраненіе православія и стараго порядка въ государствѣ на основѣ тѣснаго союза между обѣими странами, при полной автономіи каждой изъ нихъ, въ общемъ, составляетъ суть проекта договора. Всѣ польскіе лѣтописцы, однако, съ презрѣніемъ отмѣчаютъ безучастное отношеніе московскихъ уполномоченныхъ ко всѣмъ остальнымъ вопросамъ при такомъ рѣшеніи задачи [3]). Главное вниманіе тушинскихъ конфедератовъ сосредоточено было на вопросахъ,

---

[1]) Русск. Ист. Библ., XIII, 192.

[2]) Żółkiewski, Мемуары, прибавленія, №№ 20 и 26; Мухановъ, Сборникъ, № 104; Акты, отн. къ ист. Зап. Россіи, IV, № 180.

[3]) Niemcewicz, Dzieje panowania Zygmunta III-go, II, стр. 409; Niemojewski, Pamiętnik, стр. 169.

касающихся религіи, потому что, въ ихъ глазахъ, они нераздѣльно связаны съ сохраненіемъ народнаго достоянія. Вопросамъ исключительно политическимъ они придавали второстепенное значеніе. Слѣдовательно, поскольку въ контръпроектѣ короля политическіе интересы выходятъ за предѣлы этихъ заботъ тушинцевъ, а они въ немъ затронуты довольно широко, — въ этомъ надо, безъ сомнѣнія, видѣть только какъ бы сдѣлку между духомъ польскимъ и московскимъ. При заключеніи этого договора Сигизмундъ не могъ имѣть въ виду только одно московское государство. Упорное сопротивленіе смольнянъ ему уже доказало, что его предпріятіе съ одними его личными средствами было опаснымъ безуміемъ. Поэтому онъ уже неоднократно отправлялъ посланія въ Польшу, пытаясь добиться болѣе щедрой помощи, и теперь онъ волей-неволей былъ долженъ считаться со взглядами и принципами, дорогими шляхтѣ, такъ же, какъ приходилось ему считаться и съ тушинскими поляками. Многіе изъ поляковъ-тушинцевъ воображали, что ихъ будущее отнынѣ связано съ московскимъ государствомъ, тамъ надѣялись они пріобрѣсти земли, пристроиться къ должности и получать содержаніе.

Итакъ, соглашаясь соблюдать въ неприкосновенности національную религію, въ области вѣры король требовалъ взамѣнъ для своихъ польскихъ подданныхъ свободы вѣроисповѣданія въ предѣлахъ Руси и разрѣшенія выстроить костелъ въ столицѣ. Московскіе люди согласились на эту просьбу, но съ оговорками, очевидно, подъ вліяніемъ непріятныхъ воспоминаній, сохранившихся въ ихъ памяти отъ царствованія Димитрія I: полякамъ ставилось условіемъ при посѣщеніи православныхъ церквей снимать шапки и не вводить туда своихъ собакъ. Въ области политической было условлено слѣдующее: будущій царь не долженъ унижать безъ повода людей высокопоставленныхъ, а также не противиться возвышенію своихъ подданныхъ всякаго званія, принимая въ соображеніе не ихъ происхожденіе, а заслуги. Въ этомъ требованіи духъ опричнины совпадалъ съ честолюбивыми стремленіями кучки, имѣющей во главѣ Ѳедьку Андронова.

Въ договорѣ не упоминается ни слова о древнихъ княжескихъ родахъ и объ ихъ особенныхъ притязаніяхъ. Родовитой знати не было въ Тушинѣ; наконецъ, вѣдь именно изъ ненависти къ олигархической политикѣ Шуйскаго подняли знамя возстанія приверженцы второго Лжедимитрія. А съ

другой стороны, вопреки мятежному духу первоначальныхъ стремленій, тушинцы, повидимому, почувствовали полное равнодушіе ко всякому соціальному переустройству. Принятый ими контръ-проектъ Сигизмунда сохраняетъ въ полной силѣ крѣпостное право, обезпечивая въ то же время помѣщикамъ statu quo пріобрѣтенныхъ ими привилегій, вотчинъ, помѣстій „прожиточныхъ" помѣстій, наградъ и организацію труда. Онъ оставляетъ въ силѣ запрещеніе перехода крестьянъ, занимающихся земледѣліемъ, и обходитъ молчаніемъ вопросъ о казакахъ. Казаки отнынѣ не появлялись въ станѣ Сигизмунда, соотвѣтственно этому съ ними и поступали. О Тушинскомъ ворѣ и Маринѣ въ договорѣ нѣтъ ни единаго слова. Мы знаемъ, тѣмъ не менѣе, изъ другихъ источниковъ, что король оставался вѣренъ своимъ прежнимъ намѣреніямъ относительно бывшей „царицы". Онъ былъ согласенъ на то, чтобы ей была дана въ московскомъ государствѣ приличная вдовья часть. Что касается „вора", онъ ничего не заслуживалъ; впрочемъ, если онъ будетъ вести себя какъ слѣдуетъ, его не позабудутъ.

Такимъ образомъ тогдашніе носители знамени смуты, когда имъ пришлось опредѣлить свои чаянія, пошли на попятную по всѣмъ статьямъ и выработали даже прямо-таки реакціонную и консервативную программу. Смутное время и другіе слѣдовавшіе за нимъ кризисы были горячечными припадками, а вовсе не проявленіемъ органическаго роста. Исчезъ самъ мятежный идеалъ, послѣ того какъ въ Тушинѣ подвергся испытанію путемъ осуществленія на дѣлѣ, вылившись здѣсь въ форму зачаточнаго правительства. Отъ этого идеала отреклись даже бывшіе соучастники Болотникова. Оставалось дѣйствовать заодно со своими польскими товарищами, раздѣлять съ ними мысли и чувства, характерные зародыши которыхъ занесло присутствіе ихъ въ Тушинѣ даже и въ среду москвитянъ, и зародыши эти развились въ ней. Въ контръ-проектѣ короля этимъ взглядамъ отведено много мѣста. Въ трехъ статьяхъ: восьмой, одиннадцатой и четырнадцатой, въ области законодательной, судебной и фискальной Сигизмундъ набросалъ цѣлый планъ переустройства въ довольно либеральномъ духѣ. Законодательная власть предоставляется боярамъ и Земскому собору; царь становится простымъ охранителемъ изданныхъ такимъ образомъ законовъ; обязательное участіе бояръ и Думы въ отправленіи

высшаго суда по уголовнымъ дѣламъ; согласіе народнаго собранія обязательно при введеніи новыхъ налоговъ. Сверхъ того, московскимъ людямъ предоставлялось право свободнаго выѣзда изъ своей родины и поѣздокъ въ сосѣднія страны „для науки“ или торговыхъ дѣлъ. Это была новая самая настоящая конституціонная хартія, производившая въ самодержавномъ строѣ гораздо болѣе широкій проломъ, чѣмъ та неопредѣленная формула, которую на короткое время навязали Шуйскому.

Но, безъ сомнѣнія, она была все же слишкомъ широка для того времени и при тогдашнихъ обстоятельствахъ. Задуманное въ такомъ видѣ коренное переустройство должно было встрѣтить непреодолимыя препятствія въ естественныхъ склонностяхъ страны, столь плохо подготовленной къ принятію и усвоенію принциповъ, до такой степени противныхъ ея историческому развитію. Слѣды такого сопротивленія сохранились и на самомъ документѣ, только-что разсмотрѣнномъ нами. Въ большей части списковъ, пущенныхъ въ обращеніе, восьмая статья, относящаяся къ организаціи законодательной власти, оказывается выраженной въ очень смягченной формѣ, лишь въ видѣ условія, чтобы царь не препятствовалъ боярамъ и представителямъ народа измѣнять существующіе законы, когда это будетъ признано полезнымъ [1]).

Московскіе люди говорили поляку Маскевичу [2]): „Ваша свобода вамъ дорога, а намъ дорого наше рабство. У насъ есть къ тому основанія: у васъ магнатъ можетъ безнаказанно обижать крестьянина и шляхтича; у жертвъ нѣтъ другого спасенія, кромѣ судебнаго процесса, который можетъ безысходно длиться десятки лѣтъ; у насъ судья—царь, для котораго равны всѣ подсудимые, и судъ его оказывается болѣе скорымъ“.

Вѣроятно, реформа не была жизнеспособной. Въ цѣломъ, къ парадоксальности польскаго конституціонализма она еще добавляла не меньшую парадоксальность московскую, ту же странную смѣсь разнородныхъ, мало того, противорѣчивыхъ элементовъ, духъ новшествъ и реакціи, прогресса и архаизма. Да, впрочемъ, въ ту пору дѣло заключалось не въ

---

[1]) Такъ въ Сборникѣ Муханова, стр. 176; другая редакція напечатана была въ Россіи только у Голикова, Дѣянія Петра Великаго, по изд. 1810 г. т. XII, стр. 276. См. объ этомъ вопросѣ Мухановъ, ук. соч., стр. XIV, примѣчаніе.

[2]) Maskiewicz, ed. Niemcewicz, II, 389.

составленіи окончательнаго договора. Слѣдуя примѣру, поданному ему сначала тушинскими конфедератами, король не обнаруживалъ теперь торопливости придти къ окончательному соглашенію съ ними. Онъ даже откладывалъ до своего прибытія въ Москву рѣшеніе вопроса, отъ котораго зависѣли, въ сущности, всѣ остальные. На просьбу московскихъ пословъ относительно Владислава онъ уклонился дать отвѣтъ, имѣя уже, очевидно, опредѣленное рѣшеніе на этотъ счетъ. Королевичу не было еще пятнадцати лѣтъ. Послать его одного въ Москву значило бы подвергать юношу черезчуръ опасному испытанію. Слѣдовало, чтобы отецъ, по крайней мѣрѣ сначала, принималъ участіе вмѣстѣ съ сыномъ въ управленіи государствомъ. Еще до своего выступленія подъ Смоленскъ Сигизмундъ далъ объясненія въ этомъ смыслѣ папѣ [1]). Но съ тушинскими конфедератами онъ не считалъ своевременнымъ быть столь же откровеннымъ. Онъ ограничился только требованіемъ отъ нихъ присяги, которую они, за отсутствіемъ королевича, само собою разумѣется, должны были принести королю. Это не представило затрудненій. Итакъ, Московское государство покорилось Сигизмунду, поскольку его представляли москвитяне въ Тушинѣ и подъ Смоленскомъ.

Но надо было войти въ самую Москву, а до нея было еще далеко; надо было ее завоевать, а между тѣмъ покинутая казаками, терзаемая все болѣе и болѣе усиливавшимися раздорами тушинская рать не могла оказать большой помощи; напротивъ, Рожинскому самому потребовалась вскорѣ помощь. „Воръ“ со своими сторонниками, набранными имъ въ Калугѣ и все растущими въ числѣ, готовился перейти въ наступленіе. Подъ Дмитровымъ грозили шведы и Скопинъ, сдерживаемые тамъ пока Сапѣгой. Въ случаѣ сдачи Дмитрова Тушино оказалось бы между двухъ огней. Рожинскій посылалъ къ Сигизмунду воззваніе за воззваніемъ, но король не двигался. Тогда, предавъ огню свой лагерь и покинувъ Тушино, Рожинскій попытался найти себѣ болѣе спокойное убѣжище въ монастырѣ преп. Іосифа Волоколамскаго. Немногіе изъ москвитянъ послѣдовали туда за нимъ, другіе ушли въ Москву, иные въ Калугу. Немного времени спустя

[1]) **Kozłowski**, Elekcya Królewicza Władisława... na tron moskiewski въ Przegląd Powszechny, 1889, XXII—XXIII; **Darowski**, Elekcya Władisława въ Szkice historyczne, II.

Скопинымъ были заключены новыя условія со шведами, по которымъ Москва уступила имъ еще нѣкоторыя земли и получила за это отрядъ войска въ четыре тысячи человѣкъ. Тогда Сапѣга покинулъ Дмитровъ и подвинулся поближе къ Рожинскому. Москва, освобожденная такимъ образомъ отъ врага, устроила теперь торжественную встрѣчу молодому герою, привѣтствуя его какъ своего избавителя.

V. Избавитель.

И въ самомъ дѣлѣ, казалось, онъ принесъ Москвѣ избавленіе. Правда, до сихъ поръ имъ не было еще одержано ни одной блестящей побѣды, и кое-какія выгоды пріобрѣтены имъ благодаря преимущественно иноземнымъ союзникамъ его, которые такъ дорого заставляли расплачиваться за свои услуги и приводили за собою новое нашествіе иноплеменныхъ. Но, открывъ свои ворота, Москва теперь свободно вздохнула и, забывъ о Сигизмундѣ, спѣшила предаваться восторгамъ веселья и благодарности.

Царь Василій Ивановичъ имѣлъ полное основаніе раздѣлять эти восторги, но къ нимъ примѣшивалось у него чувство безпокойства. Въ этой странѣ съ сильно развитымъ чиноначаліемъ не было мѣста, кромѣ царскаго престола, для такой не вмѣщавшейся въ рамки личности, какъ этотъ молодой герой, котораго всѣ привѣтствовали восторженными кликами. И дѣйствительно, въ теченіе одного года Скопинъ, несмотря на то, что его не было въ осажденной столицѣ, постепенно соединилъ въ своихъ рукахъ все управленіе гражданскими и военными дѣлами. Среди всеобщей неурядицы и смятенія онъ одинъ казался надежной и крѣпкой опорой для тѣхъ, въ комъ пробудилось уже чувство самосохраненія. И нашлись уже люди, которые сдѣлали изъ этого выводы, далеко отходившіе отъ простого восторженнаго привѣта. Еще когда Скопинъ стоялъ лагеремъ въ Александровской слободѣ, къ нему явились гонцы съ предложеніемъ отъ новаго воеводы рязанскаго, Прокопія Ляпунова, всегда склоннаго къ смѣлому почину. Недовольный Василіемъ Ивановичемъ, имѣя съ нимъ личные счеты, склонный всегда въ своихъ личныхъ разочарованіяхъ и непріязни видѣть явленіе общее, этотъ неугомонный смутьянъ высказался за племянника противъ дяди. Ужъ если править долженъ кто-нибудь изъ Шуйскихъ, говорилъ онъ, то пусть

тронъ достанется болѣе достойному. Подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія Скопинымъ овладѣло негодованіе при чтеніи грамоты Ляпунова; онъ приказалъ задержать гонцовъ. Но тотчасъ же, одумавшись, рѣшился возвратить имъ свободу и удовольствовался тѣмъ, что отправилъ ихъ обратно въ Рязань безъ отвѣта, храня молчаніе о происшедшемъ. А все-таки свѣдѣнія объ этомъ дошли до Василія Ивановича, и можно угадать, на какія размышленія это извѣстіе навело царя.

Принимая „избавителя“ въ освобожденной столицѣ, онъ ничѣмъ, однако, не обнаружилъ ему, что знаетъ исторію съ Ляпуновымъ. Отъ поздняго брака у царя была только дочь, умершая тотчасъ послѣ рожденія; поэтому всѣ смотрѣли на Скопина какъ на наслѣдника престола. Но у Василія были братья; и старшій изъ нихъ, Димитрій, не отказывался отъ своихъ правъ. Это неопредѣленное положеніе нарушало, такимъ образомъ, общую радость, предвѣщая опасное столкновеніе честолюбій и ставя Скопина въ затруднительное положеніе. Онъ думалъ, что ему удастся выйти изъ него, когда, уступая настойчивымъ увѣщаніямъ Делагарди, онъ выступитъ съ нимъ въ походъ, чтобы покончить съ Сигизмундомъ такъ же, какъ они только-что покончили съ Рожинскимъ и Сапѣгой.

Задача эта теперь казалась нетрудной. Сигизмундъ, стоя подъ стѣнами Смоленска, одѣлялъ милостями своихъ новыхъ приверженцевъ, награждая ихъ въ особенности помѣстьями въ русскихъ областяхъ съ такою щедростью, что одинъ только четвертый томъ „Актовъ для исторіи Западной Россіи“ заключаетъ въ себѣ восемьсотъ грамотъ подобнаго рода. При пожалованіи деревни „Новый Торгъ“ въ ржевскомъ уѣздѣ князю Бѣлосельскому стояла такая замѣтка: „если она не пожалована уже кому-нибудь другому“. Но осада Смоленска не подвигалась; попытки въ другихъ мѣстахъ покорить страну дали отнюдь не удовлетворительные результаты; только Ржевъ-Владимірскій и Зубцовъ были поспѣшно сданы безъ сопротивленія воеводами самозванца; другіе города отчаянно защищались, напуганные безчинствами, которыя позволяли себѣ поляки, несмотря на запрещенія государя. Въ Стародубѣ жители сжигали свои дома и кидались въ пламя, предпочитая смерть сдачѣ. Мосальскъ пришлось брать приступомъ; Бѣлая была принуждена къ тому же голодомъ; крѣпости, сосѣднія съ Москвою, занятыя нѣсколько времени тому назадъ приверженцами Димитрія, теперь сдавались охотнѣе

войскамъ Василія Ивановича. Польскій комендантъ Можайска Вилчекъ, подкупленный за сто рублей, сдалъ крѣпость законному царю. Въ монастырѣ св. Іосифа Волоколамскаго Рожинскому пришлось вдобавокъ подавлять военные бунты. При усмиреніи одного изъ нихъ онъ поскользнулся на каменныхъ ступенькахъ церкви и упалъ на бокъ, гдѣ не зажила еще его старая рана; давно уже онъ мучился отъ лихорадки и горя и умеръ 4 апрѣля 1610 г.

Послѣ его смерти сейчасъ же не стало польской арміи ни въ монастырѣ св. Іосифа, ни въ другихъ мѣстахъ. Исчезъ суровый воинъ, обладавшій даромъ повелѣвать, и тотчасъ разсыпались прахомъ обломки, которые онъ держалъ вмѣстѣ своей властной рукой. Нѣсколько отрядовъ подъ начальствомъ Зборовскаго и касимовскаго хана присоединились къ королю подъ Смоленскомъ. Мархоцкій и Млоцкій съ нѣсколькими отрядами пытались держаться въ монастырѣ; русско-шведскій корпусъ, въ которомъ преобладали французы подъ начальствомъ Пьера де-Лавиля, одного изъ лучшихъ помощниковъ Делагарди, осадилъ ихъ и принудилъ покинуть крѣпость, при чемъ они потерпѣли полное пораженіе. Изъ 1.500 человѣкъ спаслось отъ разгрома, кажется, только 300. При спѣшномъ отступленіи поляки растеряли и тѣхъ немногихъ москвитянъ, которые были съ ними. Въ числѣ ихъ находился и патріархъ Филаретъ, который поспѣшилъ вернуться въ Москву и отречься отъ своего сана, полученнаго имъ впослѣдствіи снова, когда счастье вернулось къ нему, какъ онъ этого, безъ сомнѣнія, не ожидалъ теперь. Мархоцкій и Млоцкій, со своей стороны, не имѣли ничего лучшаго, какъ снова вступить въ сношенія съ Димитріемъ; вскорѣ къ нимъ присоединился также и Сапѣга послѣ своего краткаго пребыванія подъ Смоленскомъ. Есть основаніе думать, что это было сдѣлано съ согласія короля, который въ своемъ отчаянномъ положеніи рѣшилъ прибѣгнуть къ такому сомнительному средству, надѣясь этимъ пріобрѣсти себѣ союзника и раздѣлить силы общаго противника. Лисовскій, продолжая дѣйствовать отдѣльно отъ другихъ, очутился безъ всякой поддержки. Не желая войти опять въ сношенія съ Димитріемъ, не имѣя возможности присоединиться къ королю, вслѣдствіе декрета послѣдняго объ его изгнаніи, онъ удалился вмѣстѣ со своими польскими казаками къ Великимъ Лукамъ [1]).

---

[1]) Marchocki, стр. 84; Kobierzycki, Hist. Vladislai, стр. 230; Widekind, Hist. belli sueco-moscovitici, стр. 149.

Не было сомнѣнія въ томъ, что Скопинъ и Делагарди, оставивъ пока безъ вниманія всѣ эти разсѣянные отряды, направятъ свои соединенныя силы на Смоленскъ. Если принять во вниманіе силы, какія имъ могъ противопоставить Сигизмундъ, исходъ близкой встрѣчи можно было, безъ сомнѣнія, предугадать. Племяннику Василія Ивановича предстояло вскорѣ рѣшительное испытаніе, которое позволитъ ему наконецъ обнаружить свою военную доблесть и оправдать то довѣріе и тотъ восторгъ, который онъ вызывалъ до сихъ поръ. Но увы! судьбѣ было угодно какъ разъ въ это самое время прервать короткую жизнь Скопина-Шуйскаго. 2 мая 1610 г., на крестинахъ у князя Ивана Михайловича Воротынскаго, съ народнымъ любимцемъ случилось то же, что когда-то стоило жизни Годунову: онъ заболѣлъ кровотеченіемъ и умеръ черезъ два дня. Въ народѣ возникло подозрѣніе, что онъ отравленъ Димитріемъ Шуйскимъ. Разъяренная толпа бросилась къ его дому и держала его въ осадѣ. Димитрій былъ женатъ на дочери Малюты Скуратова; это родство и нескрываемое чувство зависти къ племяннику допускаютъ догадку объ отравѣ. При подобныхъ же обстоятельствахъ произошла смерть Бориса. Въ то время мышьякъ часто употреблялся для преступныхъ цѣлей и будто бы вызывалъ тѣ же симптомы. Но можно также подозрѣвать epistaxis—кровоизліяніе изъ носа, болѣзнь, отъ которой не знали тогда средства [1]).

Принято думать, что преждевременная смерть молодого Шуйскаго повлекла за собою, вопреки всякимъ ожиданіямъ, новыя бѣдствія для Василія Ивановича и всего государства. Можетъ быть, это просто заблужденіе. Народы, обыкновенно, имѣютъ склонность причину своихъ невзгодъ и побѣдъ олицетворять въ отдѣльныхъ людяхъ. Какъ полководецъ Скопинъ еще не успѣлъ себя проявить на дѣлѣ. Что же касается войны съ Сигизмундомъ, то судьба ея, главнымъ

---

[1]) См. Иконниковъ, Древняя и новая Россія, 1875, № 7 и Чтенія въ Общ. Нестора лѣт., 1879, I; Кондратьевъ, Ж. М. Н. П., сент. 1878; Воробьевъ, „Русск. Арх". 1889, VIII, 503; Соловьевъ, Исторія Россіи, VIII, 313; Бутурлинъ, Исторія Смутнаго времени, стр. 133 и сл.; Мухановъ въ его изданіи сочиненій Жолкѣвскаго, стр. 310.—Для біографіи Скопина см. Поповъ, Изборникъ, стр. 379—388; ср. Иконниковъ, Древн. и нов. Россія, 1875, № 6 и Ж. М. Н. П., февр. 1889.—Пѣсня, сложенная въ то время о народномъ героѣ, была записана англичаниномъ Ричардомъ Джемсомъ въ 1619 году и напечатана въ „Изв. Акад. Наукъ", 1852, I, № 1. См. еще Галаховъ, Исторія русск. словесности, I, 268.—Изображеніе въ Архангельскомъ соборѣ воспроизведено у Муханова въ указ. сочиненіи.

образомъ, зависѣла отъ шведовъ, начальникъ которыхъ Яковъ Делагарди былъ лучшей порукой побѣды. Съ точки зрѣнія политической, смерть Скопина повлекла за собой болѣе важныя послѣдствія. Василій Ивановичъ и боярская партія съ олигархическими стремленіями, которая его возвела на престолъ, лишились теперь своей нравственной поддержки, какою былъ для нихъ этотъ чтимый народомъ герой. Преемникомъ царя теперь обѣщалъ сдѣлаться Димитрій, братъ его, а этотъ наслѣдникъ успѣлъ внушить ненависть къ себѣ. Въ довершеніе смерть Скопина совпала съ возвращеніемъ Филарета, въ которомъ Шуйскіе нашли своего опаснаго врага, а ихъ противники—своего опытнаго руководителя. Бывшій патріархъ уже призналъ царемъ Владислава, а у него было много сторонниковъ въ столицѣ. Да, впрочемъ, и среди самой олигархической партіи, какъ намъ извѣстно, не было единства и связи. Честолюбивый В. В. Голицынъ преслѣдовалъ свои личныя цѣли; онъ былъ окруженъ многочисленными и сильными сторонниками, которыми пользовался для осуществленія своихъ замысловъ; онъ теперь ждалъ только конца поединка между Василіемъ и Сигизмундомъ. Прокопій Ляпуновъ, со своей стороны, волновался тоже, не имѣя уже предъ собою по смерти Скопина опредѣленной, ясной цѣли, но пріемы его все-таки возбуждали сильную тревогу. Несмотря на все это, одной блестящей побѣды войскъ Делагарди и Шуйскаго было бы достаточно, чтобы вымести изъ государства всѣ эти козни. Правительство было увѣрено въ этой побѣдѣ... Но одна чудесная битва и геній Жолкѣвскаго рѣшили дѣло иначе.

VI. Битва при Клушинѣ.

Въ первыхъ числахъ іюня 1610 г. 40.000 московскаго войска и 8.000 шведовъ выступили въ походъ подъ Смоленскъ. Горнъ, посланный за годъ до этихъ событій за подкрѣпленіями въ Швецію, привелъ съ собою 4.000 новыхъ наемниковъ: англичанъ и шотландцевъ подъ командой Кальвина и Коброна, голландцевъ и нѣмцевъ подъ начальствомъ Таубе и французовъ съ ихъ полководцемъ Пьеромъ де-Лавилемъ. Эти послѣдніе, по свидѣтельству Мархоцкаго, составляли самую лучшую часть арміи. Обязанности главнокомандующаго были номинально раздѣлены между Димитріемъ

Шуйскимъ и Делагарди, но фактически главнокомандующимъ былъ только одинъ шведскій генералъ.

Получивъ извѣстіе объ ихъ движеніи, Сигизмундъ понялъ, какую опасность для него представляетъ битва подъ стѣнами недостаточно обложенной имъ крѣпости. Было необходимо отдѣлить часть арміи, чтобы преградить союзной арміи путь, но у короля для этого нашлось всего только 1.500 плохо вооруженныхъ солдатъ [1]). Назначенный Жолкѣвскимъ командовать ими, Яковъ Потоцкій, будучи дѣльнымъ воиномъ, потребовалъ у него усиленія этого отряда и, не получивъ желаемаго, отказался отъ порученія и совѣтовалъ королю возложить командованіе на самого стараго гетмана. Это значитъ послать этого человѣка со всѣмъ отрядомъ на вѣрную гибель, думалъ Потоцкій, ненавидѣвшій Жолкѣвскаго и его приверженцевъ. Жолкѣвскій лучше, чѣмъ кто-либо другой, понималъ всю безнадежность этой попытки. Въ продолженіе года онъ употреблялъ всѣ свои усилія, чтобы отклонить Сигизмунда отъ этого замысла, который теперь требовалъ отъ него усилія, столь несоразмѣрнаго съ наличными средствами. Онъ ссылался королю на свои годы и свои недуги. Ему перевалило за шестьдесятъ четыре года; къ тому же онъ хромалъ отъ старой раны. Но врагъ все приближался, гоня передъ собой слабые польскіе отряды, попадавшіеся ему по дорогѣ. Отважный полководецъ рѣшилъ выступить въ походъ.

При наборѣ войска одно его имя оказывало волшебное дѣйствіе, благодаря этому спустя короткое время у него уже было два отличныхъ полка: его собственный и Струся, человѣка сумасброднаго, но храбраго и, какъ потомъ обнаружилось, перворазряднаго таланта. Жолкѣвскій собралъ еще двѣ роты пѣшихъ солдатъ и двѣ тысячи казаковъ. Кромѣ этого, по дорогѣ онъ упросилъ присоединиться къ нему встрѣтившихся ему мародеровъ, доведя такимъ образомъ наличный составъ своей арміи до 10.000 приблизительно. Его геній особенно заключался въ умѣніи выковывать изъ такого матеріала хорошее орудіе для битвъ. Идя навстрѣчу врагу, численно превосходившему его въ пять разъ, онъ, казалось, вливалъ въ солдатъ свою благородную кровь.

Въ концѣ іюня онъ уже былъ на дорогѣ изъ Вязьмы

---

1) Maskiewicz, Pamiętniki, ed. Niemcewicz, II, 367.

въ Можайскъ, въ виду Царева-Займища. Воеводы Шуйскаго, Елецкій и Валуѣвъ, начальники этой крѣпости, оказались несговорчивыми въ надеждѣ на скорую помощь. Въ самомъ дѣлѣ, Димитрій Шуйскій и Делагарди ускоренными переходами очутились въ какихъ-нибудь тридцати верстахъ, въ деревнѣ Клушинѣ. 23 іюня (3 іюля н. с.) на военномъ совѣтѣ, собранномъ Жолкѣвскимъ, мнѣнія раздѣлились, причемъ оба они были одинако нерѣшительны: ждать врага подъ Царевымъ казалось опаснымъ, а идти къ нему навстрѣчу—невозможнымъ. Гетманъ прекратилъ засѣданіе, не промолвивъ ни слова, а черезъ нѣсколько часовъ, при наступленіи ночи, все еще не поднимая тревоги, „безъ барабаннаго боя и музыки", оставивъ передъ крѣпостью 700 ч. кавалеріи, всю пѣхоту и казаковъ, онъ увелъ съ собою остальное войско, около 6.483 конницы,—по очень точному разсчету одного военнаго польскаго историка,—и двѣ пушки, такъ называемые фальконеты [1]).

Это рѣшеніе казалось безуміемъ: единственная надежда на успѣхъ—захватить непріятеля врасплохъ—разбилась о трудности перехода сквозь густые лѣса. Обѣ пушки застряли тамъ. Наконецъ, на разсвѣтѣ, когда кавалерія вышла на поляну, то и тутъ огромныя изгороди препятствовали ея движенію. Димитрій Шуйскій и Делагарди, расположившіеся въ Клушинѣ, имѣли, такимъ образомъ, много времени для размѣщенія войскъ по позиціямъ. Но они не думали, что имъ придется вступить въ бой. Зная военныя силы Жолкѣвскаго, они были очень далеки отъ мысли, что онъ рѣшится на наступательныя дѣйствія. Пиръ, за которымъ главнокомандующіе провели всю ночь, подходилъ къ концу; Делагарди съ удовольствіемъ разсказывалъ о припомнившейся ему встрѣчѣ съ польскимъ полководцемъ, какъ тотъ, взявъ его въ плѣнъ, подарилъ ему шубу изъ простого рысьяго мѣха. Шведскій генералъ надѣялся теперь въ скоромъ времени отплатить противнику за эту любезность съ лихвою, такъ какъ въ Московскомъ государствѣ не было недостатка въ прекрасныхъ соболяхъ.

Неожиданное появленіе страшныхъ гусаръ въ разгарѣ этого пира не преминуло произвести смятеніе, обычно предшествующее паникѣ. Воспользовавшись имъ, польская кавалерія

---

[1]) Górski, Przegląd naukowy i literacki, 1895, XXIII, вып. 3-й, стр. 1 и сл.

бросилась на главную часть московской арміи и опрокинула ее при первомъ натискѣ. Даже въ случайныхъ стычкахъ съ западной кавалеріей польская конница обнаруживала превосходство въ тактикѣ и построеніи, заслуживающее вниманія спеціалистовъ. Шведы и нѣмцы въ то время производили натискъ сомкнутыми колоннами по десяти рядовъ и больше и начинали всегда залпами изъ мушкетовъ; такъ какъ эта стрѣльба требовала сложныхъ пріемовъ, то первые ряды должны были уступать мѣсто послѣдующимъ, чтобы дать имъ возможность стрѣлять въ свою очередь. Поляки, имѣя болѣе растянутый фронтъ и только въ пять эшелоновъ, наоборотъ, бросались въ атаку всѣ одновременно и почти всегда имѣли успѣхъ.

При Клушинѣ иноземные наемники сначала держались довольно твердо. Яковъ Делагарди разставилъ пѣхоту шпалерами у страшныхъ изгородей, сдерживавшихъ напоръ поляковъ; такимъ образомъ, подъ защитой этой пѣхоты, съ одной стороны шотландцы, съ другой французы оказывали сопротивленіе, казавшееся нѣкоторое время побѣдой. По словамъ одного свидѣтеля (Маскевича), Жолкѣвскій былъ принужденъ посылать въ аттаку эскадроны отъ восьми до десяти разъ, такъ что силы ихъ быстро ослабѣвали. Въ это время Димитрій Шуйскій, собравъ, со своей стороны, большую часть своего войска и вставъ съ нимъ подъ защиту гуляй-города, которымъ москвитяне такъ искусно пользовались, поджидалъ момента, когда силы нападавшихъ неизбѣжно изсякнутъ, и онъ сможетъ развернуть свои ряды и нанести имъ послѣдній ударъ.

Жолкѣвскій, между тѣмъ, безстрастно наблюдалъ со своего холма за ходомъ битвы, только изрѣдка поднимая руки къ небу съ мольбою, и посылалъ на приступъ свою неутомимую конницу. Битва затянулась и этимъ вызвала происшествіе, которое, безъ сомнѣнія, входило въ разсчеты польскаго полководца, потому что онъ самъ его подготовилъ. Этотъ великій полководецъ обладалъ также чрезвычайно тонкимъ дипломатическимъ талантомъ. Шотландцы и французы, служившіе наемниками въ шведскомъ корпусѣ, обыкновенно сражались такъ, какъ имъ платилось жалованье. А между тѣмъ, они теперь опять не получили жалованья, и это было извѣстно Жолкѣвскому. Наконецъ подошли обѣ польскія пушки; при первыхъ же выстрѣлахъ отступила нѣ-

мецкая пѣхота, охранявшая спасительныя изгороди; конница храбраго де-Лавиля, котораго не было въ то время тамъ по болѣзни, поворотила назадъ и скрылась въ сосѣднемъ лѣсу. Ихъ примѣру послѣдовали всѣ остальные, и вмѣсто того, чтобы оправиться и снова напасть на врага, они замыслили измѣну.

Еще за нѣсколько недѣль до этихъ событій Жолкѣвскій зналъ черезъ дезертировъ, явившихся въ его лагерь подъ Бѣлой, о настроеніи непріятельскихъ войскъ и старался его поддерживать; этому содѣйствовалъ также и самъ Василій Ивановичъ въ Москвѣ своею безпечностью и безсиліемъ. На безпрестанныя требованія шведскихъ генераловъ жалованья ихъ войску царь платилъ имъ вмѣсто денегъ натурою — сукнами и мѣхами. Наканунѣ битвы, по настоянію Димитрія Шуйскаго, онъ рѣшилъ дать кое-какія деньжонки, обобравъ для этого ризницу Троице-Сергіевой лавры, за что впослѣдствіи его горько упрекали, а Палицынъ считалъ даже это причиною его паденія. У Делагарди, при полученіи денегъ, явилась злосчастная мысль задержать эти деньги и раздать ихъ послѣ ожидаемой битвы, чтобы доля убитыхъ въ ней досталась начальникамъ. Это отозвалось во время начавшихся переговоровъ наемниковъ съ Жолкѣвскимъ, хотя де-Лавиль лично отказался принять участіе въ нихъ.

И вотъ произошло, что сначала маленькими группами, затѣмъ вмѣстѣ съ офицерами они покидали свое убѣжище и не вступали въ битву, а передавались полякамъ. Делагарди и Горнъ пытались подавить это волненіе, но, окруженные бунтовщиками, угрожавшими ихъ жизни, они были вынуждены защищаться. Выручѣнные своими шведами, они поспѣшили выступить изъ лагеря, и Жолкѣвскому не понадобилось больше сражаться. Димитрій Шуйскій, покинутый своими союзниками, не подумалъ одинъ сопротивляться полякамъ. Едва ли самъ Скопинъ рѣшился бы на это, а рѣшившись, едва-ли могъ избѣжать пораженія. Вскочивъ на своего коня, потомъ обмѣнявъ его на крестьянскую лошадь, братъ царя самъ подалъ сигналъ къ бѣгству. Его коляска, палатка, сабля, булава главнокомандующаго и вышитое золотомъ знамя, часть военной казны и весь багажъ и провіантъ его арміи,—все это попало въ руки побѣдителей. „Когда мы шли въ Клушино,—писалъ Жолкѣвскій въ своемъ донесеніи

королю,—у насъ была только одна моя коляска и фургоны двухъ нашихъ пушекъ; при возвращеніи у насъ было больше телѣгъ, чѣмъ солдатъ подъ ружьемъ“ [1]).

Черезъ нѣсколько дней Делагарди самъ рѣшилъ вступить въ переговоры съ гетманомъ. Отступленіе было ему обезпечено на условіи, чтобы онъ не помогалъ болѣе москвитянамъ. Крѣпость Царево-Займище при возвращеніи Жолкѣвскаго сдалась ему сразу, когда стало извѣстно объ его побѣдѣ; но воеводы Елецкій и Валуевъ соглашались признать царемъ Владислава и присягнуть ему лишь подъ условіемъ, чтобы польскій генералъ далъ обязательство отъ имени будущаго царя чтить вѣру православную, дѣйствовать заодно съ поляками противъ „вора“ и очистить Смоленскую область [2]). Они тоже заявляли притязанія получить, въ свою очередь, конституціонную хартію, они тоже мнили себя представителями всей страны! Можайскъ, Борисовъ, Боровскъ, монастырь св. Іосифа Волоколамскаго, Погорѣлое-Городище (здѣсь лежалъ больной де-Лавиль) и другія крѣпости сдались одна за другою, доставивъ арміи гетмана подкрѣпленіе въ 10.000 москвитянъ. Онъ любилъ хвалиться ихъ вѣрностью и услугами. Прежде всего они ему послужили въ качествѣ посредниковъ во время тотчасъ же начавшихся переговоровъ съ Москвою. Жолкѣвскій еще не разсчитывалъ, что принудитъ силою открыть себѣ ворота столицы. Онъ побаивался осадъ. Но его побѣды и постыдное бѣгство Димитрія Шуйскаго уже непоправимо испортили положеніе Василія Ивановича. Дни его правленія были сочтены. Жолкѣвскій со своими отрядами, усиленными, закаленными и воодушевленными успѣхомъ, ведя переговоры съ Москвою, все ближе подвигался къ ней, чтобы отпраздновать въ ней свою полную побѣду, не потребовавши отъ своего войска новаго усилія.

---

[1]) Żółkiewski, Pisma, éd. Bielowski, стр. 54 и 198.—Касательно битвы см. Budziło, Русск. Ист. Библ. I, 195 и сл. Kobierzycki, Hist. Vladislai, стр. 268 и сл., Marchocki, Hist. wojny moskiewskiej, стр. 88; Дневникъ осады Смоленска, Русск. Ист. Библ., I. 618; K. Górski, Przegląda nukowy i literacki, 1895; S. Gołębiowski, Biblioteka Warszawska 1852, IV.—Русскіе источники почти безмолвны объ этой битвѣ и исходъ ея приписываютъ измѣнѣ иноземцевъ. См. Соловьевъ, Ист. Россіи, VIII, 315 и сл.

[2]) Мухановъ, Сборникъ, стр. 178.

VII. Низложеніе Шуйскаго.

Мечомъ или убѣжденіемъ Жолкѣвскому предстояло все-таки рѣшить очень сложную задачу. При извѣстіи о новомъ несчастіи, постигшемъ его, Василій Ивановичъ первый обратился къ побѣдителю съ нерѣшительными предложеніями черезъ посредство одного польскаго плѣнника, Слонскаго, бывшаго секретаря Лжедимитрія I. Не отклоняя ихъ, Жолкѣвскій гораздо дѣятельнѣе приступилъ къ распространенію въ столицѣ списковъ договора, заключеннаго въ Царевѣ-Займищѣ. На возраженія московскихъ людей, что въ договоръ не включено условіе объ обращеніи королевича въ православіе, гетманъ отвѣчалъ, что этотъ вопросъ подлежитъ обсужденію патріарха и духовенства. Но большинство было того мнѣнія, что обсужденіе представляетъ общій интересъ для всѣхъ, и нѣкоторые начали посматривать въ сторону „вора". Предупрежденный объ этомъ, самозванецъ не замедлилъ явиться поблизости столицы. Съ помощью Яна Сапѣги онъ овладѣлъ монастыремъ преп. Пафнутія Боровскаго. При защитѣ храма былъ убитъ воевода, князь Михаилъ Волконскій, между тѣмъ какъ два другіе его товарища, воеводы Яковъ Змѣевъ и Аѳанасій Челищевъ, передались „вору". Преданіе разсказываетъ, будто на камнѣ церковнаго порога выступаетъ кровь героя во время каждой панихиды по немъ. Затѣмъ самозванецъ безпрепятственно занялъ Серпуховъ, Коломну и Каширу, прорвавъ такимъ образомъ послѣднюю линію крѣпостей поблизости Москвы. Въ Зарайскѣ вѣрный присягѣ и отважный князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій, несмотря на подговариванія Ляпунова и настойчивыя требованія жителей сдаться, мужественно и успѣшно отбился. Судьбой ему было предназначено впослѣдствіи пойти по слѣдамъ Скопина, но съ бо́льшимъ успѣхомъ. Пройдя по Рязанской области, три четверти которой покорились ему, Лжедимитрій II остановился въ пятнадцати верстахъ отъ столицы, занявъ позицію сначала на Угрѣшѣ, у Никольскаго монастыря, гдѣ онъ оставилъ Марину, а затѣмъ въ с. Коломенскомъ.

Въ Кремлѣ и его окрестностяхъ въ то время царила во всемъ крайняя неурядица. У Шуйскаго имѣлось еще подъ рукой 30.000 войска, но никто уже не думалъ сражаться

за него. Филаретъ что-то замышлялъ, окружая себя непроницаемой таинственностью. Иванъ Никитичъ Салтыковъ, племянникъ сочинителя тушинской конституціи, велъ переговоры съ Жолкѣвскимъ по поводу избранія Владислава; В. В. Голицынъ, хлопоча о своихъ интересахъ, пытался войти въ соглашеніе съ Ляпуновыми, а другіе бояре, вступивъ въ сношенія съ самозванцемъ, но не добившись отъ него достаточно существенныхъ обѣщаній, пришли къ слѣдующему заключенію: „ни Василія Ивановича, ни Димитрія“. Но кому же тогда быть царемъ? Изъ лагеря въ Коломенскомъ нѣсколько голосовъ отвѣтило: Ивану Павловичу! Это было имя Яна Петра Сапѣги, на русскій ладъ передѣланное. Староста усвятскій мечталъ, кажется, теперь, а можетъ быть, и раньше того, выставить свою кандидатуру [1]. Но у Димитрія были сторонники въ самой Москвѣ.

Изслѣдуя почву около Жолкѣвскаго, затѣмъ выжидая, какія предложенія могутъ быть съ его стороны, Василій Ивановичъ дѣлалъ то шагъ впередъ, то опять отступалъ и не приходилъ ни къ какому рѣшенію. Братья Ляпуновы рѣшили круто повести къ развязкѣ, потому что она была отнынѣ неизбѣжна. Дѣйствуя заодно съ Иваномъ Салтыковымъ, они набрали шайку мятежниковъ, которыхъ въ тѣ годы въ любое время можно было найти на каждомъ перекресткѣ въ городѣ, и вмѣстѣ съ ними, 17 іюля, двинулись къ Кремлю, гдѣ одинъ изъ братьевъ знаменитаго Прокопія, Захаръ Ляпуновъ, потребовалъ у царя, чтобы онъ сложилъ съ себя вѣнецъ. Шуйскій, привыкшій къ такимъ зрѣлищамъ, видя передъ собою людей лишь низкаго происхожденія, выказалъ большую твердость. Онъ обратился къ нимъ даже съ грозными словами и хотѣлъ-было выхватить свой кинжалъ, но смѣлый и сильный Захаръ, казавшійся великаномъ передъ тщедушнымъ старикомъ, закричалъ ему: „Не тронь меня, не то своими руками разорву тебя на куски!“ И этимъ было все кончено. На шумъ этого спора, изъ котораго побѣдителемъ вышелъ не Шуйскій, сбѣжался народъ на Красную площадь.

---

[1]) А. Гиршбергъ любезно сообщилъ мнѣ, что у него есть положительныя свѣдѣнія въ этомъ смыслѣ, и онъ намѣренъ вскорѣ напечатать ихъ. Объ этомъ эпизодѣ см. Żółkiewski. Historya wojny Moskiewskiej, 54—57; Sapieha, Dziennik, іюль—авг. 1610; Никоновск. лѣт., VIII, 135; Поповъ, Изборникъ, стр. 346; Карамзинъ, Ист. Гос. Росс., XXII, стр. 128 и примѣч. 532; Костомаровъ, Смутное время, II, 368; Платоновъ, Очерки, стр. 441 и сл.

Мятежъ все увеличивался. Вмѣстѣ съ нѣсколькими боярами, вѣрными царю, явился на Лобное мѣсто патріархъ Гермогенъ и пытался говорить, но ему не дали слово сказать. Толпа все увеличивалась и заполнила всю площадь. Уже не было на ней больше мѣста. Тогда Ляпуновы увели патріарха за Серпуховскія ворота, и тамъ, по словамъ лѣтописца, „князь Ф. И. Мстиславскій и всѣ бояре, высшіе чиновные люди, боярская дума и всѣ окольничіе, всякаго чина люди, дворяне и гости приговорили, вопреки противорѣчію патріарха и нѣсколькихъ бояръ, низложить Василія Ивановича“ [1]). Постановили отдать низложенному царю въ удѣлъ Нижній-Новгородъ, а верховную власть въ государствѣ передать князю Ф. И. Мстиславскому съ боярами „до тѣхъ поръ, пока будетъ угодно Богу дать странѣ государя“, то-есть до избранія новаго царя. „Воръ“ былъ исключенъ изъ числа избираемыхъ [2]).

Такимъ образомъ, этотъ якобы соборъ, по выраженію одного историка, обращаясь къ избирательному собранію, не предрѣшалъ его рѣшеній [3]). Въ грамотахъ, разосланныхъ по областямъ, виновники государственнаго переворота не упустили заявить прежде всего, что „выборные всѣхъ частей государства и всѣхъ сословій“, подробно въ точности перечисленные въ обычномъ порядкѣ, просили бывшаго государя сойти съ престола [4]). Въ парламентарной и революціонной комедіи Россія уже съ давнихъ поръ могла помѣряться съ любымъ европейскимъ государствомъ.

Свояку Шуйскаго, князю Ив. Мих. Воротынскому было поручено объявить царю объ его низложеніи. „Шубникъ“ поклонился и, покинувъ немедленно дворецъ, вернулся въ свой прежній домъ, а братья его были заключены подъ стражу. Шуйскій не совсѣмъ, однако, потерялъ надежду. Такъ какъ патріархъ твердо продолжалъ противодѣйствовать, то самъ Жолкѣвскій ходатайствовалъ у Мстиславскаго въ пользу низложеннаго государя, напоминалъ ему о знатномъ происхожденіи Шуйскаго, къ которому нужно относиться съ уваже-

---

[1]) Поповъ. Изборникъ, стр. 346.

[2]) Собр. Гос. грам. и дог., II, № 198; Акты истор., II, № 287.

[3]) Латкинъ. Земскіе соборы, стр. 106—109.

[4]) Собр. Гос. гр. и дог., II, № 197 и Акты Ком. Арх., II, № 162. Ср. Загоскинъ, Исторія права Московскаго государства, I, 235.

ніемъ [1]). Волненія, приведшія къ низложенію Василія Ивановича, въ самомъ дѣлѣ безпокоили гетмана и ничуть не соотвѣтствовали его собственнымъ желаніямъ. Грамоты временнаго правительства высказывались не только противъ самозванца, но и противъ поляковъ и настойчиво внушали Жолкѣвскому убѣжденіе въ томъ, что ему гораздо было бы легче сговориться съ самимъ Шуйскимъ. Ловкій дипломатъ сталъ дѣйствовать согласно такому убѣжденію, и черезъ нѣсколько дней настроеніе умовъ такъ измѣнилось въ пользу бывшаго царя, что Гермогенъ счелъ возможнымъ настоятельно требовать его возстановленія на престолѣ. Но Ляпуновы поспѣшили вмѣшаться еще разъ. 19 іюля вмѣстѣ съ тремя князьями—Засѣкинымъ, Тюфякинымъ, Волконскимъ-Мериномъ—и нѣсколькими монахами Захаръ напалъ на „шубника“ въ его домѣ и принудилъ его постричься въ монахи. На этотъ разъ Василій Ивановичъ отчаянно сопротивлялся: иноческая ряса рѣшала его судьбу безповоротно! Ляпуновъ принужденъ былъ крѣпко держать его за руки, а Тюфякинъ,—другіе говорятъ, Иванъ Салтыковъ,—произносилъ за него обѣты; затѣмъ его заключили въ Чудовъ монастырь, а жену его постригли въ монахини. Скоро долженъ былъ подняться занавѣсъ надъ новымъ актомъ великой драмы, столь обильной перемѣнами декорацій и дѣйствующихъ лицъ [2]).

---

[1]) Мухановъ, Сборникъ, стр. 181 и XVI, примѣчаніе.

[2]) Объ этомъ происшествіи см. Никоновск. лѣт. VIII, 140; Поповъ, Изборникъ, стр. 346; Руск. Ист. Библ., I, 642 и XIII, 122; Акты, отн. къ ист. Зап. Россіи, IV, 475; Карамзинъ, Ист. Гос. Росс., XII, прим. 560; Мухановъ, Сборникъ, стр. 294; Kobierzycki, Hist. Vladislai, стр. 288: Żółkiewski, Historya wojny Moskiewskiej, стр. 59 и сл.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Поляки въ Москвѣ.

I. Опытъ олигархическаго правленія.

Послѣ окончательнаго низложенія Шуйскаго въ Москвѣ нашла себѣ примѣненіе на дѣлѣ легендарная формула революціоннаго устава, состоявшаго будто бы изъ двухъ статей: „Ничего не осталось.—Никто не уполномоченъ приводить сіе постановленіе въ дѣйствіе“. Подобіе народнаго собранія учредило, правда, также подобіе правительства. Но бояре, входившіе въ составъ его, были сами по себѣ только тѣломъ безъ головы, безжизненнымъ организмомъ, а такъ какъ патріархъ продолжалъ оставаться въ рядахъ оппозиціи, нельзя было прибѣгнуть къ той временной мѣрѣ, которую примѣнили во время недавняго междуцарствія. Члены правительственнаго организма оказались не только неподвижными, но и въ раздорѣ между собою. В. В. Голицынъ, поддерживаемый Ляпуновыми, выставилъ свою кандидатуру. Въ партіи, въ которой дѣйствовалъ Филаретъ со своими приверженцами, стала намѣчаться кандидатура одного изъ Романовыхъ. Болѣе освѣдомленная о положеніи дѣлъ избранная часть старѣйшей родовой знати вмѣстѣ съ Ф. И. Мстиславскимъ и И. С. Куракинымъ, со своей стороны, полагала, что выборъ ограниченъ: избранными могутъ быть только или Владиславъ, или Димитрій. При такой альтернативѣ на худой конецъ можно было считать пріемлемымъ, подъ условіемъ кое-какихъ поправокъ, договоръ, на который согласились тушинскіе конфедераты. На этомъ дѣло и кончилось. На общемъ собраніи, которое послѣдовало въ самый день сверженія съ престола Шуйскаго за собраніемъ, порѣшившимъ это низложеніе, согласно постановили исключить изъ числа кандидатовъ всѣхъ

москвитянъ, а это было почти равносильно признанію польскаго королевича. Впрочемъ, тутъ же было постановлено вести переговоры съ Сигизмундомъ, чтобы добиться отъ него дополнительныхъ гарантій [1]).

А вѣдь необходимо было, чтобы кто-нибудь правилъ въ ожиданіи избранія царя. Намъ неизвѣстно, какимъ образомъ пришли къ мысли учредить „семибоярщину“, въ которой засѣдали четыре представителя старѣйшихъ княжескихъ родовъ: Ф. И. Мстиславскій, И. М. Воротынскій, А. В. Трубецкой и А. В. Голицынъ вмѣстѣ съ однимъ изъ Романовыхъ, Иваномъ Никитичемъ, и двумя его родственниками, Ф. И. Шереметевымъ и княземъ Бор. Мих. Лыковымъ. Надо полагать, что сначала въ этомъ спискѣ былъ также и В. В. Голицынъ, но, безъ сомнѣнія, товарищи его предпочли отъ него избавиться, отправивъ его подъ Смоленскъ для переговоровъ съ Сигизмундомъ. Какимъ бы то ни было образомъ, во главѣ власти стала высшая знать страны: представители родовой знати тутъ смѣшались съ выслужившимися при дворѣ боярами. Въ составъ правительства не вошли нѣсколько отсутствовавшихъ въ то время и И. С. Куракинъ: онъ былъ отстраненъ за свои черезчуръ явныя симпатіи къ полякамъ. Впрочемъ, и возникновеніе и составъ этой корпораціи представляютъ много неизвѣстнаго [2]).

Какъ всѣ правительства того времени, Семибоярская Дума заявляла притязанія, будто она была исполнительницей воли Земскаго собора, облекшаго ее полномочіями. Очень возможно, что при ея учрежденіи существовало нѣкое иное подобіе представительнаго собранія, но оно не могло взаправду собирать мнѣнія областей. Южныя области были отрѣзаны отъ всякихъ сообщеній со столицею; центральныя находились во власти Жолкѣвскаго, а посовѣтоваться съ остальными не хватило времени. На это потребовались бы мѣсяцы, а Москва, очутившись между двухъ огней, должна была усчитывать каждый день.

10 іюля (20 іюля нов. стиля) Жолкѣвскій выступилъ изъ Можайска, отправивъ впередъ въ Москву посланія, въ которыхъ ссылался на свои заботы, какъ бы охранить столицу

---

[1]) Акты, отн. къ ист. Зап. Россіи, IV, 473—475; Żółkiewski, Historya wojny Moskiewskiej, стр. 59.

[2]) Платоновъ, Очерки, стр. 456.—Сравн. Иловайскій, Исторія Смутнаго времени, стр. 293, и Русск. Ист. Библ., XIII, 123.

отъ „вора". Временное правительство съ гордостью заявило ему, что оно не нуждается въ его помощи. Но четыре дня спустя гетманъ былъ уже подъ Хорошевымъ, въ семи верстахъ отъ города. Одновременно съ нимъ двинулись на приступъ города отряды самозванца, между тѣмъ какъ Захаръ Ляпуновъ возмущалъ чернь въ пользу его. Съ обѣихъ сторонъ начались переговоры. Семибоярщина первая начала сноситься съ Жолкѣвскимъ, а съ другой стороны, черезъ посредство Сапѣги, пытался войти въ сношенія съ нимъ Лжедимитрій II. Онъ предлагалъ Рѣчи Посполитой три милліона злотыхъ, сто тысячъ королевичу и пятнадцатитысячный корпусъ королю для войны съ Швеціей и обѣщаніе завоевать у нея Ливонію для Польши [1]). Несмотря на искушеніе, когда „воръ" ему лично дѣлалъ великолѣпныя обѣщанія, Жолкѣвскій отказался выслушать эти предложенія. Не легко было ему придти къ соглашенію съ Мстиславскимъ и остальными шестью боярами. Они требовали отъ королевича Владислава обращенія въ православіе и обѣщанія не ставить польскихъ гарнизоновъ въ пограничныхъ крѣпостяхъ Московіи. Этимъ въ особенности они желали заявить, чтобы въ этой пограничной области не давались полякамъ помѣстья и вотчины. А вѣдь Жолкѣвскій зналъ, какъ Сигизмундъ собирается воспользоваться ими, и, будучи самъ ревностнымъ католикомъ, онъ не имѣлъ желанія идти въ религіозной области противъ явной воли своего государя. Впрочемъ, съ самой Клушинской битвы онъ ожидалъ со дня на день инструкцій изъ Смоленска, но Сигизмундъ, все еще весьма медлительный, не спѣшилъ прислать ихъ.

Въ тщетныхъ переговорахъ прошло три недѣли; ждать дольше было невозможно: у самой столицы стоялъ самозванецъ, это во-первыхъ, а во-вторыхъ Клушинскіе побѣдители, не получая жалованья, стали дѣлать видъ, что они не прочь послѣдовать примѣру наемниковъ въ войскѣ Делагарди. При такомъ стѣснительномъ положеніи Жолкѣвскій рѣшился вступить въ сдѣлку. Условившись относительно вопросовъ, связанныхъ съ матеріальными интересами, онъ сумѣлъ обойти молчаніемъ вопросъ о вѣрѣ, и Владиславъ былъ избранъ на Московскій престолъ.

---

[1]) Żółkiewski, Hist. wojny Moskiewskiej, стр. 60; Мухановъ въ его изданіи соч. Жолкѣвскаго, стр. 311; Костомаровъ, Смутное время, III, 27.

II. Избраніе Владислава.

17-го августа на Дѣвичьемъ Полѣ три боярина, князья Ф. И. Мстиславскій, В. В. Голицынъ и Д. И. Мезецкій, въ сопровожденіи двухъ думскихъ дьяковъ, Василія Телепнева и Томилы Луговскаго, взяли на себя рѣшеніе судьбы отечества, объявивъ себя уполномоченными „всей земли“ [1]). Въ основу былъ принятъ Тушинскій договоръ; новые посредники ввели только нѣкоторыя поправки, главнымъ образомъ, относительно нѣкоторыхъ привилегій, не принятыхъ конфедератами въ соображеніе: за представителями главныхъ княжескихъ родовъ было признано право старшинства, и имъ было обезпечено преимущество въ милостяхъ. Съ другой стороны, ограниченіе самодержавія, принятое тушинцами, было сохранено. Самодержавіе только-что утратило всякое довѣріе при Шуйскомъ. Мстиславскій и ему подобные, кромѣ того, питали личную злобу къ самодержавію и готовы были дать ей исходъ передъ государемъ иноземнаго происхожденія. Жертвы Грознаго и Годунова, представители древнихъ великокняжескихъ родовъ, пройдя черезъ воспоминанія, оставленныя имъ этимъ двойственнымъ прошлымъ, благодаря болѣе развитой въ средѣ ихъ культурѣ легче другихъ соотечественниковъ своихъ поддавались очарованію польскихъ вольностей. Въ чисто политической части новаго договора была исключена только статья, касающаяся права свободнаго выѣзда за границу съ торговыми и научными цѣлями. Она явно шла слишкомъ въ разрѣзъ со взглядами москвитянъ и ихъ склонностью къ строгому обособленію отъ другихъ народовъ. Была включена статья, ставящая условіемъ, чтобы Тушинскій воръ былъ покоренъ общими силами, а Марина возвращена въ Польшу. Наконецъ, Жолкѣвскій, отъ имени короля, обязался вывести польскія войска изъ всѣхъ занятыхъ ими территорій. Не могли придти къ соглашенію въ особенности относительно обращенія въ православіе будущаго царя, его „крещенія“, какъ говорили въ Москвѣ; рѣшеніе этого вопроса было отложено до непосредственныхъ переговоровъ съ Сигизмундомъ.

На другой день москвитяне присягали новому государю сначала въ открытомъ полѣ, на полу-пути между польскимъ лагеремъ и столицей, а затѣмъ въ Успенскомъ соборѣ въ

---

[1]) Собр. госуд. грам. II, № 199 и 200. Жолкѣвскій. Ист. Моск. войны, 62.

присутствіи патріарха. Гермогенъ довольно покорно согласился на совершеніе этого обряда: въ указѣ, разосланномъ по областямъ, сказано было, что Владиславъ обязался принять вѣнецъ изъ рукъ верховнаго святителя, что могло сойти за обѣщаніе отречься отъ католичества [1]. Въ договорѣ объ этомъ ни слова не было сказано, но ему приписывали все, чего хотѣли.

Слѣдующіе дни были посвящены пиршествамъ. Сначала Жолкѣвскій съ большой пышностью принималъ главныхъ бояръ, которымъ онъ роздалъ въ видѣ подарка: лошадей, сѣдла, сабли, цѣнныя кружки. Затѣмъ онъ со своими полковниками былъ приглашенъ на не менѣе роскошный пиръ у кн. Мстиславскаго. За столомъ московскаго вельможи спутники гетмана, какъ нѣкогда спутники Марины, едва прикасались къ московской стряпнѣ; они угощались только французскимъ пирожнымъ и жаловались, что имъ нечѣмъ напиться въ виду разнообразія напитковъ, подававшихся, впрочемъ, въ изобиліи. Имъ нужно было, повидимому, пить одинъ какой либо напитокъ, чтобы у нихъ закружилась голова! Подарками они тоже остались недовольны. Однако, имъ понравился бой съ медвѣдями, устроенный для нихъ послѣ обѣда; по достоинству оцѣнили они бѣлаго сокола и охотничью собаку, предложенныхъ хозяиномъ Жолкѣвскому [2].

Гетманъ, однако, имѣлъ болѣе серьезныя причины не слишкомъ предаваться веселью во время этого пиршества. Онъ узналъ сначала отъ Ѳедьки Андронова, посланнаго въ качествѣ гонца, а затѣмъ отъ Гонсѣвскаго, привезшаго инструкціи отъ Сигизмунда, что король заявляетъ притязанія на царскій титулъ для себя лично. Жолкѣвскій, хотя и хвастался всегда откровенностью, очевидно, все-таки преувеличилъ въ своихъ мемуарахъ [3]) изумленіе свое по поводу этого рѣшенія короля. Онъ не могъ не знать возраженій, которыя дѣлались на берегахъ Вислы противъ вступленія Владислава на Московскій престолъ. Шляхта вовсе не могла желать, чтобы Владиславъ, которому рано или поздно придется принять польскую корону, учился дѣлу управленія въ Московіи. Съ другой стороны, замѣна сына отцомъ не казалась непріемлемой для тѣхъ москвитянъ, которые искренно

---

[1]) Акты Арх. Ком. II, № 65; Акты, относ. къ ист. Зап. Рос. IV, № 181.
[2]) Maskiewicz, изд. Нѣмцевича, II, 381
[3]) Żółkiewski, Pisma, ed. Bielowski, стр. 76.

признавали принципъ польской кандидатуры: бояре, готовые отдаться въ руки Польши изъ страха передъ „воромъ“ и смутой, или бывшіе приверженцы Димитрія, надѣявшіеся такимъ образомъ избѣгнуть крутой реакціи, не придавали большой важности личности государя. Кромѣ этихъ малочисленныхъ убѣжденныхъ полонофиловъ, различались еще двѣ группы: покорные, готовые признать польскаго царя, если онъ приметъ православіе, и для нихъ отецъ или сынъ—помѣха была одинаковая, потому что Сигизмундъ не соглашался, чтобы Владиславъ перемѣнилъ религію; и затѣмъ непримиримые, убѣжденные націоналисты, которые въ религіозномъ вопросѣ видѣли лишь надежное средство устранить вовсе польскую кандидатуру. На дѣлѣ личная кандидатура короля не встрѣчала никакихъ серьезныхъ препятствій, пока бояре и тушинскіе конфедераты оставались господами положенія; впослѣдствіи, когда восторжествовала національная партія, Сигизмундъ и Владиславъ оба были одинаково устранены.

Какъ ни велика была проницательность Жолкѣвскаго, онъ, кажется, не достаточно распозналъ всѣ эти элементы безспорно весьма сложнаго положенія. Подписавъ отъ имени короля договоръ въ пользу Владислава, онъ какъ будто считалъ также вопросомъ чести хитроумно отстаивать даже букву этого договора. Наконецъ, другія заботы отвлекали все его вниманіе и всѣ его силы. Надо было избавиться отъ Димитрія. Пользуясь своимъ авторитетомъ, гетманъ старался привлечь Сапѣгу, который продолжалъ играть при „ворѣ“ двусмысленную роль. Приглашенный въ качествѣ посредника для устройства какого-нибудь соглашенія, староста усвятскій охотно пошелъ на это. Но Димитрій на сдѣланное ему предложеніе поселиться въ Польшѣ отвѣтилъ, что онъ „предпочелъ бы рабство у крестьянина позору ѣсть хлѣбъ короля“. Вмѣшавшаяся въ переговоры Марина прибавила къ этому высокомѣрному отвѣту тонкую насмѣшку: „Пусть король уступитъ царю Краковъ, тогда царь подаритъ ему взамѣнъ Варшаву“ [1]).

Надо было прибѣгнуть къ оружію. Мстиславскій присоединилъ московскія войска къ войскамъ Жолкѣвскаго, и первый бояринъ Москвы подчинился польскому полководцу.

---

[1]) Żółkiewski, ed. Bielowski, стр. 80. Niemcewicz. Dzieje panowania Zygmunta III-go, II, 478—479.

Жолкѣ скій ночью подступилъ къ лагерю Сапѣги. Испуганные люди старосты усвятскаго послали парламентеровъ, и ихъ начальникъ самъ явился къ Жолкѣвскому: „Пусть захватятъ „вора“, онъ не станетъ мѣшать этому!“ [1]) Москва отдѣляла союзныя войска отъ монастыря св. Николая, гдѣ тогда находились вмѣстѣ Димитрій и Марина. Съ разрѣшенія Мстиславскаго поляки прошли черезъ столицу, но Димитрій и Марина были во время предупреждены, и ихъ не удалось захватить. Быстрое отступленіе укрыло ихъ. Но отпаденіе Сапѣги лишило ихъ возможности стоять лагеремъ подъ Москвой, и „воръ“ съ Мариной отступилъ къ Калугѣ. За ними послѣдовали казаки. Что касается москвитянъ, сохранившихъ преданность Димитрію, то они готовы были по большей части признать Владислава подъ условіемъ сохраненія за ними чиновъ, полученныхъ ими на службѣ претендента. Это условіе помѣшало соглашенію, такъ какъ Жолкѣвскій не могъ заставить бояръ подписать его. Со своей стороны, Жолкѣвскій сдѣлалъ крупную ошибку, отказавъ передать Заруцкому, который мужественно сражался подъ его начальствомъ при Клушинѣ, предводительствованіе надъ присоединившимися къ нему или готовыми пристать къ нему москвитянами. Пользовавшійся очень большой славой въ народѣ атаманъ живо подговорилъ большую часть своихъ людей и направился съ ними къ Калугѣ, гдѣ его ждала романтическая и печальная участь. Поляки Сапѣги, напротивъ, всѣ перешли на службу къ королю, который обѣщалъ платить имъ жалованье.

Жолкѣвскій, сообразивши теперь лучше положеніе дѣлъ, сталъ торопить, чтобы отправили пословъ подъ Смоленскъ для заключенія окончательнаго соглашенія съ Сигизмундомъ. По его мнѣнію, это было прекраснымъ средствомъ удалить изъ столицы нѣкоторыхъ подозрительныхъ лицъ. Съ этой цѣлью, льстя В. В. Голицыну, онъ уговорилъ его принять на себя предсѣдательствованіе въ этомъ посольствѣ; удалось ему включить въ посольство и Филарета. Вошли въ него также Авраамій Палицынъ съ Захаромъ Ляпуновымъ и представители всѣхъ сословій, избранные въ такомъ количествѣ, что посольство состояло изъ 1.246 лицъ, сопровождаемыхъ 4.000 писарей и слугъ: еще одно собраніе, маленькій со-

[1]) Sapieha, Dziennik, стр. 273 и слѣд. Признаніе это не совсѣмъ ясно выражено, но Сапѣга сознается, что бесѣда закончилась по-дружески.

боръ, эманація большого собора, которому приписывали избраніе Владислава! [1])

Наказъ, подробно выработанный для этихъ выборныхъ, занимаетъ 85 страницъ убористаго шрифта; онъ настаиваетъ главнымъ образомъ на слѣдующихъ пунктахъ: Владиславъ долженъ перейти въ православіе въ самомъ лагерѣ подъ Смоленскомъ, еще раньше, чѣмъ отправится въ путь къ Москвѣ; по восшествіи на престолъ онъ долженъ отказаться отъ всякихъ сношеній съ папой въ религіозныхъ вопросахъ; жениться онъ долженъ въ Московіи на православной; король, со своей стороны, долженъ снять осаду со Смоленска и возвратиться въ Польшу. Въ крайнемъ случаѣ переходъ царя въ православіе выборные могутъ отложить до пріѣзда его въ Москву, лишь бы онъ прибылъ туда по возможности скорѣе. Чтобы дать королю залогъ своей искренности, бояре согласились въ то же время на то, чтобы бывшій царь Шуйскій и его два брата были отправлены въ Польшу. Такъ какъ Гермогенъ не признавалъ дѣйствительнымъ насильнаго постриженія бывшаго государя, то эта предосторожность казалась полезной. Однако, изъ опасенія, что москвитяне сочтутъ это оскорбленіемъ, Василій Ивановичъ и его родные были предварительно удалены изъ столицы и помѣщены вблизи границы.

Эти мѣры временно облегчили политическое положеніе; но военное положеніе оставалось внушающимъ опасенія. Димитрій укрѣпился въ Калугѣ и набиралъ новыхъ приверженцевъ изъ сосѣднихъ областей. Чтобы обуздать его, Жолкѣвскій не нашелъ другого средства, кромѣ того, что послалъ въ Сѣверщину загадочнаго старосту усвятскаго съ нѣсколькими людьми и десятью тысячами рублей московскихъ денегъ, чтобы на нихъ нанять другихъ. Расхищеніе московскихъ сокровищъ начиналось! Но, прибывши къ мѣсту назначенія, двоюродный братъ великаго канцлера Литовскаго, очевидно, получилъ отъ послѣдняго другія инструкціи. Немедленное замиреніе страны вовсе не согласовалось съ планами короля, котораго въ этомъ случаѣ можно упрекнуть въ нечестности, но нельзя отрицать, что онъ проявилъ много дѣловитости и проницательности. Сигизмундъ ясно понималъ, что лишь страхъ передъ „воромъ“ далъ Польшѣ наиболѣе рѣ-

[1]) Акты, относ. къ ист. Зап. Россіи, IV, 318; Мухановъ, Сборникъ, 182.

шительныхъ сторонниковъ въ Московіи. Уничтожить сейчасъ же это пугало было бы большой неосторожностью, и вотъ Янъ Сапѣга получилъ секретное предписаніе не только щадить Димитрія, но, въ случаѣ нужды, оказать ему и поддержку. Со своей стороны, страну опустошали остатки тушинской арміи, казаки и поляки подъ предводительствомъ Лисовскаго и Прозовецкаго, другого очень предпріимчиваго начальника, и неизвѣстно было даже доподлинно, кому служили они. Наконецъ, шведы, со времени избранія Владислава обратившіеся изъ союзниковъ во враговъ, завладѣли Ладогой и пытались захватить врасплохъ Ивангородъ, сохранившій преданность Димитрію.

Расположившись подъ Москвою лагеремъ со своей маленькой арміей, Жолкѣвскій чувствовалъ себя въ очень большой опасности; однако, онъ не дерзалъ ввести поляковъ въ громадный городъ, гдѣ можно было ожидать возмущенія фанатичныхъ элементовъ, какъ только станетъ извѣстно, что Сигизмундъ думаетъ возсѣсть на престолъ вмѣсто своего сына. Но именно это опасеніе и побудило бояръ признать милостью то, что раньше они считали оскорбленіемъ. Они предались полякамъ; на поляковъ они возлагали задачу защищать ихъ отъ общей опасности. Гетманъ уступилъ съ большой неохотой. Онъ надѣялся, что король присоединитъ къ нему малочисленное, но превосходное войско, которое ничего путнаго не дѣлало подъ Смоленскомъ. Къ несчастью, Сигизмундъ, со своей стороны, ждалъ присоединенія всей Польши. Но Польша теперь, несмотря на всѣ просьбы, ходатайства и мольбы, не двигалась. Она не хотѣла ничего ни видѣть, ни соображать. Въ послѣдній разъ передъ роковымъ часомъ, когда она должна была покорно подчиниться завоеванію, ей былъ предоставленъ случай проявить свое просвѣтительное и завоевательное могущество и даже со всѣми данными на успѣхъ, какъ признаетъ одинъ изъ самыхъ выдающихся русскихъ историковъ [1]). Она не захотѣла. У нея не хватало уже ни духа, ни разсудка. Она предоставила своему королю по слѣдамъ нѣсколькихъ отважныхъ авантюристовъ искать приключеній и одному добиваться недостижимой цѣли. Въ февралѣ 1610 года Сигизмундъ

---

[1]) Костомаровъ, Монографіи и изслѣдованія, XIII, 363 и 434.

принужденъ былъ продать или заложить свои драгоцѣнности [1]); обезкураженный, несмотря на событія подъ Клушинымъ, неувѣренный въ возможности воспользоваться плодами этой побѣды, онъ все болѣе и болѣе упорно цѣплялся за мысль, что снять осаду со Смоленска значитъ выпустить добычу, погнавшись за тѣнью. Во всякомъ случаѣ, если ему удастся взять эту крѣпость, ему неопасно будетъ возвратиться въ Краковъ съ пустыми руками и подвергнуться тамъ гнѣву своихъ грозныхъ подданныхъ. И какъ его подданные покинули своего короля, такъ онъ покинулъ своего гетмана.

И Жолкѣвскому опять пришлось взять смѣлостью. Это былъ страшный опытъ. При первомъ извѣстіи о вступленіи поляковъ въ Москву всѣ колокола зазвонили. Мятежъ снова готовъ былъ вспыхнуть. Испуганные бояре просили подождать, и Жолкѣвскій предложилъ расположить свои войска въ предмѣстьяхъ. Но это было еще хуже. Въ пригородахъ Москвы находилось множество монастырей; предназначенный для самого Жолкѣвскаго и его главнаго штаба Новодѣвичій монастырь былъ женскій; монахини всполошились; Гермогенъ вознегодовалъ. Кромѣ того, поляки, особенно тушинскіе, тоже не были довольны такимъ распоряженіемъ. Все еще въ ожиданіи обѣщаннаго жалованія, они терпѣливо ждали лишь въ надеждѣ добраться скоро до Кремля и его сокровищъ. Надо было ладить со всѣми этими мятежными элементами. Бояре старались умиротворить толпу и внушить патріарху болѣе правильное пониманіе положенія дѣлъ. „Если Жолкѣвскій уйдетъ, намъ останется только послѣдовать за нимъ, чтобы спасти наши головы“, кричалъ ему Иванъ Романовъ, и, такъ какъ старый патріархъ упорно стоялъ на своемъ, Мстиславскій сказалъ ему, наконецъ, грубо: „Нечего попамъ мѣшаться въ государственныя дѣла!“ [2]). Въ ночь съ 20 на 21 сентября 1610 года поляки тихо проникли въ сердце столицы, заняли Кремль и два центральныхъ квартала, Китай-городъ и Бѣлый Городъ; расположились они также и въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, несмотря на возмущеніе монахинь.

---

[1]) Kozłowski, Przegląd Powszechny, 1889, XXII, 219 и 345; Darowski, Niwa, 1892, XIX—XXIV; Vetera Poloniae Monumenta, III, 335; Бумаги Нарушевича, 104, 106, 1.115, 1.210.

[2]) Ник. лѣт. VIII, 144; Акты, относ. къ ист. Зап. Россіи, IV, 477; Русск. Ист. Библ. I, 680; Żółkiewski, ed. Bielowski, стр. 68.

III. Занятіе Москвы.

Жолкѣвскій все еще былъ въ большомъ затрудненіи. Онъ обратилъ вниманіе своихъ полковниковъ на то, что въ Кремлѣ очень трудно будетъ защищаться. Кремль представлялъ центръ всѣхъ административныхъ дѣлъ; хотя онъ и былъ укрѣпленъ, однако, обширная ограда его была обыкновенно всегда открыта для всѣхъ, и въ немъ зачастую собиралась значительная толпа народа. Къ тому же у поляковъ не было пѣхоты, которая могла бы нести службу на оградахъ. „Нужды нѣтъ,—возражалъ на это пылкій Мархоцкій.—Мы хорошо деремся промежъ собою и пѣшкомъ!“ Онъ, вѣроятно, и не подозрѣвалъ, какъ хорошо сказалъ.

Укрѣпленія города были внушительны для того времени: толстыя стѣны, по краямъ четыреугольныя башни; отверстія въ стѣнахъ для пушекъ; бойницы для стрѣлковъ изъ лука и пищалей; подземные ходы, соединяющіе всѣ укрѣпленія; тяжелой артиллеріи въ изобиліи. Но ограда имѣла въ окружности болѣе двухъ километровъ [1]). Эта часть города не носила еще тогда названія, подъ которымъ потомъ прославилась. Кремль, вѣроятно, представляетъ искаженіе слова Крымъ, и въ началѣ семнадцатаго столѣтія говорили еще Крымъ-городъ, или татарскій городъ. Китай-городъ, наоборотъ, отнюдь не обозначаетъ: китайскій городъ, хотя впослѣдствіи графу Шувалову и удалось убѣдить въ этомъ Вольтера. Москвитяне въ семнадцатомъ столѣтіи не имѣли еще сношеній съ столь отдаленной частью Азіи. Китай-городъ названъ былъ такъ во время правленія Елены Глинской, матери Ивана IV, несомнѣнно, въ память мѣста рожденія этой княгини, польскаго города Китайгродъ, въ нынѣшней Подольской губерніи. Вмѣстѣ съ Бѣлымъ Городомъ, названнымъ такъ потому, что всѣ дома его были выбѣлены известью, Китай-городъ, находящійся въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Кремлемъ, представлялъ собою самую населенную и самую оживленную часть города, торговую часть его, которую пересѣкали всѣ главныя улицы. Немногочисленные поляки точно потонули въ этомъ морѣ людей. Однако, благодаря искусству Жолкѣвскаго, занятіе Москвы наладилось и сначала шло безъ всякихъ препятствій.

---

[1]) Снегиревъ. Памятники, II, 322.

Разсмотрѣніе распрей и ссоръ, возникавшихъ между поляками и москвитянами, возложено было на смѣшанное судилище, въ которомъ обѣ національности представлены были въ одинаковомъ количествѣ, и безпристрастность суда обезпечивала нѣкоторое время поддержаніе строгой дисциплины. Одинъ полякъ, аріанскій сектантъ, выстрѣлилъ изъ пистолета въ образъ Богоматери. Его арестовали и присудили: отрубить ему руки и затѣмъ живьемъ сжечь. Другого за похищеніе молодой москвитянки наказали кнутомъ. Гонсѣвскому, который къ своему польскому титулу старосты велижскаго прибавилъ пожалованное ему указомъ Сигизмунда и никѣмъ не оспариваемое званіе московскаго боярина, Жолкѣвскій поручилъ командованіе надъ стрѣльцами, что отдавало въ его руки всю полицію города. Прежній посолъ былъ лучшимъ солдатомъ, чѣмъ дипломатомъ; но вѣжливость и великодушіе гетмана много помогали ему при исполненіи его опасныхъ обязанностей, такъ что его новые подчиненные свою ненарушимую преданность ему проявляли тѣмъ, что сами доносили на недоброжелателей и брались ловить ихъ. Продовольствіе польскаго гарнизона организовано было по системѣ, испытанной уже при Тушинѣ, которая, указавъ каждой ротѣ опредѣленную область, ставила центры снабженія продовольствіемъ въ прямую зависимость отъ частей войска, которыя они продовольствовали. Сношеніе съ королевской арміей было въ то же время обезпечено занятіемъ Можайска, Борисова и Вереи, и такимъ образомъ военная проблема казалась частью разрѣшенной.

Гораздо труднѣе было разрѣшить вопросъ о верховной власти. Единственнымъ законнымъ правительствомъ было отнынѣ правительство Владислава. Но въ ожиданіи воцаренія сына отецъ взялъ на себя обязанности его естественнаго замѣстителя. Въ Москвѣ это казалось настолько понятнымъ, что, принося присягу въ вѣрности Владиславу, тутъ же присягали на временное повиновеніе Сигизмунду. Считалось, что Владиславъ уже царствуетъ. Въ церквахъ за него молились; отъ его имени чинили судъ и чеканили монету и медали съ его изображеніемъ [1]). Но вѣрноподданные сына обнаруживали не меньшую ревность въ выпрашиваніи у отца разнаго рода милостей. И дѣйствительно, отъ 1610 до

---

[1]) См. факсимиле у Нѣмцевича, Dzieje panowania Zygmunta III-go, II, 482.

1612 года всѣ назначенія и награды оффиціально исходили отъ короля; и, начиная отъ великаго Мстиславскаго, которому пожалована была вотчина, до незначительнаго Плещеева, удовольствовавшагося польскимъ титуломъ крайчаго (стольника, рѣзавшаго мясо), ни одинъ изъ приверженцевъ Владислава не роптал на такое замѣстительство власти. Вслѣдъ за тушинскими конфедератами, которые раньше всѣхъ захватили лучшія доли и имущество Шуйскихъ, присужденное Салтыковымъ, и лица, бывшія въ немилости во время предыдущаго царствованія, потребовали своей доли. Мать перваго Димитрія выпросила прекрасную волость Устюжну-Желѣзнопольскую; и даже Маржеретъ съ однимъ французомъ, его товарищемъ по оружію, сдѣлались владѣльцами московскихъ помѣстій.

Въ первыхъ жалованныхъ грамотахъ 1610 года король выступаетъ даже одинъ; въ слѣдующемъ году упоминается уже и Владиславъ, но лишь въ подкрѣпленіе и какъ наслѣдный принцъ; а еще позже ужъ появляется царь и великій князь Владиславъ, но все еще на второмъ мѣстѣ. Измѣненія въ этомъ церемоніалѣ объясняются событіями, о которыхъ еще будетъ рѣчь [1]).

Какъ ни страненъ былъ такой дуализмъ, онъ, однако, не противорѣчилъ духу москвитянъ. Впослѣдствіи это подтвердилось примѣромъ перваго Романова, номинально управлявшаго государствомъ подъ дѣйствительной властью своего отца. Письмо Сигизмунда къ Мстиславскому указываетъ, что между королемъ и первымъ бояриномъ государства установились отношенія государя и покорнаго и преданнаго подданнаго [2]). Въ письмѣ къ Льву Сапѣгѣ М. Г. Салтыковъ пишетъ, что готовъ жизнью пожертвовать за короля и королевича [3]). Самый ярый поборникъ русскаго конституціонализма, правда, настойчиво добивался въ то время прекрасной волости Ваги. Революціонные переломы всегда и всюду имѣютъ изнанку, которую не должны разглядывать идеалисты.

Но бояре надѣялись, что, по крайней мѣрѣ, до прибытія Владислава Сигизмундъ, сохранивъ за собою право

[1]) Акты, относ. къ ист. Зап. Россіи, IV, №№ 183 и слѣд., 755, 786; Акты Арх. Ком., II, № 166; Русск. Ист. Библ., 1875, II, 698.

[2]) Акты Ист., II, 288.

[3]) Тамъ-же, II, 306.

расточать милости, въ чемъ онъ проявлялъ большое великодушіе, обязанъ предоставить имъ остальныя проявленія власти. Жолкѣвскій не желалъ ничего лучшаго. Онъ хорошо уживался съ семибоярщиной и успѣлъ даже подольститься къ вспыльчивому Гермогену, который вскорѣ сталъ считаться ежедневнымъ посѣтителемъ Жолкѣвскаго. Это была безусловно разумная политика и единственная, способная подготовить переходъ къ будущему строю какъ разъ въ смыслѣ намѣреній короля. Но Сигизмундъ не такъ смотрѣлъ на дѣло. Занятіе его войсками столицы, въ его глазахъ, было лишь актомъ, предшествовавшимъ административному захвату, который онъ желалъ немедленно осуществить. Все отнынѣ должно было совершаться не только отъ имени короля, но и по его приказу и черезъ посредство лицъ, находящихся въ его полной власти. Прекрасный солдатъ и чрезвычайно находчивый государственный дѣятель, Жолкѣвскій не былъ образцомъ подданнаго. Покорность не входила въ число его добродѣтелей. Иначе онъ не былъ бы полякомъ. Онъ считалъ возможнымъ оставаться въ Москвѣ лишь для осуществленія программы, выгоды который онъ самъ оцѣнилъ. Несмотря на мольбы бояръ, въ октябрѣ онъ уѣхалъ, сопровождаемый всеобщими сожалѣніями и даже привѣтствіями простонародья. Онъ передалъ Гонсѣвскому командованіе надъ гарнизономъ, состоявшимъ уже только изъ 4.000 поляковъ и нѣсколькихъ тысячъ наемниковъ изъ иностранцевъ.

Подъ Смоленскомъ Жолкѣвскій засталъ Сигизмунда въ борьбѣ съ неприступной крѣпостью, все еще отказывавшейся сдаться, и съ поистинѣ чрезвычайнымъ посольствомъ, состоявшимъ изъ 1.246 выборныхъ, старавшихся придерживаться буквы данныхъ имъ наказовъ; посольство это угрожало проявить такую же несговорчивость, какъ и крѣпость. Это было зрѣлище, подобнаго которому, можетъ быть, не бывало еще въ исторіи: обмѣниваясь пушечными выстрѣлами съ одной частью своихъ подданныхъ, государь велъ переговоры съ другой частью о самыхъ условіяхъ своего вступленія во власть. Ссылаясь на обязательства, принятыя гетманомъ, москвитяне требовали, чтобы король немедленно отправилъ въ Москву королевича и тотчасъ же вывелъ всѣ свои войска изъ территоріи государства. Ссылаясь, со своей стороны, на свои права, какъ замѣстителя избраннаго государя, Сигизмундъ требовалъ предварительной покорности Смоленска.

Присутствіе въ королевскомъ лагерѣ трехъ Шуйскихъ, привезенныхъ Жолкѣвскимъ въ качествѣ военноплѣнныхъ, не способствовало развитію благопріятнаго настроенія въ лагерѣ москвитянъ. До конца ноября вели переговоры и не подвинулись ни на шагъ впередъ. Приступъ, сдѣланный въ это время поляками, былъ отраженъ.

Въ декабрѣ, однако, напряженное состояніе ослабѣло. Щедро надѣленные при раздачѣ наградъ, нѣкоторые изъ выборныхъ, и между ними весьма вліятельный Авраамій Палицынъ, склонились на уговоры вернуться въ Москву и дѣйствовать тамъ въ пользу щедраго государя [1]). Несмотря на всѣ усилія В. В. Голицына и Филарета помѣшать такому разброду, посольство все болѣе и болѣе разбѣгалось и, распавшись такимъ образомъ, потеряло характеръ представительства, такъ какъ въ немъ осталась лишь группа непокорныхъ политикановъ, которыхъ сочлены не признавали, и полномочія которыхъ, слѣдовательно, наполовину утратили свою силу. Захаръ Ляпуновъ былъ въ числѣ дезертировъ. Но, вмѣсто того, чтобы послѣдовать за Палицынымъ, онъ предпочелъ перейти въ польскій лагерь, гдѣ его радушно приняли его новые товарищи, которымъ онъ за гостепріимство щедро отплачивалъ издѣвательствами надъ непримиримыми. Такое поведеніе членовъ посольства утвердило въ Сигизмундѣ убѣжденіе, что онъ можетъ хозяйничать. Однако, оно впослѣдствіи показалось двуличнымъ и даже въ ту пору возбуждало подозрѣнія въ московскихъ боярахъ, которые не скрывали этого отъ Сигизмунда. Онъ уже царствовалъ; онъ хотѣлъ управлять.

IV. Правленіе поляковъ.

Сигизмундъ примѣнилъ наиболѣе отвратительный способъ правленія, какой только можно было придумать. Начальникъ стрѣльцовъ, бояринъ Гонсѣвскій, предлагалъ ему способъ, обѣщавшій дать превосходные результаты и испытанный имъ безъ всякаго затрудненія. Король предпочиталъ обрусѣвшимъ полякамъ ополячившихся русскихъ, но, чтобы они проявили послушаніе, какое требовалось, приходилось довольствоваться низшимъ по качеству составомъ. Бывшій кожев-

---

[1]) Голиковъ. Дѣянія Петра Великаго, XII, 362—368. Акты, относ. къ ист. Зап. Россіи, IV, № 182.

никъ, Өедька Андроновъ былъ утвержденъ въ званіи думнаго дворянина, полученномъ въ Тушинѣ, и назначенъ помощникомъ московскаго казначея Василія Петровича Головина. Онъ не замедлилъ вытѣснить своего начальника и предоставить казну въ распоряженіе Гонсѣвскаго. Для соблюденія формы Гонсѣвскій въ присутствіи бояръ произвелъ опись; но черезъ нѣсколько дней наложенныя ими печати были сорваны и замѣнены другими съ печатью Өедьки Андронова. Эта система быстро распространилась во всѣхъ приказахъ. Царь Сигизмундъ постепенно вводилъ туда людей, отличившихся подъ Тушиномъ или Смоленскомъ, такихъ, какъ Михаилъ Молчановъ или Иванъ Салтыковъ. Въ Думѣ Өедька Андроновъ все возвышалъ свой голосъ, не боясь спорить съ князьями изъ рода Мстиславскихъ или Воротынскихъ [1]).

Семибоярщина уже не существовала; въ сущности правительство было негласно распущено; оно покорно отошло въ сторону, и въ то-же время рушилась послѣдняя попытка московскихъ бояръ образовать правящій классъ изъ двухъ соперничавшихъ другъ съ другомъ аристократій. Попытка эта закончилась диктатурой Өедьки Андронова! Отвѣтственность передъ исторіей за это крушеніе лежитъ на родовитой знати и придворныхъ вельможахъ; имъ не суждено ужъ было подняться послѣ этого пораженія. За чечевичную похлебку, да и то еще гадательную, одинъ изъ Мстиславскихъ не погнушался польскимъ титуломъ конюшаго; бояре продавали свои права на первородство, и вмѣстѣ съ упадкомъ этого сословія совершалось уравненіе русскаго общества въ общемъ раболѣпствѣ. Независимымъ оставалось лишь духовенство. Но, такъ какъ представителями его въ тотъ моментъ были несообразительный Гермогенъ и двуличный Палицынъ, и оно не стояло на высотѣ своего положенія и не оказало вліянія, какое могло бы пріобрѣсти. Келарь Троицкой лавры находитъ въ настоящее время убѣжденныхъ защитниковъ [2]); но они принуждены ссылаться лишь на его собственныя показанія, такъ какъ показаній современниковъ о немъ вообще нѣтъ, и молчанія ихъ, конечно, недостаточно для оспариванія краснорѣчивыхъ фактовъ. Раздѣляя со всей страной бѣдствія, вызванныя отчасти имъ же самимъ, патріархъ очутился вдругъ

[1]) Акты, относ. къ ист. Зап. Россіи, IV, 402—403; Акт. Ист., II, № 314; ср. Платоновъ, Очерки смуты, 468—469, 630, примѣч. 193.

[2]) Кедровъ, „Русск. Арх.“, 1886, VIII.

на пьедесталѣ, на которомъ истинныя черты его личности исчезли для современниковъ въ ореолѣ его продолжительныхъ страданій. На разстояніи ихъ можно, однако, различить. Онѣ производятъ такое впечатлѣніе, что онъ былъ человѣкъ ограниченный, легковѣрный, упрямый, но слабый; богословъ и ученый для своей страны и своего времени, красноречивый писатель, но человѣкъ мало просвѣщенный вообще и грубо воспитанный. Существуетъ преданіе, будто онъ началъ свое поприще у донскихъ казаковъ, а легенда о связи его съ родомъ Голицыныхъ не подтверждается никакими серьезными указаніями [1]). Занимая положеніе высшей духовной особы, обладая огромной властью, онъ былъ игрушкой событій, которыми пытался управлять; онъ думалъ, что управляетъ движеніями толпы въ то время, какъ самъ кружился въ этой толпѣ; сначала онъ примыкалъ къ рядамъ противниковъ Шуйскаго, а потомъ, когда было уже поздно, захотѣлъ поддержать его; онъ всѣмъ становился поперекъ дороги и всѣмъ перечилъ, а кончалось тѣмъ, что одни его осмѣивали, другіе отсылали къ дѣламъ церкви; онъ неумѣло, но упорно защищалъ свой престижъ, но въ концѣ концовъ готовъ былъ склоняться передъ всѣми власть имущими, противъ которыхъ раньше такъ неблагоразумно дерзалъ: передъ бывшимъ патріархомъ Іовомъ, мѣсто котораго онъ согласился занять, а потомъ принужденъ былъ выдвинуть его впереди себя; передъ мнимымъ патріархомъ Филаретомъ, котораго онъ ласково встрѣчаетъ при возвращеніи его изъ-подъ Тушина, послѣ того какъ проклялъ; передъ Жолкѣвскимъ, общества котораго онъ ищетъ послѣ того, какъ запретилъ ему въѣздъ въ Москву, и даже передъ Сигизмундомъ, котораго проситъ скорѣе „дать своего сына“, послѣ того, какъ называлъ и отца и сына разбойниками [2]).

Гермогену не подъ силу оказалось одолѣть и Ѳедьку Андронова. Впрочемъ, гражданская диктатура бывшаго кожевника клонилась къ тому, чтобы поскорѣе уступить мѣсто военной диктатурѣ Гонсѣвскаго. Въ послѣднихъ числахъ

---

[1]) Акты, относ. къ ист. Зап. Россіи, IV, 481; Макарій, Ист. русск. церкви, X, 127; Платоновъ, Очерки смуты, 632, примѣч. 198; Н. Н. Голицынъ, Родъ кн. Голицыныхъ, 410—413; Воробьевъ, „Русск. Арх.“ 1892, I, 15.

[2]) Этотъ пунктъ въ силу одного показанія оспаривался, но свидѣтельство это, на мой взглядъ, недостаточно достовѣрно. См. Платоновъ, Ж. М. Н. П., янв. 1886. Срав. Собраніе госуд. грам. II, 445.

октября 1610 года, вслѣдствіе болѣе или менѣе серьезнаго заговора, имѣвшаго цѣлью соглашеніе съ Димитріемъ [1]), польскій бояринъ ввелъ въ городѣ осадное положеніе, и съ той поры его поведеніе и поведеніе его соотечественниковъ принимаетъ характеръ, обычный въ гарнизонахъ во враждебной странѣ. Находясь въ постоянной тревогѣ, принужденные по четыре-пять разъ въ день вскакивать на лошадей, начальники и солдаты вымещали свою злобу за это безпокойство и непосильное напряженіе насиліями, недостаточно сдерживаемыми Гонсѣвскимъ; насилія эти вызывали отместку населенія, что увеличивало съ той и другой стороны раздраженіе, служившее источникомъ грозныхъ столкновеній. Даже церкви перестали чтить. Въ церкви св. Іоанна еще и теперь показываютъ „отвращенную" икону св. Николая; какъ говоритъ преданіе, взоры святого отвратились при видѣ чинимыхъ чужеземцами поруганій святыни [2]).

А въ то же время приступили и къ расхищенію драгоцѣнныхъ предметовъ, потому что Сигизмундъ требовалъ, чтобы жалованіе гарнизону платили москвитяне, а въ Кремлѣ уже не было денегъ. Какъ размѣры этихъ расхищеній, вызванныхъ обстоятельствами, такъ и цѣнность расхищавшихся сокровищъ были черезчуръ преувеличены. Казна Ивана Грознаго была уже сильно урѣзана, и говорятъ, увидѣвъ то, что отъ нея осталось, Жолкѣвскій былъ сильно разочарованъ. Его поразила только груда золотой и серебряной посуды; да и то еще бо̀льшая часть этихъ издѣлій была такова, что грубая отдѣлка ихъ не дѣлала чести мѣстнымъ мастерамъ. Цѣнность, которую москвитяне придавали нѣкоторымъ предметамъ, преувеличивалась притомъ услужливой легендой, и едва ли могли бы они найти покупателя для скипетра изъ единорога, оцѣненнаго ими въ 140.000 рублей. Мархоцкій говоритъ о двѣнадцати золотыхъ изображеніяхъ апостоловъ въ естественную величину, которыя будто бы наслѣдовалъ Шуйскій; но уже „шубникъ" вскорѣ принужденъ былъ обратить ихъ въ монету, оставивъ лишь золотое изображеніе Христа, которое вѣсило 30.000 дукатовъ и потомъ было разбито на куски поляками. Возможно, что и Мархоцкій получилъ свою долю въ этой добычѣ; но что касается двѣнадцати апосто-

[1]) Русск. Ист. Библ. I, 690—693; Акты, относ. къ ист. Зап. Россіи, IV, 481; Акт. Ист., II, 362—363; Marchocki, стр. 112.

[2]) Снегиревъ. Памятники, II, 117.

ловъ, онъ, вѣроятно, говоритъ о нихъ по наслышкѣ. Въ этомъ надо видѣть басню, которой долго еще суждено было волновать воображеніе какъ въ Россіи, такъ и въ Польшѣ; басня эта приписывала одной изъ жертвъ Барской конфедераціи въ концѣ XVIII столѣтія, князю Радзивиллу, очень богатому помѣстьями, но весьма нуждающемуся въ деньгахъ, богатство, котораго совсѣмъ незамѣтно было во время его пребыванія за границей.

Шуйскій не коснулся ни посуды, необходимой принадлежности придворныхъ пировъ, ни знаковъ царской власти, многочисленныхъ скипетровъ и коронъ. Такъ какъ ихъ слѣдовало сберечь еще для Владислава или Сигизмунда, то польскіе полки согласились взять ихъ только въ качествѣ залога, и они сохранились неприкосновенными въ рукахъ полковниковъ до конца занятія Москвы поляками, поэтому эта часть царскаго сокровища почти вся ускользнула отъ разгрома. Шапка Мономаха и другія регаліи византійскаго происхожденія; тронъ, отдѣланный опалами, сапфирами, топазами и бирюзой, поднесенный въ 1604 году Годунову персидскимъ шахомъ Аббасомъ; тронъ Ивана III, изъ слоновой кости греческой работы, и Ивана IV, украшенный 9.000 драгоцѣнныхъ камней, который служилъ при коронованіи Марины,—все это было спасено. Невѣрно также, будто Сигизмундъ впослѣдствіи велѣлъ похоронить себя въ одной изъ коронъ, похищенныхъ въ Москвѣ. Король обладалъ, вмѣстѣ со шведской короной, и московской, но обѣ были сдѣланы варшавскими золотыхъ дѣлъ мастерами. Золотая посуда въ Кремлѣ была пощажена; только серебряная была перечеканена въ монету для уплаты жалованья польскимъ офицерамъ и солдатамъ; имъ же совсѣмъ уже некстати, безспорно, предоставлены были и церковныя украшенія, вплоть до покрововъ на гробницахъ великихъ князей въ Архангельскомъ соборѣ.

Размѣры этого разгрома, гдѣ расхищеніе отягощалось кощунствомъ надъ святыней, не могутъ быть, однако, съ точностью установлены въ виду противорѣчивыхъ исчисленій [1]); справедливость требуетъ лишь прибавить, что если Гонсѣвскій и Сигизмундъ участвовали въ расхищеніи, то не воз-

[1]) Marchocki, Historya wojny moskiewskiej, 142; Piasecki, Chronica, 242; Kobierzycki, Hist. Vladislai, 459; Woycicki, Pamiętniki do panowania Zyg. III, 26; Русск. Ист. Библ. II, 265; срав. Darowski, Szkice hist., III, 20; Трачевскій, Учебн. Русск. Ист., 207.

держались, повидимому, и москвитяне, и много ихъ участвовало въ рядахъ расхитителей. Поляки въ одномъ дипломатическомъ документѣ впослѣдствіи утверждали, что, „какъ только впускали туда боярина, онъ наполнялъ свои карманы и удиралъ“ [1]).

Въ общемъ и гражданское и военное правительство дали почувствовать очень непріятное предвкушеніе подготовляемому образу правленія. Они представляли Польшу въ самомъ непривлекательномъ ея видѣ и произвели такое сильное и скверное впечатлѣніе, что вызвали возвратъ народной симпатіи къ претенденту, такъ что Димитрію при содѣйствіи Марины, несомнѣнно, опять удалось бы достигнуть успѣха, если-бы не произошла катастрофа; да она, впрочемъ, была, вѣроятно, неминуема въ виду условій, при которыхъ оба они отправляли въ Калугѣ свою верховную власть, находившуюся въ опасности.

V. Смерть Димитрія II.

Въ то время, какъ на западѣ Псковъ оказывалъ сопротивленіе Сигизмунду, а Новгородъ, соглашаясь открыть свои ворота, отказывался впустить въ городъ польскій гарнизонъ, на востокѣ, послѣ переворота, во время котораго погибъ при мало извѣстныхъ обстоятельствахъ Богданъ Бѣльскій, Казань присягнула Димитрію; Вятка послѣдовала ея примѣру и въ своихъ грамотахъ убѣждала Пермь избрать ту же долю [2]). Къ несчастью для себя, претендентъ, продолжая примѣнять свои пріемы застращиванія, которые онъ считалъ необходимыми для поддержанія своего престижа, имѣлъ неосторожность нажить себѣ враговъ среди приближенныхъ татарскаго касимовскаго хана. Старый Уразъ Махметъ послѣдовалъ за нимъ во время его послѣдняго появленія подъ Москвой. Послѣ бѣгства Димитрія онъ присоединился къ Жолкѣвскому, но одинъ изъ его сыновей остался при претендентѣ, и отецъ былъ отъ этого въ отчаяніи. Онъ просилъ и получилъ разрѣшеніе отправиться въ Калугу, чтобы разыскать свое нѣжно любимое дитя. Его прибытіе показалось Димитрію подозрительнымъ, и онъ велѣлъ утопить старика.

Немного времени спустя, 11 декабря 1610 года, во

---

[1]) Акты, относ. къ ист. Западн. Росс., IV, 496.
[2]) Акты Арх. Ком., II, №№ 170 и 171.

время охоты въ окрестностяхъ города, крещеный татаринъ Петръ Урусовъ, котораго Шуйскій женилъ на вдовѣ своего брата Александра Ивановича, сопровождалъ царя со стражей, состоявшей изъ его соотечественниковъ, находившихся подъ его начальствомъ. Кромѣ этихъ людей, къ которымъ слѣдовало относиться съ недовѣріемъ, при Димитріи находился одинъ только Кошелевъ. Вдругъ татары набросились на царя, убили его и бѣжали въ степи, производя по пути страшныя опустошенія. Пощаженный ими шутъ принесъ вѣсть объ этомъ въ Калугу.

Марина была наканунѣ родовъ. Можно представить себѣ ея отчаяніе. По свидѣтельству, сохраненному Симонеттой, она просила, чтобы ее убили, пыталась даже заколоться кинжаломъ, но лишь легко ранила себя [1]). По другимъ показаніямъ, она бѣгала по городу и взывала къ мести. Казаки откликнулись на ея призывъ, перебили главныхъ мурзъ и разграбили ихъ дома [2]). Въ остаткахъ царства, основаннаго подъ Тушиномъ, началось господство казаковъ. Князь Григорій Шаховской и самъ Заруцкій хотѣли-было уѣхать, но казаки ихъ не отпустили; и, когда Марина родила сына, они его провозгласили царемъ подъ именемъ Ивана. Марина не противилась этому и сразу совсѣмъ взаправду приняла положеніе вдовствующей царицы. Она вернула себѣ свой санъ, и у нея опять появилась охота жить. Когда Янъ Сапѣга, прибывшій какъ только распространилась вѣсть о катастрофѣ, предложилъ ей свое покровительство, она высокомѣрно отвергла его. Она, вѣроятно, уже избрала другого покровителя. Бывшій только-что плѣнникомъ казаковъ, Заруцкій долженъ былъ вскорѣ перемѣнить эти цѣпи на другія, которыя онъ бодро носилъ до самой смерти.

Но при такомъ составѣ участниковъ предпріятіе это потеряло всякое политическое значеніе. Лишь имя Димитрія служило символомъ и пугаломъ и придавало до сихъ поръ нѣкоторую жизненность этому столько разъ ужъ испорченному дѣлу, а теперь оно было непоправимо опошлено. Призракъ исчезъ; никто, кромѣ казаковъ, неутомимыхъ искателей самыхъ безумныхъ приключеній, не заботился о маленькомъ Иванѣ; а мать его, презираемая и проклинаемая чужестранка, разумѣется,

---

[1]) Пирлингъ. Марина послѣ майскаго погрома, 275. „Русск. Стар.".

[2]) Никон. лѣт., VIII, 149; Kobierzycki, Hist. Vladislai, 470 и слѣд.; Żółkiewski, ed. Bielowski, стр. 109.

не могла пріобрѣсти ему сочувствіе. Но это событіе, косвеннымъ путемъ, обратилось въ ущербъ и для Сигизмунда, какъ онъ это предусматривалъ заранѣе, и лишило его одного изъ лучшихъ его шансовъ. Король и его поляки перестали быть спасителями. Отнынѣ можно было обойтись безъ нихъ, и съ трудомъ терпимое до сихъ поръ присутствіе ихъ на московской землѣ стало сразу невыносимымъ. Если Владиславъ долженъ былъ царствовать, то избрали, вѣдь, его одного, при условіи исключенія иноземнаго нашествія, которое уже ничѣмъ не оправдывалось. Кромѣ того, избраніе его на престолъ было дѣломъ бояръ, которые превысили свою власть. Но утвердить ли избраніе Владислава или нѣтъ,—это видно будетъ потомъ, а пока раньше всего необходимо расправиться съ Сигизмундомъ и Гонсѣвскимъ, освободить столицу отъ разбойниковъ, которые разграбляютъ и оскверняютъ ее, возвратить Московію москвитянамъ.

Такъ разсуждали отъ края до края въ странѣ, и такимъ образомъ борьба, которая продолжалась еще въ теченіе двухъ лѣтъ, начавшись вслѣдствіе появленія перваго Димитрія, измѣнила свой характеръ вслѣдствіе смерти второго Димитрія. Династическій кризисъ и соціальная буря перешли въ національную войну, во время которой народъ, опомнившись, проявилъ самыя благородныя чувства и лучшія силы свои; временно помраченное сознаніе своего историческаго предназначенія пробудилось; великому народу предстояло снова найти волю и силу для обезпеченія своего самостоятельнаго развитія.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Національная война.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ

Національное движеніе.

I. Московскій патріотизмъ.

Патріотизмъ, связанный со всѣмъ, что возбуждаетъ интересъ или очарованіе, прелесть или гордость существованія сообществомъ, есть чувство весьма сложное и могущее принять самыя разнообразныя формы. Въ нѣдрахъ Московіи XVII столѣтія, этой страны безъ рельефа, безъ естественныхъ границъ, безъ этнической индивидуальности, точно установившейся къ тому времени, даже безъ историческихъ традицій, въ достаточной степени привязывавшихъ къ родинѣ, идея отечества не обладала такимъ выборомъ выраженій, чтобы при помощи ихъ ее можно было опредѣлить. Логически она была склонна найти свое выраженіе въ томъ, чѣмъ большинство обитателей наиболѣе рѣзко отличалось отъ своихъ сосѣдей: въ религіи. Еще и въ наши дни выраженія русскій и православный служатъ почти синонимами, и еще недавно законъ каралъ за отступленіе отъ народной вѣры, какъ за измѣну. Итакъ, въ 1611 г. антипольское движеніе было вначалѣ въ сущности религіознымъ. Это доказываютъ тексты первыхъ воззваній къ возстанію: они едва удѣляли вниманіе другимъ національнымъ интересамъ, которые были такъ попираемы, и которымъ угрожало нашествіе иноземцевъ, и призывъ къ оружію былъ сдѣланъ именно въ

защиту православной вѣры и ея служителей [1]). Мятежъ въ самомъ началѣ отнюдь не имѣлъ цѣлью уничтожить договоръ, принятый Москвой и санкціонированный главою церкви. Онъ не отвергалъ Владислава, если только избранный царь согласится принять „истинное крещеніе“. При этомъ условіи возставшая Московія все еще готова признать его своимъ государемъ. „Мы всѣ будемъ его рабами“, пишутъ Сапѣгѣ Юрій и Димитрій Трубецкіе въ февралѣ или мартѣ 1611 года [2]). А въ это время движеніе охватило уже большую часть страны. Оба эти воеводы будто бы принимали въ немъ участіе, и староста усвятскій получилъ изъ Москвы приказъ дѣйствовать противъ нихъ. Онъ предупредилъ ихъ объ этомъ и получилъ слѣдующій отвѣтъ: „Люди въ Москвѣ плохо освѣдомлены; никто не думаетъ отдѣлиться отъ столицы; вся земля русская объединена, слава Богу, однимъ чувствомъ и, сохраняя преданность православію, она умоляетъ короля Польши прислать ей своего сына“. Юрій Трубецкой, впрочемъ, сказано въ отвѣтѣ, далъ явное доказательство своей преданности королевичу: изъ Москвы посланы были войска для изгнанія изъ Калуги Марины съ ея казаками; Трубецкой принялъ начальствованіе надъ городомъ и поспѣшилъ заставить жителей его присягать Владиславу [3]). Но „въ Москвѣ есть измѣнники“,— заявляли составители посланія. Бояре, прельщенные Сигизмундомъ, готовы были признать въ немъ государя. Но этого-то не желаетъ страна.

Обвиненіе было почти совсѣмъ справедливо. При помощи Михаила Салтыкова, сдѣлавшагося владѣльцемъ Ваги, король Польши мало-по-малу привелъ Мстиславскаго съ сообщниками къ тому, что они стали проводить его двусмысленную политику. Все еще не признаваясь, что Владиславъ не будетъ ни крещенъ, ни посланъ въ Москву, Сигизмундъ спѣшилъ утвердить тамъ свое собственное господство, а бояре, требуя еще для формы соблюденія прежнихъ условій, все больше и больше показывали, что не настаиваютъ непремѣнно на нихъ. Для этихъ людей, уже немного обтесанныхъ, хотя и искренно приверженныхъ къ религіи, православіе не составляло еще самаго главнаго. Надо замѣтить тотъ фактъ, что непреодолимымъ соблазномъ привлекали ихъ польское правительство, польская

[1]) Акты Арх. Эксп., II, №№ 170—188.
[2]) Malinowski i Przezdziecki, Źródła do dziejów Polskich, II, 345.
[3]) Акты Ист., II, 371.

культура и польское общество, съ которымъ они находились въ непосредственныхъ сношеніяхъ. И это несмотря на то, что все это было представлено здѣсь въ такомъ несовершенномъ, подчасъ отталкивающемъ видѣ. Свободная, просвѣщенная, изящная аристократія, господствующая, какъ въ Римѣ, надъ пребывающимъ въ рабствѣ народомъ, — развѣ это не было идеаломъ, способнымъ, за неимѣніемъ другого, льстить потомкамъ бывшихъ въ древности державными княжескихъ родовъ?

Князь Хворостининъ, составитель лѣтописи того времени[1]), съ которою любопытно справляться, представляетъ въ этомъ отношеніи весьма любопытное свидѣтельство. Принужденный послѣ отъѣзда поляковъ довольствоваться обществомъ своихъ соотечественниковъ, онъ былъ въ отчаяніи и чувствовалъ себя чужимъ у родного очага. Онъ скучалъ въ Москвѣ, гдѣ онъ замѣчалъ лишь глупцовъ и не находилъ „съ кѣмъ поговорить". Онъ читалъ только польскія книги и дошелъ до того, что молился предпочтительно передъ польскими образами; онъ кончилъ тѣмъ, что обѣ религіи смѣшались у него въ одинаковый скептицизмъ [2]).

Въ началѣ возстанія Салтыковъ и его приверженцы предложили боярамъ обратиться къ Сигизмунду съ просьбой безотлагательно прислать Владислава и съ воззваніемъ къ зачинщикамъ возстанія, чтобы они соблюдали миръ. Но они хотѣли, чтобы В. В. Голицынъ, Филаретъ и другіе непримиримые члены великаго посольства въ то же время получили внушеніе во всемъ покориться волѣ короля. Бояре охотно согласились на эту маккіавелліеву комбинацію; если вѣрить лѣтописи, они даже открыто просили у патріарха благословенія на присягу, которую окончательно рѣшили принести Сигизмунду [3]). Гермогенъ съ негодованіемъ воспротивился имъ и отказалъ. Какъ и оба Трубецкіе, онъ заявлялъ, что готовъ признать Владислава, если тотъ приметъ православіе. Патріархъ „будетъ тогда вмѣстѣ со всѣмъ духовенствомъ у ногъ его". Но онъ не благословитъ приверженцевъ государя-еретика и самъ будетъ проповѣдывать возстаніе для защиты истинной вѣры. Когда дѣло коснулось вѣры, патріархъ про-

---

[1]) Рукоп. Имп. СПБ. Библ. Q. IV, № 172 и Русск. Ист. Библ., XIII, 525 и слѣд.

[2]) Срав. Платоновъ, Древне-русск. сказ. и пов., 188—191.

[3]) Ник. лѣт., VIII, 152—153; Русск. Ист. Библ., XIII, 203—206.

явилъ, наконецъ, твердость, которой раньше не замѣчалось въ немъ.

Лѣтописцы говорятъ о бурной сценѣ, разыгравшейся въ это время между Салтыковымъ и престарѣлымъ священнослужителемъ, во время которой одинъ схватился за кинжалъ, а другой поднялъ свой пастырскій крестъ. Задуманныя посланія были отправлены безъ патріаршей подписи, и съ тѣхъ поръ Гермогенъ сталъ олицетвореніемъ дѣла національной независимости. Уже дряхлый, полуслѣпой, вскорѣ лишенный поляками всякихъ сношеній со внѣшнимъ міромъ, онъ не могъ принять очень дѣятельнаго участія въ организаціи возстанія. Со внѣшнимъ міромъ онъ сообщался сначала съ большимъ трудомъ письменно, а потомъ, когда надзоръ за нимъ сдѣлался болѣе строгимъ, черезъ устныхъ пословъ. Религіозное чувство, вдохновлявшее возстаніе, было, однако, причиной того, что происхожденіе и развитіе его всюду приписывали почину священнаго старца. Лѣтописецъ „Новой Повѣсти“ [1]) придалъ ему черты эпическаго героя. Гермогенъ—единственный твердый оплотъ истинной вѣры и національныхъ интересовъ, отождествленныхъ съ нею. Какъ безоружный великанъ, онъ силою только слова двигаетъ народныя полчища и сокрушаетъ безчисленныхъ враговъ Святой Руси; какъ несокрушимый столпъ, онъ поддерживаетъ все государство; какъ твердый алмазъ, онъ противостоитъ всѣмъ нападеніямъ. Другой лѣтописецъ [2]) доходитъ до того, что приписываетъ ему даръ пророчества. Патріархъ—мученикъ, апостолъ, и онъ проповѣдуетъ священную войну. Поляки подъ напоромъ налетѣвшаго на нихъ вихря сами способствовали созданію этой благочестивой легенды, возлагая на своего плѣнника самую тяжелую отвѣтственность за событія и усугубляя строгость обращенія съ нимъ [3]). Разразившаяся буря угрожала, однако, не однимъ полякамъ. Возстаніе было направлено въ равной мѣрѣ и противъ мо-

---

[1]) Русск. Ист. Библ. XIII, 203—211; то же слышится въ „Плачѣ о плѣн.“, тамъ-же, XIII, 230; въ лѣтописи Тимофѣева, тамъ-же, XIII, 439; у Хворостинина, тамъ-же, XIII, 545; у Катырева-Ростовскаго, тамъ-же, XIII, 583, и у Шаховского, тамъ-же, XIII, 865—870.

[2]) Новый Лѣтописецъ, Ник. лѣт. VIII, 141—142; Иное Сказаніе, Русск. Ист. Библ. XIII, 125 и Хронографъ второй редакціи, „Изборникъ“ Попова, 201 (изъ того же источника) расточаютъ менѣе похвалъ.

[3]) Kobierzycki. Hist. Vladislai, 368.

сковской аристократіи, вступившей въ сдѣлку съ Сигизмундомъ. Такимъ образомъ, противъ поляковъ выступили тѣ же люди, которые вмѣстѣ съ поляками выступали противъ Шуйскаго. Это была въ иномъ видѣ, но опять-таки революція. Потокъ ея, временно прекратившійся, возобновился и увлекъ все тѣ же элементы, она выдвигала тѣ же интересы и возбуждала тѣ же страсти. Какъ и раньше, главный очагъ ея находился не въ Москвѣ. Поляки, почти съ согласія бояръ, держали столицу въ желѣзныхъ тискахъ. При первыхъ тревожныхъ признакахъ Гонсѣвскій началъ удалять изъ Москвы стрѣльцовъ, назначая имъ стоянки въ окраинныхъ кварталахъ. Немного спустя онъ стянулъ къ Москвѣ всѣ занимавшіе областные гарнизоны польскіе отряды, замѣнивъ ихъ оставшимися въ его распоряженіи московскими войсками. Въ то же время онъ принималъ энергичныя мѣры для разоруженія обывателей Москвы. Жителямъ запрещено было носить сабли; отнимали топоры даже у плотниковъ; дошли до того, что запретили продажу колотыхъ дровъ, такъ какъ полѣнья могли быть пущены въ ходъ какъ оружіе. Но отъ этого только сильнѣе разразилась буря въ областяхъ.

II. Возстаніе въ областяхъ.

Въ Рязани во главѣ возстанія снова стали Ляпуновы. Въ октябрѣ 1610 года Прокопій еще отнялъ у Димитрія Пронскъ для Владислава; въ январѣ 1611 г., тайно сговорившись съ братомъ своимъ Захаромъ, оставшимся подъ Смоленскомъ, онъ привлекъ на свою сторону Заруцкаго, который вмѣстѣ съ Мариной и казаками ея опять водворился въ Тулѣ. Тогда Ляпуновъ поднялъ знамя возстанія. Неразлучная отнынѣ спутница и явная любовница храбраго атамана, Марина все еще мечтала вернуть себѣ тронъ, и Ляпуновъ поддерживалъ въ возлюбленномъ бывшей царицы эту химерическую надежду. Движеніе быстро распространялось; воззванія Ляпунова сходились съ пастырскими посланіями патріарха и грамотами, которыми уже обмѣнивались города, для выраженія сообща своего негодованія и своихъ сѣтованій. Особенно тяжко потерпѣвшіе жители смоленскаго уѣзда разсылали съ нѣкоторыхъ поръ своимъ сосѣдямъ трогательныя увѣщеванія: „Гдѣ наши начальники?“ писали они: „гдѣ наши жены, дѣти, братья, сродники и друзья? Мы

не оказывали сопротивленія, и вотъ мы погибли, предоставленные вѣчному рабству и ненавистному латинству. Если вы не соедините́сь со всей страной, вы будете плакать и рыдать неутѣшнымъ и непрестаннымъ рыданіемъ. Христіанская вѣра упразднится, святыя церкви со всею лѣпотою своею будутъ разрушены, и жестокой смертью погибнетъ весь народъ нашъ христіанскій; наши матери, наши жены, наши дѣти испытаютъ неволю и гнуснѣйшія надругательства“.

От Ярославля до Нижняго Новгорода и отъ Перми до Казани призывъ этотъ встрѣтилъ откликъ [1]). Въ Рязань прибыли люди изъ Мурома подъ предводительствомъ князя Масальскаго; изъ Суздаля—съ Артеміемъ Измайловымъ, изъ Вологды и Поморья—съ князьями В. Р. Пронскимъ и Ф. Козловскимъ, съ дружинами изъ Галича, изъ Костромы. Къ возставшимъ въ Костромѣ присоединился князь Ѳеодоръ Ивановичъ Волконскій, а въ Нижнемъ Новгородѣ князь Александръ Андреевичъ Рѣпнинъ. Это движеніе, слѣдовательно, не было исключительно простонароднымъ, какъ утверждаютъ нѣкоторые историки [2]), и еще того менѣе оно было направлено противъ „служилыхъ людей“, на которыхъ падаетъ отвѣтственность за революціонный кризисъ. Часто близко стоявшіе къ простому народу служилые люди, какъ я ужъ имѣлъ случай указать, напротивъ, въ большомъ количествѣ находились въ войскѣ при этомъ возстаніи; они были дисциплинированы больше другихъ своихъ согражданъ, на нихъ лежала лишь весьма незначительная отвѣтственность за смуту, и ничуть они неповинны въ ея возникновеніи: наконецъ, въ то время не было еще и мысли о контръ-революціи. Дѣло шло объ изгнаніи поляковъ и укрощеніи ихъ приверженцевъ. Вначалѣ весь главный штабъ возставшихъ состоялъ исключительно изъ служилыхъ людей; но именно вслѣдствіе строгой дисциплины, которой ихъ подвергали въ теченіе цѣлаго столѣтія, и которая, укрощая ихъ, обезличивала ихъ въ то же время, этотъ элементъ, униженное перевоплощеніе древней свободной дружины русскихъ князей, не представлялъ въ своей совокупности достаточныхъ средствъ для энергичной борьбы съ любой властью, твердо установившейся. Вотъ почему Ляпуновы скоро должны были запросить

[1]) Акты Арх. Эксп., II, №№ 179 и 188; Собр. Гос. грам., II, №№ 228, 239, 241, 268.

[2]) Забѣлинъ. „Русск. Арх.“ 1872.

поддержки у другихъ союзниковъ. Принимая людей, всегда склонныхъ къ насиліямъ, готовыхъ сражаться подъ какимъ угодно знаменемъ, они вошли въ соглашеніе и съ казаками, а тѣ, въ свою очередь, кликнули призывъ къ крестьянамъ и крѣпостнымъ, и такимъ образомъ окончательно придали на этотъ разъ возстанію его чисто революціонный характеръ. Здѣсь повторилась исторія многихъ предпріятій, подобныхъ этому, во всѣхъ странахъ и во всѣ времена.

Ополченіе 1611 года соединяло, такимъ образомъ, три ясно различаемыя и довольно плохо подобранныя группы: остатки послѣдней арміи царя Василія Ивановича съ дворянами съ Оки, крестьянами съ Клязьмы и Волги и товарищами по оружію Скопина; остатки Тушинской арміи съ боярами, воеводами и военными людьми, служившими въ Калугѣ второму Димитрію, и шайки казаковъ, всякаго происхожденія, съ набранными ими крестьянами. Преобладая количественно и въ военномъ отношеніи качественно, эта послѣдняя группа неизбѣжно должна была завладѣть первенствующей ролью и, отвративъ общее дѣло отъ его первоначальной цѣли, причинить неудачу предпріятія.

Начальствованіе надъ ополченцами было вслѣдствіе этого распредѣлено между тремя лицами: Прокопіемъ Ляпуновымъ, княземъ Д. Т. Трубецкимъ и Заруцкимъ. Это на-спѣхъ учрежденное правительство опять считалось получившимъ полномочія отъ Земскаго Собора, который будто-бы состоялъ изъ выборныхъ всей земли, въ предположеніи присутствовавшихъ лично въ станѣ; оно, со своей стороны, дѣйствовало какъ власть законодательная и судебная, издавало указы и обнародовало ихъ за особой печатью. Нѣкоторые историки [1]) назвали это правительство „Походной Думой“ и указывали на то, что, такъ какъ здѣсь присутствовали представители двадцати пяти областей, то это собраніе имѣло все еще больше правъ говорить отъ имени всего народа, чѣмъ соборы 1606 г. и 1610 г., избравшій и низложившій Шуйскаго. Ограничиваясь, однако, лишь случайнымъ сборищемъ нѣсколькихъ начальниковъ ополченія, это представительство было чисто фиктивное.

Одновременно и въ другихъ мѣстахъ происходили чрезвычайно любопытныя попытки учредить независимыя пра-

[1]) **Костомаровъ**, Моногр. VI; Смутное время, III, 161; **Латкинъ**, Земскіе Соборы, 115.

вительства. То тутъ, то тамъ возникали соборы или совѣты, надѣлявшіе себя подчасъ весьма широкой властью. Такъ, земскій совѣтъ Поморской области вступилъ письменно въ сношенія съ Карломъ IX относительно кандидатуры наслѣднаго принца Швеціи на московскій престолъ; Новгородское „земское правленіе" принимало мѣры для колонизаціи всѣхъ сѣверныхъ областей. Выходя, такимъ образомъ, изъ круга мѣстныхъ интересовъ, эти маленькіе парламенты неминуемо должны были сговариваться другъ съ другомъ, обмѣнивались делегаціями, состязались другъ съ другомъ часто съ злополучнымъ усердіемъ, но повсюду вполнѣ искренно, въ дѣлѣ защиты національности. Ни въ одномъ европейскомъ государствѣ подъ двойной корой милитаризма и бюрократіи, которая въ сущности не что иное, какъ искаженный милитаризмъ, въ настоящее время атрофированная парламентская автономія политическихъ и соціальныхъ органовъ не имѣетъ, быть можетъ, болѣе жизнеспособныхъ и болѣе глубокихъ корней.

Въ 1611 году милитаризмъ казаковъ не преминулъ подавить безсвязныя проявленія этой автономіи. Манифестъ Ляпунова [1]), изданный 11 февраля, содержитъ въ этомъ смыслѣ любопытное указаніе. Проповѣдуя возстаніе противъ поляковъ, онъ написанъ польско-русскимъ говоромъ и носитъ польское заглавіе; явно, и то и другое предназначалось для читателей, вышедшихъ изъ разноплеменной среды украинцевъ. Эта черта наблюдается до 1613 года въ цѣломъ рядѣ документовъ, исходящихъ отъ разныхъ слѣдовавшихъ за этимъ мятежныхъ правительствъ [2]). Тріумвиры, впрочемъ, попытались еще пріобрѣсти содѣйствіе Яна Сапѣги, котораго даже Сигизмундъ предоставилъ самому себѣ, и который не зналъ, какъ устроить свою бродячую судьбу. Староста усвятскій сначала какъ будто расположенъ былъ пойти навстрѣчу этому предложенію. „Свободные люди,—писалъ онъ Трубецкому,—не служатъ ни королю, ни королевичу; они ждутъ отъ будущаго царя, кто бы онъ ни былъ, награды за свою службу, готовые умереть за православную вѣру, за свою собственную славу и за удовлетвореніе своихъ справедливыхъ требованій". Но безпокойное честолюбіе этого польскаго авантюриста постоянно мѣшало ему принять окончательное рѣшеніе. Черезъ

[1]) СПБ. Имп. Библ., Ист. Отд., Польша, № 30.

[2]) См. письмо великаго Московскаго Собора отъ 10 марта 1613 г. въ концѣ польскаго перевода повѣствованія Русселя, стр. 45.

мѣсяцъ стало извѣстно, что онъ побуждалъ жителей Костромы признать Владислава. Онъ остался въ нерѣшительности между двумя лагерями, ожидая какого-нибудь указанія рока, и когда ополченіе въ апрѣлѣ 1611 года подступило къ Москвѣ, онъ слѣдовалъ за нимъ на нѣкоторомъ разстояніи.

Въ столицѣ, въ жестокихъ тискахъ туземныхъ и иноземныхъ господъ, ничто еще не шевелилось; но тайные происки Ляпунова вмѣстѣ съ явными подстрекательствами патріарха подготовляли неизбѣжный взрывъ. Испытанія, которыя, дѣйствительно, терпѣли жители отъ захватившихъ столицу иноземцевъ, были чрезмѣрно преувеличены слухами, распускаемыми для подстрекательства. 7 марта 1611 года, въ Вербное воскресенье, искони заведенное шествіе на осляти привлекло чрезвычайно мало народа, такъ какъ былъ пущенъ слухъ, будто Салтыковъ и его сообщники поляки намѣрены воспользоваться этимъ поводомъ, чтобы убить патріарха и безоружный народъ. Гонсѣвскій и его товарищи ни о чемъ подобномъ и не думали; но, по свидѣтельству Мархоцкаго [1]), Салтыковъ, дѣйствительно, убѣждалъ поляковъ учинить рѣзню и этимъ упредить бунтъ въ Москвѣ, который уже грозилъ разразиться съ приближеніемъ ополченцевъ. И мятежъ въ Москвѣ не замедлилъ разразиться.

III. Мятежъ въ Москвѣ.

Разсказы объ этомъ событіи столь же спутаны и полны противорѣчій, какъ и все, оставленное намъ этой эпохой. Принимая требуемыя обстоятельствами предосторожности, поляки, повидимому, дѣйствовали слишкомъ круто. Произошла ссора съ извозчиками, которыхъ заставили втащить на укрѣпленія нѣсколько новыхъ пушекъ. Простой народъ вмѣшался въ свалку; авангардъ ополченія, предводительствуемый кн. Пожарскимъ, хотѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы проникнуть въ городъ, и Москва пережила одинъ изъ своихъ самыхъ ужасныхъ дней. Изгнанные изъ Бѣлаго города, прижатые къ Кремлю и стѣсненные въ Китай-городѣ, поляки сначала произвели страшную рѣзню; затѣмъ, чтобы доставить себѣ просторъ, они прибѣгли къ злосчастному средству, которое силой преданія послужило примѣромъ для другихъ защитниковъ этого

[1]) Стр. 113.

города. Говорятъ, Салтыковъ первый поджегъ свой домъ въ Бѣломъ городѣ, и къ вечеру вся эта часть, гдѣ укрѣпился уже Пожарскій, была въ огнѣ. На другой день поляки для расширенія защищавшаго ихъ отъ ополченцевъ огненнаго круга и открытія прохода подкрѣпленію, котораго они ожидали со стороны Можайска, зажгли еще пригородъ Москвы, Замоскворѣчье. Затѣмъ, когда въ самомъ дѣлѣ прибылъ Струсь съ нѣсколькими свѣжими эскадронами, они напали на Пожарскаго, который палъ послѣ ожесточенной борьбы, покрытый ранами, и былъ перевезенъ въ Троицкую лавру [1]).

Въ слѣдующіе дни рѣзня продолжалась. Жизнь въ Москвѣ сдѣлалась невозможной. Въ жестокій холодъ несчастные жители столицы разбрелись по окрестнымъ деревнямъ. По указаніямъ лѣтописцевъ, на улицахъ валялось до 7.000 труповъ; впрочемъ, и на этотъ разъ ихъ надо подозрѣвать въ преувеличеніи. Наконецъ, въ великій четвергъ Гонсѣвскій принялъ депутацію изъ нѣсколькихъ гражданъ, которые поручились, что все населеніе снова присягнетъ Владиславу. Тогда онъ согласился прекратить избіенія. Въ знакъ покорности москвитяне, принявшіе этотъ новый договоръ, должны были носить особый холщевый поясъ. Но вскорѣ, когда распространилась вѣсть. что приближаются 30.000 казаковъ подъ предводительствомъ Прозовецкаго, уже извѣстнаго намъ московскаго партизана, теперь сдѣлавшагося помощникомъ Заруцкаго, битва и избіенія снова начались. Благодаря Струсю натискъ Прозовецкаго былъ отраженъ; но онъ отступилъ только къ главной арміи ополченцевъ, а въ понедѣльникъ на Пасхѣ вся эта армія расположилась лагеремъ подъ стѣнами столицы. Мархоцкій опредѣляетъ численность ея въ 100.000 человѣкъ.

6 апрѣля (ст. ст.), послѣ безуспѣшныхъ схватокъ, осаждающіе внезапно заняли самую большую часть Бѣлаго города. Послѣдовали ежедневныя стычки, при которыхъ, по указаніямъ лѣтописцевъ, особенно отличался Ляпуновъ, „рычавшій, какъ левъ“. Въ началѣ мая на возвышенности, господствующей надъ городомъ, на Поклонной горѣ, появился и Сапѣга. Онъ снова завелъ переговоры съ ополчен-

---

[1]) Marchocki, Hist. wojny mosk.; Niemcewicz, Zbiór Pamiętników.... II, 390.

цами; не сойдясь съ ними, онъ напалъ на нихъ, былъ разбитъ и тогда присоединился къ полякамъ. Но въ наполовину разрушенномъ, наполовину осаждаемомъ городѣ помощь эта обратилась лишь въ тягость: для выручки гарнизона она была недостаточна и только увеличивала число ѣдоковъ, которыхъ надо было кормить. Поэтому Гонсѣвскій, приведя въ лучшее состояніе, въ смыслѣ защиты, части города, занятыя его войсками, поспѣшилъ избавиться отъ помощника, который могъ всячески мѣшать ему. Съ усиленными ласками онъ отослалъ старосту усвятскаго къ Переяславлю-Залѣсскому, давъ ему нѣсколько своихъ эскадроновъ и поручивъ имъ обезпечить гарнизону снабженіе продовольствіемъ.

Гарнизонъ, такимъ образомъ, умалился до 3.000 поляковъ. Отражая побѣдоносно всѣ приступы, они ничего лучшаго не могли сдѣлать и ждали, что Сигизмундъ, наконецъ, рѣшится помочь имъ; а осаждающіе насмѣхались надъ ними: „Да, король пришлетъ вамъ подкрѣпленіе и провизію: 500 человѣкъ и одну кишку“. Въ самомъ дѣлѣ, была вѣсть о прибытіи отряда королевской арміи подъ предводительствомъ Кишки (kiszka—по-польски колбаса). „Радуйтесь,—кричали они снова,—Конецпольскій приближается“. И въ этой жестокой игрѣ словъ (koniec Polski значитъ конецъ Польши) издѣвались надъ безсильными попытками другого начальника польскаго отряда, дѣйствовавшаго въ окрестностяхъ столицы.

Самъ Сигизмундъ все еще стоялъ подъ Смоленскомъ, упорно осаждая городъ и переговариваясь съ В. В. Голицынымъ и Филаретомъ. Въ ночь съ 21-го на 22-ое мая новое внезапное нападеніе отягчило положеніе осажденныхъ въ Москвѣ: у нихъ была отнята часть Бѣлаго города, въ которой они еще держались; но въ то же время королю удалось, со своей стороны, одержать двойную побѣду.

IV. Послѣдніе тріумфы Польши.

Въ февралѣ 1611 г. непримиримые члены великаго посольства согласились уже, чтобы нѣкоторое число поляковъ было впущено въ Смоленскъ, жители котораго должны были присягнуть Владиславу; но вскорѣ успѣхи ополченцевъ сдѣлали Голицына съ товарищами менѣе сговорчивыми. Сигизмунда убѣдили, что онъ ничего не добьется

отъ нихъ убѣжденіемъ; и вотъ Голицынъ и Филаретъ были приглашены на совѣщаніе въ королевскій лагерь, отдѣленный Днѣпромъ отъ мѣстопребыванія посольства. Тамъ имъ объявили, что они—плѣнники и будутъ отправлены въ Вильну. Въ оправданіе этой западни польскіе историки утверждаютъ, будто Голицынъ послалъ письмо Шеину, коменданту Смоленска, подстрекая его къ сопротивленію; но Жолкѣвскій объ этомъ ничего не говоритъ [1]).

Послы были временно заперты вмѣстѣ съ сопровождавшими ихъ москвитянами въ жалкихъ избушкахъ, гдѣ они печально провели праздникъ Пасхи, жалуясь на плохое помѣщеніе и питаніе. Къ пасхальному столу, однако, король прислалъ имъ кусокъ говядины, стараго барана, двухъ ягнятъ, козу, четырехъ зайцевъ, тетерева, четырехъ молочныхъ поросятъ, четырехъ гусей и семь куръ. Онъ извинялся при этомъ, что не можетъ лучше угостить ихъ, потому что русская земля по отношенію къ нему самому не достаточно гостепріимна.

Это грубое насиліе въ связи съ тѣмъ, что тогда творилось въ Москвѣ, очевидно, не могло побудить защитниковъ Смоленска пойти на мировую. И потому, несмотря на скорбутъ, который страшно опустошалъ ряды ихъ, гораздо больше, чѣмъ непріятельскія пули, они менѣе чѣмъ когда либо думали о сдачѣ. Но познанія нѣмецкихъ инженеровъ, нанятыхъ на службу Сигизмундомъ, въ концѣ концовъ сдѣлали свое дѣло, и новый приступъ, на который рѣшились въ первыхъ числахъ іюня, открылъ полякамъ ворота города. Москвитяне приписывали это измѣнѣ. Таково обычное оправданіе побѣжденныхъ, и впослѣдствіи, въ 1634 г., благодаря такому обвиненію несчастный Шеинъ поплатился головою за потерянное сраженіе съ поляками подъ стѣнами того же Смоленска. Въ 1611 году онъ, кажется, до конца исполнилъ свой долгъ. Одинъ перебѣжчикъ, правда, указалъ осаждавшимъ мѣсто, гдѣ заложена была мина; но въ моментъ, когда она взорвалась, поляки были уже въ крѣпости, и, по нѣкоторымъ сообщеніямъ, мину эту, въ порывѣ отчаянія, подожгли сами осажденные. Безусловно вѣрнымъ оказывается то, что начатое такимъ образомъ разрушеніе они распространили потомъ, поджигая свои дома. Нѣ-

---

[1]) Niemcewicz, Dzieje panowania Zygm. III-go, II, 504; Kobierzycki, Hist. Vladislai, 358; Жолкѣвскій, Ист. Моск. войны, 102.

которые жители заперлись въ соборѣ; когда поляки проникли туда, взорамъ ихъ представился архіепископъ Сергій, въ архіерейскомъ облаченіи, громко молившійся передъ распростертой толпой. Пастырь этотъ, еще молодой, съ ниспадающими на плечи бѣлокурыми волосами, золотистой бородой, навелъ религіозный ужасъ на нападающихъ: имъ показалось, что предъ ними самъ Христосъ, и они пощадили храмъ. Но пламя добралось уже до архіепископскаго дворца, гдѣ въ погребахъ было скрыто большое количество драгоцѣнностей, принадлежащихъ жителямъ, и 150 пудовъ пороху; произошелъ новый взрывъ, и во власти побѣдителей остались лишь окровавленныя развалины [1]).

Сигизмундъ объявилъ о своей побѣдѣ московскимъ боярамъ въ письмѣ, въ которомъ обвинялъ въ „измѣнѣ“ Голицына и Филарета, приписывая ихъ вліянію продолжительное сопротивленіе Смоленска и распространеніе мятежнаго движенія по всей странѣ. Несмотря на эти преступныя злоумышленія и на ихъ послѣдствія, Господь сохранилъ московскій тронъ „для того, кому Онъ его предназначилъ“, и бояре будутъ повиноваться волѣ Господней, если сохранятъ вѣрность „королю и королевичу“. Къ виновнымъ посламъ они должны поскорѣе присоединить выборнаго, чтобы онъ побуждалъ ихъ лучше исполнять свои полномочія, вѣдь эти „измѣнники“ дѣйствовали заодно даже съ „воромъ“ въ Калугѣ передъ его смертью. Развѣ только бояре предпочтутъ избрать другое посольство [2]).

Отвѣтъ Мстиславскаго и ему подобныхъ доказываетъ, насколько они тогда чувствовали, что ихъ дѣло теперь неразрывно связано съ успѣхомъ короля. Они выражаютъ свое сожалѣніе по поводу пролитой подъ Смоленскомъ христіанской крови „изъ-за непокорности Шеина и другихъ дурныхъ людей“ и поздравляютъ государя съ пріобрѣтеннымъ имъ успѣхомъ. Сообщая ему вмѣстѣ съ тѣмъ о своемъ безсиліи остановить мятежное движеніе, они предупреждаютъ его о возникшихъ

---

[1]) Kobierzycki, Hist. Vladislai, 409; Relazione, 5; Dyariusz, изд. Подгорскаго; Ateneum, 1842, IV; Opisanie wzięcia Smolen., рукопись въ библ. Оссолинскихъ, № 231; Górski, Oblężenie Smolen., Przewodnik naukowy, 1895, XXIII, II, 104; Swiatkiewicz, Kwartalnik Historyczny, 1892, I, 80 и сл. См. друг. источн. у Святкевича. День событія различно опредѣляется; 3/13 іюня 1611 года кажется наиболѣе вѣроятнымъ. См. Карамзинъ. Ист. Госуд. Росс., XII, примѣч. 770.

[2]) Акты, относ. къ ист. Зап. Рос., IV, № 184.

между ополченцами и королемъ шведскимъ сношеніяхъ по вопросу о вступленіи на московскій престолъ одного изъ сыновей этого узурпатора; они отмѣчаютъ враждебное отношеніе новгородцевъ, гдѣ сынъ Михаила Салтыкова, Иванъ, недавно былъ подвергнутъ пыткѣ и посаженъ на колъ; но они выражаютъ надежду, что король уже не станетъ теперь медлить и поможетъ „своимъ вѣрнымъ подданнымъ“ [1]).

Увы! Сигизмундъ остался глухъ и къ этому призыву. Оставивъ въ Смоленскѣ гарнизонъ, онъ распустилъ остатокъ своей арміи, которую онъ съ такимъ трудомъ удерживалъ подъ оружіемъ, и поспѣшилъ вернуться въ Варшаву, чтобы тамъ вкусить плоды своей побѣды. 29 октября 1611 года онъ устроилъ себѣ торжественный „въѣздъ“ въ стилѣ римскихъ цезарей. Въ колесницѣ, запряженной шестеркой лошадей, участвовали въ кортежѣ бывшій царь Шуйскій и его два брата; они были затѣмъ торжественно представлены королю Жолкѣвскимъ. Гетманъ произнесъ длинную рѣчь, въ которой распространялся о мужествѣ короля, о результатахъ его побѣдоноснаго похода и о могуществѣ московскихъ царей, послѣдній изъ которыхъ находится теперь передъ Его Величествомъ. Въ этотъ моментъ Василій Ивановичъ покорно склонился, коснулся правой рукой земли и поднесъ ее затѣмъ къ губамъ. Братъ его Димитрій „ударилъ челомъ въ землю“, а второй братъ, Иванъ, съ плачемъ три раза повергнулся ницъ. Жолкѣвскій, продолжая свою рѣчь, сказалъ, что привелъ Шуйскихъ къ королю „не въ качествѣ плѣнниковъ, а какъ живой примѣръ превратности человѣческой судьбы“; заканчивая свою рѣчь, онъ испрашивалъ милости для Шуйскихъ. Несчастные повторили свои унизительныя движенія и были допущены къ цѣлованію руки тріумфатора. Но среди присутствующихъ раздались возгласы протеста. Нѣкоторые сенаторы требовали мщенія за рѣзню 17 мая; воевода сандомірскій требовалъ правосудія для своей дочери [2]).

Эти протесты отразились на участи побѣжденныхъ. Ихъ отправили въ Гостынинскій замокъ, въ 45 лье (180 слишкомъ верстъ) отъ Варшавы. Русскіе историки говорятъ, что у нихъ предварительно отобрали все, что они еще имѣли,

[1]) Собр. Госуд. грам., II, № 263.

[2]) Оффиціальное описаніе торжества помѣщено: Цвѣтаевъ, Царь Василій Шуйскій, I, стр. II; Niemcewicz, Dzieje panow. Zyg. III-go, II, 565.

такъ что невѣстка бывшаго царя, Екатерина Петровна, должна была разстаться даже со своей серебряной коробочкой для бѣлилъ. Но опись, составленная послѣ смерти плѣнниковъ, противорѣчитъ этому указанію. Въ описи этой упоминается о большомъ количествѣ драгоцѣнныхъ вещей, посуды и драгоцѣнностей, полученныхъ ими, напротивъ, отъ щедротъ короля или польскихъ вельможъ [1]. Замокъ Гостынинскій, въ настоящее время обратившійся уже въ развалины, повидимому, никогда не былъ пышной резиденціей; однако, гости 1611 года не испытывали въ немъ лишеній: на ихъ содержаніе ежемѣсячно отпускалось 200 злотыхъ. Имъ недолго пришлось томиться въ плѣну: Василій Ивановичъ, жена его и братъ Димитрій умерли черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, причемъ въ Москвѣ пытались приписать смерть ихъ насилію или послѣдствіямъ дурного обращенія съ ними. Иванъ, вскорѣ выпущенный на свободу, поступилъ въ Польшѣ на службу; въ 1619 году, при обмѣнѣ плѣнниковъ, онъ возвратился на родину, гдѣ жилъ въ безвѣстности. Въ 1620 г. останки его братьевъ и невѣстки были перевезены въ Варшаву и съ пышностью погребены въ часовнѣ, мѣстонахожденіе которой все еще служитъ предметомъ горячихъ споровъ. Достовѣрно только то, что въ 1817 г., по странной игрѣ судьбы, превратности которой Жолкѣвскій какъ будто предчувствовалъ, это мѣсто, или другое близъ него, должно было послужить мѣстомъ сооруженія православной церкви. И ему не суждено было избавиться отъ этой участи, потому что проектъ этотъ, вначалѣ заброшенный, недавно былъ осуществленъ. Въ 1893 году къ гимназіи, въ которой потомкамъ побѣдителей 1611 года польская исторія недавно еще преподавалась на русскомъ языкѣ, пристроенъ былъ храмъ, на византійскомъ куполѣ котораго возвышался крестъ, отлитый изъ бронзы пушекъ, отнятыхъ въ 1612 году у польскихъ защитниковъ Кремля [2].

Надпись, нѣкогда сдѣланная на усыпальницѣ несчастной семьи, служила въ Россіи предметомъ неправильныхъ толкованій, напрасно придававшихъ ей оскорбительный смыслъ. Карамзинъ [3], однако, съ точностью воспроизвелъ ее, и она

---

[1]) Цвѣтаевъ, тамъ-же, Приложеніе I, стр. IX; II, стр. CCLXXXI.

[2]) Цвѣтаевъ, тамъ-же, I, стр. VI и XLI, Прилож. II, стр. XIV; Z dziejów Warszawy, брошюра; Kwartalnik Historyczny, 1898, 630 и слѣд.

[3]) Ист. Госуд. Росс., XII, примѣч. 785.

дѣлаетъ честь чувствамъ Сигизмунда, который, какъ гласитъ эта надпись, хотѣлъ, „чтобы въ его царствованіе даже враги и узурпаторы не были лишены подобающаго погребенія". Надпись эта исчезла вмѣстѣ съ усыпальницей. Въ 1635 г., послѣ заключенія мира въ Поляновкѣ, временно примирившаго Польшу съ Московіей, сынъ завоевателя Смоленска, Владиславъ, отослалъ печальные останки въ Москву, гдѣ они преданы были окончательному погребенію въ общей усыпальницѣ московскихъ государей въ Архангельскомъ соборѣ [1]).

Итальянскій художникъ Долабелла, служившій въ это время въ Польшѣ, изобразилъ въ двухъ посредственныхъ картинахъ взятіе Смоленска и униженіе Шуйскихъ [2]). Эти картины дольше оставались въ Варшавѣ, но и онѣ впослѣдствіи были тоже переданы Августомъ II Петру Великому.

В. В. Голицынъ и Филаретъ были также подвергнуты, хотя и тяжкому, но немногимъ болѣе жестокому заключенію. Послѣ полугодового пребыванія въ одномъ изъ владѣній Жолкѣвскаго, въ Каміонкѣ, ихъ заключили въ великолѣпный замокъ Мальборгъ (Маріенбургъ) въ виду того, что они оказались очень неподатливыми. Въ 1619 г. Голицынъ получилъ свободу, но умеръ на пути въ Вильнѣ. Филаретъ возвратился въ Москву, чтобы тамъ занять первенствующее мѣсто среди устроителей новой судьбы своей родины, уже освобожденной и умиротворенной.

Въ 1611 г. по всей Европѣ прогремѣла слава, выпавшая, казалось, на долю Польши и короля Сигизмунда. Въ то время, какъ въ Варшавѣ и Краковѣ происходили народныя ликованія, празднества и апоѳеозы, въ Римѣ съ блескомъ торжествовали побѣду католической цивилизаціи надъ московскимъ варварствомъ. 7 августа папа даровалъ полное отпущеніе грѣховъ богомольцамъ въ церкви св. Станислава, патрона Польши. Въ домѣ іезуитовъ, находившемся рядомъ съ этой церковью, на Кампидольо, отцы приняли участіе въ этихъ торжествахъ, устроивъ празднество, во время котораго былъ зажженъ фейерверкъ—аллегорія, изображавшая бѣлаго орла

---

[1]) Цвѣтаевъ, Прилож. I, стр. XXXIII; Иловайскій, Смутн. время, 314. Ср. „Русск. Стар.", 1890, LXV, 91—92; „Кіевск. Старина", 1889, VIII и X (Линниченко).

[2]) Цвѣтаевъ приложилъ воспроизведеніе второй картины.

Польши, превращающаго однимъ прикосновеніемъ въ пепелъ чернаго орла Московіи [1]).

Эти торжества, уже сами по себѣ неприличныя при тогдашнихъ обстоятельствахъ, получили еще болѣе неумѣстно оскорбительный характеръ, вслѣдствіе сопровождавшихъ ихъ толкованій. Хотя Жолкѣвскій придавалъ своимъ рѣчамъ относительно умѣренный характеръ, зато его товарищи въ сенатѣ и польскомъ правительствѣ не проявляли такой же сдержанности. Полковникъ Винцентъ Крукевницкій, говоря въ Смоленскѣ отъ имени польской арміи, самъ коронный вице-канцлеръ Феликсъ Крыскій въ Варшавѣ говорили о завоеваніи Московіи, какъ о дѣлѣ конченномъ. „Глава государства и все государство, государь и его столица, армія и ея начальники—все въ рукахъ короля“, заявилъ Крыскій [2]).

Неумѣстность этого нелѣпаго заявленія усугублялась жалкой лживостью его. Въ это самое время польскій гарнизонъ, окруженный волной мятежа, велъ въ Москвѣ отчаянную борьбу, которая съ каждымъ днемъ становилась безнадежнѣе. Сигизмундъ употребилъ всѣ свои усилія, на которыя былъ способенъ, а Польша, удовлетворенная достигнутой побѣдой, продолжала упорствовать въ отказѣ средствъ на продолженіе борьбы. Тщетно осенью 1609 года король обращался къ сеймикамъ, раньше такъ благопріятно расположеннымъ: съ небывалымъ единодушіемъ они на этотъ разъ отклонили всякое свое участіе въ предпріятіи, такъ блестяще начатомъ. Въ этотъ промежутокъ времени отсутствіемъ короля воспользовались участники недавняго rokosz'a, Гербуртъ и Стадницкій „Дьяволъ“; они снова принялись ковать козни въ странѣ, войдя въ сношенія съ Гавріиломъ Баторіемъ, племянникомъ знаменитаго Стефана, подбивая его требовать себѣ наслѣдія дяди; и шляхта, хотя и не дѣйствовала заодно съ этими агитаторами, подъ ихъ вліяніемъ проявляла свою склонность перечить правительству.

Уже надвигались сумерки надъ этими богами liberum veto, и ихъ ближайшіе потомки принуждены будутъ изъ года въ годъ ожидать возвращенія сомнительнаго разсвѣта, повторяя изъ рода въ родъ печальную мѣстную поговорку: „Пока солнце взойдетъ, роса очи выѣстъ“.

---

[1]) Narratio brevis, 1611.

[2]) Цвѣтаевъ, прилож. XLII, стр. CCCXVI и слѣд.

Смоленскъ на время оставался владѣніемъ Польши; но, овладѣвъ городомъ приступомъ и придавъ истинному положенію дѣлъ и этому успѣху характеръ, наиболѣе противорѣчившій чувствамъ, которыми они должны были бы вдохновляться, король и поляки повернулись спиной къ цѣли, которой не должны были выпускать изъ виду. Сигизмундъ сильно повредилъ своимъ московскимъ „вѣрноподданнымъ“, и вся Польша давала въ руки сторонниковъ ополченія грозное оружіе. Если, несмотря на свое отчаянное положеніе, Гонсѣвскій и его товарищи еще цѣлый годъ вели эту героическую, но совсѣмъ безполезную борьбу, это надо приписать тому, что военныя качества ихъ противниковъ не соотвѣтствовали числу и мужеству бойцовъ, а особенно и тому, что эти безпорядочные отряды, какъ мы знаемъ, съ политической точки зрѣнія, по самому составу своему оказались непригодными для исполненія взятой ими на себя задачи.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Движеніе противъ смуты.

I. Несостоятельность націонализма.

Никакой тріумвиратъ не можетъ обойтись безъ Цезаря. Этого положенія добивался Заруцкій, личность энергичная; большинство ополченцевъ было въ числѣ его сторонниковъ. Онъ очень гордился пріобрѣтеннымъ въ Тушинѣ боярствомъ. Разсчитывая воевать и править по-казацки, онъ перебивалъ на дѣлѣ у Ляпунова командованіе войсками и не покидалъ мысли укрѣпить престолъ за сыномъ Марины, который жилъ съ матерью въ Коломнѣ. Рязанскій воевода охотнѣе подумывалъ о кандидатурѣ шведскаго королевича и предпочиталъ даже Владислава „воренку", какъ въ его кругу величали маленькаго Ивана. Онъ пытался одерживать верхъ своимъ авторитетомъ. На соборѣ казаки не имѣли большинства; одинъ изъ ихъ отрядовъ состоялъ подъ начальствомъ кн. Трубецкого, и большинство начальниковъ было изъ высшаго и мелкопомѣстнаго дворянства. 30-го іюня 1611 года это собраніе приняло рядъ постановленій, входившихъ въ составъ цѣлаго плана административныхъ, законодательныхъ и политическихъ преобразованій, которыя очень чувствительно отзывались на элементахъ населенія, представителемъ которыхъ былъ Заруцкій. Вопреки его желанію, сначала покончили съ политическимъ наслѣдіемъ второго Лжедимитрія и Сигизмунда. Какъ извѣстно, въ Тушинѣ, въ Калугѣ и подъ Смоленскомъ претендентъ и польскій король на счетъ Московіи соперничали въ щедрости, награждая чинами и пожалованіями всякаго рода. Не объявляя ихъ недѣйствительными, служилые люди, заправлявшіе соборомъ, намѣревались примѣнить къ нимъ установленную обычаемъ мѣрку; дру-

гими словами, подобно тому, какъ сами московскіе государи часто проводили систему подравниванья, и они желали низвести преимущества черезчуръ щедро награжденныхъ къ болѣе приличному уровню. Эта мѣра лично задѣвала Заруцкаго, получившаго огромныя помѣстья. Въ то же время намѣчались особыя правила относительно всего казачества. Установлено было различіе между старыми участниками войнъ, веденныхъ болѣе или менѣе сообща приблизительно съ 1606 года, и новобранцами; первые за деньги или, по желанію, за земельный надѣлъ должны вступить въ сословіе служилыхъ людей; вторые, казаки по ремеслу въ тѣсномъ смыслѣ, и крестьяне, вступившіе подъ казачьи знамена, возвращались въ прежнее положеніе—одни въ свои степи, другіе на пашню или въ холопы. А это означало, что національное движеніе, развившееся, поддержанное и донесенное до Москвы обдуманнымъ содѣйствіемъ народнаго элемента, теперь отрекалось отъ освободительнаго, революціоннаго начала, которое одно только и обезпечивало содѣйствіе народа. Вѣдь для всей этой голытьбы, которую оно соблазнило и увлекло въ ряды ополченцевъ, слово „казачина" означало: свобода и дѣлежъ поровну всѣхъ благъ, который предстояло завоевать,—богатства и власти. Второй разъ этой попыткой возстановить порядокъ въ пользу исключительно аристократическихъ привилегій революція отрекалась отъ присущаго ей принципа, а на долю другихъ классовъ удѣляла лишь то, что среди нихъ создавала новую категорію привилегированныхъ.

Для исполненія задуманной программы, такъ какъ гражданская и военная власть сосредоточивались въ рукахъ тріумвирата, учреждались приказы по обычному порядку, и вотъ второй разъ, не имѣя возможности овладѣть столицей, станъ ополченцевъ готовился перехватить у нея власть [1].

Заруцкій подписалъ протоколъ постановленій, вѣрнѣе, не умѣя писать, предоставилъ Ляпунову расписаться за себя. Возлюбленный Марины навѣрное разсчитывалъ, что эти постановленія останутся мертвой буквой, какъ это и оправдалось на дѣлѣ. Затѣвать закономѣрныя государственныя

---

[1]) Карамзинъ. Ист. Гос. Росс., XII, прим. 793 и 794. Болѣе точно изложено у Забѣлина, Мининъ и Пожарскій, стр. 269—278. Сравн. Платоновъ, Очерки, стр. 504 и слѣд.

преобразованія среди такой разрухи и при подобномъ составѣ лицъ было безумной дерзостью. Первыми нарушителями новыхъ правилъ оказались даже не казаки. Случилось такъ, что нѣкоторые изъ нихъ захвачены были на мѣстѣ преступленія при грабежѣ; М. Плещеевъ, одинъ изъ членовъ собора, не считаясь съ только-что установленными судебными порядками, распорядился утопить виновныхъ безъ всякаго суда и слѣдствія. Вспыхнулъ бунтъ; въ этомъ превышеніи власти обвинили самого Ляпунова; онъ пытался скрыться въ Рязань, но казаки вернули его въ лагерь, и съ той поры онъ сдѣлался ихъ плѣнникомъ. Черезъ нѣсколько недѣль насталъ его чередъ стать жертвой огульной расправы.

Свидѣтельства опять говорятъ различно объ этомъ прискорбномъ событіи. Нѣкоторыя польскія и московскія извѣстія возводятъ вину за это дѣло на „боярина“ Гонсѣвскаго; чтобы избавиться отъ самаго опаснаго изъ противниковъ, Гонсѣвскій будто бы рѣшился на довольно-таки гнусную продѣлку: поддѣлалъ руку и распространилъ за подписью Ляпунова окружную грамоту сторонникамъ ополченія, должностнымъ лицамъ въ областяхъ, чтобы они поступали съ казаками подобно тому, какъ только-что поступилъ Плещеевъ. Въ настоящее время преобладаетъ мнѣніе, что документъ этотъ былъ подлинный, содержавшій только наказы согласно недавно выработаннымъ соборомъ постановленіямъ, но его превратно истолковали. Казаки не соглашались на нихъ; они потребовали Ляпунова въ свой кругъ, и тріумвиръ былъ изрубленъ въ куски. Заруцкій не присутствовалъ при этомъ, но общій голосъ называлъ его подстрекателемъ къ убійству; а Трубецкой не предпринялъ никакихъ мѣръ, чтобы предотвратить его [1]).

На другой день послѣ этой катастрофы, происшедшей 22 іюля 1611 г. [2]), не осталось и слѣда отъ только что учрежденнаго правительства. Его смѣнило другое, гдѣ господами были казаки.

---

[1]) Kobierzycki, Hist. Vladislai, 433; Marchocki, 123; Woycicki, Dyarjusz, 24; Костомаровъ, Смутн. время, III, 163; Скворцовъ, Діонисій Зобниновскій, 145—147.

[2]) Число это сомнительно; см. Горскій и Леонидъ, Ист. описаніе Св. Троице-Серг. Лавры, II, стр. 100.

II. Правленіе казаковъ.

Заруцкій поспѣшилъ показать, что движеніе ничего не потеряло отъ гибели Ляпунова. Двѣсти поляковъ съ нѣсколькими вѣрными имъ казаками еще занимали Дѣвичій монастырь. Оставшійся побѣдителемъ соперникъ рязанскаго воеводы велѣлъ идти на приступъ, и маленькій отрядъ сдался на капитуляцію; однако, многіе потомъ были перебиты. Монахини тоже должны были покинуть монастырь. Большинство изъ нихъ сначала изнасиловали, отобрали у нихъ всю одежду, а потомъ ихъ отослали во Владиміръ. Принятыя въ эту общину бывшая королева Ливоніи и несчастная Ксенія раздѣлили общую участь [1]).

Положивъ такимъ путемъ начало новому порядку, думали поддержать созданную Ляпуновымъ организацію управленія, но превратить ее въ орудіе вымогательства въ пользу новыхъ хозяевъ. „Земскіе люди", т. е. не принадлежавшіе къ казачеству, жаловались, что не получаютъ ни жалованья, ни съѣстныхъ припасовъ. Многіе рѣшились разойтись по домамъ, гдѣ ихъ присутствіе становилось необходимымъ: не довольствуясь сборомъ исключительно въ свою пользу всевозможныхъ налоговъ, казаки всю ихъ совокупность считали только частью своихъ доходовъ и творили при этомъ гнуснѣйшія насилія. Разбой сталъ закономъ для подчинившейся ихъ расправѣ страны.

Въ это же время въ Новгородѣ политика Ляпунова достигла уже послѣ смерти его успѣха, но въ такомъ смыслѣ, какого онъ несомнѣнно не желалъ. Воеводы, поставленные имъ въ городѣ послѣ смерти Ивана Салтыкова, были уполномочены вести переговоры съ Карломъ Шведскимъ о кандидатурѣ на московскій престолъ его сына Карла-Филиппа и присылкѣ отряда вспомогательныхъ войскъ. Но переговоры затянулись. Шведы возобновили подъ Новгородомъ ту же игру, какую разыгрывалъ подъ Смоленскомъ Сигизмундъ, и думали только о захватѣ крѣпости. При соучастіи одного изъ воеводъ, Василія Ивановича Бутурлина, и при помощи плѣннаго крестьянина Ивана Шваля, 15-го іюля 1611 года Делагарди ночью овладѣлъ одними плохо охраняемыми во-

---

[1]) Собр. Гос. грам., II, № 281; Костомаровъ, Смутное время, III, 215.

ротами. Бутурлинъ бѣжалъ, не думая о сопротивленіи, а казаки его послѣдовали за нимъ, успѣвъ однако разгромить множество домовъ и лавокъ, — „чтобы не оставлять непріятелю слишкомъ богатой добычи", говорили они. Одинъ только атаманъ, Тимоѳей Шаровъ, выступилъ во главѣ нѣсколькихъ стрѣльцовъ и былъ убитъ. Незадолго передъ этимъ поссорившіеся изъ-за религіозныхъ несогласій протопопъ собора св. Софіи Аммосъ и митрополитъ Исидоръ помирились на глазахъ непріятеля; принявъ благословеніе владыки, скромный священникъ точно такъ же сопротивлялся до смерти въ своемъ домѣ, подожженномъ шведами. Исидоръ со вторымъ воеводой, кн. Иваномъ Никитичемъ Одоевскимъ старшимъ, вступили тогда въ переговоры съ побѣдителями, и всѣ жители Новгорода присягнули шведскому королевичу, даже не выговоривъ, чтобы онъ принялъ православіе, и согласившись на добрую волю короля, кого изъ сыновей отпустить онъ въ Москву на царство—старшаго, Карла-Филиппа, или младшаго, Густава-Адольфа. Договоръ съ „государствомъ Новгородскимъ" признавался дѣйствительнымъ, даже если „государства Владимірское и Московское не признаютъ его" [1]). Это значило, что, возвращаясь къ преданіямъ о своей былой республиканской свободѣ, покоренный городъ какъ бы отдѣлялъ свою судьбу отъ судьбы московской Руси. Но уже не въ возстановленіи республики заключалось дѣло! Въ дѣйствительности Новгородъ подчинялся господству шведовъ; въ этомъ краю правленіе казаковъ привело къ расчлененію отечества.

Въ это время подъ грозой шведовъ и поляковъ, терзаемый вмѣстѣ съ тѣмъ бушующими партіями, Псковъ едва не достался третьему грабителю. Московскій дьяконъ Матвѣй, у лѣтописцевъ обыкновенно именуемый Сидоркою, незадолго до того появился въ Новгородѣ и пытался объявить себя Димитріемъ. Узнанный на рынкѣ, онъ скрылся въ Ивань-городъ, гдѣ населеніе провозгласило его царемъ 23 марта 1611 г. Трехдневнымъ звономъ колоколовъ и пушечной пальбой праздновали народную радость, и тотчасъ всѣ казаки ближнихъ мѣстъ сбѣжались на призывъ, такъ что и новый претендентъ оказался обладателемъ собственной арміи. Вскорѣ и онъ, со своей стороны, могъ вступить въ переговоры со швед-

---

[1]) Новгор. лѣтописи, стр. 354; Костомаровъ, Смутн. вр., III, 206; Widekind, стр. 252.

скимъ королемъ, который одно время склонялся къ признанію царемъ этого явнаго самозванца, чтобы предложить ему союзъ противъ Польши въ обмѣнъ на часть русской территоріи [1]). Смерть короля-перевертня разомъ прекратила эти переговоры, и Сидорка двинулся къ Пскову. Онъ держалъ городъ въ осадѣ съ 8-го іюля по 23-е августа, ведя переговоры съ жителями, которые собирались-было открыть ему ворота, когда приближеніе шведовъ обратило въ бѣгство казаковъ. Но этихъ новыхъ враговъ встрѣтили гораздо хуже; скоро отступили и они, и Сидорка могъ возобновить свои попытки съ бо̀льшимъ успѣхомъ.

Бутурлинъ, покинувшій Новгородъ со своей шайкой грабителей, прибылъ въ это время подъ Москву къ арміи ополченцевъ. Но здѣсь событія приняли невыгодный для казаковъ Заруцкаго оборотъ. Янъ Сапѣга приблизился къ столицѣ и 14-го августа 1611 г. удачно провелъ къ осажденнымъ большой обозъ съ провіантомъ; поляки оживились, перешли въ наступленіе и прогнали осаждавшихъ изъ той части Бѣлаго-города, которую они занимали. Вскорѣ усвятскій староста заболѣлъ и въ сентябрѣ умеръ. Но въ началѣ октября, послѣ перемирія со Швеціей, прибылъ къ полякамъ славный побѣдитель при Кирко̀льмѣ, Янъ-Карлъ Ходкевичъ, приведя изъ Ливоніи отрядъ войскъ. Въ ожиданіи войны съ Даніей Швеція принуждена была сосредоточивать свои силы. Но и Ходкевичъ имѣлъ въ сущности всего нѣсколько полковъ голодныхъ и деморализованныхъ, истощенныхъ неудачнымъ походомъ и осадами крѣпостей. Снабженіе съѣстными припасами—всегда очень мудреная задача—при наступленіи зимы заставила самого Гонсѣвскаго возобновить маневръ, удавшійся ему недавно съ Сапѣгой, и Ходкевичъ удалился изъ Москвы, занявъ позицію въ монастырѣ у Рогачева, между Волгой и Пугой въ Ржевскомъ уѣздѣ. Однако, его присутствіе здѣсь сдерживало Заруцкаго, вынужденнаго тоже разбрасывать своихъ людей за невозможностью прокормить ихъ на мѣстѣ.

Въ теченіе ужасной зимы 1611—1612 г. казаки и поляки соперничали въ искусствѣ разорять страну. А въ то время, когда шведы укрѣплялись въ Новгородѣ, московскіе бояре

---

[1]) Никонова лѣт., VIII, 171; Форстенъ, Балтійскій вопросъ, II, 88; его-же, Политика Швеціи въ См. вр., Журн. Мин. Нар. Пр., февр. 1889, стр. 348 и слѣд.

отправили новое посольство къ Сигизмунду, все еще именемъ „всей земли русской“ прося Владислава поторопиться пріѣздомъ и занять престолъ, а самого короля—поскорѣе замирить государство [1]). Во главѣ подписавшихъ это ходатайство не было имени патріарха,—его замѣняла подпись архіепископа Арсенія—грека [2]). Такъ среди полнаго крушенія государственнаго и общественнаго зданія сама церковь, казалось, распадалась и унижалась.

Чаша переполнилась! Подъ гнетомъ столькихъ бѣдствій въ этой мучительно терзаемой „русской землѣ“ произошелъ толчокъ, всколыхнувшій въ самыхъ темныхъ глубинахъ элементы, до той поры бывшіе бездѣятельными, но, безъ сомнѣнія, не безчувственными, а долго пребывавшими безъ движенія вслѣдствіе органической пассивности національнаго характера. Внезапно на политическое поприще выступили новые люди съ новой программой, которая еще никому не приходила въ голову, которая не ограничивалась только защитой національности. На-ряду съ борьбой противъ иноземцевъ она особенно настаивала на упорной борьбѣ съ мятежниками всѣхъ оттѣнковъ, которые подъ личиной защиты общаго отечества еще болѣе терзали и уродовали его. Въ своей основѣ, происхожденіи и отчасти по своимъ составнымъ элементамъ и эта реакція была подобна той, которая уже выдвинула противъ поляковъ и казаковъ грозныхъ противниковъ,—только она была болѣе мощная, болѣе ясно понимающая свою цѣль, а потому ей суждено было на этотъ разъ восторжествовать.

III. Побѣда реакціи.

Точкой отправленія опять-таки была религія. Начали сокрушеніемъ о грѣхахъ, вѣрою и молитвою. Ниспосланныя на страну испытанія представлялись заслуженною карой за грѣхи всего народа, о которыхъ напоминали народной совѣсти грозныя видѣнія. Спасеніе могло исходить только отъ милости Всевышняго, и другія небесныя явленія указывали пути къ ней. Одно изъ нихъ требовало, напримѣръ, трехдневнаго поста „даже для грудныхъ младенцевъ“ и повелѣвало возлѣ церкви

---

[1]) Собраніе Гос. грам., II, 572—576; дневникъ этого посольства напечатанъ у Hirschberg'a, Polska a Moskwa w perwszej połowie wieku XVII, стр. 339 и слѣд.

[2]) Называемаго здѣсь архіепископомъ архангельскимъ, потому что онъ служилъ въ Архангельскомъ соборѣ.

Василія Блаженнаго соорудить новый храмъ, на алтарѣ котораго явится знаменіе искупленія [1]).

Скоро, однако, менѣе склонные къ мистицизму умы придумали и предложили другія средства. Лѣтописи того времени, составленныя чинами клира или болѣе или менѣе по ихъ внушеніямъ, приписывали и эту честь церкви; и несомнѣнно, что Гермогенъ былъ причастенъ этой эволюціи народной совѣсти. Но ему суждено было вскорѣ исчезнуть. Давно удаленный отъ мѣста дѣйствія, онъ умеръ 17 января 1612 года; по нѣкоторымъ извѣстіямъ, поляки задушили его или уморили голодной смертью, но болѣе вѣроятно, что онъ палъ подъ бременемъ лѣтъ и тѣлесныхъ и душевныхъ мукъ, которыя онъ переносилъ съ несокрушимой твердостью. До сихъ поръ еще въ Чудовомъ монастырѣ показываютъ темный подвалъ, гдѣ, по преданію, былъ заключенъ святитель съ кружкой воды и мѣшкомъ овса. Но это только преданіе [2]).

Передъ смертью онъ отправилъ посланіе въ Нижній-Новгородъ, которое могло оказать вліяніе на дальнѣйшее развитіе новаго движенія; смыслъ его я выясню далѣе. Но Гермогенъ не могъ руководить первымъ проявленіемъ движенія, а за неимѣніемъ верховнаго вождя Авраамій Палицынъ впослѣдствіи раздѣлилъ по видимости съ архимандритомъ Діонисіемъ положеніе и обязанности героевъ движенія. Въ 1608 г. Троицкая лавра отразила поляковъ; въ народѣ охотно вѣрили, что она и въ 1611 г. опять сдѣлалась средоточіемъ сбора воиновъ для защиты праваго дѣла, а легенда, успѣвшая сложиться о личности Діонисія, способствовала распространенію этой иллюзіи.

Судя по разсказамъ лѣтописи о первыхъ шагахъ Діонисія на поприщѣ иноческой жизни, этому игумену Сергіевой лавры какъ будто не суждено было войти въ такую честь. Въ самомъ началѣ смутнаго времени молодой монахъ болтался среди сходки простонародья на одной московской площади. Какой-то простолюдинъ грубо спросилъ его: „Что ты здѣсь дѣлаешь? Тебя ждетъ твоя келья!“ — „Ты правъ, братъ! — отвѣтилъ монахъ, — я согрѣшилъ, прости меня!“

[1]) Русск. Ист. Библ., XIII, 235, 243, 255; Платоновъ, Древне-русск. сказ. и пов. 122—125.

[2]) „Моск. Вѣд.“, 1893 г., № 124. Сравн. Макарій, Ист. русск. церкви, X, 157, примѣчаніе.

Это былъ будущій архимандритъ. Уроженецъ Ржева, онъ назывался въ міру Давидомъ Зобниновскимъ. Онъ вернулся въ свою келью, но не надолго. Въ такія времена, какъ тогдашнее, монастыри всегда пустовали; переполнявшіе ихъ носители буйной юной энергіи разбѣгались по перекресткамъ. Московскіе перекрестки не разъ потомъ видали высокую фигуру и страстную мимику этого бродячаго монаха. Но испытанія, переживаемыя его родиной, ставили его лицомъ къ лицу передъ жестокими страданіями и вернули его мятущуюся душу на путь ея истиннаго призванія. Впадая не разъ въ странныя заблужденія и тяжкія немощи, русскіе монастыри вмѣстѣ съ тѣмъ долго служили дѣлу милосердія; и вотъ за это они и до сихъ поръ пользуются нѣкоторымъ расположеніемъ народа,—увы! весьма ослабѣвшимъ. Во время осады и послѣ нея Діонисій отличился, ухаживая за ранеными, собирая тысячами умирающихъ и умершихъ; и тогдашнее рвеніе его въ этомъ служеніи сообщило такое обаяніе его личности, что оно гораздо болѣе всѣхъ его другихъ подвиговъ пріучило видѣть въ немъ преемника по духу Гермогена. Историческая дѣйствительность оказывается нѣсколько иной.

Защитники пр. Діонисія старались выдвинуть значеніе посланій за его подписью, которыя будто бы вызвали первое возстаніе противъ поляковъ при Ляпуновѣ и Трубецкомъ. Заслуга была бы не особенно большая, если принять во вниманіе, какой характеръ приняло это возстаніе. Но извѣстныя намъ грамоты изъ Троицкой лавры помѣчены іюлемъ и октябремъ 1611 г. Палицынъ увѣряетъ, что такія грамоты разсылались еще въ мартѣ; это не важно: вѣдь 1-го апрѣля войско ополченцевъ стояло уже лагеремъ подъ стѣнами Москвы. Не въ мѣру прославленный келарь хочетъ еще доказать, что и призывъ ко второму возстанію исходилъ изъ его монастыря. На этотъ разъ онъ совершаетъ погрѣшность гораздо болѣе тяжкую, чѣмъ простая ошибка въ числѣ. Приписывать этотъ починъ Троице-Сергіевой лаврѣ значитъ противорѣчить исторической истинѣ. На словахъ монастырь въ самомъ дѣлѣ усиленно призывалъ къ вооруженію; но по духу своему онъ былъ не только вполнѣ чуждъ возстанію 1611—1612 г., но даже противодѣйствовалъ ему всей силой своего вліянія. Монахи и казаки обыкновенно слишкомъ хорошо ладили другъ съ другомъ, чтобы очутиться во вра-

ждебныхъ лагеряхъ. По происхожденію, воспитанію и нравамъ они принадлежали къ одной и той же средѣ. Одинъ изъ біографовъ Діонисія открылъ въ лаврѣ своего рода Думу, которая послѣ смерти Ляпунова приняла будто бы политическое наслѣдіе тріумвирата [1]) и воздвигла въ Нижнемъ-Новгородѣ новыхъ защитниковъ того-же дѣла. Факты свидѣтельствуютъ прямо противное. У насъ въ рукахъ письма этой монастырской общинѣ отъ Заруцкаго и Трубецкого. Одно, помѣченное августомъ 1611 года,—значитъ, послѣ смерти Ляпунова [2]),—отвѣчаетъ на просьбу объ отводѣ земель; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ за этимъ письмомъ слѣдуетъ обращеніе къ щедрости монастыря, просьба о присылкѣ боевыхъ запасовъ [3]). Слѣдовательно, обѣ стороны продолжали пребывать въ наилучшихъ отношеніяхъ.

— „Долой поляковъ и измѣнниковъ! Помогайте храбрецамъ, осаждающимъ Москву!“—всегда былъ боевой кличъ лавры и въ 1611 и въ 1612 гг. А вѣдь этими храбрецами были одни казаки Заруцкаго. Діонисій и его товарищи заговорили иначе только тогда, когда дѣло было уже сдѣлано, когда новое ополченіе, образовавшееся безъ ихъ содѣйствія и наперекоръ ихъ желанію, положило основаніе для преобразованія гражданскихъ и военныхъ порядковъ, которое исключало казаковъ [4]). Архимандритъ Діонисій былъ добрымъ пастыремъ и выдающимся исправителемъ священныхъ книгъ,—заслуга важная въ его время; но онъ вовсе не обладалъ политическимъ умомъ, и національное возрожденіе 1611—1612 гг. потребовало иныхъ дѣятелей. Въ Нижнемъ-Новгородѣ религіозное чувство соединилось съ инстинктомъ самосохраненія, и тогда создалась та нравственная атмосфера, среди которой сами собой возникли и боевой кличъ и то

---

[1]) Скворцовъ. Діонисій Зобниновскій, 105 и слѣд.

[2]) Акты Археогр. Эксп., II, 192.

[3]) Кедровъ, Авраамій Палицынъ, стр. 21—25.

[4]) Акты Археогр. Эксп., II, №№ 190 и 202; Собраніе Гос. грам., II, № 275; Забѣлинъ, Мининъ и Пожарскій, стр. 72—74; Азаринъ и Насѣдка, Житіе пр. Діонисія, стр. 98—104. Значеніе разсказа, найденнаго въ 1843 г. Мельниковымъ при хронографѣ, приписываемомъ Ельнину, и рисующаго роль Діонисія въ иномъ свѣтѣ, сомнительно. Это только вставка, не болѣе, а три другіе пересказа въ той же лѣтописи не упоминаютъ о вліяніи лавры на образованіе новаго ополченія возставшихъ. См. „Отечеств. Записки“, 1843 г., т. XIX, 2-я часть, стр. 31—32, и Платоновъ, „Древне-русскія сказанія“, 305. Сравн., впрочемъ, Костомаровъ, „Вѣстн. Евр.“ іюнь 1871 г. и сент. 1872 г.

единодушное усердіе, которые призваны были вывести страну изъ самаго жестокаго кризиса, какіе только она переживала за все свое существованіе до нашихъ дней. Уже два ополченія одно за другимъ выступали въ походъ, чтобы приняться за эту задачу. Необходимо было третье съ инымъ знаменемъ и иными воинами.

IV. Третье ополченіе.

Возникновеніе этого движенія еще мало извѣстно.

Въ Москвѣ, на большой площади передъ Кремлемъ, теперь бросается въ глаза бронзовая группа, изумляющая взоры иностранныхъ путешественниковъ. Она изображаетъ двухъ римскихъ воиновъ въ театральныхъ позахъ. Надпись на гранитномъ цоколѣ соединяетъ воедино въ общемъ апоѳеозѣ имена Минина и Пожарскаго, героевъ войны за освобожденіе 1612 г., которая спасла Москву и подготовила возстановленіе національнаго единства подъ властью новой династіи. Воистину, не было памятника болѣе заслуженнаго; только стиль этого памятника—явная нелѣпость. Здѣсь несуразно переряжены два такихъ дѣятеля, какими можетъ и должна гордиться исторія народа; но по внѣшности своей они не носили ни малѣйшихъ признаковъ ни классической древности, ни романтики, ни котурна, ни шлема съ перьями. Они были—и въ этомъ ихъ своеобразная личная привлекательность и особое величіе—просто честные люди, которые робко и какъ будто даже не совсѣмъ охотно выступили изъ рядовъ, чтобы совершить дѣло, которое требовалось отъ нихъ стеченіемъ обстоятельствъ; они весьма просто, никогда не напуская на себя ни малѣйшей важности, несли всю тяжесть громадной отвѣтственности и, совершивъ свой трудъ до конца, послѣ того какъ они держали въ своихъ рукахъ судьбу великаго народа, безъ малѣйшаго усилія незамѣтно скрылись, безъ замѣтныхъ сожалѣній вернулись въ свое прежнее положеніе: одинъ—къ своей мелкой торговлѣ, другой—въ ряды служилаго дворянства.

Въ началѣ октября 1611 года въ земской избѣ Нижняго-Новгорода собрались потолковать о бѣдственныхъ временахъ. Прибывшее наканунѣ посланіе Гермогена поразило уныніемъ умы. Оно увѣдомляло о новой опасности, грозящей православной вѣрѣ: Заруцкій съ казаками задумали посадить на

престолъ „воренка", сына проклятаго нечестивца. Уже съ начала года въ нѣсколько пріемовъ, письменными посланіями и устными наказами, патріархъ призывалъ нижегородцевъ къ оружію [1]). Но тогда онъ звалъ на помощь казакамъ противъ поляковъ и московскихъ измѣнниковъ. Теперь измѣна оказалась въ другомъ мѣстѣ, подъ другимъ знаменемъ, — ее приходилось искать не въ осажденной столицѣ, а подъ ея стѣнами! Оптовый торговецъ скотомъ и рыбой, староста Козьма Мининъ Сухорукъ всталъ и заговорилъ. Его знали за дѣятельнаго и ловкаго человѣка, не очень разборчиваго въ веденіи дѣлъ своихъ и общественныхъ, не отказывавшагося, какъ подозрѣвали, отъ подачекъ, но безъ крайностей и соблазна; добросовѣстный человѣкъ въ духѣ того времени и страны. А теперь онъ проявилъ безкорыстную заботу объ общемъ дѣлѣ. Какъ и другихъ, его посѣщали видѣнія. Трижды являлся ему преп. Сергій, призывая послужить родинѣ, окруженной опасностями. Сперва Мининъ отнесся недовѣрчиво къ этимъ небеснымъ внушеніямъ, но былъ за это наказанъ болѣзнью. Потомъ онъ не зналъ, какъ приняться за исполненіе полученныхъ имъ въ видѣніи приказаній, — но святой явился снова и научилъ, что дѣлать. Въ то время, когда Мининъ объ этомъ разсказывалъ, одинъ стряпчій, Иванъ Биркинъ, прервалъ духовидца:

— Лжешь! Ты ничего не видалъ!

Одинъ взглядъ Минина заставилъ наглеца незамѣтно скрыться.

Въ лѣтописяхъ, откуда мы заимствуемъ [2]) эту наивную сцену, вѣроятно, воспроизведена картина не очень далекая отъ правды, какъ это можно подумать съ перваго взгляда. Дѣятельная и грубоватая натура Минина врядъ ли была расположена къ припадкамъ религіознаго изступленія; тѣмъ не менѣе, сообща съ нѣкоторыми единомышленниками, онъ счелъ нужнымъ придать своему разсказу такую форму, потому что она служила какъ бы порукою замысламъ, вытекавшимъ изъ вѣрной оцѣнки общихъ опасностей и обязанностей. На предварительный уговоръ указываетъ и легкость, съ которой заставили замолчать Биркина, человѣка, впрочемъ, съ плохой

---

[1]) Акты Археол. Ком., II, № 176; Собраніе Гос. грам., II, №№ 228 и 229; Русск. Ист. Библ., XIII, 606 и слѣд.; Поповъ, Изборникъ, стр. 306.

[2]) Никонова лѣт. (хронографъ Ельнина), VIII, 175—176; Азаринъ, Книга о чудесахъ пр. Сергія, стр. 34; Поповъ, Изборникъ, стр. 353.

репутаціей; а такъ какъ, съ другой стороны, преп. Сергій и и патріархъ говорили согласно, то собраніе тутъ же на засѣданіи намѣтило планъ обороны православной вѣры и національнаго достоянія противъ всѣхъ враговъ, внѣшнихъ и внутреннихъ.

У Минина и его товарищей не было военной опытности, поэтому рѣшили обратиться къ служилымъ людямъ; но всѣ согласились съ тѣмъ, что всѣ граждане должны участвовать въ расходахъ; тутъ же былъ сдѣланъ первый сборъ среди членовъ общины.

Защитники славы Троицкой лавры настаиваютъ на ея участіи и въ этомъ замѣчательномъ засѣданіи [1]), исходъ котораго опредѣлился будто бы благодаря ея посланію. Но эта грамота, помѣченная 6 октября 1611 года, не могла достигнуть Нижняго-Новгорода ранѣе конца мѣсяца, а тамъ въ это время уже организаціонная работа была въ полномъ разгарѣ. Мало того, какъ всѣ тогдашнія политическія посланія иноковъ преп. Сергія, воззваніе это шло наперекоръ тому, что входило въ задачу Минина съ товарищами: Діонисій и Палицынъ все еще восхваляли подвиги Заруцкаго и Трубецкого! Въ этой странѣ повальной безграмотности питали большое уваженіе къ письменности, и это посланіе отъ 6 октября, вышедшее изъ глубокоуважаемаго во всѣхъ отношеніяхъ источника, навѣрное должно было произвести впечатлѣніе. Однако, оно не побудило нижегородцевъ передумать и отступиться отъ принятыхъ рѣшеній. Благодаря дѣятельности Минина, движеніе, возбужденное по его почину, уже распространялось вширь. Этотъ мясникъ велъ довольно обширныя сношенія; одинъ документъ [2]) приписываетъ ему даже знакомство съ гражданами Москвы. Могло случиться, однако, что особыя мнѣнія представителей лавры, вызвавъ горячія пренія въ широкомъ кругу патріотовъ, враждебныхъ смутѣ, только помогли имъ выяснить себѣ свои собственные взгляды и утвердиться въ своихъ замыслахъ. Лѣтописецъ говоритъ, что посланіе читали въ воеводскомъ домѣ на собраніи именитыхъ лицъ города, всѣхъ мірскихъ и духовныхъ властей. На слѣдующій день снова

---

[1]) Никон. лѣт., хроногр. Ельнина, VIII, 174; срав. Мельникова, „Отеч. Записки", 1843, т. XXIX, 2 ч., стр. 31—32; Палицынъ, Сказаніе объ осадѣ Тр.-Серг. мон., 1784, стр. 227; срав. Платоновъ, Древне-русск. сказанія, стр. 304—306.

[2]) Нижегородская лѣт., изд. Гацисскаго, прим. 45.

собрались, по обычаю, въ Преображенскомъ соборѣ, и предпріятіе было окончательно устроено.

Постановили, какъ собирать ратниковъ и налоги на военное дѣло; въ главноначальствующіе Мининъ указалъ кн. Димитрія Михайловича Пожарскаго, который послѣ неудачной стычки съ поляками на улицахъ Москвы залѣчивалъ свои раны въ своей вотчинѣ Суздальскаго уѣзда.

Теперь познакомимся съ этими героями среди ихъ дѣятельности.

V. Мининъ и Пожарскій.

Потомки Всеволода III-го изъ рода владѣтельныхъ князей Стародубскихъ, Пожарскіе получили прозваніе отъ городка Погарь, прежде называвшагося Радогость и переименованнаго такъ послѣ того, какъ его сожгли татары. За Димитріемъ Михайловичемъ не знали ни одного блестящаго дѣла, гдѣ бы онъ блеснулъ воинскими талантами, чтобы внушить особое довѣріе согражданамъ. Придворный безъ чина при Борисѣ и стольникъ по польскому чиноначалію, установленному вторымъ Димитріемъ, онъ тихо и незамѣтно переживалъ, покоряясь судьбѣ, превратности этой смутной поры. Служа Годунову, онъ не воздержался отъ внесенія своего имени въ списокъ доносчиковъ, которыхъ расплодила вокругъ престола подозрительность этого государя. Россія того времени не знала безупречныхъ людей, да и водились-ли таковые когда-либо въ другихъ странахъ! По крайней мѣрѣ за Пожарскаго говорила относительная прямота поведенія. Его не видали ни въ Тушинѣ, ни подъ Смоленскомъ. Онъ ничего не просилъ у Сигизмунда и даже послѣ Клушина оставался вѣрнымъ Шуйскому [1]). Впослѣдствіи онъ сражался рядомъ съ Ляпуновымъ и Заруцкимъ, но его раны избавили его отъ предосудительной близости съ казаками. Происходя изъ обѣднѣвшаго рода, онъ лично получилъ довольно значительное состояніе отъ щедротъ царя Василія, что тоже говорило въ его пользу. Да иной выборъ очень затруднилъ бы нижегородцевъ. Московія была бѣдна знаменитыми полководцами. Изъ круга болѣе блестящихъ воеводъ — Шереметевъ былъ запертъ въ

[1]) Латухинская степенная книга, у Карамзина, Ист. Гос. Росс. XII, 553; Погодинъ, Борьба... съ новыми ересями, стр. 36. Срав. Костомаровъ, Смутн. время, III, 51.

Москвѣ, Шеинъ и В. В. Голицынъ попали въ плѣнъ. Хотя Пожарскій и будучи главнокомандующимъ не проявилъ талантовъ полководца, которыхъ не сулило его прошлое, во всякомъ случаѣ онъ вполнѣ оправдалъ свое избраніе. Слѣдуетъ отмѣтить, что онъ принялъ его не безъ сопротивленія, съ искренней скромностью выражая сожалѣніе, что нѣтъ кн. Голицына, которому онъ охотно уступилъ бы первое мѣсто.

Со своей стороны онъ предложилъ Минина въ собиратели военныхъ налоговъ, и мясникъ тоже отклонялъ отъ себя эту тяжелую обязанность; но, вынужденный принять ее, онъ проявилъ такую твердость и энергію, что онѣ по временамъ казались чрезмѣрными и вызывали много жалобъ.— „Если понадобится, мы продадимъ нашихъ женъ и дѣтей", будто бы сказалъ онъ, и нѣкоторые историки думали, что онъ буквально исполнялъ это обѣщаніе и тѣмъ способствовалъ развитію крѣпостного права. Это весьма сомнительно. Отдѣльные случаи сопротивленія могли вызвать кое-какія суровыя мѣры, но въ общемъ все-таки постановленіе тяглыхъ городской общины Нижняго возбудило, повидимому, великую готовность къ добровольной щедрости; часто отличались щедростью послѣдніе бѣдняки, дававшіе больше, чѣмъ отъ нихъ требовали. Одна вдова пришла сказать: „У меня есть двѣнадцать тысячъ рублей, а дѣтей у меня нѣтъ; вотъ десять тысячъ, — располагайте ими". — Можно съ увѣренностью утверждать, что съ начала до конца скромный мясникъ, какъ его обзывали, былъ душою, главнымъ двигателемъ и руководителемъ великаго дѣла.

Вооруживъ населеніе нижней Волги и собравъ нѣсколько отрядовъ изъ дворянъ, которые, будучи изгнаны одни поляками изъ Смоленской области, другіе Заруцкимъ изъ Дорогобужа и Вязьмы, бродили, ища пристанища,—въ какой именно день—трудно установить, но не позже, скорѣе еще раньше, февраля 1611 г.,—Мининъ и Пожарскій разослали по всѣмъ областямъ грамоты съ вполнѣ опредѣленной программой дѣйствій. Они открыто высказывались противъ казаковъ, затѣвавшихъ новую междоусобную войну своимъ нечестивымъ намѣреніемъ возвести на престолъ Марину и ея сына. Одинаково отвергая „воренка", короля польскаго и всѣхъ ихъ соперниковъ, искавшихъ престола безъ законнаго права, они желали, чтобы вся русская земля, правильно и

полно представленная выборными, занялась избраніемъ государя, „кого намъ Богъ дастъ“. А пока нужно соединяться противъ поляковъ и „не давать казакамъ дурна никакого дѣлати“ [1]).

Это было все, и этого было вполнѣ достаточно. Скромная, какъ ея составители, эта программа оказалась удачной именно потому, что, ничего не предрѣшая, не оскорбляя честныхъ убѣжденій и не нарушая достойныхъ уваженія интересовъ, она могла объединять всѣхъ благомыслящихъ и доброжелательныхъ. Призывъ услышали. Изъ Коломны, изъ Рязани, изъ окраинныхъ уѣздовъ толпами шли новобранцы; въ томъ числѣ немного казаковъ, но „добрыхъ“. Весьма широкообъемлющій, этотъ терминъ прилагался обыкновенно ко всему „гулящему люду“ государства; а подъ Москвой въ это время „худые“ казаки доставляли новые доводы для тѣхъ, кто объявлялъ ихъ злѣйшими врагами отечества. Когда Сидоркѣ удалось водвориться во Псковѣ, Заруцкій и Марина, потерявши голову вслѣдствіе обманутаго честолюбія, оба рѣшились признать это новое воскресеніе Димитрія; и 2-го марта 1612 года все войско, стоявшее подъ стѣнами столицы, присягнуло бывшему дьякону!

А поляки, какъ бы соперничая въ безуміи со своими противниками, какъ будто въ отвѣтъ ихъ нелѣпой выходкѣ, совершили надъ собой самоубійство. Взбунтовавшись изъ-за задержки въ выдачѣ обѣщаннаго рядовымъ жалованья или принявъ участіе въ ссорахъ начальниковъ, войска Гонсѣвскаго и даже Ходкевича въ январѣ 1612 г. перешли отъ конфедераціи къ дезертирству [2]). Покружившись по московской территоріи, лучшіе эскадроны вернулись въ Польшу и тамъ принялись съ лихвой вознаграждать себя захватами изъ королевскихъ, даже частныхъ имѣній. Къ половинѣ года для поддержанія на русской почвѣ своего клонившагося къ паденію владычества Сигизмундъ обладалъ только двумя жалкими обломками прежнихъ силъ: арміей призраковъ въ Москвѣ, приблизительно въ тысячу человѣкъ, запертыхъ и осажденныхъ внутри Кремля; вскорѣ, томимые голодомъ, чтобы продлить свои мученія, они стали прибѣгать къ омерзитель-

---

[1]) Акты Археограф. Эксп., II, № 201.

[2]) Maskiewicz, wyd. Niemcewicza, II, 406; Woycicki, Pamiętniki do panowania Zygmunta III, 29; Археол. сборникъ... Виленскаго учебн. окр., IV, дополн., стр. 309, 320, 324, 341.

нымъ средствамъ, превзошедшимъ все доступное воображенію; а близъ столицы находился призракъ арміи, — великій Ходкевичъ, почти безъ солдатъ, держался въ полѣ только однимъ обаяніемъ своего имени, но все еще упорно поджидалъ прибытія короля! Когда король прибылъ, было уже поздно; къ тому же его величество могъ привезти изъ Варшавы въ Смоленскъ только свою супругу, воинственную королеву Констанцію, огромный дворъ и нѣсколько ксендзовъ. А польскій гарнизонъ Москвы уже сдался.

Такимъ образомъ, задача Минина и Пожарскаго значительно облегчалась. Ихъ ополченіямъ не довелось выдерживать такихъ сраженій, чтобы у нихъ серьезно оспаривали побѣду; не отъ поляковъ зависѣло препятствіе, которое сначала стало между ними и Москвой, а потомъ надолго задержало ихъ движеніе; при этомъ-то и обнаружился истинный характеръ ихъ дѣятельности. Прямая дорога отъ Нижняго къ Москвѣ шла черезъ Суздаль. Въ мартѣ третье ополченіе готовилось двинуться по этому пути, когда узнало, что Заруцкій принимаетъ мѣры, чтобы захватить Ярославль и всѣ города Поморской области. Если бы новые поборники народнаго дѣла допустили захватъ сѣверныхъ областей въ то время, когда юго-западныя оставались безъ защиты со стороны Польши, они подвергались бы опасности очутиться между двухъ огней. Упредить казаковъ на этой стратегической линіи, такимъ образомъ, стало ихъ первой заботой. Здѣсь-то и произошли рѣшительные моменты борьбы между двумя національными партіями, спорившими изъ-за права распорядиться судьбой своего общаго отечества. Въ Ярославлѣ же, гдѣ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ пребывало послѣднее временное правительство, подготовлялось разрѣшеніе продолжительнаго кризиса, исторію котораго, крайне поучительную, я такъ неполно набросалъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Окончаніе кризиса.

I. Временное правительство въ Ярославлѣ.

Кромѣ Минина, всѣ товарищи Пожарскаго были военные люди или считали себя таковыми; но дѣйствовали они, какъ завзятые приказные. Собравшись въ Ярославлѣ, они поспѣшно принялись за учрежденіе правительства, вмѣсто того, чтобы сражаться. Вмѣсто того, чтобы дать ему военную организацію, какъ того требовало положеніе,—они старались по возможности придать ему характеръ парламента. Я уже говорилъ, что у этого народа парламентаризмъ въ крови, но на дѣлѣ онъ такъ долго былъ лишенъ представительства, что не сохранялъ тогда ни яснаго понятія объ его сущности, ни особенно тонкаго чутья къ нему.

Въ апрѣлѣ 1612 г. изъ Ярославля отъ ополченія возставшихъ разосланы были по областямъ новыя грамоты съ требованіемъ помощи людьми и деньгами и, кромѣ того, присылки выборныхъ, по двое, трое отъ сословія, для собранія „земскаго совѣта“. О земскомъ „соборѣ“ не рѣшались говорить, такъ какъ въ немъ первое мѣсто отводилось духовенству, а ополченіе было бѣдно его представителями. Оно не имѣло ни одного епископа, хотя бы грека, чтобы выдвинуть его впередъ. А Пожарскій очень стоялъ за соблюденіе порядка старшинства. Его подпись на грамотахъ стояла десятой, ниже боярина Морозова, боярина кн. Долгорукова и нѣкоторыхъ другихъ сановниковъ, которымъ онъ, будучи на дѣлѣ диктаторомъ, уступалъ по праву первенство въ силу властныхъ порядковъ мѣстничества. На пятнадцатомъ мѣстѣ онъ расписывался за неграмотнаго Минина, который по важ-

ности своей службы писался выше другихъ Долгорукихъ, несмотря на ихъ знатное происхожденіе [1]).

О результатахъ этого созыва мы можемъ только догадываться. Несомнѣнно, въ Ярославлѣ существовало временное правительство, служившее, какъ водится, представительнымъ органомъ всей земли русской. Но какимъ образомъ оно было устроено, по какимъ полномочіямъ, откуда исходила его власть,—это пока тайна. И этотъ „земскій совѣтъ", въ свою очередь, присвоилъ себѣ самыя широкія права; онъ велъ сношенія даже со шведами и съ „государствомъ Новгородскимъ", которое тогда само совсѣмъ взаправду увѣровало въ свою гадательную независимость и доходило до смѣхотворнаго обращенія къ посредничеству императора Германіи [2]). Вѣроятнѣе всего, что первоначально совѣтъ состоялъ изъ собранія однихъ только военныхъ начальниковъ отдѣльныхъ отрядовъ въ арміи ополченцевъ. Это былъ просто военный совѣтъ, гдѣ нѣсколько бояръ и воеводъ засѣдали рядомъ съ казачьими атаманами, татарскими мурзами, нѣмецкими, шотландскими, даже польскими полковниками. Изъ нихъ составили подходящій подборъ лицъ [3]). Всѣхъ ихъ почтили званіемъ представителей земли русской, и они всѣ, по крайней мѣрѣ на бумагѣ, участвовали въ дѣяніяхъ новаго правительства, во всѣхъ безъ разбора: въ постановленіяхъ судебнаго и административнаго характера, какъ и въ дипломатическихъ сношеніяхъ, въ которыя они навѣрное не вмѣшивались [4]).

Но это не важно. Даже и такимъ, каковъ онъ былъ, этотъ мнимый парламентъ сдѣлалъ много хорошаго и важнаго дѣла, а многія ли болѣе правильно учрежденныя собранія могутъ этимъ похвастаться передъ исторіей?—Повторяю, мы все-таки очень плохо освѣдомлены о происходившемъ въ Ярославлѣ; само продолжительное пребываніе Пожарскаго въ этомъ городѣ для насъ загадка. Очень хорошо сдѣлали, что упредили Заруцкаго на сѣверѣ; но особенно необходимо было не дать Сигизмунду упредить себя подъ Москвой. Ко-

---

[1]) Акты Археогр. Эксп., II, № 203.

[2]) Акты Истор., III, № 6; Собраніе Гос. гр. и дог., III, №№ 13, 15, 24.

[3]) Акты Истор., Дополн. I, № 164, стр. 286.

[4]) Платоновъ, Замѣтки по исторіи земскихъ соборовъ, Журн. М. Нар. Пр. мартъ 1883; сравни Латкинъ, Земскіе Соборы, 118; Щаповъ, „Отеч. Зап.", 1861, XI, 106.

роль долженъ былъ прибыть; вѣрные ему бояре получали на этотъ счетъ изъ Варшавы вполнѣ опредѣленныя обѣщанія [1]); польскій гарнизонъ въ столицѣ и войска Ходкевича творили чудеса твердости и терпѣнія только въ надеждѣ на близкую помощь, которая могла бы снова привести къ удивительному успѣху въ родѣ Клушинскаго чуда, если бы Жолкѣвскій опять принялъ на себя командованіе.

Большинство историковъ строго осуждало медлительность диктатора; вѣроятно, у него не хватило рѣшимости; но вполнѣ возможно, что онъ сомнѣвался въ своихъ силахъ, чтобы одновременно сражаться съ поляками, казаками и шведами. По нѣкоторымъ указаніямъ можно догадываться, что Заруцкій своими переходами старался задержать движеніе новаго ополченія. Какъ будто любовникъ Марины уже въ это время подумывалъ о соглашеніи съ ея соотечественниками; Пожарскій долженъ былъ отряжать полки, чтобы прикрывать Троице-Сергіеву лавру отъ казаковъ, съ которыми монастырь теперь собирался окончательно порвать сношенія [2]). Пожарскому приходилось хлопотать одновременно и о пополненіи своихъ силъ и о раздѣленіи силъ противниковъ. Но онъ не торопился и потому, что въ этой странѣ никогда не было обычая спѣшить, чѣмъ и доставилъ Польшѣ послѣдній случай попытать счастья. Польша опять осталась глухой, и такимъ образомъ крайне опасная для ополченцевъ медлительность въ движеніяхъ послужила имъ только на пользу. Безтолковые противники—всегда самые лучшіе помощники.

На пути изъ Нижняго Новгорода въ Ярославль, когда ихъ восторженно встрѣчали въ Балахнѣ и Костромѣ, Пожарскій и召 Mининъ получили письмо, въ которомъ Заруцкій и Трубецкой съ товарищами признавали „заблужденіемъ“ свою присягу Сидоркѣ и предлагали свои услуги для „очищенія родины“. Это былъ первый явный признакъ успѣха; но самое обращеніе еще показалось подозрительнымъ; временное правительство ни на мигъ не подумало тогда воспользоваться имъ, развѣ только для того, чтобы получше скрыть свои чувства и свои намѣренія. Оно объявило казакамъ, что готово двинуться на помощь имъ, а само не двигалось; точно такъ же отнеслось оно и къ гражданамъ Новгорода; оно отпра-

---

[1]) Hirschberg, Polska a Moskwa, стр. 351.
[2]) Собраніе Гос. грам., II, 281.

вило къ нимъ по собственному почину посольство, чтобы убѣдить ихъ, что ополченцы готовы дѣйствовать заодно съ ними и признать кандитатуру шведскаго принца, если онъ приметъ православіе.

Одновременно, съ мая по іюнь 1612 г., правительство развивало и расширяло свою организацію, постоянно сносясь съ областями, требуя отъ нихъ подкрѣпленій, сосредоточивая въ своихъ рукахъ управленіе ими. Оно вызвало Кирилла, удаленнаго на покой митрополита ростовскаго и ярославскаго, и, присоединивъ къ нему нѣсколькихъ духовныхъ лицъ, создало „освященный соборъ“ въ маломъ видѣ, какой по правиламъ подъ предсѣдательствомъ патріарха засѣдалъ во главѣ всѣхъ соборовъ москвитянъ. Два присутствующихъ боярина, В. П. Морозовъ и В. Т. Долгорукій, изображали ядро будущей Думы, а Мининъ налаживалъ дѣятельность изряднаго числа приказовъ.

Время дѣлало свое дѣло и лучше всего помогало этимъ новымъ „собирателямъ земли русской“. Новгородцы упорно стояли на своемъ и, въ свою очередь, отвѣтили присылкой посольства; очевидно, стороны далеко еще не успѣли сговориться. Но подъ Москвой и во Псковѣ дѣла принимали благопріятный оборотъ. Сидорка, въ виду враждебнаго отношенія жителей, возмущенныхъ его насильничествомъ, 18 мая ночью бѣжалъ безъ шапки на неосѣдланной лошади; его поймали и повели въ Москву. Смерть его приключилась при очень загадочныхъ обстоятельствахъ: можетъ быть, послѣ судебнаго разбирательства онъ былъ посаженъ на колъ своими ненадежными подданными, а то и просто убитъ по пути въ Москву сопровождавшими его казаками [1]).

Событіе это, несомнѣнно, вызвало новый отливъ людей изъ войска, стоявшаго подъ стѣнами столицы. Второй или третій Лжедимитрій еще имѣлъ среди нихъ сторонниковъ, а Заруцкій, навязывая его своимъ товарищамъ, поссорился съ Трубецкимъ. Возможно, что Палицынъ, отвернувшись отъ казаковъ, постарался въ то время, какъ самъ похвалялся, сдѣлать разладъ очевиднымъ и этимъ ускорить выступленіе въ походъ Пожарскаго. Въ концѣ іюля Ходкевичъ приближался къ Москвѣ, и въ самомъ дѣлѣ было рѣшено

---

[1]) Псковская лѣтопись (Полн. собр. лѣт. V, 330). Widekind, 353. Костомаровъ. Смутное время, III, 263.

выступать изъ Ярославля. Но открытіе заговора, зачинщики котораго до сихъ поръ неизвѣстны, вызвало новую задержку. Диктаторъ избѣжалъ кинжала убійцы и посвятилъ нѣсколько недѣль на разслѣдованіе по всѣмъ правиламъ. Но волею судебъ онъ всегда выигрывалъ драгоцѣнное время, когда казалось, что онъ его тратитъ.

Когда Ходкевичъ остановился подъ Рогачевымъ, Заруцкій рѣшился вступить въ переговоры съ этимъ польскимъ военачальникомъ. Его положеніе въ казачьемъ стану явно становилось невыносимымъ, и онъ самъ отказывался отъ своего плана вернуть Маринѣ корону. Соглашеніе почти устанавливалось, когда эти козни открылись, теперь уже безнадежно повредивъ положенію атамана и оставивъ ему одинъ только выходъ — бѣгство [1]). Приблизительно съ 2.500 еще вѣрными ему казаками онъ отправился въ Коломну за Мариной и воренкомъ и водворился съ ними въ Михайловѣ Рязанской области.

Трубецкой тотчасъ же послалъ въ Ярославль новыя увѣренія въ своей преданности общему дѣлу, а у Пожарскаго уже не было прежнихъ поводовъ къ недовѣрію, но, можетъ быть, у него оставались гораздо болѣе убѣдительные доводы—сомнѣніе въ способности его ополченцевъ сразиться лицомъ къ лицу съ эскадронами Ходкевича, хотя уже сильно умалившимися въ составѣ. Выступивъ, онъ подвигался дѣйствительно медленно, маленькими переходами, лично посѣтилъ могилы своихъ предковъ въ Суздалѣ и только 14 августа былъ у Троицы, гдѣ опять назначилъ остановку; здѣсь, получивъ предложеніе принять на службу Якова Маржерета, Пожарскій отказалъ ему безъ особенно уважительной причины. Французскій партизанъ побывалъ-де на службѣ у черезчуръ многихъ партій; но вѣдь и большинство москвитянъ поступало такъ же. Скоро диктатору пришлось сбавить свои требованія.

Наконецъ, 18-го августа, послѣ торжественнаго служенія у гроба преп. Сергія и благословенія архимандрита, ополченія тронулись къ Москвѣ; монахи двинулись вмѣстѣ съ ними крестнымъ ходомъ съ церковными пѣснопѣніями. Но порывъ вѣтра чуть было не испортилъ всего дѣла,—вѣтеръ подулъ

---

[1]) Krajewski, Chronologia wojny moskiewskiej, 44—49; Никон. лѣт., VIII, 188; Historya Jana Karola Chodkiewicza, II, 15—16.

съ юга: дурное предзнаменованіе! Сдѣлали остановку, спрашивали монаховъ, обратились съ молитвами къ иконамъ преп. Сергія и Никона; къ счастью, ихъ чудотворная сила проявила себя: вѣтеръ перемѣнился; лица прояснились; сердца прониклись упованіемъ. Теперь безъ задержекъ приблизились къ столицѣ.

Но Пожарскій все еще не успокоился. Онъ помнилъ участь Ляпунова, и полчища голытьбы, бывшія подъ начальствомъ Трубецкого, наводили на него страхъ. Онъ скоро познакомился съ этой голытьбой, но не такъ, какъ онъ ожидалъ.

II. Месть голытьбы.

Ополченіе расположилось на Яузѣ, въ пяти верстахъ отъ Москвы. Трубецкой предложилъ ополченцамъ квартиры въ своемъ станѣ. Передъ появленіемъ Ходкевича слѣдовало соединиться, чтобы дать ему отпоръ. Пожарскій рѣшительно отказался, и казаки разсердились. Послѣ того, какъ столь долгое время это новое ополченіе подвергало своихъ братьевъ, своихъ естественныхъ союзниковъ опасности быть уничтоженными силами поляковъ, оно теперь покидало ихъ на глазахъ непріятеля! Несомнѣнно, въ этомъ обнаруживалась чрезмѣрная осторожность, съ одной стороны, и большой рискъ, съ другой; но Ходкевичъ оказался не въ силахъ воспользоваться этой ссорой. Онъ и самъ-то опоздалъ только потому, что поджидалъ подкрѣпленій, которыя постоянно обѣщали, но все еще не присылали. Въ іюнѣ онъ могъ бы еще, отдѣливъ отъ смоленскаго гарнизона отрядъ въ три тысячи человѣкъ, пополнить силами и снабдить припасами осажденныхъ въ Москвѣ; но въ это время Гонсѣвскій передалъ командованіе Струсю, и среди его людей вспыхнулъ бунтъ. Ходкевичу не удалось сохранить для себя ни одного изъ нихъ, и онъ принужденъ былъ отступить къ Вязьмѣ, гдѣ надѣялся встрѣтить короля и Жолкѣвскаго. Но у короля не было денегъ, а побѣдитель при Клушинѣ отказался отъ командованія войсками, не получавшими содержанія. Предоставленный своимъ силамъ, Ходкевичъ дѣлалъ невѣроятныя усилія, чтобы упредить Пожарскаго подъ Москвой, но прибылъ только сутки спустя послѣ него и привелъ съ собой мало людей: пятнадцать эскадроновъ плохо вооруженной литовской арміи, нѣсколько ротъ пѣхоты, остатки польскаго войска, бывшаго

въ Тушинскомъ станѣ — всего около 600 лошадей, и немного казаковъ польской украйны; это была плохая армія [1]). Весь ея наличный составъ внушалъ такъ мало опасеній, что Пожарскій счелъ возможнымъ обойтись безъ помощи казаковъ и жестоко поплатился за это.

22 августа произошла первая стычка; казаки Трубецкого смотрѣли на нее безучастными зрителями; всего нѣсколько сотенъ бросились въ сѣчу, вопреки полученнымъ приказаніямъ,—и рѣшительный перевѣсъ оказался на сторонѣ поляковъ. Перейдя Москву-рѣку, Ходкевичъ провелъ въ Кремль четыреста телѣгъ съ провіантомъ, а оба слѣдующіе дня оказались еще болѣе пагубными для ополченцевъ. Поддерживаемый вспомогательнымъ отрядомъ, польскій гарнизонъ дѣлалъ удачныя вылазки, оттѣснилъ въ самую рѣку часть войскъ Пожарскаго и отнялъ два укрѣпленія у казаковъ Трубецкого. Диктаторъ принужденъ былъ сознаться въ своей ошибкѣ. По численности и силѣ голытьба, хоть голытьба, а все-таки оказывалась необходимой. Прибѣгая къ ея содѣйствію, Ляпуновъ покорялся необходимости, и, если ему пришлось при этомъ плохо, такъ только потому, что онъ не сумѣлъ хорошо обставить этотъ элементъ, который все-таки до нѣкоторой степени подчинялся дисциплинѣ, какъ вскорѣ показало время,—отчасти и потому, что Ляпуновъ не удѣлилъ должнаго вниманія его вполнѣ законнымъ вожделѣніямъ и не отвлекъ этимъ его грозной энергіи отъ обманчивыхъ мечтаній, сбивавшихъ его съ пути.

Теперь сближеніе между разрозненными борцами за одно и то же дѣло становилось необходимымъ; разладъ между ними грозилъ повредить его успѣху. Впослѣдствіи Палицынъ приписывалъ себѣ честь его улаженія. Благодаря именно ему, тотчасъ послѣ общихъ пораженій, плохо вооруженная, полуголая, босоногая, въ однѣхъ рубахахъ, голытьба ринулась на поляковъ, призывая на помощь св. Сергія, и массой своихъ тѣлъ, какъ таранами, сломила тяжелые эскадроны гусаръ [2]). Однако, другіе источники при-

[1]) Hist. J. K. Chodkiewicza, II, 31 и слѣд.; Костомаровъ, Смутное время, III, 272; численность казаковъ, восемь тысячъ, указываемая этимъ русскимъ историкомъ, несомнѣнно, преувеличена.

[2]) Палицынъ. Сказаніе объ осадѣ Тр.-Серг. мон., 241. Свидѣтельство келаря подтвердилъ только его преемникъ Симонъ, который слѣдовалъ его внушенію въ своемъ полномъ грубыхъ ошибокъ разсказѣ. См. выдержки изъ „Хронографа кн. Оболенскаго“ въ Архивѣ юрид. знаній Калачева, I, 36.

писываютъ Минину важнѣйшую часть этого неожиданнаго успѣха. По указанію польскаго перебѣжчика, ему удалось съ нѣсколькими сотнями ополченцевъ захватить непріятеля врасплохъ, а возникшая отъ этого въ непріятельскихъ рядахъ паника открыла дорогу казакамъ Трубецкого.

Побѣда, впрочемъ, не была еще рѣшительной. Ходкевичъ отступилъ, но Струсь еще сидѣлъ въ Кремлѣ, и всегда можно было ожидать вмѣшательства Сигизмунда. Съ другой стороны, союзъ между побѣдителями просуществовалъ только, пока они одерживали побѣду. Пожарскій и Трубецкой лично еще не видались; начальникъ голытьбы, спесивясь своимъ званіемъ боярина, выжидалъ, чтобы диктаторъ посѣтилъ его, а тотъ боялся западни и издавалъ грамоты, въ которыхъ прямо приписывалъ вчерашнимъ союзникамъ намѣреніе убить его, Пожарскаго. Голытьба, говорилъ онъ, ожидала только этого удобнаго случая, чтобы наброситься на ополченцевъ, перебить и ограбить ихъ, а затѣмъ, оставивъ поляковъ въ Москвѣ, разойтись для опустошенія сѣверныхъ областей.

Онъ несомнѣнно преувеличивалъ. Преувеличенія были неизбѣжны въ оффиціальныхъ документахъ того времени. Въ то же время казаки дѣйствительно какъ будто покушались, если не открыто вредить ополченцамъ, то, въ свою очередь, покинуть ихъ и перекочевать подальше. Это была голытьба, и она жаловалась, что умираетъ съ голоду. Но она только-что проявила свой героизмъ, и она сознавала это. Снова вмѣшался преп. Сергій, т. е. архимандритъ Діонисій либо Палицынъ. Получивъ изъ Троицкой лавры жалованье не деньгами,—ихъ бы они, конечно, взяли,—а церковной утварью на тысячу рублей, казаки героически отказались отъ такой милостыни, обѣщаясь служить и такъ. Затѣмъ, когда устроилось свиданіе начальниковъ обоихъ лагерей на нейтральной почвѣ, на р. Неглинной, они побратались съ ополченцами, и новыя грамоты, разсылаемыя съ двумя подписями, кн. Трубецкого и кн. Пожарскаго, возвѣстили объ окончаніи раздора [1]).

Теперь, казалось, вплотную подошли къ цѣли, а между тѣмъ она опять отодвинулась. Пожимая руку соперника,

---

[1]) Временникъ Общ. ист. и древн. росс., XII, 129; Никон. лѣт., VIII, 195; Кедровъ, „Русск. Архивъ", 1886, VIII, стр. 504.

диктаторъ считалъ обезпеченнымъ обладаніе сѣверными областями, но онѣ ускользнули отъ обоихъ полководцевъ: покинувъ Ходкевича, казаки польской украйны проникли въ эту область, внезапно захватили Вологду и разграбили ее. Съ другой стороны, несмотря на всѣ соблазнительныя предложенія, — обѣщаніе отпустить въ Польшу всѣхъ, кто не пожелаетъ служить въ Московіи, посулы большихъ выгодъ за эту службу, — польскій гарнизонъ Кремля все еще ничего не хотѣлъ слушать. Сопротивленіе Струся и его товарищей, продлившись до ноября 1612 года, искупило бы много польскихъ ошибокъ, если бы, доводя военную доблесть до крайнихъ предѣловъ, эти дивные воины не перешли предѣловъ допустимаго для цивилизованнаго человѣчества.

III. Послѣдніе дни поляковъ въ Кремлѣ.

Поляки упорно ожидали короля и, судя по ихъ поведенію, несмотря на самыя ужасныя испытанія, не теряли душевной твердости. На предложенія противниковъ они отвѣчали бранью и насмѣшками. Виданное ли дѣло, чтобы дворяне сдавались скопищу мужиковъ, торгашей и поповъ! Они отсылали воиновъ Трубецкого къ сохамъ, ополченцевъ Пожарскаго въ церковь, а Козьму Минина къ его мясному промыслу [1]). А между тѣмъ около половины октября они увѣдомили Ходкевича, что у нихъ съѣстные припасы изсякли; тогда предполагали, что они преувеличиваютъ свои лишенія; можетъ быть, это и было такъ, вѣдь дисциплина очень ослабѣла съ появленіемъ Струся въ Кремлѣ. Но вскорѣ затѣмъ, когда Ходкевичъ уже не могъ помогать имъ, поляки говорили сущую правду, утверждая, что съѣли послѣдній кусокъ хлѣба. И все-таки они еще сопротивлялись, питаясь крысами и кошками, травой и кореньями. Преданіе говоритъ, что они пользовались для приготовленія пищи греческими рукописями, найдя большую и безцѣнную коллекцію ихъ въ архивахъ Кремля. Вываривая пергаментъ, они добывали изъ него растительный клей, обманывавшій ихъ мучительный голодъ [2]).

Когда эти источники изсякли, они выкапывали трупы, потомъ стали убивать своихъ плѣнниковъ, а съ усиленіемъ горячечнаго бреда дошли до того, что начали пожирать

---

[1]) Будзило, Русск. Ист. Библ., I, 326.
[2]) Brückner, Przegląd Polski, Krakow, 1900, CXXXVII, 194.

другъ друга; это—фактъ, не подлежащій ни малѣйшему сомнѣнію:—очевидецъ Будзило сообщаетъ о послѣднихъ дняхъ осады невѣроятно ужасныя подробности, которыхъ не могъ выдумать, тѣмъ болѣе, что во многомъ повторялось то же, что происходило въ этой несчастной странѣ нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ во время голода. Будзило называетъ лицъ, отмѣчаетъ числа: лейтенантъ и гайдукъ съѣли каждый по двое изъ своихъ сыновей; другой офицеръ съѣлъ свою мать! Сильнѣйшіе пользовались слабыми, а здоровые — больными. Ссорились изъ-за мертвыхъ, и къ порождаемымъ жестокимъ безуміемъ раздорамъ примѣшивались самыя удивительныя представленія о справедливости. Одинъ солдатъ жаловался, что люди изъ другой роты съѣли его родственника, тогда какъ по справедливости имъ должны были питаться онъ самъ съ товарищами. Обвиняемые ссылались на права полка на трупъ однополченца, и полковникъ не рѣшился круто прекратить эту распрю, опасаясь, какъ бы проигравшая тяжбу сторона изъ мести за приговоръ не съѣла судью. Будзило увѣряетъ, что возникало много подобныхъ дѣлъ; томясь голодомъ, наполняя ротъ кровавой грязью, по словамъ записокъ, обгладывая себѣ руки и ноги, грызя камни и кирпичи [1]), всѣ эти люди, несомнѣнно, впадали въ безуміе! Войны обыкновенно вызываютъ одичаніе, но нигдѣ въ другихъ странахъ, даже во время жестокихъ войнъ XVI и XVII вѣковъ, не бывало въ новой исторіи такого людоѣдства. А между тѣмъ вполнѣ естественно, что эта осада оказалась исключеніемъ изъ общаго уровня: она подвергала жесточайшимъ испытаніямъ людей, которые долгое время находились въ соприкосновеніи съ варварскимъ еще обществомъ, пришедшимъ въ состояніе полнаго разложенія; это соприкосновеніе способно было убить въ нихъ всѣ возвышенныя побужденія, прививаемыя цивилизаціей; къ тому же эту осаду нельзя считать только простымъ военнымъ предпріятіемъ. Для осажденныхъ 1612 года Кремль служилъ „плотомъ Медузы“ [2]), на которомъ носилась надъ бездной ихъ жизнь, судьба ихъ и вмѣстѣ съ нею судьба

---

[1]) Будзило, Русск. Ист. Библ., I, 279, 347; Никон. лѣт., VIII, 197; Мухановъ, Сборникъ, 303 и слѣд.; Собраніе Гос. грам. II, №№ 226—257.

[2]) Послѣ кораблекрушенія пассажиры „Медузы“ искали спасенія на плоту; ихъ отчаянное положеніе изображено на знаменитой картинѣ Жерико „Плотъ Медузы“, находящейся въ Люксембургскомъ музеѣ въ Парижѣ.

Прим. перев.

ихъ родины. Поляки имѣли полное основаніе не полагаться на условія сдачи, которыя имъ предлагали, а иные изъ нихъ, хотя и смутно, чувствовали, что съ польскимъ знаменемъ, развѣвающимся надъ этимъ древнимъ городомъ Московіи, связана судьба обоихъ народовъ, со славной будущностью, властью и богатствомъ, со всѣмъ, о чемъ они мечтали, вступая на эту почву, теперь ускользавшую изъ-подъ ихъ ногъ; цѣпляясь за нее съ безуміемъ отчаянія, эти восторженные воины или отчаянные игроки боролись и отбивались слѣпо, безумно и безпощадно.

Они ждали своего короля, прислушиваясь къ вѣстямъ объ его прибытии подъ Смоленскъ съ королевичемъ и двумя полками нѣмецкой пѣхоты для подкрѣпленія стоявшаго уже въ окрестностяхъ этого города отряда кавалеріи. Въ посланіи московскимъ боярамъ Сигизмундъ ссылался на нездоровье Владислава, которое будто бы задержало его пріѣздъ. А кавалерія, со своей стороны, ожидала раздачи жалованья за четверть года и, не получивъ его, отказалась идти дальше. Послѣ долгихъ переговоровъ Сигизмундъ выступилъ впередъ только со своими наемниками и нѣсколькими эскадронами гусаръ или легкой конницы своей гвардіи. При выѣздѣ его изъ города „царскія ворота" сорвались съ петель и съ грохотомъ упали, загородивъ дорогу государю; ему пришлось выбраться другимъ путемъ; такъ, по крайней мѣрѣ, разсказывали въ то время. Дорогой къ нему присоединился Адамъ Жолкѣвскій, племянникъ гетмана, съ отрядомъ конницы въ 1.200 лошадей; король прибылъ въ Вязьму въ концѣ октября. Было уже слишкомъ поздно!

22-го октября казаки Трубецкого взяли приступомъ Китай-городъ. Въ Кремлѣ поляки продержались еще нѣсколько дней, приказавъ сидѣвшимъ съ ними боярамъ выслать своихъ женъ. Между осаждавшими вспыхнули новыя ссоры, что подало полякамъ немного надежды и маленькую отсрочку. Пожарскій намѣревался съ честью принять выпущенныхъ боярынь, запрещая грабить и оскорблять ихъ, но голытьба воспротивилась этому. Раздались крики: „Долой измѣнника!" Среди взбунтовавшагося лагеря возставалъ окровавленный призракъ Ляпунова. Но диктаторъ не поддался казакамъ. Плотно окруженный и хорошо охраняемый, онъ не боялся никакого нападенія, и 26-го октября поляки сдались. Бояре первые вышли изъ крѣпости; когда они переходили Неглин-

ный мостъ, Пожарскому пришлось опять вступиться и защищать ихъ. Тутъ былъ цвѣтъ московской аристократіи—князья Ф. И. Мстиславскій и И. М. Воротынскій, двое Романовыхъ, Иванъ Никитичъ съ племянникомъ Михаиломъ, будущимъ царемъ, и его мать. Поляковъ подѣлили между обоими лагерями, поручившись имъ всѣмъ за сохраненіе жизни, но очень немногіе уцѣлѣли изъ тѣхъ, которые достались Трубецкому. Принадлежавшій къ числу счастливцевъ Будзило увѣряетъ, что сами ополченцы Пожарскаго принимали участіе въ рѣзнѣ; сосланная въ Галичъ рота Будзило, дѣйствительно, погибла тамъ до послѣдняго. Самъ капитанъ былъ сосланъ отдѣльно отъ своихъ людей въ Нижній-Новгородъ, гдѣ въ теченіе девятнадцати недѣль страдалъ въ ужасномъ застѣнкѣ [1]). Андронова подвергли пыткѣ, и ему пришлось расплачиваться за разграбленіе Кремля, слѣды котораго нашли послѣ сдачи поляковъ.

На другой день (23-го) два крестныхъ хода—одинъ изъ церкви Казанской Божіей Матери, а другой отъ Ивана Великаго, отряды ополченцевъ и казаковъ сошлись на Лобномъ мѣстѣ (Красной площади), гдѣ архимандритъ Троицкой лавры отслужилъ благодарственный молебенъ; сюда же крестнымъ ходомъ прибыло духовенство, неся съ собою икону Владимірской Божіей Матери. При видѣ этой неоцѣненной иконы, которую считали погибшей, изрубленной поляками, все множество народа зарыдало. Затѣмъ войско и народъ вошли въ священную ограду Кремля, изъ которой удалось, наконецъ, изгнать поляковъ,—и радость смѣнилась скорбью передъ раздирающимъ душу зрѣлищемъ: разрушенныя и оскверненныя церкви, поруганныя и обезображенныя иконы, а въ подвалахъ склады внушающей ужасъ провизіи: омерзительное крошево, въ которомъ воображеніе кое-кого изъ москвитянъ рисовало себѣ части тѣла друга или родственника!

Торжественная обѣдня и благодарственный молебенъ въ Успенскомъ соборѣ завершили этотъ день. Такой же день древней столицѣ пришлось вновь пережить ровно черезъ двѣсти лѣтъ, послѣ отступленія Наполеона.

Москва была возвращена москвитянамъ. Но Сигизмундъ все еще подвигался впередъ. Соединившись подъ Вязьмой съ Ходкевичемъ, онъ осадилъ Погорѣлое-Городище; на свои

---

[1]) Платоновъ, Очерки, 558.

предложенія сдаться онъ получилъ отъ воеводы кн. Юрія Шаховского такой отвѣтъ, что онъ могъ его принять за поощреніе: „Идите къ Москвѣ; если столица будетъ вашей, я тоже буду вашъ". Король послушался этого совѣта и изъ Волоколамска послалъ къ воротамъ города небольшой отрядъ своихъ войскъ съ двумя парламентерами. Эту обязанность согласились еще взять на себя бывшій членъ великаго посольства кн. Данило Мезецкій и дьякъ Грамотинъ.

И Москва, возвращенная москвитянамъ, испугалась! Ополченцы и казаки уже разсѣялись; поэтому первыя вѣсти отъ Мезецкаго и Грамотина внушили Сигизмунду полную увѣренность: изъ ополченія Пожарскаго осталось только двѣ тысячи дворянъ и съ ними четыре тысячи казаковъ [1]). Однако, благодаря дѣятельному вмѣшательству диктатора и Минина столица держалась твердо. Приближеніе зимы додѣлало остальное. Испытавъ силы своей маленькой арміи на плохихъ стѣнахъ Волоколамска и потерявъ напрасно много людей послѣ нѣсколькихъ отчаянныхъ приступовъ, король, въ свою очередь, испугался грозившей впереди опасности начать гораздо болѣе трудную осаду подъ угрозой холода и голода; тотъ же Мезецкій быстро повернулъ въ сторону болѣе праваго дѣла и, перемѣнивъ свою обязанность, извѣстилъ своихъ соотечественниковъ, что поляки уходятъ.

За этой счастливой вѣстью послѣдовала другая. Покинувъ Михайловъ, Заруцкій былъ разбитъ М. М. Бутурлинымъ и бѣжалъ лишь съ горстью приверженцевъ.

Теперь временное правительство поняло, что его задача исполнена, и что ему слѣдуетъ увѣнчать дѣло, давъ странѣ то, чего ей еще не доставало—государя. Еще въ Ярославлѣ поговаривали о томъ, что надо приступить къ избранію царя, но необходимость преградить путь Ходкевичу, приближавшемуся къ столицѣ, оказалась болѣе неотложной. Пожарскій и Мининъ притомъ благоразумно отступали передъ отвѣтственностью, которую они взяли бы на себя со своимъ „земскимъ совѣтомъ", въ сущности временнымъ военнымъ учрежденіемъ. Черезъ двѣ недѣли послѣ сдачи поляковъ новыя окружныя грамоты призывали области къ выбору болѣе полноправныхъ представителей [2]).

---

[1]) Hirschberg. Polska a Moskwa, стр. 361.

[2]) Акты Ист., Дополненія, I, № 166.

IV. Избирательный соборъ въ Москвѣ.

Ни одной изъ этихъ грамотъ не сохранилось; мы еще не знаемъ, ни обстановки, при которой происходили выборы уполномоченныхъ, ни характера самыхъ полномочій. Мы знаемъ только [1]), что временное правительство совѣтовало избрать и прислать „лучшихъ и самыхъ разумныхъ людей“. Обращеніе ко всеобщему голосованію совсѣмъ невѣроятно. Ни въ одномъ подобномъ этому собраніи того времени не находимъ его слѣдовъ. Болѣе вѣроятно участіе мѣстныхъ властей. Опираясь на указанія, которыя даютъ подписи подъ избирательной грамотой Михаила Θеодоровича Романова [2]), дѣлали заключеніе, что представительство организовалось по сословіямъ. Дѣйствительно, расписывались за цѣлыя группы населенія. Такъ, Федоръ Дьяковъ расписался „за всѣхъ выборныхъ дворянъ, городскихъ и уѣздныхъ людей [3])“. Но это сомнительно; другіе историки [4]), напротивъ, предполагаютъ, что выборщики руководились только личными достоинствами кандидатовъ. Городъ Кашинъ, напр., прислалъ только одного выборнаго, монаха Порфирія. Тверь имѣла представителями двухъ архимандритовъ, нѣсколькихъ дворянъ и горожанъ. Но можно допустить также [5]), что монахъ Порфирій былъ представителемъ одного только кашинскаго духовенства, такъ какъ нѣкоторыя мѣстности роскошно и полно организовывали свое представительство, другія—обезлюдѣвшія вслѣдствіе войны и приведенныя въ состояніе полной анархіи—могли снарядить одного уполномоченнаго, или вовсе никого не присылали.

Можно сомнѣваться даже въ подлинности указанныхъ подписей. Въ самомъ дѣлѣ, избирательная грамота помѣчена маемъ 1613 г., тогда какъ Михаилъ былъ избранъ въ февралѣ; далѣе, среди 277 подписавшихся князь Д. М. Пожарскій, И. Б. Черкасскій, И. Н. Одоевскій и Б. М. Салтыковъ являются здѣсь въ чинѣ бояръ, а между тѣмъ они получили его только впослѣдствіи,—оба первыхъ въ іюлѣ, а двое другихъ въ декабрѣ этого года. Строго говоря, этотъ

---

[1]) Собраніе Гос. грам. и дог., III, 1.
[2]) Собр. Гос. грам. и дог., I, № 03.
[3]) Загоскинъ. Исторія права Моск. гос., I, 239.
[4]) Бѣляевъ, Земскіе соборы, стр. 27.
[5]) Таково мнѣніе Сергѣевича, въ Сборникѣ Гос. знаній, II, 18.

документъ не имѣетъ никакой исторической цѣнности. Предназначенный служить протоколомъ великаго событія, онъ въ значительной части состоитъ изъ буквальной копіи избирательной грамоты Годунова; самая рѣчь, которую произнесъ передъ Борисомъ патріархъ Іовъ, влагается здѣсь въ уста архіепископа Ѳеодорита, обращающагося къ Михаилу.

Составъ этого знаменитаго собранія тоже представляется очень неяснымъ. Подписи соотвѣтствуютъ представительству пятидесяти городовъ и уѣздовъ на пространствѣ отъ береговъ Сѣверной Двины къ югу до Оскола и Рыльска, отъ Осташкова Тверской области до Казани и Вятки на востокѣ. Однако, изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что присутствовалъ и представитель г. Торопца, хотя ни одна подпись не свидѣтельствуетъ объ этомъ. Отъ представителей Новгорода имѣются четыре подписи, а другіе документы сообщаютъ о девятнадцати представителяхъ этого города—попахъ, горожанахъ и стрѣльцахъ [1]).

277 болѣе или менѣе достовѣрныхъ подписей принадлежатъ людямъ всѣхъ классовъ, съ казаками включительно, только за исключеніемъ крестьянъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ, и холоповъ; но количественнаго соотношенія этихъ элементовъ нельзя учесть. Служилые люди выступаютъ въ огромномъ большинствѣ, а казаковъ очень мало; но это указаніе только ослабляетъ вѣру въ подлинность документа, такъ какъ установившееся преданіе упорно настаиваетъ на томъ, что товарищи Трубецкого имѣли очень важное, даже преобладающее вліяніе на соборѣ; поляки называли Михаила ихъ избранникомъ, и даже въ 1614 году шведскій генералъ Горнъ писалъ новгородцамъ, что и тогда казаки распоряжались въ Москвѣ какъ хозяева [2]).

Несомнѣнно, что большинство областей неторопливо откликалось на призывы временнаго правительства, поэтому нѣкоторые историки пришли къ догадкѣ, что будто бы за ноябрьскимъ собраніемъ послѣдовалъ новый созывъ выборныхъ въ январѣ 1613 г. Но если въ этомъ смыслѣ можно истолковать одно письмо Гонсѣвскаго, все-таки нельзя допу-

---

[1]) Акты Историч., Дополненія, I, № 166; Собраніе Гос. грам. и дог., I, № 203; Дворцовые разряды, I, 1083—1086.

[2]) Акты Ист., Дополн., II, 30. Срав. Забѣлинъ,召 Мининъ и Пожарскій, стр. 299; Платоновъ, Журн. Мин. Нар. Просв., мартъ 1883, стр. 10—11; Латкинъ, Земскіе соборы, стр. 122 и слѣд.

стить возобновленія въ такой короткій срокъ столь сложной процедуры; объ этомъ не упоминаетъ ни одинъ русскій источникъ.

Когда именно открылся этотъ новый соборъ и замѣнилъ совѣтъ, который учрежденъ былъ въ Ярославлѣ, тоже невозможно установить. Первый извѣстный намъ признакъ его жизни проявился не ранѣе января 1613 года,—въ выраженіи благодарности начальнику голытьбы: князю Трубецкому пожаловали область Вагу, отобранную у Салтыкова. Но и эти числа сомнительны. Опять-таки эта щедрая награда, несомнѣнно, состоялась въ теченіе того же года и еще разъ указываетъ на весьма высокое положеніе, которое сохраняли за собой въ Москвѣ казаки, сдерживаемые, правда, и до нѣкоторой степени дисциплинируемые силами противниковъ смуты. Въ самомъ дѣлѣ, съ Пожарскимъ хуже обращались. Наградивъ его гораздо позже боярскимъ чиномъ, самъ Михаилъ, должно быть, считалъ, что покончилъ съ нимъ всѣ свои счеты. Только съ возвращеніемъ Филарета бывшій диктаторъ былъ снова вознагражденъ за свои подвиги увеличеніемъ своихъ и безъ того обширныхъ вотчинъ. Впрочемъ, карьера обоихъ дѣятелей была уже окончена. Съ 1614 г. Пожарскій поступилъ въ ряды служилыхъ людей, а за мѣстническіе счеты съ Борисомъ Салтыковымъ былъ даже наказанъ „выдачей головой“ своему противнику, довольно темной личности. Трубецкой принималъ участіе въ походѣ 1618 года противъ поляковъ и ничѣмъ не отличился. Что касается Минина, онъ просто исчезъ, безъ сомнѣнія, возвращенный на прежнее положеніе, какъ того желали поляки [1]).

Допустимо, что вслѣдствіе большихъ разстояній и трудности сообщенія выборные съѣзжались понемногу, постепенно, и за все время продолжительныхъ совѣщаній, тянувшихся нѣсколько мѣсяцевъ, намѣчаемый Платоновымъ кворумъ въ семьсотъ человѣкъ не могъ ни разу состояться, тѣмъ болѣе, что, за неимѣніемъ въ Москвѣ зданія подходящихъ размѣровъ, мѣстомъ засѣданій назначили Успенскій соборъ, который тоже съ трудомъ могъ вмѣстить такое множество людей. Совѣщанія были довольно бурны и продолжительны, хотя ни одинъ отзвукъ этихъ бурь не про-

---

[1]) Собраніе Гос. грам. и дог., III, № 48 и 56; сравн. Waliszewski, Ivan le Terrible, 67; Древняя Росс. Вивліоѳика, изд. 1896 г. III, IV, ч. 8-ая, стр. 113.

никъ въ оффиціальные документы. Но, если они такъ медлили съ установленіемъ согласія между собою, должно быть, они жестоко и упорно спорили. Вначалѣ слишкомъ многаго недоставало собранію, чтобы хоть приблизиться къ соглашенію. Было рѣшено, что будущій государь „будетъ дарованъ Богомъ“, но, несмотря на горячія молитвы и строгіе посты, вдохновеніе свыше заставляло себя ждать.

Изъ среды бояръ сперва послышались голоса, напоминавшіе о присягѣ Владиславу. Въ ноябрѣ одинъ москвитянинъ, захваченный Мезецкимъ и Грамотинымъ, когда они еще служили Сигизмунду, сообщилъ, что бояре и „всѣ лучшіе люди“ все еще стоятъ за королевича, но не смѣютъ объ этомъ говорить, боясь казаковъ, которые раздѣлили свои голоса между сыномъ Филарета и сыномъ Марины, пренебрегая знатью и дворянствомъ, „дѣлаютъ все, что хотятъ“ [1]). Мы видѣли, что возможность дѣлать все, что угодно, была для нихъ не особенно широка, но, что касалось избранія, здѣсь, дѣйствительно, голытьба все время держала дѣло въ своихъ рукахъ; такъ какъ казаки рѣшительно отвергли шведскую кандидатуру, которую поддерживали одни только новгородцы, то скоро выяснилось, что большинство стоитъ за туземнаго кандидата.

Но здѣсь поле дѣйствій оказалось удивительно узкимъ. За отсутствіемъ Василія Васильевича семья Голицыныхъ не могла выставить достаточно чтимаго народомъ кандидата. Съ Шуйскими было то же самое; къ тому же мѣшалъ страхъ, что сродникъ бывшаго царя будетъ мстить за оскорбленія, нанесенныя его семьѣ. Ф. И. Мстиславскій и И. С. Куракинъ слишкомъ навредили себѣ своими сношеніями съ поляками. Скромный И. М. Воротынскій добровольно отстранился. Преданіе, сохранившееся въ родѣ Трубецкихъ, говоритъ, что имѣлъ сторонниковъ начальникъ голытьбы; и онъ могъ бы по своему честолюбію дать себя увлечь, если бы Пожарскій, со своей стороны, не истратилъ двадцати тысячъ рублей на защиту своей кандидатуры, какъ его въ этомъ впослѣдствіи подозрѣвали. Все еще не совсѣмъ примирившись, эти соперники, оба борца за народное дѣло, взаимно исключали другъ друга. Такъ устранялся весь кругъ князей. Среди высшей знати группа соперничавшихъ бояръ казалась обезглавленной съ тѣхъ поръ,

---

[1]) Hirschberg. Polska a Moskwa, 363.

какъ во главѣ ея не было Филарета. Годуновы навѣрное не шли въ счетъ. Но Романовы сохранили любовь къ себѣ въ народѣ, едва затронутую пребываніемъ главы семьи въ Тушинѣ и вполнѣ возстановленную поведеніемъ лишеннаго престола патріарха среди великаго посольства и его недавнимъ плѣномъ. Въ теченіе всей смуты велась темная работа, о которой по временамъ только догадывались, чтобы использовать эту любовь народа, и несомнѣнно происки продолжались и теперь, во время собора. И вотъ путемъ исключеній, съ одной стороны, и рядомъ пока еще неизвѣстныхъ происковъ, съ другой,— колебавшіеся голоса вдругъ обратились въ эту сторону [1]:

V. Романовы.

Я говорилъ уже о происхожденіи этого рода въ другомъ мѣстѣ [2]; но мнѣ нужно здѣсь указать еще нѣкоторыя дополнительныя подробности. Прусское происхожденіе этого рода, хотя и признанное большинствомъ историковъ, не можетъ быть точно установлено. Гландъ-Камбилъ Дивоновичъ, братъ прусскаго князя, который пріѣхалъ въ Россію въ концѣ XIII-го вѣка и положилъ начало роду Романовыхъ,— легендарная личность; его имя, какъ и славянское прозвище Кобыла, данное его сыну Андрею Ивановичу, скорѣе указываютъ на Литву. Въ Литвѣ какъ разъ въ это самое время, послѣ смерти великаго князя Миндовга (1263), происходило сильное эмиграціонное теченіе. Современникъ Симеона Гордаго, Андрей Ивановичъ Кобыла уже принадлежитъ исторіи. Сынъ его, Ѳеодоръ Андреевичъ Кошка,—отсюда Кошкины,— прозвище, подъ которымъ первое время была извѣстна семья,—вмѣстѣ съ родителемъ получили званіе бояръ и исполняли важныя порученія. Въ 1391 г. Ѳеодоръ Андреевичъ выдалъ свою дочь за сына великаго князя Михаила Александровича Тверского; впослѣдствіи брачныя связи съ домомъ Рюрика часто возобновлялись. Въ концѣ правленія Василія III-го (1425 — 1462) кн. Василій Васильевичъ Шуйскій занялъ первое мѣсто въ чиновной іерархіи, а второе—Михаилъ Юрьевичъ Кошкинъ [3]). Многочисленное потомство Кобылы рас-

---

[1]) Маркевичъ, Избраніе Михаила Романова, Журн. Мин. Нар. Просв., сентябрь и октябрь 1891 г.; Лавровскій, Избраніе Михаила Романова.

[2]) Ivan le Terrible, 173.

[3]) Бѣловъ, „Журн. Мин. Нар. Просв., январь 1886 г., стр. 102; Г. М., „Русск. Старина", іюль 1896, отр. 114.

пространялось кромѣ того на двадцать другихъ родовъ—бояръ и просто дворянъ,—Шереметевыхъ, Жеребцовыхъ, Беззубцевыхъ, Колычевыхъ, Ладыгиныхъ и др. Впослѣдствіи Кошкины именовались Захарьиными, потомъ Юрьевыми, наконецъ, Романовичами или Романовыми; обычай долго требовалъ, чтобы къ прозвищу лица прибавлялись прозвища одного или нѣсколькихъ ближайшихъ предковъ, съ окончаніемъ, указывающимъ на отчество. Никита Романовичъ Захарьинъ-Юрьевъ, т. е. сынъ Романа, происшедшаго отъ Юрія и Захара, имѣлъ сестру, Анастасію Романовну,—это была первая жена Грознаго. Самъ Никита былъ женатъ первымъ бракомъ на Варварѣ Ивановнѣ Ховриной, а вторымъ—на Евдокіи Александровнѣ, дочери Александра Борисовича Горбатого-Шуйскаго; онъ имѣлъ сына (отъ которой изъ нихъ,—неизвѣстно) Ѳеодора, въ иночествѣ Филарета. Подъ давленіемъ правителя Ѳеодоръ долженъ былъ жениться на Ксеніи Ивановнѣ Шестовой [1]. Несмотря на всѣ усилія Годунова подорвать опасное вліяніе этой семьи, память объ Анастасіи и личныя достоинства нѣкоторыхъ ея близкихъ родственниковъ поддерживали его въ прежней силѣ; впослѣдствіи въ своихъ жалобахъ, что Филаретъ сносился съ Гермогеномъ для устраненія Владислава, съ Шеинымъ—чтобы способствовать сопротивленію Смоленска во время осады, поляки только повторяли мнѣніе, давно сложившееся среди москвитянъ, и этимъ содѣйствовали Романовымъ стяжать народную любовь въ 1613 году.

Тушинскій патріархъ принадлежалъ къ самымъ образованнымъ русскимъ людямъ того времени. Горсей говоритъ, что составилъ для него латинскую грамматику, которую тотъ весьма прилежно изучалъ. По свидѣтельству Массы, это былъ очень изящный, обходительный молодой человѣкъ, видной наружности, хорошій наѣздникъ и первый щеголь въ Москвѣ. Про умѣвшаго красиво носить національный костюмъ москвитянина говорили: онъ точно Ѳеодоръ Никитичъ! Вынужденный облачиться въ рясу и жить подъ строгимъ надзоромъ въ монастырѣ, какъ въ тюремномъ заключеніи, Филаретъ сумѣлъ сохранить свои разнообразныя связи съ міромъ и участвовать въ событіяхъ, потрясавшихъ его родину. Изъ польскаго плѣна онъ продолжалъ сноситься съ родными и

[1]) См. стр. 84.

друзьями и, конечно, не оставался безучастнымъ къ совѣщаніямъ избирательнаго собора и ихъ окончательному исходу. Онъ не могъ уже самъ искать престола, но до постриженія онъ не ограничился одной мечтой о немъ. Въ половинѣ прошлаго вѣка въ Коломнѣ, въ митрополичьихъ палатахъ, среди картинъ, перенесенныхъ въ Москву, нашли портретъ Филарета въ патріаршескомъ облаченіи. Хранители музея очень заинтересовались замѣченной на полотнѣ короной; они скоро открыли, что очень плохая живопись мастера XVIII-го в. покрывала другую, болѣе старую; очистивъ отъ нея картину, увидали Ѳеодора Никитича въ царскомъ облаченіи съ порфирой на плечахъ и со скипетромъ въ рукѣ и надпись: „Ѳеодоръ, царь всея Руси“ [1]).

Человѣкъ, способный поддаться такой странной фантазіи, имѣлъ, какъ извѣстно, сына Михаила, который вмѣстѣ со своей матерью, тоже постриженной подъ именемъ Марѳы, на себѣ переиспыталъ бѣдственныя времена. Переживъ всѣ испытанія польскаго господства и страшную осаду, мать съ сыномъ удалились въ свои помѣстья близъ Костромы. Преданію угодно было, чтобы они подверглись здѣсь новой опасности—похищенію или умерщвленію отъ шайки поляковъ, спасеніемъ своимъ были-бы обязаны только преданности крестьянина Ивана Сусанина, который погибъ въ мукахъ, но не указалъ полякамъ дороги къ ихъ жилищу. Этотъ смиренный мужикъ вошелъ въ славу, вдохновлялъ поэтовъ и художниковъ и получилъ замѣтное мѣсто на памятникѣ тысячелѣтію Россіи, гдѣ собраны главные герои народной исторіи. Избавленіе Московіи мясникомъ Мининымъ въ 1612 году и это новое вмѣшательство сына народа, защитившее основателя новой династіи, соединились здѣсь въ символическомъ воспроизведеніи.

Къ несчастью, легенда о прославленномъ героѣ не выдерживаетъ критики. Разсказы современниковъ, всегда богатые подробностями, ни словомъ не обмолвились объ его подвигѣ. Единственное указывающее на него свидѣтельство—грамота отъ 30 марта 1619 г., которой жалуются нѣкоторые льготы зятю Сусанина, Богданкѣ Сабинину. Но грамота эта свидѣтельствуетъ только, что истязуемый поляками Сусанинъ отказался указать, гдѣ находятся Михаилъ и его

---

[1]) „Русск. Арх.“, 1863, стр. 348.

мать, но вовсе не упоминаетъ, что свобода или жизнь будущаго царя зависѣли отъ того, что Сусанинъ сохранилъ молчаніе объ его мѣстопребываніи. Грамота имѣла на это основаніе: въ дни этого событія, въ 1613 г., Марѳы и ея сына на самомъ дѣлѣ не было ни въ селѣ Домнинѣ, гдѣ оно произошло, ни въ его окрестностяхъ. Такъ какъ мѣста эти были небезопасны, Романовы уже избрали себѣ пребываніе въ самой Костромѣ, укрѣпленномъ городѣ; безъ сомнѣнія, поляки знали дорогу къ нему, но не могли и думать овладѣть имъ со своей маленькой шайкой. Очень мало вѣроятно, впрочемъ, и самое присутствіе поляковъ въ этой области. Сусанинъ, должно быть, имѣлъ дѣло съ казаками, которые, вѣроятно, искали вотчину Романовыхъ не ради нихъ самихъ, а ради грабежа въ ихъ отсутствіи. Отказавшись служить имъ проводникомъ, мужикъ, можетъ быть, и оказалъ услугу будущему царю; а семейство его, обращаясь къ добротѣ и довѣрчивости Марѳы, несомнѣнно преувеличило значеніе происшествія, а легенда додѣлала остальное.

Въ томъ видѣ, какъ это преданіе излагается теперь, оно, очевидно, сложилось подъ вліяніемъ книгъ, и притомъ довольно недавно, такъ какъ имя Сусанина было вовсе неизвѣстно до появленія въ 1804 г. хвалебной статьи въ третьемъ томѣ географическаго словаря Щекатова [1]). Что касается мѣстнаго преданія, на которое ссылаются защитники героя, оно не имѣетъ никакого значенія въ виду перемѣнъ, происходившихъ въ составѣ населенія прославленнаго имъ села [2]). Однако, даже несогласныя съ истиной народныя сказанія имѣютъ такую цѣнность, что зачастую она заслуживаетъ больше вниманія, чѣмъ явное противорѣчіе преданія съ фактами. Преданіе это соотвѣтствуетъ истинному историческому явленію, которое имѣло въ ту пору первостепенное значеніе и оказало рѣшающее вліяніе при основаніи новой династіи:—я говорю о народномъ чувствѣ. Михаилъ, призванный принять наслѣдіе „боярскаго царя“ при обстоятельствахъ, намъ хорошо извѣстныхъ, долженъ былъ во многихъ смыслахъ стать „царемъ крестьянскимъ“. Не питая теплыхъ чувствъ

---

[1]) Стр. 748.

[2]) См. объ этомъ предметѣ полемику Костомарова, Истор. моногр. I, 431; XIII, 382, и Погодина, Борьба... съ ист. ересями, стр. 93.—См. также и защитниковъ легенды: Дорогобужиновъ, „Русск. Арх.“, 1871, стр. 1 и слѣд. Самариновъ, Памяти Ивана Сусанина, 1882 г., брошюра.

къ высшей аристократіи, какъ это показываетъ его поведеніе,—я сказалъ бы даже его неблагодарность,—относительно Пожарскаго, онъ собирался искать опоры главнымъ образомъ въ средѣ малопомѣстныхъ дворянъ, въ среднемъ сословіи служилыхъ людей; а эта политика вела къ неизбѣжному послѣдствію—усиленію крѣпостного права, безъ котораго это сословіе не могло существовать. Между тѣмъ какъ на „бѣлыхъ земляхъ“ служилыхъ людей сельскій рабочій былъ принесенъ въ жертву ихъ собственникамъ, на „черныхъ земляхъ“ [1]), мѣстопребываніи свободныхъ крестьянъ, и на земляхъ государственныхъ другой классъ земледѣльцевъ пользовался милостями новаго правительства до тѣхъ поръ, пока развитіе правящаго класса, происшедшаго изъ окрѣпшихъ аристократовъ, не принялось расшатывать установившееся было равновѣсіе. Тогда чувства, вдохновлявшія къ смиренной преданности, оказались обманутыми и глубоко оскорбленными; но они все-таки пережили и это испытаніе и долго дремали въ глубинѣ народной души, пока ихъ не разбудили освободительныя вѣянія 1861 г.

Въ 1613 г., когда засѣдалъ избирательный соборъ, Михаилу было семнадцать лѣтъ; въ немъ не замѣчали большихъ способностей. Озабоченная лишь тѣмъ, какъ бы не подвергнуться вмѣстѣ съ нимъ новымъ бѣдствіямъ, Маѳа вовсе не собиралась выдвигать его впередъ; въ никому неизвѣстномъ, ничѣмъ не выдающемся мальчикѣ самъ Филаретъ не замѣчалъ возможнаго кандидата. Зачинщикомъ и главнымъ дѣятелемъ въ пользу его кандидатуры былъ, повидимому, Ѳеодоръ Ивановичъ Шереметевъ, женатый на Иринѣ Борисовнѣ Черкасской, племянницѣ бывшаго патріарха. Съ большимъ вліяніемъ, очень ловкій этотъ бояринъ отличился въ нѣсколькихъ сраженіяхъ передъ занятіемъ Москвы поляками и потомъ съ большой твердостью сопротивлялся Андронову и полякамъ; онъ все время поддерживалъ дѣятельную переписку съ дядей жены и В. В. Голицынымъ. Изъ своего заключенія въ Маріенбургѣ Филаретъ совѣтовалъ просто выбрать какого нибудь боярина и предписать ему условія. Онъ и въ плѣну выказывалъ вполнѣ опредѣленную склонность къ польской конституціи. Говорили, будто на одномъ изъ засѣданій собора Шереметевъ показалъ выборнымъ письмо плѣнника,

---

[1]) См. Ivan le Terrible, 71.

чтобы убѣдить ихъ въ его безкорыстіи [1]); но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ внушалъ боярамъ, что юный и неопытный Михаилъ неминуемо будетъ вынужденъ предоставить имъ дѣйствительную власть; онъ писалъ В. В. Голицыну: — „Мы выберемъ Мишу Романова; онъ молодъ и еще незрѣлъ умомъ, и намъ съ нимъ будетъ повадно“ [2]).

Избраніе дѣятельнаго участника недавнихъ событій въ особенности не улыбалось аристократамъ: на престолѣ оказался бы непріятный свидѣтель общихъ прегрѣшеній остальныхъ дѣятелей; избраніе же такого юноши удовлетворяло большинство избирателей; вѣдь Александры Великіе назначаютъ на высшее званіе достойнѣйшихъ, а инстинктъ всякой демократіи побуждаетъ предоставлять его самому незначительному.

VI. Избраніе Михаила.

Въ послѣднюю минуту, повидимому, Мининъ и даже Пожарскій тоже высказались за эту кандидатуру. Съ другой стороны, она естественно льстила духовенству. Епископы и архимандриты имѣли видѣнія, указывавшія на Михаила, какъ „избранника Божія“, а это производило впечатлѣніе на народъ. Лѣтописи говорятъ, что воинскіе люди, дворяне, дѣти боярскіе и казаки, собравшись въ большомъ числѣ, прислали на соборъ посланіе въ этомъ же смыслѣ, а Палицынъ хвалился, что служилъ посредникомъ въ этой демонстраціи. Въ той или иной формѣ, одно только вмѣшательство казаковъ здѣсь несомнѣнно; они волновались и громко заявляли, что не желаютъ другого кандидата. Изъ этихъ элементовъ, засвидѣтельствованныхъ исторіей, возникла новая легенда. Собору приходилось обсудить предварительный вопросъ: имѣются ли на лицо представители рода бывшихъ царей? Духовенство просило отложить рѣшеніе до слѣдующаго дня и распорядилось служить молебны. На другой день утромъ одинъ галицкій дворянинъ передалъ собору листъ съ генеалогическими

---

[1]) Stralenberg, Das Nord- und Oestliche Theil von Europa, 205; Vokerodt, Russland unter Peter dem Grossen, 22—23. (Русск. перев. Чтенія въ О. Ист. и Др. Росс. 1874, II).

[2]) Текстъ письма передавался различно, сомнѣвались даже въ подлинности письма, но, по-моему, безъ достаточныхъ основаній; см. Костомаровъ, Моногр. VI 294; Барсуковъ, Родъ Шереметевыхъ, II, 311; Латкинъ, Земскіе соборы, 127; Бестужевъ-Рюминъ, Письма о Смутномъ времени, 30.

выписями, которыми старался установить родство Михаила съ царемъ Θеодоромъ. Послышались возраженія. Никто не зналъ составителя документа. Угрожающіе голоса выражали негодованіе на его дерзость, спрашивали, откуда онъ явился, и засѣданіе принимало оборотъ, неблагопріятный для Романовыхъ, когда всталъ какой-то донской атаманъ, потрясая бумагой.

— Что это еще?—строго спросилъ Пожарскій.

Но казакъ невозмутимо отвѣтилъ:

— Грамота, подтверждающая природныя права царя Михаила Θеодоровича.

Сличили обѣ рукописи; содержаніе ихъ оказалось тождественнымъ, и тотчасъ соборъ единогласно провозгласилъ избраннымъ указаннаго ими государя [1]).

За отсутствіемъ вполнѣ точныхъ свѣдѣній, вотъ что можно предположить на основаніи событій. Когда заботами Шереметева большинство было достаточно подготовлено, 4-го февраля назначили предварительное голосованіе. Результатъ, несомнѣнно, обманулъ ожиданія, поэтому, ссылаясь на отсутствіе многихъ избирателей, постановили рѣшительное голосованіе отложить на двѣ недѣли. Нѣсколько вліятельныхъ бояръ и ожидаемыхъ выборныхъ, дѣйствительно, отсутствовали; въ томъ числѣ и Ф. И. Мстиславскій; жестоко измученный испытаніями во время осады Кремля, онъ отдыхалъ въ своей вотчинѣ. Но сами вожаки, очевидно, нуждались въ отсрочкѣ, чтобы успѣшнѣе подготовить общественное мнѣніе. Даже оффиціальные документы говорятъ о тайныхъ агентахъ, разосланныхъ по областямъ [2]). Избраніе выяснялось медленно, съ большимъ трудомъ; въ этомъ нѣтъ сомнѣній. По одному свидѣтельству, соборъ выразилъ еще желаніе видѣть кандидата, прежде чѣмъ постановить рѣшеніе. Большинство избирателей никогда не видали его, а о немъ ходили не особенно лестные слухи. По совѣту Шереметева, Марθа отказалась привезти или прислать сына въ Москву. Лишенный всякаго воспитанія среди бурныхъ событій, окружавшихъ его дѣтство и раннюю юность, не умѣя, вѣроятно, ни читать, ни писать, Михаилъ могъ все испортить, явив-

[1]) Хронографъ Оболенскаго, въ Архивѣ ист. и юрид. знаній Калачева, I, 35; Забѣлинъ, Мининъ и Пожарскій, Доп. № 16, стр. 310; Соловьевъ, Ист. Рос., VIII, 461; срав. Латкинъ, Земскіе соборы, 129.

[2]) Собраніе Гос. грам. и дог., I, 613.

шись передъ лицомъ собора; и выборные тщетно настаивали передъ Шереметевымъ на его пріѣздѣ. Проливая ручьи слезъ, этотъ ловкій человѣкъ притворялся невинностью; онъ ни во что не вмѣшивался и разсчитывалъ продолжать дѣло, не возбуждая подозрѣній, будто онъ руководится своекорыстными разсчетами. Его открещиванье соотвѣтствовало лицемѣрнымъ обычаямъ того времени и произвело превосходное впечатлѣніе. 21-го февраля 1613 года, въ первое воскресенье великаго поста, представители Собора вышли на Лобное мѣсто, чтобы выслушать голосъ народа. Какъ и слѣдовало ожидать, народъ кликами провозгласилъ Михаила; то же сдѣлалъ и Соборъ [1]).

Оставалось получить согласіе избранника, вѣрнѣе — его матери. Многочисленное посольство съ рязанскимъ архіепископомъ Өеодоритомъ во главѣ, за неимѣніемъ патріарха, отправилось ради этого въ Кострому, куда и прибыло 13-го марта 1613 г. Марөа проживала тогда въ Ипатьевскомъ монастырѣ, основанномъ Мурзой Четомъ, предкомъ Годунова. Рѣка Кострома при своемъ впаденіи въ Волгу отдѣляетъ его отъ города. На слѣдующій день посольство двинулось сюда внушительной процессіей, какъ при выборахъ Бориса: съ хоругвями, иконами и чудотворнымъ образомъ Өеодоровской Божіей Матери. Марөа, по примѣру Ирины, не обнаружила ни малѣйшей радости. Она, напротивъ, плакала, гнѣвалась; только послѣ долгихъ упрашиваній рѣшилась идти съ челобитчиками въ церковь Св. Троицы, а на пути туда еще горячо препиралась съ ними. Ея сынъ слишкомъ молодъ, и „большіе люди“ земли обезумѣли, избравъ его на царство. Ни ему, да и никому другому не лестно занять престолъ послѣ того, какъ столькимъ царямъ измѣняли, оскорбляли ихъ или убивали тѣ же самые, кто теперь избралъ имъ преемника!

Это препирательство черезчуръ близко напоминаетъ комедію 1598 г. въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, такъ что ка-

---

[1]) Оффиціальный отчетъ объ избраніи составленъ въ приказѣ посольскихъ дѣлъ въ 1672—3 г. на основаніи болѣе стараго документа, частью изданнаго въ Собраніи Гос. грам. и дог., III, №№ 1 и 16; этотъ отчетъ въ свою очередь былъ напечатанъ въ 1856 г. моск. архив. комиссіей, подъ редакціей Безсонова, съ предисловіемъ кн. М. А. Оболенскаго.—См. также: Львовъ, Избраніе Михаила Романова, брошюра; Полевой, „Библ. для чтенія“, іюль 1834 г.; Лавровскій, Избраніе Михаила Романова; Хмыровъ, то же заглавіе; Bauer, Historische Zeitschrift, 1886, LVI. Самое полное изслѣдованіе принадлежитъ Маркевичу, Журн. Мин. Нар. Просв., сент. и окт. 1891 года.

жется, какъ будто оно было пересказомъ этого образца, судя по нѣкоторымъ подробностямъ, сообщаемымъ въ лѣтописяхъ; но на этотъ разъ пренія эти, пожалуй, дѣйствительно были ближе къ правдѣ и чистосердечнѣе. Борисъ, Димитрій и Василій по очереди показали, въ самомъ дѣлѣ, во что обошлось имъ обладаніе престоломъ Грознаго. Тѣмъ не менѣе, въ тотъ же день 14-го марта Мароа вняла мольбамъ и „дала Михаилу свое благословеніе“ на принятіе скипетра, который ему тотчасъ же вручилъ Өеодоритъ вмѣстѣ съ избирательной грамотой. Значитъ, этотъ документъ былъ уже въ то время составленъ и подписанъ. Этотъ фактъ нужно запомнить. Какой-то Өеодоритъ находился въ числѣ слѣдователей по углицкому дѣлу; возможно, что это то же самое лицо.

19-го марта новый царь покинулъ Кострому, но, подобно Пожарскому, отнюдь не торопился въ Москву. Онъ надолго остановился въ Ярославлѣ, что объяснялось половодьемъ и бездорожьемъ; однако, онъ останавливался и въ другихъ мѣстахъ по дорогѣ. Царственнаго путника задерживали, несомнѣнно, иныя опасныя трясины. Несмотря на единогласное избраніе, столица еще кипѣла. Люди спорили, и не безъ основанія, если не о личности новаго государя, то объ условіяхъ, знаменитыхъ условіяхъ Филарета, которыя тотъ намѣревался предписать будущему повелителю. Еще лучше поступалъ соборъ. Какъ будто слушаясь приказаній Михаила или принимая внушенія его приближенныхъ, онъ распоряжался очень самостоятельно. На дѣлѣ, продолжая свою дѣятельность до 1615 г., соборъ долженъ былъ раздѣлять съ царемъ отправленіе верховной власти, а теперь, ожидая его пріѣзда, выборные рѣшились, не спросясь его, завести переговоры съ Сигизмундомъ о пріостановкѣ военныхъ дѣйствій и обмѣнѣ плѣнными [1]). Царь предоставилъ имъ свободу дѣйствій; въ концѣ апрѣля они принуждены были отправить къ нему новое посольство, прося царя поторопиться. Тогда онъ рѣшился и на 2-ое мая назначилъ торжественный въѣздъ въ Кремль, гдѣ ему съ трудомъ нашли сколько-нибудь приличное помѣщеніе. Михаилу пришлось довольствоваться полуразрушеннымъ теремомъ царицы Анастасіи. Мароа съ гораздо большимъ удобствомъ помѣстилась въ Вознесенскомъ

---

[1]) Собраніе Гос. грам. и дог., III, № 7; Ивановъ, Описаніе Гос. Разряднаго Архива, № 9, стр. 131.

монастырѣ. 11-го іюля въ Успенскомъ соборѣ совершилось вѣнчаніе на царство.

Началось царствованіе Романовыхъ.

Они впослѣдствіи самостоятельно пользовались самодержавною властью, въ основныхъ чертахъ вполнѣ тождественною съ той, строгій образецъ которой завѣщали имъ властители изъ рода Рюрика. Однако, вопросъ объ ограниченіи власти еще разъ былъ поставленъ и, судя по многимъ свидѣтельствамъ, былъ даже разрѣшенъ въ пользу измѣненія формы правленія. Но въ этой странѣ конституціонные идеалы имѣютъ печальную исторію.

VII. Вопросъ объ образѣ правленія.

Оффиціальная избирательная грамота, которая дошла до насъ, не носитъ никакихъ слѣдовъ такой побѣды либеральныхъ требованій; какъ я уже указывалъ, это несомнѣнно апокрифическій документъ; но въ немъ отчетливо указана болѣе ранняя грамота, которую Ѳеодоритъ въ мартѣ передалъ въ руки Михаила; она предшествовала оффиціальной редакціи, составленной въ маѣ—единственной, сохранившейся до нашего времени[1]). Съ другой стороны, первая редакція могла тоже умалчивать насчетъ ограничительныхъ условій, хотя уничтоженіе ея и самая замѣна ея другой редакціей уже указываетъ на нѣчто иное. Предполагали, что Михаилъ принялъ обязательства относительно одного боярства, подписавши нѣкоторыя условія, подобныя тѣмъ, на которыя сперва согласился Шуйскій. Самыя точныя свѣдѣнія о событіи даетъ намъ Страленбергъ[2]); взятый въ плѣнъ подъ Полтавой, онъ долго жилъ въ Россіи и занимался собираніемъ драгоцѣнныхъ свѣдѣній. Михаилъ обѣщалъ, будто бы, не мѣнять старыхъ законовъ и не издавать новыхъ безъ согласія собора или боярской думы, объявлять войну и заключать миръ только съ ихъ одобренія; судить важнѣйшія дѣла по законамъ и старымъ обычаямъ, наконецъ присоединить свои личныя имущества къ государственнымъ. Это—не единственное свидѣ-

---

[1]) См. Wichman, Urkunde, предисловіе, стр. VII; Bauer, Hist. Zeitschrift, 10 и слѣд.

[2]) Настоящая фамилія его—Тальбертъ. См. Nord- und Oestliche Theil von Europa, 209; срав. Baer, Beiträge zur Kenntniss Russlands. Dorpat, 1816, XVI, 12

тельство, хотя оно и признано многими историками [1]). Псковская лѣтопись [2]) сообщаетъ другое, тѣмъ болѣе важное, что оно враждебно боярамъ, обвиняя ихъ въ томъ, что они жертвовали государственными интересами ради своихъ личныхъ разсчетовъ. Котошихинъ и Татищевъ тоже считаютъ несомнѣннымъ, что Михаилъ принялъ приблизительно такія условія [3]). Первый жилъ въ XVII в., второй въ первой половинѣ XVIII в.; оба они могли лучше знать преданія и видѣть документы, нынѣ исчезнувшіе.

Слѣдуетъ думать, что они были хорошо освѣдомлены; но эта ограничительная грамота, подобно предшествовавшимъ, была осуждена остаться мертвой буквой. По словамъ Фокеродта, Михаилъ считался съ нею до возвращенія Филарета, которому удалось, въ виду благопріятныхъ обстоятельствъ, обуздать республиканскія настроенія, оставивъ за соборомъ только честь утвержденія постановленій государя. Это объясненіе врядъ-ли вполнѣ вѣрно. Избранникъ 1613 г. правилъ вмѣстѣ съ соборомъ до 1615 г., а распустивъ это собраніе, долженъ былъ нѣсколько разъ созывать другія, даже по возвращеніи своего отца. Въ отношеніяхъ, установившихся между государемъ и представителями страны, незамѣтно, однако, никакихъ признаковъ республиканскихъ настроеній, ни даже склонности къ конституціонному строю. Соборъ 1612 г. пріобрѣлъ на первое время весьма большую независимость, отчасти сохранялъ ее и позже, сперва благодаря отдаленности мѣстопребыванія государя, а затѣмъ этой узурпаціи власти способствовали и исключительныя обстоятельства, сопровождавшія его восшествіе на престолъ. Но тутъ, очевидно, былъ только захватъ власти, сложившееся положеніе дѣлъ, а не проявленіе права, простая случайность безъ всякаго отношенія къ приведеннымъ Страленбергомъ условіямъ или какимъ-либо другимъ, принятымъ, какъ предполагали, новымъ царемъ [4]).

Если подобный договоръ и состоялся, Михаилъ не ждалъ помощи своего отца, чтобы взять все уступленное обратно,

---

[1]) Фокеродтъ. Россія при П. В. Чтенія Об. И. и Др. Росс. 1874 г., I. Schmidt (Phiseldeck). Materialien, II, 15.

[2]) Полное собраніе Лѣтописей, V, 46—60.

[3]) Котошихинъ. О Россіи, гл. VIII, стр. 104; „Утро“, 1859, стр. 373.

[4]) Чичеринъ. О народномъ представительствѣ. Спб., 1899, 545. Сравн. Латкинъ. Земскіе соборы, стр. 145 и слѣд.

и, безъ сомнѣнія, полное возстановленіе самодержавной власти не стоило ему большихъ усилій. Какъ и въ XVI вѣкѣ, соборы, созываемые послѣ 1615 г. въ неопредѣленные сроки, когда и какъ было угодно государю, дѣйствовали только какъ совѣщательные комитеты или палаты регистрацій; когда же царь пожелалъ обходиться безъ ихъ содѣйствія, — ни изъ среды выборныхъ, ни изъ нѣдръ самой страны не раздалось ни одного протеста, эхо котораго донеслось бы до насъ.

Я говорилъ въ другой книгѣ [1]), какъ въ 1730 году императрица Анна, по просьбѣ офицеровъ своей гвардіи, разорвала грамоту, которую позволила верховникамъ навязать себѣ. Въ 1613 году теремъ царицы Анастасіи былъ, можетъ быть, свидѣтелемъ такой же сцены. Попытки ввести конституціонный строй не имѣли надежды на успѣхъ въ этой уже глубоко демократизировавшейся странѣ именно потому, что онѣ всегда шли сверху. Масса не интересовалась ими, относилась къ нимъ даже враждебно. Она инстинктомъ понимала, что, идя по слѣдамъ поляковъ, реформаторы вели не къ свободѣ, а къ олигархіи. Къ тому же одинокіе, оторванные опричниной отъ покровительствуемаго ими слоя мелкаго дворянства, который составлялъ силу польскихъ олигарховъ, ихъ русскіе подражатели только неумѣло повторяли дурно выученный урокъ. Разоренные, съ корнемъ вырванные изъ старыхъ гнѣздъ, они не имѣли за собой трехъ вѣковъ политическаго воспитанія; а внѣ ихъ среды стояли добровольцы казачины, одни — враги всѣхъ политическихъ или соціальныхъ уздъ, другіе — способные отказаться отъ своей независимости за какое-либо вознагражденіе; масса утратила уже чувство свободы и самое представленіе о ней. Московскіе великіе князья едва успѣли тяжелой и твердой рукой обтесать свой народъ рабовъ и ввести его мягкимъ, приниженнымъ и покорнымъ въ политическое зданіе своего изобрѣтенія — огромную желѣзную клѣтку съ толстой рѣшеткой. Тщетно недавній революціонный вихрь распахнулъ двери ея, выбрасывая вонъ узниковъ: сперва обрадованные, но вскорѣ смущенные, они рано возвращались къ своей темницѣ, блуждали, словно души въ чистилищѣ, около ея дверей, готовые идти за первымъ встрѣчнымъ тюремщикомъ, Богданкомъ или Сидоркой, протягивая шею въ хомутъ.

---

[1]) **Waliszewski, K.** L'héritage de Pierre le Grand, p. 149.

Къ тому же въ этой странѣ революція носила характеръ скорѣе соціальный, чѣмъ политическій. Только въ этомъ первомъ смыслѣ она и могла мощно развиться. Съ этой стороны движеніе могло бы привести къ глубокимъ измѣненіямъ соціальнаго строя, если бы внѣшняя опасность не стала на его пути; предписавъ ему не терпящія отлагательства задачи, она отвлекла народное сознаніе отъ задачъ внутренняго порядка, которыми скоро пренебрегли и предоставили ихъ разрѣшеніе далекому будущему. Кромѣ сохраненія національной неприкосновенности, единственнымъ пріобрѣтеннымъ послѣ кризиса результатомъ было окончательное распаденіе аристократическаго элемента; простонародью, однако, не удалось получить его наслѣдія. Оно досталось товарищамъ Пожарскаго, а черезъ посредство служилыхъ людей— ихъ позднѣйшимъ представителямъ въ организаціи современной Россіи: придворной камарильѣ и бюрократіи.

Но эта эволюція уже касается исторіи первыхъ Романовыхъ, къ которой я подойду, если силы мнѣ позволятъ, въ другой книгѣ [1]).

Къ царствованію Михаила Θеодоровича относятся и послѣдніе эпизоды героическаго романа, трагическую развязку котораго я долженъ уже здѣсь разсказать, чтобы не заслужить упрека въ невнимательномъ умолчаніи. Предваряя событія, я прослѣжу судьбу Марины и Заруцкаго до конца ихъ изумительнаго предпріятія.

VIII. Конецъ Марины.

Покинувъ Михайловъ, съ которымъ онъ безпощадно обращался, и оставивъ въ немъ преданнаго себѣ воеводу, Заруцкій въ мартѣ 1613 г. отправился въ Епифань, городокъ той же области, лежащей немного южнѣе. Но уже вокругъ него становилось пусто. Вскорѣ послѣ его отъѣзда жители Михайлова посадили въ тюрьму его воеводу съ его немногочисленными казаками. Въ апрѣлѣ войско, присланное изъ Москвы подъ начальствомъ князя Ивана Одоевскаго, заставило атамана отступать, настигло его подъ Воронежемъ и разбило наголову. Марина съ любовникомъ бѣжали вплоть до самой Астрахани. Они, казалось, еще не покидали тогда

[1]) Книга эта вышла въ 1909 г. подъ заглавіемъ: Le Berceau d'une dinastie. Les premiers Romanov. (1613—1882). *Прим. ред.*

своихъ честолюбивыхъ мечтаній; обдумывали фантастическій планъ водворенія на границахъ Персіи, начавъ ради этого переговоры съ шахомъ Аббасомъ. Слѣдуетъ помнить, что Астрахань еще недавно была столицей независимаго царства. По дошедшимъ до Москвы свѣдѣніямъ, Заруцкій одинъ увлекался этимъ планомъ; Марина, напротивъ, совѣтовала ему устроиться на Украйнѣ, чтобы быть поближе къ Польшѣ.

Одоевскій не рѣшился такъ далеко преслѣдовать своего отозваннаго противника, который былъ еще опасенъ своими обширными связями съ Волгой, Днѣпромъ и Дономъ. Онъ ограничился посылкой грамотъ казакамъ нижней Волги съ приглашеніемъ не стоять за безнадежное дѣло. Одновременно изъ Москвы пытались поднять ногайскихъ татаръ противъ новаго повелителя Астрахани и удалить донскихъ казаковъ, отправивъ ихъ въ Сѣверщину противъ польскихъ отрядовъ. Донцы съ восторгомъ приняли подарки, которыми подогрѣвали ихъ преданность; они звонили въ колокола, служили молебны и наказали кнутомъ одного изъ своихъ товарищей, который упорно настаивалъ на томъ, что „калужскій царекъ“ еще живъ; но они отказывались отъ похода. Скоро посылаемыя Одоевскимъ извѣстія о побѣдахъ смѣнились новыми грозными вѣстями. Казаки съ Волги и Терека, всѣ тѣ, что жили на обширныхъ земляхъ юго-востока, этомъ притонѣ множества воинственныхъ людей, собирались подъ знамена Заруцкаго. Въ это же время, переходя черезъ центральныя области, толпы голытьбы шли къ нимъ на соединеніе изъ сѣверныхъ уѣздовъ Бѣлоозерья и Пошехонья. Прежде враждебно относившійся къ нему ногайскій князь Истерекъ заключилъ съ нимъ договоръ, обѣщая слѣдующей весной идти осаждать Самару. Въ это же время на готовившемся караванѣ судовъ самъ атаманъ долженъ былъ двинуться вверхъ по Волгѣ, чтобы напасть на Казань [1]).

Таково было огромное, по видимости, движеніе, созданное мятежникомъ, котораго перестали-было считать опаснымъ! Большое разстояніе помогло преувеличить его размѣры и опасность въ глазахъ людей, жаждавшихъ покоя послѣ длиннаго ряда жестокихъ испытаній. Тревога охватила почти беззащитную, какъ извѣстно, Москву. За недостаткомъ войскъ царь и соборъ разослали новыя посланія и новые подарки.

---

[1]) Акты Истор., III, 412, 421, 424, 445.

Самъ Заруцкій получилъ посланіе, составленное въ примирительномъ тонѣ, съ обѣщаніемъ полнаго прощенія, если онъ изъявитъ покорность.

Но онъ не могъ соблазниться этими мирными обѣщаніями, тѣмъ болѣе, что въ посланіяхъ къ его казакамъ его, атамана, называли измѣнникомъ, виновникомъ всѣхъ бѣдствій, отъ которыхъ страдала Московія. Но его новыя силы были далеко не такъ значительны, какъ уже мерещилось съ перепугу его противникамъ. Прежде взятія Казани и устрашенія Москвы онъ долженъ былъ охранять свое весьма непрочное положеніе въ самой Астрахани. Населеніе не выражало ему вполнѣ успокоительнаго расположенія. Марина же, памятуя 17-е мая, дошла до того, что запретила звонить въ колокола, подъ тѣмъ предлогомъ, что гулъ ихъ пугаетъ ея сына [1]). Приближенные царицы производили тяжелое впечатлѣніе на жителей. Набожная духовная дочь самборскихъ бернардинцевъ держала около себя цѣлый мірокъ католическихъ монаховъ, собранныхъ за время ея скитаній, польскихъ бернардинцевъ, испанскихъ августинцевъ и итальянскихъ кармелитовъ; одинъ изъ нихъ, отецъ Джованни Ѳаддеи, долго жившій въ Персіи, вѣроятно, внушалъ Заруцкому его рискованные планы. Близъ своего дома Марина устроила имъ капеллу, которую отецъ Николай Мелло освятилъ 28 августа 1613 г. [2]). Самъ Заруцкій внушалъ больше страха, чѣмъ расположенія; онъ разгонялъ иностранныхъ купцовъ неумѣньемъ защищать ихъ отъ своихъ татаръ и казаковъ, да и самъ подчасъ грабилъ ихъ; вообще его присутствіе разоряло городъ. Подобно второму Димитрію въ Калугѣ, онъ держался только тѣмъ, что наводилъ страхъ и, подобно Грозному, пируя со своими полковниками и мурзами, ежедневно проливалъ кровь на плахахъ и въ застѣнкахъ.

Слѣдуетъ думать, что онъ тогда выдавалъ себя за Димитрія, такъ какъ сохранилась челобитная 1614 г., обращенная къ „царю Димитрію Ивановичу, царицѣ Маріи Юрьевнѣ и царевичу Ивану Димитріевичу“.

На эту комедію послѣдовалъ вскорѣ зловѣщій отвѣтъ, довольно точное повтореніе событій, которыми въ Москвѣ закончилась карьера перваго супруга Марины. Около Пасхи въ

---

[1]) Акты Историч., IV, 412.

[2]) Pierling, Марина Мнишекъ послѣ майскаго погрома, отд. оттискъ изъ „Русск. Стар.“, 1903, стр. 256.

апрѣлѣ 1614 г. по городу распространился слухъ, что Заруцкій, пользуясь прибытіемъ значительнаго подкрѣпленія изъ казаковъ, задумалъ перебить всѣхъ подозрительныхъ ему жителей. Въ среду на святой недѣлѣ вспыхнулъ бунтъ; послѣ страшной рѣзни Заруцкій вынужденъ былъ запереться въ Кремлѣ. Наступалъ конецъ.

Упорствуя въ безсмысленномъ предпріятіи въ Персіи, доблестный авантюристъ имѣлъ дерзость въ это время отправить къ Аббасу пословъ съ проектомъ договора [1]). Въ вознагражденіе за немедленную помощь онъ предлагалъ шаху столицу своей астраханской имперіи. Но уже эта имперія разрушалась всѣмъ составомъ. Терскій воевода Петръ Головинъ возбудилъ подозрѣнія Заруцкаго; но, когда этотъ мнимый царь послалъ схватить его, жители отказались выдать чиновника и возмущенные передались на сторону Михаила. Головинъ тотчасъ послалъ въ Астрахань маленькій отрядъ стрѣльцовъ въ 700 чел. подъ начальствомъ Василія Хохлова, а съ его приближеніемъ къ этому отряду присоединился Остерекъ со своими ногайцами. Находясь въ открытой войнѣ съ жителями своей столицы, часто осаждаемый въ крѣпости, служившей ему убѣжищемъ, Заруцкій не могъ предотвратить такого поворота; астраханцы обезумѣли передъ огнемъ его пушекъ; узнавъ о событіи, они бросились всѣ, мужчины, женщины и дѣти, вонъ изъ города и отдались подъ защиту Хохлова. Предупрежденный въ свою очередь, Одоевскій подходилъ усиленнымъ маршемъ. Заруцкій и Марина, услыхавъ объ его приближеніи, 12 мая 1613 г. бѣжали вверхъ по теченію Волги. Хохловъ преслѣдовалъ ихъ, но настигъ только нѣсколько казаковъ и Варвару Казановскую, вѣрную приближенную царицы [2]). Самъ Заруцкій съ Мариной и ея сыномъ удачно добрались до моря, а затѣмъ, поднимаясь по р. Уралу, собирались, говорятъ, пробраться въ Персію. Бѣглецы нашли временный пріютъ въ казачьемъ городкѣ на правомъ берегу этой рѣки. Но Одоевскій скоро открылъ ихъ слѣдъ и послалъ туда своихъ лучшихъ стрѣльцовъ съ Гордѣемъ Пальчиковымъ и Севастьяномъ Онучинымъ. Имъ досталась честь захватить плѣнниковъ, которымъ наверху придавали особое значеніе. Будучи осаждены, атаманъ Треня Усъ и его товарищи выдали своихъ гостей.

---

[1]) Акты Ист. III, 412.
[2]) Акты Ист., III, 441.

25 іюня 1614 года Заруцкій, Марина, маленькій Иванъ и Николай де-Мелло были направлены въ Москву черезъ Астрахань и Казань. Прочіе монахи, повидимому, разбѣжались раньше, а отецъ Өаддеи состоялъ, вѣроятно, въ посольствѣ, отправленномъ недавно въ Персію. Плѣнники путешествовали подъ сильнымъ конвоемъ, который получилъ приказаніе въ случаѣ тревоги убить ихъ, и можно догадаться, какимъ мучительнымъ крестнымъ путемъ оказался для Марины этотъ переѣздъ.

Заруцкій умеръ въ Москвѣ на колѣ. Сына Марины, несмотря на его нѣжный возрастъ, повѣсили на той висѣлицѣ, на которой въ то же время искупилъ свои злодѣйства Өедька Андроновъ [1]). Относительно Марины свѣдѣнія противорѣчивы. По русскимъ извѣстіямъ, она умерла съ горя въ тюрьмѣ; польскіе лѣтописцы думаютъ, что ее тамъ задушили или утопили подо льдомъ. У самборскихъ бернардинцевъ сохранилось третье преданіе: Марину утопили вмѣстѣ съ отцомъ Антоніемъ, который послѣднее время дѣлилъ съ нею заключеніе, а ея сынъ, переданный Сигизмунду и воспитанный заботами короля въ іезуитской коллегіи, пережилъ ихъ, чтобы прозябать въ безвѣстности; однако, несомнѣнно, что отца Антонія не было при царицѣ въ дни ея кончины. Кармелитъ Джованни Өаддеи, повидимому, вернулся въ Испанію и принесъ туда новыя извѣстія о совершившейся драмѣ; онъ разсказывалъ, что схваченные вмѣстѣ съ Мариной отецъ Мелло и Варвара Казановская, несмотря на жестокія пытки, отказались принять православіе [2]). Подробности, вѣроятно, навсегда останутся неизвѣстными.

Сандомірскій воевода сошелъ въ могилу, на цѣлый годъ упредивъ смерть дочери; вся эта семья, появившаяся одно время въ сіяніи яркаго свѣта, тотчасъ и надолго скрылась въ тѣни. Она вышла изъ нея при Іосифѣ Мнишкѣ, великомъ маршалкѣ двора и краковскомъ кастелянѣ, т. е. первомъ чинѣ государства при Августѣ III, въ половинѣ XVIII-го вѣка. Въ наши дни одинъ изъ послѣднихъ представителей этой фамиліи уступилъ московскимъ музеямъ картины, грубо нарисованныя, но крайне интересныя, гдѣ изображены торжественные выходы Марины въ Москвѣ, ея въѣздъ въ

---

[1]) Русск. Ист. Библ. XIII, 128 (Иное сказаніе); Поповъ, Изборникъ, 362 (Хронографъ Столяра).

[2]) Pierling, Nicolas de Mello, 311.

столицу царей, ея свадьба и коронованіе. Измѣнившая своей родинѣ по избытку гордости, честолюбивая подруга двухъ Димитріевъ и Заруцкаго не оставила въ ней ни одного памятника своего мимолетнаго сіянія.

IX. Общій обзоръ.

Исторія Европы не знаетъ другой революціи, которая казалась бы столь безплодной по своей развязкѣ и по своимъ послѣдствіямъ. Въ теченіе десяти лѣтъ эта революція расшатывала всю страну, заливала ее потоками крови и покрывала развалинами, но сама не внесла въ народную жизнь ни одного новаго начала, не указала новаго пути ея будущему развитію. Она пронеслась разрушительнымъ и безплоднымъ ураганомъ. Пройдя сквозь многія смѣны династій и политическихъ и соціальныхъ порядковъ, Россія самодержавныхъ царей путемъ этого длиннаго обхода вернулась къ исходной точкѣ. Обострившись до открытыхъ столкновеній, которыя, казалось, коснулись всѣхъ основъ совмѣстнаго существованія, борьба классовъ не выдвинула ни одной побѣдоносной программы, выражавшей хотя бы частные интересы. Высшая аристократія ради защиты своихъ привилегій умѣла находить однѣ временныя уловки, порождать и принимать искателей престола, прибѣгать къ вмѣшательству иностранцевъ; она выставляла Димитрія противъ Годуновыхъ, шведовъ противъ поляковъ, продавались всякому, кто больше сулилъ, въ концѣ концовъ погрузилась въ бездну вполнѣ заслуженной непопулярности. Для московскихъ бояръ XVII-го вѣка смутное время имѣло тѣ же послѣдствія, какъ война алой и бѣлой розы для англійскихъ бароновъ XV-го в. Но британская аристократія, дѣйствуя въ интересахъ государства, вмѣстѣ съ нимъ возстала изъ общаго бѣдствія. Себялюбивая политика московскихъ олигарховъ довела ихъ до непоправимой утраты не только привилегій, но и всякаго общественнаго вліянія.

Соучастникъ вреднѣйшихъ уклоненій съ прямого пути, куда давали себя увлекать верхи общества, средній классъ подъ конецъ возстановилъ свою честь, выступивъ на защиту національной независимости и порядка; но, быстро запыхавшись въ своемъ великодушномъ порывѣ, онъ не сумѣлъ сохранить и крупицы власти, которой было-завладѣлъ. Эта

власть, словно жгла ему руки, такъ спѣшилъ онъ отдѣлаться отъ нея отреченіемъ самымъ безкорыстнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ малодушнымъ, обратившись къ тому началу самодержавія, которое вернуло его въ его рабское состояніе.

Тотчасъ послѣ борьбы, казалось, одни казаки, хотя и они не болѣе другихъ отличались въ ней, имѣли видъ побѣдителей. Изъ людей внѣ закона, жившихъ на окраинѣ владѣній общества, которое извергло ихъ изъ своей среды, они быстро перешли на ступень руководящаго класса, заявивъ на соборѣ 1613 г., что возвратили себѣ свои гражданскія права. Но и они тоже скоро проявили неспособность создать идеалъ или хотя бы какое-нибудь подобіе мысли о политической или соціальной реформѣ. Они только возставали противъ всѣхъ формъ порядка, чтобы впослѣдствіи, жалкимъ образомъ обнаруживъ свое нравственное безсиліе, въ званіи смотрителей за каторжными, сдѣлаться покорнымъ орудіемъ общаго порабощенія.

Итакъ, этотъ кризисъ, прервавшій въ началѣ XVII в. естественное теченіе національной исторіи, оказался какъ бы случайнымъ погруженіемъ въ пустоту, въ небытіе. Россія вышла изъ него тяжко изувѣченной и истерзанной, съ двойнымъ вырѣзомъ у своихъ границъ и страшно израненнымъ центромъ; эти раны, требовавшія для своего излѣченія всего ея вниманія, ея полнаго усилія, должны были надолго остановить ея внѣшнее расширеніе, сдавить ея внутреннее развитіе и отвлечь ея вниманіе отъ тѣхъ заботъ, которыя заря умственнаго и нравственнаго возрожденія начала-было ей внушать.

Испытаніе, несомнѣнно, помогло ей сознать свое національное единство и оцѣнить тѣ силы, которыми она располагала, чтобы защищать его. Но этотъ славный подъемъ мощной энергіи имѣлъ послѣдствіемъ только несвоевременное возвращеніе къ худшимъ преданіямъ прошлаго, которое казалось уже упраздненнымъ или, по крайней мѣрѣ, къ тому готовымъ, усиленіе узкаго націонализма, подозрительнаго и суроваго, въ которомъ чада „святой Руси" и безъ того замуровались слишкомъ долго и упорно, а теперь, обернувшись назадъ, готовились утратить большую часть уже установившихся-было сношеній съ западной цивилизаціей. Въ домѣ съ заново припертыми дверями, съ ревниво законопаченными

окнами они зажили въ духотѣ и одиночествѣ — до первыхъ ударовъ топора Петра Великаго, до внезапнаго стремительнаго наплыва поверхностнаго западничества, нахлынувшаго словно лавина или мгновенный переворотъ, по многимъ условіямъ зловреднаго и безплоднаго во многихъ отношеніяхъ.

Продолжительное тѣсное сближеніе съ космополитическими шайками Рожинскаго, Жолкѣвскаго и Делагарди тоже не оставило замѣтнаго слѣда на нравахъ страны; вынося это сближеніе, она показала себя неподатливой къ его вліянію. Если въ повторявшихся попыткахъ преобразованія государственнаго строя угадывается польское вліяніе, мы видѣли, какимъ образомъ, какъ просто оно исключалось.

Съ этой точки зрѣнія смута имѣла иное слѣдствіе, болѣе глубокое, болѣе прочное, но, увы, крайне злополучное. Какъ это замѣтилъ Костомаровъ,—она сдѣлалась практической школой измѣнъ, раздора, политическихъ безумствъ, двуличности, легкомыслія, распущенности и личнаго эгоизма [1]). Русскій историкъ думаетъ, что урокъ этотъ исходилъ отъ Польши, и что она сама же къ нему вернулась. Революціонируя Россію, польскіе сторонники перваго и второго Димитрія сами проникались роковымъ ядомъ и, возвращаясь домой, заражали имъ свою родину, не причиняя имъ вреда родинѣ Минина и Пожарскаго, способной быстро отвергнуть отраву, съ отвращеніемъ выплюнуть ее.

Это только патріотическій парадоксъ. Поляки не имѣли никакой надобности продѣлывать надъ Московіей опыты анархическихъ привычекъ. Rokosz Зебржидовскаго готовился въ ихъ странѣ ранѣе, чѣмъ появился въ ней первый Димитрій. Съ другой стороны, вовсе еще не доказаны ни польское происхожденіе перваго или второго претендента, ни польскій источникъ революціоннаго движенія, которое разразилось съ ихъ появленіемъ. Несомнѣнно, оба народа были слишкомъ близки другъ къ другу особенно въ эту пору своей исторіи, чтобы не возникъ между ними обмѣнъ умственныхъ и нравственныхъ началъ, и польское вліяніе могло пріобрѣсти въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ рѣшающее значеніе въ общихъ заблужденіяхъ. Я это признавалъ въ началѣ изложенія [2]). У обѣихъ сторонъ былъ ядъ въ жилахъ, и онѣ его сохранили.

---

[1]) Смутное время, III, 321 и слѣд.

[2]) Стр. 85.

Вѣрно одно, что, испытывая одновременно такіе кризисы различной напряженности и потомъ сталкиваясь въ борьбѣ, которую онѣ вызывали, и въ которой ставилась на карту судьба обѣихъ странъ, Польша и Московія проявили весьма различную силу сопротивленія. Тлетворные зародыши, заразивъ ихъ одновременно, неодинаково повредили имъ: одной сторонѣ они привили смертельную болѣзнь, а въ болѣе сильный организмъ другой — внесли только нѣкоторую порчу, причинили ей недомоганье, наслѣдственную печать котораго онъ носитъ и понынѣ.

Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить, что, вопреки видимости, не все было безуміемъ и преступнымъ развратомъ въ этой ужасной смутѣ. Зарождались въ этой атмосферѣ благородные инстинкты и выходили на свѣтъ законныя стремленія, хотя, утопая въ разливѣ нездоровыхъ страстей, они бывали осуждены на временное исчезновеніе въ общей безднѣ. Свобода требуетъ долговременной выучки. Въ Россіи тѣлосложеніе населенія ведетъ къ медлительности, и нравственный прогрессъ подчиняется тому же закону. Глубоко вспахавъ ее, революціонная буря XVII в. заложила въ эту сухую почву сѣмена, присутствіе и жизнеспособность которыхъ нельзя уже теперь не признавать.

---

15 декабря (н. с.) 1905 г.

Библіографія.

Число неизданныхъ источниковъ для исторіи этой эпохи довольно ограничено; одни все еще недоступны, тогда какъ другіе напечатаны уже въ многочисленныхъ изданіяхъ. Однако, вся эта масса современныхъ повѣствованій, которыми можно пользоваться, сводится къ очень незначительному числу самостоятельныхъ сказаній: Сказаніе Палицына, Тимофеева, князя Катырева-Ростовскаго и безыменная лѣтопись, которую ея первый издатель Бѣловъ напечаталъ въ 1853 году подъ именемъ „Иного Сказанія", а не такъ давно С. Ѳ. Платоновъ, принимая во вниманіе ея главную часть, назвалъ ее „Повѣстью 1606 года", и, наконецъ, имѣется еще и третье, болѣе сжатое, изложеніе ея, подъ заглавіемъ „Повѣсть, како восхити неправдою на Москвѣ царскій престолъ Борисъ Годуновъ". Эта послѣдняя редакція наиболѣе распространенная. Всѣ остальныя повѣствованія не болѣе, какъ компиляціи, основанныя на этихъ первоначальныхъ текстахъ, съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями, заимствованными изъ оффиціальныхъ документовъ или изъ легендъ. Литературный элементъ преобладаетъ во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ въ ущербъ ихъ исторической цѣнности. Другую категорію современныхъ повѣствованій составляютъ сказанія, въ которыхъ преобладаетъ религіозный элементъ, — таковы: „Сказаніе Симеона Азарина о Троицкомъ монастырѣ", „Сказаніе монаха Александра о затворникѣ Ростовскомъ Иринархѣ" и другія. Работа историка значительно страдаетъ отъ такого состоянія источниковъ, однако, изобиліе позднѣйшихъ документальныхъ изданій и тотъ критическій анализъ, который не такъ давно они вызвали, даютъ историку весьма цѣнное пособіе.

Avisi e lettere..., смотр. Barezzo-Barezzi.

Adelung, F., Uebersicht der Reisenden in Russland, С.-Петербургъ, 1846, 2 тома.

Азаринъ, С., Книга о чудесахъ преподобнаго Сергія, С.-Петербургъ, 1888, 1 томъ.

Азаринъ, С. и Насѣдка, И., Житіе преподобнаго Діонисія, Москва, 1824, 1 томъ.

Аксаковъ, К., Критика VIII тома Исторіи Россіи Соловьева, «Собесѣдникъ», 1858, II.

«Акты Археографической Экспедиціи», С.-Петербургъ, 1836, 4 тома.

«Акты А. И. Юшкова», въ «Чтеніяхъ въ Московскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей», 1898, III.

«Акты Московскаго государства», изд. Н. А. Попова, С.-Петербургъ, 1890, 3 тома.

«Акты историческіе», С.-Петербургъ, 1841—1842, 5 томовъ и «Дополненіе», 1846—1872, 12 томовъ.

«Акты, относящіеся до юридическаго быта», С.-Петербургъ, 1857 — 1884, 3 тома.

«Акты, относящіеся къ Исторіи Западной Россіи», С.-Петербургъ, 1846 — 1853, 5 томовъ.

«Акты, относящіеся къ Исторіи Южной и Западной Россіи», С.-Петербургъ, 1863—1889, 14 томовъ.

Александренко, В. Н., Участіе Англійскаго Совѣта въ сношеніяхъ между Англіей и Россіей, «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», декабрь 1889.

Александръ (монахъ), «Житіе преподобнаго Иринарха», изданное арх. Амфилохіемъ, Москва, 1869, 1 томъ. См. Русск. Истор. Библ. т. XIII, изд. 2-ое, СПБ. 1909 г.

Anserinus (отецъ Гонсіорекъ), «Путешествіе Марины въ Москву», въ «Przyjaciel Ludu», Лѣшно, 1842, IX, 1848, XV.

Annuae Litterae Societatis Jesu, Римъ, 1581—1654, 35 томовъ.

Арсеньевъ, А. В., Первые русскіе студенты за границей, «Историческій Вѣстникъ», 1881, V.

Арсеній, архіепископъ Элассонскій, «Разсказъ о путешествіи», въ «Codices manuscripti Bibliothecae Taurinensis», Туринъ, 1749, 2 тома.

Арцыбышевъ, Н. С., О кончинѣ царевича Димитрія, «Вѣстникъ Европы» 1830 и «Русскій Архивъ», 1886, III.

Арцыбышевъ, Н. С., Повѣствованіе о Россіи, Москва, 1843, 3 тома.

«Археографическій сборникъ документовъ къ исторіи Сѣверо-Западной Россіи», изд. Виленскаго Учебнаго Округа, Вильна, 1867, IV.

«Архивъ Юго-Западной Россіи», Кіевъ, 1859—1883, 6 томовъ.

Архивы Ватикана: Хранилище Боргезе, отдѣлъ Польша, 173.

«Archivum Domus Radziwill», въ «Scriptores Rerum Polonicarum», Краковъ, 1885, VIII-й томъ.

«Archivum Domus Sapiehanae», Львовъ 1892, I-й томъ.

«Archiv für Slavische Philologie», Берлинъ, 1898—1900, томы 20—22.

Б...скій, Кто убилъ царевича Димитрія? «Историч. Вѣстникъ», май 1891, т. XLIV.

Баворовская Библіотека во Львовѣ: Дневникъ Стадницкаго.

Бантышъ-Каменскій, Н. Н., Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи, Москва, 1894—1897, 3 тома.

Barezzo-Barezzi, Avisi e lettere... di cose memorabili... in Moscovia, Венеція, 1606.

Barezzo-Barezzi, Relazione della segnaleta... conquista del paterno Imperio consequita dal Serenissimo Giovine Demetrio, Венеція 1605, 1 томъ (въ 1606 году переведена на латинскій, нѣмецкій, испанскій и французскій языки и приписывается Поссевино).

Барсовъ, Н. И., Историческая справка о личности убійцы царевича Димитрія, «Русская Старина», 1883, XXXIX.

Барсуковъ, А. П., Родъ Шереметевыхъ, С.-Петербургъ, 1881 — 1888, 5 томовъ.

Бартеневъ, П. И., Историческія справки, «Русскій Архивъ», 1877, XI и 1892, III.

Bauer, E., Die Wahl Michail Feodorovitch, «Historische Zeitschrift», 1886, LVI.

Baer, Замѣтка о Страленбергѣ въ Beiträge zur Kentniss Russlands, Дерптъ, 1816, XVI-й т.

Бередниковъ, И., Челобитье Варлаама, Журналъ Мин. Нар. Просв., іюль, 1835.

Бережковъ, Троицкая Лавра въ Смутное время, Кіевъ, 1893, 1 томъ.

Бестужевъ-Рюминъ, К. Н., Обзоръ событій послѣ смерти Ивана Васильевича, Журналъ Мин. Нар. Просв., іюль-августъ, 1887.

Бестужевъ-Рюминъ, К. Н., Письма

о Смутномъ времени, С.-Петербургъ, 1898, 1 томъ.
Бестужевъ-Рюминъ, К. Н., Русская Исторія, С.-Петербургъ, 1885, I-ый томъ.
Библіотека въ Вольфенбюттелѣ: Собраніе газетъ шестнадцатаго и семнадцатаго вѣковъ.
Библіотека Замойскихъ въ Варшавѣ: Корреспонденція Яна Замойскаго и разные документы. t. VIII. pl. 97, № 31.
Библіотека Оссолинскихъ во Львовѣ: Рукопись № 231.
Бильбасовъ, В., Письмо Лжедимитрія къ Клименту VIII, «Русская Старина», май 1898.
Бицынъ, Н., псевдонимъ Н. М. Павлова, Правда о Лжедимитріи, «День», 1869 г., перепечатана въ «Русскомъ Архивѣ», 1886, VIII.
Blümcke, O., Berichte und Akten der Hansischen Gesandschaft nach Moskau, 1603; Halle, 1894, V-й т. «Hansische Geschichtsquellen».
Bobrowicz, I. N., Życia sławnych Polaków, Лейпцигъ, 1837—1838, 5 томовъ.
Бодянскій, О. М., О поискахъ въ Познанской публичной Библіотекѣ, «Чтенія Общества Исторіи и Древн.», 1846, XLI.
Бодуэнъ де-Куртенэ, Р., Записки Львовскаго аптекаря о происшествіяхъ 1606 года. «Журналъ Минист. Народн. Просв.», май, 1895.
Baudouin de Courtenay, J., Kartki z dziejów anarchizmu i skozaczenia naszego, «Kraj», С.-Петербургъ, 1903, №№ 50—52.
Baudouin de Courtenay, J., Strona językowa oryginału polskiego listu «Dymitra Samozwańca» do papieża Klemensa VIII z dnia 24 kwetnia roku 1604. Краковъ, 1899. (Отд. оттискъ изъ XXIX тома Извѣстій филологическаго отдѣленія Краковской Академіи Наукъ).
Болдаковъ, И. М., Сборникъ матеріаловъ по исторіи Россіи, С.-Петербургъ, 1896, 1 томъ.
Borsza, S., Wyprawa cara Moskiewskiego do Moskwy, «Русск. Истор. Библ.», I, 365—426.
Brehmer, W., Die Hansische Gesandschaft nach Moskau im Jahre 1603, «Hansiche Geschichtsblätter», 1889.
Brereton, H., News of the present miseries of Russia, Лондонъ, 1614, 1 томъ.
Brückner, A., Beiträge zur Kulturgeschichte Russlands, Лейпцигъ, 1887, I-ый томъ.
Brückner, A., Geschichte Russlands bis zum Ende des 18. Jahrhunderts, Гота, 1896, I-ый томъ.
Brückner, A., Tragedia Moskiewska, «Przegląd Polski», Краковъ, 1900, тт. 137—138.
Budzilo, J., (приписывается), Historya Dmitra fałszywego, Русская Историческая Библіотека, т. I, 81—364.
Bussow, C., ложно приписанный Бэру, Chronicon Moscoviticum, «Rerum Rossicarum Scriptores exteri», т. I-й.
Бутурлинъ, Д. П., Исторія Смутнаго времени, С.-Петербургъ, 1839, 1 томъ.
Büsching, A., Gründlich untersuchte... Ursachen der Regierungsveränderungen in dem Hause Romanov, «Büschings Magasin», т. I-й.
«Büschings Magazin», Гамбургъ, 1767—1791, 25 т.
Бычковъ, А. Ѳ., Авраамій Палицынъ, «Энциклопедическ. Словарь», 1861, т. I.
Бѣловъ, Е. А., О значеніи русскаго боярства, Журналъ Минист. Нар. Просв., январь—мартъ, 1886.
Бѣловъ, Е. А., О смерти царевича Димитрія, Журн. Мин. Нар. Просв., іюль—августъ 1873.
Bielski (Samuel), Djarjusz roku 1609, «Чтенія въ Общ. Исторіи и Древностей», III годъ, № 6.
Бѣляевъ, И. Д., Земскіе Соборы въ Россіи, Московскія Университетскія Извѣстія, 1866—1867.
Бѣляевъ, И. Д., Крестьяне на Руси, Москва 1891, 1 томъ.
Waliszewski, K., L'héritage de Pierre le Grand, Парижъ, 1900, 1 т.

Waliszewski, K., Ivan le Terrible, Парижъ, 1904, 1 т.

Wahrhaftige Copia des Schreibens welches an den Schwedischen Stadthalter zu Reval von dem reussischen woiwoden auf Ivangorodt... ergangen ist im Jahre 1606, Стокгольмъ 1606. (Весьма неправильная съ многочисленными вставками выдержка была издана подъ заглавіемъ «Newe Zeitung ausz der Moscow» и перепечатана Ростопчинымъ, смотр. Ростопчинъ).

Wahrhaftige Relation der Reussischen und Moscovitischen Reyse... dess Hochgebornen Fursten... Johansen, Магдебургъ, 1604; перепечатка въ «Büschings Magazin», VII, смотр. «Büsch. Mag.».

Варлаамъ Яцкій, Челобитная или Извѣтъ чернеца Варлаама Царю Василію Шуйскому, «Акты Эксп. Археографической» II, смотр. это заглавіе. (Этотъ текстъ вошелъ въ «Иное Сказаніе», смотр. это заглавіе, а также въ хронографъ 3-ей редакціи, напечатанный въ «Изборникѣ» Попова, смотр. Поповъ).

Wassenberg, E., Historia gestorum Vladislai IV, Данцигъ, 1649, 1 т.

Wielewicki, J., Historici Diarii domus professae Societatis Jesu, «Scriptores Rerum Polonicarum» VII, X, XIV, XVII, смотр. это заглавіе.

Вержбовскій, Т., Матеріалы къ исторіи Московскаго Государства въ XVI и XVII в., Варшава, 1898—1903, 5 томовъ.

Wierzbowski, T., Materiały do Dziejów Pismiennictwa Polskiego, Варшава, 1900, I-й т.

Веселовскій, Н. Н., Памятники дипломатическихъ сношеній Московской Руси съ Персіей, С.-Петербургъ, 1890—1891, 2 тома.

Viaggi di Moscovia degli anni 1633—1636, Витербо, 1658, 1 т.

Widekind, J., Historia belli sueco-moscovitici decennalis, Кульмъ, 1672, 1 томъ.

Willebrandt, I. P., Hansische Chronick, Гамбургъ, 1748, 3 тома.

Winckler, A., Die deutsche Hansa in Russland, Берлинъ, 1886, 1 т.

Витбергъ, Ѳ. А., Къ исторіи русскаго театра, «Русская Старина», декабрь 1892.

Wichmann, B. V., Sammlung... kleiner Schriften, Берлинъ, 1820, 1 т.

Wichmann, B. V., Urkunden über die Wahl Michails Romanows... Лейпцигъ, 1819, 1 т.

Владимірскій-Будановъ, М. Ф., Обзоръ исторіи русскаго права, Москва, 1890, 2-ое изд., 1 т.

Владимірскій-Будановъ, М. Ф., Христоматія по исторіи русскаго права, Москва, 1885, 2-ое изд., 1 т.

Woycicki, K., Pamiętniki do panowania Zygmunta III, Варшава, 1846, 1 т.

Воробьевъ, Г., Князь М. В. Скопинъ-Шуйскій, «Русскій Архивъ», 1889, VIII.

Воробьевъ, Г., Смутное время и дѣятельность русскаго духовенства, «Русскій Архивъ» 1892, I.

«Временникъ Общества Исторіи и Древностей», продолженіе «Чтеній» того же Общества, 1849—1858.

Wyprawa krola i. m. do Moskwy r. p. 1609, «Русская Истор. Библіот.», т. I-й.

Haigold (Schlözer), Beilagen zum neuveränderten Russland, Рига, 1769, I-йт.

Hakluyt, R., Collection of early voyages, Лондонъ, 1599, 3 тома.

Галаховъ, А. Д., Исторія русской словесности, С.-Петербургъ, 1861, т. I-й.

Herckman, E., Eeen historischen Verhael van de voornaemste beroerten des Kayserrycks van Russia, outstaen door den Demetrius Ivanowyts, die den valchen Demetrius t'onrecht genoemt wert, Амстердамъ, 1625, и во II-мъ томѣ «Rerum Rossicarum Scriptores exteri».

Hertog Hansis deu unge Reise til Rydsland, Копенгагенъ, 1606, 1 томъ.

Hiaern, T., Esth-Lyf-und Letleundische Geschichte, «Monumenta Livoniae Antiquae», I-ый т.

Hirschberg, A., Dla czego Polacy popierali drugiego Dymitra Samozwańca. С.-Петербургъ, 1904, брошюра.

Hirschberg, A., Dymitr Samozwaniec, Львовъ, 1898, 1 томъ.

Hirschberg, A., Maryna Mniszchówna w Tuszynie, «Kwartalnik Hystoryczny», Львовъ, 1903, II.

Hirschberg, A., Полемика съ Peregrinus'омъ, въ «Kwartalnik Historyczny», 1899, XIII.

Hirschberg, A., Polska a Moskwa w pierwszej połowie wieku XVII. Сборникъ матеріаловъ для исторіи польско-русскихъ отношеній при Сигизмундѣ III, Львовъ, 1901, 1 томъ.

«Historica Russiae Monumenta», смотр. Тургеневъ.

«Historya Dmitra fałszywego», смотр. Budziło.

Главный архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Москвѣ. Портфель Миллера, Корреспонденція Мнишковъ и др.

Godebski, X., Archiwum Mniszchów, «Библіотека Оссолинскихъ», Львовъ, 1862, новая серія, т. I-й.

Gołębiowski, S., Hetman Żółkiewski, «Bibljoteka Warszawska», 1852, IX.

Голиковъ, И. И., Дѣянія Петра Великаго, Москва, 1840, 13 томовъ.

Голицынъ, кн. Н. Н., Родъ князей Голицыныхъ, С.-Петербургъ, 1892, I т.

Голохвастовъ, Д. П., Замѣчанія объ осадѣ Троицкой Лавры, «Москвитянинъ», 1842, №№ 6 и 7.

Голохвастовъ, П. Д., Земское дѣло въ Смутное время, «Русь», 1883, №№ 4 и 6.

Голохвастовъ, Д. П., Полемика съ Сахаровымъ по поводу осады Троицкой Лавры, «Москвитянинъ», 1844, №№ 6 и 7.

Голубинскій, Е., Исторія канонизаціи святыхъ въ русской церкви, Москва, 1903, 1 т.

Голубинскій, Е., Преподобный Сергій, основатель Троице-Сергіевой лавры, Сергіевскій посадъ, 1892, 1 томъ.

Голубовскій, П. В., Вопросъ о смерти царевича Димитрія, «Историческій Вѣстникъ», 1896, XII.

Голубовскій, П. В., Что можно сказать о личности царевича Димитрія, «Истор. Вѣстн.», 1902, V.

Horsey, J., Travels, въ «Russia at the close of XVI c.», Лондонъ, 1856 («Записки о Московіи XVI в.» пер. Н. А. Бѣлозерской).

Горскій, А. В., Возраженіе Палицыну объ осадѣ Троицкой Лавры, «Москвитянинъ», 1842, № 12.

Горскій и Леонидъ (архимандритъ), Историческое описаніе Святыя Троицкія Сергіевы Лавры, Москва, 1879, 2 тома.

Górski, K., Oblężenie Smolenska... «Przewodnik naukowy i literacki», 1895, XXIII.

Grabowski, M. i Przezdziecki, A., Źródła do Dziejów Polskich, Вильна, 1843, 1 томъ.

Grabowski, M., Starożytności Historyczne Polskie, Краковъ, 1845, 2 тома.

Grevenbruch, G., издатель: Tragoedia Moscovitica sive de vita et morte Dimitri narratio, Кельнъ, 1608, 1 т.— Авторъ ея Гаспаръ Енсъ.

Danzay, французскій посланникъ въ Копенгагенѣ, Correspondance, Національная Библіотека въ Парижѣ, французское отдѣл., № 15.966.

Danckaert, I., Beschryvinge van Moscovien, Амстердамъ, 1615, I томъ.

Darowski, A., Elekcya Władisława IV na tron Moskiewski, «Niwa», Варшава, 1892, XIX—XXIV.

Darowski, A., Przyczynek do dziejów Samozwańca, «Kraj», С.-Петербургъ, 1898, № 47.

Darowski, A., Sprawy dyplomatyczne Samozwańców, «Bibljoteka Warszawska», 1894, стр. 425 и слѣд.

Darowski, A., Szkice Historyczne, С.-Петербургъ, 1897, 3 тома.

«Дворцовые Разряды», С.-Петербургъ, 1851, 2 тома.

Dzieduszycki, M., Krótki rys dziejów i spraw Lisowczyków, Львовъ, 1843—44, 2 тома.

«Дневникъ Марины Мнишекъ», смотр. Dyamentowski.

Дневникъ событій, относящихся къ Смутному времени; другое заглавіе: Histo-

rya Dymitrа fałszywego, «Русск. Истор. Библ.», т. I, смотр. Budziło.

Dyamentowski, W., Dyariusz, въ сборникѣ «Polska a Moskwa» Гиршберга. Менѣе полныя изложенія этого текста были ранѣе изданы подъ заглавіемъ «Дневникъ Марины Мнишекъ» Арцыбышевымъ, Нѣмцевичемъ, Устряловымъ, Тургеневымъ («Historica Russiae Mon».) и Шуйскимъ; «Дневникъ» этотъ былъ также ошибочно приписываемъ Нѣмоевскому.

Dyariusz drogi Posłów.. изд. Raczyński, смотр. Raczyński.

Dyariusz Legacyi polskiej w Moskwie въ «Historica Russ. Monumenta», т. II.

Dyariusz, pisany podczas oblężenia Smolenska, ed. Podgórski въ «Ateneum», Варшава, 1842, IV и «Русск. Истор. Библ.», т. I.

Dyariusz Poselstwa Moskiewskiego... въ сборникѣ Hirschberg'a «Polska a Moskwa».

Dyariusz Sejmu 1605 г., Отрывки изъ дневника польскаго сейма 1605 г. «Русск. Ист. Библ.» т. I.

Дмитріевскій, А., Архіепископъ Елассонскій Арсеній, «Труды Кіевской Духовной Академіи», январь-мартъ, 1898.

Дорогобужиновъ, В., Правда о Сусанинѣ, «Русскій Архивъ», 1881, II.

«Древняя Россійская Вивліоѳика», 1-ое изданіе, С.-Петербургъ, 1773 — 1775, 10 томовъ, 2-ое изданіе, Москва, 1788—1791, 20 томовъ, и Дополненіе, 1790—1801, 11 томовъ; 3-ье изданіе, Москва, 1891—1898, 5 томовъ, въ нѣсколькихъ частяхъ.

Дьяконовъ, М. А., Очерки по исторіи сельскаго населенія московскаго государства, С.-Петербургъ, 1898, 1 томъ.

Дьяконовъ, М. А., Разысканія по исторіи прикрѣпленія владѣльческихъ крестьянъ въ Московскомъ государствѣ, С.-Петербургъ, 1901, 1 томъ.

Ельнинъ (хронографъ его имени), Вставка въ «Новый Лѣтописецъ», включенный въ «Никоновскую Лѣтопись».

Ens, смотр. Grevenbruch.

Żabczyc, J., Żegnanie ojczyzny możnej Cesarzowej Moskiewskiej, въ стихахъ, Краковъ, 1606. Перепечатана въ сборникѣ Вержбовскаго «Матер. къ Ист. М. Г.» т. II, смотр. Вержбовскій.

Żabczyc, J., Mars Moskiewski Krwawy, въ стихахъ, Краковъ, 1605. Напечатано въ томъ же сборникѣ, т. III.

Żabczyc, I., Poseł Moskiewski, въ стихахъ, Краковъ, 1606. Перепечатано въ томъ же сборникѣ, т. III.

Zelanski (отецъ), Wahrhaftiger und glaubwürdiger Bericht im (von?) der Moscovitischen Bluthohzeit, 1607.

«Житіе царевича Димитрія Ивановича», вошло въ «Минеи Тулупова» въ «Русск. Истор. Библ.» XIII.

Żółkiewski, S., Historya wojny Moskiewskiej, Львовъ, 1833, 1 т.

Żółkiewski, S., Listy, Краковъ, 1868, 1 т.

Жолкѣвскій, С., Записки гетмана Жолкѣвскаго о московской войнѣ; кромѣ того сюда вошло и нѣсколько писемъ Жолкѣвскаго, а въ дополненіи письма нѣсколькихъ другихъ личностей, изд. П. А. Муханова, С.-Петербургъ, 1835, 1 т.

Żółkiewski, S., Pisma, wydał Bielowski, Львовъ, I т.

Забѣлинъ, И. Е., Безвѣстные герои Смутнаго времени, «Древняя и Новая Россія», 1875, III.

Забѣлинъ, И. Е., Мининъ и Пожарскій, «Русскій Архивъ», 1872, и отдѣльнымъ изданіемъ, Москва, 1895, 3-е изд. 1 т.

Zdanowicz, G., Apologia pro innocentia Sapiehana, рукоп. въ Императ. Публичной Библ. въ С.-Петербургѣ, отдѣленіе разныхъ языковъ, F. IV, 85.

«Z Dziejów Warszawy» Краковъ, 1894, брошюра.

Загоскинъ, Н. П., Исторія права Московскаго Государства, Казань, 1877, I-й томъ.

«Записки Археологическаго Общества», т. VIII.

Записки времени Лжедимитрія, изд. Ростопчина, смотр. Ростопчинъ.

Зернинъ, А. П., Учрежденіе въ Рос-

сіи патріаршества, «Архивъ Историко-юридич. свѣдѣній», изд. Калачевымъ, I.

Ивановъ, П., Описаніе Государственнаго Разряднаго Архива, Москва, 1842, 1 томъ.

Ивановъ, П., Слѣдственное дѣло о князѣ Д. М. Пожарскомъ во время его пребыванія во Псковѣ, «Чтенія въ Моск. Общ. Ист. и Древн.», 1870, I.

«Извѣстія Академіи Наукъ», С.-Петербургъ, 1852, I т.

Изданія Библіотеки Оссолинскихъ, Львовъ, 1862, 1 томъ.

Иконниковъ, В. С., Димитрій Самозванецъ и Сигизмундъ III, «Чтенія въ Общ. Нестора лѣтописца», Кіевъ, 1890, IV.

Иконниковъ, В. С., Князь М. В. Скопинъ-Шуйскій, «Чтенія въ Обществѣ Нестора лѣтописца», Кіевъ, 1879, I.

Иконниковъ, В. С., Князь М. В. Скопинъ-Шуйскій, «Журналъ Мин. Нар. Просв.» февраль, 1889.

Иконниковъ, В. С., Князь М. В. Скопинъ-Шуйскій, «Древняя и Новая Россія», 1875, №№ 6 и 7.

Иконниковъ, В. С., Новыя изслѣдованія по Исторіи Смутнаго времени, Кіевъ, 1889, 1 томъ.

Иконниковъ, В. С., Арцыбышевъ и Н. Г. Устряловъ, «Русскій Архивъ», 1886, XII.

Иконниковъ, В. С., Опытъ русской исторіографіи, Кіевъ, 1892, 1-й томъ въ двухъ частяхъ.

Иловайскій, Д., Богатырь казакъ Илья Муромецъ, какъ историческое лицо, «Русскій Архивъ», 1893, V.

Иловайскій, Д., Смутное время въ Московскомъ государствѣ, Москва, 1894, 1 томъ.

Императорская Публичная Библіотека въ С.-Петербургѣ: Рукописи 63, т. II, 1604—1630; Латинское отдѣленіе, 0, IV, 16; Польское Отдѣленіе, F. IV, 119; Русское Отдѣленіе, F. IV, 228; F. IV, 597; Отдѣленіе разныхъ языковъ, F. IV, 85; книгохранилище Погодина и др.

«Иное Сказаніе», Русская Историческая Библіотека, С.-Петербургъ, 1891. XIII т. (второе изд. 1909 г.).

Иринархъ, смотр. Александръ.

«Историческій Вѣстникъ», по мѣрѣ выхода въ свѣтъ.

Іоаннъ Датскій (принцъ), Его пребываніе въ Московіи, по-русски «Сѣверный Архивъ», 1822 и на нѣмецкомъ языкѣ въ «Sankt-Petersburgische Monatschrift» 1822.

Іовъ (патріархъ), Повѣсть о честномъ житіи царя Θеодора Іоанновича, Никоновская Лѣтопись, VII.

Кавелинъ, К. Д., Сочиненія, С.-Петербургъ, 1897, I-й томъ.

Казанскій, П. С., Изслѣдованіе о личности перваго Лжедимитрія, «Русскій Вѣстникъ», 1877, VIII—X.

Калачевъ, Н. В., Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, Москва, 1876, 2-ое изданіе, I томъ.

Canaye (Philippe, sieur de Fresne de), Lettres et Ambassades, Парижъ, 1635—1636, 3 тома.

Кантеревъ, П. Θ., Характеръ отношеній Россіи къ православному Востоку, Москва, 1885, 1 томъ.

Карамзинъ, Н. М., Исторія Государства Россійскаго, С.-Петербургъ, 1843, 5-ое изданіе, 12 томовъ.

Карамзинъ, Н. М., Сочиненія, Москва, 1825, IX-ой томъ.

Карзинкинъ, О медаляхъ царя Димитрія, Москва, 1882.

Caro, I., Das Interregnum Polens im Jahre 1587, Гота, 1861, 1 томъ.

Катыревъ-Ростовскій, И. М. кн., Повѣсть о смутѣ, находится въ изданномъ Поповымъ Хронографѣ (смотр. Поповъ), первое время ее приписывали С. И. Кубасову; перепечатана въ двухъ редакціяхъ въ Русск. Ист. Библ., XIII.

«Kwartalnik Historyczny», Львовъ, по мѣрѣ выхода въ свѣтъ.

Кедровъ, С. И., Авраамій Палицынъ какъ писатель, «Русскій Архивъ», 1886, VIII.

Кедровъ, С. И., Авраамій Палицынъ «Чтенія въ Общ. Ист. и Древн.», 1880, IV.

Kelch, C., Lieflaendische Historia, Ревель, 1695, 1 томъ.

Кирѣевскій, П. В., Пѣсни, собранныя имъ. Москва, 1860—1862, VII.

«Кіевлянинъ», по мѣрѣ выхода въ въ свѣтъ.

«Кіевская Старина», по мѣрѣ выхода въ свѣтъ.

Kleinschmidt, A., Russland's Geschichte und Politik... Кассель, 1877, 1 томъ.

Ключевскій, В. О., Боярская Дума, Москва, 1883, 1 томъ.

Ключевскій, В. О., Происхожденіе крѣпостного права въ Россіи, «Русская Мысль», августъ и октябрь, 1885.

Ключевскій, В. О., Сказанія иностранцевъ о Московіи, Москва, 1866, 1 томъ.

Ключевскій, В. О., Составъ представительства на Земскихъ Соборахъ, «Русская Мысль», 1890—1892.

Книга объ избраніи на царство Михаила Θеодоровича, Москва, 1856, 1 томъ.

Kobierzycki, S., Historia Vladislai, Данцигъ, 1655, 1 томъ.

Kognowicki (аббатъ), Życie Sapiehów, Вильна и Варшава, 1790—1791, 3 тома.

Kozłowski, S., Elekcya królewicza Władysława na tron moskiewski, «Przeglad Powszechny». Краковъ, 1889, XXII—XXIII.

Козубскій, Е., Замѣтки о нѣкоторыхъ иностранныхъ писателяхъ, повѣствовавшихъ о Россіи, «Журн. Мин. Нар. Просв.», май, 1878.

Coxe, W., Trawels, Лондонъ, 1802, 5-ое изданіе, 1 томъ.

Kolaszkowisz, S. Dyariusz pobytu w Moskwie, «Kwartalnik Historyczny», Львовъ, 1894.

Кондратьевъ, А. А., О такъ называемой рукописи патріарха Филарета, «Журналъ Мин. Нар. Просв.», сентябрь, 1878.

Костомаровъ, Н. И., Вступленіе на престолъ Θеодора Іоанновича, «Новое Время», 1880, № 1488.

Костомаровъ, Н. И., Историческія монографіи и изслѣдованія, С.-Петербургъ, 1872—1881, т. I-й и XIII-й.

Костомаровъ, Н. И., Кто былъ Лжедимитрій. С.-Петербургъ, 1864, 1 т.

Костомаровъ, Н. И., Кто былъ Лжедимитрій? «Русская Старина», 1876, XV.

Костомаровъ, Н. И., По вопросу о личности перваго Самозванца, «Голосъ», 1865, №№ 30 и 56; «Русскій Архивъ», 1886, VIII.

Костомаровъ, Н. И., Полемика съ Бѣловымъ объ Угличской драмѣ, «Вѣстникъ Европы», 1873, V.

Костомаровъ, Н. И., Происхожденіе крѣпостного права въ Россіи, «Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній», 1859, II.

Костомаровъ, Н. И., Русская Исторія въ жизнеописаніяхъ, С.-Петербургъ, 1876—1881, I-й томъ.

Костомаровъ, Н. И., Смутное время, С.-Петербургъ, 1868, 3 тома.

Котошихинъ, Г., О Россіи, С.-Петербургъ, 1884, 3-е изданіе, 1 томъ.

Krajewski, Chronologja wojny moskiewskiej, 1613, 1 томъ.

Краевскій, А. А., Борисъ Годуновъ, С.-Петербургъ, 1836 (извлеченіе изъ т. VI «Энциклопедическаго словаря»).

Kronika miasta Sambora, Самборъ, 1881, 1 томъ.

Кубасовъ, смотр. Катыревъ-Ростовскій.

Кулишъ, П. А., Исторія возсоединенія Руси, С.-Петербургъ, 1884, 3 тома.

La Blanque (Jean Cabrols de), Correspondance, Національная библіотека въ Парижѣ, отдѣлъ французскій, 4.117, 15.929, 15.967; напечатана Форстеномъ въ «Акты и письма» I, 218 и слѣд., смотр. Форстенъ.

Laville (Pierre de), Discours sommaire de ce qui est arrivé en Moscovie depuis le règne d'Ivan Vassiliévitch въ «Chronique de Nestor» edit. Paris (см. Paris), Національная библ. Рукописи, французскій отдѣлъ, 15.966.

Lawicki (Отецъ), Дневникъ и переписка его хранятся въ Архивѣ Ватикана, фондъ Боргезе и собраніе П. Пирлинга.

Лавровскій, Н. А., Избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича, С.-Петербургъ, 1852, 1 томъ.

La legende de la vië et de la mort de Démétrius, смотр. Russell.

Латкинъ, В., Земскіе Соборы въ древней Руси, С.-Петербургъ, 1885, 1 т.

Латухинская Степенная книга. Рукопись эту получилъ Карамзинъ отъ купца Латухина; авторомъ былъ, вѣроятно, архимандритъ Тихонъ. Императорская Публичная Библіотека въ Петербургѣ, Рукописи, русское отдѣленіе F. IV, 597.

Левитскій, Н., Гдѣ, когда и кѣмъ былъ обращенъ въ католичество Димитрій, «Кіевская Старина», сентябрь—октябрь 1883.

Левитскій, Н., Игнатій, названный патріархъ Московскій, «Странникъ», октябрь 1881.

~~Левитскій, Н.,~~ Лжедимитрій какъ пропагандистъ католичества въ Москвѣ, «Христіанское Чтеніе», 1885, №№ 5—6, 9—10; 1886, №№ 1—2, 7—8.

Левитскій, Н., Социніанство въ Польшѣ, «Кіевская Старина», апрѣль—май 1882.

Леонидъ (архимандритъ), Польское показаніе о Димитріи Самозванцѣ, «Русскій Архивъ», 1886, III.

Lettera scritta in Arcangelo a di 4 luglio 1605, «Viaggi di Moscovia», смотр. «Viaggi di Moscovia».

Lifftel, S., Gody moskiewskie. Краковъ, 1607 и у Вержбовскаго, «Матеріалы къ исторіи Московскаго государства», смотр. Вержбовскій.

Лиловъ, О зловредныхъ дѣйствіяхъ іезуитовъ въ концѣ XVI и началѣ XVII в. Казань, 1856, 1 т.

Линниченко, И. А., Архивы въ Галиціи, съ извлеченіемъ изъ архива въ Гостынинѣ, «Кіевская Старина», 1889, VIII и X.

Лихачевъ, Н. П., Разрядные Дьяки въ XVI столѣтіи, С.-Петербургъ, 1888, 1 томъ.

Лихачевъ, Н. П., Сборникъ Актовъ, С.-Петербургъ, 1895, 1 т.

Lubienski, S., Opera postuma, Антверпенъ, 1643, 1 томъ.

Львовъ, П., Избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича, С.-Петербургъ, 1812, брошюра.

«Лѣтопись занятій Археографической Комиссіи», IV и X выпуски, С.-Петербургъ, 1868 и 1895.

«Лѣтопись о многихъ мятежахъ» или «Новый Лѣтописецъ», наиболѣе полный текстъ въ VIII-омъ томѣ «Никоновской Лѣтописи»; смотр. «Новый Лѣтописецъ».

М... С., Замѣтка о родѣ князей Шуйскихъ. «Русская Старина», іюль 1896.

Макарій (митрополитъ), Исторія русской церкви, С.-Петербургъ, 1881, X т.

Macouchev, V., Monumenta Historica Slavorum meridionalium, Варшава, 1874 и Бѣлградъ 1882, 2 тома.

Malacrida (Marzio), редакторъ писемъ папы къ польскому нунцію, 1605 и 1609 г., Архивъ Ватикана, Polonia, 173.

Malinowski, M. i Przezdziecki, A., Źródła dla Dziejów Polskich, II-й т. Сборника, начатаго Grabowsk'имъ и Przezdzieck'имъ, смотр. Grabowski i Przezdziecki, Вильна, 1844, 1 томъ.

Margeret, J., Estat présent de l'Empire de Russie, Парижъ, 1854, изд. Chevreul, 1 томъ.

Маркевичъ, А. И., Избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича, «Журн. Мин. Нар. Пр.», сентябрь и октябрь 1891.

Маркевичъ, А. И., Исторія мѣстничества, Одесса, 1888, 1 томъ.

Marchocki, M., Historya wojny moskiewskiej, Познань, 1841, 1 томъ.

Maskewicz, S., Pamiętniki, смотр. Niemcewicz; напечатана также въ «Rerum Rossicarum scriptores exteri», I, и въ русскомъ переводѣ въ «Сказаніяхъ Современниковъ» Устрялова, смотр. Устряловъ.

Massa, J., Исторія войнъ въ Московіи

(на голландскомъ языкѣ) Брюссель, 1866, 2 тома. Два другія изданія: по-латыни «Rerum Ros. script. ext.» II и 2-ое по русски «Сказанія Массы и Геркмана о смутномъ времени въ Россіи», С.-Петербургъ, 1874.

Мельниковъ, П. И., Нижній Новгородъ и его жители въ Смутное время, «Отечественныя Записки», 1843, XXIX.

Мельниковъ, П. И., Нѣсколько новыхъ свѣдѣній о Смутномъ времени, «Москвитянинъ», 1850, XXI.

Merick, J., The russian Impostor, or the History of Moscovia under the usurpation of Boris and the imposture of Demetrius, Лондонъ, 1664; французскій переводъ: «Relation curieuse», смотр. это заглавіе.

Mérimée, P., Épisode de l'histoire de Russie, Le faux Démétrius, Парижъ, 1852, I т.

Mérimée, P., Étude critique sur le livre d'Oustrialow, «Mémoires contemporains relatifs au faux Démétrius», «Journal des Savants», 1852.

Мерцаловъ, А. Е., Преданія о панахъ Смутнаго времени, «Русская Старина», 1883, XXXIX.

Миллеръ, Г. Ф., Портфель (Замѣтки о Борисѣ Годуновѣ и Димитріи) Рукописи въ Главномъ Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ въ Москвѣ.

Милютинъ, И., Минеи, «Русская Ист. Библ.», XIII.

Mniszech, G., Dyariusz, Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, т. II.

Monumenta Livoniae Antiquae, Рига, 1835—1844, 10 томовъ.

Морозовъ (Лѣтопись, называемая Морозовской), Рукопись въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ С.-Петербургѣ, Русское Отдѣленіе F. IV. 228.

Морошкинъ, Іезуиты въ Россіи, С.-Петербургъ, 1867—1870, 2 тома.

«Москвитянинъ», 1840 и слѣд. годы.

Музей Чарторыйскихъ въ Краковѣ, Рукописи, Портфель Нарушевича, IV, 188.

Мухановъ, П., Сборникъ, Москва, 1866, 2 изд., 1 т.

Müller, G. F., Nachricht von den Umstaenden der Erhebung des Zaars Michael Feodorowitsch auf den russischen Thron, «Büschings Magazin», II.

Müller, G. F., Sammlung russischer Geschichte, С.-Петербургъ, 1732—1765, V-ый томъ.

Narratio brevis eorum quae... acta sunt Romae a natione Polona ob insignam victoriam ex Moschis, 1611, брошюра.

Narratio succincta de adversa et prospera fortuna Demetrii, въ сборникѣ Вихмана, смотр. Wichmann, русскій переводъ: «Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древности», 1875, III.

Naruszewicz, A., Historya Jana Karola Chodkiewicza, смотр. Bobrowicz, Życia sławnych Polaków, I—II.

Naruszewicz, A., Портфель его, Музей Чарторыйскихъ, IV, 188.

Національная библіотека въ Парижѣ: Французское отдѣленіе, №№ 4.117; 15.929; 15.966—7; 16.936. Собраніе Дюпюи, т. 158.

Neuwe Zeutungk wie die Polnischen Gesandten anno 1600 ihnn die Moschkauw abgezogen, 1600. Находится въ библіотекѣ въ Вольфенбюттелѣ, краткое изложеніе у Adelung, «Uebersicht der Reisenden», II, смотр. Adelung.

Niemojewski, S., Pamiętnik (1606—1608), wydał A. Hirschberg, Львовъ, 1899, 1 т.

Niemcewicz, I. U., Dzieje panowania Zygmunta III-go, Варшава, 1819, 2 тома.

Niemcewicz, I. U., Zbiór Pamiętników do dziejów starodawnej Polski, Варшава и Лейпцигъ, 1838—1839, 4 тома.

Niesiecki, K., Herbarz, изд. Bobrowicz'a, Лейпцигъ, 1838—1846, 10 томовъ.

«Нижегородская лѣтопись», изд. Гацискаго, Нижній Новгородъ, 1886, 1 т.

Николаевскій, П., Учрежденіе па-

тріаршества въ Россіи, С.-Петербургъ. 1880, 1 т.

«Никоновская лѣтопись», С.-Петербургъ, 1767—1792, 8 томовъ.

Nowakowski, F., Źródła do Dziejów Polski, Берлинъ 1840, 2 тома.

«Новая Повѣсть о престаромъ россійскомъ царствѣ», приписываемая Григорію Елизарову, «Русск. Истор. Библ.» XIII.

«Новая Россія», 1876.

«Новгородскія Лѣтописи», С.-Петербургъ, 1879, 1 томъ.

Nowiny z Moskwy, Ягеллоновская библіотека въ Краковѣ, Рукоп. 102. «Новое Время» 1910, №№ 12406, 12413 и сл.

«Новый Лѣтописецъ», изданный въ трехъ различныхъ редакціяхъ: 1) отдѣльно, подъ заглавіемъ «Лѣтопись о многихъ мятежахъ», С.-Петербургъ, 1771 и Москва 1788, смотр. это заглавіе; 2) во «Временникѣ Исторіи и Древности», изд. князя Оболенскаго, 1853, XVII; 3) первоначальный текстъ находится въ такъ называемой «Никоновской Лѣтописи», см. это заглавіе.

Оболенскій, князь М. А., Сборники, Москва, 1838—1859, XIII-ый выпускъ.

Olesnicki i Gasiewski, Dyariusz drogi Posłów... изд. Raczyńsk'аго, см Raczyński.

Opisanie wzięcia Smolenska, 1612, Библіотека Оссолинскихъ, Рук. № 231.

Orzelski, S., Bezkrólewia Ksiag ośmioro, С.-Петербургъ и Могилевъ, 1856, 3 тома. Польскій переводъ Спасовича. Подлинникъ (Interregni Poloniae libri VIII) еще не изданъ, рукописи его находятся въ библіотекѣ Оссолинскихъ во Львовѣ и въ другихъ архивахъ.

«Отечественныя Записки», Москва, 1843 и слѣд. года.

Отрывки дневника польскаго сейма 1605 года, «Русс. Истор. Библ.», I-й томъ.

Отрывки изъ лѣтописнаго Сборника, Новгородскія Лѣтописи, С.-Петербургъ, 1879, 1 томъ.

Павловъ, П., Объ историческомъ значеніи царствованія Бориса Годунова, С.-Петербургъ, 1863, 1 томъ.

Павловъ, П., О нѣкоторыхъ Земскихъ Соборахъ шестнадцатаго и семнадцатаго вѣка, «Отечествен. Записки» 1859, I.

Павловъ, смотр. Бицынъ.

Палицынъ, А., Сказаніе о осадѣ Троицкаго Монастыря, Москва, 1822, 2-ое изд. (Перепечатано во 2-омъ изд. XIII т. Русск. Ист. Библ. и въ видѣ отдѣльнаго оттиска). Первыя шесть главъ въ иной редакціи напечатаны въ «Русск. Ист. Биб.», XIII.

«Памятники дипломатическихъ сношеній», С.-Петербургъ, 1852—1871, 10 томовъ.

«Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго Государства съ Англіею», «Сборникъ Истор. Общества», XXXVIII, смотр. это заглавіе.

Paris, L., La Chronique de Nestor... accompagnée... d'un recuille de pièces inédites, Парижъ, 1834, 2 тома.

Peer Persson (Petreius de Erlesunda), Gewisser und wahrhaftiger Bericht von den Veraenderungen... in dem Grossfürstentumb Moscow, «Rerum rossic. scriptores exteri», I.

Peregrinus, Въ поискахъ о Димитріи Самозванцѣ, «Новое Время», 14 апр. 1899 г. № 8. 308.

Peyerle, H. G., Beschreibung der Moscoviterischen Rayss... 1606—1608, «Geschichtsforscher», изд. Мейзеля, 1777—1778, V—VI. Русскій переводъ (неполный) въ «Сказаніяхъ» Устрялова, смотр. Устряловъ.

Пекарскій, П. П., Извѣстія о молодыхъ людяхъ, отправленныхъ Борисомъ Годуновымъ за границу, «Записки Академіи Наукъ», XI.

Pielgrzymowski, E., Poselstwo Lwa Sapiehi do Moskwy 1600 roku, изд. Трембицкаго, Гродно, 1846, 1 т.

Перетятковичъ, Г. И., Поволожье въ пятнадцатомъ и шестнадцатомъ вѣкѣ, Москва, 1877, 1 т.

Petreius, смотр. Peer Persson.

Пирлингъ, П., Изъ Смутнаго Времени, С.-Петербургъ, 1902, 1 т.

Pierling, P., La Russie et le Saint Siège, Парижъ, 1901, III-й томъ.

Pierling, P., Lettre de Dimitri dit le faux au Pape Clément VIII, Парижъ, 1898.

Пирлингъ, П., Марина Мнишекъ послѣ майскаго погрома, С.-Петербургъ, 1903 (отд. оттискъ изъ «Русской Старины»).

Пирлингъ, П., Названный Димитрій и Адамъ Вишневецкій, «Русск. Стар.», январь 1904.

Пирлингъ, П., Николай де Мелло Гишпанскія Земли чернецъ, С.-Петербургъ, 1903 (отд. оттискъ изъ «Русск. Старины»).

Pierling, P., Papes et Tsars, Парижъ, 1890, I т.

Pierling, P., Rome et Démétrius, Парижъ, 1878, 1 т.

Pierling P., Un manuscrit du Vatican sur... Dimitri, «Revue des Questions Historiques», Парижъ, октябрь 1894.

Платоновъ, С. Ѳ., Древнерусскія сказанія и повѣсти о Смутномъ времени, С.-Петербургъ, 1888, 1 т.

Платоновъ, С. Ѳ., Замѣтки по исторіи Земскихъ Соборовъ, «Журн. Мин. Нар. Пр.», мартъ 1883.

Платоновъ, С. Ѳ., Новая Повѣсть о Смутномъ времени, «Журн. Мин. Нар. Пр,», январь 1886.

Платоновъ, С. Ѳ., Очерки по исторіи Смуты, С.-Петербургъ, 1899, 1 т.

Платоновъ, С. Ѳ., Сказаніе о Самозванцѣ, С.-Петербургъ, 1895, брошюра.

«Плачъ о плѣненіи Московскаго Государства», «Рус. Ист. Библ., т. XIII.

«Повѣсть како восхити царскій престолъ... Борисъ Годуновъ», сокращеніе «Иного Сказанія», смотр. это заглавіе.

«Повѣсть о нѣкой брани належащей на благочестивую Русь», «Русск. Ист. Библ.». XIII.

«Повѣсть о разореніи Московскаго государства и всея Россійскія Земли», изд. Попова «Чтенія въ Общ. Истор. и Древн., 1881, I.

«Повѣсть о убіеніи царевича Димитрія», изд. Бычкова, «Чт. въ Общ. Ист. и Др.», 1864, IV.

«Повѣсть 1606 года», смотр. «Иное Сказаніе».

«Повѣсть 1607 года о перенесеніи мощей царевича Димитрія въ Москву», вошло въ составъ «Иного Сказанія», смотр. это заглавіе.

«Повѣсть о чудесныхъ видѣніяхъ въ Нижнемъ Новгородѣ и во Владимірѣ», «Русск. Ист. Библ.», XIII.

Погодинъ, М. П., Борьба не на животъ, а на смерть съ новыми историческими ересями, Москва, 1874, 1 т.

Погодинъ, М. П., Должно ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостного права, «Русская Бесѣда», 1838, IV. (Полемика съ Костомаровымъ), смотр. «Архивъ Историческихъ и практич. свѣдѣній» изд. Калачева, 1859, I и III.

Погодинъ, М. П., Историческіе отрывки, Москва, 1846, 1 т.

Погодинъ, М. П., Нѣчто объ Отрепьевѣ, «Московскій Вѣстникъ», 1829, III.

Погодинъ, М. П., Статьи о Сусанинѣ, «Гражданинъ», 1872, № 29 и 1873, № 47.

Подлинникъ переписки Димитрія съ Мариной, 1604—1610, Главный Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ въ Москвѣ.

Полевой, Н., Вступленіе на престолъ Михаила Ѳеодоровича, «Библіотека для чтенія», іюль 1834.

«Полное собраніе русскихъ лѣтописей», С.-Петербургъ, 1841—1889, 16 томовъ.

Поповъ, А. Н., Изборникъ славянскихъ и русскихъ сочиненій, внесенныхъ въ Хронографы русской редакціи, Москва, 1869, 1 т.

Поповъ, А. Н., Обзоръ хронографовъ русской редакціи, Москва, 1866, 1 т.

«Псковскія Лѣтописи», «Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей», тт. IV-й и V-й.

~~Пташицкій, С.,~~ Письмо перваго Самозванца къ папѣ Клименту VIII, «Извѣ-

стія Отдѣленія русскаго языка Академіи Наукъ», Литературное Отдѣленіе, 1899, 2-й выпускъ.

Пыляевъ, М. И., Историческіе колокола, «Историческій Вѣстникъ», октябрь 1890.

Пыпинъ, А. Н., Иноземцы въ Московской Россіи, «Вѣстникъ Европы», 1888, I.

Piasecki (Павелъ, епископъ премысльскій), Chronica gestorum in Europa singularum, Краковъ 1645. Польскій переводъ, Краковъ, 1870, 1 т. Выдержки напечатаны въ русскомъ переводѣ въ «Русскомъ Архивѣ», 1886, XI и въ «Памятникахъ древней письменности, С.-Петербургъ, 1887, 1 т.

Raczyński, E., Maryna Mniszech, (отрывокъ) «Lwowianin», 1841.

Ratczyński, E., Poselstwo od Zygmuna III do Dymitra Iwanowicza cara Moskiewskiego и «Дневникъ Путешествія», Бреславль, 1837, 1 т.

Relation curieuse de l'état présent de l'empire de Russie et Histoire des révolutions de Moscovie, Парижъ, 1679; французскій переводъ книги Дж. Мерика, смотр. Merick.

Relazione del acquisto di Smolensco, Венеція, 1612.

Rerum Rossicarum Scriptores exteri, С.-Петербургъ, 1851—1868, 2 тома.

«Rzeź w Moskwie», смотр. Russell.

Ровинскій, Д. А., Подробный Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ, С.-Петербургъ, 1866—1887, 2 тома.

Rogberg, La campagne de Charles IX en Livonie en 1600, Упсала, 1859, 1 т.

Рождественскій, С. В., Изъ исторіи секуляризаціи монастырскихъ вотчинъ, «Журналъ Мин. Нар. Просв.», май 1895.

Рождественскій, С. В., Царь Василій Ивановичъ Шуйскій и бояре, «Историч. Обозрѣніе», С.-Петербургъ, 1892.

Rocca (F. de), Les Assemblées politiques dans la Russie ancienne, Парижъ, 1899, I т.

Rostovski, S., Lituanicarum Societatis Jesu Historiarum Libri decem, изд. Мартынова, Парижъ, 1877, 1 т.

~~Ростопчинъ (графъ А.)~~, Три записки временъ Лжедимитрія, С.-Петербургъ, 1862, 1 т.

Румянцевскій Музей въ Москвѣ, Рук. Хронографъ, № 457.

Russell, W., The reporte of a bloodie and terrible massacre in the citty of Mosco, Лондонъ, 1607, французскій переводъ: «La légende de la vie et de la mort de Dimitri», Амстердамъ, 1606; польскій переводъ: «Rzeź w Moskwie», Познань, 1858, съ документами 1 т.

«Русская Историческая Библіотека», С.-Петербургъ, 1872—1897, 16 томовъ.

«Русская Старина», по мѣрѣ выхода въ свѣтъ.

«Русскій Архивъ», по мѣрѣ выхода въ свѣтъ.

Russia at the close of the XVI c., Лондонъ, 1856, 1 т.

Rywocki, J., Idea magni herois, seu illustrissimus Dominus D. Leo Sapieha, Palatinus Viln..., рукоп. въ Император. Публичной Библ. въ Петербургѣ, отдѣленіе латинскихъ кн. O. IV. 16.

Самариновъ, В. А., Памяти Ивана Сусанина, Кострома, 1882, брошюра.

Sapieha, J. P., Dziennik, изд. Гиршбергомъ въ «Polska a Moskwa», смотр. Hirschberg.

Sapieha (Życie J. P. Sapiehi), изд. Когновицкаго смотр. Kognowicki, Życia Sapiehów, 3 т. 1790.

Sapiehowie..., С.-Петербургъ, 1890, I-й т.

«Сборникъ Императорскаго Общества Русской Исторіи», по мѣрѣ изданія, т. XXXVIII.

«Сборникъ лѣтописей къ Исторіи Южной и Западной Россіи», Кіевъ, 1888, I т.

«Сборникъ матеріаловъ по исторіи предковъ Михаила Ѳеодоровича Романова», С.-Петербургъ, 1898, I часть I т.

Swiatkiewicz, A., Послѣдній приступъ къ Смоленску, «Kwartalnik Historyczny, Львовъ, 1892, I.
Секретные архивы Вѣны: Донесенія и замѣтки Babкоча, донесенія графа Дона, 1588—1597.
Секретные Архивы Копенгагена: Рукопись F. N. Hertog Hans... Reyse att Rysland, anno 1602.
Сергѣевичъ, В. И., Земскіе соборы въ Москвѣ, «Сборникъ государственныхъ знаній», изд. Безобразова, С. Петербургъ, 1875, 2-й томъ.
Сергѣевичъ, В. И., Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права, С. Петербургъ, 1894, I т.
Середонинъ, С. М., Сочиненія Джильса Флетчера, С.-Петербургъ, 1891, 1 т.
«Сказаніе о Гришкѣ Отрепьевѣ», «Рус. Ист. Библ.», XIII т.
«Сказаніе о поставленіи на патріаршество Филарета Никитича», «Акты Ист.» Дополненіе, II.
«Сказаніе и повѣсть, еже содѣяся, о царственномъ градѣ Москвѣ и о разстригѣ Отрепьевѣ», «Русская Истор. Библ.», т. XIII.
«Сказаніе о царствѣ Θеодора Ивановича», «Русск. Ист. Библ.», т. XIII.
Скворцовъ, Д., Діонисій Зобниновскій, архимандритъ Троицкой лавры, Тверь, 1890, 1 т.
«Scriptores Rerum Polonicarum», Краковъ, т. VII, 1881; т. X, 1886; т. XIV, 1889; т. XVII, 1899.
Смирновъ, Патріархъ Филаретъ, «Чтенія Общ. Любителей Просвѣщенія», февраль 1874.
Smith, T. Voyage and entertainement in Russia, Лондонъ, 1609, 1 т. Русскій переводъ Болдакова, С.-Петербургъ, 1893. (Вѣроятно, это донесеніе было составлено по разсказамъ посланника G. Wilkins'омъ. Два другія донесенія объ этомъ путешествіи были изданы въ собраніи Purchas'a. «The Pilgrimes», Лондонъ, 1613, т. III и «Milton's Description of Moscovia», 1682).
Снѣгиревъ, И., Памятники Московской Древности, Москва, 1842—1845, I томъ.
Sobieski, W., Szkice Historyczne, Варшава, 1904, 1 т.
«Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ», Москва, 1813–1894, 5 том.
Sokolowski, A., Stadnicki Djabel, «Ateneum» Варшава, 1883, IV.
Solicovski, I. (Sulicovius), Commentarius brevis rerum polonicarum, Данцигъ, 1647, 1 томъ.
Соловьевъ, С. М., Исторія Россіи, изд. 1861 года, VII, VIII и IX т.
Соловьевъ, С. М., Обзоръ событій русской исторіи, «Современникъ», 1848, I—IV.
Соловьевъ, С. М., Статья о Сусанинѣ, «Наше Время» 1862.
Stadnicki, M., Djariusz, рук. въ Библіотекѣ Баворовскихъ.
Столяровъ, Хронографъ или Столяровскій списокъ, «Изборникъ» Попова, смотр. Поповъ.
Strahlenberg, P. J., Das Nord- und Oestliche Theil von Europa und Asia, Стокгольмъ, 1730, 1 т.
Строевъ, П. М., Хронологическое указаніе матеріаловъ отечественной исторіи, «Журналъ Мин. Нар. Просв.», январь 1834.
Суворинъ, А. С., Статьи о Димитріи и полемика съ Иловайскимъ, «Новое Время», 1894, №№ 6.537, 6.540, 6.559, 6.563, 6.565.
Сугорскій, И. Н., Сношенія съ Персіей при Борисѣ Годуновѣ, «Русскій Вѣстникъ», 1890, т. X.
Татищевъ, В. Н., Мемуары, рукоп. «Портфель Миллера» въ Главномъ архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ въ Москвѣ.
Tatomir, Лжедимитрій и Марина Мнишекъ, «Strzecha», Варшава, 1870.
Татищевъ, В. Н., Судебникъ, С.-Петербургъ, 1768, I т.
Tegner, E., L'alliance russo-suédoise sous Charles IX, Лундъ, 1865, I т.
Theiner, A. Vetera Monumenta Poloniae et Lithuaniae, Римъ, 1860—1864, 4 тома.

Терновскій, В., Изученіе Византійской исторіи, Кіевъ, 1896, 2 тома.
«The russian impostor», смотр. Merick.
Тимофеевъ, И., Временникъ, «Рус. Ист. Библ.», XIII.
Тимощукъ, В. Н., Критическіе очерки о Димитріи и о Смутномъ времени, «Русская Старина», январь, іюль и ноябрь, 1899.
Толстой, Г. В., Первыя сорокъ лѣтъ сношеній между Россіей и Англіей, С.-Петербургъ, 1875, 1 т. (Подзаглавіе England and Russia).
Tolstoi, D. A., Le catholicisme romain en Russie, Парижъ, 1863—1864, 2 т.
Трачевскій, А., Русская Исторія, С.-Петербургъ, 1895, 2-ое изд., 1 т.
Трачевскій, А., Учебникъ Русской Исторіи, С.-Петербургъ, 1885, 1 т.
Trębicki, W., Poselstwo Lwa Sapiehi w r. 1600 do Moskwy, Гродно, 1846, 1 т.
«Труды Общества Исторіи и Древности», Москва, 1837.
Thou (I. A. de), Historiarum libri CXXXVIII. Французскій переводъ: Histoire universelle, La Haye, 1740, X.
Тулуповъ, Г., Минеи, отрывокъ «Русская Ист. Библ.», XIII.
Тургеневъ, А. И., Historica Russiae Monumenta, С.-Петербургъ, 1841, 2 тома и Дополненіе, С. Петербургъ, 1848, 1 т.
Turkawski, M., Wesele Maryny Mniszech, «Przegląd Lwowski», 1882—1883, XXIV—XXV.
Turkawski, M., Dymitr Carewicz w Polsce, «Przeglad Lwowski», 1881—1882, XXIII—XXIV.
Turski, I., Maryna Mniszech, Краковъ, 1860, I т.
Успенскій, Ѳ. И., Сношенія Рима съ Москвою, «Журн. Мин. Нар. Пр.», сентябрь—октябрь 1884.
Устряловъ, Н., Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ, С.-Петербургъ, 1859, 2-ое изд., 2 тома.
F. N., Hertog Hans... Reyse att Rysland anno 1602, рукоп., Секретные архивы Копенгагена.
Fiedler, Beziehungen Oesterreichs zu Russland in den Jahren 1584—1598, «Almanach der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften», Вѣна, 1866.
Филаретъ, Изслѣдованія о смерти царевича Димитрія, «Чтенія въ Общ. Ист. и Древн.», 1858, I.
Рукопись Филарета, митрополита Московскаго и всея Россіи. Напечатана въ «Сборникѣ Муханова», смотр. Мухановъ.
Fletcher, G., A treatise of Russia, въ «the Pilgrimes», Лондонъ, 1613, т. III-ій.
Fletcher, G., Of the Russe Common Wealth, въ «Russia at the Close of the XVI c.», Лондонъ, 1856, I т. Переведено: О государствѣ русскомъ, соч. Флетчера, 3-ье изд., С.-Петербургъ, 1906.
Vockerodt, J. G., Russland unter Peter dem Grossen, изд. Herrmann'а, Лейпцигъ, 1872, 1 т. Русскій переводъ въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ Ист. и Древн.», 1874, II.
Форстенъ, Г. В., Акты и письма къ Исторіи Балтійскаго вопроса, С.-Петербургъ, 1889—1893, 2 тома.
Форстенъ, Г. В., Архивныя занятія, «Журналъ Мин. Нар. Пр.», іюнь, 1887.
Форстенъ, Г. В., Балтійскій вопросъ въ XVI и XVII вв., С.-Петербургъ, 1893, 2 тома.
Форстенъ, Г. В., Политика Швеціи въ Смутное время, «Журналъ Мин. Нар. Пр.», февраль, 1889.
Хвалибогъ, Повѣсть о смерти Димитрія, напечатана Чумиковымъ во «Временникѣ Общества Исторіи и Древн.», 1855, XXIII.
Шейнъ, П. В., Замѣтки о Димитріи, «Русская Старина», 1874, I.
Хворостининъ (князь Иванъ Андреевичъ), Повѣсть («Словеса дней и царей»), «Русск. Истор. Библ.», т. XIII.
Хилковъ (князь), Сборникъ, С.-Петербургъ, 1879, 1 томъ.
Хмыровъ, Избраніе и вступленіе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова, С.-Петербургъ, 1885, 1 томъ.

Chodkiewicz, I. C. (его исторія), безыменнаго автора, Варшава, 1781, 2 тома.

Хронографы второй и третьей редакціи, въ «Изборникѣ» Попова, смотр. Поповъ.

Хронографъ, называемый Ельнинскимъ, «Никоновская лѣтопись», VIII, 174 (включеніе).

Хронографъ Румянцевскаго Музея, № 457.

«Художественныя Новости», 1889, VI, и по мѣрѣ выхода въ свѣтъ.

Цвѣтаевъ, Д., Марія Владиміровна и князь Магнусъ Датскій, «Жур. Мин. Нар. Пр.», мартъ, 1878.

Цвѣтаевъ, Д., Изъ исторіи брачныхъ дѣлъ, Москва, 1884, 1 т.

Цвѣтаевъ, Д., Изъ исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи, Москва, 1886, 1 т.

Цвѣтаевъ, Д. Царь Василій Шуйскій и мѣсто погребенія его въ Польшѣ, дополненіе къ готовящемуся труду, Варшава, 1901—1902, 2 тома.

Ciampi, Bibliografia critica, Флоренція, 1834—1841, 3 тома.

Ciampi, I., Esame critico con documenti inediti della storia di Demetrio di Iwan Wassiliéwitch, Флоренція, 1827, 1 томъ.

Cilli, A. Istoria delle sollevazioni... in Polonia gli anni... 1606—1608, Пистойя, 1627, 1 т. и Дополненіе: Istoria di Moscovia.

Чичеринъ, Б. Н., О народномъ представительствѣ, С.-Петербургъ, 1899, 1 т.

«Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древности», Москва, 1858 и слѣд. года.

Шаховской, кн. С. И., Домашнія Записки, «Московскій Вѣстникъ», 1835, V.

Шаховской, кн. С. И., Повѣсти, Рус. Истор. Библ., т. XIII-ый.

Schleker (D. L.), Reisebericht der Hansischen Gesandschaft von Lubeck nach Moskau... in Jahre 1603, «Hansische Geschichtsblätter», 1888.

Schmidt (Christophe, наз. Phiseldeck), Materialien zu der Russischen Geschichte, Рига и Франкфуртъ, 1772—1778, 5 томовъ.

Szujski, J., Maryna Mniszech, Сочиненія, Краковъ 1885, 2-ая серія, т. V.

Szujski, J., Исторія Польши, Сочиненія, Краковъ 1894, III-й т.

Щаповъ, Великорусскія области въ Смутное время, «Отечественныя Записки», 1861, XI.

Щепкинъ, Н., Wer war Pseudo-Demetrius I, «Archiv für Slavische Philologie», изд. Ягича, Берлинъ, 1898—1900, XX—XXII.

Щепкинъ, Е. Н., Политика Папскаго Престола въ Смутное время, Москва, 1901, 1 т.

Щербатовъ, кн. М., Исторія Россійская, С.-Петербургъ, 1790—1791, т. VII-ой.

Щербачевъ, Ю. И., Русскіе Акты въ Копенгагенскихъ Архивахъ, «Рус. Истор. Библ.», 1897, XVI-ый томъ.

Щукинъ, П. И., Сборникъ старинныхъ бумагъ въ Музеѣ Щукина, Москва, 1899, 5-ая часть, 1 т.

Ягеллоновская Библіотека въ Краковѣ: Рукописи, 109.

Юшковъ, смотр. Акты Юшкова.

